This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

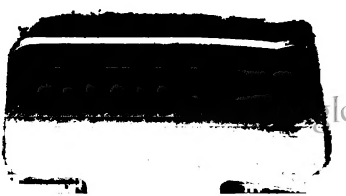
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

I. N. Potapenko.

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Святое искусство. — Потѣшная исторія.—Здравыя понятія.—Никогда!

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ», ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 113.
1891.

Digitized by Google

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ".

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Бекономъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггеръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Т. Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Эдисонъ, Эразмъ, и др.

836
Р859
100

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Бэръ, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ будетъ посвящатся особая книжка, заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 страницъ текста и портретъ.

Цѣна каждой книжки—25 к. *Все изданіе будетъ закончено втеченіе двухъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году.*

Дозв. ценз. СПБ., 8 Декабря 1890 г. Тип. газ. „Новости", Екатер. к., 118.

Digitized by Google

PG 3470
P63 A15
1891
v.1-2
MAIN

836
P859
40v

СВЯТОЕ ИСКУССТВО.

420286

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

СВЯТОЕ ИСКУССТВО.

ПОВѢСТЬ.

I.

Тускло горѣли фонари на платформахъ Николаевскаго вокзала. Съ правой стороны разсѣянно бродили жиденькія кучки встрѣчающей публики. Артельщики сонно сидѣли на чугунныхъ скамейкахъ, отъ времени до времени презрительно посматривая на публику. Въ публикѣ преобладалъ приказчикъ, чиновникъ, не достигшій чина титулярнаго совѣтника, купчиха не выше третьей гильдіи, студентъ въ жиденькомъ пальто рыжаго цвѣта и въ поярковой шляпѣ и всякаго рода пролетарій. Было около десяти часовъ вечера; ожидался пассажирскій поѣздъ, въ коемъ особенно чистой публики, какъ извѣстно, не полагается. Поэтому и артельщики смотрѣли свысока и фонари горѣли какъ-то нехотя, какъ-бы снисходя къ слабостямъ человѣческимъ.

Изъ публики выдѣлялся господинъ небольшого роста въ сѣромъ пальто съ воротникомъ изъ какого-то желтоватаго мѣха — весьма подозрительнаго качества, въ фуражкѣ съ кокардой министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, выдѣлялся онъ только тѣмъ, что ходилъ въ-одиночку мелкими шажками, и еще тѣмъ, что, несмотря на обильно падавшій влажный снѣгъ, предпочи-

Digitized by Google

талъ прогулку въ томъ мѣстѣ платформы, гдѣ нѣтъ навѣса. Снѣгъ хлопьями ложился на желтый воротникъ его пальто и на форменную фуражку и тутъ-же таялъ немедленно. Господинъ этотъ имѣлъ рябоватое смуглое лицо, маленькіе темные и быстрые глазки и жиденькую бородку смолистаго цвѣта. Онъ часто посматривалъ на свои часы — мѣдные никелированные часы большихъ размѣровъ съ открытымъ циферблатомъ, — и на лицѣ его выражалось недоумѣніе. Недоумѣвалъ онъ не потому, чтобы поѣздъ обманулъ его надежды — опозданія не ожидалось вовсе, а потому что самый фактъ пребыванія его здѣсь, на платформѣ Николаевскаго вокзала, казался ему недостаточно мотивированнымъ. „Какого чорта не видалъ онъ здѣсь“? — мысленно спрашивалъ себя господинъ въ министерской фуражкѣ и, остановившись у фонаря, вынулъ изъ кармана пальто телеграмму и прочиталъ въ шестой разъ: „Ѣду всѣмъ семействомъ. Встрѣчай. Приготовь помѣщеніе. Сергѣй Степовицкій“. Прочитавъ, онъ пожалъ плечами и бросилъ вопросительный взглядъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ вдали блеснула красная точка и послышался гулъ. Публика стала подходить къ краю платформы и заглядывать вдаль. Поѣздъ яснѣе и яснѣе обозначался на темномъ фонѣ петербургской ночи, свисталъ и шипѣлъ и, наконецъ, почти беззвучно вплылъ подъ навѣсъ.

Господинъ въ министерской фуражкѣ внимательно глядѣлъ разомъ на всѣ площадки вагоновъ третьяго класса, но безуспѣшно. На платформу вываливалась публика полусонная,—очевидно, только-что проснувшаяся,— безъ шуму и почти безъ суеты. Артельщики небрежно вытаскивали большею частью истертые и испачканные чемоданы. Онъ уже готовъ былъ съ досадой повернуть домой, въ полной увѣренности, что надъ нимъ подшутилъ нѣкогда веселый школьный товарищъ. Въ это время изъ вагона на платформу съ шумомъ вылетѣлъ узелъ, потомъ чемоданъ, затѣмъ появилась дамская фигура въ какомъ-то

Digitized by Google

странномъ пальто яркаго цвѣта; она вела за руки двухъ ребятъ, — повидимому, дѣвочекъ лѣтъ шести-семи; лицо ея было почти совершенно закутано въ платокъ. Она тотчасъ обернулась и промолвила звучнымъ грднымъ голосомъ: „Осторожнѣй, Сережа! Не разбуди его!“ Потомъ крикнула артельщика. „Ну, это они и есть!“ — подумалъ господинъ въ министерской фуражкѣ, и ему сдѣлалось ужасно досадно. „Пріѣхалъ таки! Значитъ, это не шутка!“ — размышлялъ онъ и подошелъ къ дамѣ.

— Г-жа Степовицкая? — прямо спросилъ онъ ее.

— Ахъ! Вы, должно быть, Рябининъ, Ѳедотъ Семенычъ? — спросила въ свою очередь дама и, не дожидаясь отвѣта, крикнула по направленію къ вагону: — Сережа! здѣсь господинъ Рябининъ!

Рябининъ вскочилъ на платформу и хотѣлъ войти въ вагонъ, но въ это время оттуда медленно высунулся мужчина съ ребенкомъ на рукахъ, тщательно закутаннымъ въ теплое одѣяло.

— Тсс!.. Не разбуди инфанта! — съ улыбкой промолвилъ мужчина и комически протянулъ къ нему лицо съ вытянутыми губами. Они поцѣловались.—Ну, спасибо, что пришелъ. Иначе мы погибли-бы въ семъ новомъ Вавилонѣ! И помѣщеніе есть?

— Будь покоенъ! Неважное, но есть! Здѣсь не далеко, на Гончарной!

— На Гончарной, такъ на Гончарной! Это для меня пустой звукъ! Знаю, что есть Невскій проспектъ и Казанскій соборъ, больше ничего не знаю! Жена моя и дщери!..— отрекомендовалъ онъ, но здороваться было некогда. Рябининъ тащилъ уже чемоданъ, сдавъ артельщику огромный узелъ. Размѣстились въ двухъ саняхъ. Госпожа Степовицкая помѣстилась съ дѣвочками, Рябининъ занялъ мѣсто съ пріѣзжимъ пріятелемъ, который продолжалъ бережно держать на рукахъ ребенка.

— Не ожидалъ? А? — спрашивалъ онъ по дорогѣ. Онъ былъ очень торжественно настроенъ и его красивое смуглое лицо постоянно озарялось чуть-чуть лукавой

Digitized by Google

улыбкой, какъ будто онъ зналъ очень пикантную тайну. Рябининъ, сидя рядомъ съ нимъ, казался жалкимъ пигмеемъ. Пріятель его былъ почти высокаго роста и плечи имѣлъ широкія, и грудь здоровую, выпуклую. Лицо его—цвѣтущее, хорошо вскормленное—дышало величайшимъ довольствомъ. „Съ чего это онъ?“—размышлялъ Рябининъ, кутаясь въ желтый воротникъ своего поношеннаго пальто:—„даже противно!“—добавилъ онъ съ гадливой улыбкой. Онъ никакъ не могъ понять, какъ это человѣкъ въ положеніи его пріятеля можетъ сіять, да и не любилъ онъ вообще выраженія самодовольства.

— Не ожидалъ?—повторилъ свой вопросъ Степовицкій.

— Разумѣется, не ожидалъ!—почти сердито отвѣтилъ петербуржецъ.

— Я, братъ, самъ не ожидалъ!—пояснилъ Степовицкій,—сидѣлъ себѣ смирно въ богоспасаемомъ градѣ Нелѣповцѣ и мало-по-малу закисалъ въ званіи надзирательскомъ. Мнилъ, что лѣтъ черезъ пятокъ окончательно закисну, и вдругъ...

— Что-же такое случилось?—сердился Рябининъ.

— Ха! Случилась, братъ, штука!—продолжалъ Степовицкій, очевидно, намѣренно интригуя пріятеля.—Гордись, чиновникъ министерскій, рядомъ съ тобой сидитъ восходящее свѣтило!.. ха, ха, ха!..

Рябининъ пожалъ плечами. „Какимъ, однако, шутомъ сдѣлала его жизнь!“—мрачно подумалъ онъ. Однако, въ словахъ пріятеля онъ нашелъ нѣчто тревожное. Зная еще со школьной скамьи Степовицкаго, какъ человѣка легко увлекающагося, онъ предположилъ и здѣсь крупное и, можетъ быть, роковое увлеченіе,

— На какомъ-же поприщѣ, смѣю спросить?—предложилъ онъ вопросъ.

— На поприщѣ литературномъ, Ѳедотъ Семенычъ! Да-съ! Чего вытаращилъ глаза! Не вѣришь? Я самъ, братъ, не вѣрилъ!—Рябининъ дѣйствительно не вѣрилъ. Онъ былъ изумленъ до послѣдней степени. Теперь онъ

Digitized by Google

вспомнилъ, что еще въ школѣ Степовицкій обнаруживалъ влеченье къ писанію стиховъ. Тогда изъ этого ничего не выходило. Стихи были плоховаты. Потомъ эта „дурь“ вышла у него изъ головы; онъ лѣтъ уже десять какъ женился и сталъ скромно надзирательствовать въ нелѣповецкой прогимназіи, въ той самой, которая была ихъ общею alma mater. И вдругъ такія рѣчи!.. Нѣтъ, тутъ что-то роковое, непремѣнно роковое!

— Вотъ оно что!?. Откуда-же это у тебя такой талантъ вдругъ проявился?..

— Не вдругъ! Я, вѣдь, всегда имѣлъ склонность... Самъ знаешь!.. Бумаги на своемъ вѣку страсть сколько измаралъ!.. Прежде стихи писалъ — неудачно; не мой жанръ. Понимаешь? Тургеневъ, вѣдь, тоже началъ стихами, а потомъ бросилъ...

— Такъ то-жь Тургеневъ!..—Рябининъ уже совсѣмъ разозлился.

— Ну, да! Тургеневъ!.. А я—Степовицкій Сергѣй. И меня, и его родила женщина и совершенно одинаковымъ способомъ!.. Такъ вотъ, говорю, стихи писалъ, бросилъ; навалялъ повѣсть, послалъ въ редакцію и... Нѣтъ, я лучше тебѣ письмо покажу!..

— Какое письмо?

— Письмо отъ господина редактора! Тамъ, братъ, все найдешь по адресу Степовицкаго: новизна сюжета, сила выраженія, искренность, теплота... всякая штука...

— Любезный человѣкъ, должно быть, этотъ редакторъ!

— Фу, ты, скептикъ какой! У васъ тутъ всѣ такъ? Деньги, братецъ, впередъ прислалъ. Давайте, говоритъ, намъ побольше такого добра!.. Я взялъ да и бросилъ надзирательство! Чортъ съ нимъ! Скука смертная!.. Стану я... Ну, а ты какъ поживаешь? Все тянешь лямку?..

Вопросъ былъ предложенъ нѣсколько свысока, но Рябининъ не имѣлъ времени отвѣчать.

Они пріѣхали.

Digitized by Google

Рябининъ стащилъ вещи въ меблированныя комнаты, помѣщавшіяся во дворѣ въ четвертомъ этажѣ.

— Фу, ты, высь какая! — задыхался Степовицкій, подымаясь по лѣстницѣ, а его супруга едва переводила духъ. Это съ непривычки. Въ это время инфантъ проснулся и поднялъ здоровенный крикъ. Семья, наконецъ, достигла меблированныхъ комнатъ и стала размѣщаться. Двухъ довольно просторныхъ комнатъ оказалось достаточно. Скоро появился самоваръ и началось чаепитіе.

Рябининъ былъ вновь представленъ женѣ пріятеля. Она оказалась довольно миленькой, изящной брюнеткой съ круглымъ лицомъ и ровными бѣлыми зубками. Слегка вздернутый небольшой носъ и не сходившая съ губъ лукавая улыбка говорили о бойкомъ характерѣ. Самъ Степовицкій глядѣлъ на нее съ умиленіемъ и даже съ какой-то благодарностью, постоянно справлялся о ея мнѣніи по поводу всевозможныхъ мелочей. Вообще ясно было, что въ семьѣ царили миръ и любовь. Дѣвочки скоро были уложены спать, инфантъ послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ также заснулъ. Пріятели сидѣли за столомъ и вели оживленную бесѣду. То-есть бесѣдовалъ собственно Степовицкій, а Рябининъ только вопрошалъ и пожималъ плечами. Хозяйка сидѣла поодаль и съ нѣсколько мечтательнымъ видомъ, казалось, внимательно слушала.

— Такія-то дѣла, Ѳедотъ Семенычъ! — говорилъ Степовицкій и при этомъ глаза его смотрѣли радостно:—fortes fortuna juvat—говаривалъ нашъ старый латинистъ въ гимназіи. Я это и припомнилъ. Чего въ самомъ дѣлѣ киснуть, коли отъискалась искра Божія?! Ты только сравни: жизнь надзирателя, зависящая отъ всякаго начальства чуть не до сторожа включительно... и жизнь литератора, у котораго нѣтъ иного начальства, кромѣ собственнаго вдохновенія!... Понимаешь ты эту разницу?...

Степовицкій взглянулъ на жену, а она отвѣтила ему сіяющей улыбкой. Рябининъ проклиналъ себя въ душѣ

Digitized by Google

за то, что не могъ отыскать въ себѣ ни одного восторженнаго порыва. Улыбка, которую онъ старался сдѣлать на своемъ лицѣ, была какая-то кислая и онъ это чувствовалъ.

— Вдохновеніе—прекрасная вещь!—сказалъ онъ:— ну, а матерія?

— Матерія? — торжественно подхватилъ Степовицкій.—Найди мнѣ другой трудъ такъ хорошо оплачиваемый, какъ писательскій? Мнѣ за мою повѣсть въ три печатныхъ листа заплатили двѣсти сорокъ рубликовъ... Понимаешь? Это значитъ, если я буду писать по два листа въ мѣсяцъ... Сто шестьдесятъ рублей... А я намѣренъ писать больше...

— Больше двухъ листовъ въ мѣсяцъ? — изумился Рябининъ.

— Ха, ха, ха! Что-жь тутъ удивительнаго? Ты знаешь, эту повѣсть я навалялъ въ двѣ недѣли...

— Такъ, значитъ, ты не писать, а валять будешь?— не выдержалъ и ядовито разсмѣялся Рябининъ и за это былъ наказанъ ужаснымъ, почти презрительнымъ взглядомъ со стороны милой хозяйки.

— Ты, я вижу, заматерѣлый скептикъ!—возразилъ ему Степовицкій.—Ты забываешь, что я начинающій... Не могутъ-же мнѣ сразу дать двѣсти рублей за листъ... А, вѣдь, Тургеневъ, говорятъ, получалъ четыреста...

— Опять Тургеневъ! — возмутился Рябининъ, покраснѣлъ и всталъ.—Знаешь, изъ-за этого я готовъ поссориться съ тобой!...

Хозяева переглянулись между собой, потомъ разомъ снисходительно посмотрѣли на гостя. Они, кажется, подозрѣвали, что онъ немного сумасшедшій или просто глуповатъ. А гость, между тѣмъ, сталъ проситься домой. Ему нужно было идти на Васильевскій Островъ и его отпустили „до завтра“. Онъ ушелъ совершенно разстроенный и даже испуганный за судьбу своего стараго товарища. „Совсѣмъ съ ума спятилъ человѣкъ!“ — съ горечью думалъ онъ, мчась по панели Невскаго проспекта.

Digitized by Google

II.

Въ одиннадцать часовъ утра въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ поселились Степовицкіе, было еще не очень свѣтло. День былъ пасмурный; въ воздухѣ носился мелкій снѣжокъ, а солнце совсѣмъ не показывалось.

Степовицкій стоялъ передъ круглымъ висячимъ зеркаломъ. На немъ была свѣжая, туго накрахмаленная манишка и черный жилетъ, сюртукъ въ это время подвергался чисткѣ, которую старательно производили въ сосѣдней комнатѣ обѣ дѣвочки,—Люба и Соня. Госпожа Степовицкая стояла тутъ-же у зеркала, держа въ одной рукѣ подсвѣчникъ съ горящей стеариновой свѣчкой. Супругъ ея тщательно повязывалъ галстухъ.

На этотъ разъ вся семья принимала участіе въ одѣваньѣ главы, потому что главѣ предстоялъ очень важный визитъ. Степовицкій повертывался во всѣ стороны, приглаживалъ волосы, расчесывалъ бороду. Супруга его указывала на пробѣлы въ туалетѣ, не одобряла, поправляла и, наконецъ, санкціонировала.

Все это дѣлалось съ веселымъ смѣхомъ и совершенно довольнымъ выраженіемъ лицъ.

— Надо произвести впечатлѣніе!...—говорилъ Степовицкій:—вѣдь, если явишься замарашкой, сейчасъ гонораръ сбавятъ!.. Эти редакторы, говорятъ, пауки порядочные!.. Главное—надо держать себя свободно, непринужденно!.. Правда, Наденька?

— Разумѣется, разумѣется! Надо показать, что ты себѣ цѣну знаешь!..—поощряла его Наденька. Дѣвочки торжественно принесли сюртукъ, который при общихъ усиліяхъ былъ надѣтъ съ необычайной осторожностью. Наденька нашла, что у ея супруга видъ довольно внушительный. Было рѣшено, что они поѣдутъ вмѣстѣ, а дѣвочки останутся забавлять инфанта. Наденька облачилась въ свое пестрое пальто, Степовицкій надѣлъ новую котиковую шапку, купленную передъ отъѣздомъ изъ

Digitized by Google

Нелѣповца, и супруги вышли на улицу. Взяли извозчика къ Вознесенскому проспекту, причемъ Наденька поставила въ условіе, чтобы везъ непремѣнно по Невскому. Скоро путешественники оказались на Невскомъ и съ беззаботнымъ волненіемъ таращили глаза на необычные для нихъ суету, движеніе, шумъ и блескъ.

— Это, должно быть, Казанскій соборъ! — сказалъ Степовицкій, проѣзжая Казанской площадью.

— Онъ самый и есть!—подтвердилъ извозчикъ.

Супруги преискренно обрадовались по поводу того, что угадали.

Однако, имъ ужасно надоѣло ѣхать, пока они достигли Вознесенскаго проспекта. Возница былъ такъ-же флегматиченъ, какъ и его лошадь, и не обращалъ никакого вниманія на мольбы сѣдоковъ—ѣхать скорѣе. Наконецъ, достигли. Наденька еще разъ осмотрѣла туалетъ супруга, сняла ниточку съ сюртука его, и они разстались. Степовицкій поднялся по лѣстницѣ, а его супруга осталась ждать на улицѣ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ чрезвычайно развязно и и на вопросъ швейцара, что ему нужно, съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ, что нужно ему въ редакцію и спросилъ, дома-ли редакторъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ подниматься. Съ каждой ступенькой лѣстницы развязность его уменьшалась, сердце стучало сильнѣе; напрасно онъ ободрялъ себя разными соображеніями вродѣ того, что, вѣдь, онъ является не въ качествѣ просителя, а скорѣе какъ тріумфаторъ, что, судя по письму редактора, здѣсь въ немъ нуждаются и т. д. Ничего не помогало. Когда онъ остановился на третьей ступенькѣ и прочиталъ на дощечкѣ крупную надпись:— Редакція журнала „Всероссійскій Обозрѣватель“,—сердце его вдругъ перестало биться, голова закружилась, онъ чуть не повалился. „Глупо! Надо взять себя въ руки!“— подумалъ онъ и, собравъ всю свою храбрость, придавилъ пуговицу звонка. Ему отперли.

— Господинъ редакторъ дома?—спросилъ онъ едва

Digitized by Google

внятнымъ голосомъ, потому что у него пересохло въ горлѣ, но тутъ-же разсердился, съ усиліемъ откашлялся, проглотилъ слюну и повторилъ очень громко, почти грубо:—дома господинъ редакторъ?

Его провели черезъ узкій корридоръ и ввели въ большую комнату, въ которой какіе-то люди возились съ массой свѣженькихъ, только-что появившихся на свѣтъ книжекъ журнала, наклеивая на нихъ адресы подписчиковъ. Въ комнатѣ пахло сыростью, клеемъ и бумагой. Его попросили пройти въ слѣдующую комнату.

Это была очень небольшая комната съ тяжелымъ письменнымъ столомъ, на которомъ валялись новыя книжки разныхъ форматовъ и величинъ съ надписями „для отзыва“. На окнѣ въ кучѣ лежали огромные листы корректуры. Полъ былъ устланъ ковромъ, вокругъ стола нѣсколько мягкихъ развалистыхъ креселъ; на стѣнѣ огромная карта Россійской имперіи. Онъ остановился на порогѣ и почувствовалъ, что не въ состояніи вести себя иначе, какъ глупо, и сказать что-нибудь, кромѣ глупостей.

На-встрѣчу ему поднялся высокій сухощавый господинъ съ короткими почти совершенно сѣдыми волосами и съ остренькой клинообразной бородкой. Онъ слегка нагнулся впередъ и промолвилъ сдержанно и чрезвычайно вѣжливо:

— Чѣмъ могу служить?

— Сергѣй Ивановичъ Степовицкій! — отрекомендовался нашъ герой, кланяясь почти такъ, какъ кланяются передъ иконой. На тонкихъ губахъ редактора появилась чуть-чуть насмѣшливая улыбка и слегка зашевелился лѣвый усъ. Онъ какъ-то неохотно протянулъ руку и сказалъ прежнимъ тономъ:

— Очень пріятно! Чѣмъ могу служить?

Послѣ этого ужаснаго повторенія Степовицкій чуть было не почувствовалъ себя совсѣмъ дурно. Онъ, вѣдь, именно былъ увѣренъ, что стóитъ ему произнести свою фамилію, какъ редакторъ просіяетъ, засуетится, станетъ

Digitized by Google

извиняться и т. д. И вдругъ—никакого сіянія, только насмѣшливая улыбка и формальная вѣжливость.

— Авторъ повѣсти: „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“!—трепетнымъ голосомъ пояснилъ Степовицкій, ясно сознавая, что пускаетъ въ ходъ свой послѣдній рессурсъ.

— Ахъ, „Улита ѣдетъ!“—произнесъ редакторъ и сейчасъ-же поспѣшилъ оправдать надежды нашего героя.

Онъ не то, чтобы просіялъ, но на лицѣ его выразилось нескрываемое удовольствіе.

Онъ опять протянулъ руку и сказалъ: „очень пріятно! очень пріятно“! Но сказалъ это совсѣмъ уже не тѣмъ тономъ, да и руку пожалъ какъ-то сердечнѣй, искренѣй. Степовицкій началъ приходить въ себя. Редакторъ оказался старичкомъ суетливымъ и простымъ: онъ предложилъ гостю разомъ два кресла; гость опустился въ одно изъ нихъ.

— Извините, пожалуйста! Такая масса фамилій проходитъ черезъ голову... На нихъ ужь какъ-то не обращаешь вниманія... „Улита ѣдетъ“ — это другое дѣло! Прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ. Свѣженькая вещица! Простота, искренность... Все это такъ рѣдко въ современной беллетристикѣ... языкъ нѣсколько... мм... не точенъ. Мы поисправили тамъ... Ну, поработаете, усовершенствуетесь... Да! молодая вещица, именно, молодая! Знаете, какъ-то юностью пахнетъ... Извините за вопросъ: сколько вамъ лѣтъ?..

Говоря все это, редакторъ дѣлалъ мелкіе жесты обѣими руками, наклонялъ и подымалъ голову, постоянно двигался въ креслѣ, и, вообще, очень волновался, а когда произносилъ эти слова: „простота, искренность“, то даже захлебывался отъ волненія. Впрочемъ, повидимому, это была не больше, какъ привычка. Вопросъ редактора былъ нѣсколько неожиданъ и Степовицкій не могъ сообразить, зачѣмъ это ему понадобилось.

— Тридцать одинъ годъ!—отвѣтилъ онъ безъ утайки.

— О-о! Ваша повѣсть гораздо моложе васъ! На де-

Digitized by Google

сять лѣтъ!—сказалъ редакторъ. Степовицкій подумалъ, что это похвала повѣсти, но не ему.

— Скажите, пожалуйста, вы что-же, по дѣламъ въ Петербургѣ?—продолжалъ редакторъ.—Вѣдь,вы, кажется, служите при гимназіи, въ провинціи?..

— Да, я служилъ, но теперь оставилъ службу и переселился сюда.

— Вотъ какъ?!. Что-же? У васъ тутъ мѣсто порядочное?—допрашивалъ редакторъ.

— Никакого мѣста нѣтъ? Я службу бросилъ совсѣмъ.

Редакторъ сдѣлалъ кислую гримасу и сталъ разсматривать свои ногти.

— Такъ-съ, протянулъ онъ:—вамъ придется трудненько! Литературный трудъ, говоря откровенно,—каторжный трудъ.

— Мнѣ это очень легко дается!..

— Да?.. Ахъ, что-же это я? — засуетился редакторъ:—Григорій!—Изъ сосѣдней комнаты появился Григорій, повидимому, отставной солдатъ, съ бакенбардами и въ ливреѣ. — Книжечку господину Степовицкому!.. Вѣдь, книжка какъ разъ сегодня вышла и ваша „Улита“ напечатана...—Григорій подалъ книжку.—Вотъ-съ! Да тамъ еще вамъ слѣдуетъ, кажется, за полъ-листа дополучить!.. Это у казначея.

Редакторъ всталъ, явно показывая этимъ, что не удерживаетъ гостя. Степовицкій также поднялся и началъ откашливаться.

— Готовенькаго у васъ ничего нѣтъ въ такомъ-же родѣ?—спросилъ редакторъ, подавая ему руку.

— Теперь нѣтъ, но я сейчасъ-же принимаюсь за работу!.. Планъ у меня готовъ!.. — отвѣтилъ Степовицкій.

— Прекрасно, прекрасно!.. Вотъ здѣсь нужно росписаться!.. Семенъ Иванычъ! Потрудитесь выдать господину Степовицкому, автору „Улиты“!..

Авторъ „Улиты“ вышелъ въ первую комнату, а редакторъ остался. Семенъ Иванычъ—толстенькій человѣкъ,

Digitized by Google

небольшого роста, рябоватый, съ бѣлой жиденькой бородкой и лукавыми глазками—очень пріятно улыбался, развернувъ книгу журнала и считая полосы. Авторъ „Улиты“ впился глазами въ книгу, сердце его затрепетало отъ восторга, когда на послѣдней страницѣ повѣсти внизу онъ увидѣлъ напечатанное полностью: „С. Степовицкій“. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этой подписи. Семенъ Иванычъ взглянулъ на него и, повидимому, угадалъ его чувства.

— Вы первороженица? Ха-ха-ха!..—весело и очень добродушно подшутилъ онъ.—По глазамъ вижу!

— Что это значитъ?—не понялъ авторъ „Улиты“.

— Въ первый разъ значитъ! Дебютантъ?

— Да, дебютантъ!..—отвѣтилъ онъ, съ удовольствіемъ кладя въ карманъ четыре красненькихъ и сжимая въ рукѣ еще какую-то мелочь. Потомъ онъ расписался, съ чувствомъ пожалъ руку Семену Иванычу и вышелъ на лѣстницу. Дверь довольно торжественно открылъ ему Григорій, которому онъ и отдалъ всю мелочь, оставшуюся у него въ рукѣ.

Его волновали странныя чувства, когда онъ спускался по лѣстницѣ. Съ одной стороны у него было много причинъ быть довольнымъ. Искреннее рукопожатіе редактора и теплыя слова его, просьба еще чего-нибудь въ такомъ родѣ, неожиданная приплата гонорара, наконецъ, фактъ напечатанія „Улиты“ и ощущеніе этой самой „Улиты“ въ рукахъ, изображенной печатными буквами въ солидномъ уважаемомъ журналѣ, съ его полной подписью... Все это было въ высшей степени пріятно и онъ самъ себѣ удивлялся, почему не ликуетъ. Чего-то не хватало, чего—этого онъ и самъ разобрать не могъ; въ чемъ-то онъ былъ немножко разочарованъ. Правда, онъ не представлялъ себѣ раньше встрѣчу съ редакторомъ въ какихъ-либо опредѣленныхъ образахъ. Но въ его воображеніи смутно носились картинки вродѣ такой, напр., что редакторъ, услышавъ его фамилію, кидается ему на шею, лобызаетъ его, не знаетъ, куда посадить, говоритъ съ умиленіемъ:—„Наконецъ-то! какъ я

Digitized by Google

жаждалъ увидѣть васъ, автора „Улиты“! Побольше намъ такихъ созданій и мы обновимъ міръ“!—Повторяю, такія картины полностью не занимали его воображеніе, но было нѣчто вродѣ ощущенія такой картины. Поэтому его совершенно не удовлетворилъ пріемъ редактора. Сознавалъ онъ, что пріемъ былъ и любезный, и искренній и похвалили его и все такое, а все-же нѣтъ, не удовлетворилъ. При томъ-же онъ собирался показать, что знаетъ себѣ цѣну, а вышелъ дуракъ-дуракомъ: смѣшался, покраснѣлъ, ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ простыхъ обыденныхъ вещей... И это замѣчаніе насчетъ языка... А онъ, именно, восторгался языкомъ своей „Улиты“ и вдругъ.. Не точенъ!.. Впрочемъ, языкъ—это, вѣдь, не существенная статья. Главное—талантъ. Вѣдь, Гоголь писалъ пренеточнымъ языкомъ... Въ душѣ у него происходила борьба противоположныхъ ощущеній: то радость за удачу, то стыдъ за то, что ударилъ лицомъ въ грязь, то самолюбіе, уязвленное отсутствіемъ несказаннаго восторга въ пріемѣ редактора. Спускаясь съ послѣдней ступеньки, онъ, однако, принялъ видъ полнаго побѣдителя.

— Ну?—нетерпѣливо спросила Наденька, глядя въ его раскраснѣвшееся лицо.

— Ликуй, супруга автора „Улиты“!—отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ, прибавивъ къ естественному восторгу вдвое больше напускного. Впрочемъ, надо сказать, что это онъ сдѣлалъ почти безсознательно. Такъ вышло. Онъ продолжалъ:—Во-первыхъ, вотъ (онъ раскрылъ передъ ея носомъ книжку и показалъ заглавіе повѣсти)! А во-вторыхъ вотъ! (онъ вынулъ изъ кармана четыре красненькихъ и поигралъ ими на воздухѣ).—Отъ того и другого Наденька пришла въ восторгъ. Для нея это были самые явные признаки полнаго успѣха.

— Хорошо приняли?—спросила она.

— О—о! превосходно! Не зналъ, гдѣ посадить!..

— Неужели?

— Еще-бы!—„Лгу“!—подумалъ Сергѣй Иванычъ, но не солгать не могъ, „чтобы не огорчить Наденьку“...

Digitized by Google

Впрочемъ, въ сущности его превосходно приняли.

— Просилъ еще принести?—продолжала Наденька.

— Какъ можно больше! Будемъ, говоритъ, печатать съ удовольствіемъ!—„Ну, положимъ, онъ сказалъ не печатать“, а „прочитаю“,—небольшая разница“!..

— Только вотъ языкъ, говоритъ, у васъ... оригинальный... своеобразный!..—прибавилъ онъ.

— Но это хорошо!..—воскликнула Наденька.

— Конечно, конечно!.. Языкъ... это очень хорошо!

Наденька просила его разсказать подробнѣе, какъ все было.

— Ну, какъ обыкновенно бываетъ... однимъ словомъ, великолѣпно!..—Подробностей онъ такъ-таки и не разсказалъ, а только прибавилъ:

— Должно быть, подъ счастливой звѣздой я родился!—а на душѣ у него въ это время копошилось что-то гадкое.

Наденька была въ восторгѣ. Она предложила даже вспрыснуть счастливое начало, тѣмъ болѣе, что они совершенно неожиданно получили сорокъ рублей. Рѣшено было привлечь Ѳедота. Было еще рано. Они поѣхали домой; Сергѣй Иванычъ долженъ былъ съѣздить за Рябининымъ, а затѣмъ было рѣшено, что втроемъ они отправятся обѣдать въ ресторанъ.

III.

Придя домой и едва успѣвъ снять пальто и калоши, Сергѣй Иванычъ потребовалъ ножъ и принялся разрѣзывать листы журнала. Нечего пояснять, что онъ пропустилъ все, напечатанное раньше „Улиты“; да „Улитой“ и закончилъ. Руки его дрожали, на лицѣ выражалась дѣтская радость, а въ груди поднымался какой-то неистовый восторгъ. Дойдя до послѣдней страницы, онъ опять впился въ свою фамилію и долго не могъ отвести отъ нея глазъ.

— Хочешь, въ слухъ прочитаю?—спросилъ онъ На-

Digitized by Google

деньку, какъ будто между прочимъ, а междутѣмъ если-бы ему сказали „нѣтъ“,—не могли-бы нанести ему горшей обиды.

Наденька, разумѣется, хотѣла. Оба они знали „Улиту“ чутъ не наизустъ, и оба, тѣмъ не менѣе, страстно желали прочитать ее. Вѣдь то была простая, писанная „Улита“. Теперь другое дѣло. Въ печати она должна выйти величественной, поразительной. Были привлечены Соня и Люба, лица которыхъ выражали крайнее вниманіе, хотя онѣ никакъ не могли понять, въ чемъ дѣло. Сергѣй Иванычъ принялся читать. Голосъ его трогательно дрожалъ, онъ часто откашливался и пилъ воду, потому что въ горлѣ у него пересыхало отъ крайняго волненія. Кровь стучала въ вискахъ, въ головѣ поднялся шумъ; онъ почти ничего не понималъ изъ прочитаннаго; нѣкоторыя мѣста повторялись по два раза. Въ другихъ онъ негодовалъ по поводу того, что испортили его мѣткое выраженіе; въ одномъ мѣстѣ онъ выразилъ ужасъ при видѣ опечатки, которая извратила смыслъ цѣлой фразы. Когда послѣ двухъ-часового чтенія, онъ дошелъ до конца, произнеся очень отчетливо, но уже тихимъ, упавшимъ голосомъ: „С. Степовицкій“, ему сдѣлалось дурно. Наденька испугалась и стала вспрыскивать его водой; слабость, впрочемъ, прошла очень скоро. Онъ улыбнулся и, вспомнивъ Семена Иваныча, разсказалъ Наденькѣ про „перворожениц у“. Оба много смѣялись по этому поводу. Потомъ онъ одѣлся и поѣхалъ къ Рябинину. Рябининъ жилъ при гимназіи, пользуясь казенной квартирой въ качествѣ надзирателя. Квартира эта состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ кухней. Одну изъ нихъ занималъ самъ Рябининъ, въ другой помѣщались его старая почти глухая и слѣпая мать и сестра. Дарья Семеновна Рябинина вела все небольшое хозяйство. Это была смуглая низенькая и очень плотная дѣвица лѣтъ тридцати-пяти, очень похожая на брата и такая-же некрасивая, какъ онъ. Она исполняла обязанности хозяйки, ключницы, кухарки, горничной и поломойки, а иногда, когда чувство-

Digitized by Google

вался очень замѣтный недостатокъ въ деньгахъ и нечто было нанять прачку,—и прачки. Все семейство жило на скудное надзирательское жалованье Ѳедота Семеныча и кое-какъ, благодаря ухищреніямъ Дарьи Семеновны, сводило концы съ концами.

Сергѣй Иванычъ пріѣхалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Рябининъ усталый вернулся изъ классовъ, и семья собиралась обѣдать. Въ комнатѣ Ѳедота Семеныча былъ накрытъ столъ о трехъ приборахъ.

— А я пришелъ похитить тебя, Ѳедотъ! — объявилъ Степовицкій.

Рябининъ не отвѣтилъ и представилъ его сестрѣ.

— Не пообѣдаете-ли вы съ нами, господинъ Степовицкій?—просто спросила его Дарья Семеновна.

Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ, сказавъ, что у него дома семья ждетъ, и повторилъ, что онъ хочетъ похитить Ѳедота.

— Видишь-ли, Сергѣй! У меня тоже семья, и я привыкъ обѣдать съ ними. За семь лѣтъ я ни разу не обѣдалъ врозь! — сказалъ Рябининъ. Но Сергѣй Иванычъ слушать не хотѣлъ возраженій и выражалъ надежду, что на этотъ разъ Дарья Семеновна отпуститъ брата по случаю такого торжественнаго событія.

— Какого событія? — спросила Дарья Семеновна.

Степовицкій разсказалъ о своемъ торжествѣ. Редакторъ обрадовался ему чрезвычайно, не зналъ, гдѣ посадить его, и убѣдительно просилъ писать какъ можно больше... Дарья Семеновна умилилась и была совершенно увѣрена, что передъ нею — надежда отечества.

— Иди, Ѳедотъ, если господину Степовицкому это пріятно!—сказала она.

Но Ѳедотъ упорствовалъ. Прежде всего, онъ не раздѣлялъ восторговъ пріятеля и боялся, какъ-бы не вспрыснуть начало его погибели. „Любезный человѣкъ этотъ господинъ редакторъ!“ — мысленно повторялъ онъ. А потомъ — ему было какъ-то странно обѣдать не дома.

Digitized by Google

Но Степовицкій не отставалъ, а Ѳедотъ въ сущности былъ человѣкъ мягкій и, въ концѣ концовъ, согласился.

Всю дорогу Степовицкій разсказывалъ ему о своихъ ощущеніяхъ и надеждахъ. Рябининъ только мычалъ, не имѣя возможности вставить хоть одно возраженіе. Наденька встрѣтила его чрезвычайно привѣтливо.

— Ну, вотъ видите, скептикъ! Видите?.. — было ея первое восклицаніе.

— Я, Надежда Петровна, ничего не предсказывалъ!.. — съ невозмутимой угрюмостью отвѣтилъ Рябининъ:—да и теперь не возьмусь предсказать что-нибудь!..

— Какъ? и теперь? Вы все-таки не вѣрите въ будущность Сергѣя?

— Я отъ души желаю ему блестящей будущности!— уклонился отъ отвѣта Рябининъ.

— Оставь его, Наденька! Онъ—неисправимъ!.. — промолвилъ Сергѣй Иванычъ и взялъ въ руки книжку журнала: — Вотъ она, братъ, виновница торжества! „Улита“!.. Взгляни!

Онъ подсунулъ книжку пріятелю. Рябининъ взялъ, прочиталъ заглавіе, перелисталъ до конца и затѣмъ сталъ спокойно читать оглавленіе книжки на первой страницѣ.

— Если хочешь прочитать, еще есть время! — сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—А то, пожалуй, я тебѣ прочитаю!..

— Нѣтъ, это неудобно! Ты, пожалуй, дай мнѣ на домъ...

Авторъ „Улиты“ даже испугался.

— На домъ? Нѣтъ, братъ, на домъ я дать тебѣ не могу...

— Да, вѣдь, ты прочиталъ уже?

— Нѣтъ, нѣтъ! на домъ не могу!—повторилъ Степовицкій.

— Очень жаль! здѣсь вотъ есть статья по педагогическому вопросу... Должно быть, интересная...

Это кольнуло автора „Улиты“ въ самое сердце, тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ довольно спокойно:

Digitized by Google

— Ты какъ-нибудь у меня прочитаешь!.. — онъ въ это время подумалъ: „завидуетъ, должно быть!“

Дѣвочкамъ принесли обѣдъ отъ хозяевъ, и Наденька накормила ихъ. Взрослые собрались въ ресторанъ.

— Куда-же? — спросилъ Сергѣй Иванычъ у Рябинина: — я тутъ ничего не знаю.

— А я, братъ, въ этомъ дѣлѣ не больше твоего знаю! — отвѣтилъ Рябининъ. — Ей-Богу, за семь лѣтъ ни разу не былъ въ ресторанѣ. А впрочемъ, нѣтъ, вру... Одинъ разъ былъ въ „Македоніи“, на Невскомъ, тутъ недалеко!.. Да только это въ сущности кабакъ!..

— Вотъ такъ столичный житель! ха, ха, ха!—разсмѣялся Сергѣй Иванычъ, а потомъ вдругъ вспомнилъ:

— А Палкинъ? я про него читалъ гдѣ-то. Вѣдь, есть такой?

— Какъ-же, какъ-же! тутъ не далеко, только... — и Ѳедотъ Семенычъ посмотрѣлъ на желтый воротникъ своего пальто.

— Э, что за пустяки! Деньги заплатимъ, какъ и другіе! — успокоилъ его Степовицкій, и они пошли къ Палкину.

Тамъ они держали себя очень скромно, постоянно осматриваясь по сторонамъ. Всякій разъ прежде, чѣмъ заказать что-нибудь лакею, они вполголоса держали совѣтъ и приготовляли цѣлую фразу.

— Ну, скажи:—послушайте! нельзя-ли французской горчицы! — говорила, напримѣръ, Наденька, и авторъ „Улиты“ осторожно звонилъ и говорилъ: „Послушайте! нельзя-ли французской горчицы!“ Когда понадобилась вода, Наденька выразила сомнѣніе, что здѣсь можно пить простую воду и, несмотря на то, что терпѣть не могла сельтерской, потребовала именно сельтерской, а авторъ „Улиты“ и его пріятель, противъ всякаго желанія, пили пиво „эль“. Но положеніе сдѣлалось очень затруднительнымъ, когда явился вопросъ о шампанскомъ (вспрыснуть было необходимо). Вопросъ состоялъ въ томъ, можно-ли пить его прямо послѣ обѣда. Кажется,

Digitized by Google

такъ не дѣлается. Сначала слѣдуетъ вообще выпить, ну, тамъ вина какого-нибудь, что-ли, а потомъ уже... А товѣдь, это какъ-то странно: поѣли люди борща, рыбы, телятины, пили какой-то „эль“ да сельтерскую воду, сидѣли скромно, разговаривали вполголоса и вдругъ потребовали шампанскаго!

Рѣшили сначала попросить бутылку лафита и выпили по полъ-стакана. Потомъ появилось и шампанское. Авторъ „Улиты“ хотѣлъ сказать нѣчто вродѣ тоста, но это какъ-то не вышло, потому что какіе-же тосты говорятся вполголоса! Поэтому выпили почти молча. Сергѣй Иванычъ только сказалъ: „за Улиту“!—и чокнулся со всѣми. Но послѣ этого онъ уже сталъ говорить громче, да и всѣ заговорили смѣлѣй. Голова кружилась у Наденьки и у Рябинина, который особенно замѣтно началъ возвышать голосъ. Послѣ второго бокала онъ уже самъ налилъ по третьему и довольно громко и даже ядовито объявилъ:

— Ну, братъ, за „Улиту“ выпили! Не знаю, стоитъ ли,—не знакомъ... А вотъ выпьемъ-ка за трудовую жизнь надзирателя, за лямку!..

Степовицкіе снисходительно чокнулись и выпили.

— Къ чорту лямку!—вдругъ провозгласилъ авторъ „Улиты“:—н-надоѣло!.. Впрочемъ... кому что дано!.. Кто къ чему призванъ!..

Рябининъ вспыхнулъ.

— Признаюсь, Сергѣй, меня возмущаетъ въ тебѣ этотъ птичій полетъ, это само... самохвальство!..—рѣзко сказалъ онъ.

Степовицкіе переглянулись. Они не ожидали такой рѣзкости отъ Ѳедота.

— Вотъ какъ!—съ снисходительной усмѣшкой промолвилъ Сергѣй Иванычъ, а Наденька пожала плечами.

— Талантишко у тебя, можетъ, и есть... — только обыкновенный... А ты въ Тургеневы лѣзешь...—продолжалъ Ѳедотъ Семенычъ. Онъ уже не могъ остановиться. Разъ начавъ, долженъ былъ, по его мнѣнію, досказать

Digitized by Google

до конца:—мнѣ тебя жаль, Сергѣй! Отъ работы отбился ты, излѣнишься... Пропадешь, ей-Богу, пропадешь!..

— Откуда сей пророческій даръ?—спросилъ Степовицкій, стараясь казаться спокойнымъ, тогда какъ руки у него дрожали отъ злости и лицо было очень блѣдно.

— Такъ!—все тѣмъ-же тономъ продолжалъ, съ непривычки сильно охмѣлѣвшій, Рябининъ: — Не можетъ быть, чтобы тридцать лѣтъ сидѣлъ въ тебѣ Тургеневъ и не проявился-бы до сихъ поръ!.. Проявился-бы!.. закричалъ-бы!.. выпрыгнулъ-бы!.. Не вѣрю! Ей-Богу не вѣ-рю!..—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Это какъ угодно! Никто не заставляетъ вѣрить!— почти презрительно заявилъ авторъ „Улиты“.

— Обидѣлся!? Да, вѣдь, я-же говорю, что думаю!.. Жаль... вотъ и говорю!.. Ну, извини, если обидѣлъ! Извини!...—Онъ протянулъ руку.

Сергѣй Иванычъ хотѣлъ-было протянуть ему руку, но не могъ. Рука его судорожно сжалась и осталась неподвижной.

— Н-не могу!.. Не могу извинить!.. — задыхаясь пробормоталъ онъ и повернулъ лицо въ сторону.

— Не можешь? Ну...—Рябининъ порывисто всталъ.— Такъ прощай!.. Прощайте, извините, пожалуйста! —поклонился онъ Наденькѣ и вышелъ изъ залы неровными шагами.

Степовицкіе минуты двѣ молчали, не глядя другъ на друга. Имъ было неловко. Особенно неловко было Сергѣю Иванычу. Все-жь таки это—старый пріятель, знаетъ его чуть не изъ дѣтства и—не признаетъ его. Да если-бы все это говорилось наединѣ; а то, вѣдь, при Наденькѣ говоритъ онъ такія обидныя вещи. „Талантишко“... обыкновенный „талантишко“! Нѣтъ, этого онъ не можетъ простить, хотя-бы и старому пріятелю. Вѣдь, напечатали-же, похвалили, деньги впередъ дали!.. Что-нибудь-же это значитъ... А все-таки послѣ этой сцены ему было неловко смотрѣть въ глаза Наденькѣ. Хмѣль прошелъ, а на мѣсто его осталась какая-то тя-

Digitized by Google

желая одурь въ головѣ. Они расплатились и вышли отъ Палкина. Насчетъ Ѳедота Наденька выразила мнѣніе, что онъ „ужасно странный, въ родѣ сумасшедшаго“, а Сергѣй Иванычъ съ подозрительнымъ равнодушіемъ объяснилъ, что „молодецъ не въ мѣру нализался, вотъ и все!“

— Это за нимъ всегда водилось!—прибавилъ онъ, хотя отлично зналъ, что ничего подобнаго никогда за Ѳедотомъ Семенычемъ не водилось.

Больше о немъ не было сказано ни слова во всю дорогу, а говорили преимущественно о томъ, какъ высоки зданія на Невскомъ и какъ широки панели.

Было уже часовъ около девяти. Степовицкій, придя домой, скоро завалился спать. Передъ сномъ, лежа въ постели, онъ развернулъ книжку журнала.

— Что ты читаешь?—спросила его Наденька изъ другой комнаты.

— Да тутъ статья... Вотъ эта самая педагогическая статья,—отвѣтилъ онъ.

— Интересно?

— Да ничего... такъ себѣ... я пробѣгаю!..—неопредѣленно отвѣтилъ Сергѣй Иванычъ. Но въ сущности никакой педагогической статьи не пробѣгалъ онъ, а прочитывалъ „лучшія сцены“ все изъ той-же „Улиты“ и сердце его опять трепетало отъ восторга.

IV.

На другой день Сергѣй Иванычъ вышелъ изъ дому часовъ въ двѣнадцать дня и взялъ путь по Невскому. Онъ шелъ медленно и очень внимательно прочитывалъ вывѣски, попадавшіяся на пути. Повидимому, онъ чего-то искалъ. Дойдя до Литейной, онъ безсознательно повернулъ направо и тутъ неожиданно остановился и съ удовольствіемъ прочиталъ: „кабинетъ для чтенія“. Онъ завернулъ въ подъѣздъ и поднялся въ третій этажъ. Кабинетъ состоялъ изъ двухъ довольно обширныхъ ком-

Digitized by Google

натъ съ большимъ столомъ по срединѣ, покрытымъ синимъ сукномъ; масса газетъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, различныхъ иллюстрацій русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ—все это было смѣшано въ безпорядочной кучѣ. Толстые журналы помѣщались особо на приспособленной для нихъ полочкѣ. Публики было человѣкъ пятнадцать, среди нихъ одна дама, молоденькая брюнетка, въ черномъ простенькомъ платьѣ; она съ чрезвычайно серьезнымъ видомъ уткнулась въ газету и изрѣдка кидала суровые взгляды на случайно приближавшихся къ ней мужчинъ, какъ будто всякій изъ подходившихъ собирался приставать къ ней. „Должно быть, курсистка!“—подумалъ Степовицкій и сталъ перебирать газеты.

Впрочемъ, надо сказать, что на этотъ разъ его очень мало интересовали новости дня, а еще меньше того политика. Да онъ почти и не читалъ газету, а только окидывалъ ее взоромъ отъ начала до конца и, убѣдившись, что въ ней нѣтъ того, чего онъ искалъ, сейчасъ же мѣнялъ на другую, съ которой поступалъ точно также. А искалъ онъ... Правда, это было предпріятіе неразумное и, по меньшей мѣрѣ, преждевременное; но онъ не былъ знакомъ съ газетными обычаями. Искалъ онъ критической статьи по поводу той книжки „Всероссійскаго Обозрѣвателя“, въ которой была напечатана „Улита“. Нечего и говорить, что ни въ одной газетѣ не нашелъ онъ такой статьи, да и не могъ найти, потому что книжка вышла только вчера, и еще потому, что это было въ субботу, а не въ пятницу,—день, въ который, какъ извѣстно, мечутъ громы газетные критики, и робкіе беллетристы, дрожа отъ страха, прячутся по своимъ норамъ. Когда желательной статьи нигдѣ не оказалось, Степовицкій занялся политикой. Однако, лѣвый глазъ его отъ времени до времени безпокойно отрывался отъ газеты, тогда авторъ „Улиты“ приподымалъ голову и бросалъ бѣглый взглядъ въ сторону сидѣвшаго у конца стола слѣва солиднаго господина въ пенснэ и въ шубѣ,

Digitized by Google

съ окладистой русой бородой и съ значительной лысиной на головѣ. Сергѣй Иванычъ очень заинтересовался передовой статьей, въ которой на трехъ столбцахъ весьма краснорѣчиво разъяснялось значеніе для европейскаго мира послѣдней побѣды англичанъ надъ однимъ изъ египетскихъ пророковъ. Но лѣвый глазъ его просто прыгалъ по газетнымъ столбцамъ, вслѣдствіе чего авторъ „Улиты“ не могъ продолжать чтеніе и отложилъ газету. Тогда онъ обратилъ взоры на солиднаго человѣка въ шубѣ, и странное дѣло! Сердце у него слегка забилось и онъ уже не могъ оторвать глазъ отъ этого совершенно незнакомаго ему человѣка. Дѣло въ томъ, что солидный человѣкъ въ шубѣ читалъ послѣднюю книжку „Всероссійскаго Обозрѣвателя“ и вотъ автору „Улиты“ ужасно захотѣлось узнать, какая именно статья интересуетъ солиднаго человѣка въ шубѣ. Онъ поднялся и прошелся къ маленькому столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, и пилъ воду очень медленно, а въ то-же время,—такъ какъ это было за спиной солиднаго человѣка,—старался прочитать заглавіе статьи. „Тьфу, чортъ! Опять эта педагогическая статья“!—подумалъ онъ и даже плюнулъ. Потомъ онъ сѣлъ рядомъ съ солиднымъ человѣкомъ въ шубѣ и взялъ для виду газету. Интересно было узнать, что станетъ читать солидный человѣкъ, когда кончитъ педагогическую статью. Наконецъ, онъ дождался. Сосѣдъ его кончилъ статью и началъ перелистывать книжку. Онъ пробѣжалъ двѣ страницы изъ „Внутренняго обозрѣнія“, потомъ остановился на чемъ-то въ отдѣлѣ „Новыя книги“, потомъ сталъ перелистывать въ обратномъ порядкѣ, прочиталъ заглавіе „Улиты“, поглядѣлъ подпись и, спокойно закрывъ книжку, отнесъ ее на мѣсто. Степовицкій чуть-чуть покраснѣлъ отъ досады, а солидный человѣкъ взялъ шапку и вышелъ изъ читальни, нисколько не подозрѣвая, что нажилъ себѣ врага. Дама въ черномъ платьѣ поднялась и поспѣшила взять освободившуюся книжку журнала. Авторъ „Улиты“ тотчасъ-же сдѣлался ея со-

Digitized by Google

сѣдомъ. Дама прочитала оглавленіе и выбрала „Улиту“. У Сергѣя Иваныча глаза загорѣлись отъ удовольствія. Онъ сѣлъ прямо напротивъ дамы и почти не спускалъ съ нея глазъ, изрѣдка для приличія заглядывая въ газету. Онъ слѣдилъ за мельчайшими подробностями въ выраженіи ея лица. Три раза она улыбнулась и онъ, конечно, зналъ, въ какихъ мѣстахъ, а одинъ разъ лицо ея выразило сильное волненіе,—это было въ одной трогательной сценѣ. Степовицкій рѣшительно не замѣчалъ, какъ летѣло время. „Если-бы она знала, что противъ нея сидитъ авторъ!“—одинъ разъ мелькнуло у него въ головѣ. Дама кончила „Улиту“, и взглядъ ея случайно упалъ на Сергѣя Иваныча. „Можетъ быть, догадывается“!—подумалъ онъ и сердце его исполнилось благодарностью къ дамѣ и ко всѣмъ вообще курсисткамъ, такъ-какъ онъ теперь почему-то былъ глубоко убѣжденъ, что его читательница—непремѣнно курсистка. На этотъ разъ больше никто не взялъ книжки. Степовицкій подошелъ къ ней и не безъ удовольствія повертѣлъ ее въ рукахъ, прочиталъ оглавленіе, т.-е. собственно нашелъ въ немъ свою повѣсть и затѣмъ вышелъ. На улицѣ онъ почувствовалъ сильную усталость; онъ только теперь замѣтилъ свое волненіе и отдалъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. На минуту ему какъ-будто сдѣлалось немножко противно, но потомъ это прошло. Холодный воздухъ освѣжилъ его, и онъ, очень довольный собой, направился въ Гончарную улицу.

Онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ кабинета для чтенія. Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть всѣ газеты, не исключая даже маленькихъ провинціальныхъ (въ кабинетѣ получались почти всѣ провинціальныя газеты). Особенно интересовалъ его „Нелѣповецкій Вѣстникъ“. Тамъ-то, конечно, его узнаютъ (надо сказать правду, что мысль о монументѣ въ родномъ городѣ Нелѣповцѣ—черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти — не приходила ему въ голову). Онъ не оставлялъ и юмористическихъ изданій. Можетъ быть, тамъ какое-нибудь че-

Digitized by Google

тырехстишіе тиснули по поводу его „Улиты“. Но нигдѣ ничего не оказывалось. Въ пятницу появились „журнальныя обозрѣнія“. Онъ пробѣжалъ одну газету—Богъ знаетъ о чемъ,—о какихъ-то историческихъ древностяхъ;—другую—разбирается послѣдняя книжка „Всероссійскаго Обозрѣвателя“ и опять... опять объ этой проклятой педагогической статьѣ, да еще о другой статьѣ по поводу какихъ-то народныхъ преданій вологодской губерніи, объ „Улитѣ“ ни слова; третью... А! наконецъ-то!

Однако, цѣлый столбецъ посвященъ „Улитѣ“! Онъ какъ-то сразу проглотилъ весь этотъ столбецъ и отъ волненія ничего, ну, ровно ничего не понялъ. Онъ сталъ перечитывать, но уже съ разстановкой. „Трудно судить по одной вещи, но нельзя не замѣтить, что молодой авторъ обладаетъ живымъ дарованіемъ... Нѣкоторыя сцены такъ и дышатъ жизнью, правдой... Вы видите передъ собой живыхъ людей... По манерѣ писать авторъ принадлежитъ, повидимому, къ школѣ реалистовъ, къ послѣдователямъ Золя... Однако, это скорѣе простое совпаденіе, чѣмъ подражаніе... Дай Богъ, чтобы начинающій авторъ не остался въ густыхъ рядахъ тѣхъ многочисленныхъ писателей, которые, создавъ по одной хорошей вещицѣ, остались навсегда „подающими надежды“... Подъ фельетономъ было подписано: Кульчинъ.

— О-охъ! — почти громко простоналъ отъ жгучаго удовольствія Сергѣй Иванычъ и еще пять разъ прочиталъ замѣтку. „Послѣдователь Золя! школа реалистовъ! но безъ подражанія!“...—вертѣлось въ его головѣ и это было для него открытіе. Онъ никогда не думалъ о Золя, да и читалъ изъ его произведеній одну только „Нану“, которую купилъ гдѣ-то на желѣзно-дорожной станціи. Онъ тутъ-же посмотрѣлъ адресъ редакціи газеты, въ которой нашелъ замѣтку, и вышелъ на улицу. Онъ поѣхалъ прямо въ редакцію, купилъ три экземпляра пятничнаго нумера и совершенно неожиданно для себя спросилъ адресъ господина Кульчина. Ему сказали.

Digitized by Google

Дома восторгъ раздѣлила съ нимъ Наденька, которой онъ прочиталъ замѣтку два раза.

— Какъ ты думаешь, не пойти-ли мнѣ къ нему?— спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Къ кому?

— Да вотъ къ этому критику...

— Зачѣмъ?

— Да такъ... человѣкъ онъ, должно быть, умный... можетъ дать совѣтъ!.. Видно, что интересуется... Всѣ лучшіе писатели совѣтовались съ Бѣлинскимъ...

— А пожалуй пойди!..—посовѣтовала Наденька, и было рѣшено, что онъ пойдетъ къ господину Кульчину. На другой день въ субботу, часовъ около семи вечера, сюртукъ Сергѣя Иваныча опять подвергался генеральной чисткѣ при помощи маленькихъ ученокъ Сони и Любы. Самъ авторъ „Улиты“, стоя передъ зеркаломъ, приводилъ въ порядокъ свой туалетъ; Наденька оказывала ему содѣйствіе.

— Этотъ Кульчинъ, должно быть, важная птица! Въ большой газетѣ фельетоны пишетъ; не шутка!—говорилъ Сергѣй Иванычъ.

Кульчинъ жилъ въ 7-ой ротѣ Измайловскаго полка. Сергѣй Иванычъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда оказалось, что квартира его критика помѣщается не по парадной лѣстницѣ, а во дворѣ и притомъ въ пятомъ этажѣ. Онъ взобрался по довольно узкой и не совсѣмъ чистой лѣстницѣ, слабо освѣщенной двумя газовыми рожками, и позвонилъ. Ему открыла кухарка и тотчасъ же изъ квартиры послышался пискъ ребенка: „семейный“!—подумалъ Сергѣй Иванычъ. Его провели черезъ просторную, почти пустую комнату, и онъ вошелъ въ кабинетъ Кульчина. Прежде всего, ему бросился въ глаза огромный шкафъ съ книгами и рядомъ съ нимъ этажерка, тоже заваленная книгами; на тяжеломъ письменномъ столѣ тоже валялись книги; нѣсколько книжекъ лежало даже на широкомъ диванѣ съ значительно обтертой шерстяной обивкой: „настоящій литераторъ!“ — подумалъ Сергѣй Ива-

Digitized by Google

нычъ,—„а у меня ни одной книжки нѣтъ!“ При тускломъ свѣтѣ лампы съ зеленымъ колпакомъ Сергѣй Иванычъ разглядѣлъ небольшого плечистаго и довольно плотнаго господина въ синихъ очкахъ съ длинными волосами. Лицо у этого господина было широкое, но оно казалось еще шире отъ довольно густыхъ русыхъ бакенбардъ, разросшихся въ ширь; усы у него почти не росли, а носъ былъ плоскій, точно приплюснутый ударомъ утюга или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Это и былъ господинъ Кульчинъ. На немъ была страннаго фасона тужурка, довольно измятая и засаленная; изъ-подъ нея выглядывали воротникъ и обшлага ночной рубашки. При появленіи гостя господинъ Кульчинъ не всталъ, а только вопросительно поднялъ голову.

— Чѣмъ могу служить?—произнесъ онъ, а авторъ „Улиты“ подумалъ: „должно быть, всѣ литераторы такъ начинаютъ!“ Голосъ у него оказался чрезвычайно нѣжный и тоненькій, почти дѣтскій.

— Вы изволили благосклонно отозваться о повѣсти „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“,—почтительно промолвилъ Сергѣй Иванычъ, я—авторъ этой повѣсти, Сергѣй Иванычъ Степовицкій! Хотѣлъ-бы воспользоваться нѣкоторыми указаніями человѣка понимающаго...

Кульчинъ поднялся.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно!.. Очень радъ быть полезнымъ!.. Прошу садиться!..—очень любезно и просто сказалъ Кульчинъ. Степовицкій сѣлъ.

— Да!—продолжалъ хозяинъ,—я писалъ о вашей повѣсти...

И онъ въ болѣе распространенныхъ выраженіяхъ повторилъ то, что было напечатано въ газетѣ.

Онъ говорилъ долго и очень неглупо — о современномъ положеніи русской литературы, объ упадкѣ творчества, объ исчезновеніи крупныхъ талантовъ.

— Нѣтъ крупныхъ талантовъ... Канули въ воду! Поэтому бываешь радъ-радешенекъ всякой мало-мальски даровитой новинкѣ и подчеркиваешь, обозначаешь....

Digitized by Google

Нельзя! Надо поощрять! Авось, благодаря этому, онъ примется работать и произведетъ болѣе замѣчательныя вещи!.. Вѣдь, у насъ таланты-то, собственно говоря, есть! и не мало ихъ! Да вся бѣда въ томъ, что мы не умѣемъ работать!.. Системы у насъ нѣтъ, нѣтъ выработки, дисциплины, такъ сказать... Да-съ, да-съ! А у васъ есть искра Божія! Замѣтна!.. Выйдетъ-ли изъ нея пламя или она погаснетъ — неизвѣстно... надо дуть на нее, ха-ха!.. Вѣдь искра-то Божія есть у всякой живой души, батенька! Такъ это еще не талантъ!.. Талантъ вырабатывается терпѣніемъ...

И много въ такомъ родѣ говорилъ Кульчинъ, а авторъ „Улиты“ слушалъ его съ безмолвнымъ благоговѣніемъ, какъ Бога.

Затѣмъ ораторъ перешелъ къ „Улитѣ“ и сталъ разбирать ее по косточкамъ...

— Предупреждаю васъ,—я буду придираться:—лучше указать на недостатки, которыхъ нѣтъ, чѣмъ пропустить хотя одинъ дѣйствительный недостатокъ.—И „Улита“ послѣ такого подробнаго разбора оказалась произведеніемъ далеко не совершеннымъ, преисполненнымъ массы недостатковъ. Степовицкій даже испугался. „А какъ-же отзывъ-то?“—подумалъ онъ, но Кульчинъ, замѣтивъ и понявъ эффектъ своего разбора, сейчасъ-же успокоилъ его, повторивъ опять свой газетный отзывъ. Изъ всѣхъ этихъ объясненій Сергѣй Иванычъ вынесъ впечатлѣніе довольно неопредѣленное. „И хорошо, и дурно! чортъ его разберетъ!“—думалъ онъ. Наконецъ, заговорили насчетъ реализма. Нѣкоторыя сцены „Улиты“ напоминаютъ Золя. Видно, что „Улита“ писана подъ вліяніемъ этого автора. Это, конечно, было очень странно, потому что Сергѣй Иванычъ имѣлъ самое смутное понятіе о Золя. Но онъ не сказалъ этого Кульчину.

— Вы, конечно, помните въ Assomoir'ѣ описаніе похоронъ старухи?..—спросилъ Кульчинъ. Авторъ „Улиты“ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ помнитъ.

Digitized by Google

— Такъ вотъ ваша „Улита“ напомнила мнѣ эту сцену!.. Стиль Золя, совершенно Золя.

Въ это время въ передней раздался звонокъ. Кульчинъ засуетился.

— Извините, я долженъ немножко переодѣться! Я совершенно забылъ... У меня по субботамъ бываютъ гости... такъ сходятся... поболтать!.. Вы останетесь? Познакомитесь кое-съ-кѣмъ изъ писателей!..

Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ, но отказался. Онъ не предупредилъ жену.

— Ахъ, вы женаты! Такъ, пожалуйста, въ другой разъ съ женой, безъ церемоніи! У меня субботы!..

Сергѣй Иванычъ еще разъ поблагодарилъ и распрощался.

V.

— Вотъ, Наденька, господинъ критикъ сказалъ, что я вродѣ, какъ-бы россійскій Золя! — говорилъ Степовицкій своей женѣ на другой день, вернувшись изъ библіотеки съ кучею книгъ въ рукахъ.—А я его не читалъ, этого самаго Золя! Надо заняться...

Съ этого времени авторъ „Улиты“ посвятилъ себя изученію Золя. Онъ занялся этимъ дѣломъ съ истиннымъ увлеченіемъ. Переталъ шляться по Петербургу, только не могъ отказаться отъ ежедневнаго кратковременнаго посѣщенія „кабинета для чтенія“, гдѣ продолжалъ отыскивать отзывы которыхъ однако не находилъ. Остальное время онъ сидѣлъ дома и штудировалъ Золя, такъ что не прошло недѣли, онъ уже исполнилъ свою задачу. Нашелъ онъ, разумѣется, упомянутую критикомъ сцену въ Assomoir'ѣ и былъ пораженъ отсутствіемъ какого-бы то ни было сходства съ „Улитой“. Правда, въ „Улитѣ“ описывались похороны, у Золя—тоже; но на этомъ и кончалось сходство. „Откуда-же критикъ взялъ это?“—съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя авторъ „Улиты“ и отвѣчалъ: „а впрочемъ не съ вѣтру-же! Можетъ, мнѣ,

Digitized by Google

какъ автору, незамѣтно, а со стороны виднѣй!“ Онъ нѣсколько разъ перечитывалъ сцену въ Assomoir'ѣ, и, странное дѣло, съ каждымъ разомъ находилъ больше и больше сходства и, наконецъ, призналъ, что сходство громадное. Мы отъ себя скажемъ, что въ сущности не было ни малѣйшаго сходства.

Степовицкіе мирно проводили время въ пріятныхъ занятіяхъ. Изрѣдка они вспоминали о Ѳедотѣ. „Неужели онъ не придетъ?“ Но вопросъ этотъ не очень волновалъ ихъ. Однако, мало по малу у нихъ назрѣло два вопроса. Во-первыхъ, нужно было подумать о квартирѣ. Не вѣчно же ютиться въ меблированныхъ комнатахъ. Второй вопросъ истекалъ изъ того обстоятельства, что „Улитинъ гонораръ“ съ каждымъ днемъ истощался и скоро долженъ былъ прійти къ концу. Но Степовицкіе не унывали. Дѣло поправить очень легко. Сергѣй Иванычъ присядетъ и „кавалякетъ“ повѣсть въ два листа.

Но онъ не садился. Онъ ждалъ вдохновенія. Это ожиданіе состояло въ томъ, что онъ сосредоточенно ходилъ по обѣимъ комнатамъ и придумывалъ сюжетъ. Онъ мысленно перебиралъ всевозможные случаи изъ своей жизни. Нѣкоторые казались ему подходящими, тогда онъ принимался мысленно „обработывать“, и оказывалось, что тема слишкомъ обширна, такъ что на нее можно написать огромный романъ. И онъ оставлялъ ее на будущее, когда у него будетъ много времени. Такимъ образомъ, за три дня у него составилась цѣлая серія будущихъ романовъ, занимательныхъ, длинныхъ и оригинальныхъ. Наконецъ, онъ придумалъ тему для повѣсти и тогда немедленно пришло вдохновеніе. Онъ засѣлъ и писалъ, почти не выходя изъ дому цѣлую недѣлю. Въ эти дни Наденька почти не входила въ его комнату; дѣвочки говорили вполголоса, только инфантъ не обращалъ ни на что вниманія и оралъ во все горло. Каждый вечеръ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Сергѣй Иванычъ обращался къ Наденькѣ:

— Но хочешь-ли послушать?! Эта сценка, кажется,

Digitized by Google

очень удалась!..—Наденька, разумѣется, выражала готовность и онъ читалъ ей.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ похоже на Золя!—говорила она.

— Да?.. Ну, это, конечно, случайность... Вѣроятно, въ моемъ и его талантѣ есть нѣчто общее!..

Наденька была права. Подъ вліяніемъ недавно прочитанныхъ книгъ Сергѣй Иванычъ какъ-то безсознательно усвоилъ себѣ манеру Золя и языкъ его новой повѣсти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ самомъ дѣлѣ очень напоминалъ языкъ автора „Нана“, разумѣется, въ переводѣ.

Онъ кончилъ повѣсть, но оказалось, что написалъ не два листа, какъ собирался, а всего листъ съ небольшимъ. На это, разумѣется, претендовать не приходилось, потому что все зависѣло отъ вдохновенія, на которое, вѣдь, некуда пожаловаться. Наденька переписала повѣсть подъ диктовку автора, и Сергѣй Иванычъ собрался въ редакцію.

— Я попрошу его прочитать сейчасъ-же!—сказалъ онъ, уходя:—я увѣренъ, что она пойдетъ въ этомъ мѣсяцѣ!

Редакторъ принялъ его любезно, но разговаривалъ мало, потому что былъ занятъ и спѣшилъ.

— А! у васъ вещица?! Вы ее оставьте у насъ... мы прочитаемъ... а вы зайдите!...

— А теперь нельзя?.. Я хотѣлъ-бы самъ прочитать вамъ...

— Ни, ни!.. Видите, по горло работы!

— Когда-же зайти? — спросилъ Степовицкій совершенно упавшимъ голосомъ.

— Да такъ... Недѣльки черезъ двѣ!..

— Значитъ, она не можетъ пойти въ этомъ мѣсяцѣ?!.—чуть слышно, какъ-бы самому себѣ, сказалъ Сергѣй Иванычъ.

— Что вы, батенька? Книжка уже давно печатается! Почти готова!.. Извините, у меня дѣла по гор-

Digitized by Google

ло!..—и редакторъ, глядя въ какую-то корректуру, протянулъ по его направленію руку. Онъ пожалъ эту руку и вышелъ совершенно убитый.

Часа два ходилъ онъ по петербургскимъ улицамъ. Ему было какъ-то неловко идти домой. Сказать Наденькѣ все, какъ было, да вѣдь это ужасно, она вообразитъ Богъ знаетъ что! Вѣдь, въ сущности ничего не случилось. Редакторъ очень занятъ, на то онъ редакторъ. Нельзя-же требовать, чтобы онъ бросилъ всѣ свои дѣла и принялся читать его повѣсть. Помнится, когда онъ отослалъ изъ Нелѣповца „Улиту“, ему отвѣтили только черезъ мѣсяцъ. Опять-же — если книжка уже почти готова, тутъ ничего не подѣлаешь. Приди онъ недѣлей раньше, его статья, безъ сомнѣнія, попала-бы въ эту книжку.

Все-таки Наденькѣ нельзя сказать все это. Не поймётъ, вѣдь, перестанетъ вѣрить въ него, въ его талантъ, въ его будущность. А этого онъ никогда не допуститъ. Надо какъ-нибудь примѣниться къ ея ожиданіямъ.

И онъ сказалъ Наденькѣ, когда пришелъ домой:

— Экая досада! Опоздалъ на нѣсколько дней! Редакторъ говоритъ: если бы, говоритъ, принесли тремя днями раньше, помѣстили-бы безъ разговоровъ, конечно... А теперь книжка готова... Жалѣлъ очень редакторъ!...

Наденька во всемъ этомъ не сомнѣвалась, но... „Улитинъ гонораръ“ совсѣмъ истощался, откуда достать денегъ?!..

— Пустое, я возьму впередъ!...—успокоилъ ее Сергѣй Иванычъ:—только нужно подождать двѣ недѣли, пока книжка выйдетъ... Теперь неловко... Всѣ тамъ заняты!..

А пока пришлось заложить кое-какія вещицы изъ Наденькина туалета. Эти двѣ недѣли были очень мучительны для автора „Улиты“. На душѣ у него было не совсѣмъ хорошо, а между тѣмъ, онъ изо всѣхъ силъ старался имѣть беззаботный видъ. „Для Наденьки!“— мысленно пояснялъ онъ. Онъ, конечно, не сомнѣвался,

Digitized by Google

что повѣсть напечатаютъ, но, во-первыхъ—когда, а во-вторыхъ — нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ въ головѣ: „а вдругъ не напечатаютъ“?

— Что съ тобой?—спрашивала Наденька, замѣчая, что онъ немного даже похудѣлъ.

— Ничего... это такъ... Должно-быть, петербургскій климатъ!.. надо привыкнуть!..

Въ субботу они вспомнили о приглашеніи Кульчина и поѣхали къ нему. Извозчикъ везъ ихъ часа полтора, поэтому они прибыли въ Измайловскій полкъ въ половинѣ одиннадцатаго. Они подумали, не будетъ-ли неприлично въ первый разъ являться такъ поздно. Но Кульчинъ просилъ „безъ церемоній“, притомъ — онъ, какъ передовой литераторъ, долженъ быть лишенъ всякихъ предразсудковъ. И они поднялись въ пятый этажъ.

У Кульчиныхъ было уже много народу. Въ первой комнатѣ за большимъ круглымъ столомъ, уставленнымъ посудой и шипящимъ самоваромъ, сидѣли однѣ только дамы.

Хозяинъ встрѣтилъ ихъ очень любезно и представилъ дамѣ, сидѣвшей у самовара, назвавъ ее шутя „госпожей Кульчиной“. Потомъ представили ихъ всѣмъ прочимъ дамамъ, къ которымъ присоединилась и Наденька, а Сергѣй Иванычъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошелъ въ кабинетъ. Здѣсь было много мужчинъ и очень много табачнаго дыма. Было три офицера, изъ которыхъ одинъ оказался начинающимъ поэтомъ, другой военнымъ писателемъ, а третій просто артиллеристомъ россійской службы; два студента медицинской академіи и человѣкъ шесть партикулярныхъ людей—почти всѣ писатели и всѣ солиднаго возраста. Кульчинъ представилъ его, какъ начинающаго и подающаго надежды беллетриста, автора „Улиты“. Кое-кто читалъ „Улиту“, и это послужило темой для разговора. Впрочемъ, общаго разговора не было. Говорили, собственно, хозяинъ, одинъ изъ почтенныхъ литераторовъ, завѣдующій отдѣломъ научной хроники въ какомъ-то толстомъ журналѣ, и военный писатель.

Digitized by Google

Остальные разсѣялись по разнымъ угламъ и, повидимому, предавались размышленіямъ. Впрочемъ, и среди разговаривавшихъ рѣчь смолкала какъ-то слишкомъ часто, а хозяинъ прилагалъ всѣ старанія тянуть разговоръ. Къ Сергѣю Иванычу подсѣлъ поэтъ.

— Я читалъ вашу повѣсть!—сказалъ онъ.

— „Улиту“?—спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Да. Мнѣ понравилась.—Авторъ „Улиты“ хотѣлъ поблагодарить, но поэтъ продолжалъ:—Что-жъ? Вы намѣрены еще чѣмъ-нибудь подарить публику?...—Авторъ „Улиты“ немножко удивился, но ему понравилось это выраженіе.

— Да, я уже сдалъ въ редакцію небольшую повѣсть!...—отвѣтилъ онъ.

— Въ этомъ мѣсяцѣ выйдетъ?..

— Право, я не справлялся... Но, кажется, эта книжка уже готова... такъ что, вѣроятно—въ слѣдующемъ нумерѣ!..

— А я въ настоящее время пишу поэму изъ народнаго быта!.. Обширная поэма листа въ два печатныхъ... Боюсь, что не пройдетъ...

— Отчего-же?..

— Цензура!.. Ахъ, это мое несчастье!.. Представьте, я написалъ семь большихъ поэмъ и ни одной не могъ напечатать. Не пропускаютъ, хоть ты плачь... Напечаталъ одно стихотвореніе всего въ двѣнадцать строчекъ... А остальное хоть сжигай... Васъ не преслѣдуетъ цензура?..

— Н-нѣтъ!.. да, вѣдь, я еще одну только вещь напечаталъ!.. Не знаю, какъ будетъ дальше... — автору „Улиты“ было немножко неловко по поводу того, что его не преслѣдуетъ цензура.

— О, вы увидите!.. Я могъ-бы издать уже цѣлую книгу поэмъ... Ничего не подѣлаешь!... Цензура не пропускаетъ!.. У меня, напримѣръ, есть стихотвореніе въ полтора листа; называется: „Пробужденіе льва“. Я изобразилъ въ немъ подъ видомъ льва — русскій народъ,

Digitized by Google

который спитъ и не можетъ проснуться, потому что его давитъ кошмаръ...

— Не можетъ проснуться?.. Такъ почему-же „Пробужденіе“?..

— Ну, когда-нибудь долженъ-же онъ проснуться...

— Это очень рѣзко!..—замѣтилъ Сергѣй Иванычъ.

— Что дѣлать? Иначе не могу!.. Это свойство моей музы... Я читалъ эту поэму въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“.

— Какъ?—спросилъ Сергѣй Иванычъ. Ему подумалось, что онъ ослышался.

— Въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“! Вы развѣ никогда тамъ не были?.. Совѣтую!.. Да вотъ что: хотите, я предложу васъ въ члены? Я, вѣдь, членъ „Литературно-танцовальнаго кружка“!.. Онъ имѣетъ до восьмидесяти членовъ и все это исключительно литераторы...

— И танцоры?—спросилъ Сергѣй Иванычъ безъ всякой иронiи, руководствуясь прямымъ смысломъ кружка...

— Нѣтъ, только литераторы... Танцуетъ, видите-ли, только публика... Засѣданія его публичны... Литераторы читаютъ, а... публика танцуетъ... У насъ есть имена, напримѣръ...—поэтъ назвалъ нѣсколько именъ, между прочимъ—Бѣляева и Овчинникова, которыхъ Степовицкій зналъ, какъ почтенныхъ и талантливыхъ писателей.—Такъ хотите, я предложу васъ?

— Пожалуйста! Буду очень радъ!.. „Странный кружокъ“!—подумалъ авторъ „Улиты“. „Литераторы читаютъ, а публика танцуетъ!.. Однако, до восьмидесяти литераторовъ“! А онъ, вѣдь, думалъ, что ихъ во всемъ Петербургѣ не найдется полъ-сотни. Интересно, очень интересно.

— Неугодно-ли закусить, господа!—пригласилъ въ это время хозяинъ. Всѣ какъ будто только этого и ждали, тотчасъ-же поднялись съ мѣстъ и гуськомъ вышли въ комнату, гдѣ сидѣли дамы. Здѣсь на столѣ уже не было самовара, а намѣсто его стояли два сорта вод-

Digitized by Google

ки—очищенная и рябиновая, блюдо съ полдюжиной селедокъ, колбаса и сыръ.

Наденька промолчала почти весь вечеръ. Дамы, въ обществѣ которыхъ она оставалась, были преимущественно жены литераторовъ, какъ явствовало изъ рекомендацій. Поэтому въ началѣ она боялась разинуть ротъ. Вѣдь, все, должно быть, о высокихъ матеріяхъ говорятъ. И она рѣшила ограничиться ролью скромной слушательницы. Здѣсь также въ разговорѣ преобладала хозяйка, но гостьи единодушно поддерживали ее. Она застала ихъ на разговорѣ о какомъ-то литераторѣ, который, имѣя жену и шестеро дѣтей, имѣетъ при этомъ еще подругу, и странное дѣло (по этому поводу всѣ дамы единодушно высказывали изумленіе), эти двѣ особы — жена и подруга—не только не ссорятся, а даже бываютъ другъ у друга и состоятъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на какую-то недавнюю исторію, въ которой фигурировалъ опять-таки литераторъ, побившій кого-то палкой. Много было разсказано исторій въ такомъ родѣ и разговоръ ни на минуту не переставалъ быть литературнымъ, потому что во всѣхъ исторіяхъ фигурировали литераторы. Наденька, въ концѣ концовъ, перестала трусить, убѣдившись, что литературныя дамы обладаютъ достоинствами и слабостями, свойственными всѣмъ дамамъ на свѣтѣ.

Послѣ выпивки и закуски мужчины уже не удалялись въ кабинетъ; завязался очень оживленный общій разговоръ, въ которомъ всѣ единодушно бранили одну газету. Предводительствовалъ самъ господинъ Кульчинъ, который громилъ газету, главнымъ образомъ, за то, что въ ней нѣтъ ни одного мало-мальски талантливаго журнальнаго обозрѣвателя, и при этомъ говорилъ очень много и весьма краснорѣчиво о высокомъ значеніи журнальнаго обозрѣвателя, причемъ постоянно упоминалъ Бѣлинскаго, Добролюбова и какимъ-то страннымъ образомъ вставлялъ сюда свое имя. Когда водки не хватило, пили пиво, а потомъ стали пѣть русскія пѣсни, причемъ дамы очень

Digitized by Google

дружно подтягивали, а въ общемъ пѣли довольно громко.

Разошлись часа въ четыре ночи. Хозяинъ сильно жалъ всѣмъ руки и постоянно повторялъ, что у него субботы и что нѣтъ у насъ порядочныхъ журнальныхъ обозрѣвателей.

VI.

Прошла еще недѣля. Сергѣй Иванычъ зашелъ въ редакцію и узналъ, что статья еще не прочитана.

— Масса матеріала, милѣйшій мой! Мы соблюдаемъ очередь!—объяснилъ редакторъ.

Дома онъ не сказалъ объ этомъ ни слова. Наденька уже раза два напоминала ему, что двѣ недѣли прошло и что, слѣдовательно, пора зайти въ редакцію.

— Да мнѣ что-то неохота!.. Далеко, вѣдь... Еще недѣльку подождемъ!..—отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ. Наконецъ, и эта недѣля прошла. Онъ отправился въ редакцію почти съ отчаяньемъ въ груди. „Если и теперь еще... А то, быть можетъ, отказъ!?“... Онъ боялся, что не вынесетъ такого позора и, пожалуй, съума сойдетъ. Но все обошлось благополучно. Онъ вернулся изъ редакціи веселый и довольный. Статья понравилась, пойдетъ въ слѣдующей книжкѣ и деньги выдали ему впередъ. Онъ удивлялся, какъ на него могли находить минуты сомнѣнія, и теперь окончательно увѣровалъ въ свой геній.

— Теперь баста заниматься пустяками! — рѣшилъ онъ,—буду писать большую вещь... романъ!

У него есть прекраснѣйшая, оригинальнѣйшая тема. Онъ поразитъ, всполошитъ весь литературный міръ. Въ самомъ дѣлѣ,—какъ до сихъ поръ никому изъ современныхъ беллетристовъ не пришло это въ голову! Тургеневъ изобразилъ отцовъ и дѣтей шестидесятыхъ годовъ; но съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, дѣти стали отцами, отцы—дѣдами и народились новыя дѣти. Вотъ

Digitized by Google

онъ изобразитъ это поколѣніе отцовъ и дѣтей. Какая благодарная задача!..

Онъ быстро пишетъ и ему ничего не стоитъ накатать романъ въ какихъ-нибудь полтора мѣсяца. Итакъ—рѣшено. Онъ садится за романъ.

Сказано, сдѣлано. Въ первый-же вечеръ пришло вдохновеніе, и онъ просидѣлъ часа три, а написалъ одну страницу, да и ту, въ концѣ концовъ, перечеркнулъ не безъ ожесточенія.

— Самое трудное—начало! — утѣшалъ онъ себя и Надю:—первая глава написана, значитъ написанъ весь романъ.—Остальное само-собой польется. Вѣдь, у него все готово: и фабула, и лица, и факты. Цѣлыя сцены проходятъ передъ его умственными очами, сцены энергическія, потрясающія своей жизненной правдой. Трудно только начать. Вѣдь, и великіе писатели сидѣли надъ первой страницей по нѣсколько недѣль и сто разъ перечеркивали первыя строки. Это, вѣдь, не очеркъ, а цѣлый романъ; не шутка! Начало всегда бываетъ скучное. Всѣ эти — предварительныя свѣдѣнія, біографіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ, — все это тяжело пишется и тяжело читается. Дѣйствіе развивается въ серединѣ, а особенно легко пишется подъ конецъ.

— Да вотъ что!—радостно вскричалъ онъ, ударивъ себя по лбу,—я буду писать безъ порядка! Что просится на бумагу, то и буду изливать. Въ этомъ собственно и заключается вдохновеніе. Такъ, кажется, кто-то писалъ... Не помню кто... Не то Достоевскій, не то Шиллеръ... Сначала напишу конецъ, потомъ середину, а потомъ уже и начало само собой выяснится...

И онъ принялся писать на клочкахъ. Конецъ былъ написанъ въ нѣсколько дней. Главный герой—одинокій, всѣми покинутый — умиралъ гдѣ-то на скалистомъ пустынномъ берегу Волги; выходила очень потрясающая сцена. На другихъ клочкахъ онъ набрасывалъ отрывочныя сцены. „Потомъ все это само собой свяжется!“—думалъ онъ. Три недѣли онъ находился въ страшной

Digitized by Google

ажитаціи. Наденька ни о чемъ не могла говорить съ нимъ; онъ то и дѣло читалъ ей написанныя сцены изъ романа и излагалъ не написанныя. Письмо, полученное городской почтой, нарушило однообразное теченіе ихъ жизни. Это было оффиціальное извѣщеніе отъ „Литературно-танцовальнаго кружка“ о томъ, что Сергѣй Ивановичъ Степовицкій, по предложенію дѣйствительныхъ членовъ Панчина и Данчина, единогласно избранъ въ члены онаго кружка. Тутъ-же прилагался членскій билетъ.

— Чортъ возьми! однако—„единогласно!“—Значитъ, меня знаютъ въ литературномъ мірѣ и признаютъ! Что сказалъ бы на это Ѳедотъ?!..

Единодушіе восьмидесяти литераторовъ доставило Степовицкимъ искреннюю радость. Только, что это за особы: Панчинъ и Данчинъ? Панчина, впрочемъ, онъ припомнилъ. Это былъ тотъ самый поэтъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ у Кульчина. Ну, а Данчинъ... Должно быть, тоже поэтъ.

Радость мѣшала ему продолжать свой романъ и работа была отложена. Въ одинъ изъ дней слѣдующей недѣли было назначено публичное собраніе въ „танцовально-литературномъ кружкѣ“ и они рѣшили отправиться туда. Наденька принарядилась и даже зашла къ парикмахеру завить локоны. Она любила танцовать и возлагала большія надежды на кружокъ.

Сергѣй Иванычъ при входѣ предъявилъ свой членскій билетъ, а за Наденьку внесъ входную плату. У входа въ залъ стоялъ небольшой столикъ, за которымъ сидѣла дама среднихъ лѣтъ высокаго роста въ яркомъ платьѣ, съ пунцовымъ цвѣткомъ въ волосахъ и съ бѣлымъ значкомъ на груди; рядомъ съ нею суетливо сидѣлъ юноша съ русыми кудрями, съ красивымъ, совсѣмъ еще молодымъ лицомъ—безъ всякой растительности. На груди у него также былъ распорядительскій значекъ. Оба они продавали билеты, считали деньги, что-то записывали и разговаривали съ мимо проходившей публикой.

Digitized by Google

У входа въ залъ Степовицкіе встрѣтили поэта Панчина; онъ отбиралъ билеты и водворялъ порядокъ.

— А, вы пришли?! Я таки предложилъ васъ!.. — произнесъ онъ. Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ и познакомилъ его съ Наденькой. Въ это время къ нимъ подошелъ высокій блѣдный и худощавый брюнетъ, съ цѣлой кучей волосъ на головѣ, съ наполеоновской бородкой и съ удивленными вопрошающими глазами. Онъ что-то сказалъ Панчину, но изъ его словъ ничего нельзя было понять; онъ говорилъ невѣроятной скороговоркой и какъ-бы запыхавшись.

— Мой другъ — Данчинъ! — представилъ его Панчинъ: — тоже поэтъ! Мы вмѣстѣ съ нимъ предложили васъ въ члены!..

Сергѣй Иванычъ хотѣлъ-было поблагодарить и Данчина, но тотъ какъ-то мгновенно исчезъ.

— Онъ немножко изступленный!..—объяснилъ Панчинъ,—но имѣетъ большой талантъ!..

Они прошли въ залъ. Залъ былъ большой и помѣстительный, но публики было немного; больше половины стульевъ оставались пустыми. На эстрадѣ за небольшимъ столикомъ сидѣла какая-то фигура и, уткнувшись въ книжку, что-то читала угрюмымъ, замогильнымъ голосомъ. На столикѣ блестѣли графинъ съ стаканомъ. На второмъ планѣ съ лѣвой стороны эстрады стоялъ рояль. Степовицкіе заняли мѣста въ заднихъ совершенно пустыхъ рядахъ и старались слушать, но до нихъ долеталъ только угрюмый гулъ. Панчинъ принесъ имъ программу, изъ которой они узнали, что имъ предстоитъ прослушать девять нумеровъ чтенія, три нумера пѣнія и одинъ — игры на арфѣ; всего тринадцать нумеровъ. А угрюмый господинъ все читалъ и читалъ, а публика все надѣялась что-нибудь услышать, но потомъ перестала надѣяться и начала выходить. Наконецъ, онъ кончилъ и ушелъ, не получивъ никакихъ знаковъ одобренія. На эстраду вышелъ юноша, сидѣвшій съ дамой у кассы и очень четко и громко продекламировалъ басню своего со-

Digitized by Google

чиненія. Басня оказалась смѣшной, и автору много апплодировали, въ особенности дамы, потому что юноша былъ прекрасно сложенъ и имѣлъ красивое лицо съ печатью вдохновенія. Послѣ него выбѣжалъ изступленный поэтъ Данчинъ, очень долго размахивалъ руками и съ величайшимъ изумленіемъ что-то такое мычалъ, шипѣлъ и, кажется, икалъ даже. Публика не знала, какъ понимать это, и всѣ съ недоумѣніемъ заглядывали въ программу, изъ которой только и узнавали, что это какой-то отрывокъ изъ ненапечатанной и неоконченной трагедіи изъ жизни древнихъ скиѳовъ, сочиненіе Данчина. Такъ онъ и ушелъ, не разгаданный. Послѣ него читалось еще шесть нумеровъ стиховъ и прозы, — все это были большею частью отрывки изъ неизданныхъ поэмъ, главы изъ неоконченныхъ романовъ и т. п.; публика все убывала; наконецъ, вышла арфистка и залъ какъ-то сразу наполнился публикой и при этомъ можно было замѣтить, что лица у вошедшихъ были веселыя и красныя; это объяснялось тѣмъ, что публика пришла изъ буфета. Арфистка произвела фуроръ и играла bis; потомъ вышли два пѣвца и спѣли дуэтъ—ужасно длинный, тягучій и печальный; при томъ пѣвцы въ срединѣ разошлись и, остановившись, къ изумленію публики, принялись пѣть сначала. Послѣдній нумеръ программы не оставилъ въ буфетѣ ни одной души. Французская опереточная пѣвица изображала: „O Paris!“. Потомъ на bis: „et cecі et celà“ и многое другое въ такомъ родѣ. Публика стучала стульями отъ восторга.

Стали выносить стулья и всячески очищать залъ для танцевъ. Къ Степовицкимъ подлетѣлъ Панчинъ.

— Пойдемте въ буфетъ, я кое-съ-кѣмъ изъ членовъ познакомлю васъ! — предложилъ онъ Сергѣю Иванычу. Тотъ съ удовольствіемъ согласился, но прежде, чѣмъ уйти въ буфетъ, они пристроили Наденьку къ дамамъ, изъ которыхъ одна оказалась сестрой поэта Панчина, другая—женой поэта Данчина, а третья просто дамой.

Въ буфетѣ, очень тѣсномъ, но богатомъ столиками,

Digitized by Google

было довольно людно. Въ публикѣ преобладали пѣхотные офицеры, весьма юные студенты и студентки, какіе-то люди энергическаго типа, большею частью небрежно одѣтые и съ всклокоченными волосами; эти послѣдніе, по объясненію Панчина, были члены „Литературно-танцовальнаго кружка“. Дамы большею частью были веселы, говорили громко, смѣялись открыто; попадались цѣлыя семейства, а кое-гдѣ можно было замѣтить маменьку съ дочкой, явившихся съ спеціальною цѣлью—познакомиться съ порядочными кавалерами, иначе говоря—найти мужа и зятя. Среди порядочной толкотни Панчинъ то-и-дѣло здоровался и пожималъ руки проходящимъ, иногда онъ обращался къ Сергѣю Иванычу.

— Позвольте васъ познакомить! Одинъ изъ нашихъ членовъ!.. — и онъ называлъ фамилію, а потомъ поясналъ—поэтъ-ли это, или беллетристъ, или репортеръ, или критикъ. Такихъ новыхъ знакомыхъ Степовицкій насчиталъ около двадцати, причемъ поэты рѣшительно преобладали. Наконецъ, они протолпились къ столику, за которымъ сидѣли два господина — одинъ средняго роста съ русой бородой клиномъ, другой поменьше, съ нѣсколько старообразнымъ лицомъ и съ десяткомъ бѣлыхъ волосъ на подбородкѣ. Лица обоихъ показались автору „Улиты“ очень симпатичными. Но прежде, чѣмъ остановиться у столика, Панчинъ сдѣлалъ конфиденціальное предисловіе.

— Вотъ эти двое—самые старые и самые почтенные члены кружка... Они, можно сказать, основали кружокъ!.. Закадычные друзья!.. Всегда вмѣстѣ и любятъ выпить...

Потомъ онъ подвелъ его къ основателямъ кружка и, назвавъ ихъ фамиліи, представилъ его, какъ новаго члена.

Его пригласили присѣсть, а Панчинъ скрылся. Основатели, повидимому, выпили порядочно. Обладатель русой бородки, по фамиліи Бѣляевъ, сидѣлъ въ полуоборота, подперши голову одной рукой, и ежеминутно плевалъ въ сторону; очевидно, вино дѣйствовало на него удручающимъ обра-

Digitized by Google

зомъ; за то другой, имѣвшій на подбородкѣ десятокъ бѣлыхъ волосъ и носившій фамилію Овчинникова, былъ чрезвычайно оживленъ, не могъ спокойно усидѣть на мѣстѣ, говорилъ язвительно и изрѣдка употреблялъ ругательныя слова.

— Вы—членъ?—прямо спросилъ онъ Степовицкаго.

— Избранъ въ послѣднемъ засѣданіи!—скромно отвѣтилъ авторъ „Улиты“.

— Не говорите мнѣ о засѣданіи... ибо ослы не могутъ сидѣть... Они стоятъ или лежатъ!.. Ха-ха-ха! Правда?—обратился онъ къ Бѣляеву.

Тотъ плюнулъ въ отвѣтъ. „Какъ это странно, однако!“ — подумалъ Степовицкій.

— Вы что-же, настоящій литераторъ или такъ себѣ? — продолжалъ Овчинниковъ, глядя ему прямо въ глаза.

— То-есть, какъ это?.. Вѣдь, здѣсь, кажется, только литераторы могутъ быть членами!..

Бѣляевъ фыркнулъ.

— Такъ вы полагаете, что все это литераторы?.. Вонъ видите, водку пьетъ около стойки... Эдакая фіолетовая физіономія... Вы знаете, что онъ написалъ? Онъ написалъ и помѣстилъ въ одной газеткѣ слѣдующее: „намъ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что на самомъ бойкомъ мѣстѣ Невскаго проспекта среди бѣла дня, такого-то числа, огромная свинья прошлась по панели и что находившіеся тутъ двое городовыхъ не только бездѣйствовали, но даже поощряли, оглашая улицу веселымъ хохотомъ“.. — Ха-ха-ха!.. А вотъ видите — стоитъ господинъ, лишенный волосъ... Онъ, будучи чухонскаго происхожденія, написалъ цѣлую драму изъ русскаго быта и помѣстилъ гдѣ-то... Потомъ оказалось, что онъ укралъ ее у одного шведскаго писателя... Такъ вотъ какіе это литераторы, батенька мой! Вотъ почему я васъ спросилъ, — вы какъ будете?..

И онъ опять посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Я, право, не знаю, какъ вамъ сказать!.. — не

Digitized by Google

безъ смущенія промолвилъ Сергѣй Ивановичъ,—я новичекъ въ литературѣ!.. Я написалъ всего только одну повѣсть...

— Какую?

— „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“!..

— Улита-а? Такъ это вы? Позвольте васъ облобызать!.. — и онъ трижды облобызалъ автора „Улиты. — „Улита“ — талантливая вещь... За „Улиту“ вамъ спасибо!.. Бѣлявка! — обратился онъ къ своему другу. — Помнишь „Улиту“? Вчера читали!

— Помню!—не перемѣняя позы, отвѣтилъ Бѣляевъ.

— Лобызай, братъ! Это онъ!...—Бѣляевъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ облобызалъ Сергѣя Ивановича и тоже трижды.

— Ну, надо выпить!.. — И онъ заставилъ автора „Улиты“ выпить сразу три рюмки водки „для уравновѣшенія чувствъ“, какъ объяснилъ онъ, т.-е. для того, чтобы всѣ были одинаково пьяны.

— И на кой только чортъ залѣзли вы сюда?—продолжалъ Овчинниковъ.

— Какъ? Да, вѣдь, вы-же, кажется, основали...

— Основалъ! Это вѣрно! Вотъ мы съ Бѣлявкой основали! Да еще съ какими надеждами!.. Ха-ха!.. Думали—объединить разрозненные элементы!.. Ну, и напустили всякаго народа... и вышло вонъ что!.. Что было путнаго—заглянуло, понюхало—воняетъ, да и назадъ... И не заглядываютъ, батенька... Такъ иной разъ придутъ изъ снисхожденія, посмотрятъ съ сожалѣніемъ!.. Эхъ-эхъ! Мы вотъ съ Бѣлявкой рѣшили наплевать, бросить... Да не бросимъ... Два года собираемся... Жаль какъ-то! Вѣдь, это наше дѣтище, какъ хотите! Родительскія чувства! Все надѣешься, авось что-нибудь выйдетъ, да только ничего не выйдетъ!..

Овчинниковъ много говорилъ еще горькихъ истинъ, причемъ запивалъ ихъ водкой и заставлялъ то-же самое дѣлать и автора „Улиты“, Бѣляевъ-же и самъ не отставалъ. Часа въ два ночи они вышли изъ буфета всѣ

Digitized by Google

трое обнявшись и, появившись въ залѣ, гдѣ въ это время шли оживленные танцы, произвели большой безпорядокъ. Распорядитель танцевъ энергично пытался унять ихъ, но напрасно. Впрочемъ, ихъ удалось-таки увести въ распорядительскую комнату. Здѣсь Овчинниковъ плакалъ горькими слезами о томъ, что среди россійскихъ литераторовъ нельзя устроить ничего путнаго, а Бѣляевъ совѣтовалъ ему наплевать.

Наденька привезла своего супруга домой въ безчувственномъ состояніи. Но сама была очень довольна вечеромъ, такъ какъ оказалась чрезвычайно пикантной дамочкой, благодаря чему отъ кавалеровъ не было отбоя, и она танцовала до головокруженія.

VII.

Степовицкіе сдѣлались постоянными посѣтителями „Литературно-танцовальнаго кружка“. Сергѣй Ивановичъ уже нѣсколько разъ бывалъ на засѣданіяхъ, гдѣ собирались только члены для обсужденія текущихъ дѣлъ, избранія распорядителей танцевъ и блюстителей порядка. Въ число послѣднихъ скоро былъ выбранъ Сергѣй Ивановичъ и былъ очень доволенъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ особую честь; при томъ-же ему представлялось довольно заманчивымъ — въ виду многочисленной и разнообразной публики — ходить по залѣ съ распорядительскимъ значкомъ на груди. Это было не больше, какъ невинное тщеславіе.

Наденькѣ тоже было пріятно, что ея супругъ игралъ въ кружкѣ видную роль. Сама она очень скоро перезнакомилась съ женами и сестрами членовъ кружка, и такъ какъ всѣ онѣ были дамы веселыя и любительницы танцевъ, то Наденька очень хорошо сошлась съ ними, ходила къ нимъ въ гости, принимала ихъ, вообще, мило проводила время и благословляла тотъ день, въ который познакомилась съ „Литературно-танцовальнымъ кружкомъ“.

Digitized by Google

У Степовицкихъ образовался очень обширный кругъ знакомствъ и имъ зажилось довольно весело.

Сергѣю Ивановичу давно предлагали прочитать что-нибудь на одномъ изъ вечеровъ, но онъ все какъ-то не рѣшался, хотя въ сущности ему очень хотѣлось попробовать свои силы на этомъ поприщѣ. И вотъ онъ, наконецъ, рѣшился, но на первый разъ поставилъ въ программѣ не свое произведеніе, а какой-то отрывокъ изъ Некрасова. Въ тотъ день онъ очень много волновался и вышелъ на эстраду совсѣмъ больной и блѣдный. Голосъ его, благодаря волненію, пріобрѣлъ какую-то нервную выразительность, и онъ произвелъ большое впечатлѣніе на слушателей. Онъ получилъ много аплодисментовъ, читалъ что-то на bis, пожималъ множество рукъ и принималъ поздравленія. Это были первые его аплодисменты. Они вскружили ему голову. Всю недѣлю потомъ онъ готовился къ слѣдующему вечеру, но на этотъ разъ уже выбралъ отрывокъ изъ собственнаго недоконченнаго романа. Онъ взялъ, именно, ту послѣднюю главу, которую написалъ первой и въ которой изображалась смерть героя романа на пустынномъ берегу Волги. Въ этотъ вечеръ онъ волновался еще больше и когда вышелъ на эстраду, ничего не видѣлъ, кромѣ лежавшей передъ нимъ тетрадки. Публика не забыла его и встрѣтила аплодисментами. Онъ читалъ выразительно, съ разстановкой и, пожалуй, недурно, и вообще—имѣлъ нѣкоторый успѣхъ.

Послѣ этого онъ уже не могъ пропустить ни одного вечера, чтобы не выйти на эстраду и не прочитать что-нибудь. Онъ замѣтилъ, что проза не производитъ большого впечатлѣнія и поэтому сталъ сочинять очень чувствительные стихи спеціально для исполненія на вечерахъ кружка.

Занятый новыми впечатлѣніями и увлеченный новой „общественной дѣятельностью“, онъ какъ-то все не могъ возобновить свои прежнія занятія. „Ничего, какъ-нибудь засяду и въ три дня, не вставая, прикончу весь романъ!“— утѣшалъ онъ себя.

Digitized by Google

Въ этихъ пріятныхъ занятіяхъ прошло полтора мѣсяца. Въ это время онъ пережилъ еще одно жгучее волненіе. Въ „Обозрѣвателѣ“ была напечатана вторая статья. Онъ уже двѣ недѣли посѣщалъ кабинетъ для чтенія, пересматривалъ всевозможныя газеты, но отзыва нигдѣ не нашелъ. Даже Кульчинъ на этотъ разъ не сказалъ ни слова. Для него это было зловѣщимъ признакомъ; онъ не стерпѣлъ и въ одну изъ субботъ отправился къ Кульчину безъ Наденьки.

Кульчинъ принялъ его съ прежней любезностью, но о статьѣ не сказалъ ни слова, будто умышленно избѣгая разговора о ней. Сергѣй Иванычъ не разъ намеками наводилъ рѣчь на этотъ предметъ, но критикъ упорно не понималъ его.

Тогда онъ заговорилъ прямо:

— Я искалъ вашего отзыва въ послѣднихъ нумерахъ!...

— Напрасно, милѣйшій, не найдете!...—прямо отвѣтилъ Кульчинъ.

Сергѣй Иванычъ не зналъ, что еще сказать, но критикъ заговорилъ уже самъ.

— Ваша статья, милѣйшій мой, меня опечалила. Я предпочелъ выждать чего-нибудь лучшаго и воздержался отъ отзыва... Вѣдь, это повтореніе „Улиты“ въ маленькомъ видѣ!... Знаете что: чтобы быть писателемъ оригинальнымъ, всегда интереснымъ, живымъ,—мало искры Божіей; нужны знанія, развитіе, широкій горизонтъ... Вотъ этого-то нашимъ писателямъ и не достаетъ... Вѣдь, наши таланты чуть только научились читать и писать—уже и валяютъ повѣсти... И читаютъ только самихъ себя... При томъ у васъ этотъ золаизмъ... выходитъ—довольно грубовато!... Вы, вѣроятно, очень много пишете?..

Сергѣй Иванычъ не отвѣтилъ. Онъ скоро ушелъ отъ критика и, придя домой, былъ очень мраченъ, ходилъ по комнатѣ и не отвѣчалъ на вопросы Наденьки. Кульчина онъ уже считалъ своимъ личнымъ врагомъ и, повидимому, не придавалъ значенія ни одному изъ его словъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ. Но въ сущности

Digitized by Google

слова критика оставили глубокій слѣдъ въ его душѣ. Онъ молча согласился, что послѣдняя статья напоминаетъ „Улиту“, что она написана слишкомъ спѣшно, съ плеча...

Но это настроеніе удручало его не долго. Взглядъ его упалъ на отрывки романа, разбросанные по этажеркѣ. „Постойте-ка! Я покажу вамъ свою настоящую силу!“...— промолвилъ онъ, перебирая отрывки, и съ этой минуты засѣлъ за романъ съ такимъ рвеніемъ, какого не зналъ прежде.

Двѣ недѣли онъ не выходилъ изъ комнаты. Въ это время онъ никого не принималъ, съ Наденькой обращался грубо, капризничалъ,—но ему все прощалось, потому что онъ находился подъ вліяніемъ вдохновенія. Онъ позабылъ даже о „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“; значительно похудѣлъ и поблѣднѣлъ за это время. Онъ писалъ днемъ и ночью, истребляя массу кофе и крѣпкаго чаю; подъ конецъ нервы его напряглись до послѣдней степени, онъ раздражался при малѣйшемъ шумѣ, а крикъ инфанта, еще недавно такъ ласкавшій его слухъ, приводилъ его въ бѣшенство. Онъ писалъ и переписывалъ въ одно и то-же время, и когда, по прошествіи мѣсяца, увидѣлъ передъ собою чистенькую, довольно толстую и очень четко исписанную тетрадь, то вдругъ совершенно измѣнился; на лицѣ его весь тотъ день сіяла улыбка, онъ былъ добръ, любезенъ, нѣженъ и милъ, потому что чувствовалъ себя такъ, какъ будто только-что для спасенія отечества совершилъ трудный и величественный подвигъ. Онъ то-и-дѣло бралъ въ руки рукопись, перелистывалъ, просматривалъ и потрясалъ ею въ воздухѣ.

— Посмотримъ, что они теперь скажутъ! что запоетъ этотъ многорѣчивый господинъ Кульчинъ!—торжественно восклицалъ онъ.

Рукопись была отправлена въ редакцію „Всероссійскаго Обозрѣвателя“, и Сергѣй Иванычъ предался отдохновенію. Нечего и упоминать, что онъ снова надѣлъ распорядительскій значекъ и появился на эстрадѣ въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“. Жизнь Степовицкихъ

Digitized by Google

опять полилась бойкимъ веселымъ потокомъ. Занялись отдачей старыхъ запущенныхъ визитовъ и пріемомъ знакомыхъ. Супруги почти ежедневно возвращались домой послѣ двухъ часовъ ночи. Наденька совсѣмъ сдала инфанта на руки Любѣ и Сонѣ, которыя вели поэтому жизнь отшельническую и съ каждымъ днемъ больше и больше отвыкали отъ людского общества и даже отъ Наденьки. Въ это время Сергѣй Иванычъ однажды случайно встрѣтилъ гдѣ-то на улицѣ Рябинина. Онъ выразилъ-было восторгъ, но какъ-то вдругъ спохватился и довольно холодно спросилъ стараго пріятеля, какъ онъ поживаетъ. Рябининъ отвѣчалъ, что живетъ по-прежнему и что, вообще, жизнь не пріучила его къ перемѣнамъ.

— А ты?—спросилъ онъ:—каковы твои успѣхи?

— Мы преуспѣваемъ, — съ снисходительной шутливостью отвѣтилъ Сергѣй Иванычъ:—напечаталъ другую статью, кончилъ большой романъ, избранъ въ члены „Литературно-танцовальнаго кружка“...

— Ну, желаю тебѣ дальнѣйшаго успѣха!—промолвилъ Ѳедотъ Семенычъ, какъ-бы отказываясь выслушивать дальнѣйшее перечисленіе подвиговъ автора „Улиты“. Онъ попросилъ кланяться Наденькѣ и распрощался.

Все было-бы прекрасно и Степовицкіе вполнѣ были-бы довольны своей судьбой, если-бы не одно маленькое обстоятельство. Подходилъ срокъ платить за квартиру, а въ кошелкѣ у нихъ было пусто. Редакція „Всероссійскаго Обозрѣвателя“ что-то медлила отвѣтомъ, а другихъ источниковъ у нихъ не было. Конечно, это затрудненіе было временное. Какъ только прочтутъ въ редакціи романъ, сейчасъ-же впередъ отвалятъ половину гонорара. А пока нужно было опять прибѣгнуть къ залогу нѣкоторыхъ вещицъ. Наконецъ, Сергѣй Иванычъ отправился въ редакцію за окончательнымъ отвѣтомъ.

Редактора онъ не засталъ. Въ редакціи были только Григорій, да Семенъ Иванычъ, который принялъ его чрезвычайно любезно.

— Вамъ ничего не говорилъ редакторъ? Здѣсь моя

Digitized by Google

рукопись есть... Я просилъ прочитать!..—обратился онъ къ Семену Иванычу.

— Ничего не сказывалъ!.. А какъ называется ваша рукопись?..

— „Дѣти и внуки“,—съ гордостью отчеканилъ Сергѣй Иванычъ.

— Позвольте... Я сейчасъ справлюсь!..—Семенъ Иванычъ подошелъ къ окну и сталъ рыться въ кучѣ сложенныхъ тамъ рукописей. Изъ середины онъ вытащилъ „Дѣтей и внуковъ“ и взглянулъ на обложку.

— Къ возврату,—довольно безпечно промолвилъ онъ.

— Какъ. къ возврату? — Сергѣй Иванычъ едва не пошатнулся.

Написано: „къ возврату!“ Вотъ прочитайте! Ну, значитъ—къ возврату! Извольте получить!..

Да, да, онъ видѣлъ собственными глазами; большими буквами синимъ карандашомъ написано: „къ возврату“!

Но этого все-таки не можетъ быть. Тутъ какое-то недоразумѣніе.

— Нѣтъ-ли тутъ ошибки? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Право—не знаю! Дождитесь редактора!

— Я дождусь!..—Онъ сѣлъ у окна и дѣлалъ видъ, что смотритъ на улицу, но ровно ничего не видѣлъ. Семенъ Иванычъ что-то такое говорилъ о театрѣ; разсказывалъ содержаніе оперетки, которую онъ видѣлъ вчера. Но авторъ „Дѣтей и внуковъ“ ничего не слышалъ. Онъ очнулся только тогда, когда раздался звонокъ и вслѣдъ затѣмъ вошелъ редакторъ.

— Вы назначили къ возврату?..—прямо и даже не поздоровавшись спросилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, къ сожалѣнію!..—отвѣтилъ редакторъ, нѣсколько удивленный такой стремительностью.

— Но почему-же?

— Какъ вамъ сказать?.. Неудобно!..

— Но почему неудобно?

Редакторъ разсердился.

Digitized by Google

— Потому что нельзя печатать чепуху!..

— Чепуху?—У Сергѣя Иваныча на мгновеніе сердце перестало биться.

— Ахъ, милѣйшій!—поправился редакторъ, видя, что его приговоръ дурно повліялъ на собесѣдника;—и зачѣмъ вы беретесь за разрѣшеніе такихъ грандіозныхъ задачъ?.. Вѣдь, это все выдумка, сочиненіе... Я читалъ и удивлялся, куда дѣвался вашъ талантъ? Мораль, сентенція, напыщенность, дѣланность и выдумка, выдумка на каждомъ шагу... И даже не умно! Вы не сердитесь! Я вамъ даю совѣтъ: работайте надъ маленькими сюжетами... Не беритесь за рѣшеніе міровыхъ вопросовъ... „Дѣти и внуки“! Ха-ха-ха! Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такихъ дѣтей и внуковъ, какихъ вы изобразили!.. Давайте намъ что-нибудь вродѣ „Улиты“... А романъ... Это еще впереди!... Это вамъ мой дружескій совѣтъ!—Сергѣй Иванычъ поблагодарилъ и, прижимая къ сердцу рукопись „Дѣтей и внуковъ“, выбѣжалъ вонъ. Онъ былъ взбѣшенъ и оскорбленъ такимъ исходомъ дѣла. „Все это ложь, пристрастіе!.. Видно, и тутъ нужна протекція!.. Имя нужно!.. Подпиши я подъ своимъ романомъ громкое имя,—до небесъ вознесли-бы“! И тутъ-же у него явилась мысль немедленно отнести романъ въ другую редакцію. Онъ вынулъ изъ кармана резинку и тщательно вытеръ синій карандашъ на оберткѣ рукописи. Потомъ онъ снесъ ее въ журналъ „Миражъ“ съ покорнѣйшей просьбой прочитать какъ можно скорѣе.

Онъ пришелъ домой блѣдный, но съ яснымъ, улыбающимся лицомъ. Боже сохрани—разсказать Наденькѣ всю правду. Она придетъ въ отчаяніе и, главное,—усомнится въ немъ.

— Все еще не прочитано!.. Масса матеріала!.. Придется еще подождать!..—объяснилъ онъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ онъ читалъ въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“ сцену изъ романа „Дѣти и внуки“ и въ этомъ нашелъ немалое утѣшеніе.

Тѣмъ временемъ вопросъ о деньгахъ все назрѣвалъ.

Digitized by Google

У Степовицкихъ былъ ничтожный запасъ предметовъ роскоши и онъ весь уже перешелъ въ ломбардъ. Наденька прямо заявила, что скоро они останутся безъ хлѣба. Сергѣй Иванычъ уже сдѣлалъ кое-какіе маленькіе долги у сочленовъ по кружку; нужно было думать о болѣе существенномъ источникѣ. Впрочемъ, онъ еще слишкомъ вѣрилъ въ свой романъ и ни на минуту не допускалъ, чтобы онъ не понравился въ редакціи „Миража“. Но тамъ тянули ужасно. Онъ уже справлялся раза три. Въ это время у него явилась идея. Онъ пишетъ для кружка много маленькихъ стихотвореній. Почему не пристроить ихъ куда-нибудь въ небольшое еженедѣльное изданіе! И онъ снесъ кое-что въ три журнала разомъ, а черезъ недѣлю узналъ, что половина принята. Это значительно подняло его духъ. Вѣдь, это можетъ служить порядочнымъ подспорьемъ. И онъ началъ прилежно строчить маленькіе сонеты и очерки въ стихахъ и прозѣ, басни и даже анекдоты въ лицахъ. Со всѣми этими родами творчества онъ справлялся довольно легко, и нѣкоторые журналы принимали отъ него такого рода работу даже съ благодарностью.

Но самъ онъ смотрѣлъ на это занятіе, какъ на забаву и, конечно, не думалъ дѣлать его своею спеціальностью.

VIII.

Однажды Сергѣй Иванычъ пришелъ домой съ совершенно блѣднымъ лицомъ и съ какимъ-то сумасшедшимъ горячечнымъ видомъ.

— Что съ тобой? Ты нездоровъ?—спросила испуганная Наденька.

Сергѣй Иванычъ глубоко вздохнулъ и вынулъ изъ кармана сложенную вдвое, измятую рукопись „Дѣтей и внуковъ“.

— Не приняли?—еще больше испугалась Наденька.

— Цензура... Говорятъ... не пропуститъ!..—тихо процѣдилъ Сергѣй Иванычъ.

Digitized by Google

— Что-жь мы будемъ дѣлать?—вырвалось у Наденьки:—вѣдь, у насъ ничего, ничего нѣтъ!.. Вѣдь, мы должны больше сотни рублей...

Сергѣй Иванычъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста и забѣгалъ по комнатѣ. Нервнымъ голосомъ оскорбленнаго человѣка онъ говорилъ ужасныя вещи. Вотъ какъ она утѣшаетъ его! Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ возмущаться положеніемъ дѣлъ, благодаря которому лучшія произведенія должны лежать подъ спудомъ,—она напоминаетъ ему о долгахъ, о деньгахъ... Извольте послѣ этого искать утѣшенія у семейнаго очага!.. Женщинѣ недоступны высшія побужденія человѣческой души! Она не можетъ подняться выше обыденныхъ удобствъ, довольства, сытости и пр., и пр. Наденька была оскорблена, но молчала, не желая еще больше раздражать мужа. Впрочемъ, онъ скоро раскаялся и началъ извиняться.

— Я говорилъ просто подъ вліяніемъ возмущенія. Въ самомъ дѣлѣ, что-жь, теперь дѣлать?—въ свою очередь, спросилъ онъ.

Это былъ очень важный вопросъ. Вѣдь, всѣ надежды возлагались на романъ. Въ счетъ огромнаго гонорара заложено много вещей, надѣлана масса долговъ.

Какъ теперь быть? Приходилось усиленно строчить сонеты, басни и разнаго рода четыре-шести-и восьмистишія въ юмористическомъ родѣ. Но какой ужь тутъ юморъ, коли на душѣ кошки скребутъ. Притомъ, сколько ни пиши этихъ пустяковъ, дѣла основательно не поправить. Вѣдь отъ романа ожидался тысячный гонораръ, а тутъ какіе-то гроши...

И онъ ходилъ, опустивъ голову, напрасно придумывая исходъ. Слѣдовало-бы сейчасъ-же засѣсть и „навалять“ какой-нибудь небольшой очеркъ или повѣсть. Но ничего не приходило въ голову, а о вдохновеніи не могло быть и рѣчи. Какое тутъ вдохновеніе, когда дѣвочки—Соня и Люба—принуждены питаться одной колбасой да чаемъ и даже похудѣли, бѣдныя.

Между тѣмъ, они не переставали бывать въ „Лите-

Digitized by Google

ратурно-танцовальномъ кружкѣ". Въ немъ они находили большое утѣшеніе; Наденька забывала о житейскихъ невзгодахъ, когда кружилась въ вальсѣ; Сергѣй Иванычъ совершенно забывался, когда всходилъ на эстраду и декламировалъ одинъ изъ своихъ сонетовъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ забывался и другимъ способомъ. Довольно часто его можно было видѣть въ буфетѣ, засѣдающимъ за столикомъ съ какимъ-нибудь поэтомъ или репортеромъ.

Сочлены, давно уже знавшіе о томъ, что онъ пишетъ большой романъ (объ этомъ зналъ весь кружокъ и даже нѣкоторые изъ публики), часто освѣдомлялись о судьбѣ его произведенія.

— Столкновеніе съ цензурой!.. Ничего не подѣлаешь!..— мрачно отвѣчалъ Сергѣй Иванычъ.

— Ну, вотъ! Я вамъ говорилъ! Говорилъ, вѣдь,— подбѣгалъ къ нему поэтъ Панчинъ:—вотъ вы теперь на себѣ испытали!.. Я-же вамъ говорю: у меня семь большихъ поэмъ... Ничего не подѣлаешь!..

Однако, это очень мало утѣшало Степовицкаго. Онъ замѣтно худѣлъ и постоянно былъ мрачно настроенъ. Дома, на что ни взглянетъ, все говорило ему о кризисѣ, о долгахъ, о нищетѣ... А взяться за перо у него не хватало силъ. Наденька втихомолку плакала и часто показывалась съ красными глазами. Это раздражало его въ конецъ... „Не можетъ стоически переносить ничтожныя житейскія невзгоды! Хотя бы не показывала!" И онъ часто, очень часто уходилъ изъ дому, встрѣчалъ какого-нибудь знакомаго поэта, одного изъ тѣхъ, что, повидимому, безропотно посвятили свою жизнь на борьбу съ цензурой, заходилъ въ портерную и тамъ засиживался за полночь.

А здоровье его, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ разстраивалось. То грудь побаливала, то голова, то такъ— сплинъ какой-то.

Самый критическій моментъ наступилъ, когда хозяева потребовали плату за квартиру. Уже два мѣсяца не пла-

Digitized by Google

тили они. Имъ заявили это въ грубой, оскорбительной формѣ. Это было позорно и такъ продолжаться не могло. Наденька молчала, но на лицѣ ея можно было прочитать укоръ. Весь этотъ день Сергѣй Иванычъ не говорилъ съ нею, но въ душѣ его совершалась ужасная работа. Тамъ происходила отчаянная драка между самолюбіемъ, любовью къ Наденькѣ, къ семьѣ, благоразуміемъ и новой привычкой къ легкой, безпечной жизни... Къ вечеру онъ не выдержалъ и, прижавши голову къ Наденькину плечу, разрыдался. Изъ другой комнаты выбѣжали испуганныя дѣвочки. Никогда прежде ничего подобнаго не было. Всѣ старались успокоить его.

— Что это за жизнь! Что за подлая жизнь!..—рыдая восклицалъ онъ.—Наденька! Я подлецъ, я надувалъ тебя... Нехотя надувалъ... Боялся сказать правду!.. Нѣтъ, не цензура!.. глупая отговорка!.. Цензура ни причемъ! просто, чепуха—этотъ мой романъ, выдумка, сочиненіе!.. Вотъ и все!.. Такъ сказали, такъ оно и есть!.. Изолгался, на каждомъ шагу, вѣдь, ложь, тщеславіе... И этотъ глупый кружокъ... Что въ немъ? Игра маленькихъ, подленькихъ самолюбій!.. Пошленькое самоуслажденіе неудачниковъ... Господи, какъ все это глупо, низко, пошло!..

Онъ вдругъ поднялся и выпрямился во весь ростъ. На лицѣ его не было уже и слѣдовъ малодушія.

— Работать надо! Спину гнуть! Читать, учиться, наблюдать, разсуждать!.. Правда, Наденька? Будемъ работать скромно, тихо, бросимъ это разъигрыванье непризнанныхъ талантовъ!.. О, Ѳедотъ! Онъ тысячу разъ былъ правъ: талантишко, именно, талантишко! Работай и тогда кое-что сдѣлаешь! А вѣдь это что? Это значитъ,—смотрѣть на литературу, какъ на дойную корову!.. Какъ-бы мнѣ увидѣть Ѳедота!.. Обнять его!..

Онъ тутъ-же написалъ Рябинину письмо, въ которомъ заклиналъ его зайти. Ѳедотъ Семенычъ явился въ тотъ-же день вечеромъ, и какъ онъ былъ радъ, когда узналъ, что пріятель, наконецъ, образумился. Они горячо обнялись.

Digitized by Google

— Хочешь, у насъ освободилась вакансія надзирательская? Я похлопочу!—предложилъ онъ.

Сергѣй Иванычъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе. Трудно ему будетъ, отвыкъ, вѣдь, онъ отъ работы, излѣнился: эта проклятая легкость жизни, которой онъ научился въ кружкѣ, совсѣмъ сбила его съ толку. Сначала лгалъ по-немножку и краснѣлъ, потомъ появилась крупная ложь и краснѣть пересталъ. А, въ концѣ-концовъ еще распьянствовался. Право, это былъ какой-то кошмаръ, а совсѣмъ не жизнь. Долой все это! Къ чорту!.. И какой пошлой, ничтожной показалась ему его дѣятельность въ „Литературно-танцовальномъ кружкѣ“! Вѣдь, все это—ни больше, ни меньше, какъ щекотаніе маленькихъ самолюбій, не нашедшихъ удовлетворенія ни на какомъ болѣе существеномъ поприщѣ!.. Вспомнились ему Овчинниковъ и Бѣляевъ... Вѣдь, вотъ они-же ушли изъ кружка, не смотря на то, что сами основали его. А люди они, несомнѣнно, талантливые, и въ литературѣ ихъ имена считаются почтенными.

Въ этотъ вечеръ Сергѣй Иванычъ часто подходилъ къ Любѣ и Сонѣ и гладилъ ихъ по головкамъ. „Бѣдныя дѣвочки! васъ совсѣмъ забыли!“—думалъ онъ.

Недѣли три прошло съ этого памятнаго дня. Степовицкіе ни разу не пошли въ кружокъ; зато Ѳедотъ бывалъ у нихъ почти каждый день, а одинъ разъ привезъ къ нимъ сестру, и они проболтали весь вечеръ. Между тѣмъ, хлопоты его насчетъ надзирательскаго мѣста для пріятеля были удачны. Ему обѣщали.

Въ одномъ изъ своихъ „журнальныхъ обозрѣній“, Кульчинъ рядомъ со многими другими именами писателей, „нѣкогда обнаруживавшихъ присутствіе искры Божіей, иначе говоря, подававшихъ надежды, но не оправдавшихъ оныя“, упомянулъ имя нашего героя и тутъ-же поставилъ вопросъ: отчего въ нашей литературѣ такъ много дѣятелей этого рода? И разрѣшалъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Искра Божія есть у всякаго, кому Богъ далъ живую, впечатлительную душу. У вся-

Digitized by Google

каго непремѣнно найдется нѣчто такое, что онъ можетъ и хочетъ повѣдать міру. Обыкновенные люди повѣряютъ это „нѣчто“ своимъ друзьямъ, знакомымъ, любимому человѣку—въ минуту откровенности, потому что они не умѣютъ писать, не владѣютъ перомъ. Тотъ-же, кто маломальски умѣетъ обращаться съ фразой, берется за перо и сообщаетъ міру свое маленькое нѣчто. И это нѣчто—живое слово, потому что оно прочувствовано, продумано, пережито, потому что оно отъ души и оно производитъ впечатлѣніе таланта. Но сказавъ его, онъ сказалъ все и больше онъ уже ничего не скажетъ, а если скажетъ, то или повторитъ прежнее, или это будетъ нѣчто сухое, холодное, придуманное, бездушное. Этимъ, по нашему, и отличается искра Божія, которая есть у всякой живой души, отъ таланта, который видитъ иными, ему только свойственными, очами и видитъ то, чего не видятъ другіе, у котораго всегда найдется сказать что-нибудь свое по поводу всякаго, съ виду незамѣтнаго явленія. Вотъ отчего такъ густы ряды „подающихъ надежды“, но никогда не оправдывающихъ оныя“.

Прочитавъ эту тираду, авторъ „Улиты“ впалъ въ глубокую задумчивость. Ужь не правъ-ли въ самомъ дѣлѣ Кульчинъ? Не принадлежитъ-ли и онъ, авторъ „Улиты“, къ тѣмъ, у которыхъ хватило „искры Божіей“, чтобы сказать свое маленькое нѣчто и потомъ замолкнуть навсегда? Онъ долго думалъ на эту тему.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—порывисто промолвилъ онъ, съ силой ударивъ кулакомъ по столу.—Я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что мое „нѣчто“ еще не все сказано, что я могу еще кое-что повѣдать міру!.. Работать тихо, скромно, терпѣливо, согнувши спину! Смотрѣть на литературу, какъ на храмъ великому, прекрасному и правдивому Богу, а не какъ на выгодную, доходную статью!

Работать, работать, работать!

Таково было его рѣшеніе. А что изъ этого выйдетъ,—мы не знаемъ.

Digitized by Google

ПОТѢШНАЯ ИСТОРІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОТѢШНАЯ ИСТОРІЯ.

(Изъ деревенской хроники).

Баринъ еще спитъ.

Румяное южное солнце уже выплыло изъ-за ближняго лѣска и озолотило созрѣвшую рожь и зеленѣющіе стебли молодой пшеницы. Пушистые колосья ржи тихимъ утреннимъ вѣтромъ важно покачивались изъ стороны въ сторону, налегая другъ на друга и шелестя своими золотистыми усами. Движенія ихъ были полны достоинства. Они горделиво кивали своими массивными золотыми головками, и ихъ непрерывный шелестъ казался спѣшнымъ, дѣловымъ шепотомъ. Эта тайна, которую они чуть слышно передавали другъ другу, заключалась въ томъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ они дадутъ земледѣльцу самъ-сто. Весело смотрѣлъ лѣсокъ, кивая верхушками деревъ и, вмѣстѣ съ капризнымъ говоромъ вѣтра и шелестомъ зеленыхъ вѣтвей, посылая раскинувшимся у ногъ его селамъ и хуторамъ поздравленія. Онъ поздравлялъ ихъ съ началомъ уборки ржи, поздравлялъ съ надеждой на хорошій сборъ, поздравлялъ съ урожаемъ.

А баринъ все спитъ.

Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ въ лѣтніе дни вставалъ въ шесть часовъ. Другой хозяинъ на его мѣстѣ подымался-бы раньше солнца и летѣлъ-бы на поле или

Digitized by Google

на мельницу, или куда тамъ слѣдуетъ, чтобы посмотрѣть, распорядиться по хозяйству; а Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ преспокойно потягивается себѣ въ постели, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ малиноваго цвѣта и не предвидя отъ наступающаго дня ничего, кромѣ прибытковъ... Иначе и быть не могло. Первая тому причина: Самсонъ Платоновичъ Перехватовъ носитъ на себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чинъ, что-бы вы тамъ ни говорили, не маленькій. Получилъ онъ его за безкорыстную службу въ в—ской духовной консисторіи, гдѣ онъ прослужилъ ровно двадцать-пять лѣтъ, пройдя всѣ неизбѣжныя ступени уничиженія и дойдя, наконецъ, при помощи единственнаго своего таланта—терпѣнія, до той точки, на которой позволяется расправить крылья. Прослуживъ двадцать-пять лѣтъ въ качествѣ „бѣднаго чиновника, горбомъ зарабатывающаго себѣ дневное пропитаніе“ (такъ онъ всегда выражался, когда хотѣлъ получить „благодарность“ за какую-нибудь чиновную услугу), онъ, наконецъ, сказалъ себѣ: довольно! Послѣ чего неизвѣстно куда нырнулъ и черезъ годикъ безъ малаго вдругъ вынырнулъ среди полей и лѣсовъ, среди рыболовныхъ озеръ и богатыхъ камышами мелководныхъ рѣченокъ в—скаго уѣзда, и вынырнулъ безъ горба, въ качествѣ законнаго владѣльца съ лишнимъ тысячъ трехъ десятинъ этихъ самыхъ полей, лѣсковъ, озеръ и рѣченокъ. Мѣстные обыватели только хлопали глазами отъ удивленія, откуда, дескать, вынырнула эта загадочная рыба? Послѣ уже для всѣхъ стало ясно, что рыба эта была изъ породы щукъ и явилась она въ мѣстныя благословенныя палестины для того, чтобы карась не дремалъ.

Вторая причина тому, что Самсонъ Платоновичъ позволялъ себѣ долго нѣжиться въ постели, заключалась въ его хозяйственной предусмотрительности. Онъ не хуже другого зналъ, что сегодня необходимо начинать уборку ржи, иначе тяжелое перезрѣвшее зерно станетъ высыпаться на землю; зналъ, что въ этомъ случаѣ каждый

Digitized by Google

пропущенный день стоилъ тысячи рублей; тѣмъ не менѣе сердце его было спокойно. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что ему не придется ударить пальцемъ о палецъ, потому-что къ нему придутъ и со смиреннымъ поклономъ попросятъ позволенія снять для него рожь, сложить ее въ снопы и свезти на его гумно.

Въ этотъ день онъ не хочетъ подыматься даже въ шесть часовъ. Онъ съ удовольствіемъ измѣняетъ обычаю и въ половинѣ седьмого произноситъ: „пусть подождутъ бездѣльники!“ Причемъ послѣднее слово произносится имъ скорѣе въ смыслѣ похвалы, чѣмъ ругательства.

Въ половинѣ седьмого Самсонъ Платоновичъ рѣшилъ, что пора начинать день.

Обширный дворъ Перехватова былъ необычно оживленъ съ пяти часовъ. Какъ только поднялось солнце, онъ огласился неумолкаемымъ говоромъ. Говоръ былъ сначала сдержанный, мирный, но, по мѣрѣ того, какъ подымалось солнце, онъ становился нетерпѣливѣе. Человѣкъ сорокъ мужиковъ чаще и чаще подымали головы, посматривая на солнце и подчасъ, казалось, упрашивая его—не торопиться, подождать. Мужики довольно замѣтно дѣлились на двѣ группы. Въ одной, которая была побольше, преобладали русыя бородки клиномъ, цвѣтныя сорочки на-выпускъ и свѣжіе лапти изъ молодого лыка. Въ другой угловато и молчаливо глядѣли смуглыя лица съ длинными усами, черныя барашковыя шапки, изъподъ которыхъ струились капли пота, что, повидимому, доставляло особенное удовольствіе угрюмымъ усачамъ. Здѣсь преобладали босыя ноги, покрытыя грубой кожей, принадлежавшей, повидимому, бегемоту. Изрѣдка попадались высокіе сапоги такихъ размѣровъ, что въ каждый изъ нихъ можно было влѣзть втроемъ. Отъ нихъ несло пріятнымъ запахомъ дегтя, который заглушалъ даже острый ароматъ поздняго цвѣта акацій, распустившихся въ саду Перехватова. Если на нѣкоторыхъ изъ нихъ обувь сильно напоминала обыкновенные лапти и была сплетена изъ того-же лыка, то она утрачивала уже

Digitized by Google

названіе лаптей и именовалась „постолами“. Не трудно было съ перваго взгляда опредѣлить, что первую группу составляли великороссы, вторую-же — прямые потомки запорожцевъ. И тѣ и другіе были кровными, родовыми обывателями села Погорѣловки, раскинувшагося по берегамъ извилистой мелководной рѣченки, не имѣвшей никакого спеціальнаго названія.

— А кто, братцы, заплатитъ намъ за нонѣшнее утро?—говорилъ сутуловатый приземистый мужикъ изъ группы великороссовъ, поглядывая на солнце.

— Та мабуть нихто другій, якъ Богъ!—иронически процѣдилъ сквозь зубы типичный малороссъ съ длинными сѣдоватыми усами, снявъ сивую шапку и вытирая вспотѣвшій затылокъ рукавомъ сорочки.

— Онъ-то, извѣстно, заплатитъ, а только, братъ, на Бога надѣйся, говорятъ, а самъ не плошай!—отвѣтилъ великороссъ, снисходительно поглядывая въ сторону собесѣдника.

— А какъ думаешь, Шавкунъ, дозволитъ или не дозволитъ?—обратился приземистый великороссъ все къ тому-же собесѣднику.

— А Богъ его знае! може дозволыть, а може й ни!—равнодушно отвѣчалъ Шавкунъ, но подумавши прибавилъ:—а вже-жь дозволыть!

— Сейчасъ видно хохла! Точно ему и дѣла нѣтъ, цѣдитъ себѣ: „може дозволитъ, а може ны!“ А ежели не дозволитъ?—передразнилъ другой великороссъ, помоложе.

— А якъ не дозволыть?.. Ну, тоди... Що-жь ты зъ нымъ зробышь? Винъ тоби, що захоче, то и зробе!.. До его уси паны зъ города издять!.. Не дозволыть, то такъ и пидѣмъ до дому!..

— Дозволыть!.. Не можно, щобъ не дозволывъ!—заявилъ другой малороссъ, не вынимая изо рта коротенькой трубки, отъ которой отдѣлялся ароматный дымокъ махорки.—Якъ-же винъ може не дозволыть, колы е бумажка!? Въ бумажци-жъ и написано!

Digitized by Google

— Вотъ и видно, что хохолъ! А бумажка-то эта нѣшто у тебя? Гдѣ она? Ну-ка вынь, да положь! А бумажка-то у него. Что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ нею!

— Хиба-жь я не знаю, що въ неи написано? Не бійся, я-же бачивъ, якъ винъ писавъ. Я-жь грамотный! И що тутъ знать? Кожну зиму беремо въ его землю, то кожный разъ одинаково пыше. Я взявъ у его земли на шисть карбованцивъ, отъ—и прынисъ сегодня гроши. А якъ-бы не прынисъ, то бувъ-бы повыненъ одробыть ему на его жити, та ще такъ неначе-бъ то я взявъ у его дванацять карбованцивъ. Отъ и усе дило!

— И что болтать-то зря? Дозволитъ, не дозволитъ! Что тутъ дозволять?—вмѣшался новый ораторъ въ лаптяхъ и поярковой шляпѣ. У него былъ чрезвычайно веселый и беззаботный видъ; онъ часто смѣялся и показывалъ свои бѣлые зубы. Можно было замѣтить, что молчавшіе мужики слушали его съ предпочтительнымъ вниманіемъ.—Кто-жь можетъ не дозволить мнѣ заплатить мои деньги? Я долгъ принесъ по росписке, а ты бери—вотъ и весь сказъ! А я пойду себѣ по своему дѣлу! Хе, хе, хе! Вотъ выдумали хохлы! Спасибо скажетъ, потому—всякому пріятно получить.

— А я тебѣ доложу, братецъ ты мой,—вступилъ въ разговоръ мужикъ, сидѣвшій на землѣ поодаль и до сихъ поръ упорно молчавшій. Онъ говорилъ хриплымъ голосомъ, почти шепотомъ, по временамъ прерывая рѣчь свою сухимъ, короткимъ кашлемъ. У него было очень некрасивое лицо, глубоко изрытое оспой; жиденькая растительность песочнаго цвѣта нисколько не скрадывала его уродливости.—Доложу я тебѣ, что онъ поломается, и здорово. Потому — самъ посуди: нынѣшній день—въ самый разъ трогать рожь. Помѣшкай день, другой и все пошло прахомъ. А гдѣ у него работники? Прочіе хозяева за недѣлю понанимали артели косарей, а у него ни души.

— Извѣстно, ни души, потому онъ на нашего брата надѣялся!

Digitized by Google

— То-то и есть, что надѣялся! А оттого надѣялся, что всякое лѣто наши мужики хлѣбъ ему снимали! Я самъ, поди, уже шестой годикъ снимаю ему по двѣ десятины... И снимешь, и свяжешь, и свезешь, потому— не платилъ... Обязательство... А по нонѣшнему времени—работникъ три рублика въ день стоитъ. Десятина-то ему рубликовъ въ восемь обойдется... Такъ оно и невыгодно, потому мы за два подрядились!..

— Чего подрядились? Мы не подряжались! Сказано—ежели не уплатимъ, а мы вотъ денежки принесли! Н-да! попляшетъ баринъ-то! Ему несходно! Оно на даровщину, извѣстно, сходнѣе!... Эй, слышь-ты, Тимофей!—обратился веселый мужикъ къ барскому лакею, проходившему изъ барскихъ комнатъ въ кухню. — Баринъ-то твой сегодня встанетъ?

— Еще пропотѣешь въ волю! Барину-то спѣшить некуда! презрительно взглянулъ на него лакей.—Чай, баринъ тебѣ нуженъ, а не ты барину!

Наконецъ, мужикамъ сказали, что баринъ одѣлся и сейчасъ выйдетъ къ нимъ.

— Михаилъ Кузьмичъ! Ты, ежели што, такъ сказывай за всѣхъ!—обращались мужики къ веселому товарищу, а тотъ насмѣшливо подмигивалъ въ пространство, какъ будто тамъ скрывался его невидимый сообщникъ.

Самсонъ Платоновичъ шелъ медленно, степенно переваливаясь и своей тяжелой поступью заставляя дрожать деревянную мебель, разставленную на крылечкѣ. Съ перваго взгляда онъ совершенно оправдывалъ свое библейское имя. При видѣ этого великана-Самсона, невольно приходили въ голову бѣдные филистимляне, уложенные имъ на мѣстѣ при помощи ослиной челюсти. Саженный ростъ и широкія приподнятыя плечи, а на спинѣ, пониже шеи, рельефное возвышеніе—слѣдъ того самаго горба, которымъ онъ въ продолженіи четверти вѣка снискивалъ и, наконецъ, снискалъ себѣ благосостояніе. Онъ горделиво несъ свои два подбородка, всегда

Digitized by Google

гладко выбритые, какъ и все его красное лоснящееся лицо,—привычку бриться ежедневно онъ почиталъ священной, потому-что ею сопровождалось достиженіе чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Толстыя губы его не сходились, потому-что нижняя, благодаря своей тяжеловѣсности, слишкомъ тянула книзу. Вѣки опустились, что, по мнѣнію Самсона Платоновича, должно было обозначать величіе, тогда какъ въ дѣйствительности это придавало ему видъ спящаго, чему не мало способствовало его непрерывное сопѣніе. Онъ держалъ обѣ руки на животѣ, иногда приподнимая одну изъ нихъ, чтобы повертѣть у шеи,—привычка, пріобрѣтенная имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ надѣвалъ Анну,—орденъ, полученный имъ за усердіе, при выходѣ въ отставку.

— Ну, что, мои милые? Зачѣмъ пожаловали?—молвилъ Самсонъ Платоновичъ, обращаясь къ мужикамъ. У него оказался нѣсколько хриплый, но мягкій и даже какъ будто ласковый голосъ. Онъ чуть-чуть улыбнулся и показалъ свои желтые зубы, между которыми, на самомъ видномъ мѣстѣ, не хватало одного.

Мужики сняли шапки и низко поклонились:

— Къ вашей милости, Самсонъ Платоновичъ!.. Мы вотъ по части деньженокъ!.. По части землицы, значитъ... О зимѣ которую!..

— Ага!—ласково протянулъ Самсонъ Платоновичъ,—ну, что-жь, дѣло хорошее! Давно пора, милѣйшіе; время жаркое,—скоро, поди, и сыпаться станетъ! Можно и начинать съ Богомъ!..

Мужики помолчали. Нѣкоторые искоса посматривали на Михайла Кузьмича и выразительно подмигивали ему. Михайло сдѣлалъ шагъ впередъ и вышелъ изъ толпы.

— Да мы къ тебѣ, Самсонъ Платонычъ, съ просьбицей!—промолвилъ онъ просительнымъ тономъ.—Время дѣйствительно горячее. Такъ что-бы ты дозволилъ намъ свою-то рожь сбирать!.. Что на твоей землѣ которая...

Digitized by Google

Вотъ мы всѣ, какъ есть тутъ, забрали у твоей милости...

— Постой, постой, братецъ! Ты больно шибко болтаешь!—остановилъ его баринъ,—я что-то не пойму!.. не соображу сразу!—Но руки его какъ-то вдругъ отдѣлились отъ брюха, на которомъ величественно покоились. Онъ отлично понялъ, въ чемъ дѣло, и обдумывалъ уже, что ему слѣдуетъ предпринять.

— Наше дѣло короткое; извольте выслушать, ваша, милость, продолжалъ, между тѣмъ, Михайло Кузьмичъ.— По осени мы сняли у вашей милости землицы, кто сколько могъ, за денежки!.. И былъ тогда такой сказъ, что ежели до лѣтняго Ивана не принесемъ, такъ каждый за эту провинность должонъ вашей милости отработать за десятину по двѣ. Извѣстно—условіе!.. А случàй мужикъ заартачится и не пойдетъ, такъ нѣтъ ему земли, и рожь, что на ней посѣяна, — мужичья, значитъ—вся, какъ есть, вашей милости пойдетъ. Такой былъ разговоръ. Теперь до Ивана-то еще съ недѣлю будетъ, а рожь-то ужь созрѣла... Вотъ мы и принесли вашей милости, какъ по обязанности каждаго, кто, значитъ, сколько забиралъ и съ придаткомъ... А намъ, значитъ, чтобы было дозволено хлѣбушекъ сбирать. Теперь оно какъ разъ самое время! Деньжонокъ-то мужикъ позаработалъ сѣнокосомъ, вотъ и принесли вашей господской милости!..

Баринъ молчалъ, замолкъ и Михайло Кузьмичъ. Онъ находилъ, что дѣло изложено достаточно ясно. Самсонъ Платоновичъ молчалъ не потому, чтобы у него не нашлось словъ для отвѣта. Слова были на-готовѣ во всякое время; ничего не могло быть легче, какъ сказать: „подите вонъ, я васъ знать не хочу! Снимайте мнѣ хлѣбъ, а иначе я самъ стану снимать, но только тогда я вмѣстѣ со своимъ и вашъ сниму и вы останетесь зимовать безъ ржи“. Но это было-бы беззаконіе, а Самсонъ Платоновичъ былъ человѣкъ закона. Въ головѣ его юрко мелькали одинъ за другимъ планы, одинъ лучше

Digitized by Google

другого, носъ усиленно нюхалъ воздухъ, краска на лицѣ его, и безъ того не отличавшемся блѣдностью, становилась все гуще и гуще, — оно уже сдѣлалось фіолетовымъ. Наконецъ, всѣ планы вмигъ были вытѣснены однимъ, геніальность котораго не подлежала никакому сомнѣнію. Съ лица его мигомъ исчезли начинавшіе-было уже появляться признаки негодованія,—оно просіяло до такой степени, что просіяли и мужички, понявъ это сіяніе въ благопріятномъ для себя смыслѣ.

— А когда, говоришь, вы обязались уплатить мнѣ долгъ?—спросилъ, вмѣсто того, баринъ.

— А обязались мы уплатить вашей милости на Ивана,—отвѣтилъ Михайло Кузьмичъ.

— Такъ, такъ! Ну, а Ивана-то будетъ на той недѣлѣ, въ пятницу?

— Такъ точно! На той недѣлѣ, въ пятницу!—хоромъ подтвердили мужики.

— Ну, вотъ и прекрасно! Такъ вы на Ивана-то и приносите денежки, какъ условлено! Такой былъ договоръ, и договоръ — сами знаете — паче денегъ... На Ивана я приму денежки, а вы начнете свою рожь убирать, и дѣло наше будетъ по закону!.. А придатка мнѣ вашего не нужно... Зачѣмъ придатокъ? Я не ростовщикъ, не беру процентовъ!..

Мужики переглянулись, какъ-бы желая сказать: „вотъ онъ куда повернулъ!“ А Самсонъ Платоновичъ, какъ человѣкъ благополучно вышедшій изъ затрудненія, заложилъ руки въ карманы штановъ и прошелся по коридору.

— Такъ какъ-же это будетъ? Рожь-то высыплется! Она и теперь уже еле-еле крѣпка! Этакъ невозможно! Ужь вы, ваша милость, помилосердствуйте!..

— Зачѣмъ?—спокойно возразилъ Самсонъ Платоновичъ,—надо, чтобы никто не былъ въ обидѣ... Сами-же вы заключали условіе, чтобы уплатить на Ивана, ну, такъ по условію и надо все выполнить. Законъ—прежде всего...

Digitized by Google

— Да кто-жь его зналъ, что оно раньше созрѣетъ?! Такъ, значитъ, Богъ захотѣлъ!.. Божья воля такая!..

— Божья воля!—согласился помѣщикъ,—а мое слово вамъ такое: хотите собирать рожь до Ивана,—кладите деньги назадъ, въ кошельки, и соберите мою рожь, какъ дѣлали прежде каждый годъ, пока не разбогатѣли, не зазнались; а не хотите,—до Ивана!..

— Такъ какъ-же это, ваша милость? Этакъ нельзя, это не по-божески, не по-христіански! За что-жь насъ обижать? Мы не графы какіе-нибудь, чтобы терять свое задаромъ!

— Михайло Кузьмичъ совершенно перемѣнилъ тонъ. Онъ энергично встряхивалъ остатками своихъ русыхъ кудрей, въ голосѣ его слышался задоръ, такъ что даже Самсонъ Платоновичъ вскинулъ на него удивленные глаза.

— Мы тоже свои права имѣемъ! Въ росписке этого не сказано, чтобы акуратъ на Ивана. А сказано тамъ, что ежели до Ивана не заплатимъ, такъ тогда... Это не законъ!.. Сами вотъ объ законѣ все поминаете, а его-то самаго тутъ и не видно!.. Какой-же это законъ?!

— Что-о? Что-о? Зако-онъ? Росписка? А ну-ка покажи росписку! Ну-ка! Гдѣ твоя росписка? Давай! Ну!

Это предложеніе точно ошеломило мужиковъ. Михайло Кузьмичъ увидѣлъ, что всѣ его слова о правахъ, о законѣ—пустые звуки, потому что росписки—у Перехватова, и онъ можетъ сдѣлать съ ними все, что́ захочетъ. Но дерзкій тонъ противъ его воли увлекалъ его дальше. Въ немъ кипѣла обида; хотѣлось отомстить хоть словами, потому что онъ ясно видѣлъ свое безсиліе.

— Эхъ, ба-аринъ!—съ ядовитой насмѣшкой произнесъ онъ, и произнесъ такъ громко, точно хотѣлъ, чтобы его слышала вся Погорѣловка и окружающіе ее хутора.—Мужика вздумали грабить! Должно, вы въ Христа не вѣруете, Бога не боитесь! Не разживетесь-же вы съ этого добра, нѣ-ѣтъ!..

— Что? Что? Какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь, поганецъ? Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я покажу тебѣ,

Digitized by Google

покажу! Я предводителю, я... губернатору... Я... Вонъ всѣ, мерзавцы, отсюда! Вонъ со двора!..

Мужики энергично толкали въ бокъ Михайла Кузьмича, дѣлая знаки, чтобы онъ замолчалъ. Но тотъ не унимался. Если-бъ онъ и захотѣлъ остановиться, то уже не смогъ-бы удержать тѣхъ сильныхъ словъ, которыя сыпались съ языка его. Онъ умолкъ только тогда, когда Перехватовъ, сообразивъ, что дѣло, пожалуй, можетъ кончиться неблагопріятно для его боковъ, скрылся въ передней, изо-всей мочи хлопнувъ дверью. Тогда Михайло вдругъ оборвалъ свою рѣчь и, оглянувшись, изъ-подлобья посмотрѣлъ на товарищей. Лицо его утратило обычное выраженіе веселости, губы высохли отъ волненія.

— Опуталъ!—протянули мужики.—Что-жь теперь дѣлать, братцы?

— Проваливайте, проваливайте, молодцы! Чего топтаться на мѣстѣ? Тутъ вамъ не мѣсто!—промолвилъ Тимофей, появляясь изъ передней, причемъ смотрѣлъ совершенно такъ, какъ будто ему самому нанесли ужасную обиду.

— По домамъ!—промолвилъ кто-то, и мужики надѣли шляпы и шапки съ такимъ энергичнымъ движеніемъ, точно хотѣли навсегда пригвоздить ихъ къ своимъ головамъ. Молча ушли они съ помѣщичьяго двора.

II.

Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бѣднягинъ, въ качествѣ погорѣловскаго писаря, занималъ весьма скромное помѣщеніе при волостномъ правленіи. Его многочисленное семейство, состоявшее изъ супруги, старой матери и шестерыхъ ребятъ, младшіе изъ которыхъ постоянно торчали на глазахъ и непремѣнно попадались подъ руку, когда дѣло было къ спѣху, за что получали педагогическое воздѣйствіе, въ видѣ пинковъ и благотворнаго тасканья за волосы, старшіе вѣчно пищали и галдѣли, а всѣ во-

Digitized by Google

обще ежеминутно просили хлѣба, даже и въ то время, когда держали его въ рукахъ,—это семейство ютилось въ одной комнатѣ, перегороженной ситцевой занавѣской, за которой стояли: супружеская кровать и большой зеленый сундукъ, вмѣщавшій въ себѣ всё благосостояніе семейства Бѣднягиныхъ. Самъ глава семейства былъ очень маленькій, сухощавенькій человѣкъ съ небольшой головкой и подвижнымъ лицомъ темнаго цвѣта. Едва-ли кто-нибудь видѣлъ его спокойно сидящимъ, сложа руки, безъ всякаго дѣла; едва-ли кто-нибудь могъ представить этого маленькаго человѣка иначе, какъ съ сильно озабоченнымъ лицомъ, съ размашисто и крючковато пишущей рукой, которая, казалось, передвигалась со строчки на строчку по инерціи и врядъ-ли когда-нибудь способна была остановиться. Но она останавливалась, когда изъ сѣней въ комнату волостного правленія, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ, доносился крикъ одного изъ отпрысковъ его рода. Тогда онъ кидалъ перо и летѣлъ въ сѣни, мирилъ поссорившихся родичей, причемъ обиженнаго гладилъ по головкѣ, а обидчика таскалъ за ухо, тутъ-же по дорогѣ собственнымъ кулакомъ вытиралъ подъ носомъ у одного изъ шести себѣ подобныхъ и немедленно снова стремглавъ летѣлъ въ правленіе и продолжалъ неукоснительно строчить. Въ этомъ маленькомъ человѣкѣ жили великія семейныя добродѣтели. Пятнадцать лѣтъ онъ безъ отдыха бѣгалъ на посылкахъ, а потомъ строчилъ съ единственною цѣлью—наполнить рты своихъ птенцовъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество этихъ ртовъ,—росла его энергія, лицо становилось озабоченнымъ, рука быстрѣе бѣгала по бумагѣ.

Въ тотъ самый моментъ, когда рука Ѳедота Ѳедотовича, позабывшаго обо всемъ на свѣтѣ, точно мотылекъ порхала по листу бумаги, изъ чего выходило какое-то „отношеніе“ въ одно изъ безчисленныхъ губернскихъ учрежденій, властныхъ въ судьбѣ деревенскаго обывателя,—низкая дверь волостного правленія растворилась, и

Digitized by Google

въ комнату вошелъ коренастый, плечистый мужикъ лѣтъ пятидесяти—высокій, съ красивой самоувѣренной осанкой, съ русой окладистой бородой и со спокойными сѣрыми глазами. Сейчасъ можно было замѣтить, что онъ собрался куда-то не въ обычное мѣсто, потому что на немъ были большіе сапоги и приличный кафтанъ синяго сукна.

— Ѳедоту Ѳедотовичу наше почтеніе!—промолвилъ вошедшій, протянувъ свою широкую мозолистую руку. Ѳедотъ Ѳедотовичъ вложилъ въ нее свою маленькую ручку и, вмѣсто привѣтствія, сдѣлалъ вопросительное лицо.

— Помѣщикъ требуетъ!—заявилъ вошедшій, садясь.—Прибѣгалъ Тимошка, лакей ихній, сказывалъ, чтобъ староста съ писаремъ безпремѣнно... Тамъ у нихъ что-то вышло съ нашими мужиками. Тимошка сказывалъ: они, говоритъ, ему денежки принесли за землю, что сняли у него, а онъ денегъ не беретъ, ну, и хлѣбъ тоже снимать не дозволяетъ. Потому у него разсчетъ. Косарь нынче вздорожалъ, а наши мужики въ прежніе годы, почитай, что задаромъ ему снимали... Вотъ онъ и теперь захотѣлъ.

— Да я-то что здѣсь стану дѣлать?—пропищалъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ своимъ тоненькимъ голоскомъ. Во время разсказа старосты онъ быстро соображалъ и, хотя не понималъ своей роли въ этой исторіи, поспѣшилъ, однако-жь, струсить на всякій случай. Неизвѣстно, чего захочетъ Перехватовъ, но извѣстно, что онъ съ предводителемъ за панибрата. Захочетъ Перехватовъ — облагодѣтельствуетъ, захочетъ — со свѣта сживетъ. Федотъ Федотовичъ инстинктивно ухватился за стулъ, на которомъ сидѣлъ, словно желалъ убѣдиться, что подъ нимъ еще есть почва.

— Такъ надо идти!?—полувопросительно промолвилъ староста.

— На что-бы это ему?.. Охъ, Господи!..—промолвилъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ и сталъ напяливать на себя сюртукъ съ какими-то коронными металлическими пуговицами. Это былъ его парадный сюртукъ. Его надѣвалъ онъ пре-

Digitized by Google

имущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось трепетать, потому что таковы въ большинствѣ парадные случаи въ жизни маленькой канцелярской крысы.

Они стояли на крыльцѣ у Перехватова, когда было уже десять часовъ. Погорѣловскія власти терпѣливо ждали, пока ихъ позовутъ. Наконецъ, ихъ повели въ комнаты и, что всего удивительнѣе, прямо въ кабинетъ Перехватова, что составляло особенную честь. Въ этомъ кабинетѣ, окно котораго выходило въ громадный фруктовый садъ, было очень много образовъ въ золоченныхъ ризахъ, съ вѣчно зажженной передъ ними лампадкой, стоялъ открытый шкафъ, наполненный книгами религіозно-нравственнаго содержанія, былъ даже налой, на которомъ покоился тяжеловѣсный молитвенникъ въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ.

Лицо Перехватова нисколько не обѣщало бури. Оно было спокойно и неподвижно, глаза едва выглядывали изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ. При появленіи властей онъ поднялся.

— Изволили звать насъ, ваше превосходительство?! — промолвилъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ, опустивъ руки почти по военному и робко смотря въ лицо Перехватову.

Совершенно иначе держалъ себя староста. Онъ вошелъ довольно смѣло и, остановившись у двери, принялъ почти непринужденную позу. Онъ даже не смотрѣлъ на Перехватова, а устремилъ свои взоры куда-то въ окно, гдѣ разсматривалъ вѣтвистое вишневое дерево. Перехватовъ протянулъ руку Ѳедоту Ѳедотовичу и старостѣ и, указавъ на стулья, промолвилъ:

— Садитесь, господа! Дѣло очень важное!

При этомъ онъ поправилъ на шеѣ своей Анну, которую успѣлъ надѣть для внушительности. Староста, замѣтивъ это движеніе, обратилъ вниманіе и на орденъ, причемъ немедленно почувствовалъ нѣкоторую робость и пересталъ глядѣть въ окно.

— Я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ къ здѣшнему начальству... Понимаете?—началъ Перехватовъ чрез-

Digitized by Google

вычайно важнымъ тономъ, на что Ѳедотъ Ѳедотовичъ совсѣмъ уже было собрался отвѣтить: „понимаемъ, ваше превосходительство“, но тотъ безъ остановки продолжалъ:—Знаете-ли вы, что у васъ дѣлается! Понимаете-ли вы, какія злыя сѣмена произрастаютъ въ умахъ погорѣловскихъ мужиковъ, на какой, можно сказать, пагубный путь повели вы ввѣренную вами волость.

Власти съ недоумѣніемъ и испугомъ посмотрѣли другъ на друга. „Что у насъ дѣлается?—“спрашивали они другъ друга глазами.

— Плохое-же вы начальство, когда не видите того, что дѣлается у васъ подъ носомъ!—продолжалъ Самсонъ Платоновичъ такимъ тономъ, какъ будто великодушно хотѣлъ дать гостямъ своимъ благой совѣтъ безъ малѣйшей тѣни корысти.—А между тѣмъ дѣло уже далеко зашло! Народъ у васъ распущенъ, страшно распущенъ, до того распущенъ... Знаете, что я вамъ скажу?! Если во-время не спохватиться, не принять мѣръ, не поналечь на него, такъ... такъ я боюсь, не случилось-бы бунта.

— Ваше превосходительство! Этого никогда не бывало и быть не можетъ! — воскликнулъ испуганный Ѳедотъ Ѳедотовичъ.

— Съ нашимъ-то мужикомъ? Хе—хе!—добродушно посмѣялся староста,—гдѣ ужь тутъ! У насъ народъ все захудалый, смиренный! Куда ему бунтовать! Напрасно безпокоитесь, ваша милость!

— Ну, нѣтъ, Данило Федосѣичъ! Это ужь мнѣ лучше знать, нужно-ли тутъ безпокоиться или не нужно!—мягко, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и многозначительно возразилъ Перехватовъ.—Я человѣкъ бывалый! Я вижу очень хорошо такое, чего вамъ во вѣкъ не увидѣть, хоть вы всѣ глаза проглядите! Я, братъ, тертый калачъ! И ужь если я говорю, что тутъ дѣло опасное, такъ ты только знай—оглядывайся. Ужь это вѣрно будетъ. Ты говоришь—ничего? А знаешь, что у меня было сегодня? Знаешь, что выкинули твои смирные мужики? Денежки принесли! А это хорошо? А чѣмъ это пахнетъ? Да всѣ разомъ!

Digitized by Google

Это что такое? Стачка! Стакнулись! А что, если это дальше пойдетъ? А что если вся деревня, а за нею другая, третья, да весь уѣздъ, а тамъ губернія, а? Такъ это чѣмъ пахнетъ? Ну, что ты скажешь тогда? Вотъ соберутся всѣ, да и начнутъ: не хотимъ работать господамъ! Подавай намъ пять цѣлковыхъ въ день! А тамъ дальше: не станемъ платить податей! А тамъ еще дальше, еще и еще... а? Съ дубинками въ рукахъ, понимаешь? Да ты знаешь, что это такое? Вы знаете, что это такое? Это, братъ, какъ называется? Бунтъ, бунтъ! Какъ-же! Шесть лѣтъ исправно работали, а теперь вдругъ—на! И ты говоришь, Данила Федосѣичъ,—не безпокоиться. Такъ ты разсуди, что изъ этого выходитъ!..

Власти сидѣли на своихъ мѣстахъ, и разсуждали на тему: „что изъ этого выходитъ“. Они чувствовали, точно какое-то пламя поджигаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Перехватовъ, какъ дважды два—четыре, доказалъ, что въ Погорѣловкѣ—бунтъ. Это ясно, какъ день и на этотъ счетъ не остается никакихъ сомнѣній. Староста, правда, волновался сравнительно меньше. Значеніе такихъ словъ, какъ „бунтъ“, „возмущеніе“—для него было не совсѣмъ ясно. Никогда онъ ничего подобнаго не видѣлъ, да и не слыхивалъ, чтобы это было гдѣ-нибудь по близости. Его волненіе происходило отъ того зловѣщаго шипѣнія, какимъ Самсонъ Платоновичъ сопровождалъ свое каркань е. Другое дѣло—Ѳедотъ Ѳедотовичъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Вѣдь, онъ имѣлъ понятіе, правда—очень смутное, даже о революціи, потому что не разъ слыхалъ это слово, причемъ у произносившихъ его пѣна закипала у рта и изъ глазъ сыпались искры. Онъ былъ уничтоженъ, убитъ.

— Куй желѣзо, пока горячо!—продолжалъ Перехватовъ, тономъ своего голоса все больше и больше напоминая графа Сенъ-Бри въ сценѣ освященія мечей.— Надо во-время потушить... Надо взять ихъ въ руки! Наказать примѣрнымъ образомъ!.. Положимъ, крутыхъ

Digitized by Google

мѣръ не нужно. Нужно дѣйствовать мѣрами мягкими... человѣчными... Вотъ что, по моему,—Перехватовъ заговорилъ почти октавой, такъ что староста, не отличавшійся тонкимъ слухомъ, долженъ былъ вытянуть шею и подставить правое ухо,—вотъ что надо сдѣлать... взять этакъ, да и... однимъ словомъ, взять да и собрать подати!..

— Какъ такъ собрать подати?—широко раскрывъ глаза, крикнулъ староста. Онъ просто опѣшилъ. Вотъ это ужь, именно то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

— Ваше превосходительство!—жалобно пропищалъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ,—если вы не изволите шутить, то это невозможно! Н-невозможно!—съ какой-то безнадежностью въ голосѣ повторилъ онъ.

— Я очень хорошо знаю, что возможно и что невозможно!—надменно проговорилъ Самсонъ Платоновичъ. Онъ начиналъ уже склоняться на сторону репрессалій, такъ какъ было очевидно, что его не понимаютъ.—И если я призвалъ васъ сюда и трачу время съ вами, то, конечно, не для того, чтобы разсказывать басни! Я шутить не люблю!... Говорю вамъ — необходимо собрать подати. Не-об-ходимо! Сейчасъ-же! Сегодня-же! Это—самая разумная дисциплинарная мѣра! Это имъ напомнитъ, что надъ ними есть начальство!..

— Это какъ вашей милости будетъ угодно!—заявилъ староста почтительно,—только чтобы подати собирать въ этакую пору, это—нѣ-ѣтъ!.. Н-нѣтъ! Никакъ невозможно! Ничего изъ этого и не выйдетъ!

— Ну, какъ хотите, какъ хотите!.. развелъ руками Самсонъ Платоновичъ, — какъ хотите, господа! Я человѣкъ посторонній!.. А только, если что случится—на себя пеняйте, на себя!.. Такъ невозможно?

— Никакъ невозможно! рѣшительно заявилъ староста и даже пожалъ плечами въ знакъ того, что онъ не понимаетъ даже, какъ могла придти въ голову такая мысль.

Ѳедотъ Ѳедотовичъ поднялся; но онъ, повидимому, думалъ иначе. Онъ не рѣшился-бы такъ категорически

Digitized by Google

заявить, что это невозможно; онъ зналъ Перехватова и умѣлъ читать въ словахъ его то, что въ нихъ едва-едва проглядывало. И онъ прочиталъ слѣдующее: „Какъ хотите! Мое дѣло, сторона! Но только помните — я вамъ этого не прощу! Я подведу вамъ такую штуку, что будете довольны! У меня кумъ—предводитель“!

— Такъ съ Богомъ! Я предупредилъ васъ; я сдѣлалъ свое дѣло!..—закончилъ Самсонъ Платоновичъ.

Староста уже повернулся къ двери, но Ѳедотъ Ѳедотовичъ стоялъ на мѣстѣ, какъ прикованный. Уйти съ такимъ тяжелымъ камнемъ въ груди — это было выше его силъ.

— Ваше превосходительство!—робко промолвилъ онъ, не глядя на Перехватова, который гордымъ окомъ, повидимому, провожалъ гостей за дверь.—Позвольте подумать, ваше превосходительство!..

— Подумайте! Подумайте! — разрѣшилъ Перехватовъ,—отчего не подумать! А мнѣ, вѣдь, все равно.

— Нечего тутъ и думать!—махнулъ рукой староста.— Этакого дѣла нигдѣ еще не бывало!.. — Просимъ прощенья!—поклонился онъ, а за нимъ отвѣсилъ чуть не земной поклонъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ, и они оба направились къ двери.

— Ахъ да! Я и забылъ!—вдругъ спохватился Самсонъ Платоновичъ. — У меня къ тебѣ, Ѳедотъ Ѳедотовичъ, дѣльце есть! Я давно собирался... Ты на минутку останься, а староста подождетъ тебя!..

Староста вышелъ. У Ѳедота Ѳедотовича отлегло. Онъ сразу обнялъ умомъ своимъ всю суть дѣла. Онъ понялъ, насколько Перехватовъ тутъ „посторонній“ человѣкъ и видѣлъ, что услуги его, Ѳедота Ѳедотовича, будутъ что-нибудь стоить.

Тутъ картина совсѣмъ перемѣнилась.

Самсонъ Платоновичъ въ одинъ мигъ лишился всего своего величія. Глаза его открылись и забѣгали, движенія изобличали крайнюю поспѣшность; величественная, тягучая, плавная рѣчь его замѣнилась скороговоркой; казалось, и самый размѣръ его уменьшился. Онъ осмотрѣлся кру-

Digitized by Google

гомъ и подошелъ къ выходной двери, какъ-бы желая убѣдиться, что староста вышелъ. Потомъ онъ взялъ Ѳедота Ѳедотовича подъ руку и въ одно мгновеніе, точно соломенку, перетащилъ его къ окну.

— Ты, братецъ, непремѣнно обдѣлай мнѣ это дѣло: слышишь? Непремѣнно! Въ убыткѣ не останешься! Знаешь, вѣдь, что я умѣю благодарить!..—заговорилъ онъ почти шепотомъ.

— Закона такого нѣтъ! Можно подъ судъ угодить, вотъ оно что! Не вы будете отвѣчать, а я!..

— Найдемъ законъ, найдемъ! Ужь это ты мнѣ предоставь! Въ воскресенье у меня будетъ предводитель... Понимаешь?.. Въ случаѣ чего, говори — предписаніе! И предписаніе будетъ, когда понадобится!.. Только вотъ этого болвана урезонь! Безъ него нельзя? А?

— Невозможно!

— Такъ ты урезонь! Скажи, дескать... ну, да ты самъ придумаешь! А если будутъ спрашивать, да распытывать... Ну, тамъ война, что-ли!.. Говори, что скоро будетъ война, такъ казнѣ, значитъ, деньги нужны... Понимаешь?.. А бояться нечего! Я ужь тамъ все обдѣлаю!.. Ступай и помни!..

Ѳедотъ Ѳедотовичъ только кивалъ утвердительно головой, докладывая этимъ, что онъ все понимаетъ.

— Да вотъ что! Ты знаешь этихъ... бунтовщиковъ? Такъ собственно насчетъ этихъ... А другихъ не надо тѣснить!.. Ступай!.. Надѣюсь, братъ...

Ѳедотъ Ѳедотовичъ вышелъ. Въ залѣ онъ остановился и испустилъ такой глубокій вздохъ, точно передъ этимъ, впродолженіи цѣлаго часа, не давали ему дышать. Изъ кабинета онъ вышелъ съ рѣшимостью исполнить порученіе Перехватова. Впродолженіи всего этого разговора онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ чувства самосохраненія. Онъ видѣлъ и понималъ только одно, что Перехватову ничего не стоитъ его, вмѣстѣ съ семействомъ, выжить изъ тѣсной избы волостного правленія, оставивъ безъ хлѣба и безъ крова. Качества

Digitized by Google

сердца его превосходительства были извѣстны Ѳедоту Ѳедотовичу лучше, чѣмъ кому другому. Но теперь, когда онъ очутился въ залѣ одинъ, когда изъ растворенаго окна на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ, онъ точно проснулся, точно съ глазъ его вдругъ спала повязка, и ему пришла въ голову мысль, что, вѣдь, это, въ сущности, безчеловѣчное предпріятіе. Онъ хорошо зналъ крестьянскую обстановку; ему лучше, чѣмъ кому другому, было извѣстно, что значитъ отнять у мужика пять рублей во время съемки хлѣба. Доброе сердце заговорило въ немъ и, казалось, готово было побѣдить эгоистическія чувства.

Данила Федосѣичъ дожидался на крыльцѣ. Онъ нисколько не думалъ о предметѣ недавняго разговора, порѣшивъ, что это—барская затѣя, а мало-ли какія затѣи не приходятъ въ голову барамъ. Однако, его поразилъ угнетенный видъ Ѳедота Ѳедотовича.

— И съ чего это ему въ голову вступило? Въ толкъ не возьму! И этакое скажетъ человѣкъ! Подати, говоритъ, сбирать!..

— Съ чего вступило? Ужь это, Данила Федосѣичъ, не намъ знать, а только ежели оно вступило, такъ ужь вступило!—изрекъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ.—И будетъ оно тамъ сидѣть, пока онъ не сживетъ насъ со свѣту!.. Знаешь, куда онъ угнать можетъ? Подъ судъ! Въ Сибирь! Вонъ куда! Ни за грошъ погубитъ!

— За что въ Сибирь? Что я худого сдѣлалъ?

— А что ты сдѣлалъ худого сабакѣ? Ничего! А она на тебя лаетъ и за икру хватаетъ!.. Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ прежнему писарю, Ходовичу? То сдѣлалъ, что его теперь ни на одно мѣсто не принимаютъ! Болтается по городу—оборванный, обшарпанный, нищій, а семья съ голоду мретъ!.. А за что?.. За то, что не угождалъ ему, носъ, говоритъ, подымалъ!.. Такъ пропадать, вѣдь, тоже не хочется! У меня семья, дѣти малыя!.. Въ воскресенье, говоритъ, предводитель пріѣдетъ! Ну, тутъ, значитъ, если захочетъ и придавитъ тебя пальцемъ, какъ блоху какую-нибудь, потому блоха и есть!.. Да и

Digitized by Google

тебѣ, Данила Ѳедосѣичъ, не сдобровать!.. Потому ты—главный!

Староста былъ обыкновенный „семейственный“ мужикъ. Онъ принадлежалъ къ большинству, которому своя шкура дороже всего на свѣтѣ, большинству, обладающему добрымъ сердцемъ и готовому совершить доброе дѣло, помочь ближнему и даже принести маленькую жертву на пользу земляковъ,—пока не видится замѣтнаго ущерба собственному благосостоянію. Но чуть только передъ ними изъ-за тумана выглянетъ угроза, они немедленно ощущаютъ страхъ за цѣлость свою и своей семьи, и дѣлаются способными на всякую пакость, съ единственною цѣлью защитить свои интересы.

— Такъ какъ-же ты полагаешь, Ѳедотъ Ѳедотычъ?—спросилъ староста уже далеко не такимъ безразличнымъ тономъ, какимъ говорилъ прежде, когда смотрѣлъ на предложеніе Перехватова, какъ на барскую блажь.

— Дай время, Данила Ѳедосѣичъ! Надо подумать!—отвѣчалъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ послѣ долгаго молчанія.

Данила Ѳедосѣичъ охотно предоставилъ ему думать и за себя, и за него, и они разошлись близь волостного правленія. Староста пошелъ на поле, браня Перехватова за отнятое время, и пуще того за нарушеніе его душевнаго спокойствія; а Ѳедотъ Ѳедотовичъ вошелъ въ комнату волостного правленія и заперся тамъ на крючокъ. Онъ отказался даже отъ обѣда.

Два часа ходилъ онъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ходилъ онъ въ своемъ парадномъ мундирѣ, потому что позабылъ снять его. И все-то онъ „думалъ“ и „думалъ“, хотя, по совѣсти говоря, онъ почти, навѣрное, зналъ, что ничего новаго не придумаетъ, и что шкура, столь драгоцѣнная и почти единственная его собственность, возьметъ верхъ надъ слабымъ проявленіемъ человѣчныхъ инстинктовъ.

III.

Часамъ къ семи вечера въ Погорѣловкѣ изъ устъ

Digitized by Google

въ уста переходила странная молва. Утверждали, что нѣмецъ объявилъ войну нашему Царю, вслѣдствіе чего казнѣ понадобились деньги. Какая-то бойкая баба изъ малороссійскаго лагеря разсказывала эту исторію въ такихъ поэтическихъ образахъ, съ такими опредѣленными подробностями, что у слушавшихъ ее бабъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Она случайно проходила мимо волостного правленія, гдѣ на крылечкѣ сидѣли староста и писарь, потягивая прохладительный квасъ.

— Эй, слышь ты, Перепичка!—кликнулъ ее писарь,— ты ничего не слыхала?

Перепичка такъ и опустила руки. Что такое могло случиться, чего-бъ она не слыхала? Да кому-же и слыхать, какъ не ей, Перепичкѣ, черезъ голову которой проходятъ всѣ погорѣловскія новости, прежде чѣмъ разнесутся по селу. А между тѣмъ она ничего не слыхала.

— Война съ нѣмцами будетъ! Вотъ оно что! Ну, чего разинула ротъ? Вишь ты, все знаешь, а этого не знаешь!..

— Охъ, лышко! Та не вже-жь война?

— Говорятъ тебѣ, что война,—подтвердилъ староста,— и подати велѣно сбирать... Потому нѣмецъ силенъ, пороху много надѣлалъ, а мы все землю пахали... Приказъ, говорю, вышелъ, чтобъ подати...

Перепичка больше ужь и не слушала. Она уже не могла устоять на мѣстѣ,— ее такъ и понесло впередъ, что бывало всегда, когда она узнавала какую-нибудь новость. Тогда она чувствовала непобѣдимую потребность высказаться и стремглавъ летѣла къ сосѣдкамъ. Перепичка очень быстро пропустила новость черезъ собственную фантазію, при чемъ получилась чрезвычайно яркая картина. Вѣсть переходила изъ устъ въ уста и по пути украшалась новыми картинами. Легкомысленныя бабы вѣрили безусловно. Среди мужиковъ, однако, новость была встрѣчена подозрительно.

— Да тебѣ должно быть приснилось, старая вѣдьма,— обращались они къ Перепичкѣ. Но Перепичка клядась

Digitized by Google

Христомъ Богомъ, соглашалась, чтобъ у нея лопнули глаза, отсохъ языкъ, чтобъ она провалилась въ тартарары и проч. и проч., если ей не сказалъ этого самъ староста. Ходили въ волостное правленіе. Писарь имѣлъ дѣловой видъ. Онъ уже укрѣпился въ той мысли, что необходимо заботиться о своей шкурѣ. Староста удалился домой. Это посовѣтовалъ ему самъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ, который боялся, чтобъ тотъ не испортилъ дѣла.

— Слыхалъ ты, Ѳедотъ Ѳедотычъ, что бабы брешутъ? Будто война съ нѣмцемъ!..—освѣдомлялись мужики.

— Да, на то похоже! — невозмутимо отвѣчалъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ. Онъ находился въ мундирѣ и сильно выпячивалъ свою маленькую впалую грудь.

— И будто подати собирать будутъ?

— Да, и подати! Сегодня и готовьтесь! Припасайте!

— А по какимъ, значитъ, правамъ это самое разореніе будетъ?

— По какимъ правамъ? А вотъ!.. Ѳедотъ Ѳедотовичъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу и, развернувъ, показалъ ее мужикамъ. Въ глаза бросилась огромная сургучная печать, которая немедленно произвела свое дѣйствіе.

— Значитъ — предписаніе?

— А видишь? Не самъ-же я выдумалъ! — Ѳедотъ Ѳедотовичъ развелъ руками, дескать—тутъ ужь ничего не подѣлаешь, потому бумага—за печатью.

— А може ты брешешь?—недовѣрчиво спросилъ малороссъ.

— А ты грамотный?

— Ни, не вмію!

— Ну, то-то и есть! А то самъ-бы прочиталъ!

— Отъ—лыхо! Якъ не те, то друге, а якъ не друге, то десяте! Якъ не жукъ, то градъ, а не градъ, то панъ, а якъ не панъ, то нимця Господь посылае! Мабуть за грѣхи!—философски изрекъ малороссъ.

Когда справки были наведены и розсказни бабъ под-

Digitized by Google

тверждены мужиками, погорѣловцамъ пришлось повѣрить. Большинство примирилось съ необходимостью, потому что у большинства еще не были истрачены остатки рублей, заработанныхъ на сѣнокосѣ. Но были и такіе, которые опустили головы. Въ перспективѣ видѣлась продажа лошаденки и домашняго скарба.

Сейчасъ послѣ заѳода солнца, по селу стали расхаживать сотскіе и десятскіе. Ѳедотъ Ѳедотовичъ въ сильной ажитаціи бѣгалъ изъ комнаты волостного правленія въ свою комнату, причемъ не замѣчалъ, какъ сбивалъ съ ногъ своихъ собственныхъ чадъ, оставлялъ безъ вниманія ихъ носы, требовавшіе сильнаго ремонта, и, вообще, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ былъ очень храбръ, пока не начался сборъ, но какъ только сотскіе вооружились палками и пошли по домамъ, онъ нервно забѣгалъ по своимъ владѣніямъ, точно черезъ его маленькое туловище пропустили электрическій токъ. Это были напрасныя тревоги. Никогда еще не удавалось собрать подати такъ мирно, какъ въ этотъ разъ. Дѣло въ томъ, что сотскіе относились необычайно снисходительно къ плательщикамъ. Когда оказывалось, что въ избѣ нѣтъ ни гроша, они молча выходили и шли дальше, помня наказъ писаря, чтобы не тѣснить мужиковъ. У „бунтовщиковъ“, разумѣется, были деньги, тѣ самыя, что припасли они для Перехватова. А этого только и нужно было. Когда сотскіе вернулись въ волостное правленіе и объявили, что все благополучно, Ѳедотъ Ѳедотовичъ разинулъ ротъ отъ удивленія. У него свалилась гора съ плечъ. Одно — бѣда: Михайла Кузьмича не оказалось дома, и нигдѣ не могли найти его. Жена его могла только объяснить, что онъ передъ заходомъ солнца заложилъ свою клячу въ повозку и уѣхалъ изъ села, сказавъ, что вернется, должно быть, поздно. Это обстоятельство значительно сбавило радость Ѳедота Ѳедотовича: онъ зналъ, что Михайло былъ мужикъ рѣшительный, зналъ онъ также, что отъ Перехватова онъ ушелъ озлобленный. Что-бы это онъ такое придумалъ?

Digitized by Google

Не натворилъ-бы чего!.. Ѳедотъ Ѳедотовичъ почувствовалъ, что шкура у него какъ будто стала побаливать.

Раннее солнце слѣдующаго утра, повидимому, собиралось зажечь землю. Не успѣло оно показаться изъ-за ближняго лѣса, какъ стало накалять воздухъ своими яркими лучами. Еще два-три такихъ дня — и хлѣбъ изжарится на нивѣ и отъ него останутся одни пустые колосья.

Перехватовъ въ это утро поднялся раньше обыкновеннаго. Онъ плохо спалъ ночь, думая о предстоящихъ убыткахъ, въ случаѣ, если не удастся его остроумная выдумка. Онъ сильно пожурилъ себя за то, что во-время не подумалъ о наймѣ рабочихъ. Вѣдь, стоило сегодня-же, въ тотъ самый день, когда были у него „бунтовщики“, отправиться въ губернскій городъ—и можно было успѣть захватить партію рабочихъ. Это, конечно, обошлось-бы недешево. Это стоило-бы въ пять разъ дороже, чѣмъ „по домашнему способу“, т. е. почти даровымъ трудомъ мѣстныхъ обывателей. Но зато ему не грозили-бы тогда громадные убытки, которые теперь стоятъ передъ нимъ и пугаютъ его жадное воображеніе. Вѣдь, стоитъ „этимъ олухамъ“ одинъ разъ въ жизни — именно этотъ разъ— поступить умно, т. е. заартачиться и наотрѣзъ отказаться отъ работы, — и пропало около двухъ-сотъ десятинъ ржи, да какой ржи! Такой не найдется въ цѣломъ уѣздѣ.

Въ четыре часа утра Перехватовъ былъ уже на ногахъ, чѣмъ непріятно удивилъ своего вѣрнаго Тимофея, которому искренно хотѣлось спать. Перехватовъ позвалъ его къ себѣ.

— Не приходили? — спросилъ онъ Тимофея, которому никакъ не удавалось протереть лѣвый глазъ, вслѣдствіе чего окружающіе предметы, а въ томъ числѣ и самъ баринъ, представлялись ему въ двухъ экземплярахъ.

— Кто такіе? — спросилъ тотъ чрезвычайно недружелюбнымъ тономъ.

— А эти... Вчерашніе...

Digitized by Google

— Мужичье-съ?..—сообразилъ Тимофей.—Нѣтъ, не бывали.

Черезъ полчаса Перехватовъ опять звалъ Тимофея.

— Нѣтъ еще?..

— Не видно! Можетъ, позвать прикажете?

— Боже сохрани! И ты у меня никому ни слова! Слышишь?

— Слушаю-съ!

Тимофей дѣйствительно сообразилъ, какъ ему надо держать себя. Перехватовъ частенько поглядывалъ въ окно, въ ту сторону, гдѣ подымалось солнце.

„Охъ. какое прозрачное! Настоящее горнило! Сожжетъ!“—размышлялъ онъ и начиналъ носиться по комнатамъ съ такою легкостью, точно въ немъ было не восемь пудовъ вѣсу. — „Ну, пусть! Пусть я поплачусь! Но ужь и вы будете знать меня, молодцы!“—мысленно обращался онъ къ своимъ обидчикамъ.

А обидчики въ половинѣ шестого уже наполняли дворъ Перехватова. Они совсѣмъ не были похожи на вчерашнихъ; можно было подумать, что это совсѣмъ другіе. Не осталось и слѣдовъ вчерашняго оживленія. Лица выражали покорность. Даже разговоровъ почти не было слышно. Изрѣдка только кто-нибудь подымалъ голову вверхъ, къ солнцу, и односложно замѣчалъ:

— Палитъ!

На что другіе даже не отвѣчали, точно имъ было рѣшительно все равно — палитъ или не палитъ.

На крыльцѣ показался Тимофей.

— А что?.. Самсонъ Платонычъ спятъ еще?..—несмѣло спросили мужики.

— Извѣстно, спитъ! Чего ему спозаранку подыматься-то? Для вашей милости, что-ли?—съ неподражаемымъ нахальствомъ отвѣчалъ Тимофей и сейчасъ-же пошелъ докладывать барину.

Перехватовъ вынулъ часы и, глядя на циферблатъ, просидѣлъ въ комнатѣ ровно пять минутъ. Затѣмъ онъ

Digitized by Google

снялъ сюртукъ и надѣлъ халатъ. Это должно было обозначать, что онъ недавно съ постели.

Когда онъ показался на крыльцѣ, мужики дружно сняли шапки и столь-же дружно откашлялись, словно собирались всѣ разомъ заговорить. Перехватовъ былъ медлителенъ и величественъ, какъ вчера. Можно было подумать, что онъ былъ совершенно беззаботенъ насчетъ положенія дѣлъ.

— Что, скажете, мои милые?—неизмѣнно спросилъ онъ тѣмъ-же мягкимъ тономъ, какимъ началъ рѣчь свою вчера.

Мужики помолчали, очевидно, въ ожиданіи, что заговоритъ кто-нибудь одинъ. Но такъ какъ Михайлы не было и ораторъ не выискивался, то заговорили всѣ разомъ. Тутъ слышалось и „ваша милость“, и „солнце, вишь, какъ расходилось“, и „на двори, неначе въ пекли пече“ и Богъ знаетъ, чего только ни слышалось, но понять нельзя было ничего.

Впрочемъ, Перехватовъ понялъ все, что ему было нужно.

— Ничего не пойму! Говори кто-нибудь одинъ!..— остановилъ онъ жужжаніе толпы. Послышался хриплый голосъ болѣзненнаго мужика съ изрытымъ оспой лицомъ, того самаго, который вчера предсказывалъ неблагопріятный исходъ дѣла. Оказалось, что онъ краснорѣчивѣе всѣхъ.

— Дозволь, ваша милость, какъ ты вчера приказывалъ,—хрипѣлъ онъ изо всей мочи,—посберемъ твою рожь, а тамъ, коли твоя милость будетъ, и свою!.. Мы согласны!..

— Какъ такъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ Перехватовъ,—почему-жь вы денегъ не несете? У, васъ, вѣдь полные карманы денегъ, какъ-же это вы такъ? Вотъ ужь не понимаю! Ей-ей, въ толкъ не возьму!..

— Денежки-то? Да вотъ, Господь послалъ наказаніе за грѣхи наши! Вчерась подати отдали, потому—война, сказываютъ, съ нѣмцемъ. Приказъ такой вышелъ!..

Digitized by Google

— Война? Это новость! Какъ-же это мнѣ никто не сказалъ?.. Такъ позволить вамъ хлѣбъ снимать? Гмъ!.. Не знаю, право!..

— Дозволь, ваша милость! Время вонъ какое опасное! Гляди—все прахомъ пойдетъ! И твое, и наше!

Мужики низко кланялись.

Перехватову очень хотѣлось поломаться. Его очень забавляло это затруднительное положеніе смиренныхъ просителей, которые вчера еще являлись къ нему съ грозными требованіями. Но дорогое время шло, — оно стоило денегъ.

— Ну, такъ и быть: ступайте! Только смотрите: вы должны мнѣ скосить, собрать и свозить на мѣсто! По условію, потому условіе—законъ. Я сейчасъ пришлю приказчика! Ну, ступайте съ Богомъ!—проговорилъ онъ, приподнявъ обѣ руки и чуть не благословляя мужиковъ на доброе дѣло.

— Покорно благодаримъ!—въ одинъ голосъ промолвили просители и поклонились Перехватову чуть не въ ноги. Они повалили съ помѣщичьяго двора съ такой энергіей, точно каждому изъ нихъ выдали по сотнѣ рублей. Скоро они были уже въ полѣ, и на помѣщичьей землѣ раздавалась музыка звенящихъ косъ. Это была работа, какой еще никогда не видѣли перехватовскія нивы и поля. Мужики высыпали сюда цѣлыми семьями. У кого былъ взрослый сынъ, тотъ тащилъ сына, у кого дочка — тотъ дочку, у кого племянникъ — племянника. Нашлась работа и подросткамъ; бабы въ этотъ день не топили печей и не кормили ребятъ,—онѣ громадили за мужиками, вязали снопы и складывали ихъ въ небольшія копны.

Никогда мужикъ не старался такъ для себя, какъ на этотъ разъ для барина. Въ полдень перехватывали наскоро сваренную жидкую кашу и снова принимались за работу. Отдыха не полагалось. Только подростки, не будучи въ силахъ выносить тридцатиградусной жары, стремглавъ бѣжали въ ближайшую мелководную рѣчку,

Digitized by Google

барахтались тамъ въ грязи и затѣмъ вновь возвращались къ снопамъ. И чѣмъ больше палило солнце, тѣмъ энергичнѣе налегали мужики на косы, тѣмъ старательнѣе громадили и вязали снопы бабы и ребята. Желтая нива, точно золотое море, слегла колыхалась отъ легкаго жгучаго вѣтра. Косари посматривали влѣво, гдѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ помѣщичьей нивы, желтѣла ихъ колосистая рожь, изъ-за которой они совершали этотъ непосильный подвигъ на пользу помѣщика.

Она словно дружелюбно кивала имъ своими полными верхушками, звала къ себѣ и всякій разъ вливала въ нихъ новую энергію. Работали сплошь, кто сколько успѣетъ, безъ всякихъ счетовъ, лишь бы поскорѣе окончить и приняться за свою.

На другой день вечеромъ, когда солнце, въ послѣдній разъ отразившись въ зеркалѣ извилистой погорѣловской рѣчки, спряталось въ зеленой гущинѣ камыша и надъ неизящными сельскими избами, вмѣстѣ съ сѣрыми сумерками, пронеслось дуновеніе вечерней прохлады, когда, точно по сговору, вдругъ замолкли неугомонные степенные пѣсенники, спрятавшись по своимъ гнѣздамъ, и только горластыя вороны продолжали все-таки свои вечерніе переговоры,—на широкую, огороженную площадь, гдѣ помѣщалось гумно Перехватова, въѣзжали послѣдніе возы ржи.

Пять огромныхъ стоговъ были уже выведены по всѣмъ правиламъ архитектуры. Красивыя верхушки оканчивались правильными шести-угольными звѣздами изъ сноповъ. Прибывшіе возы дали матеріалъ для двухъ новыхъ огромныхъ стоговъ, и вотъ — работа окончена и мужики, поднявъ свои усталыя головы, тщательно осматриваютъ свои созданія. Отъ этого занятія ихъ отвлекаетъ торжественное появленіе Перехватова. Окруженный цѣлой свитой своихъ прислужниковъ, онъ выступаетъ съ торжественной улыбкой на устахъ. За нимъ несутъ изрядный запасъ водки и ломтей чернаго хлѣба. Мужики сняли шапки, не давая себѣ отчета: снимаютъ-

Digitized by Google

ли они передъ Перехватовымъ или передъ внушительнымъ боченкомъ съ водкой, которая, послѣ жестокихъ трудовъ, является самымъ лучшимъ другомъ мужика. Перехватовъ собственноручно подноситъ по большой рюмкѣ каждому, мужики крестятся, выпиваютъ и кряхтятъ.

— Благодарю, друзья мои!—отечески произноситъ Самсонъ Платонычъ.—Искренно благодарю. Вы исполнили свой долгъ добросовѣстно: и я доволенъ, и вы довольны! Завтра вы начнете убирать свою рожь... Я ничего не имѣю противъ этого.

Что Перехватовъ былъ доволенъ, въ этомъ никто не сомнѣвался, но изъ чего онъ заключилъ, что и мужики такъ-же довольны—это неизвѣстно.

Когда мужики разошлись, Перехватовъ долго еще ходилъ вокругъ только-что возведенныхъ стоговъ и потиралъ руки отъ неизъяснимаго удовольствія. Все это громадное зданіе, которое, въ концѣ-концовъ, принесетъ ему тысячные барыши, онъ возвелъ,почти даромъ. И онъ преклонялся предъ собственной ловкостью. Когда онъ вернулся домой, то совершенно неожиданно засталъ у себя дорого гостя. Мѣстный предводитель дворянства, князь Захудалый, по пути изъ губернскаго города, заѣхалъ къ нему переночевать.

Съ виду князь ни въ какомъ случаѣ не оправдывалъ своего прозванія. Напротивъ, онъ былъ даже слишкомъ тученъ, такъ что когда ему приходилось говорить рѣчь при открытіи дворянскихъ собраній, то, несмотря на то, что рѣчи эти отличались краткостью, князь всегда останавливался на срединѣ и дѣлалъ продолжительный одыхъ. Князю было лѣтъ за шестьдесятъ. Высокій и тяжеловѣсный, онъ двигался медленно и соображалъ нисколько не быстрѣе. Жирное, совершенно выбритое лицо его не давало никакого понятія о его душевномъ настроеніи. Оно всегда выражало одно и то-же—именно, что князю тяжело передвигаться съ мѣста на мѣсто и наилучше онъ чувствовалъ себя, когда, окончивъ немногосложные дневные труды, ложился въ постель.

Digitized by Google

Прежде всего Перехватовъ повлекъ гостя полюбоваться только-что воздвигнутымъ зданіемъ, причемъ предупредилъ, что разскажетъ ему „препотѣшную исторію“. Въ тотъ самый моментъ, когда князь поднялъ голову, искренно любуясь красивыми верхушками стоговъ, лицо его вдругъ покрылось фіолетовой краской и глаза широко раскрылись. Перехватовъ отступилъ назадъ. Въ это время онъ разсказывалъ самый интересный эпизодъ „препотѣшной исторіи“, именно—въ самыхъ поэтическихъ образахъ (онъ оказывался поэтомъ, когда предвидѣлъ хорошіе барыши) представлялъ, какъ сотскіе собирали подати на войну и какъ затѣмъ мужики пришли къ нему съ повинной головой.

— Ну, знаешь... это... немножко смѣлая шутка!—произнесъ князь, видимо встревоженный, но, тѣмъ не менѣе, стараясь выразиться какъ можно мягче, чтобы не обезпокоить друга.

— Пустое !.. Увѣряю тебя, что отъ этого никто не постра алъ!—успокоилъ его Перехватовъ.—Если-бы ты зналъ, какъ скоро все это сдѣлалось! Завтра они уберутъ свой хлѣбъ, и повѣрь—когда придетъ время уплачивать подати, они будутъ очень довольны, что уплатили раньше!

Выходило, что Перехватовъ облагодѣтельствовалъ мужиковъ.

— Да!.. Но...

Князь больше ничего не нашелся сказать. Въ кабинетѣ Перехватова онъ написалъ записку и велѣлъ немедленно отнести ее писарю. Хотя князь казался веселымъ и старался поддерживать дружескій разговоръ, но Перехватовъ замѣтилъ, что онъ былъ сильно разстроенъ.

— Это, братъ... этого братъ... не слѣдовало дѣлать!... н-не слѣдовало!—по-временамъ, заявлялъ онъ безъ всякаго отношенія къ дѣлу.

— Что-жь тутъ такого? Господи, Боже мой!—невиннѣйшимъ образомъ возражалъ Самсонъ Платоновичъ.—Что они понимаютъ? Вѣдь, они ничего не понимаютъ.

Digitized by Google

— Такъ-то такъ!.. Но, знаешь... Не слѣдовало!..— краснорѣчиво настаивалъ предводитель.

Самсонъ Платоновичъ самъ прекрасно зналъ, что это дѣло вовсе не такое простое, чтобы можно было шутить, но, во-первыхъ, онъ очень разсчитывалъ на могущество своего друга, а во-вторыхъ, не хотѣлъ портить дружеской бесѣды тревожными соображеніями, поэтому старался говорить какъ можно мягче.

Когда Ѳедотъ Ѳедотовичъ трепетной рукой развернулъ записку и увидѣлъ тамъ подпись предводителя, то никакъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ-ли ему радоваться или перетрусить. Когда-же онъ быстро пробѣжалъ пять священныхъ строчекъ, собственноручно написанныхъ предводителемъ, то окончательноо столбенѣлъ. Тамъ значилось:

„Въ виду могущихъ возникнуть недоразумѣній, вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь. Немедленно отправляйтесь ко мнѣ въ усадьбу. Предупредите старшину.

Князь Захудалый“.

— Охъ ты Господи! Куда-то еще судьба занесетъ!—тяжело вздохнулъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бѣднягинъ, бросивъ жалостный взглядъ на своихъ ребятишекъ, которые заставили его впутаться въ это дѣло и покривить душой.

IV.

На другой день раннимъ утромъ, едва только показалась на востокѣ блѣдно-розовая полоса—первая предвѣстница зари, когда погорѣловскіе хозяева чуть только стали протирать заспанные глаза,—по большой дорогѣ въ село въѣхала мужичья повозка, запряженная угрюмой лошаденкой, которая усиленно и громко дышала, повидимому—послѣ долгой, непрерывной бѣготни. На повозкѣ сидѣлъ мужикъ съ русой бородкой, торчавшей направо, вѣроятно, отъ привычки подпирать подбородокъ лѣвой рукой. Онъ казался утомленнымъ, но въ то-же время на лицѣ его можно было замѣтить сильное возбужденіе. Когда

Digitized by Google

онъ проѣзжалъ мимо двора Семена Зозули, его окликнули.

— Чи це ты, Михайло? Гей-гей! Пидожды! Куда розигнався?! Здоровъ! Де це ты пропадавъ?

Повозка остановилась. Мужикъ поднялъ голову, и для Зозули уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это Михайло Кузьмичъ.

— Здоровъ!—отвѣчалъ Михайло,—а у васъ что тутъ дѣлается?

— Та що-жъ у насъ робыця? Такъ соби, ничого! Учора зъ паномъ покинчали!—почти равнодушно отвѣчалъ Зозуля; онъ былъ одинъ изъ перехватовскихъ „бунтовщиковъ“.

— Покинчали? Дурни-же вы дурни!—промолвилъ Михайло, подражая малороссійскому говору Зозули.—Такъ-то съ нашего брата-мужика всякій по шкурѣ деретъ! Да и мудреное-ли дѣло, коли сами въ руки лѣзутъ!

— А що-жь зробышь зъ нымъ, коли винъ сыла? Та вже якъ дило сдроблено, то ничого размовлять! Легше не буде!

— Ну, нѣтъ, братецъ ты мой, мы еще поразмовляемъ! Я, вѣдь, вѣстей привезъ вамъ! Не даромъ объѣздилъ пять волостей! А пускай-ка земляки раненько соберутся къ волости—потолковать! Что я имъ разскажу—такъ будутъ довольны! Ты скажи сосѣдямъ, Зозуля!

— Добре!—отвѣтилъ Зозуля, и Михайло стегнулъ свою лошаденку, да такъ стегнулъ, что та понеслась во всю прыть. Ему страшно не понравилась новость, сообщенная Зозулей. Не думалъ онъ, что земляки такъ скоро перерѣшатъ и покончатъ съ дѣломъ. Странный это былъ мужикъ—Михайло. Въ обыкновенныхъ случаяхъ трудно было найти мужика веселѣе. Онъ казался вѣчно довольнымъ своей судьбой. Въ сосѣдскихъ дѣлахъ—это былъ мужикъ уступчивый, мирный, незадорный. Это былъ общій другъ, веселый собесѣдникъ, съ которымъ врядъ-ли кто изъ земляковъ когда-нибудь ссорился. Но чуть кому-либо приходило въ голову нанести малѣйшую обиду его

Digitized by Google

землякамъ или цѣлому селу, какъ Михайло дѣлался другимъ человѣкомъ. Въ то время, какъ другіе, подъ-часъ сознавая свое безсиліе, терпѣливо сносили обиду, Михайло выходилъ изъ себя, желчно кричалъ и бранился и, часто оставаясь въ меньшинствѣ одного противъ всѣхъ, непремѣнно доводилъ свое дѣло до конца. Онъ выжидалъ удобнаго случая и мстилъ обидчику иногда самымъ грубымъ образомъ, обзывая его всенародно „душегубомъ“ или другимъ подходящимъ именемъ. Въ этомъ человѣкѣ жило какое-то тайное, несознаваемое имъ чувство общественности. Не прошло и двадцати минутъ, какъ Михайло уже ходилъ по избамъ, созывая мужиковъ на сходъ.

— Чтобъ безпремѣнно всѣ пришли!—кричалъ онъ чуть не на все село, — потому дѣло такое, какому и примѣра не было!

И на сходъ явились, дѣйствительно, почти всѣ. Даже наиболѣе любопытныя изъ бабъ пришли, но, разумѣется, остались въ качествѣ публики, безъ права голоса и въ приличномъ отдаленіи отъ мужиковъ.

— Ну, сказывай, Михалка, зачѣмъ собралъ?!—обращались мужики къ Михайлу.

— Да ты прежде глаза-то протри!—сердито отвѣчалъ Михайло приставшимъ. — Куда поспѣшаешь? Всѣмъ за-разъ скажу! Всякому разсказывать, такъ это, братъ, глотки не хватитъ.

Наконецъ, Михайло нашелъ, что пора уже открыть засѣданіе.

— Сказывали вы, земляки, третьеводни, что Михалка сбѣсился, а Михалка не токмо-что не сбѣсился, а и дѣловъ надѣлалъ!—началъ онъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ желчи.—Какъ услыхалъ это я отъ бабы Перепички, что эта глупая баба по селу разносила насчетъ войны и податей, да какъ этому вышло подтвержденіе отъ писаря, такъ сейчасъ это я свою клячу въ телѣжку и маршъ въ калайдановскую волость. Пріѣзжаю я туда, прямо къ старостѣ — староста тамъ Мѣняйло, мужикъ важный, съ разсудкомъ, не то, что нашъ Данилка, ко-

Digitized by Google

тораго всякая баба переспоритъ—пріѣзжаю я къ нему и прямо спрашиваю: правда-ли, говорю, что будто война съ нѣмцемъ и подати съ мужиковъ велѣно спрашивать? А онъ на меня глаза вытаращилъ: ты, говоритъ, не спятилъ-ли? Ни объ какой-такой, говоритъ, войнѣ свѣдѣньевъ не имѣемъ, а насчетъ податей, говоритъ, такъ ежели-бы и дѣйствительно война, говоритъ, была, такъ подати въ этакое горячее время никто не можетъ собирать, потому такого закона никогда не бывало. На это, говоритъ, въ казнѣ другія деньги есть, понимаешь?— А у насъ, говорю, сбираютъ. Такъ ты, говоритъ, плюнь имъ въ глаза! Такъ вотъ и сказалъ. Ну, я думаю, можетъ ему неизвѣстно, можетъ до ихней волости не дошло еще, ѣду дальше — въ Ворожиловку, — тамъ меня за дурака поняли. И сколько я тамъ смѣху принялъ, братцы вы мои, такъ это и разсказывать зазорно. Ты, говорятъ, должно изъ желтаго дома сбѣжалъ! Люди, говорятъ, въ поле спѣшатъ, а онъ объ нѣмцѣ толкуетъ! Ну, думаю, куда ни шло, заверну въ Мурьино, а въ Мурьинѣ тоже; а тамъ по дорогѣ заѣхалъ я еще въ дарьевскую волость, тамъ у меня писарь знакомый, такъ тоже говоритъ, ничего такого не слышно и это, говоритъ, вашему писарю и старостѣ либо приснилось, либо они оба дурману объѣлись. Ужь тутъ я и руками развелъ? Вижу—дѣло мошенническое и больше ничего! Вижу—объѣзжаютъ нашего брата! Спѣшу это я домой, а земляки ужь и помѣщику отслужили!.. Поспѣшили!.. Такъ вотъ оно какое дѣло выходитъ!... И выходитъ это, братцы мои, что нашего брата то-есть такъ обдурачили, что лучше и ненадо!.. Такъ-то!..

Михайла кончилъ свою рѣчь съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ и такъ энергично махнулъ своей поярковой шляпой, что одушевлявшее его чувство мигомъ охватило мужиковъ. Толпа заволновалась.

— Такъ вотъ какое дѣло выходитъ! — загалдѣли мужики,—ужь это можно сказать, и не по-христіански!..

— Старосту!—крикнули нѣсколько голосовъ разомъ.

Digitized by Google

— Что староста!? — молвилъ Михайла, — староста вашъ дуракъ-дуракомъ! — Староста вашъ понимаетъ не больше моей лошади!.. Не староста тутъ виною!..

— А кто?

— А есть такіе! Почище старосты будутъ!.. Смотри дальше!

Однако, сходили за старостой и привели его.

— А сказывай намъ, Данила Федосѣичъ, какая такая царская грамота насчетъ войны съ нѣмцемъ, да насчетъ податей?—пристали къ старостѣ. Данила Федосѣичъ имѣлъ сонный видъ. Ему не дали хорошенько выспаться.

— Грамота?.. Да я, братцы, ничего не вѣдаю! Я, вѣдь не ученый какой-нибудь, чего пристали!? Писарь сказалъ: грамота, говоритъ... За печатью... Ну, я и говорю: грамота! Подати, говоритъ, велѣно сбирать. Ну, я и говорю: сбирай подати!..

— Такъ какой-же ты староста послѣ этого?

— А ты хиба не знаешь, якій? Винъ, бачешь, выпыть—староста! Ось воно що!—съострилъ малороссъ, и публика разсмѣялась. Староста воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ удалиться съ позоромъ. Эта шутка для него была въ особенности обидна, потому что онъ не прочь былъ выпить.

— Подавай теперь, братцы, писаря! — раздались голоса.

— Писарь, звисно, на старосту звалить!—замѣтилъ все тотъ-же малороссъ.

Но съ писаремъ дѣло обошлось иначе. Его вовсе не оказалось дома. Супруга его объяснила, что онъ уѣхалъ еще вчера вечеромъ и неизвѣстно, когда вернется.

— Молодцы!—что было мочи, съ отчаяніемъ крикнулъ Михайла,—по крайности не дураки; не то что нашъ братъ!.. А я вамъ скажу, братцы мои, что ни староста тутъ, ни писарь, а коли хотите знать, самый этотъ баринъ Перехватовъ всѣмъ дѣломъ орудуетъ! Вотъ оно что! Третьеводни мы ему принесли деньги, ему невыгодно было,

Digitized by Google

вотъ онъ и подстроилъ штуку и придумалъ, будто война. Денежки-то у васъ отобрали, вотъ вы и пошли къ нему Христомъ Богомъ просить!.. А теперь, гляди, приказъ выйдетъ, — деньги назадъ отдать: ошибка, молъ, случилась... Понимаешь?..

Мужиковъ точно осѣнило свыше. Имъ пришлось только дивиться, какъ это соображеніе раньше не пришло имъ въ голову. Гдѣ-жъ таки видано, чтобъ подати собирали лѣтомъ? А еще лучше: гдѣ видано, чтобъ у неимущихъ не продавали скотины и всякаго скарба?

— Онъ самый и есть!.. Вотъ такъ обошелъ!..

— Та винъ же и е! Кому-жь бильше? Та вжемъ недаромъ кажуть люде, що винъ попивського роду!—замѣтилъ малороссъ, намекая на консисторское прошлое Перехватова.

— Что-жь теперь дѣлать?

— А ужь я не знаю!—махнулъ рукой Михайло.— Я свое дѣло сдѣлалъ! Разсказалъ вамъ все, какъ есть! А вы дѣлайте, какъ знаете! А только я... я ему этого такъ не спущу!..

Тонъ, которымъ произнесъ Михайла послѣднія слова, испугалъ мужиковъ. „Какъ-бы онъ не натворилъ чего! Вѣдь, вотъ, какъ найдетъ на человѣка,—бѣшеный, да и только“! говорили мужики.

— Чево бѣшеный! Онъ за правду! Или, думаешь, нѣтъ? вступился тщедушный мужикъ съ хриплымъ голосомъ.

Разошлись мужики, ни на чемъ не порѣшивъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ въ этотъ день встрѣчалъ Михайлу, то невольно краснѣлъ и опускалъ глаза книзу, подъ вліяніемъ его злого, пронизывающаго взгляда. Михайла въ этотъ день не работалъ въ полѣ.

Было часовъ за двѣнадцать ночи. Погорѣловка спала глубокимъ сномъ. Усталыя головы не видѣли никакихъ сновъ: ни сладкихъ, ни тревожныхъ; это былъ тотъ часъ, когда погорѣловцы, что называется, разоспались,—

Digitized by Google

самый непріятный часъ для пробужденія. Надъ селомъ царила глубокая тишина; даже зычный лай чуткихъ деревенскихъ собакъ затихъ, и только изрѣдка изъ ближняго лѣса долеталъ жалобный, протяжный стонъ проснувшейся птицы или легкій порывистый шумъ ночного вѣтра, случайно запутавшагося среди лѣсной гущины. И никто изъ обывателей не наблюдалъ, какъ далекое темное небо озарялось яркимъ заревомъ, какъ звѣзды на немъ блѣднѣли и потухали и какъ мало-по-малу вся Погорѣловка окуталась блестящимъ краснымъ свѣтомъ и стала походить на сказочный волшебный городокъ, окруженный таинственнымъ сіяніемъ. Бабы, спавшія на соломѣ, первыя замѣтили это странное явленіе. Испуганныя, онѣ выбѣжали на улицу и, точно угорѣлыя, не знали, куда бѣжать и что предпринять. Онѣ еще не понимали въ чемъ дѣло. Двое отъ страха безъ памяти бѣжали къ рѣчкѣ, повидимому, съ явнымъ намѣреніемъ утопиться, но, добѣжавъ до мѣста назначенія, приходили въ память и вновь возвращались къ жизни. Болѣе сообразительные скоро поняли, въ чемъ дѣло и подняли страшный крикъ.

— Охъ, батюшки! Ой, свѣты небесные! Пожаръ!

Вся деревня ринулась къ тому мѣсту, гдѣ стояло гумно Перехватова. Пылали вчера только на славу выведенные стоги ржи, и ихъ шестиугольныя верхушки, которыми вчера любовался Перехватовъ, казались теперь настоящими сіяющими звѣздами. Воздухъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ дыма. Перехватовъ былъ уже здѣсь. Онъ, какъ безумный, бѣгалъ вокругъ пылавшихъ стоговъ, безсмысленно размахивая руками и крича во все горло охрипшимъ голосомъ.

— Воды! Бочекъ! Спасайте сѣно! Сѣно мнѣ спасайте! Рожь уже пропала! Сѣно, сѣно!.. Поливайте водой! Живо!

Да, сѣно было для него поважнѣй ржи. На недалекомъ разстояніи отъ пылавшихъ стоговъ стояли три огромныя, безконечныя скирды самаго лучшаго сѣна. Пе-

Digitized by Google

рехватовъ разсчитывалъ продать его съ громаднымъ барышемъ. Стоило перелетѣть туда одной искрѣ—и все пойдетъ прахомъ.

— Что-жь вы стоите? Олухи! Чего-же вы смотрите, разинувъ рты? Берите ведра! Ну, живѣй,—Да что-же вы? О, Господи! Братцы, голубчики! Да помогите-же! Имѣйте жалость. Да неужто-же въ васъ души христіанской нѣтъ?..—уже молилъ Перехватовъ.

— А въ тебѣ она есть?—глухо пронеслось гдѣ-то въ глубинѣ толпы. То былъ голосъ Михайлы. Мужики оглянулись и, увидѣвъ его, поняли, въ чемъ дѣло. Онъ былъ безъ шляпы, босой, кудлатый и, вообще, имѣлъ какой-то дикій видъ. Казалось, онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ пожиралъ глазами это страшное море пламени.

— Да помогите-же! Помоги-ите!—отчаянно молилъ Перехватовъ. Но мужики стояли, какъ вкопаные.

— Такъ что-же это вы, разбойники, прохвосты, душегубцы? Это вы меня погубить вздумали!.. Такъ я-же васъ, я васъ! Я васъ въ Сибирь укачу! На ка-то-ргу! Это звѣрство! Вы не христіане, вы живорѣзы!

Перехватовъ имѣлъ ужасный видъ. Лицо его было полно дикаго бѣшенства, налившіеся кровью глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ. Онъ не зналъ, за что ухватиться. Трое рабочихъ изъ его домашней свиты лѣниво возились съ бочками. Имъ, повидимому, было все равно—сгоритъ или не сгоритъ. Больше рабочихъ онъ не держалъ, потому что предпочиталъ дешевый „случайный“ трудъ. Онъ носился съ ведромъ, иногда зачерпалъ въ него воды, и съ ожесточеніемъ выливалъ на скирду, точно эти ничтожныя капли могли оказать существенную помощь.

А между тѣмъ, точно на зло Перехватову, подоспѣлъ утренній вѣтеръ. Искры полетѣли въ ту сторону, гдѣ, озаряемыя яркимъ пламенемъ, красовались роскошныя скирды сѣна. Перехватовъ бѣгалъ около нихъ со своимъ ведромъ. Но это не помогло. Одно мгновеніе—и

Digitized by Google

скирды сдѣлались добычей пламени. Перехватовъ изнеможенный опустился на траву. Онъ скрежеталъ зубами отъ злости.

Но вотъ пламя опустилось, вотъ надъ гумномъ носится только густой дымъ, подымающійся изъ тлѣющихъ остатковъ соломы и сѣна, а вотъ, наконецъ, остался одинъ только горячій пепелъ. Сгорѣло все, что было на гумнѣ Перехватова. Убытки были громадны, и громадна была скорбь Самсона Платоновича.

Мужики разошлись по домамъ въ какомъ-то непривычномъ настроеніи. Многіе чувствовали угрызенія совѣсти, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы насильно врывалось въ грудь чувство удовлетворенія. Никто не брался обсуждать только что совершившійся фактъ, долго еще самимъ мужичкамъ казавшійся страннымъ. Разговаривали больше о частностяхъ, о различныхъ эпизодахъ на пожарѣ, и разговаривали какъ-то неохотно. Общій голосъ былъ таковъ, что Перехватова Богъ наказалъ.

— Богъ, конечно!.. вставилъ неосторожное слово какой-то парень, — а дядя-то Михайла какой чудной былъ...

— Чего чудной? Какой былъ, такой былъ! А ты знай—помалчивай!..—осадили его старшіе, и парень прикусилъ языкъ.

Скоро началось слѣдствіе и тянулось очень долго. Михалку „таскали по судамъ“; противъ него было много уликъ, и его дѣло казалось погибшимъ. Но вдругъ все это какъ-то оборвалось и его нежданно-негаданно выпустили на волю. Разсказывали, что онъ очень кстати обмолвился насчетъ войны съ нѣмцемъ, причемъ упомянулъ о предводителѣ и еще кое о чемъ. Это ему и помогло.

Digitized by Google

ЗДРАВЫЯ ПОНЯТІЯ.

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

ЗДРАВЫЯ ПОНЯТІЯ.

(Записки благоразумнаго человѣка.)

I.

Наканунѣ этого дня Турчаниновы переѣхали на дачу. Въ открытомъ вагонѣ дачнаго поѣзда мы сидѣли съ Олениной на двухъ скамейкахъ другъ противъ друга. Она ѣхала на одну изъ ближайшихъ станцій и должна была сойти минуты черезъ двѣ. Блѣдная дѣвушка была печальна, говорила мало и все глядѣла на меня. Ея видъ, даже когда она была весела, всегда какъ-то трогалъ меня до глубины души. Я зналъ, что ей было отмѣрено судьбой всего какихъ-нибудь годъ-два жизни. У нея была чахотка.

— Пріѣзжайте къ намъ, Андрей Николаевичъ!—сказала она, когда поѣздъ остановился.

Это—„къ намъ“ означало „ко мнѣ“, потому что она жила одна, если не считать совершенно дряхлой тетки, потерявшей ноги, зрѣніе и слухъ. Я долженъ былъ сказать, что пріѣду, между тѣмъ какъ мнѣ, именно, этого не хотѣлось. Вотъ уже три мѣсяца я замѣчалъ, что Оленина дѣлаетъ мнѣ исключеніе. Къ людямъ она относится презрительно и съ какимъ-то болѣзненнымъ удовольствіемъ старается всѣмъ показать это. Со мной обращается мягко, какъ съ человѣкомъ, не похожимъ на другихъ. Она влюблена въ меня,—это меня печалитъ.

Digitized by Google

На прощанье она повторила приглашеніе.—„Непремѣнно пріѣзжайте! Слышите!“—и сквозь густую тѣнь печали она улыбнулась мнѣ и кивнула головой. Ея блѣдное худенькое личико оживилось, на смуглыхъ щекахъ выступилъ румянецъ, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ выглядывали большіе темные глаза, блестящіе и глубокіе. Въ этой дѣвушкѣ было много загадочнаго, но я не считалъ себя призваннымъ разгадывать эту тайну. Она раскрыла черный кружевной зонтикъ, хотя не было жарко, и пошла, кивая мнѣ головой. Ея высокая фигура колебалась, какъ тонкій стволъ молодой березки.

Поѣздъ двинулся; я потерялъ ее изъ виду. Мы проѣхали еще двѣ станціи—каждая въ двѣ-три минуты. Я скоро забылъ о ней.

Былъ тихій чуть-чуть прохладный вечеръ. Солнце закатывалось и на высокихъ воротахъ роскошной дачи Масловитаго еще отражались красноватые лучи его. Когда я сошелъ съ поѣзда и взобрался на холмъ, то увидѣлъ всю—небольшую голубенькую дачку съ маленькимъ палисадникомъ, въ которомъ много было цвѣтовъ и совсѣмъ мало зелени. Женская фигура въ сѣромъ платьѣ возилась около круглаго бѣлаго стола. Я узналъ Анну Гавриловну и мнѣ страшно захотѣлось вкуснаго чаю, какой она такъ искусно наливаетъ. Еще пять шаговъ и передо мною вырисовалась сосѣдняя дача Масловитаго, та самая, на воротахъ которой играли красноватые лучи заходящаго солнца. Посрединѣ великолѣпнаго парка стоялъ каменный домъ причудливой архитектуры. Правда, въ этой постройкѣ не было ни чистаго какого-бы то ни было стиля, ни тонкаго вкуса, но зато изъ каждой подробности выглядывали три милліона, которыми владѣлъ господинъ Масловитый, а это всегда и во всемъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Я слышалъ, что тамъ у него былъ устроенъ замѣчательный спускъ къ морю, покойный, удобный, вымощенный чистымъ гранитомъ. Я никогда не былъ въ этомъ паркѣ и не видѣлъ этого спуска. Почему-то господинъ Масловитый, который бывалъ у Турчаниновыхъ

Digitized by Google

и очень хорошо видѣлъ, что я не просто квартирантъ ихъ, а близкій имъ человѣкъ, ни разу не пригласилъ меня къ себѣ. Впрочемъ, я хорошо зналъ, почему.

„Было-бы лучше, если-бы этотъ замокъ съ этимъ паркомъ принадлежали не Масловитому, а Турчаниновымъ!“ подумалъ я и мною овладѣло непріятное чувство, похожее на зависть. Чувство это скоро прошло, потому что я, вообще, терпѣть не могу отдаваться постыднымъ чувствамъ. Тѣмъ болѣе, что если-бы я захотѣлъ, то это случилось-бы завтра-же. Да, я очень хорошо зналъ, что это въ моихъ рукахъ.

Когда я подошелъ къ воротамъ голубенькой дачи, на кругломъ столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, уже стоялъ шипящій самоваръ. Анна Гавриловна разливала чай, Наденька нагнулась къ какому-то цвѣтку на грядѣ, такъ что я видѣлъ только ея спину. Рядомъ съ нею стоялъ и вертѣлъ въ рукахъ маленькій букетикъ—владѣлецъ сосѣдней дачи.

— А я уже вамъ и чай налила!—крикнула мнѣ Анна Гавриловна,—видите, я васъ даже предчувствую!..

— Отлично! Мнѣ страшно хочется чаю!—сказалъ я, запирая за собой калитку.

Кажется, что появленіе мое не доставило особеннаго удовольствія господину Масловитому.

— А я не зналъ, что и вы также будете жить на дачѣ!..—сказалъ онъ, прищуривая свои и безъ того небольшіе глазки. Этимъ онъ хотѣлъ выразить пренебреженіе къ моей особѣ, но это ему не удалось. Вообще онъ очень плохо владѣлъ своимъ круглымъ и толстымъ лицомъ, окаймленнымъ сѣдоватыми баками. Выраженіе добродушнаго теленка вытѣсняло на этомъ лицѣ всѣ другія. Это было лицо человѣка не слишкомъ умнаго и совершенно довольнаго своей судьбой. Даже искренняя досада, которую обыкновенно вызывало въ немъ мое присутствіе, ложилась на этомъ лицѣ лишь легкой тѣнью, которая тотчасъ-же уступала мѣсто обычному выраженію добродушія и полнаго душевнаго равновѣсія.

Digitized by Google

Масловитый былъ довольно толстъ и небольшого роста. Я передъ нимъ казался великаномъ, потому что ростъ у меня почти высокій и держусь я всегда прямо. Онъ носилъ широкій чечунчовый костюмъ, въ которомъ ему такъ-же было жарко, какъ мнѣ въ суконномъ, несмотря на то, что было только 12-е мая.

Наденька съ большимъ оживленіемъ пошла мнѣ навстрѣчу и тотчасъ дружески и просто взяла меня подъ руку. Я замѣтилъ, что она какъ-то особенно выразительно прижалась къ моей рукѣ. За чайнымъ столомъ мы неизвѣстно почему вели разговоръ о рыбной ловлѣ. Я терпѣть не могу это занятіе, но Масловитый страстный рыболовъ и если-бъ его не отвлекала необходимость какъ-нибудь тратить свои триста тысячъ годового дохода, то онъ безотлучно сидѣлъ-бы на лодкѣ съ удочкой въ рукѣ. Я замѣтилъ, что Анна Гавриловна выказывала мнѣ особенную предупредительность. Положимъ, мы всегда съ ней были большими пріятелями; она смотрѣла на меня, какъ на будущую твердую опору ихъ семейства.

Но на этотъ разъ она ухаживала за мной съ какой-то изысканностью, изъ чего я заключилъ, что она передо мной провинилась. Я почти не принималъ участія въ разговорѣ о рыбной ловлѣ. Я смотрѣлъ на этихъ троихъ и старался понять, прежде чѣмъ мнѣ это скажутъ, что тутъ безъ меня произошло. Масловитый разсказывалъ о какомъ-то сложномъ аппаратѣ для ловли камбалы и прибавилъ:

— Можно даже сейчасъ попробовать, если угодно. Пройдемте ко мнѣ!

Наденька взглянула на меня, какъ-бы спрашивая моего мнѣнія.

— Пойдемъ, Андрей Николаичъ?—спросила она.

— Я покорнѣйше прошу Андрея Николаевича!—церемонно пригласилъ Масловитый.

Я поклонился и сказалъ, что приду послѣ, такъ какъ хочу посмотрѣть свою комнату и разставить кое-какія вещи.

Digitized by Google

— Пойдемте вмѣстѣ, Андрей Николаевичъ!, съ мольбой повторила Наденька.

— Я очень прошу васъ!..—повторилъ и Масловитый.

Я также повторилъ, что нагоню ихъ.—„Мы пойдемъ вмѣстѣ съ Анной Гавриловной!“—сказалъ я и этимъ косвенно попросилъ старуху остаться. Наденька нахмурила брови и встала.

— Пойдемте-же!—сказала она Масловитому, и быстро пошла къ выходу.

Тотъ, несмотря на свою толщину, всполошился, чуть не свалилъ столъ со всей посудой и засѣменилъ вслѣдъ за Наденькой. Анна Гавриловна сидѣла молча и сосредоточенно смотрѣла въ чашку недопитаго чаю. Она прихлебывала его съ разстановкой; я зналъ, что въ чашкѣ осталось всего два-три глотка, но она пила по капелькѣ, какъ-бы боясь остаться безъ занятія. При этомъ дыханіе ея сдѣлалось медленнымъ и глубокимъ. Однимъ словомъ, было ясно, что она сильно провинилась передо мной. Такъ какъ я все понялъ, и у меня въ тотъ-же мигъ, по обыкновенію, составился опредѣленный и ясный планъ моихъ дѣйствій, то я и могъ говорить спокойно о такомъ предметѣ, который, казалось, долженъ былъ страшно волновать меня.

— Вамъ сдѣлали предложеніе?—спросилъ я ровнымъ голосомъ, безъ тѣни упрека или смѣха, или удивленія, какъ будто я самъ ожидалъ этого.

Чашка, которую держала въ рукахъ Анна Гавриловна, отъ сильнаго волненія со стукомъ стала на скатерть вмѣсто того, чтобы стать на блюдце. Анна Гавриловна совсѣмъ не ожидала такого прямого вопроса и до такой степени не была подготовлена къ нему, что произнесла ничего незначущее:

— Намъ?

Я усмѣхнулся безъ всякой, однако-же, ядовитости и сказалъ тономъ обыкновенной дружеской шутки:

— Разумѣется, одной изъ васъ и, какъ я догадываюсь, не Аннѣ Гавриловнѣ...

Digitized by Google

Она взглянула на меня мелькомъ, желая, вѣроятно, прочитать на лицѣ моемъ мое настоящее душевное состояніе; но лицо мое выражало или, какъ я увѣренъ, должно было выражать простое любопытство. Она закрыла глаза, что, вѣроятно, облегчало ей произнесеніе страшныхъ, по ея мнѣнію, словъ и произнесла:

— Онъ сдѣлалъ предложеніе!..

И при этомъ изъ глубины души ея вырвался такой продолжительный и глубокій вздохъ, точно она сообщила мнѣ о смерти близкаго человѣка.

— Но развѣ мы можемъ принять?—прибавила она и начала перемывать посуду.

— А развѣ вы сказали—нѣтъ?—спросилъ я прежнимъ спокойнымъ тономъ.

Анна Гавриловна опять запнулась и вмѣсто прямого отвѣта невнятно произнесла:

— Вотъ вопросъ... Какъ-же, Андрей Николаичъ?..

Анна Гавриловна въ сущности солгала мнѣ уже десять разъ лицомъ, движеніями, даже чайной чашкой, между тѣмъ у нея не хватило твердости солгать языкомъ.

— Такъ пойдемте, что-ли? Я предложилъ ей руку, она бросила посуду и полотенце и молча, совершенно растерянная, вышла со мной изъ палисадника. Должно быть, это ее очень мучило, что я послѣ такого важнаго сообщенія молчалъ. Конечно, ей казалось, что я долженъ былъ разразиться тысячью упрековъ и жалкихъ словъ. И такъ какъ я все-таки молчалъ и тогда, когда мы вступили во владѣнія Масловитаго, то она сама заговорила.

— Видите, Андрей Николаичъ, онъ уже давно дѣлаетъ намеки. Сегодня онъ сказалъ: я—человѣкъ совершенно одинокій; послѣ моей смерти добро мое растаскаютъ какіе-то тамъ родственники, люди, которыхъ я въ глаза не видалъ... А хотѣлъ-бы я, чтобы оно досталось тѣмъ, кого я люблю. Я, говоритъ, просто безъ ума отъ вашей Наденьки... Это онъ мнѣ сказалъ, а Наденькѣ прямо: дайте мнѣ, говоритъ, нѣсколько дней счастья, будьте моей женой... И потомъ даже засмѣялся: я, говоритъ, понимаю, что

Digitized by Google

вамъ невесело будетъ со старикомъ жить. Но я вамъ гарантирую, что проживу не долго. Мнѣ это доктора сказали...

И Анна Гавриловна послѣ этого отчета стала дышать спокойнѣе. Она, конечно, почувствовала облегченіе, потому что передала мнѣ мучившую ее тяжесть. Она ждала. При вечернемъ освѣщеніи верхняя часть дачи Масловитаго—нижняя была вся закрыта густой зеленью—имѣла фантастическій видъ. Широколиственныя растенія, поставленныя въ красивыхъ фарфоровыхъ вазонахъ на помѣстительномъ открытомъ балконѣ, казались пылающими кострами. Полукруглые выступы со стѣнками изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, залитые красноватымъ свѣтомъ, напоминали уголокъ какого-нибудь древняго храма. Гдѣ-то въ глубинѣ густой зелени раздавался шелестъ отъ бьющихъ фонтанчиковъ, а издали доносился протяжный гулъ несущагося къ морю каскада. Мы шли въ знаменитой аллеѣ изъ акацій, гдѣ никогда не было солнечныхъ лучей. Казалось, эта аллея вела куда-то въ подземелье; впереди не было видно ни малѣйшаго просвѣта. съ каждымъ шагомъ она становилась темнѣе, мы почти уперлись въ стѣну изъ листьевъ и круто повернули на-право, гдѣ въ отдаленіи виднѣлся кусокъ голубого неба. Когда мы дошли до конца, передъ нами вдругъ открылось безконечное море, къ которому вела широкая гранитная лѣстница.

Я остановился и залюбовался картиной. По правую сторону съ шумомъ стремительно лился каскадъ; отъ него до насъ долетали миніатюрныя брызги; слѣва шелъ отлогій скатъ, усѣянный густой зеленой травой, которая росла ровно, точно подстриженная. Внизу рисовался желтый, песчаный берегъ, изящный паровой катеръ и купальня—цѣлый домъ. Около мостика качалась дюжина разноцвѣтныхъ яликовъ; одинъ изъ нихъ былъ до-верху нагруженъ всякаго рода рыболовными снарядами.

— А знаете, Анна Гавриловна! Право-же не дурно обладать всѣмъ этимъ!—воскликнулъ я.

Моя спутница сдѣлала неопредѣленную мину. Не то

Digitized by Google

она соглашалась со мной, не то хотѣла сказать, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Вообще, моя будущая теща вела себя весьма двусмысленно. Во всякомъ случаѣ, къ чести ея, я могу сказать, что въ ней было больше благородства, чѣмъ благоразумія. Что ей очень хотѣлось войти во владѣніе роскошной виллой Масловитаго, въ этомъ я не сомнѣвался, да это было и совершенно естественно. Однако-жь, она не считала себя вправѣ сказать мнѣ это. Конечно, она предпочла-бы, чтобы я во все не говорилъ на эту тему, потому что, когда порядочному человѣку приходится лгать, онъ страдаетъ. Однако, я нашелъ нужнымъ еще разъ смутить мою нареченную тещу, и поставилъ ей прямой вопросъ, правда— сопровождаемый улыбкой, для того, чтобы придать ему видъ дружески-откровенной шутки.

— Скажите, если-бъ Наденька была... Ну, если-бы она не любила меня и ничего не обѣщала, вы-бы отдали?

— Я подумала-бы!..—задумчиво глядя на море, отвѣтила Анна Гавриловна. Очевидно, она и въ это время думала о томъ-же.

— А подумавши, благословили-бы?!..

Она на секунду закрыла глаза, какъ-бы желая сразу представить себѣ всю картину положенія дѣла.

— Что-жь, Иванъ Евсѣичъ человѣкъ добрый и.... спокойный!

Иванъ Евсѣичъ — это имя Масловитаго. Въ эту минуту мы увидѣли соломенную шляпку Наденьки съ широкими полями, а немного позади бѣлую фуражку Масловитаго. Шляпа и фуражка двигались въ уровень съ зеленой травой отлогаго спуска съ лѣвой стороны по направленію къ гранитной лѣстницѣ, а значитъ и въ нашу сторону. Только теперь мы поняли, что тамъ шелъ особый извилистый ходъ къ морю, выкопанный въ землѣ. Это была фантазія Масловитаго, цѣль которой и ему самому не была извѣстна. Они, значитъ, уже побывали у моря и Масловитый демонстрировалъ передъ Наденькой свой знаменитый аппаратъ для ловли камбалы. Безъ со-

Digitized by Google

мнѣнія, онъ демонстрировалъ очень плохо, потому что вечеръ былъ очаровательный, они были вдвоемъ, а онъ сгоралъ при видѣ Наденьки.

— Что-же вы не пришли смотрѣть?—спросилъ Масловитый издали, когда они взошли на лѣстницу.

— Мы вѣримъ вамъ на-слово!—крикнулъ я ему въ въ отвѣтъ, и мы съ Анной Гавриловной пошли имъ навстрѣчу.

Спустившись ступенекъ на двадцать, мы встрѣтились на широкой террасѣ, вымощенной большими полированными плитами. Я взглянулъ на Масловитаго,—онъ былъ красенъ, съ лица его катился потъ. Быть можетъ, въ это время онъ думалъ о томъ, какъ трудно, будучи не-молодымъ толстякомъ, сопровождать молоденькую живую дѣвушку. Онъ снялъ фуражку и вытеръ потную лысину. Наденька посмотрѣла на меня мелькомъ, но тотчасъ отвернула лицо къ морю. Она еще сердилась на меня за то, что я не пошелъ съ ними и не помѣшалъ Масловитому говорить ей о своей любви и о томъ, что онъ оставитъ ей все свое огромное состояніе. Когда мы поднялись наверхъ и очутились передъ зданіемъ, костры на балконѣ второго этажа уже потухли, солнце зашло. Хозяинъ крикнулъ слугамъ, которыхъ у него было множество, чтобы освѣтили домъ.

— Я надѣюсь, что вы завернете ко мнѣ!..—сказалъ онъ, обращаясь собственно къ дамамъ. Но такъ какъ дамы ничего не отвѣчали и, повидимому, ждали моего отвѣта, то онъ прибавилъ: — и вы, конечно, Андрей Николаевичъ!..

Этотъ простакъ думалъ, что я способенъ воспользоваться приглашеніемъ. У него не хватало ума на то, чтобъ скрыть свое нерасположеніе къ моей особѣ, вслѣдствіе чего онъ всякій разъ выдѣлялъ меня изъ компаніи, адресуя мнѣ особое приглашеніе. Но я находилъ, и думаю, что былъ правъ, что мое положеніе въ его замкѣ въ качествѣ гостя будетъ не Богъ знаетъ какое почетное, а я, вообще, никогда не ставлю ни себя, ни другихъ въ неловкое положеніе, если это безполезно.

Digitized by Google

— Къ сожалѣнію, я сейчасъ-же долженъ засѣсть за лекціи... Вы знаете, у меня идутъ экзамены!

— Какъ жаль!.. (бѣдный толстякъ не съумѣлъ прикинуться какъ слѣдуетъ и сказалъ свое „какъ жаль“ совершенно такъ, какъ говорятъ: „тѣмъ лучше“). Тогда я самъ провожу дамъ... Здѣсь пять шаговъ!..

Я раскланялся, хотя былъ увѣренъ, что дамы не останутся безъ меня. Анна Гавриловна, безъ сомнѣнія, страдала отъ неясности положенія и страстно желала, чтобы оно выяснилось. Наденька готовилась сдѣлать мнѣ бурную сцену, высказать негодованіе по поводу моего поведенія. Я это зналъ, потому что это всегда такъ бываетъ. Я, вѣдь, хорошо изучилъ этихъ людей, иначе они не были-бы моими друзьями.

Дамы сказали, что у нихъ есть работа; онѣ еще не окончили уборку дачи. Масловитый еще разъ снялъ фуражку и вытеръ вспотѣвшую лысину. Ему ничего больше не оставалось сдѣлать. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ, что если дамы останутся безъ меня, то ему удастся выпытать у нихъ хоть намекъ, хоть тѣнь надежды на согласіе. Онъ имѣлъ полное основаніе имѣть свой особый взглядъ на вещи и свое особое міросозерцаніе и, конечно, не могъ допустить, чтобы перспектива обладанія тремя милліонами, въ концѣ концовъ, не соблазнила женщину и не заставила ее пожертвовать самой горячей любовью. Человѣкъ этотъ за пятьдесятъ лѣтъ жизни насмотрѣлся, какими священными предметами люди жертвуютъ за хорошую плату, и былъ по своему правъ.

Когда мы уходили, онъ пожелалъ и мнѣ, особо, конечно, спокойной ночи, съ такой ненавистью во взглядѣ, какую только допускало его добродушіе толстаго человѣка. Глупость его положенія усилилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ въ ту минуту, когда мы повернули къ выходу, и онъ остался одинъ посреди своего роскошнаго парка, его великолѣпная дача освѣтилась яркими огнями.

Digitized by Google

II.

Мы шли втроемъ, я рядомъ съ Наденькой впереди, Анна Гавриловна позади, на приличномъ разстояніи. Наденька дулась и не брала мою руку; я ничего этого не замѣчалъ, со спокойнымъ лицомъ разсматривалъ вычурныя насажденія, попадавшіяся на пути, и совершенно просто дѣлалъ свои замѣчанія. Въ это время меня интересовалъ вопросъ: понимаетъ-ли Наденька, что я уже все понялъ? Этимъ я хотѣлъ опредѣлить, насколько мы, вообще, проникли другъ въ друга. Мнѣ всегда казалось, что Наденька именно такая женщина, какая мнѣ нужна, а я именно такой мужчина, какой нуженъ Наденькѣ.

Весеннія сумерки позволяли намъ отлично разсмотрѣть другъ друга. Наденька показалась мнѣ на этотъ разъ очень привлекательной. Тонкая, прямая, довольно высокаго роста, она шла плавно, безъ рѣзкихъ движеній, безъ размахиваній руками, что такъ портитъ походку стройной женщины. Ея красивая головка съ подстриженными и вьющимися русыми волосами (она сняла шляпу и несла ее въ рукѣ), чудной бѣлизны шея, строгое выраженіе дѣтски-простого и милаго лица, — все это вмѣстѣ въ тотъ вечеръ какъ-то особенно плѣняло меня. Въ лицѣ Наденьки мнѣ больше всего нравилось выраженіе дѣтской простоты, и, главнымъ образомъ, потому, что это была искусная игра природы. По своему характеру, по образу мыслей, по всему своему складу Наденька вовсе не была проста; ея большіе синіе глаза, выражавшіе вѣчный вопросъ, вѣчное недоумѣніе, видѣли, знали и понимали многое. Читать на этомъ лицѣ было очень трудно; кажется, я одинъ зналъ эту грамоту. Такія лица рѣдки, и я это цѣнилъ.

Наденька была въ простомъ ситцевомъ платьѣ, сиреневаго цвѣта, безъ подборовъ, густыми складками спускавшемся къ низу. Широкій кожаный поясъ плотно огибалъ ея тонкую талію. Невысокая грудь чуть-чуть вздрагивала при каждомъ ея движеніи.

Digitized by Google

Когда мы вышли на улицу, я оглянулся и убѣдился въ таинственномъ исчезновеніи Анны Гавриловны. Это было очень предусмотрительно, но не хорошо. Такъ какъ она исчезла неожиданно, то я не могъ быть увѣренъ, что она не присутствуетъ гдѣ-нибудь въ ущельѣ забора. Я легко допускалъ это, потому что зналъ дипломатическія наклонности моей нареченной тещи. Но въ данномъ случаѣ это было для меня безразлично; поэтому возможность тайнаго присутствія Анны Гавриловны нисколько меня не стѣсняла.

— Наденька, отводите душу... Я готовъ принять всѣ ваши справедливые упреки, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что намъ предстоитъ серьезный разговоръ!..

Я сказалъ это своимъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ, и даже обратился къ ней на „вы“, что, когда мы были вдвоемъ, дѣлалось только въ шутку.

— Отстаньте, пожалуйста!..

Это „вы“ было уже нешуточное. Наденька въ самомъ дѣлѣ злилась, и я зналъ, что она безъ особыхъ съ моей стороны мѣропріятій ни за что не вступитъ въ правильный разговоръ. Поэтому я сказалъ:

— Я искренно каюсь въ моемъ поступкѣ, Надежда Алексѣевна! Я совершенно понимаю, въ чемъ моя вина: въ томъ, что я не послѣдовалъ вашему настойчивому приглашенію и не пошелъ съ вами. Такимъ образомъ я заставилъ васъ выслушивать отъ господина Масловитаго безконечныя повѣствованія о его страстной любви къ вамъ. Но это было-бы еще ничего,—пусть-бы онъ говорилъ себѣ о любви,—любить никому не воспрещается, не такъ-ли? Я, напримѣръ, люблю васъ потому, что у васъ милая наружность, прелестные глазки, умная головка и не очень злое сердце. Почему-же господину Масловитому не позволить любить васъ за то-же самое? Но онъ не только говорилъ о любви своей, а все время доказывалъ вамъ, и главное, очень глупо доказывалъ, что вамъ слѣдуетъ сдѣлаться его женой.

Въ это время мы уже минули нашу дачу и, машинально повернувъ направо, прошли широкой дорогой

Digitized by Google

между двухъ каменныхъ стѣнъ, загораживавшихъ дачи. Мы очутились надъ обрывомъ. Внизу слабо плескались легкія волны, лѣниво и спокойно выплывавшія на песчаный берегъ. Въ прохладномъ воздухѣ стояла тишина. На небѣ уже загорѣлись частыя звѣзды и отражались въ плавно колыхавшемся зеркалѣ моря. Лунный свѣтъ придавалъ всему: и морю, и острымъ камнямъ, торчавшимъ въ разныхъ частяхъ берега, и выглядывавшимъ изъ-за каменныхъ оградъ вѣтвямъ сирени оттѣнокъ тихой, нѣжной печали. Мы остановились надъ обрывомъ, гдѣ начиналась крутая тропинка, которая вела къ берегу. Наденька стала передо мной, посмотрѣла мнѣ въ глаза глубокимъ пристальнымъ взглядомъ и положила руки мнѣ на плечи.

— Зачѣмъ-же ты меня мучаешь, Андрей?!—промолвила она такимъ голосомъ, въ которомъ я прочиталъ искреннее страданіе.

Я вздрогнулъ. Я вдругъ почувствовалъ невыразимую нѣжность, сердце забилось быстро и дыханіе сдѣлалось частымъ. Наденька была такъ хороша въ эту минуту, такой жаркій огонь свѣтился въ ея глазахъ, такъ заразительно дрожали ея тонкія губы. На мгновеніе я усомнился въ своихъ силахъ. Мнѣ показалось, что я не способенъ осуществить свой планъ, который за минуту передъ этимъ я считалъ совершенно созрѣвшимъ. Мнѣ приходилось разсуждать въ то время, какъ страсть обнимала меня всего, я чувствовалъ, что люблю эту дѣвушку и что для меня будетъ настоящей пыткой отказаться отъ нея.

— Затѣмъ, что я люблю тебя, моя красавица!—отвѣтилъ я не голосомъ, а почти однимъ страстнымъ дыханіемъ.

Она, трепещущая, прильнула ко мнѣ всѣмъ своимъ тѣломъ. Я схватилъ ее на руки и, самъ не знаю почему, понесся съ этой ношей по тропинкѣ внизъ. Черезъ нѣсколько мгновеній мы были на берегу; я положилъ ее, какъ ребенка, на мягкомъ пескѣ и прильнулъ къ ея

Digitized by Google

губамъ. Лицо ея горѣло, она обнимала мою шею, прижималась къ моей груди, лепетала безсвязныя, отрывистыя ласки. Я видѣлъ, что она готова вся отдаться мнѣ, и я могу сдѣлать съ нею все, что мнѣ вздумается.

Свѣжій вѣтерокъ съ моря обдалъ меня прохладной струей, и это было очень кстати. Мнѣ, именно, нужна была эта помощь извнѣ. Я во-время очнулся и спохватился. Тихонько я отстранилъ ея руки, положилъ свои ей на голову и на минуту закрылъ глаза, чтобы заставить мозгъ заняться своимъ дѣломъ.

— Надя!—осторожно позвалъ я ее. Она медленно поднялась и оперлась на локоть.

— Мы съ тобой всегда были умницами!..—продолжалъ я, и тонъ мой замѣтно становился разсудительнымъ.

— Знаешь, Андрей, я нахожу, что ты черезчуръ ужь благороденъ!—сказала она съ улыбкой.

— И разсудителенъ,—прибавилъ я, смѣясь, чего женщины совсѣмъ не выносятъ!..—А знаешь-ли ты, чего мнѣ это стоитъ? Быть разсудительнымъ въ такую ночь, въ объятіяхъ такой очаровательной женщины, какъ ты!.. Ты, вѣдь, знаешь, что я тебя люблю, но я никогда не подозрѣвалъ, что ты обладаешь такими чарами. Я даже жалѣю объ этомъ. Безъ этого мнѣ легче было-бы отказаться отъ тебя.

— Ты думаешь отказаться отъ меня?

— Я этого не сказалъ. Я ничего не слышалъ отъ тебя по этому предмету.

— Неужели ты думаешь, что я могу выйти за этого господина?

— Если-бы тебѣ это предстояло сейчасъ, сію минуту, то, конечно, нѣтъ. Но, вообще, тутъ ничего нѣтъ невозможнаго...

— А между тѣмъ это невозможно...

— Въ такомъ случаѣ объясни мнѣ, почему, когда Масловитый сдѣлалъ тебѣ предложеніе, ты не сказала

Digitized by Google

ему категорически „нѣтъ“, да такъ, чтобъ онъ больше и не заглядывалъ къ вамъ?

Наденька молчала. Но мнѣ и не надо было отвѣта, потому что я зналъ его. Какъ сказать тремъ милліонамъ, которые сами себя предлагаютъ, „нѣтъ?“ Турчаниновы всегда жили въ полу-нуждѣ. У нихъ было все необходимое, но въ нашъ вѣкъ только дикарь довольствуется необходимымъ. Для культурнаго человѣка, напротивъ, необходимое отходитъ на второй планъ, а вся прелесть жизни заключается въ излишнемъ. Глава ихъ былъ чиновникъ, оставилъ имъ пенсію, дачку при морѣ и ничтожный капиталецъ. Всего этого было настолько мало, что Наденька должна была оставить мечту о своемъ дальнѣйшемъ образованіи, и отъ времени до времени давать уроки. Межъ тѣмъ это была развитая натура, въ которой жили широкія требованія отъ жизни. Скромная доля труженицы была въ сущности противна ей; я это понималъ давно. И когда при такихъ условіяхъ вдругъ представляется возможность взять жизнь въ свои руки, нѣтъ надобности спѣшить съ отказомъ. Отказаться всегда успѣешь.

Наденька, конечно, не разсуждала такимъ образомъ. Она, вѣроятно, думала, что это невозможно и объ этомъ даже говорить нечего. Она только не посмѣла оскорбить прямымъ отрицаніемъ эту почтенную величину — три милліона...

Наденька такъ и не отвѣтила на мой вопросъ. Она предпочла оскорбиться и ея надувшіяся губки произнесли:

— Тебѣ, видно, очень хочется отдѣлаться отъ меня. Пожалуй, если тебѣ это доставитъ удовольствіе, я выйду за него!..

— Ха-ха! Разумѣется, это—шутка. Но въ самомъ дѣлѣ, если-бъ... Ну, предположимъ, ты хотѣла-бы мнѣ отомстить за что-нибудь, вѣдь, могла-бы ты выйти за Масловитаго?

Digitized by Google

— О, разумѣется... За перваго встрѣчнаго. Я, вѣдь, чертовски самолюбива!

— А посмотри, что за прелесть это море! Я просто не налюбуюсь...

Я перемѣнилъ разговоръ, потому что не разсчитывалъ продолжать его съ полной искренностью. Когда мы подымались наверхъ той-же тропинкой, по которой я, въ порывѣ увлеченія, снесъ Наденьку на берегъ, Наденька казалась утомленной. Она тяжело опиралась на мою руку и молчала. Я говорилъ о предстоящемъ мнѣ еще одномъ экзаменѣ и о томъ, что мнѣ придется, ради удобства въ занятіяхъ, провести недѣлю въ городѣ. Я сообщилъ также, что останавливаюсь у Кремчатова.

— Развѣ онъ еще не женился?—спросила она совершенно равнодушно. Она не долюбливала Кремчатова и всегда удивлялась, почему я веду съ нимъ знакомство.

— Собирается черезъ мѣсяцъ, если не вретъ, конечно.

— А вретъ онъ по-прежнему?

— Я думаю. Это у него органическій порокъ...

Этимъ прозаическимъ діалогомъ окончилась наша прогулка, которая началась такъ поэтически. Я признаюсь, что нарочно держалъ до конца такую линію. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ серьезно со всѣхъ сторонъ и окончательно обдумать положеніе дѣлъ и хотѣлъ, по возможности, устранить все, что могло смутить меня, повліять на мое безпристрастіе.

Анна Гавриловна, разумѣется, съ нетерпѣніемъ поджидала насъ. Она разсчитывала, главнымъ образомъ, на меня, потому что отъ Наденьки,—она это знала,—едва-ли ей удалось-бы чего нибудь добиться. Поэтому она была очень довольна, когда Наденька зѣвнула и, сказавъ, что ей страшно хочется спать, ушла въ свою комнату, и мы остались съ нею вдвоемъ.

— Говорили?—таинственнымъ полуголосомъ спросила

Digitized by Google

она, подсѣвъ ко мнѣ такъ близко, точно я былъ ея любовникомъ.

— Говорили, Анна Гавриловна!..—отвѣтилъ я тѣмъ полушутливымъ тономъ, который я выработалъ собственно для моей нареченной тещи.

— Ну, и что-же? Какъ?

— То-есть, въ чемъ-же дѣло, Анна Гавриловна?

На этотъ вопросъ она не могла отвѣтить. Она ужасно сконфузилась. Вопросъ ея выдалъ ее мнѣ головой. Значитъ, она ждала какого-то рѣшенія, надѣялась, что Масловитому не окончательно отказано, что, пожалуй, изъ этого что-нибудь выйдетъ. Однимъ словомъ, не теряла надежды провести остатокъ дней своихъ милліонершей. Я, разумѣется, отнесся къ этому, какъ слѣдуетъ. Боже мой, развѣ это не естественно въ женщинѣ, какъ моя будущая теща, а, можетъ быть, и во всякой женщинѣ!?.

— Да такъ, вообще... Все-таки былъ-же какой-нибудь разговоръ!..—неопредѣленно отвѣтила она.

— Вы, кажется, обезпокоены, Анна Гавриловна. Я могу васъ успокоить. Наденька любитъ меня очень, Масловитый не имѣетъ никакихъ шансовъ, все, къ нашему общему счастью, остается по старому.

Я ужасно любилъ ошеломлять эту почтенную женщину. Анна Гавриловна была женщина неглупая, я даже нерѣдко совѣтовался съ нею по разнымъ житейскимъ дѣламъ; въ особенности Богъ надѣлилъ ее большимъ запасомъ хитрости, конечно, самой обыкновенной, невысокаго качества. Но она какъ-то не сразу овладѣвала предметомъ. Чуть что-нибудь неожиданное, она непремѣнно сперва станетъ втупикъ, потомъ уже раскуситъ и приметъ свои мѣры. Это меня всякій разъ забавляло.

— Ну, вотъ слава тебѣ Господи!.. Разумѣется, какъ-же иначе?—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія. Это уже значило, что она раскусила и пустила въ ходъ свою хитрость. Но я видѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ луны,

Digitized by Google

какъ нахмурились ея брови. Еще-бы! Въ эту минуту она потеряла, по крайней мѣрѣ, милліонъ. Бѣдная старуха! Тотъ-же часъ въ воздухѣ оказалась сырость, она нервно сдвинула плечи и объявила, что ей пора идти въ комнату.

Я пожелалъ ей спокойной ночи почтительно и даже нѣжно, какъ будущій зять, и пошелъ къ себѣ.

III.

Мнѣ отвели небольшую комнатку въ два окна, которыя выходили въ садикъ. Сиреневый кустъ свѣшивалъ свои вѣтви прямо въ окно и заглядывалъ въ мои книги.

Когда я что-нибудь обдумываю, то имѣю привычку ходить по комнатѣ. Но на этотъ разъ я сейчасъ-же легъ въ постель. Дачныя комнаты отдѣляются одна отъ другой чувствительными перегородками. Каждый мой шагъ тревожно отдавался-бы въ взволнованномъ сердцѣ Анны Гавриловны и она, зная мои привычки, стала-бы искать объясненій. Тутъ уже одинъ шагъ къ догадкѣ, а я терпѣть не могу, когда разгадываютъ мои планы раньше, чѣмъ я самъ раскрою ихъ. Я способенъ тогда остановиться на полъ-дорогѣ и повернуть совсѣмъ въ другую сторону, даже если-бы это было глупо.

Я не погасилъ свѣчи. Въ темнотѣ мозгъ болѣе склоненъ къ фантастическимъ отступленіямъ. Здоровыя мысли рождаются при свѣтѣ, а когда что-нибудь взвѣшиваютъ, прежде всего, справляются, вѣрны-ли вѣсы. Вотъ, именно, мои вѣсы оказались не совсѣмъ вѣрными. Когда я остался одинъ, среди ночной тишины, въ постели, я, противъ всякаго желанія, вспомнилъ о недавней сценѣ на берегу моря и живо почувствовалъ страстныя объятія и поцѣлуи горячихъ и дрожащихъ губъ. Кровь забушевала во мнѣ. Какъ ни отгонялъ я воспоминаніе, оно не шло изъ головы, которая туманилась и кружилась. Сладостное ощущеніе близости милой дѣвушки, отдающей тебѣ всю себя со всею страстностью первой настоящей

Digitized by Google

любви, съ какимъ-то трогательнымъ довѣріемъ и вмѣстѣ съ какимъ-то отчаяніемъ страсти, просящей выхода во что бы то ни стало, — все это парализовало мой мозгъ, спутывало мои мѣсы. Я вскочилъ съ постели, быстро умылся холодной водой, продѣлалъ руками съ десятокъ гимнастическихъ движеній, сѣлъ за столъ и принялся внимательно читать кассаціонныя рѣшенія сената. Сначала я почти ничего не понималъ, по десять разъ перечитывалъ одну и ту-же фразу, одно и то-же слово. Но мало по-малу бушевавшая во мнѣ буря утихла, сердце стало биться спокойно и я отодвинулъ книжку. Такимъ образомъ, я въ тысячный разъ доказалъ себѣ, что всегда можно взять себя въ руки.

Собственно говоря, мнѣ не было особенной надобности утруждать свой мозгъ... Еще до маленькаго объясненія съ Наденькой я почти уже навѣрное зналъ, какъ поступлю. Но я люблю, чтобы у меня въ головѣ все было ясно до послѣдней степени. Терпѣть не могу недосказанностей, и никогда ничего не оставляю на долю случайности. Ясность, это—главное качество моего ума. Я и самъ не знаю, какимъ образомъ я пріобрѣлъ его. Вѣроятно, это оттого, что я пережилъ въ своей жизни много разнородныхъ впечатлѣній и такимъ образомъ научился разсматривать жизнь съ разныхъ сторонъ. Это—драгоцѣнное качество, которымъ обладаютъ немногіе. Я, по крайней мѣрѣ, знаю одного только человѣка—Наденьку, ей это свойственно въ нѣкоторой степени. Вѣроятно, оттого мы и сошлись съ нею такъ близко.

Сильно пожалѣлъ я о вспышкѣ тогда на берегу моря, вспышкѣ, которой я позволилъ овладѣть мной. Едва мой мозгъ оказался праздным, какъ мысли тотчасъ-же приняли прежнее направленіе. Нервы мои были напряжены, я ощущалъ нѣчто вродѣ ожиданія, какъ будто сейчасъ должна войти Наденька... Наденька представлялась мнѣ не простымъ объектомъ моихъ разсужденій, чего я добивался, а источникомъ томительно-сладостнаго волненія. Я не могъ иначе вообразить ее, какъ съ страстно

Digitized by Google

дрожащими губами, вздымающейся грудью, пылающими щеками. Это волновало меня и сбивало съ толку.

Тогда я прибѣгнулъ къ послѣднему и самому вѣрному средству. Я взялъ листъ бумаги и перо и рѣшилъ обсудить все на бумагѣ. Бумага охлаждаетъ и образумливаетъ человѣка, это я замѣтилъ. Я вообразилъ, что пишу письмо Виктору. Такъ какъ онъ старшій братъ, то имѣетъ право знать о перемѣнахъ въ его семьѣ (я еще не имѣлъ случая сказать, что у Анны Гавриловны былъ сынъ. Онъ мой товарищъ по гимназіи, учился на врача въ Кіевѣ). Конечно, этого письма я ему не пошлю, но это я приму въ разсчетъ уже послѣ, когда оно будетъ написано.

Я написалъ: „Любезный пріятель, Викторъ Алексѣевичъ! Я рѣшился повѣдать тебѣ чрезвычайно важныя вещи, но предупреждаю: заранѣе укроти свой пылкій темпераментъ. Въ моемъ поведеніи ты больше найдешь благоразумія, чѣмъ благородства". Я нарочно написалъ это, потому, что мнѣ нужно было стать на постороннюю точку зрѣнія. Что до меня, то я не признаю благородства безъ благоразумія. Всякій поступокъ становится благороднымъ съ той минуты, когда онъ приводитъ къ полезному результату. Но Викторъ былъ благороденъ до изступленія. Я продолжалъ: „ты уже знаешь, что милліонеръ Масловитый ухаживаетъ за Наденькой. Вчера онъ сдѣлалъ ей предложеніе, пообѣщавъ оставить ей все свое состояніе. Ты понимаешь, что это, очень важное обстоятельство, совершенно измѣняетъ мое положеніе (я очень хорошо зналъ, что Викторъ этого не понимаетъ). Я много думалъ о томъ, какъ поступить мнѣ, и вотъ тотъ путь, по которому шли мои разсужденія. Въ этой исторіи три главныхъ дѣйствующихъ лица—Наденька, Масловитый и я"...

Но я не докончилъ письма. Бумага уже теперь до такой степени благотворно подѣйствовала на мой умъ, что онъ вдругъ сдѣлался ясенъ, какъ всегда. Точно молнія мелькнула и освѣтила передо мной предстоящій путь. Я

Digitized by Google

понялъ разомъ все и уже сидѣлъ съ разрѣшеніемъ и съ планомъ завтрашняго дня.

Удивительно пріятное ощущеніе чувствовать себя умнымъ человѣкомъ! Я сейчасъ-же легъ спать, потому что завтра предстояло мнѣ встать въ шесть часовъ. Я заснулъ очень скоро; нервы мои были совершенно спокойны.

IV.

Меня разбудили птицы. Я нарочно оставилъ окно полуоткрытымъ, для того, чтобы не проспать. Спалъ я отлично, какъ всегда; я почти никогда не вижу сновъ. Было половина шестого. Лучи восходящаго солнца играли на вѣткахъ сирени, заглядывавшихъ ко мнѣ въ окно. Воробьи и ласточки щебетали почтп надъ самымъ моимъ ухомъ. Было очаровательное утро. Тихо; на листьяхъ серебрилась роса; въ воздухѣ стояла чисто майская свѣжесть, смягченная до нѣжности солнечной теплотой.

Я вышелъ изъ комнаты, тиховько прошелъ усѣянной камешками дорожкой мимо оконъ моихъ дамъ (ставни были плотно притворены) и съ воровскою осторожностью выбрался изъ калитки. Я подошелъ къ дачѣ Масловитаго и заглянулъ въ рѣшетчатыя ворота. Тамъ уже началась жизнь. Люди въ бѣлыхъ клеенчатыхъ фартукахъ ходили съ поливальницами, садовыми ножницами, лопатами. Я отворилъ калитку и вошелъ.

— Баринъ гдѣ?—спросилъ я перваго попавшагося мнѣ человѣка въ фартукѣ,— или онъ еще спитъ? — Я, впрочемъ, зналъ, что Масловитый встаетъ рано и совершаетъ обильный моціонъ.

Человѣкъ въ фартукѣ улыбнулся и махнулъ рукой.

— Какой вамъ?!. Даже и не ложились, всю ночь толклись, какъ домовой!..

— „Ага“—подумалъ я,—„его, значитъ, окончательно скрутило“. Я принялъ это къ свѣдѣнію. Мнѣ сказали, что Масловитый въ тѣнистой аллеѣ, я пошелъ туда.

Digitized by Google

Едва я дошелъ до первой акаціи, какъ увидѣлъ шагахъ въ двадцати удалявшуюся отъ меня толстую малорослую фигуру Ивана Евсѣича. Онъ былъ въ странномъ костюмѣ—въ широчайшихъ шароварахъ изъ какой-то синей шелковой матеріи, повидимому, очень тонкой, въ полосатой куртке въ обтяжку и въ бѣлой фескѣ на головѣ. Онъ шелъ быстро и размахивалъ руками, очевидно—по докторскому рецепту. Я, напротивъ, не спѣшилъ, разсчитывая, что онъ вернется какъ разъ такъ, чтобы встрѣтить меня неожиданно на поворотѣ. Я не хотѣлъ дать ему замѣтить меня раньше и приготовиться. Я, вообще, люблю наблюдать, когда человѣкъ теряется, недоумѣваетъ и не находитъ словъ. Дойдя до поворота, я подождалъ. Послышались обратные шаги. Масловитый приближался. Вотъ, наконецъ, показалась его фигура; прежде чѣмъ онъ увидѣлъ меня, я успѣлъ мелькомъ взглянуть на его лицо. На немъ выражалась мука: очевидно, онъ за всю ночь не могъ придумать ничего дѣльнаго. Это увеличивало мои шансы. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ на свои желтыя, вышитыя золотомъ, туфли и прямо наскочилъ-бы на меня, если-бъ я не посторонился. Замѣтивъ меня, онъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, словно увидѣлъ внезапно выползшую змѣю. Этотъ прыжокъ столь почтеннаго толстяка въ такомъ странномъ костюмѣ былъ до такой степени смѣшонъ, что я расхохотался.

— Вы?—съ неподдѣльнымъ изумленіемъ, даже съ съ оттѣнкомъ ужаса—произнесъ Масловитый.

Я продолжалъ хохотать. И изумленіе его, и ужасъ по поводу появленія столь мирнаго человѣка, какъ я, были невѣроятно комичны.

— Вы-же приглашали меня... вчера! Ну, а я пришелъ сегодня.

Но мой хозяинъ успѣлъ уже прійти въ себя. Его замѣшательство было, разумѣется, совершенно естественно. Онъ неожиданно наткнулся на человѣка, котораго въ продолженіи всей мучительной ночи усиленно ненавидѣлъ.

Digitized by Google

Онъ пришелъ въ себя и сдѣлалъ видъ, что хочетъ быть любезнымъ.

— Ну, да... да! Милости просимъ... Вы меня испугали!..

— Я думаю, вы такъ разстроены... Вѣроятно, всю ночь не спали!..

— Что? Почемъ вы знаете?

— Потому, что я тоже не спалъ, а мы съ вами вращаемся вокругъ одного и того-же солнца, не правдали-ли, Иванъ Евсѣичъ?

Онъ издалъ неопредѣленный звукъ, подъ которымъ, вѣроятно, подразумѣвалось если не проклятіе, то очень крѣпкое ругательство.

— Вы извините меня... это мой утренній костюмъ. Я, вѣдь, по утрамъ занимаюсь гимнастикой, оттого и одѣтъ акробатомъ.

Онъ, очевидно, не хотѣлъ говорить о мучившемъ его предметѣ.

— Да, жизнь пресмѣшная штука,—сказалъ я серьезнымъ тономъ,—иногда она дѣлаетъ акробатами самыхъ почтенныхъ людей.

— А отчего вы не спали?—неожиданно и рѣзко перебилъ меня Масловитый.

— Вотъ странный вопросъ! онъ отнимаетъ у меня невѣсту и хочетъ, чтобы я спокойно спалъ!..

Масловитый принялъ это за насмѣшку, повидимому—хотѣлъ отвѣтить ѣдкостью, но не нашелъ ничего подходящаго и только сердито промычалъ.

— Однако, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія,—вы, кажется, думаете, что я пришелъ къ вамъ гулять?

— Почему-же нѣтъ?

— Терпѣть не могу гулять въ чужихъ паркахъ, хотя-бы и самыхъ роскошныхъ. Я предпочитаю два аршина своей комнаты. Я къ вамъ по дѣлу и намъ надо уединиться.

Трудно сказать, что подумалъ послѣ этихъ словъ Масловитый. Люди, подобные ему, привыкшіе, въ концѣ

Digitized by Google

концовъ, достигать всегда желанной цѣли, никогда не теряютъ надежды. Не подумалъ-ли онъ, что его милліоны и здѣсь сослужатъ службу и что я за хорошія деньги продамъ ему свою невѣсту? Безъ сомнѣнія, онъ не могъ иначе смотрѣть на меня, какъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Что я такое былъ въ его глазахъ? Самый маленькій пролетарій, осужденный всю свою жизнь посвятить добыванію насущнаго хлѣба. Вѣдь, онъ родился богачемъ и за весь свой вѣкъ не имѣлъ ни малѣйшей причины испробовать, что такое трудъ. Онъ получилъ свои три милліона отъ отца, который нажилъ ихъ,—благодаря невѣроятной энергіи и предпріимчивости,—пшеничнымъ дѣломъ. Евсѣй Масловитый вышелъ изъ простыхъ мѣщанъ и всю жизнь прожилъ по-мѣщански, не возвышаясь надъ обязательной кулебякой по праздникамъ и—какъ выраженіемъ высшей роскоши—бутылкой столоваго вина за обѣденнымъ столомъ. Изъ мѣщанскаго тщеславія сына онъ воспиталъ въ баловствѣ, заставилъ его, противъ всякаго желанія, пройти университетскій курсъ, и умеръ, не оставивъ Ивану Евсѣичу ни малѣйшей охоты къ какому-бы то ни было дѣлу. Иванъ Евсѣичъ сейчасъ-же удалилъ съ глазъ все, напоминавшее ему коммерцію; онъ сказалъ себѣ, что съ него будетъ достаточно наличныхъ доходовъ и началъ на всѣхъ парахъ „пробовать жизнь“. Тогда ему было 26 лѣтъ, а теперь перевалило за пятьдесятъ,—времени было достаточно, чтобы всевозможнѣйшія пробы до-смерти надоѣли ему, и вотъ онъ страстно зажелалъ тихой семейной пристани. Желаніе это, когда оно въ первый разъ приходитъ въ пятьдесятъ лѣтъ, бываетъ непреоборимо. До пятидесяти лѣтъ человѣкъ покупалъ счастье на рынкѣ, щедро платя за него золотомъ, и, наконецъ, ему захотѣлось домашняго счастья. Я не знаю, было-ли вызвано это желаніе знакомствомъ съ Наденькой, или Наденька подошла подъ настроеніе. Но я знаю, что онъ умилился при первой-же встрѣчѣ съ нею; ея синіе глазки, дѣтски-невинное выраженіе ея лица сразу тронули его;

Digitized by Google

должно быть, они какъ нельзя лучше олицетворяли его старческую мечту.

Я подумалъ, что онъ, пожалуй, дорого далъ-бы мнѣ за Наденьку.

Когда мы вошли на высокое крыльцо и вступили въ переднюю, Масловитый вдругъ исчезъ куда-то. Два лакея бросились ко мнѣ, точно собирались арестовать меня, но увидѣвъ, что я безъ пальто, ограничились тѣмъ, что отняли у меня шляпу. Это были обширныя сѣни съ огромной висячей люстрой посрединѣ, съ полами, застланными ковромъ, съ двумя фигурами во весь ростъ—малороссіянокъ, очень тщательно сдѣланными, но совершенно неумѣстными здѣсь. Нижній этажъ представлялъ собой сплошную галлерею рѣдкостей по всевозможнымъ отраслямъ искусства и не имѣвшихъ никакого отношенія къ искусству. Галлерея эта была составлена вполнѣ хаотично; при составленіи ея, повидимому, руководились одной цѣлью — избѣжать во чтобы-то ни стало однообразнаго зрѣлища для глазъ. Рядомъ съ чудной головкой итальянскаго живописца помѣщалась коллекція чайной китайской посуды, къ которой примыкалъ невѣроятно тщательной работы мозаичный столикъ, а на столикѣ лежала полу-аршинная толстая книга въ полусгнившемъ переплетѣ, съ концами листовъ, отгрызенными историческими мышами. И такъ шло на протяженіи цѣлыхъ шести комнатъ. Много интересныхъ и дорогихъ вещицъ было въ галлереѣ Масловитаго, но распредѣлены они были безобразно, непростительно глупо, безъ всякаго знанія и вкуса.

Пройдя галлерею, я поднялся наверхъ. Это были жилыя комнаты, но онѣ походили на галлерею, только исключительно мебельную. Рѣзные столы, вычурные шкафы и кресла жались другъ къ другу: имъ было тѣсно и неуютно; меня поразило обиліе канделябръ со вставленными свѣчами и часовъ, которые торчали на всѣхъ столикахъ и каминахъ и своимъ разнообразнымъ стукомъ производили странное впечатлѣніе. Масловитый былъ страст-

Digitized by Google

ный любитель часовъ; къ нему приносили ихъ въ несмѣтномъ количествѣ и онъ безпрекословно покупалъ, считая ихъ интересными, если они не походили на одинъ изъ имѣющихся у него экземпляровъ. Мнѣ пришлось пройти черезъ небольшую комнату, уставленную и увѣшанную гимнастическими приспособленіями. Здѣсь Иванъ Евсѣичъ усердно старался продлить свою жизнь. На всей дорого стоющей обстановкѣ этого дворца лежала печать одиночества и холода. Мебель стояла такъ, что ею неудобно было пользоваться, и очевидно—ею никто и не пользовался. Я, наконецъ, отыскалъ себѣ стулъ и сѣлъ въ ожиданіи хозяина.

Вошелъ Масловитый во вчерашнемъ чечунчевомъ костюмѣ. Онъ уже оправился отъ смущенія и принялъ видъ любезнаго хозяина.

— Извините, пожалуйста, Андрей Николаевичъ, я вотъ переодѣлся немножко... Прошу сюда, на балконъ... Тутъ море!..

— Насъ никто не долженъ слышать... — возразилъ я.

— А!-а! Въ такомъ случаѣ прошу въ мой кабинетъ!

Мы вошли въ небольшую комнату съ тяжелымъ письменнымъ столомъ посрединѣ, съ невысокимъ раздавшимся въ ширь книжнымъ шкафомъ, простой клеенчатой кушеткой, повидимому, довольно твердой, и нѣсколькими соломенными стульями. Здѣсь, очевидно, былъ умышленно устраненъ комфортъ, ради прописаннаго докторами строгаго режима. Повидимому, этотъ человѣкъ постоянно дрожалъ за свою жизнь; онъ не жилъ уже, а только оберегалъ себя отъ смерти. Это, должно быть, очень скучно!

— Признаюсь, я не ожидалъ этого визита!..—сказалъ Масловитый, когда мы сѣли:—онъ въ твердое кресло передъ столомъ, я на твердую-же кушетку.

Мнѣ показалось, что этимъ замѣчаніемъ онъ хочетъ указать на то, что мой визитъ ему непріятенъ. Поэтому, такъ какъ я никогда не остаюсь въ долгу, я отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Признаюсь, я и вообще не разсчитывалъ когда-либо имѣть съ вами что-нибудь общее!

Въ это время разомъ дюжина часовъ въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ забила половину седьмого. Такъ какъ мои дамы вставали приблизительно въ восемь, а я долженъ былъ прійти домой незамѣченнымъ, то я рѣшилъ немедленно приступить къ дѣлу.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Иванъ Евсѣичъ, началъ я:— вчера вы сдѣлали предложеніе Надеждѣ Алексѣевнѣ...

Онъ полуотвернулся и забарабанилъ пальцами по столу.

— Вамъ было небезъизвѣстно, что она меня любитъ, я ее тоже и мы давно уже считаемся женихомъ и невѣстой.

Онъ слегка наклонилъ голову и продолжалъ барабанить. Очевидно, онъ задался цѣлью сохранить олимпійски-непроницаемый видъ, который нисколько не шелъ къ его простому мало-выразительному лицу, къ его плоской головѣ съ широкой лысиной, ко всей его короткой и толстой фигурѣ. Я подумалъ—интересно, долго-ли онъ сохранитъ этотъ видъ, и, признаюсь, меня это очень занимало и смѣшило. Я продолжалъ:

— Надеждѣ Алексѣевнѣ двадцать одинъ годъ, мнѣ двадцать пять, а вамъ, Иванъ Евсѣичъ, пятьдесятъ съ лишнимъ!..

Тутъ онъ встрепенулся и пожалъ плечами.

— Не понимаю, къ чему эта ариѳметика!—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ и громко откашлялся. Уже я видѣлъ, что олимпійское выраженіе покидаетъ его.

— А вотъ къ чему... Я хочу спросить васъ: если вы все это знаете, то скажите, съ какими шансами вы шли на это дѣло?

Безъ сомнѣнія, онъ могъ-бы сказать мнѣ на это: „милостивый государь, кто далъ вамъ право допрашивать меня“? и потомъ позвонить и приказать вошедшимъ лакеямъ: „уберите этого господина!“ Но вѣдь ему было извѣстно, что я держу въ рукахъ судьбу небольшого остатка его жизни, и онъ удержался. Онъ только сильно

Digitized by Google

покраснѣлъ и, разставшись безповоротно съ олимпійскимъ видомъ, всталъ и прошелся къ окну.

— Шансы? Вотъ вопросъ, если вы имѣете на него право! Я люблю Надежду Алексѣевну!—сказалъ онъ, глядя не на меня, а въ окно.

Я улыбнулся. Онъ, очевидно, считалъ меня наивнымъ человѣкомъ. Я долженъ былъ разочаровать его.

— Это шансъ для того, чтобы сойти съ ума!—сказалъ я, безъ всякой однако-жь ѣдкости, сохраняя простоту и спокойствіе тона.

— Нѣтъ, продолжалъ я,—мы примемъ во вниманіе, что этотъ мой сегодняшній визитъ къ вамъ—первый и послѣдній, что другого разговора у насъ не будетъ и что я спѣшу возвратиться домой, пока мои дамы спятъ, такъ какъ онѣ не должны знать о моемъ визитѣ. Поэтому мы будемъ говорить откровенно и ясно. Этотъ шансъ не годится. Ваша любовь неспособна зажечь огонь въ сердцѣ Наденьки, тутъ для васъ нѣтъ ничего обиднаго, потому что всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества. Но у васъ есть одинъ огромный шансъ...

Онъ быстро повернулся ко мнѣ и вся его фигура выражала нетерпѣливый вопросъ: „Какой-же? какой?“—спрашивали его маленькіе глаза, покоившіеся между жировыхъ подушекъ.

— Ваше богатство!—отвѣтилъ я на этотъ молчаливый вопросъ. Онъ вскипѣлъ, видимо—даже оскорбился.

— Такъ вы думаете, что Надежду Алексѣевну можно купить?—тономъ благороднаго негодованія произнесъ онъ.

О, да онъ идеалистъ! Вотъ ужь этого я совсѣмъ не предполагалъ въ немъ.

— Да, можно. У меня!—сказалъ я умышленно-рѣзко и отрывисто, для того, чтобы полюбоваться эффектомъ. Надо было видѣть презрительную мину, въ которую превратилось лицо Ивана Евсѣича. Онъ сразу повернулся ко мнѣ всѣмъ корпусомъ, небрежно присѣлъ на край мраморнаго подоконника, заложилъ руки въ карманы штановъ и, приподнявъ голову, глядѣлъ на меня сверху внизъ съ такимъ

Digitized by Google

видомъ, будто я своимъ присутствіемъ осквернялъ его кабинетъ.

— Сколько-же вамъ?—швырнулъ онъ мнѣ съ какой-то противной небрежностью самоувѣреннаго хлыща, который требуетъ счетъ въ ресторанѣ.

Съ моей стороны было-бы нелѣпо возмущаться, потому что я самъ поставилъ его на эту точку. Пока онъ смотрѣлъ на меня,какъ на сильнаго соперника, его мучили общечеловѣческія чувства; когда-же онъ увидѣлъ, что и тутъ все зависитъ отъ его толстаго кошелька, онъ сразу сталъ презирать меня и былъ правъ до поры до времени. Мнѣ хотѣлось немножко продержать его въ этомъ состояніи.

— О, очень дорого!—сказалъ я.

— Ну, что-жь, поторгуемся!—.промолвилъ онъ сквозь зубы, сохраняя прежнее выраженіе.

— Нѣтъ ужъ, извините, я безъ торгу... Угодно вамъ знать?

— Пожалуйста!..

Въ эту минуту я его разсматривалъ. Я нашелъ, что въ своей роли презирающаго весь міръ богача онъ—даже почти величественъ. Когда онъ держитъ голову высоко, когда глаза его выражаютъ увѣренность въ своемъ могуществѣ, онъ не кажется такимъ толстымъ, это дѣлаетъ его выше ростомъ и даже молодитъ его. Я замѣтилъ, что сознаніе своей силы дѣлаетъ человѣка красивымъ. Жаль только, что Наденькѣ едва-ли когда-нибудь удастся видѣть его такимъ, потому что онъ передъ нею всегда будетъ рабомъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!—повторилъ онъ, подозрѣвая, вѣроятно, что я нѣсколько стѣсняюсь, и желая ободрить меня.

— У васъ, если я не ошибаюсь милліоновъ?—спросилъ я.

Онъ приподнялъ брови съ выраженіемъ легкаго удивленія. Очевидно, онъ считалъ для себя унизительнымъ даже удивляться, какъ слѣдуетъ, моему нахальству.

— Можете считать, что три!—процѣдилъ онъ сквозь зубы, и я почему-то подумалъ, что ему не достаетъ сигары.

Digitized by Google

Тогда и я всталъ въ свою очередь. Не знаю, почему, но я ощутилъ вдругъ сильное волненіе. Вѣроятно, это потому, что сейчасъ я долженъ былъ безповоротно высказать свое рѣшеніе. Вѣдь Наденька была мнѣ очень дорога; такую женщину я больше не встрѣчу въ своей жизни. Эти двѣ-три секунды были для меня внутреннимъ прощаніемъ съ той мечтой, осуществленіе которой я такъ тщательно и умно подготовлялъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Я измѣнялъ самую главную линію на планѣ своей жизни,—это очень важно. Кромѣ того, я чувствовалъ, что пора проучить этого господина, низвести его съ высоты самодовольнаго величія, которое въ сущности принадлежало не ему, а его кошельку, заставить его сразу почувствовать, что все-же таки онъ передо мною—ничтожество.

Я выпрямился и, вѣроятно, въ свою очередь выразилъ презрѣніе, презрѣніе пролетарія, который ощущаетъ причину гордости не въ карманѣ, а въ груди.

— Вотъ мои условія!—сказалъ я слишкомъ громко для моего обычнаго голоса, и я замѣтилъ, что на лицѣ Масловитаго уже промелькнула тѣнь колебанія. Онъ какъ-бы предчувствовалъ свое пораженіе.—Во-первыхъ—я не увѣренъ въ вашей прочности, господинъ Масловитый. Извините меня, я желаю вамъ долгой жизни, но ваша комплекція обязываетъ меня къ осторожности. Затѣмъ—я не обязанъ также вѣрить въ прочность вашего рѣшенія и долговѣчность вашего чувства. Вся ваша жизнь—жизнь богатаго человѣка—была капризомъ. Можетъ быть, и это капризъ. Вы можете перемѣнить ваши симпатіи и черезъ годъ полюбить вашихъ племянниковъ и отдать имъ все, а Надежду Алексѣевну оставить съ какой-нибудь сотней тысячъ.

Онъ хотѣлъ что-то возражать, но я не далъ ему; я былъ въ ударѣ и продолжалъ:

— Я — человѣкъ прямыхъ и опредѣленныхъ выраженій. Я говорю прямо, что считаю богатство самымъ высокимъ благомъ въ жизни, потому что съ нимъ легко достигнуть всѣхъ прочихъ благъ. Если я уступаю вамъ

Digitized by Google

Надежду Алексѣевну, то только потому, что слишкомъ люблю ее. Я хочу, чтобы она была богата, и убѣжденъ, что это сдѣлаетъ ее гораздо болѣе счастливой, чѣмъ моя любовь. И вотъ мои условія: вы владѣете вашими милліонами до послѣдней вашей минуты. А затѣмъ, я полагаю, вамъ рѣшительно все равно, кто будетъ владѣть ими. Такъ вотъ-съ—вы теперь-же переведите все ваше состояніе на имя Надежды Алексѣевны съ оговоркой, что она получитъ его послѣ вашей смерти. Это вы сдѣлаете сегодня-же, слышите? сегодня-же! и тогда я совсѣмъ устранюсь и вы сдѣлаетесь ея мужемъ. Вотъ-съ мои условія, господинъ Масловитый!

Но господина Масловитаго здѣсь уже не было. Передо мною стоялъ совсѣмъ уничтоженный человѣкъ, до такой степени уничтоженный, что у него не нашлось даже словъ выразить свое изумленіе передъ моимъ благородствомъ. Ему уже теперь не нужна была сигара. Однако, я видѣлъ, что ему ужасно хочется заключить меня въ объятія. Признаюсь, это не казалось мнѣ особенно пріятнымъ. Вѣдь этотъ человѣкъ въ сущности былъ мой врагъ, именно потому, что онъ владѣлъ огромнымъ богатствомъ, которое заставило меня отказаться отъ любимой женщины.

— И вы... вы... я смѣлъ подумать! — воскликнулъ онъ, смущенный до жалости, подошелъ ко мнѣ и сталъ сильно, жать мнѣ руки.

— Это ничего,—сказалъ я,—думать можно, что угодно. Отъ этого я не сталъ хуже.

— Андрей Николаичъ! Вы благороднѣйшій человѣкъ!.. Я не забуду, не забуду во всю жизнь. Вѣдь это такая жертва, такая небывалая жертва!.. Позвольте мнѣ заключить васъ въ объятія!..

Лучшее средство разстрогать богатаго человѣка, это— не просить у него платы. Я не препятствовалъ заключать меня въ объятія, хотя, признаюсь, это было очень глупо. Такъ какъ было уже семь съ четвертью, то мнѣ надо было уходить. Я началъ раскланиваться.

Digitized by Google

— Но какъ-же мы сдѣлаемъ? Надо условиться!..— сказалъ Масловитый.

— По моему вотъ лучшій способъ. Такъ какъ это дѣлается на всякій случай, то дамы не будутъ знать объ этомъ...

— Какъ все предусмотрѣлъ! Удивительно! Что за голова у васъ!

Онъ такъ мало предусматривалъ въ своей жизни, что моя проницательность казалась ему геніальной. Я продолжалъ спѣшнымъ дѣловымъ тономъ:

— Вы совершите актъ у нотаріуса Балуцкаго, что на Церковной улицѣ. И приэтомъ уполномочите его показать мнѣ и выдать копію. Вы понимаете, что это должно интересовать меня.

— Ну, да! ну, да! Отлично! Дамы не будутъ знать. Зачѣмъ-же имъ? Вѣдь это такъ себѣ, а въ дѣйствительности, повѣрьте, что я имъ и безъ этого все отдамъ, все!.. Ахъ, вы не можете себѣ представить, до какой степени я... я просто обожаю Надежду Алексѣевну!..

И онъ опять принялся трогательно жать мнѣ руки.

— Благороднѣйшій... благороднѣйшій вы человѣкъ!..— восклицалъ онъ, чуть не плача отъ умиленія.

Чортъ возьми! Я думаю, онъ искренно восхвалялъ меня, получая изъ рукъ въ руки такое лакомое блюдо, какъ Наденька. Но я дѣйствительно поступилъ чертовски благородно. Вѣдь я могъ содрать съ него въ свою пользу, сколько мнѣ заблагоразсудится.

Когда я возвращался домой, я былъ чрезвычайно доволенъ собой, я былъ въ восторгѣ отъ своего поведенія. Признаюсь, я до такой степени былъ увлеченъ этой стороной дѣла, что совсѣмъ не думалъ о томъ, что теряю любимую женщину. Главное, что приводило меня въ восторгъ, это то, что я такъ твердо, послѣдовательно и непоколебимо выполнилъ свой планъ.

Когда черезъ полчаса Анна Гавриловна спросила меня, наливая мнѣ стаканъ чаю, хорошо-ли я спалъ на

Digitized by Google

новомъ мѣстѣ, я отвѣтилъ, съ удовольствіемъ потирая руки:

— Отлично, превосходно, великолѣпно!..

Я только съ сожалѣніемъ подумалъ въ это время, что лишаюсь вкуснаго чаю, какого, вѣроятно, больше никто въ мірѣ не умѣетъ приготовлять. Рѣшительно я поступилъ чертовски благородно!

Наденька сверхъ обыкновенія спала въ этотъ день до полудня. Я не думаю, чтобъ ей слишкомъ хорошо спалось.

V.

Въ пять часовъ отходилъ поѣздъ послѣ обѣденнаго перерыва. Я попрощался съ моими дамами такъ просто, какъ будто уѣзжалъ на три часа. Но когда я, сдѣлавъ уже два шага по ту сторону калитки, обернулся еще разъ, чтобы взглянуть на Наденькины глазки, сердце мое тоскливо сжалось, слезы подступали у меня къ горлу. Наденька стояла на порогѣ калитки, прищуривъ глазки отъ солнца; она была такая свѣженькая, такая хорошенькая въ своемъ легкомъ сиреневомъ платьѣ; Анна Гавриловна смотрѣла сквозь деревянную рѣшетку ограды. Я сдѣлалъ шагъ назадъ и почувствовалъ, что ноги мои какъ-то обомлѣли, я готовъ былъ зашататься. Но я вовремя взялъ себя въ руки, сдѣлалъ страшное усиліе и сказалъ голосомъ болѣе твердымъ, чѣмъ это требовалось.

— Прощай, Надюкъ!

Взялъ у нея обѣ руки и съ жаромъ перецѣловалъ ихъ. Я прибавилъ:

— Вѣдь, на недѣлю цѣлую!..

Но я зналъ, что это, можетъ быть, на очень долгій срокъ. Наденька смотрѣла на меня удивленно, въ моемъ прощаньѣ она видѣла что-то экстра-ординарное. Она поцѣловала меня въ лобъ. Анна Гавриловна пожирала меня своими недоумѣвающими вопросительными взглядами.

Я пошелъ твердо, не оглядываясь, съ головой оту-

Digitized by Google

маненной, съ стѣсненнымъ дыханіемъ. Но когда я услышалъ свистъ локомотива и поспѣшилъ сѣсть въ вагонъ, у меня отлегло отъ сердца. На меня вообще благотворно дѣйствуетъ обстановка путешествія. Чувство привязанности къ мѣсту и къ будничнымъ интересамъ, связаннымъ съ этимъ мѣстомъ, исчезаетъ, чувствуешь себя до нѣкоторой степени вольной птицей.

Когда поѣздъ двинулся, я задалъ себѣ вопросъ: куда я ѣду? Въ городъ меня не тянуло. Тамъ я не встрѣчу ничего новаго. Все тотъ-же Кремчатовъ, который будетъ заговаривать меня до обморока, разсказывая свои фантастическія похожденія въ Лондонѣ и знакомя съ содержаніемъ своихъ будущихъ картинъ, оперъ, драмъ, поэмъ и романовъ, такъ какъ онъ былъ знатокъ во всѣхъ родахъ искусства; все тотъ-же кружокъ съ безконечными спорами на тему о способахъ самоусовершенствованія. Все это иногда бываетъ забавно, и я люблю провести часъ-другой въ обществѣ этихъ людей, которые всѣ относятся къ моему слову съ какимъ-то исключительнымъ почтеніемъ. Они считаютъ меня очень умнымъ человѣкомъ, это доставляетъ мнѣ удовольствіе. Но когда ощущаешь въ груди важную потерю, надо искать чего-нибудь новаго, чтобъ хоть на время заполнить открывшуюся пустоту.

Я вспомнилъ о приглашеніи Олениной и рѣшилъ провести у нея часа два.

Въ это время навстрѣчу поѣзду пронеслась открытая коляска, запряженная парой горячихъ вороныхъ рысаковъ. Въ коляскѣ сидѣлъ и раскачивался Масловитый. „Ага,—подумалъ я,—онъ уже побывалъ у нотаріуса. Пожалуй, ужь все сдѣлалъ“. И я опять почувствовалъ приливъ бодрости. Мой блестящій планъ былъ близокъ къ осуществленію.

Я сошелъ съ поѣзда и отправился искать Оленину. Я съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ будетъ ей пріятно получить этотъ неожиданный сюрпризъ. Эта дѣвушка всегда удивляла меня. Она очень хорошо знала, что ей уже не долго жить осталось; она и говорила:

Digitized by Google

„года два, пожалуй, протяну, а тамъ баста“. Это она получила въ наслѣдіе отъ матери, которая умерла въ этихъ-же годахъ отъ того-же недуга. И зная это, она умышленно вела скучную, безцвѣтную жизнь, постоянно роясь въ умныхъ книжкахъ. Она прежде жила въ Петербургѣ, тамъ посѣщала высшіе курсы. Оттуда ее прогнали доктора на югъ. Здѣсь, верстахъ въ сорока отъ города, у нея было маленькое имѣніе, дававшее ей возможность не нуждаться. Еслибъ я былъ въ ея положеніи, я поспѣшилъ-бы забрать отъ жизни все наслажденіе, какое она способна дать. Я прожилъ-бы эти два-три года такъ, чтобъ ничего не потерять, чтобъ взять не меньше, чѣмъ возьмутъ другіе. Я не разъ высказывалъ ей это, конечно въ формѣ теоретическаго разсужденія, не относя это къ ней. Она только вздыхала въ отвѣтъ и какъ-то загадочно, почти шепотомъ произносила: „наслажденіе!“ и въ темныхъ глазахъ ея вспыхивалъ и потухалъ огонекъ.

Я отыскалъ ея дачку очень просто. Огромный запущенный садъ, въ немъ въ разныхъ пунктахъ безъ всякаго толку торчатъ деревянные ящики съ крошечными террасками. Передъ однимъ изъ такихъ ящиковъ я увидѣлъ широкое плетеное кресло, а въ немъ престарѣлую тетку Олениной. Она сидѣла безъ движенія, сложивъ руки на колѣняхъ и закрывъ глаза; согрѣваемая мягкими лучами заходящаго солнца, она сладостно дремала. Бѣлое, какъ мѣлъ, морщинистое лицо съ тоненькимъ заострившимся носомъ, съ подавшимися внутрь губами и острымъ подбородкомъ, казалось мертвымъ. Я отворилъ калитку сада и прошелъ мимо старухи незамѣченнымъ. Оленина сидѣла на террасѣ, неподалеку стоялъ самоваръ съ трубой, которая дымила. Оленина сидѣла съ книжкой, но не читала; раскрытая книжка лежала у нея на колѣняхъ, а она, какъ и та старуха, также закрыла глаза и, повидимому, забылась. Увидѣвъ ея лицо, я содрогнулся. Было какое-то неуловимое сходство между двумя этими лицами, хотя не было ничего общаго въ чертахъ. Не знаю почему, но обѣ женщины въ этихъ

Digitized by Google

своихъ позахъ вызвали во мнѣ одну и ту-же мысль—о смерти и я содрогнулся именно потому, что та доживала второе полстолѣтіе, а эта едва дотянула первую четверть.

Я остановился на секунду и еще разъ взглянулъ въ ея лицо. Я навсегда запомнилъ эти тяжело опустившіяся вѣки съ тоненькими синими жилками, съ цѣлымъ лѣсомъ черныхъ рѣсницъ, эти тонкія сжатыя губы небольшого рта, выражавшія сильную волю; голова слегка подалась впередъ и неподвижно оцѣпенѣла на тонкой смуглой шеѣ. Казалось, эта дѣвушка была вся поглощена какой-то мечтой, рисовавшей ей впереди что-то неотразимо заманчивое.

Она не слышала моихъ шаговъ.

— Ольга Михайловна!—осторожно окликнулъ я ее.

Она встрепенулась, точно надъ ухомъ ея неожиданно раздался выстрѣлъ, испуганно подняла вѣки, какъ-то дико вскрикнула, вскочила и опять сѣла и вдругъ, совсѣмъ уже неожиданно для меня, истерически зарыдала.

Я бросился къ ней.

— Полноте, что съ вами!? Ольга Михайловна!

Я искалъ воды, чтобы поднести ей; около самовара стояло ведро, но не было ни стакана, ни кружки, такъ что мнѣ пришлось ограничиться словами:

— Экая вы нервная... Я испугалъ васъ? Ну, простите пожалуйста!

Рыданія быстро перешли у нея въ смѣхъ, и, какъ мнѣ показалось, смѣхъ обыкновенный; она вытирала слезы и смѣялась надъ своей нервностью.

— Вы не можете себѣ представить, о чемъ я думала, а когда вы пришли, мнѣ показалось Богъ знаетъ что... Я приняла васъ за привидѣніе!.. Ну, садитесь-же. Спасибо, спасибо, что пришли!..

Я помогъ ей разложить крылатый столъ, накрылъ его скатертью, установилъ самоваръ и посуду и даже сталъ наливать чай ей и себѣ.

— Ничего, ничего, поухаживайте-ка за мной!..—

Digitized by Google

весело говорила она и опять прибавила: — вы такой славный, что пришли!..

На ней было черное платье, плотно облегавшее ея худенькое тѣло. Густыя складки юбки безъ турнюра и подборовъ шли до самой земли, грудь была слишкомъ узка для ея роста и едва выдавалась, какъ у четырнадцатилѣтней дѣвочки. Густая черная коса была небрежно закручена на затылкѣ. Оленина смотрѣла на меня необыкновенно оживленно, глаза ея улыбались. Я сказалъ, что мнѣ не нравится ея дача, что она похожа на шкатулку.

— На гробикъ!—поправила меня Ольга Михайловна и, противъ моего ожиданія, въ лицѣ ея не появилось ни тѣни грусти. Она по прежнему улыбалась. У нея была замѣчательно умная, немножко ядовитая улыбка; при этомъ глаза ея прищуривались. Я подумалъ, что можно ко всему привыкнуть, даже къ мысли о смерти.

— А я довольна, потому что здѣсь никто не мѣшаетъ мнѣ быть одной,—продолжала она,—Всѣ эти избушки наполнены народомъ, но никто меня не знаетъ, и никому нѣтъ до меня дѣла. Тетушка, страшная эгоистка,—она ни о чемъ не хочетъ думать, кромѣ того, на чемъ будетъ ей легче умирать, на постели или въ креслѣ. Бываетъ-же такое состояніе, когда голова занята однимъ только этимъ вопросомъ!.. Какъ вы ловко чай наливаете, и какой вкусный! Ха-ха-ха!.. Налейте-ка мнѣ еще! Нѣтъ, вы просто прелесть, что пріѣхали!..Видите, какая я веселая, разговорчивая.

И она бойко смотрѣла мнѣ въ глаза, смѣялась, пила чай безъ счета, потому что я наливалъ его. Уже солнце зашло и сгустились сумерки. Тетушка подняла голову и объявила, что хочетъ чаю и что ей холодно. Мы подкатили ея кресло къ террасѣ, какъ ребенка напоили ее горячимъ чаемъ, и отвезли въ комнату; тамъ она осталась сидѣть, обдумывая въ одиночествѣ свой вѣчный вопросъ о томъ, гдѣ ей выгоднѣе умереть,—въ постели или въ креслѣ.

Мы опять сидѣли за чайнымъ столомъ. Вечерній воздухъ былъ свѣжъ; со стороны моря, которое не было

Digitized by Google

видно за деревьями, неслась къ намъ прохлада и легкая сырость. Ольга Михайловна раза три кашлянула и нервно сдвинула плечами. Я предложилъ перейти въ комнату, но она отказалась и попросила только принести ей плэдъ. Однако я замѣтилъ, что влажный вечерній воздухъ повліялъ на ея настроеніе. Она по-прежнему глядѣла на меня, но уже не улыбалась, а смотрѣла какъ-то болѣзненно, уныло и совсѣмъ замолкла. Изрѣдка она вздрагивала и куталась въ плэдъ. Мнѣ захотѣлось развеселить ее, я думалъ, что достигну этого скорѣе всего, если разскажу послѣдній анекдотъ Кремчатова.

— Слыхали вы, какъ нашъ Кремчатовъ въ четверть часа совершилъ двѣнадцать великихъ дѣлъ?—спросилъ я весело.

— Богъ съ нимъ, съ Кремчатовымъ!..—тихо и какъ-то уныло отвѣтила она. Но я все-таки началъ разсказывать. Кремчатовъ былъ дома, потомъ ушелъ и вернулся ровно черезъ четверть часа. Пришелъ онъ запыхавшись, раскраснѣвшійся, и началъ разсказывать, гдѣ онъ былъ. Оказалось, что онъ побывалъ въ музыкальномъ магазинѣ и занесъ туда 200 экземпляровъ только что сочиненнаго имъ романса, оттуда пошелъ на бульваръ, прогулялся, зашелъ въ буфетъ, выпилъ кружку пива, вспомнилъ о заказѣ у переплетчика, зашелъ къ нему и взялъ книгу, вернулся въ магазинъ, гдѣ въ это время уже успѣли распродать сотню экземпляровъ его романса, получилъ деньги, забѣжалъ въ цвѣточный магазинъ, купилъ букетъ и снесъ къ невѣстѣ, и наконецъ пришелъ домой.

— Вотъ это настоящій ультра-американецъ!—прибавилъ я и разсмѣялся.

Ольга Михайловна едва-ли слышала мой разсказъ, но она видѣла, что я смѣюсь, и изъ любезности обнажила свои большіе ровные бѣлые зубы для улыбки. Я понялъ, что ее уже ничѣмъ не развеселишь; морская сырость разбудила въ ней болѣзнь, которой она отдавала дань.

— О чемъ вы задумались, Ольга Михайловна? Вы

Digitized by Google

мнѣ скажите и легче станетъ. Вы никогда не пробовали этого средства?

Она и на это промолчала, а потомъ, пристально глядя въ сгустившійся сумракъ и, какъ-бы силясь разглядѣть въ немъ что-то, неясно рисовавшееся передъ нею, она промолвила тихо и медленно, будто сама съ собой:

— Надо-бы сдѣлать такъ, что-бы всякій, умирая, имѣлъ право сказать: я жилъ! Не правда-ли?

У меня сжалось сердце. Эта дѣвушка въ двадцать пять лѣтъ обсуждала вопросъ о смерти такъ, какъ другіе въ эти годы обсуждаютъ свою грядущую карьеру. И она была права, потому что смерть была ея карьерой. У меня болѣло сердце отъ жалости. Ольга Михайловна была такая симпатичная, умная, ей-бы жить, а между тѣмъ надъ нею уже висѣлъ приговоръ. Это было глупо до послѣдней степени.

— Это правда, Ольга Михайловна!—сказалъ я тономъ серьезнымъ и простымъ, надѣясь придать разговору характеръ объективной философской бесѣды.

— Жизнь, вѣдь это ничто иное, какъ пища для смерти!—продолжала она,—развѣ это не глупо? Жить хочется всякому, да не всякому удается...

— Нѣтъ, неправда!—возразилъ я съ горячностью спорщика. Разумѣется, это была ненатуральная горячность. Я хотѣлъ отвлечь ея вниманіе отъ ея собственной личности и сосредоточить его на спорѣ.—Жить можетъ всякій, у кого есть голова и сердце. Надо только мѣрять жизнь не аршинами, а цѣнностью. Можно въ мѣсяцъ испытать болѣе полную и цѣнную жизнь, чѣмъ иной испытываетъ въ пятьдесятъ лѣтъ...

Она встрепенулась и глаза ея заблестѣли.

— Научите меня этому искусству. Послушайте, Андрей Николаевичъ, сердитесь — нѣтъ, а я считаю васъ самымъ близкимъ человѣкомъ. И я скажу вамъ сегодня, признаюсь, исповѣдаюсь, что мнѣ страшно, ужасно хочется жить... Ужасно!..

Это у нея вырвалось изъ глубины души. Въ этомъ признаніи слышалось полное отчаяніе, глубокое сознаніе

Digitized by Google

безсилія. Я почувствовалъ себя призваннымъ ободрить ее, поддержать хоть слабой надеждой. Я взялъ ея руку и поцѣловалъ съ искреннимъ выраженіемъ участія.

— Я научу васъ, какъ съумѣю, дорогой другъ!..— сказалъ я, пожимая ея руку. Она молча улыбнулась и глаза ея наполнились слезами. Я видѣлъ, что мой пріемъ доставилъ ей глубокое наслажденіе и, чтобы не испортить впечатлѣнія, я поднялся и сказалъ, что мнѣ надо спѣшить къ поѣзду. Это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Было около половины девятаго, скоро долженъ былъ пройти послѣдній дачный поѣздъ.

— Пойдемте, я доведу васъ до вагона; вы сегодня такой милый, какимъ никогда не были!..

Она взяла меня подъ руку и мы пошли. Я чувствовалъ, что этотъ разговоръ необыкновенно сблизилъ меня съ нею. Ощущеніе ея руки и всей ея прижавшейся ко мнѣ и дрожавшей отъ легкаго холода фигуры доставляло мнѣ удовольствіе. Въ эту минуту мнѣ именно хотѣлось, чтобы эта симпатичная дѣвушка, которой суждено такъ мало прожить, была хоть немножко счастлива.

Поѣздъ уже приближался. Вдали показались красные огни, локомотивъ отъ времени до времени посвистывалъ. Подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ собралось съ десятокъ публики, ожидавшей поѣзда. Мы шли молча и остановились поодаль. Подошелъ поѣздъ, я сѣлъ въ открытый вагонъ и черезъ невысокія перила пожалъ ей руку.

— А что-же вы мнѣ ничего не сказали... что подѣлываетъ Надежда Алексѣевна?—спросила Оленина.

— Она выходитъ замужъ!..—сказалъ я совершенно просто.

Ольга Михайловна отвернулась и тихо промолвила:

— Я это знаю... Когда-же вы рѣшили?

— Она выходитъ замужъ, но я не женюсь, Ольга Михайловна!.,

Оленина вскинула на меня тревожный взглядъ и промолвила неровнымъ прерывистымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Если это шутка, то очень дурно съ вашей стороны такъ шутить, Андрей Николаичъ!..

— Правда, правда... сказалъ я: это—чистѣйшая истина, я клянусь вамъ въ этомъ!

Раздался свистокъ. Я еще разъ протянулъ ей руку. Она пожала ее съ явнымъ недоумѣніемъ и колебаніемъ.

— Вы мнѣ объясните?—спросила она, когда поѣздъ уже тронулся.

— Послѣ завтра! — крикнулъ я ей и потерялъ ее изъ виду, потому что фигура ея скрылась въ темнотѣ.

VI.

На другой день въ 11 часовъ я былъ у нотаріуса. Этотъ почтенный старикъ—высокій, тонкій, нѣсколько сгорбленный, имѣвшій слабость ко всему англійскому, вслѣдствіе чего онъ сбривалъ усы и носилъ курчавое сѣдое жабо, говорилъ медленно, всегда хладнокровно и не употреблялъ при этомъ почти никакихъ жестовъ,— былъ мой добрый знакомый. Одно время я даже ухаживалъ за его дочерью и пользовался нѣжнымъ сочувствіемъ съ ея стороны, но такъ какъ ей предложилъ руку владѣлецъ пшеничной конторы, грекъ, имѣвшій около пятидесяти тысячъ годового дохода, то она грустно вздохнула и вышла за него замужъ. Я ничего не имѣлъ противъ этого, потому что это съ ея стороны былъ очень вѣрный разсчетъ, и такъ какъ я въ этомъ смыслѣ откровенно высказался передъ нотаріусомъ, то онъ уважалъ меня за разсудительность.

Старикъ однако былъ въ большомъ недоумѣніи. Онъ не понималъ, какія у меня могутъ быть дѣла съ Масловитымъ, этимъ первымъ въ городѣ богачемъ и столь извѣстнымъ человѣкомъ. Въ этомъ ему видѣлась тайна. Я объяснилъ.

— Дѣло простое: меня рекомендовали г. Масловитому, какъ молодого юриста—вѣдь я на-дняхъ получаю дипломъ —ну, онъ хочетъ пріучить меня къ дѣламъ. Кстати онъ

Digitized by Google

недоволенъ своимъ повѣреннымъ... Г. Масловитый женится на молоденькой небогатой дѣвушкѣ; понятно—шансы его на нѣжность съ ея стороны не велики, онъ желаетъ увеличить ихъ этимъ актомъ. Въ сущности—это ничего ему не стоитъ, потому что все остается въ его домѣ, а невѣстѣ пріятно. Но самому ему неловко преподнести, т. е. онъ думаетъ, что неловко, я-же того мнѣнія, что поднести три милліона всегда ловко. Вотъ я и исполню этотъ пріятный долгъ....

Кажется, что объясненіе мое удовлетворило нотаріуса. По крайней мѣрѣ, онъ больше не высказывалъ недоумѣнія. Онъ сказалъ, что бумаги, ему заказанныя, будутъ готовы къ двумъ часамъ, когда пріѣдетъ Масловитый; нотаріусъ пойдетъ къ нему (онъ останавливался въ одномъ изъ своихъ домовъ) и дѣло будетъ кончено. Въ четыре часа я могу получить копію.

Я, разумѣется, ничего не предпринималъ. Хотя я былъ увѣренъ, что Масловитый не измѣнитъ своего рѣшенія, но три милліона—такая чувствительная величина, что малѣйшая неосторожность можетъ испортить дѣло. Кремчатовъ находилъ, что я въ этотъ день имѣлъ видъ чрезвычайно озабоченнаго человѣка.

— Что за дѣла у васъ завелись?—недоумѣвалъ онъ и, какъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, считалъ своимъ долгомъ разсѣять мои думы. И, надо отдать ему справедливость, онъ былъ неистощимъ и разнообразенъ. Его жизнь была полна самыхъ невѣроятныхъ случайностей. Съ нимъ случались рѣшительно всѣ анекдоты, какіе онъ слышалъ и читалъ. Онъ зналъ ихъ очень много и, когда разсказывалъ, то непремѣнно ставилъ себя въ положеніе героя; это дѣлалось очень просто, посредствомъ прибавленія въ началѣ: „Когда я былъ въ Лондонѣ, со мной случилась слѣдующая исторія“. Тутъ-то и начинался анекдотъ.

Видя однако, что анекдоты, которые я, кстати сказать, зналъ всѣ наизустъ, не производятъ на меня должнаго впечатлѣнія, онъ, чтобы окончательно разсѣять мои

Digitized by Google

думы, сообщилъ мнѣ новость, которой я, признаюсь, никакъ не ожидалъ.

— Да, я и забылъ сообщить вамъ о маленькой перемѣнѣ въ моей жизни!—сказалъ онъ совершенно простымъ и умышленно спокойнымъ тономъ.

— Перемѣнѣ?

— Да, знаете, пустяки, не стоило-бы говорить... Въ сущности, это ничего не мѣняетъ... Я остаюсь такимъ-же тонкимъ и худымъ, и на моемъ смугломъ лицѣ, къ сожалѣнію, не прибавилось растительности.

Все это говорилось до послѣдней степени просто, съ явнымъ намѣреніемъ сразу огорошить и произвести необычайный эффектъ. Онъ замолчалъ и ждалъ моихъ разспросовъ. Но такъ какъ я мало заботился о томъ, что именно онъ совретъ на этотъ разъ, то и не разспрашивалъ.

— Ничего особеннаго, рѣшительно ничего особеннаго! — продолжалъ онъ, какъ-бы возражая на мое невысказанное удивленіе.—Просто, знаете, я вчера часа въ три этакъ случайно зашелъ къ своей невѣстѣ, вижу, она одна; мнѣ и пришла фантазія: дай, думаю, женюсь... Ну, и женился!..

— То-есть, въ какомъ-же это смыслѣ?

— Въ обыкновенномъ... Пошли въ церковь и обвѣнчались, и прочее... Теперь я женатъ—можете поздравить!..

Это былъ очень дикій разсказъ, но все-таки мнѣ подумалось, что лгать такъ нельзя. Вѣдь я могъ сію-же минуту провѣрить.

— Кто-же у васъ шафера были?

— Шафера? Э-э, да вы ихъ не знаете... Ну, Ивановъ, Петровъ... вѣдь все-равно, вы ихъ не знаете... Вы удивляетесь, что мы теперь живемъ съ женою врозь? Гмъ... Мы такъ всегда будемъ... Зачѣмъ непремѣнно по шаблону, какъ всѣ?

Я не дослушалъ, потому что было около четырехъ часовъ. Кремчатовъ замѣтилъ, что я очень взволнованъ; ему даже показалось, что, когда я бралъ шапку, у меня дрожали руки. Странное дѣло, почему именно руки?.. Это мнѣ

Digitized by Google

не понравилось. У меня какъ-то непріятно мелькнула мысль о стяжаніи. Но вѣдь я ничего не беру, все-же, что я дѣлаю—дѣлаю не для себя...

Когда я подходилъ къ конторѣ нотаріуса, меня била лихорадка. Признаюсь, я трусилъ, прямо-таки трусилъ, что не выдержу тона простого повѣреннаго, которому поручено получить копію для того, чтобы передать ее третьему лицу. Я четыре раза обошелъ кварталъ, въ которомъ жилъ нотаріусъ, и при этомъ все время мысленно, даже минутами вполголоса, повторялъ уголовное право, изъ котораго мнѣ предстоялъ экзаменъ. Нервы проклятые! И у меня они оказались. Наконецъ мнѣ показалось, что я взялъ себя въ руки. Я вошелъ въ контору.

— Вы не совсѣмъ здоровы?—спросилъ меня нотаріусъ, который всегда выражалъ заботливость о моей особѣ.

— Нѣтъ, я разстроенъ... Я получилъ извѣстіе... Сестра очень больна.

Это лучше, чѣмъ боленъ—правдоподобнѣе.

— А! Такъ у васъ есть сестра?

— Да, двоюродная, но я очень люблю ее!

— Э, полноте, навѣрно, ничего нѣтъ опаснаго!..— успокоилъ меня нотаріусъ.—Вотъ не угодно-ли, здѣсь все дѣло!—прибавилъ онъ.

И я читалъ это дѣло, дѣло моихъ рукъ, моей головы, моего характера. Конечно, нотаріусъ видѣлъ предъ собой молодого юриста, интересующагося больше формой, чѣмъ сущностью. Я чувствовалъ, что мое лицо ведетъ себя превосходно, что на немъ не выражается ничего, кромѣ глубокаго вниманія. Да, да, все такъ, какъ слѣдуетъ, какъ я намѣтилъ въ своемъ планѣ. Три милліона перешли къ Турчаниновымъ!

— Благодарю васъ!—вѣжливо сказалъ я нотаріусу, бережно сложилъ копію и положилъ ее въ боковой карманъ пальто.

Я вышелъ на улицу ровной и твердой походкой. Я уже не ощущалъ того тревожнаго волненія, съ какимъ

Digitized by Google

шелъ къ нотаріусу. Напротивъ, я чувствовалъ, что моя грудь наполнилась необычайной увѣренностью и сознаніемъ своей силы.

— Вотъ я вамъ тоже новость скажу!— поспѣшно объявилъ я Кремчатову, который въ это время мылъ кисти, такъ какъ онъ вдругъ почувствовалъ призваніе къ холсту.—Я не женюсь на Турчаниновой!

— О!? поссорились?

— Нѣтъ, такъ просто не женюсь... Мы не ссорились!.. Не хочу, чтобы было по шаблону, въ подражаніе вамъ!..

И я началъ хохотать самымъ веселымъ образомъ, а Кремчатовъ смотрѣлъ на меня, разинувъ ротъ.

VII.

Хотя это было совершенно безполезно, но я далъ возможность Кремчатову цѣлый часъ убѣждать меня въ томъ, что подобный исходъ невозможенъ. По его мнѣнію, никто изъ знакомыхъ не можетъ иначе представить себѣ Наденьку Турчанинову, какъ моей женой, а меня—ея мужемъ. Это былъ-бы союзъ до такой степени естественный, что можно было, не говоря фразы, сказать, что мы созданы другъ для друга. Такъ какъ я, разумѣется, былъ непоколебимъ, то Кремчатовъ, волновавшійся такъ, какъ будто не моя, а его собственная свадьба разстроилась, рѣшилъ съѣздить на дачу къ Турчаниновымъ и *поговорить* тамъ. Я сказалъ, что ничего не имѣю противъ этого, хотя долженъ былъ сказать, что очень радъ этому. Тамъ у Турчаниновыхъ господствовала крайняя неопредѣленность настроенія. Надо было направить его въ извѣстную сторону.

До десяти часовъ я оставался одинъ. Я засѣлъ за лекціи и проштудировалъ страницъ двадцать уголовнаго права. Что-бы тамъ ни случилось, а этотъ единственный оставшійся у меня экзаменъ я долженъ былъ выдержать. Въ десять прибылъ Кремчатовъ и началъ разсказывать о своемъ визитѣ.

Digitized by Google

„Поговорить“ ему неудалось. Онъ засталъ Турчаниновыхъ въ саду, съ ними былъ какой-то толстякъ, которому онъ былъ представленъ не безъ важности. Видно, что этотъ толстякъ играетъ у нихъ нѣкоторую почтенную роль.

Фамилія его—Масловитый.

— Что это за Масловитый? Не родня-ли этому извѣстному милліонеру?

— Это онъ самъ.

Кремчатовъ сдѣлалъ презрительную мину. Жаль, что онъ не зналъ этого. Онъ не оказалъ-бы ему такой вѣжливости. Терпѣть не можетъ онъ этихъ отжирѣвшихъ набобовъ. Его приняли, кажется, сухо. Наденька спросила о томъ, не у него-ли я остановился. Онъ сказалъ, что да и что я готовлюсь къ экзамену. Вышло какъ-то непонятно, съ какой стати и зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ въ душѣ посылалъ къ черту этого Масловитаго, но тотъ расположился въ креслѣ и не думалъ уходить. Когда до послѣдняго поѣзда оставалось четверть часа, онъ сталъ прощаться и сказалъ Аннѣ Гавриловнѣ, что у него есть для нея два слова. Они отошли въ сторону.

— Неужели это правда, что Андрей Николаевичъ не женится на Надеждѣ Алексѣевнѣ?—спросилъ онъ. У Анны Гавриловны какъ-то странно забѣгали глазки.

— Онъ вамъ сказалъ это самъ?—спросила она въ свою очередь.

— Ну, да, да... Такъ это правда?

— Ужь если онъ сказалъ, такъ, должно быть, правда. Онъ не говоритъ на вѣтеръ.

Благодарю васъ, Анна Гавриловна. Вы отлично изучили меня и хорошо знаете мои достоинства. Послѣ этого, она начала крѣпко жать руку моему пріятелю, точно благодарила его за сообщеніе. Это удивило его. Наденька сидѣла почти молча, была блѣдна и, кажется, скучала.

Кремчатовъ вернулся въ городъ, понимая въ этомъ ѣдлѣ столько-же, сколько понималъ до поѣздки. Но онъ свое дѣло сдѣлалъ. Я зналъ, что тамъ уже началось броженіе, а мнѣ этого только и надо было. Я совершенно

Digitized by Google

ясно представлялъ себѣ, что произошло тамъ послѣ отъѣзда Кремчатова. Масловитый продолжалъ сидѣть, большею частью молча, такъ какъ онъ вообще не отличался краснорѣчіемъ, и пожиралъ глазами Наденьку. Впрочемъ въ этотъ вечеръ онъ, конечно, говорилъ больше обыкновеннаго, былъ развязнѣй и самоувѣреннѣй; онъ пріобрѣлъ на это право нотаріальнымъ порядкомъ, а въ его глазахъ это имѣло огромное значеніе. Но Анна Гавриловна всячески старалась поскорѣе отправить его домой. У нея въ груди кипѣло. Она жаждала поговорить съ Наденькой о томъ, что узнала отъ Кремчатова. Она ежеминутно зѣвала, причемъ старалась побольше открывать ротъ, чтобы Масловитый непремѣнно обратилъ на это вниманіе, говорила, что Наденькѣ вредно такъ поздно оставаться на воздухѣ; наконецъ Иванъ Евсѣичъ почувствовалъ, что позывъ ко сну превозмогаетъ въ немъ страсть и раскланялся.

— Ты знаешь, что сказалъ мнѣ Кремчатовъ?—спросила она Наденьку, едва захлопнулась калитка за почтеннымъ женихомъ. —Андрей Николаичъ пришелъ къ нему и объявилъ, что твоя съ нимъ свадьба разстроилась, что онъ на тебѣ не женится!..

Наденька, разумѣется, вспыхнула и вспылила. Она возразила, что я не *посмѣлъ-бы* этого сказать и что Кремчатовъ по обыкновенію безсовѣстно вретъ. Но Анна Гавриловна настаивала. Она на этотъ разъ вѣрила Кремчатову, потому что ей именно этого хотѣлось. Все-таки не можетъ человѣкъ выдумать такую штуку съ вѣтру.

— Послушайте, мама, это уже не хорошо. Вы, кажется, не прочь продать меня Масловитому!

Она страшно кипятилась, возмущалась, говорила, что этого не будетъ, что если-бъ и въ самомъ дѣлѣ я сдѣлалъ подлость (т. е. отказался отъ нея), то она все-таки не пойдетъ за Масловитаго. Она была внѣ себя. Анна Гавриловна не возражала, не убѣждала, потому что она была тонкій дипломатъ. Она предоставляла ей насытиться собственнымъ возмущеніемъ.

Все это, по всей вѣроятности, было такъ.

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ я ждалъ запросовъ и пожалуй даже свиданія. Но я рѣшилъ—свиданія ни въ какомъ случаѣ не допускать. На запросы лучше отвѣчать фактами. На другой день утромъ я отыскалъ себѣ двѣ комнаты и переселился въ нихъ. Когда я уходилъ, Кремчатовъ высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и спросилъ, что значитъ мое раннее пробужденіе. Я пригласилъ его пить чай на новоселье. Онъ, какъ гостепріимный хозяинъ, разсердился. Съ какой стати я вздумалъ перебираться? Развѣ у него мало воздуха?

— Ну, какъ-же!—сказалъ я,—вы человѣкъ семейный, къ вамъ можетъ прійти жена...

— Какая жена?—удивился онъ. Бѣдняжка самымъ невиннымъ образомъ позабылъ о своемъ вчерашнемъ сочиненіи. Я не хотѣлъ ловить его на этомъ и спросилъ:—Когда-же ваша свадьба?

— Думаемъ, на той недѣлѣ!.. А вы такъ-таки окончательно разошлись?

— Вполнѣ.

— И вамъ не больно? Вы такъ любили Надежду Алексѣевну!..

— Мнѣ бываетъ больно только, когда мнѣ рѣжутъ палецъ или выдергиваютъ зубъ.

Я думаю, Кремчатовъ искренно пожалѣлъ, что эту фразу сказалъ не онъ, а я. Для него она была чрезвычайно эффектной и нельзя поручиться, что онъ ее когда-нибудь не произнесетъ за свою собственную.

— А какъ сегодня погода?—спросилъ Кремчатовъ.

— Прелестная, солнечная.

— А, надо вставать. Знаете, мы, художники, рабы погоды. Надо пользоваться свѣтомъ. Я сейчасъ иду на этюдъ...

И онъ дѣйствительно вскочилъ съ постели, началъ быстро одѣваться, умываться.

— А, какая досада! Сколько я прелестныхъ штриховъ проспалъ!.. Какое солнце!..

И такъ какъ въ немъ теперь пробудился живописецъ, то онъ почти съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на старое разбитое піанино, стоявшее у стѣны.

Digitized by Google

Онъ наскоро выпилъ стаканъ чаю, вооружился художественными принадлежностями и вышелъ.

— Знаете что? Я поѣду туда, въ сторону Турчаниновыхъ. Все-таки надо поговорить. Я такъ не могу примириться съ этимъ!

Онъ, очевидно, сильно хотѣлъ войти въ роль примирителя. Человѣкъ не могъ иначе представить себѣ дѣло, какъ въ видѣ ссоры, въ которой мы съ Наденькой обозвали другъ друга дураками. Я убѣдительно и настойчиво попросилъ его ѣхать въ другую сторону.

Я зашелъ въ университетъ, кое съ кѣмъ повидался. Всѣ мои товарищи были страшно озабочены послѣднимъ экзаменомъ и зубрили на-пропалую. Я засѣлъ въ своей новой квартирѣ и также началъ штудировать. Сначала это мнѣ не давалось. Милліонъ мыслей лѣзли въ голову. Собственно говоря, я держалъ въ рукахъ судьбу нѣсколькихъ близкихъ мнѣ людей. Но когда что-нибудь надо сдѣлать, я всегда умѣю заставить себя и въ концѣ-концовъ вчитался въ уголовное право, какъ настоящій студентъ.

VIII.

За исходъ экзамена я не боялся. Я былъ, что называется, хорошимъ студентомъ, регулярно читалъ лекціи впродолженіи года и могъ сдавать ихъ во всякое время. На ученую карьеру я не разсчитывалъ. У меня умъ практическій, онъ скучалъ-бы за теоріей.

Было часовъ пять вечера. Къ семи я разсчитывалъ на часокъ съѣздить къ Олениной. Я вѣдь обѣщалъ, значитъ, она ждетъ; и я зналъ, что ждетъ она съ нетерпѣніемъ и что мой пріѣздъ сдѣлаетъ ее на нѣсколько часовъ счастливой. Я отложилъ лекціи и сталъ вновь перечитывать конію. Прелестная это вещь! Масловитый ровно ничего не лишилъ себя, значитъ, это его не будетъ тревожить. Послѣ его смерти, только послѣ смерти—все, что ему принадлежитъ, переходитъ къ Турчаниновымъ. Я думаю, что это не очень затянется. Я вовсе не желаю ему смерти, пусть живетъ, я вѣдь

Digitized by Google

никогда не спѣшу, потому что, по моему мнѣнію, сдѣлать что-нибудь преждевременно такъ-же вредно, какъ опоздать. Но я не виноватъ, если комплекція его такова, что долго не прослужитъ. Да, я почти увѣренъ въ этомъ.

Дочитавъ до конца трехъ-милліонную бумажку, я тщательно сложилъ ее и положилъ на самое дно чемодана. Тутъ я услышалъ легкій, но нетерпѣливый стукъ въ дверь моей первой комнаты, и каково-же было мое удивленіе, когда на мой окликъ послышалось:

— Это я, впустите, Андрей Николаичъ!

И въ этомъ откликѣ я узналъ голосъ Анны Гавриловны. Разумѣется, я тотчасъ-же отперъ дверь. Анна Гавриловна сейчасъ-же повалилась въ кресло и задыхаясь произнесла:

— Охъ, распутывай-же. Запуталъ, такъ распутывай!

Я разсмѣялся. Самое ничтожное осложненіе лишило эту женщину самообладанія. Однако изъ того, что она за спасеніемъ пришла ко мнѣ, я заключилъ, что она чувствуетъ во всемъ этомъ мой планъ. Это до нѣкоторой степени давало мнѣ право считать ее союзницей.

— Все по порядку, Анна Гавриловна! Въ чемъ бѣда?—сказалъ я и со спокойнымъ видомъ сѣлъ противъ нея на стулѣ.

— Какъ пріѣхалъ вчера этотъ, какъ его, Кремчатовъ, что-ли, и спросилъ меня, правда-ли, говоритъ, что свадьба разстроилась, что Андрей Николаичъ не женится на Наденькѣ, я, разумѣется, Наденькѣ сказала, такъ что-же это поднялось, когда-бъ ты видѣлъ! Ты понимаешь, я—мать, я двадцать одинъ годъ при ней состою, а вотъ, ей Богу-же, даже и не предполагала, что у ней такой характеръ!.. Вся дрожитъ, меня обозвала подлой, вы, говоритъ, съ Андреемъ меня продать хотите, такъ-я-же, говоритъ, вамъ покажу... Понимаешь? И этого, говоритъ, вашего Масловитаго я и видѣть не желаю, на глаза не пущу, не выйду къ нему... И, можешь представить, сегодня онъ пришелъ съ букетомъ, да какой букетъ! Больше аршина! А она не вышла, такъ-таки и не вышла. Посидѣлъ,

Digitized by Google

посидѣлъ, ужь я то и се: не здоровится, говорю, ей, простудилась вчера... Онъ хотѣлъ за докторомъ ѣхать... Такъ бѣдный и ушелъ... А она, — такъ, говоритъ, и всегда будетъ. Я докажу Андрею, что онъ ошибается и что мною вертѣть нельзя!..

Гмъ!.. сказать правду, въ этомъ разсказѣ для меня не было ничего пріятнаго. Меньше всего я желалъ подозрѣнія со стороны Наденьки, что я хочу управлять ею. Значитъ, я сдѣлалъ ошибку и ошибка эта — въ поспѣшности. Надо было соблюсти постепенность. Сначала устроить охлажденіе, дать ему созрѣть, и перейти во враждебность. А затѣмъ мой отказъ показался-бы простымъ оскорбленіемъ. Но теперь ужь вернуться нельзя было, надо было держаться экстренныхъ мѣръ и я въ эту минуту усиленно обдумывалъ ихъ.

— Что-жь ты мнѣ прикажешь дѣлать?—съ отчаяніемъ спросила Анна Гавриловна. Въ экстренныхъ случаяхъ она всегда говорила мнѣ „ты“.

— Самое главное, Анна Гавриловна,---ничего не предпринимать. Терпѣливо ждать.

— Ждать, говоришь?

— Ждать, Анна Гавриловна. Вы теперь меня понимаете, я это вижу. Я хочу, чтобъ Наденька была совсѣмъ счастлива. Любовь—счастье, но богатство—счастье еще высшее вѣдь, вы съ этимъ согласны. Станьте на сторону Наденьки и твердите ей, что я подлецъ.

— Ну, какъ-же можно? Что ты, Андрей Николаичъ? Развѣ я могу?

— Разумѣется, можете. Нечего тутъ хитрить; можете, и ничего тутъ нѣтъ труднаго!

Моя нареченная теща слегка покраснѣла. Конечно, она могла. Что стоитъ тысячу разъ повторить это слово: „подлецъ?“. Да я увѣренъ, что она уже пробовала.

— А какъ вы думаете, Анна Гавриловна, Масловитый не остынетъ отъ ея хладнокровія?

— Ахъ, голубчикъ мой! Сама боюсь этого. Вѣдь это случай, можно сказать, рѣдкій!.. Боюсь!..

Digitized by Google

— Да, чортъ возьми, случаи пріобрѣсти три милліона не часты, ваша правда!..

— Не часты, голубчикъ, не часты,—съ большимъ чувствомъ подтвердила она и потомъ прибавила съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ трогательной благодарности:—Чудесный ты человѣкъ, Андрей Николаичъ! Помоги тебѣ Богъ!..

И она была такъ тронута, что въ глазахъ у нея заблестѣли слезы. Перспектива пріобрѣсти три милліона способна растрогать человѣка.

Мы поѣхали вмѣстѣ. Я долженъ былъ даже предложить это, потому что обѣщалъ быть у Олениной. Когда мы подъѣзжали къ вокзалу, на встрѣчу намъ показался Кремчатовъ. Онъ ѣхалъ на клячѣ; бричка, его руки и колѣни были заняты рисовальными принадлежностями. Увидѣвъ насъ, онъ раскрылъ ротъ отъ удивленія и остановилъ извозчика. Остановились и мы. Онъ соскочилъ со всѣмъ своимъ художественнымъ грузомъ, кивнулъ головой Аннѣ Гавриловнѣ и попросилъ меня отойти съ нимъ въ сторону для пары словъ.

— Помирились? А?—спросилъ онъ, кивая головой въ сторону моей спутницы.

— Мы никогда не ссорились!—отвѣтилъ я.

— Ну, однимъ словомъ, свадьба будетъ?

— Будетъ, только не моя, а господина Масловитаго!

Онъ нѣсколько секундъ постоялъ съ выраженіемъ крайняго недоумѣнія.

— Оригинально, ужасно оригинально!..—заключилъ онъ и конечно позавидовалъ тому, что такая оригинальность выпала на мою, а не на его долю.

Тутъ мы разстались. Онъ опять водрузился на бричкѣ со своими инструментами и кляча тронула. Я разсчиталъ извозчика и мы дошли до вокзала пѣшкомъ.

Я былъ очень доволенъ, когда оказалось, что въ нашемъ вагонѣ ѣхалъ Вѣтвицкій. Мнѣ именно хотѣлось, чтобы меня видѣли съ Анной Гавриловной. Несостоявшаяся свадьба изъ-за обыкновенной ссоры,—это пошлость, которую я не хотѣлъ-бы пускать въ свѣтъ. Особенно мнѣ

Digitized by Google

было-бы непріятно, если-бъ это подумалъ Вѣтвицкій, единственный мой антагонистъ въ нашемъ кружкѣ, находившій наслажденіе въ томъ, чтобъ развѣнчивать меня. Я старался обходиться съ Анной Гавриловной возможно дружелюбнѣй. Но меня удивило, что онъ сейчасъ-же подошелъ къ намъ и поздоровался. Обыкновенно онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, пока это уже не становится невозможнымъ.

— Гмъ!.. А мнѣ сказали, будто вы расплевались!— промолвилъ онъ, прищуривая свои красивые глаза.

Лицо у этого человѣка было какое-то несуразное. Носъ маленькій, пуговкой, а ротъ слишкомъ большой съ тонкими, плотно сомкнутыми губами, отчего онъ походилъ на щель, прорѣзанную хирургическимъ ножомъ. На четырехугольномъ лицѣ неровными кустами торчала безъ всякой системы жалкая растительность неопредѣленнаго цвѣта. Но прямой, большой, открытый лобъ, суровые темные глаза съ какимъ-то стальнымъ блескомъ и густые брови надъ ними, были очень красивы и какъ-то значительны: на нихъ останавливалось вниманіе. Вѣтвицкій былъ средняго роста, плечистъ, съ крупными руками и ногами, съ грубыми угловатыми движеніями; ходилъ онъ широкими шагами, одѣвался въ какія-то нелѣпыя накидки и большія шляпы, говорилъ громко и выражался сильно.

Я недоумѣвалъ, когда и какъ успѣла распространиться эта новость. Я считалъ своимъ долгомъ опровергнуть.

— Какъ видите, васъ обманули—сказалъ я.

— Да, чортъ возьми!... обманули!...

— Такъ что вы напрасно поспѣшили порадоваться!

— Не скрою, порадовался. Что-жь, я считаю, что вы пагубно вліяете на Надежду Алексѣевну... Изъ нея могъ-бы выйти кремень-человѣкъ, а вы ее развращаете!..

— Экія вы глупости говорите!—вступилась за меня Анна Гавриловна.—Развѣ я допустила-бы развращать мою дочь?

— Э, вы ничего не понимаете! Развращаетъ не въ

Digitized by Google

прямомъ смыслѣ, а въ политическомъ. У вашей дочери желѣзный характеръ, у нея натура протестующая, а онъ ее въ пошлыя рамки семейной жизни заключить желаетъ. Онъ эгоистъ, вотъ что!

— Тьфу! Съ вами поговори! съ негодованіемъ промолвила Анна Гавриловна.

Вѣтвицкій, я очень хорошо зналъ это, самъ не прочь былъ-бы „заключить Наденьку въ пошлыя рамки семейной жизни“, но, разумѣется, не имѣлъ никакихъ шансовъ.

— Я говорю правду. Я всегда говорю правду. Онъ карьеристъ, помяните мое слово!—продолжалъ онъ.

Онъ не понималъ, что Анна Гавриловна одобряла какъ разъ все то, къ чему онъ высказывалъ презрѣніе.

На станціи, гдѣ мнѣ нужно было сойти, я поднялся. Къ моему удивленію, то-же самое сдѣлалъ и Вѣтвицкій. Я пожалъ руку Аннѣ Гавриловнѣ и тихонько сказалъ ей: „Извѣщайте меня обо всемъ, Анна Гавриловна!“ Мы шли вдоль дачъ.

— Какъ? Развѣ вы не туда ѣдете? не къ нимъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я тутъ къ однимъ знакомымъ. Я долженъ вернуться сегодня въ городъ. У меня экзаменъ.

— Я тоже къ знакомымъ. Разсѣяться. Надоѣло чертить, чортъ возьми!..

Онъ умѣлъ чертить не особенно важно и работалъ у какого-то инженера.

Мы прошли порядочное разстояніе. Шагахъ въ ста впереди обрисовывался берегъ; гладкая, широкой и плавной волной колебавшаяся поверхность моря сливалась съ сѣро-голубымъ горизонтомъ. Въ одинокомъ клочкѣ бѣлаго облака отражались ярко-розовые лучи заходящаго солнца. Мы дошли до дачи, гдѣ жила Оленина и остановились у калитки. Вѣтвицкій посмотрѣлъ на меня сначала съ недоумѣніемъ, потомъ брови его сдвинулись и въ стальныхъ глазахъ задрожалъ злой огонекъ.

Digitized by Google

— Такъ вы тоже сюда? — спросилъ онъ, измѣряя мой ростъ презрительнымъ взглядомъ.

Я расхохотался самымъ веселымъ образомъ. Этотъ презрительный взглядъ показалъ мнѣ, что я и тутъ являюсь ему помѣхой.

На смѣхъ поспѣшно вышла Ольга Михайловна и протянула мнѣ обѣ руки. Но увидавъ моего спутника, она вдругъ какъ-то вся съежилась и опустила руки. На лицѣ ея, вдругъ поблѣднѣвшемъ, выразилось страданіе; мнѣ даже показалось, что она слегка пошатнулась.

— Вамъ не обязательно было являться!.. — сказала она мнѣ тихо, сухимъ дрожащимъ голосомъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло. Ей показалось, что я нарочно привезъ съ собой Вѣтвицкаго для того, чтобы избѣжать tête-à-tête съ нею. Это было страшно оскорбительное для нея предположеніе, и я не зналъ, какъ успокоить ее, дать понять, что она ошиблась.

— Господинъ Вѣтвицкій зашелъ пожать вамъ руку. Онъ тутъ спѣшитъ къ своимъ знакомымъ!—сказалъ я.

Вѣтвицкій покраснѣлъ и злобно выдвинулъ впередъ нижнюю челюсть.

— Я самъ знаю, куда мнѣ надо спѣшить! — проворчалъ онъ съ такой явной ненавистью въ голосѣ, какая именно нужна была для моей цѣли.

Ольга Михайловна мгновенно просіяла и взяла мою руку. Бѣдный мой спутникъ былъ окончательно оскорбленъ этимъ движеніемъ. Онъ даже не поклонился ей, а прямо зашагалъ по направленію къ морю и съ такой поспѣшностью, точно рѣшилъ утопиться изъ презрѣнія къ намъ.

— Богъ съ нимъ! — сказала Ольга Михайловна: — хорошій онъ человѣкъ, только пришелъ не кстати!

— Хорошіе всегда приходятъ не кстати! — замѣтилъ я.

— Неправда! Неправда!.. Вы пришли кстати, а вы лучше всѣхъ, вы — самый лучшій!.. И я сегодня такъ счастлива, такъ счастлива... Я страшно счастлива сего-

Digitized by Google

дня! Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте прямо сюда, въ садъ; здѣсь есть одно мѣстечко... Тетка все-равно спитъ... Послушайте, отчего мнѣ такъ хорошо? Нѣтъ, я не то спрашиваю. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ, только подумайте хорошенько, вѣдь вы такой умный, вы все понимаете: отчего мнѣ сегодня такъ хочется жить и я чувствую въ себѣ такъ много силы?

Да, я долженъ былъ основательно подумать. Не потому конечно, чтобъ я не могъ отвѣтить сразу. Она меня любила, ей блеснулъ лучъ надежды, вотъ и все. Но я еще не созналъ вполнѣ ясно, какъ слѣдуетъ распорядиться съ этимъ положеніемъ, хотя, какъ-бы сквозь гущину вѣтвей, передо мной уже витали неясныя очертанія новой идеи.

Мы пошли къ „мѣстечку", о которомъ она говорила. Небольшая полянка, со всѣхъ сторонъ огороженная деревьями и кустами. Посрединѣ возвышалась горка изъ свѣжаго сѣна.

— Сядемте и разскажите мнѣ, что вы дѣлали въ эти два дня, — сказалъ я, въ надеждѣ, что она не возобновитъ своего вопроса.

Мы сѣли рядомъ, протянувъ ноги. Сѣнникъ покачивался подъ нами, расшатанный и разрытый нашей тяжестью. Я только теперь обратилъ вниманіе на костюмъ моей спутницы. На ней была несмѣняемая черная юбка, но вмѣсто такой-же кофточки она одѣла ситцевую розоваго цвѣта, какъ видно—свѣженькую, только что наскоро сшитую. Розовый цвѣтъ не совсѣмъ былъ ей къ лицу, тѣмъ не менѣе онъ придавалъ ей видъ молодости и бодрости. Узенькая розовая-же ленточка, только потемнѣе, изящно охватывала ея тонкую смуглую шею. Въ прическѣ замѣтна была старательность, хотя эта пирамида, заканчивавшаяся ро овымъ гребнемъ, не совсѣмъ удалась ей. Все это послѣ обычнаго небрежнаго туалета Олениной не могло не броситься мнѣ въ глаза и не навести на размышленія. Ясно, что это она сдѣлала для меня, желая явиться передо мной по возможности праздничной.

Digitized by Google

— Что я дѣлала? Да ничего... А если бы и дѣлала, то это было бы неинтересно...

Она волновалась, это было замѣтно. Голосъ ея прерывался чуть замѣтнымъ дрожаніемъ. Глаза смотрѣли неспокойно. Но что болѣе всего выдавало ея волненіе, это тонкія ноздри, которыя вздрагивали, какъ у испуганнаго кролика. Я чувствовалъ, что этотъ визитъ не пройдетъ мнѣ даромъ. Наступившія сумерки, вечерній воздухъ, пропитанный ароматомъ свѣжаго сѣна, которое лежало между деревьями небольшими копнами, вдали легкій шумъ плещущейся о песчаный берегъ морской волны,—все это заставляло меня быть готовымъ.

— Скажите-же, Андрей Николаичъ, что это за исторія?—спросила она, не глядя на меня. Я не понялъ и поднялъ вопросительно глаза.

— Прошлый разъ вы, уѣзжая, обѣщали объяснить!..

— А!—я понялъ, что рѣчь шла о моей исторіи съ Наденькой.—Это очень просто: Надеждѣ Алексѣевнѣ сдѣлалъ предложеніе страшный богачъ—Масловитый.

— Вотъ какъ!..

— Я, разумѣется, посовѣтовалъ ей поскорѣе принять...

— Вы? Я не понимаю!..

— Она молода, ей хочется пожить хорошенько. Что-жъ тутъ удивительнаго? Она приняла и, по моему, отлично сдѣлала.

— А какъ-же вы? Вы же любили ее?!.

Признаюсь, мнѣ не хотѣлось продолжать этотъ разговоръ. Мнѣ было чрезвычайно пріятно сознавать, что эта дѣвушка, постоянно имѣвшая какой-то гробовой видъ, сидя рядомъ со мной—оживилась, расцвѣла, исполнилась надежды и желанія жить на свѣтѣ. Я любовался этимъ превращеніемъ, которое было сдѣлано однимъ моимъ присутствіемъ. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ сознаніе, что ты поддерживаешь въ человѣкѣ надежду, которой онъ живетъ. Между тѣмъ я замѣтилъ, что этотъ разговоръ дѣйствовалъ на нее охлаждающимъ образомъ. Она съ болѣзненнымъ любопытствомъ допытывалась истины, и еслибъ я

Digitized by Google

сказалъ ей, что люблю Наденьку, я увѣренъ—вся поэзія этого вечера для нея погибла бы.

— Полноте, Ольга Михаловна! Я теперь съ вами и мнѣ пріятно быть съ вами! Стоитъ-ли доискиваться того, чего я, быть можетъ, самъ не знаю... Главное—чтобы всѣмъ жилось хорошо. Правда вѣдь?

— А какъ это сдѣлать? разсѣянно спросила она. Ужь она немножко омрачилась и задумалась.

— Очень просто: жить, какъ живется!.. Когда выпадетъ хорошая минута, пользоваться ею...

— Нѣтъ, я неспособна на это! отрывисто сказала она и какъ-то быстро встала.

Повидимому, она обидѣлась. Лицо ея, окутанное прозрачно-сѣрымъ воздухомъ лѣтнихъ сумерекъ, казалось очень блѣднымъ и приняло задумчиво-строгое выраженіе. Она стояла чуть-чуть полуотвернувшись и, сосредоточенно глядя на золотистую полоску, оставленную на западѣ закатившимся солнцемъ, скрестила на груди руки и не двигалась. Я смотрѣлъ на нее и старался разрѣшить вопросъ: о чемъ она думаетъ и чего она ждетъ отъ меня. Въ эти минуты лицо ея было замѣчательно интересно. Все его выраженіе какъ-то сосредоточилось въ глазахъ; я еще никогда не видѣлъ такого выраженія. Въ этихъ большихъ глазахъ, окруженныхъ темноватыми кругами, неподвижныхъ и горящихъ неровнымъ пламенемъ, свѣтилось страданіе, не то, что бываетъ отъ боли, а какое-то духовное страданіе. Глаза ея рыдали безъ слезъ. Казалось, что именно въ эти мгновенья въ ней пробудилась страшная жалость къ самой себѣ—за всю неудачу прошлой жизни и полную безнадежность будущей. Вечеръ-ли былъ такъ поэтиченъ, воздухъ-ли былъ отравленъ ароматомъ травы и цвѣтовъ или въ моей груди отыскалась струна, отозвавшаяся на эту молчаливую жалобу, но я вдругъ растрогался до послѣдней степени.

Я рѣдко даю полную волю искреннимъ порывамъ. Но она была такъ глубоко безпомощна и въ то же время показалась мнѣ такой прекрасной, милой, симпатичной. Меня охватилъ порывъ—защитить ее во что бы то ни

Digitized by Google

стало, отъ чего—право—я самъ этого не зналъ. Это было такъ необходимо, что если-бы я былъ не въ силахъ это сдѣлать, я съ ума сошелъ-бы отъ жалости. Я быстро поднялся и, очутившись около нея, весь дрожащій и наэлектризованный, схватилъ ея руку и приложилъ къ своей щекѣ, совершенно не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ именно сдѣлалъ этотъ глупый жестъ. Она не протестовала, но перенесла на меня все тотъ-же взглядъ, который съ тѣмъ-же глубокимъ страданіемъ, казалось, спрашивалъ меня:—Зачѣмъ-же вы это дѣлаете? Развѣ вы не видите, что это только увеличитъ мои мученья?..

Я никогда не видѣлъ такого прекраснаго лица. Былъ мигъ, когда въ головѣ моей промелькнуло сравненіе. Красивое лицо Наденьки глядѣло всегда здоровымъ и довольнымъ. Ему не доставало этой мучительной прелести, которую придаетъ лицу женщины страданіе. И чувствовалъ я, что во мнѣ закипаетъ кровь и мой порывъ жалости какъ-то явственно превращается въ страсть. Я думалъ: нѣтъ, я могу любить эту женщину и, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту я люблю ее.

— Ольга Михайловна! А если я васъ люблю?—прошепталъ я.

Она испугалась, всѣ черты лица ея приняли необычайно напряженное выраженіе, она сдѣлала такое движеніе, будто хотѣла выпорхнуть изъ моихъ рукъ, но вмѣсто этого упала мнѣ на грудь и съ невѣроятной силой прижалась ко мнѣ. Она стонала, металась, душила меня своими маленькими блѣдными руками; лицо ея пылало огнемъ; я опьянѣлъ, обезумѣлъ, я весь былъ охваченъ какимъ-то почти страшнымъ наслажденіемъ...

Когда мы шли къ дачѣ, гдѣ свѣтился тусклый огонь зеленаго фонаря, было уже совсѣмъ темно. Ольга Михайловна крѣпко прижалась ко мнѣ и ступала осторожными невѣрными шагами. Ея пирамидальной прически не существовало. Длинные негустые волосы безъ всякаго порядка спускались по плечамъ.

— Какъ это странно! Ты вдругъ сталъ моимъ му-

Digitized by Google

жемъ!..—говорила она слабымъ охрипшимъ голосомъ и какъ-то по-дѣтски тихонько смѣялась и такъ много въ этомъ смѣхѣ было радости. И меня это нисколько не удивляло, не мучило; я не жалѣлъ о случившемся, я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ рѣшилъ очень важный вопросъ. Мой дисциплинированный мозгъ работалъ въ то время, когда я отдавалъ себя во власть моего порыва, и преподнесъ мнѣ готовое рѣшеніе.

Было уже настолько поздно, что я не могъ вернуться въ городъ. Всѣ поѣзда ушли. Я остался ночевать на дачѣ.

IX.

Часовъ въ одиннадцать слѣдующаго дня мы съ Ольгой подымались по лѣстницѣ, гдѣ была квартира Кремчатова. Мы постучали, но намъ не сразу позволили войти. Полуотворилась дверь и выглянула остроконечная голова моего друга. При видѣ насъ, голова такъ и застряла въ дверяхъ, выражая изумленіе.

— Вы!?

И видя, что это дѣйствительно мы, Кремчатовъ впустилъ насъ. У него на столѣ стоялъ потухшій самоваръ и грязная посуда. Въ креслѣ передъ столомъ сидѣла дама небольшого роста, довольно плотнаго сложенія, съ очень моложавымъ лицомъ, красивымъ, но не выразительнымъ. Я видѣлъ ее въ первый разъ и догадался, что это, должно быть, его невѣста, которую онъ никому не показывалъ, такъ что многіе уже начинали считать ее лицомъ миѳическимъ.

— Ольга Михайловна?! Чему обязанъ?—воскликнулъ онъ и тотчасъ-же познакомилъ ее съ дамой, не безъ торжественности назвавъ ее Марьей Николаевной Крючковой. Потомъ онъ подвелъ меня къ ней и представилъ, прибавивъ:

— Марья Николаевна—моя невѣста!

Digitized by Google

Я поклонился и сказалъ шутливымъ тономъ:

— Не имѣлъ чести видѣть васъ, но знаю, что вы обладаете большимъ характеромъ!

— Откуда вы это знаете?—спросила она глубокимъ груднымъ голосомъ и такимъ громкимъ, что казалось, будто она сердится.

— Да помилуйте, я уже ровно годъ слышу, что вы невѣста моего друга и у васъ хватаетъ характера до сихъ поръ не сдѣлаться его женой!..

Она поняла меня нѣсколько односторонне, сконфузилась и зардѣлась. Кремчатовъ сдѣлалъ строгое и постное лицо. Очевидно, онъ считалъ мое замѣчаніе нескромнымъ въ присутствіи его невинной невѣсты.

— Я считаю, что поэзія любви кончается въ первый день послѣ свадьбы!—съ видомъ убѣжденнаго философа замѣтилъ онъ. Это было одно изъ изреченій, почерпнутыхъ имъ въ одной изъ умныхъ книжекъ.—Ахъ, да!—прибавилъ онъ, поспѣшно бросившись къ ящику письменнаго стола:—я совершенно забылъ. Вамъ принесли письмо сегодня утромъ. Сначала отнесли къ вамъ на квартиру, но тамъ сказали, что вы даже не ночевали дома... Это оттуда, понимаете?

И онъ многозначительно подмигнулъ мнѣ. Я взялъ письмо и, прежде чѣмъ распечатать его, взглянулъ на Ольгу Михайловну. Она поняла, откуда письмо и, несмотря на то, что она сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, я почему-то чувствовалъ, что у нея сильно бьется сердце. Она поблѣднѣла и, стараясь казаться спокойной, смотрѣла въ окно. Я распечаталъ письмо. Оно было отъ Анны Гавриловны и написано поспѣшнымъ и тревожнымъ почеркомъ. Анна Гавриловна писала:

„Ничего не выходитъ и все идетъ скверно. Масловитый заходитъ каждый часъ, а Надька къ нему не выходитъ. До сихъ поръ съ твоего отъѣзда онъ ни разу не видѣлъ ея... Сегодня раненько я была у него, такъ онъ совсѣмъ сумасшедшій. Началъ рыдать громко, проклиналъ богатство и все тебя вспоминалъ: „какой это

Digitized by Google

прекрасный человѣкъ"! Надька всю ночь писала письмо Виктору въ Кіевъ. Украдкой я прочитала страницу. Ты, говоритъ, образумь Андрея, напомни ему, что это подлость, а я никогда не пойду на подлость... Я, говоритъ, понимаю, откуда пошла эта теорія. (Такъ это она пишетъ). Устраню дескать себя ради ея счастья. Объясни ему, что никакого счастья тутъ не выйдетъ!.. И теорія эта безсмысленная. Голубчикъ, Андрей Николаичъ! Что-же мнѣ дѣлать-то? Вѣдь Масловитый—не мальчикъ; хотя онъ не такъ уменъ, однако пойметъ наконецъ, что имъ брезгуютъ, и отстанетъ... И что-жь тогда? Все пропало! Да вотъ еще что: вчера Надька смѣялась и говорила мнѣ: это все пустяки. Андрей очень меня любитъ, и вы увидите, что онъ скоро самъ прибѣжитъ ко мнѣ и скажетъ: какъ все это было глупо! Не понимаю я вотъ чего, Андрей Николаичъ! Раньше я какъ будто замѣчала, словно она не прочь выйти за Масловитаго, только что передъ тобой было стыдно, а теперь вдругъ—на тебѣ! Вотъ чего я не понимаю"...

Ну, я-то хорошо понималъ это. У Наденьки была натура—оппозиціонная, а я нѣсколько грубовато разыгралъ свою роль. Вся бѣда въ томъ, что она замѣтила мое желаніе выдать ее за Масловитаго. Если-бы я повелъ дѣло такъ, чтобы она сама это рѣшила, дѣло приняло-бы другой оборотъ.

Ольга Михайловна все смотрѣла въ окно. Кремчатовъ ходилъ по комнатѣ таинственно, какъ-бы участвуя въ той тайнѣ, которую заключало въ себѣ письмо. Марья Николаевна съ видомъ полнѣйшаго невмѣшательства въ чужія дѣла мыла и вытирала посуду. Я тщательно сложилъ письмо въ маленькій пакетъ и медленно разорвалъ его на мельчайшіе кусочки. Лицо Олениной нервно нахмурилось, въ глазахъ появились искры, предвѣстники слезъ. Кажется, она ждала, что я передамъ ей письма и была оскорблена. Каждое новое дѣленіе этого письма отзывалось болью въ ея сердцѣ, какъ попраніе ея права знать мои тайны. Однако она взяла себя въ руки и

Digitized by Google

обратила ко мнѣ свое взволнованное лицо съ напряженно-нервнымъ выраженіемъ.

— Что-нибудь важное?—спросила она треснувшимъ голосомъ.

Я разсмѣялся.

— Развѣ ты не знаешь, что все мое важное—здѣсь.

Это „ты“, которое я употребилъ здѣсь въ первый разъ, всполошило моего друга—Кремчатова; онъ остановился и глядѣлъ съ крайнимъ недоумѣніемъ.

Затѣмъ я обратился къ Кремчатову:

— Вотъ что, Василій Васильевичъ! Мы вѣдь къ вамъ по важному дѣлу. Вы отличаетесь замѣчательными организаторскими способностями. Я сейчасъ долженъ пойти и выдержать послѣдній экзаменъ... Черезъ полчаса я буду кандидатомъ юридическихъ наукъ... А вы тѣмъ временемъ организуйте нашу свадьбу съ Ольгой Михайловной!.. Мы сегодня вѣнчаемся...

— Ага!.. Вотъ что... Съ удовольствіемъ... Это очень просто!..—говорилъ Кремчатовъ, совершенно неподготовленный къ такому предложенію.—Но знаете, до какой степени это оригинально!..

— Надѣюсь и на ваше содѣйствіе!..—сказалъ я, обращаясь къ невѣстѣ моего друга. Она поспѣшно нѣсколько разъ кивнула головой. Видно было, что перспектива свадебныхъ хлопотъ нравилась ей.

— Я думаю, что часа черезъ два мы будемъ совершенно готовы. Вотъ вамъ наши документы! Все въ нихъ въ порядкѣ.

Я передалъ документы Василію Васильевичу и взялся за шляпу. Ольга Михайловна поспѣшно встала и начала собираться. Лицо ея, на которомъ еще сохранились слѣды недавняго волненія, улыбалось всѣмъ — и мнѣ, и Кремчатову, и Марьѣ Николаевнѣ. Мнѣ даже показалось, что это было противъ ея воли, что она сама не знала о томъ, что говоритъ ея лицо. Радость, которая кипѣла въ ней отъ сознанія, что столь долго не приходившее счастье наконецъ пришло, ключемъ выбивалась наружу, органи-

Digitized by Google

чески выливалась въ каждомъ ея движеніи. Тутъ именно было важно, что мы шли вѣнчаться. Можетъ быть, еще три дня тому назадъ она считала себя слишкомъ старой для этого и если у нея и явилась надежда на сочувствіе съ моей стороны, то едва-ли она ожидала чего-нибудь прочнаго и постояннаго. Но я именно хотѣлъ поскорѣе округлить ея счастье, придать ему видъ несомнѣннаго, прочнаго, законченнаго, не исключительнаго, а совершенно похожаго на счастье другихъ. Это было то, чего ей не доставало, по чемъ она томилась въ глубинѣ души и поэтому страшно цѣнила.

Мы оставили Кремчатова въ состояніи полнаго недоумѣнія. Видимо, ему хотѣлось разспросить, какъ это случилось, вѣдь для него это казалось внезапнѣе, чѣмъ для насъ; но разспрашивать было-бы не кстати.

— Въ какую-же церковь?—спросилъ онъ, когда мы уже были въ дверяхъ.

— Въ какую вамъ угодно, какая вамъ больше нравится!—смѣясь отвѣтила Ольга Михайловна.

Она взяла мою руку и прижалась ко мнѣ, какъ вчера. Она вся трепетала отъ радости. Я твердо шелъ, потому что все, что я дѣлалъ, вытекало изъ моего строго обдуманнаго безповоротнаго рѣшенія. Я осуществлялъ весьма важную часть своего плана. Но сознаніе, что я вмѣстѣ съ тѣмъ доставляю несказанное счастье человѣку, который больше всѣхъ нуждается въ этомъ, вдохновляло меня и я самъ былъ въ какомъ-то чаду.

Мы условились, что Ольга будетъ ждать меня въ городскомъ саду. Я провелъ ее туда и усадилъ на скамейку.

Былъ жаркій день. Въ воздухѣ стояла душная тишина. Сѣрые отъ покрывавшей ихъ пыли листья акацій висѣли неподвижно. Тѣнь, которая отъ нихъ падала, не давала никакой прохлады. Шагахъ въ десяти отъ скамейки, посреди небольшой площадки, билъ тонкими разсыпчатыми струйками небольшой фонтанъ; воробьи прилетали, садились почти подъ самую струю, торопливо оглядывались и жадно пили воду. Мальчуганы нагибались и

Digitized by Google

болтались руками въ бассейнѣ, рискуя попасть туда съ головой. На разныхъ скамейкахъ подъ тѣнью все тѣхъ-же запыленныхъ акацій размѣстились няньки и мамки съ спящими въ коляскахъ ребятами. Тутъ-же рядомъ, свѣсивъ головы или откинувъ ихъ назадъ, предавались дремотѣ безпечные обыватели.

— Что-жь тебѣ пишутъ?— вдругъ неожиданно спросила меня Ольга Михайловна, когда я собирался уйти. При этомъ она улыбнулась какъ-то особенно кокетливо, съ сомкнутыми губами и прищурила глаза. Я хотѣлъ отвѣтить, что пустяки, но она не дала мнѣ открыть ротъ и продолжала: — Впрочемъ, не говори, это для меня все-равно. Ты такой умный и основательный, что не поступилъ-бы такъ, если-бъ былъ связанъ *тамъ*. И если ты мнѣ не сказалъ, значитъ—не стоитъ... Правда?

Признаюсь, я былъ въ восторгѣ отъ этого благоразумія, котораго я не ждалъ отъ нея.

— Совершенная правда!—отвѣтилъ я, протягивая ей руку. Она крѣпко сжала мою руку и промолвила, глядя мнѣ въ глаза все съ той-же милой улыбкой: — Ахъ, Андрей, я такъ счастлива, такъ счастлива!..

Потомъ, когда я уходилъ на экзаменъ, она сказала мнѣ вслѣдъ:—смотри-же, не забудь какъ-нибудь, что сегодня у насъ вѣнчанье!

И разсмѣялась. Я ушелъ. Можетъ быть, это покажется страннымъ, что я, отправляясь держать послѣдній экзаменъ, отъ котораго до нѣкоторой степени зависѣла моя будущность, совсѣмъ не думалъ объ уголовномъ правѣ. Это происходило отъ моей увѣренности въ своихъ знаніяхъ. Я всегда зналъ предметъ, изъ котораго экзаменовался, поэтому не имѣлъ понятія о томъ, что значитъ трусить передъ профессоромъ. Идти на экзаменъ безъ достаточныхъ знаній — я всегда считалъ это самымъ дурнымъ родомъ лжи.

Я шелъ и мысленно подводилъ краткій итогъ пережитому въ послѣдніе два дня.

Я сталъ явно ухаживать за Ольгой Михайловной,

Digitized by Google

подъ вліяніемъ созрѣвшаго во мнѣ, но еще не сознаннаго рѣшенія. Вчера въ тотъ моментъ, когда произошла неожиданная, но столь рѣшительная сцена, я уже чувствовалъ, что долженъ буду жениться на Ольгѣ Михайловнѣ, долженъ не потому, что между нами произошло такое крайнее сближеніе,—она держалась такихъ взглядовъ, которые не позволили-бы ей потребовать отъ меня формальнаго брака во что-бы то ни стало,—а потому, что это былъ для меня послѣдній шансъ—достигнуть намѣченной цѣли. Я зналъ по разсказу Анны Гавриловны, какую линію поведетъ Наденька. Она слишкомъ вѣрила въ меня и простое мое удаленіе не могло существенно повліять на нее. Оно могло только взбѣсить ее, какъ самовольное распоряженіе ея судьбой, и взбѣсило, о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣднее письмо Анны Гавриловны. Я долженъ былъ во что-бы то ни стало оскорбить ее.

Я взглянулъ также на свои отношенія къ Олениной. Конечно, это было-бы съ моей стороны не совсѣмъ честно принимать въ разсчетъ непрочность ея здоровья. Но я не могъ не имѣть въ виду этого обстоятельства, такъ точно, какъ не могъ и устранить его. Не надувать-же мнѣ себя, не увѣрять себя въ томъ, что я прожи.у съ нею сто лѣтъ, когда я зналъ навѣрное, что наше внезапное счастье должно кончиться черезъ годъ, много—два года. Между тѣмъ, какое высокое счастье внесъ я въ жизнь этой бѣдной женщины! И я не нахожу никакихъ причинъ видѣть въ моемъ поступкѣ что-нибудь дурное.

Что касается собственно моего положенія въ этой послѣдней исторіи, то тутъ я открылъ цѣлую Америку. Я открылъ прежде всего, что Ольга Михайловна—очаровательная женщина. Ея порывы такъ страстны, ласки такъ жгучи, что при воспоминаніи о нихъ я вздрагивалъ и кровь бросалась мнѣ въ голову. Наслажденіе, которое я испыталъ съ нею, было до такой степени полное, что я, право, не знаю, чего еще не доставало для того, чтобы я имѣлъ право сказать: „я люблю“. Въ нрав-

Digitized by Google

ственномъ отношеніи мы понимали другъ друга, т. е. я понималъ ее, а она была увѣрена, что меня понимаетъ. Кажется, это все, что нужно для счастья. По крайней мѣрѣ, я былъ совершенно счастливъ, когда смотрѣлъ ей въ глаза и жалъ ея маленькую, худенькую ручку. Я думаю, что также счастливъ я былъ-бы съ Наденькой, а когда хорошенько поразмыслю, то, вѣроятно, и со многими женщинами. Мнѣ кажется, что это должно быть сказано относительно всѣхъ на свѣтѣ мужчинъ.

Экзаменъ я, разумѣется, выдержалъ блестящимъ образомъ. Я вернулся въ садъ, но, къ моему удивленію, не нашелъ Ольги Михайловны на той скамейкѣ, гдѣ оставилъ ее. Я обошелъ весь садъ—онъ былъ не великъ,—но ея не было. Мнѣ пришло на мысль, не завернула-ли она въ ресторанъ, помѣщавшійся тутъ-же въ отгороженной части сада подъ открытымъ небомъ. Я зашелъ туда. За мраморными столиками, накрытыми бѣлыми скатертями, сидѣли пять-шесть мужчинъ завтракавшихъ. Недалеко отъ входа заняла столикъ Ольга. Въ ту минуту, когда я вошелъ, она ѣла пирожокъ и запивала краснымъ виномъ. Увидѣвъ меня, она расхохоталась.

— Когда человѣкъ счастливъ, это развиваетъ хорошій аппетитъ... Не хочешь-ли со мной позавтракать? Я заказала тебѣ на всякій случай... Майонезъ, бифштексъ и кофе, согласенъ?—Я согласился. У меня тоже оказался аппетитъ. Она спросила меня объ экзаменѣ, я отрекомендовался ей кандидатомъ.

— Знаешь, мы должны выпить по бокалу шампанскаго за твое кандидатство, и за все, за все!..—предложила Ольга Михайловна.

Это „за все, за все“, она выговорила съ очаровательной экспрессіей, пристально глядя мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ, сказалъ я, — только „за все, за все“... Кандидатство вещь довольно обыкновенная, а наше счастье, какъ и вообще счастье на землѣ, необыкновенная вещь!..

Это понравилось ей. Намъ принесли шампанское, мы налили по бокалу и выпили медленно, молча, глядя

Digitized by Google

другъ на друга краснорѣчиво говорящими взорами. Я думалъ о томъ, что на мою долю выпало рѣдкое счастье—быть предметомъ любви женщины, которая копила избытокъ своей нѣжности впродолженіи многихъ лѣтъ; если эта женщина мила и симпатична,—это большое наслажденіе.

Мы ограничились однимъ бокаломъ. Лакей, которому мы подарили остальную бутылку, предложивъ ему выпить за наше здоровье, сталъ проявлять невѣроятную почтительность. Минутъ черезъ десять мы были у Кремчатова. Онъ съ минуты на минуту поджидалъ насъ и встрѣтилъ насъ на лѣстницѣ. Видъ у него былъ необычайно серьезный. Очевидно, онъ проникся важностью событія.

— У меня все готово: со священникомъ условился, шафера есть и свидѣтели тоже. Хоть сейчасъ въ церковь!..

Въ его небольшой комнатѣ оказалось душъ десять народу. Когда мы вошли, насъ встрѣтили дружнымъ „ура“, которое сопровождалось искреннимъ и доброжелательнымъ смѣхомъ. Все это были члены нашего маленькаго кружка и я имѣлъ лишній случай убѣдиться въ томъ, что меня любятъ. Былъ здѣсь и Вѣтвицкій, но онъ не смѣялся, а сидѣлъ у окна съ довольно мрачнымъ видомъ. Когда мы перездоровались со всѣми — здѣсь, между прочимъ, было три дамы,—я подошелъ къ нему и протянулъ ему руку.

— Теперь вы понимаете, Вѣтвицкій, нашу вчерашнюю нелюбезность! — сказалъ я примирительнымъ тономъ:—когда вы будете у вашей невѣсты наканунѣ вашей свадьбы, предупредите меня, я приду для того, чтобы вы имѣли случай прогнать меня!..

Но моя шутка нисколько не смягчила его. Онъ пожалъ мою руку холодно и отвѣтилъ:

— Этого кануна никто не дождется! Не такое нынче время, чтобы заниматься подобными пустяками...

Мы усѣлись на извозчиковъ и поѣхали въ церковь.

Digitized by Google

Кремчатовъ предводительствовалъ, а Марья Николаевна съ крайнимъ увлеченіемъ хлопотала съ кольцами, со свѣчами и прочими принадлежностями вѣнчанья. Она все боялась, какъ-бы не забыть чего-нибудь, очень заботясь о томъ, чтобы все было такъ, „какъ дѣлается у людей“. Ея щеки раскраснѣлись, глаза горѣли и вообще она волновалась за себя и за обоихъ насъ.

Ольга Михайловна была тоже взволнована, но это было какое-то скрытое волненіе. Она почти ничего не говорила, не отходила отъ меня и была сосредоточенно серьезна. Компанія шумѣла и галдѣла, точно она была въ десять разъ больше.

Когда мы пріѣхали въ церковь, тамъ было уже десятка два бабъ, между которыми виднѣлись двѣ-три шляпки. Женщины имѣютъ пристрастіе къ чужимъ свадьбамъ; онѣ зашли просто потому, что увидѣли церковную дверь полу-открытой, а увидѣвъ среди церкви столикъ, не могли уже выйти. Всякая свадьба есть глава романа, завязка или развязка, смотря по обстоятельствамъ.

Почтенныя дамы были явно шокированы нашимъ видомъ. Невѣста явилась въ черной юбкѣ и темно-коричневой кофточкѣ, безъ фаты и безъ цвѣтовъ. Туалеты прочихъ дамъ вполнѣ соотвѣтствовали этому. Одна изъ дамъ нашей компаніи была въ очкахъ,—это ужь совсѣмъ было плохо. Костюмы мужчинъ болѣе соотвѣтствовали случаю. Всѣ были въ сюртукахъ, за исключеніемъ Вѣтвицкаго, который не захотѣлъ разстаться ни съ своей толстой палкой, ни съ своей сѣрой крылатой накидкой. Шафера запаслись даже бѣлыми перчатками, а отъ одного изъ нихъ, который вообще любилъ пофрантить, даже несло сиреневыми духами.

Старый батюшка вышелъ съ крестомъ въ рукахъ и, увидѣвъ насъ, остановился и какъ-бы подумалъ. Кажется, онъ мысленно спрашивалъ себя, можно-ли и вѣнчать-то насъ въ подобномъ видѣ. Но черезъ минуту онъ громко вздохнулъ и началъ служеніе. Съ перваго-же разу я замѣтилъ, что Ольга стояла блѣдная, какъ полотно. Стоя

Digitized by Google

рядомъ съ нею и касаясь ея плеча, я слышалъ, какъ сильно и порывисто стучало ея сердце. Потомъ я замѣтилъ, что глаза ея увлажились и мнѣ показалось, что ей стоитъ большого труда удержаться отъ рыданій. Я видѣлъ, что это просто происходило отъ волненія.

— Ольга, возьми себя въ руки!—шепнулъ я ей.

— Я страшно счастлива!—отвѣтила она мнѣ страстнымъ прерывистымъ шепотомъ, и въ глазахъ ея загорѣлось пламя.

Къ счастью, батюшка скоро окончилъ служеніе, я предложилъ ей руку и, почти шатающуюся, совершенно ослабѣвшую, вывелъ изъ церкви. Здѣсь, подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, она ободрилась и оживилась. Мы пригласили всѣхъ обѣдать въ ресторанъ городского сада, гдѣ утромъ мы пили шампанское. Туда поѣхала вся компанія.

Пока приготовляли столъ, мы ходили по узенькой аллеѣ садика, въ которомъ, впрочемъ, вмѣсто деревьевъ были одни только столы. Кремчатовъ и здѣсь продолжалъ свою роль распорядителя и руководилъ лакеями. Мы ходили попарно, но разговоръ былъ общій. Говорили о морскихъ купаньяхъ и температурѣ воды, что, разумѣется, не имѣло никакого отношенія къ событію. Я шелъ съ Ольгой, къ намъ подбѣжала Марья Николаевна и, взявъ Ольгу подъ руку, стремительно отвела насъ впередъ, такъ что мы отдѣлились отъ остальной компаніи.

— Послушайте, вы, кажется, имѣете вліяніе на Васю!—обратилась она ко мнѣ.

Она говорила тихимъ голосомъ, что, повидимому, стоило ей труда, и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Кажется, да! А что?

— Скажите ему, чтобъ не оттягивалъ...

— Что такое?

— Нашу свадьбу... Понимаете, онъ все откладываетъ... Все изучаетъ меня... Семь разъ, говоритъ, примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь... Это мнѣ ужасно надоѣло!.. Вы ему посовѣтуйте!.. Хорошо? Обѣщаете?

Digitized by Google

— Отлично, съ удовольствіемъ! Непремѣнно посовѣтую!..

— Ну, спасибо!

Она крѣпко пожала мнѣ руку, даже какъ-то потрясла ее и совершенно сконфуженная убѣжала куда-то.

— Очень ей хочется замужъ, бѣдненькой!—сказалъ я.

— Мнѣ тоже,—промолвила Ольга и громко расхохоталась.

— Только она, кажется, не очень умна...

— О, сегодня рѣшительно всѣ умны, добры и прекрасны!..

Очевидно, моя подруга была въ безконечно-оптимистическомъ настроеніи. Я очень былъ радъ этому. Я самъ, вѣроятно, подъ этимъ впечатлѣніемъ ощущалъ въ груди безмятежное спокойствіе, хотя у меня были причины тревожиться.

Теперь, когда я такъ близко сошелся съ Ольгой, я, право, не зналъ, люблю-ли я Наденьку. Когда я былъ съ нею, я чувствовалъ къ ней страстное влеченіе, но то-же самое чувство вызывала во мнѣ близость Ольги, только оно выражалось яснѣй, опредѣленнѣй и напряженнѣй, вѣроятно отъ того, что оно развилось внезапно, быстро и получило разрѣшеніе. Къ Ольгѣ я чувствовалъ глубокую симпатію, мнѣ хотѣлось постоянно доставлять ей удовольствіе, оказывать ей услуги, выслушивать ея жалобы и утѣшать ее, совершенно такъ, какъ и Наденьку.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Кремчатовъ ѣлъ мало и все время до шампанскаго имѣлъ сосредоточенный видъ. Это объяснилось очень просто. Онъ былъ большой любитель экспромптовъ и впродолженіи всего обѣда сочинялъ свой экспромптъ. Едва только передъ нашими глазами мелькнула золоченая головка пузатой бутылки, какъ мой другъ уже торжественно всталъ и, вытянувъ впередъ свою коротенькую руку, началъ экспромптъ, который оказался ужасно длиннымъ. Онъ началъ съ какой-то аналогіи, которую заимствовалъ изъ исторіи среднихъ вѣ

Digitized by Google

ковъ, но я не могу поручиться, что эту исторію онъ не сочинилъ тутъ-же на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ онъ кончилъ благополучно, возвысивъ голосъ и крикнувъ: „Да будетъ-же полна жизнь нашихъ друзей счастьемъ совершенно такъ, какъ полонъ этотъ бокалъ шампанскимъ виномъ!“

Разумѣется, всѣ крикнули „ура“ и началось чоканье. Когда усѣлись по мѣстамъ, поднялся Вѣтвицкій и свирѣпо объявилъ, что онъ не признаетъ этого тоста.

Мы крикнули „ура“ и пошли чокаться съ Вѣтвицкимъ. Всѣ хохотали до-упаду, а онъ вытиралъ потъ со своего лба. Торжество длилось еще часа два. Говорили рѣчи и тосты сначала по порядку, а потомъ всѣ разомъ. Я пилъ очень мало, а Ольга выпила одинъ бокалъ. Когда мы со всѣми распрощались, я отвелъ въ сторону Кремчатова и поблагодарилъ его за хлопоты.

— Когда-же ваша свадьба, Василій Васильевичъ?— спросилъ я его.

— О, на этотъ счетъ у меня особенные принципы, отвѣтилъ онъ:—я еще недостаточно изучилъ свою невѣсту и не открылъ еще ей всего себя. Понимаете-ли, совмѣстная жизнь возможна тогда, когда мы знаемъ другъ друга наизустъ!..

— Какъ заданный урокъ?

— Именно, какъ заданный урокъ!

Исполняя желаніе Марьи Николаевны, я посовѣтовалъ ему поскорѣе выучить свой урокъ.

— Я постараюсь,—смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Я началъ говорить еще тише:

— Послушайте! Вы конечно не сомнѣваетесь въ моей искренности. Вы понимаете, что изъ-за того только, что я выбралъ себѣ въ жены другую женщину, мнѣ не зачѣмъ рвать добрыя отношенія съ Турчаниновыми. Но Ольга этого, можетъ быть, не поймете, я предпочитаю объ этомъ не говорить ей. Надо щадить ея нервы, для того, чтобы продлить ея жизнь. Письма, которыя вы

Digitized by Google

получите для меня, передавайте лично мнѣ. Она не должна знать о нихъ!..

— Я это вполнѣ понимаю!—сочувственно сказалъ Кремчатовъ и многозначительно пожалъ мнѣ руку.

— Потомъ, если вы будете имѣть случай... конечно, не отъ моего имени—довести до свѣдѣнія Турчаниновыхъ... Вѣдь имъ не мѣшаетъ это знать...

Онъ еще разъ пожалъ мою руку. Мы сѣли въ экипажъ вдвоемъ съ Ольгой. Она крикнула всѣмъ: „merci господа!“ и извозчикъ повезъ насъ прямо на ея дачу.

X.

Было уже темно, когда мы пріѣхали на дачу. Я зажегъ спичку и увидѣлъ въ первой комнатѣ тетушку, сидѣвшую въ креслѣ и спавшую безмятежнымъ сномъ.

— Бѣдная, она голодна!—сказала Ольга.

Тетушка продолжала спать. Мы зажгли лампу и свѣчу въ другой комнатѣ. Ольга пошла въ кухню и, такъ какъ кухарки не оказалось дома (въ двухъ верстахъ стоялъ лагерь), то она распалила деревянный уголь для того, чтобы разогрѣть молочную кашу для тетушки.

— Тетушка, а тетушка! проснитесь!—будила она ее.

Тетушка съ трудомъ подняла тяжелыя морщинистыя вѣки.

— Вы проснулись?

— А что тебѣ, милая?

— Тетушка! Я сегодня вышла замужъ!!.

— Что, что, что?

—Вышла замужъ! Обвѣнчалась!—громко надъ самымъ ухомъ тетушки трубила Ольга.

— Что ты?—Не вѣрю!

— Клянусь вамъ, тетушка! Вотъ смотрите: вы видите—вотъ мужчина? Это Андрей Николаевичъ!

Старуха, видимо, напрягала всѣ силы своего зрѣнія.

— Какъ будто вижу!

— Смотрите-же, я его цѣлую... Это—мой мужъ!

Digitized by Google

И Ольга прижалась ко мнѣ и звонко поцѣловала меня въ губы. Тетушка нетерпѣливо заерзала въ креслѣ. Она улыбнулась какой-то плачевной улыбкой и тихо, почти беззвучно засмѣялась.

— Правда?!—не то спросила, не то изумилась она и поманила меня къ себѣ рукой.

Я подошелъ и наклонился. Она схватила обѣими руками мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Спасибо тебѣ!.. Она вѣдь золотая!..

Эта новость до того взволновала тетушку, что она весь вечеръ не погружалась въ дремоту, съ жадностью ѣла свою кашку и пила съ нами чай, и приэтомъ все просила, чтобы я поилъ ее. Иногда она разрѣшалась какой-нибудь фразой, выражавшей обрывокъ ея мыслей.

— Я думала, она ужь не выйдетъ!..—говорила она. Потомъ послѣ долгаго молчанія прибавляла: — всякому жить хочется!..

Послѣ чаю ее уложили въ постель. Она спала во второй комнатѣ, изъ которой не было отдѣльнаго выхода.

Было часовъ одинадцать, когда мы вышли въ садъ. Ночь была лунная; тонкія вѣтви ивъ важно покачивались изъ стороны въ сторону, колеблемыя тихимъ вѣтромъ. Въ дачкахъ, которыхъ въ саду было множество, уже спали. Гдѣ-то раздавался отрывистый свистокъ. Это послѣдній поѣздъ подходилъ къ городу. Вдали серебрилось безконечное море и слышался спокойный шумъ вѣчно плещущихся о берегъ волнъ. Воздухъ былъ пропитанъ острымъ ароматомъ какой-то пахучей травы. Мы шли медленно, молча, не чувствуя потребности говорить. О чемъ думала Ольга, я не знаю, что-же до меня, то я былъ во власти этой очаровательной ночи. Я чувствовалъ, что рядомъ со мной идетъ и опирается на мою руку женщина, которая вся живетъ одной любовью ко мнѣ, и такъ какъ эта женщина была молода и красива, то я наслаждался. „Что такое счастье?“ — думалъ я. — „Я человѣкъ положительный и конечно не обманывалъ себя, когда думалъ,

Digitized by Google

что люблю Надю. Да, я люблю ее и знаю, почему люблю. И тѣмъ не менѣе я поразительно счастливъ, идя рука объ руку съ этой женщиной и чувствуя трепетное біеніе ея сердца". И мнѣ казалось, что любовь—это выдумка. Ее всегда можно создать при благопріятной обстановкѣ.

— Нѣтъ, я не умру, я не умру! — тихо сказала Ольга и сжала мою руку.

Потомъ она заговорила съ какимъ-то здоровымъ и веселымъ задоромъ: она вовсе не больна. Это ей казалось. Грудь ея болѣла оттого, что тамъ слишкомъ много было любви, которая давила ее своей массой. И вотъ она теперь чувствуетъ, какъ отдаетъ мнѣ накопившуюся годами любовь, и грудь ея начинаетъ дышать привольно, легкія расправляются, сердце получаетъ свободу биться полнымъ темпомъ. Какъ оно стучитъ теперь, послушай! Во всемъ организмѣ она ощущаетъ могучій приливъ энергіи, бодрости, здоровья. Нѣтъ, она не умретъ, она проживетъ долго.

Эту ночь мы не спали. Утомленный хлопотливымъ днемъ, полнымъ впечатлѣній, я чувствовалъ потребность отдыха. Но Ольга не позволяла мнѣ и думать о снѣ.

— Какъ можно заснуть, когда въ груди такъ много счастья? Мнѣ жаль этихъ часовъ, когда я буду спать и не буду сознавать этого счастья. Мнѣ кажется, что я уже больше никогда не буду спать. Не правда-ли, ты чувствуешь то-же самое?

Я подтвердилъ. Я этого не чувствовалъ, но я зналъ, что это обидѣло-бы ее. Я предоставилъ ей полную свободу „сознавать свое счастье". Она ласкала меня, смотрѣла мнѣ въ глаза, сравнивала мои глаза съ моремъ, съ небомъ, съ лѣсомъ, со всѣмъ, что она знала прекраснаго. Она волновала меня и я испытывалъ наслажденіе.

— Мы будемъ смотрѣть зарю и восходъ солнца. Знаешь, мнѣ теперь все кажется новымъ, точно я ничего этого не видѣла. Весь міръ является мнѣ въ новомъ освѣщеніи!

Digitized by Google

Когда взошло солнце, мы пошли спать. Это было нарушеніе моихъ привычекъ. Тысячу разъ я начиналъ чувствовать утомленіе, но Ольга обдавала меня огнемъ своей страсти, и я сгоралъ вмѣстѣ съ нею.

Мы проснулись, когда пробило три часа по-полудни. Тетушка была въ полной увѣренности, что мы и сегодня ѣздили въ городъ и терпѣливо голодала. Ольга не хотѣла вставать. Она выпрямилась, лежа ни спинѣ, натянула одѣяло до подбородка, и прищуривъ глаза, глядѣла на меня, нѣжилась и хохотала, какъ-бы удивляясь тому, что все это такъ, что я, мужъ ея, сижу у ея головы, любуясь ея шелковистыми черными волосами, раскиданными по бѣлому фону подушки и поглаживаю ея лобъ. Я убѣждалъ ее вставать, она смѣялась и объявила, что не тронется съ мѣста и не ударитъ пальцемъ о палецъ, хотя-бы ей пришлось пролежать до завтра. Это значило, что я долженъ былъ одѣть ее, и я исполнилъ это до мельчайшихъ подробностей. Она была въ восторгѣ.

— Знаешь, это удивительно, какъ все мѣняется, и до какой степени изъ каждой ничтожной вещи, на которую мы не обращали вниманія, можно извлекать наслажденіе. Я всегда одѣвалась машинально, да и всѣ такъ одѣваются. Теперь вотъ ты одѣваешь мнѣ чулокъ и это цѣлая маленькая поэма! Наслажденіе въ одѣваніи чулка! Знаешь, я этого даже не ожидала...

Ея восторгу и удивленію не было конца. Пока мы одѣвались, пили чай, наступили сумерки; вечеръ мы провели на террасѣ, ночь, разумѣется, опять не спали, ходили къ самому морю, сидѣли на пескѣ; всюду мы находили достаточно поводовъ прійти въ восторгъ, умилиться—и въ саду, и въ морѣ, и на небѣ, и на землѣ. Мы не дождались зари. Вдругъ сорвавшійся порывистый вѣтеръ загналъ насъ въ комнату. И въ этомъ отыскалась особенная прелесть—прятаться вдвоемъ отъ бури,—запершись въ маленькой комнаткѣ, плотно заперевъ ставни и окна, прислушиваясь къ свисту вѣтра и при-

Digitized by Google

жимаясь другъ къ другу. На другой день мы встали раньше—часовъ въ двѣнадцать; Ольга никакъ не могла опредѣлить, какой это былъ день; она потеряла счетъ днямъ. Да и мнѣ не сразу удалось припомнить, что это пятница.

Двое сутокъ прожили мы, не справляясь о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Когда я одѣлъ Ольгу и взялся за ключъ, чтобы отпереть дверь на террасу, я подумалъ, что счастье удивительно эгоистично и, припоминая все, что́ произошло у насъ въ эти два дня, не могъ припомнить рѣшительно ничего такого, что свидѣтельствовало-бы о томъ, что мы—разумныя существа.

— Ого! Это недурно!—раздалось на террасѣ, когда я распахнулъ дверь.

Это былъ Кремчатовъ и, къ моему удивленію, съ нимъ явился и Вѣтвицкій. Они объяснили, что сидятъ здѣсь съ десяти часовъ, успѣли сходить къ морю и выкупаться. Появленіе Кремчатова сразу повернуло меня къ прошлому. Я зналъ, что онъ ужь успѣлъ побывать *тамъ*. И передо мной вдругъ во всю величину вырисовалась громадность шага, который я сдѣлалъ съ такой бѣшеной рѣшимостью. А что, если я невѣрно разсчиталъ? Мнѣ казалось, что я хорошо изучилъ Надю. Я былъ совершенно увѣренъ, что знаю ее, знаю, какъ она должна поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Въ глубинѣ души у нея живетъ страстное желаніе обладать богатствомъ, она сама не знаетъ объ этомъ. Принципы, которые она усвоила, подавляютъ это желаніе, мѣшаютъ ему принять ясныя очертанія и занять первенствующую роль. Необходимъ сильный эффектъ, необходимо взбѣсить ее, вывести изъ себя, страшно поссорить съ прошлымъ. Это послужитъ для нея извиненіемъ въ ея собственныхъ глазахъ; ей будетъ казаться, что она мститъ за оскорбленное самолюбіе, и такимъ образомъ суровый принципъ будетъ обойденъ, обманутъ. Таковъ былъ мой разсчетъ. Но если тутъ есть хоть малѣйшая ошибка, которой я не замѣтилъ, все могло разлетѣться прахомъ.

Digitized by Google

Я предупредилъ Ольгу о приходѣ гостей, она привела комнату въ порядокъ. Вѣтвицкій вошелъ къ ней, а я остался съ Кремчатовымъ.

— Есть для васъ два слова!—таинственно сказалъ мнѣ Кремчатовъ и указалъ по направленію къ саду. Мы отошли шаговъ на двадцать.

— Я былъ тамъ сегодня. Но оказывается, что вы уже сами сообщили имъ. Да? Старуха такъ мнѣ сказала. Говоритъ: мы знаемъ, Андрей Николаевичъ извѣстилъ насъ. Передайте, говоритъ, сожалѣніе, что не можемъ ихъ лично поздравить, потому что Наденька нездорова... И вотъ это письмо!..

Какова моя Анна Гавриловна? Могъ-ли я думать, что у нея отыщется столько предусмотрительности? Но я не могъ понять, кто успѣлъ такъ скоро сообщить имъ. У меня явилось подозрѣніе, что это Вѣтвицкій, который, конечно, былъ увѣренъ, что дѣлаетъ этимъ мнѣ величайшее зло. Нади Кремчатовъ не видѣлъ. Она просто не вышла къ нему.

Признаюсь, я съ страшнымъ волненіемъ взялъ въ руки письмо. И въ это самое время сквозь вѣтви деревьевъ послышались голоса Ольги и Вѣтвицкаго. Очевидно, они вышли на террасу. Я положилъ письмо въ карманъ и, взявъ Кремчатова подъ руку, направился къ дачѣ. Вѣтвицкій не могъ простить Ольгѣ, что она опустилась до увлеченія личнымъ счастьемъ.

— Еще мѣсяцъ тому назадъ вы говорили, что мы обязаны жить для ближняго!..—упрекалъ онъ мою жену.

— Ахъ, я почти десять сознательныхъ лѣтъ живу для ближняго, и ничего не сдѣлала для него. Теперь я стану жить для себя, можетъ быть—и ему что-нибудь перепадетъ!—отвѣтила Ольга.

— Браво, браво! отлично сказано—кричалъ и апплодировалъ Кремчатовъ. Ему очень понравился отвѣтъ Ольги. Я боялся, что этотъ разговоръ, который я находилъ скучнымъ, затянется надолго. Между тѣмъ, въ карманѣ у меня лежалъ отвѣтъ на мои сомнѣнія; мнѣ

Digitized by Google

хотѣлось поскорѣе уловить минуту, чтобы прочитать письмо.

— Послушайте, Вѣтвицкій, мѣсяца три тому назадъ вы мнѣ намекали, что влюблены въ меня. Если-бы я вамъ сочувствовала, вы отказались-бы отъ меня?

Вѣтвицкій не ожидалъ такого прямого вопроса и ограничился отвѣтомъ:

— Я, это другое дѣло, я, совсѣмъ особъ статья!..

— Нѣтъ, вы скажите прямо: отказались-бы?—приставала Ольга.

— Признаюсь, не отказался-бы!—сказалъ Вѣтвицкій, и его красивые глаза загорѣлись блескомъ.

— Но это было-бы ради ближняго?—продолжала Ольга.

Она сегодня была безпощадна. Кремчатовъ опять привѣтствовалъ ее аплодисментами. Я замѣтилъ въ лицѣ Вѣтвицкаго недоброе выраженіе. Этотъ человѣкъ былъ столько-же обидчивъ, сколько навязчивъ. Малѣйшее замѣчаніе на его счетъ бѣсило его, вѣроятно потому, что онъ былъ не настолько уменъ, чтобы отпарировать его сразу.

— Можетъ быть, ты, Ольга, останешься съ гостями? Мнѣ надо навѣдаться въ университетъ, узнать когда будутъ готовы дипломы,—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я съ тобой!—поспѣшно отвѣтила Ольга.—Гости извинятъ!

Мнѣ это не понравилось. Я всегда былъ человѣкомъ общественнымъ, но люблю въ то-же время иногда оставаться одинъ. Мнѣ кажется, что для всякаго необходимо нѣсколько часовъ въ день одиночества. Я, по крайней мѣрѣ, могу серьезно мыслить только когда одинъ. Вотъ уже около трехъ дней я былъ лишенъ одиночества и моя прежняя увѣренность начала подтачиваться сомнѣніями. Кромѣ того, мнѣ необходимо было прочитать письмо, чего я не рѣшался сдѣлать при Ольгѣ.

— Но видишь-ли мой другъ, мнѣ придется пробыть тамъ около часу. Ты будешь ждать на улицѣ...

— Ну что-жь, подожду!.. Эка важность!

Digitized by Google

Пришлось согласиться. Мы поѣхали всѣ. Въ городѣ мы разстались съ Кремчатовымъ,—онъ спѣшилъ къ Марьѣ Николаевнѣ. Вѣтвицкій остался съ Ольгой на улицѣ продолжать свой споръ.

Едва я вступилъ въ широкій вестибюль университета, гдѣ бродили въ ожиданіи десятка три студентовъ, какъ почувствовалъ на душѣ необыкновенную легкость. Освобожденный отъ сладостнаго контроля любящихъ взоровъ, я поспѣшилъ воспользоваться свободой и распечаталъ письмо. Ко мнѣ подходили товарищи, здоровались, разговаривали со мной, но это мнѣ не мѣшало читать, потому что никому не было дѣла до того, что мнѣ пишутъ и откуда. Кто-то поздравилъ меня съ женитьбой и выразилъ изумленіе по поводу того, что я женился на Олениной, тогда какъ моей невѣстой всѣ считали Турчанинову, но я зналъ, что по этому поводу еще сто разъ услышу выраженія изумленія. Анна Гавриловна писала:

„Скажу тебѣ, Андрей Николаичъ, что я уже совсѣмъ потерялась. Характеръ у Наденьки дьявольскій. Ужь чего я не говорила ей? Говорила, что ты нашелъ себѣ богатую невѣсту и значитъ—ты подлецъ—не вѣритъ; говоритъ—этого не можетъ быть, я его знаю и знаю, куда онъ клонитъ. Ходитъ блѣдная и ничего не ѣстъ. Масловитаго уже четвертый день видѣть не хочетъ. Знаешь что, Андрей Николаичъ, брось ты это, не бывать этому! пріѣзжай“!

Тутъ стояла подпись Анны Гавриловны, которая была зачеркнута. Потомъ начиналось съ новой строчки.

„Господи, что ты надѣлалъ!? Зашелъ къ намъ Вѣтвицкій и говоритъ: а знаете, вашъ Андрей Николаичъ вчера обвѣнчался съ Олениной! Не вѣрите, такъ—я самъ былъ на свадьбѣ!.. И говоритъ съ такимъ злорадствомъ. Я, какъ стояла, да такъ чуть не повалилась. Рѣшительный ты человѣкъ, Андрей Николаичъ! Этого Вѣтвицкаго я сейчасъ спровадила, а къ Надькѣ боюсь на глаза показаться. Какъ я ей скажу? Однако-же

Digitized by Google

вечеромъ подошла къ ней и говорю: Надюша, говорю,— вотъ я тебѣ говорила, что онъ—подлецъ, такъ оно и оказалось. Андрей-то Николаичъ вчера обвѣнчался... Она такъ и вздрогнула.—Обвѣнчался, говорю, съ Олениной... Она, словно ожидала этого, даже не вскрикнула, только спросила: съ Олениной? и больше ничего. А сама — словно ее лихорадка бьетъ, вся дрожитъ, на щекахъ красныя пятна появились, глаза, какъ у звѣря, и по комнатѣ бѣгаетъ. Такъ цѣлый вечеръ ни слова и не сказала. А на слѣдующій день встала — веселая такая, цѣлый день смѣялась, а о томъ ни слова. Масловитый былъ, такъ даже мнѣ неловко сдѣлалось. Вышла къ нему и говоритъ: ну, вы, говоритъ, еще больше потолстѣли!.. Онъ сконфузился, а она цѣлый вечеръ издѣвалась насчетъ его толстоты; онъ, бѣдный, только потѣлъ да краснѣлъ. А когда уходилъ, я его проводила и онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: презираетъ меня Надежда Алексѣевна! А я вотъ какъ люблю ее!.. и слезы у него навернулись. Ужь теперь и совсѣмъ не знаю, что будетъ. Господи, Господи"!

Не зналъ и я, что будетъ. Главное, чего я боялся, это чтобы Масловитый не пришелъ въ отчаяніе. Тогда, пожалуй, онъ махнетъ рукой. Нѣтъ, я рѣшительно колебался и терялъ почву подъ ногами.

Швейцаръ подалъ мнѣ письмо; я взглянулъ на штемпель: „Кіевъ" и рука Виктора. Воображаю, сколько здѣсь гнѣва и добродѣтельныхъ упрековъ. Я хотѣлъ, было, заразъ ужь прочитать и это письмо, но мнѣ сдѣлалось неловко. Эта необходимость отъ кого-то скрываться тяготила меня. Я рѣшилъ раскрыть письмо при Ольгѣ и этимъ самымъ ввести хорошій принципъ невмѣшательства. Я знаю, что она очень ревнива. Сначала ее это покоробитъ, но потомъ, благодаря повторенію, она свыкнется.

Когда я вышелъ на улицу, Вѣтвицкій прощался. Повидимому, онъ хотѣлъ избѣжать прощанья со мной, чѣмъ, безъ сомнѣнія, желалъ выразить презрѣніе къ моей

Digitized by Google

особѣ. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю этого и онъ ушелъ передъ самымъ моимъ носомъ.

— Мы обѣдаемъ въ ресторанѣ?—сказала Ольга.

Я собрался отвѣчать ей, но въ это время мое вниманіе привлекла проѣхавшая мимо карета, запряженная парой замѣчательно красивыхъ рысаковъ. Сидящаго въ ней нельзя было разглядѣть. Но я зналъ, кому принадлежали эти рысаки, и мгновенно у меня въ головѣ родилась мысль.

— Да, да, разумѣется—въ ресторанѣ. Ты иди туда, въ садъ, знаешь, гдѣ мы обѣдали, а я черезъ четверть часа буду.

— Андрей, это ужасно!..

— Ольга, дружокъ, я былъ-бы очень счастливъ, если-бъ у меня не было дѣлъ... Надо подумать о будущемъ... Завтра я записываюсь въ адвокаты... Ну, потерпи четверть часа... Мнѣ самому безъ тебя грустно!

— Правда?

— Разумѣется, правда! При этомъ я улыбнулся, должно быть, очень искренно и любовно, потому что Ольга дружески пожала мнѣ руку и сказала:—мнѣ хочется, чтобъ ты поцѣловалъ меня.

— Ну, до свиданья! Черезъ четверть часа!—сказалъ я и поцѣловалъ ее въ губы. Это смутило ее, потому что было на улицѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ показалось ей очаровательнымъ.

— Иди-же, да поскорѣй! — сказала она, любовно глядя мнѣ въ слѣдъ.

XI.

Я быстро направился на Круговую улицу, взялъ извозчика и поѣхалъ къ дому Масловитаго. Швейцаръ встрѣтилъ меня довольно недружелюбно.

— Никого не принимаютъ. Заѣхали на полъ-часа. Не совсѣмъ здоровы и очень разстроены!—сказалъ онъ.

Я настаивалъ, — говорилъ, что у меня дѣло, не

Digitized by Google

терпящее отлагательствъ. Это заявленіе сдѣлало слугу еще болѣе грубымъ. Такъ именно говорили всѣ, приходившіе къ Масловитому просить пособія, а такихъ охотниковъ на крупицу отъ его милліоновъ было очень много и ихъ дѣла всегда не терпѣли отлагательства. Швейцаръ принялъ меня за одного изъ нихъ. Тогда и я со своей стороны принялъ экстренныя мѣры. Я обругалъ его болваномъ и мерзавцемъ, вынулъ свою карточку и—сказалъ повелительнымъ тономъ, чтобъ ее сію-же минуту доложили хозяину. Это хорошо подѣйствовало. Черезъ минуту меня вѣжливо, и съ видомъ извиненія провели наверхъ, по широкой мраморной лѣстницѣ, застланной великолѣпнымъ малиновымъ ковромъ. Я прошелъ рядъ огромныхъ комнатъ, такъ-же какъ и на дачѣ безъ толку уставленныхъ кучей дорогой рѣдкостной мебели, всякихъ бездѣлокъ и въ особенности часовъ, и вошелъ въ кабинетъ. Этотъ кабинетъ до мелочей былъ похожъ на тотъ, въ которомъ принималъ меня Масловитый на дачѣ. Тотъ-же тяжелый письменный столъ, тотъ-же низенькій книжный шкафъ и клеенчатая кушетка. Видно было, что хозяинъ обладалъ скудной фантазіей и очень дорожилъ своими небогатыми идеями. Масловитый встрѣтилъ меня вздохомъ.

— Я вамъ очень, очень радъ!.. Ахъ, Андрей Николаевичъ, я очень несчасливъ!

Эта послѣдняя фраза въ моихъ ушахъ прозвучала какой-то дикой насмѣшкой. Человѣкъ, обладающій милліонами, пятьдесятъ лѣтъ вкушавшій утонченнѣйшее наслажденіе во всевозможныхъ видахъ, нашелъ, наконецъ, возможность сказать: „я очень несчастливъ“, по поводу того, что ему не удалось обнять одну изъ самыхъ обыкновенныхъ дѣвушекъ, ровно ничѣмъ не выдающуюся. Сколько разъ онъ заключалъ въ свои объятія женщинъ во сто разъ красивѣе Нади! Я не допускалъ, чтобы онъ цѣнилъ въ ней умъ или добродѣтель. Развѣ цѣломудріе и то лишь съ точки зрѣнія заманчивости его,

Digitized by Google

какъ вещи, которую, какъ принято думать, нельзя купить за деньги.

Масловитый сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ. Онъ, разумѣется, не похудѣлъ и не поблѣднѣлъ, это было почти невозможно. Но лицо его сдѣлалось какимъ-то измятымъ и осунулось; отъ этого оно, конечно, ничего не выиграло. Онъ усадилъ меня въ кресло, а самъ ходилъ по комнатѣ въ нервномъ возбужденіи.

— Вы сами виноваты!—сказалъ я.

— Чѣмъ-же? чѣмъ? Объясните! Научите! Вы, несмотря на свою молодость, такъ хорошо знаете человѣческое сердце!

— Да, да, вы виноваты! Будемте говорить прямо. Увлечься вами Надежда Алексѣевна не можетъ. Ни наружность, ни лѣта ваши, конечно, не соотвѣтствуютъ ея идеалу. Разумѣется, у васъ есть большая сила—это богатство. Надежда Алексѣевна—человѣкъ, и ей свойственны человѣческія слабости. Ничего нѣтъ дурного въ томъ, что ей хочется пожить хорошо и привольно, какъ можно только жить съ милліономъ въ рукахъ. Но ни одна порядочная женщина не сознается себѣ въ этомъ. Ей все-таки нужно чѣмъ-нибудь отвести глаза, нужно за что-нибудь зацѣпиться. Ну, скажите, что вы ей посулили положительнаго? Я васъ люблю и отдаю вамъ мои богатства? Ха-ха! Первое, я васъ люблю, ее, конечно, соблазнить не можетъ, а второе—богатство, это, именно, и есть то, что нужно замазать... Посулите ей какое-нибудь грандіозное дѣло, которое облагодѣтельствуетъ человѣчество... Что-нибудь этакое идейное, хотя-бы и совсѣмъ невыполнимое. Все равно изъ этого ничего не выйдетъ. Но нужно, чтобы вы дали пищу ея благороднымъ стремленіямъ; она сейчасъ-же ухватится за это и скажетъ себѣ: я дѣлаю это ради великаго дѣла. Счастье человѣчества стоитъ моей жизни! Ха-ха-ха-ха! Развѣ вы не знаете, сколько дѣлишекъ обдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, подъ знаменемъ,

Digitized by Google

на которомъ было написано: „счастье человѣчества“?.. Притомъ это нехорошо, что вы передъ нею пасуете. Вы должны импонировать на нее твердостью, увѣренностью въ своей силѣ и даже нѣкоторой небрежностью...

Онъ остановился передо мной съ выраженіемъ почтительнаго изумленія.

— Скажите, Андрей Николаичъ, сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать шесть!

— Изумительно! Можно-ли, глядя на насъ двоихъ, догадаться, что вы — мой гувернеръ? Вы разсуждаете такъ, какъ будто прожили три жизни!..

— Это вамъ кажется потому, что вы не прожили ни одной. Вы теперь только дѣлаете первый шагъ и видите, какъ это трудно. По моему, живетъ только тотъ, кто на каждый свой шагъ проливаетъ каплю крови. Я съ десяти лѣтъ долженъ былъ думать о себѣ и о своемъ будущемъ. Жизнь по-неволѣ сдѣлала ме философомъ.

— Знаете что? — сказалъ нерѣшительно Иванъ Евсеичъ:—конечно, я не имѣю никакого права предлагать это... Но если-бъ вы на время уѣхали куда-нибудь... Ну, заграницу, напримѣръ... Вѣдь, за средствами остановки нѣтъ. Моя касса къ вашимъ услугамъ... Мнѣ кажется, что ваше присутствіе смущаетъ ее.

Я разсмѣялся.

— Вѣдь вотъ вы думали, что нашли самое радикальное средство, дальше котораго и идти нельзя. А между тѣмъ я давно уже ушелъ дальше этого... Вы и не подозрѣваете...

— Нѣтъ, не подозрѣваю!

— Ну, вотъ видите, я женился!

На лицѣ Масловитаго выразился испугъ.

— Что вы? что вы?

— Что-же васъ тутъ удивляетъ?

— Да все, все... Какъ-же такъ? Какая-нибудь недѣля! Да что вы, право! Вы шутите!

Digitized by Google

Я самымъ убѣдительнымъ тономъ заявилъ, что не шучу.

— Но это уже черезчуръ!

Онъ даже сѣлъ отъ изумленія и смотрѣлъ на меня дѣтски недоумѣвающими глазами, какъ человѣкъ, совершенно сбитый съ толку.

— Я не шучу, Иванъ Евсеичъ!—еще разъ подтвердилъ я.

— Но какъ-же это? Эта женщина... если она молода...

— Моя жена молода, она почти красавица и любитъ меня безумно!

— Но вы, вы!

— Увѣряю васъ, что съ нею я не чувствую ничего, кромѣ наслажденія... Но это другой вопросъ. Важно, что я женился и слѣдовательно сжегъ корабли. Надежда Алексѣевна это знаетъ.

— Она знаетъ?

— Знаетъ, и вамъ остается только дѣйствовать. Вы видите, Иванъ Евсеичъ, что я ни передъ чѣмъ не останавливаюсь. Дайте-же мнѣ слово, что и вы не бросите дѣла на половинѣ, не придете въ отчаянье, не махнете рукой.

— Даю, даю!.. Дѣйствительно вы принесли уже всего себя въ жертву. Вы поразительно благородный человѣкъ! Гмъ... Жениться, когда любишь другую! Связать себя на всю жизнь... Характерецъ-же у васъ!..

Я предоставилъ ему удивляться моему характеру и ушелъ, сообщивъ все-таки, что мой адресъ въ университетъ. Я поспѣшилъ въ ресторанъ. Письмо отъ Виктора лежало у меня въ карманѣ, но такъ какъ я зналъ, что чтеніе его доставитъ Ольгѣ маленькую непріятность, то оставилъ это на послѣ-обѣда, не желая ей портить аппетитъ. Ольга заказала обѣдъ и скучала, но, обрадовавшись моему приходу, забыла объ этомъ.

— Это третій счастливый обѣдъ въ моей жизни!— весело сказала она.

Digitized by Google

Всѣ эти дни она рѣшительно ни о чемъ не думала и не говорила, какъ только о своемъ счастьѣ. Ей казалось, что и я долженъ былъ точно также думать и чувствовать. Она напоминала ребенка, котораго забросали новыми, еще невиданными имъ игрушками; онъ думаетъ, что весь міръ въ восторгѣ отъ его игрушекъ такъ-же точно, какъ и онъ самъ.

— Извини пожалуйста!—сказалъ я, я отниму у тебя двѣ минуты!

Я вынулъ письмо и распечаталъ. Ольга не сказала ни слова, но взглянувъ на нее искоса, я замѣтилъ, что ее чуть-чуть передернуло. Губки ея сжались и около глазъ появились складочки. Безъ сомнѣнія, она хотѣла-бы, чтобы у меня не было никакихъ дѣлъ и никакихъ сношеній съ людьми. Безъ сомнѣнія, въ глубинѣ души она чувствовала уколъ самолюбію, когда, рядомъ съ заботой о ней, я заботился еще о чемъ-то другомъ, интересовался другими людьми. Любовь вообще не практична. Тѣмъ не менѣе я со спокойнымъ видомъ читалъ письмо. Оно было не длинно, но энергично:

„Отказываюсь вѣрить тому, что сообщила мнѣ сестра. Удивляюсь и не понимаю, какъ въ твоей здоровой головѣ, всегда отличавшейся здравомысліемъ, могла родиться такая дикая мысль! Помилуй Богъ! Моя сестра, отдающая свое тѣло за милліоны, да что-же это такое? Не нужно-ли сойти съ ума прежде, чѣмъ посовѣтовать такую вещь? Что общаго между нею и этимъ господиномъ? Она готовилась къ скромной трудовой карьерѣ, а онъ—жуиръ, не знающій, что такое трудъ; она—полная силъ, едва только знакомящаяся съ жизнью, а онъ—растратившій всѣ силы и приносящій ей одну одышку; она—почти красавица, онъ—почти уродъ. Отдать себя такому человѣку, не все-ли это равно, что пойти на содержаніе къ милліонеру? Нѣтъ, Андрей, эта гнусная мысль пришла тебѣ въ голову, благодаря какой-то чудовищной ошибкѣ. Никогда этого не будетъ, чтобы моя сестра сразу забыла то, къ чему горячо стремилась—честный труженическій удѣлъ,

Digitized by Google

скромное служеніе ближнему. Поспѣши образумиться, Андрей, иначе мы болѣе никогда не пожмемъ другъ другу руки. За сестру я увѣренъ. Она неспособна сдѣлать подобную подлость. Но если-бы, чего я никогда не могу допустить, она это сдѣлала, то, конечно, я перестaлъ-бы считать себя ея братомъ. Повторяю: ради нашей давнишней дружбы—приди въ разумъ. Твой Викторъ".

Я внутренно хохоталъ, читая это дружеское посланіе. Во-первыхъ—оно запоздало, потому что я обѣдалъ съ моей женой и мнѣ ужь никоимъ образомъ нельзя было прійти въ разумъ, а во-вторыхъ, въ немъ не было ничего, кромѣ трескучихъ фразъ, которыхъ я самъ могъ написать въ десять разъ больше. Ни одного разумнаго довода; удивительно, какъ бѣденъ мозгъ моего друга Виктора. Я протянулъ стаканъ съ виномъ по направленію къ стакану Ольги и сказалъ:

— Выпьемъ, милый другъ!

Ольга взяла стаканъ, мы чокнулись, но она была неспокойна и глядѣла въ сторону. Въ ея большихъ глазахъ свѣтилась та самая грусть, которая прежде не сходила съ ея лица. Мнѣ сдѣлалось больно. Зачѣмъ омрачать ея счастливые дни?

— Ольга! а вѣдь это большой порокъ—ревность!—сказалъ я, пододвинувши свой стулъ поближе къ ней.

— Знаю!—сказала она и разсмѣялась сквозь слезы.

— Хочешь, я сейчасъ излечу тебя?—Вотъ возьми и прочитай!

Я положилъ передъ нею письмо, она взяла его, бережно свернула и положила мнѣ въ карманъ; она какъ-то сразу оживилась и начала смѣяться надъ собой. Я зналъ, что она не станетъ читать, между тѣмъ этотъ пріемъ сразу поддержалъ въ ней увѣренность во мнѣ. Грусть уже прошла и она называла глупостью свой недавній порывъ.

— Все равно, я никому тебя не отдамъ, мой милый!—страстно шептала она, прижимаясь ко мнѣ, когда мы ѣхали домой въ коляскѣ.

Digitized by Google

XII.

— Знаешь, Ольга, намъ надо нѣсколько иначе устроиться! Посчитаемъ-ка наши средства!

Дѣйствительно, это было необходимо. Мои средства были невелики, я получалъ около ста рублей въ мѣсяцъ процентовъ на капиталъ, положенный въ банкъ еще моимъ дѣдомъ. Дѣдъ мой былъ незначительный землевладѣлецъ одной изъ южныхъ губерній. Когда онъ женился и у него родился первый сынъ, ему пришла въ голову хорошая мысль. Онъ положилъ въ банкъ ничтожную сумму съ тѣмъ, чтобы она досталась первому его внуку отъ перваго сына. Этимъ внукомъ былъ я. Отецъ мнѣ не оставилъ ничего. Съ десяти лѣтъ я, очутившись на рукахъ у моей двоюродной тетки, жившей скудной пенсіей, долженъ былъ познакомиться съ нуждой, и въ двѣнадцать лѣтъ я уже давалъ урокъ за три рубля въ мѣсяцъ. Такая жизнь тянулась до двадцати одного года, когда я получилъ свою ренту въ качествѣ перваго внука отъ перваго сына моего дѣда. Я благословлялъ остроуміе моего дѣла, потому что къ этому времени мой капиталъ возросъ до двадцати тысячъ. У Ольги было тоже около этой суммы. Земелька ея находилась въ рукахъ арендатора, который дѣлалъ съ нею, что хотѣлъ, и давалъ Ольгѣ, сколько ему вздумается. У нея былъ братъ, жившій въ деревнѣ; объ этомъ человѣкѣ я имѣлъ самое смутное понятіе. Ольга говорила о немъ съ благоговѣніемъ, но я никакъ не могъ ясно представить себѣ, что это за человѣкъ. Я зналъ только, что онъ роздалъ крестьянамъ свою землю и самъ собственноручно обрабатывалъ небольшой кусокъ земли.

— Ты познакомишься съ нимъ, ты самъ увидишь говорила она.

Онъ пріѣзжалъ въ городъ осенью, послѣ уборки хлѣба, и заѣзжалъ къ ней. Я долженъ былъ дожидаться осени, чтобы увидѣть этого страннаго человѣка.

Въ сложности — наши средства давали сумму, на

Digitized by Google

которую можно было очень мило устроиться. Я не привыкъ къ комфорту, но та обстановка, которая была у насъ на дачѣ, возмущала меня. Въ двухъ комнатахъ было всего двѣ кровати, два стола и нѣсколько стульевъ. Какія-то корзины исправляли роль комода. Все это было грубое, базарное. Ольга жила въ мірѣ своихъ неудавшихся мечтаній и ничего этого не замѣчала. Но когда человѣкъ дѣлается счастливымъ, у него является потребность комфорта.

— Да, это ужасно! — согласилась она. — Надо устроиться!...

Двухъ комнатъ намъ было совсѣмъ мало. Я не могъ обходиться безъ кабинета. Кромѣ того, нужна была пріемная, такъ какъ у меня будутъ кліенты. Нужна была спальня, столовая и отдѣльная комната для тетки. Рѣшено было взять квартиру въ пять комнатъ и купить кое-какую мебель. Мы съ Ольгой посвятили два дня наисканіе квартиры. Она была очень разборчива, чего я отъ нея не ожидалъ. Никакъ нельзя было угодить ей распредѣленіемъ комнатъ.

— Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно, чтобы кабинетъ былъ рядомъ со спальней!

Она на этомъ настаивала, и если кабинетъ выходилъ въ столовую, квартира не годилась. Она не допускала мысли, что я могу заниматься дальше отъ нея, чѣмъ въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, мы нашли квартиру и заказали мебель. Мнѣ было предоставлено заказывать, что угодно, но кабинетъ—нѣтъ, кабинетъ Ольга должна была устроить мнѣ по собственному плану.

— Здѣсь вотъ будетъ стоять письменный столъ. Погоди, хорошо-ли онъ будетъ освѣщенъ?

Она ставила примѣрно стулъ, садилась и убѣждалась, что освѣщеніе будетъ хорошее.—Здѣсь будетъ кушетка. Мы обтянемъ ее темно-синимъ джутомъ съ малиновой ниткой, это будетъ красиво. Этажерка... У тебя много книгъ?

— Масса!..

— Ну, тогда этажерка не годится. Поставимъ стеклянный шкафъ!..

Digitized by Google

Она обсуждала и примѣряла каждую мелочь моего кабинета; это доставляло ей удовольствіе. Я не могу сказать, чтобы это и для меня было безразлично. Я видѣлъ, что она вся проникнута заботой обо мнѣ, о моихъ удобствахъ и это мнѣ было пріятно.

Мы устроились, но такъ какъ дачный сезонъ еще былъ почти въ началѣ, то оставили за собой дачу и рѣшили жить попеременно то въ городѣ, то на дачѣ. Тетка не могла мѣшать намъ вести скитальческій образъ жизни. Она была до такой степени не требовательна, что если-бы о ней не подумали два дня, она все это время продремала-бы въ своемъ креслѣ и не попросила-бы ѣсть. Я перенесъ всѣ свои пожитки въ нашу квартиру. Ольга встрѣтила ихъ съ восторгомъ. Моя простая чернильница была признана необычайно-изящной и удобной, прескверные часы съ будильникомъ оказались лучше всякаго хронометра и были поставлены на самомъ видномъ мѣстѣ. Что-же касается моихъ книгъ, то всѣ онѣ были найдены необыкновенно умными, хотя это были обыкновенныя книги по юриспруденціи, которой Ольга никогда не интересовалась. На все это Ольга переносила тѣ чувства, которыя питала ко мнѣ, и я могъ прямо выводить заключеніе, что она отъ меня въ восторгѣ. Съ какою-то особенною нѣжностью она, въ качествѣ хозяйки, приняла въ свое вѣдѣніе мое бѣлье и мой несложный гардеробъ. Она съ потѣшнымъ удивленіемъ разсматривала мой фракъ, объясняя, что никакъ не могла представить его, какъ отдѣльную единицу.

— Я никогда не видѣла фрака, я видѣла только мужчинъ во фракѣ.

Такъ прошло четыре дня. Все это время внутри у меня копошилась тревога. Я не получалъ никакихъ извѣстій отъ Турчаниновыхъ. Это было странно. Не можетъ быть, чтобы тамъ ничего не случилось. Если ничего хорошаго, то что-нибудь дурное. Дѣло такъ обострилось, что не могло тянуться въ одномъ и томъ-же положеніи. Но вотъ, наконецъ, я увидѣлъ изъ окна

Digitized by Google

нашей городской квартиры Кремчатова, который почти бѣжалъ, запыхавшись и толкая прохожихъ. Я видѣлъ, что онъ остановился у нашего входа, и пошелъ ему навстрѣчу. Не дожидаясь звонка, я открылъ дверь. Ольга была въ спальнѣ. Она вбивала въ стѣну гвозди и не слышала, какъ вошелъ Кремчатовъ. Я взглянулъ на него вопросительно. Этотъ человѣкъ, не зная, въ чемъ дѣло, сдѣлался какъ бы участникомъ заговора. Онъ понималъ мои взгляды.

— Надежда Алексѣевна заболѣла!—отрывисто и тихо сказалъ онъ.

Въ это время Ольга вышла къ намъ. Кремчатовъ, съ явнымъ умысломъ — завелъ разговоръ о какомъ-то интересномъ гуляньѣ, которое предстояло въ одномъ изъ загородныхъ садовъ.

— Это называется „праздникъ розъ“. Дамамъ при входѣ будутъ поднесены великолѣпные букеты изъ розъ... Три оркестра военной музыки, хоръ и пѣсенники...

— Какъ это непріятно—передъ свадьбой заболѣть!—сказалъ я:—ты слышала? Надежда Алексѣевна заболѣла!?

Ольга поблѣднѣла. Со дня нашей свадьбы о Наденькѣ мы не упоминали ни однимъ словомъ. Мнѣ даже показалось, что она умышленно избѣгала говорить о ней.

— Турчанинова? Что-же съ ней? — спросила она. Кремчатовъ былъ огорошенъ. Какъ истый заговорщикъ, онъ не допускалъ, чтобы можно было при Ольгѣ по какому-бы то ни было поводу упоминать о Наденькѣ. Но я считалъ, что разговоръ о ея болѣзни въ особенности съ сожалѣніемъ, что это произошло *передъ свадьбой*, не представляетъ ничего опаснаго, между тѣмъ мнѣ нужно узнать, что это за болѣзнь.

— А вотъ Василій Васильевичъ разскажетъ намъ, что у Надежды Алексѣевны?

— Я думаю, что ничего опаснаго. Она, положимъ, въ постели, но настолько бодра, что можетъ писать. Мнѣ даже было предложено подождать, пока она напишетъ письмо своему брату Виктору, и я опустилъ его

Digitized by Google

въ ящикъ... Былъ тамъ докторъ Аларчинъ — знаете— Семенъ Семенычъ? Сказалъ, что нервное потрясеніе, результатъ безсонныхъ ночей.

Я не разспрашивалъ, въ полной увѣренности, что это сдѣлаетъ за меня Ольга. И я не ошибся.

— Воображаю состояніе ея жениха! — сказала она.

— О, да!—прибавилъ я: — вѣдь онъ влюбленъ въ нее, какъ котъ!..

— Масловитый тамъ... Да, онъ очень взволнованъ... Сидитъ у ея постели и все твердитъ, что съ ума сойдетъ, если она не встанетъ.

„Браво, браво“! чуть не закричалъ я вслухъ. Мнѣ хотѣлось хлопать въ ладоши. Значитъ, онъ уже допущенъ. Ну, теперь дѣло его пойдетъ на ладъ. Въ дни болѣзни будутъ оцѣнены его доброе сердце и собачья привязанность. Ужь онъ, конечно, окружилъ ее царскимъ уходомъ и, если Надя пролежитъ дня три-четыре, успѣетъ сдѣлаться тамъ своимъ человѣкомъ. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ ухаживаніе во время болѣзни. Масловитый, которому никакъ не удавалось достаточно сильно выразить свое чувство словами, имѣетъ случай доказать его на дѣлѣ. Онъ не поспитъ двѣ-три ночи, что́ можетъ только принести пользу его комплекціи, будетъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть ей въ глаза. Надя встанетъ и у нея готовъ мотивъ для извѣстнаго шага:— благодарность. Я думаю, что это именно такъ случится. Я совершенно увѣренъ, что и Анна Гавриловна такъ думаетъ, иначе она била-бы тревогу и писала-бы мнѣ письма.

— Теперь я вамъ скажу новость,—заявилъ въ заключеніе Кремчатовъ.—Вы видите вотъ это?

Онъ указалъ на массивное кольцо, украшавшее его палецъ. Мы, разумѣется, видѣли.

— Неужели вы женились?—спросили мы оба.

— Нѣтъ, я только обручился.—Свадьба назначена черезъ десять дней. Я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь...

Digitized by Google

Мы конечно выразили удовольствіе и обѣщали. Свадьба будетъ церемонная.

Кремчатовъ вмѣстѣ съ безнадежнымъ стремленіемъ къ оригинальности имѣлъ роковое влеченіе къ самымъ обыкновеннымъ шаблонамъ. Я увѣренъ, что онъ всю жизнь не былъ-бы спокоенъ, если-бы его свадьба совершилась безъ всякаго ухаживанія, безъ обрученья, безъ музыки съ танцами и безъ параднаго ужина,—какъ это было съ нами.

— Значитъ, вы вполнѣ закончили курсъ взаимнаго изученія?—спросилъ я.

— О, да! Могу сказать, что мы знаемъ другъ друга до мельчайшихъ подробностей. Я пойду въ церковь такъ-же спокойно, просто и увѣренно, какъ сажусь каждый день за обѣденный столъ!..

XIII.

Я не могу сказать, чтобы семейная жизнь стѣсняла меня. Пока я встрѣчалъ въ ней только одно большое неудобство: Ольга никакъ не соглашалась признать мою индивидуальность. Когда я отправлялся куда-нибудь по дѣлу и заявлялъ ей объ этомъ, она одѣвала шляпку и говорила:

— Ну, что-жь, я готова, идемъ! — и обязательно сопровождала меня. Она останавливалась по возможности ближе къ тому мѣсту, гдѣ былъ я. Если я входилъ во дворъ, она стояла въ подворотнѣ, если я поднимался по лѣстницѣ, она ждала на ступенькѣ. Подобные эпизоды всегда тяготили ее, она отпускала меня съ сожалѣніемъ, и лицо ея выражало такое отчаяніе, словно я уѣзжалъ на нѣсколько недѣль. Когда-же я возвращался, она встрѣчала меня съ восторгомъ, какъ послѣ долгой разлуки.

Когда я садился въ своемъ кабинетѣ за письменный столъ писать, она становилась за моей спиной и, обнявъ обѣими руками мою шею, молча слѣдила за моей рукой. Иногда начиналъ ходить по комнатѣ, обдумывая что-

Digitized by Google

нибудь, не имѣющее никакого отношенія къ нашему житью; она присоединялась ко мнѣ, дружески охватывала меня за талію и сопровождала меня, вполнѣ увѣренная, что я думаю о томъ-же, о чемъ и она, то-есть приблизительно на тему: какъ хорошо намъ быть вмѣстѣ!.. Она и не подозрѣвала, что полъ-часъ во время такой прогулки мои мысли были Богъ знаетъ гдѣ, въ груди у меня закипала тревога и я забывалъ, что она—тутъ, рядомъ со мной. Будь на ея мѣстѣ другая женщина, я пожалуй протестовалъ-бы, но она дѣлала все это съ такой безконечной нѣжностью, въ ея взорѣ столько было привязанности, что одно ея прикосновеніе смягчало мою тревогу.

Ольга рѣшительно поправилась. Я замѣтилъ, что она почти перестала кашлять, блѣдность, которая меня такъ пугала прежде, почти исчезла съ ея лица; она сама наблюдала, что немножко толстѣетъ.

— Если-бы всѣ были счастливы, больныхъ не было-бы на землѣ!. —радостно говорила она.

Вообще въ нашей квартирѣ никогда не умолкала рѣчь о счастьи во всевозможныхъ комбинаціяхъ. Это могло-бы надоѣсть, если-бы говорилось съ цѣлью теоретической, но Ольга говорила отъ избытка чувства; она просто изливалась.

Что до меня, то я чувствовалъ себя хорошо. Если я не былъ влюбленъ, то всегда былъ пріятно взволнованъ. Влюбленные, исполненные страсти, взоры Ольги вызывали во мнѣ страстное волненіе.

Одинъ разъ только Ольга заставила меня встревожиться. Это именно въ тотъ день, когда былъ у насъ Кремчатовъ и когда я при ней завелъ рѣчь о болѣзни Наденьки. Весь день и вечеръ она была блѣдна и почти не говорила со мной. Я не могъ понять: неужели этотъ разговоръ могъ вызвать въ ней ревность?

Я ждалъ, что она сама заговоритъ объ этомъ, но она упорно молчала и, кажется, была очень несчастна. Я рѣшился заговорить первый.

Digitized by Google

— Какъ тебѣ не стыдно, Ольга?—сказалъ я, подсѣвъ къ ней.

Она прижалась ко мнѣ и всплакнула.

— Стыдно, стыдно! Но что-жь подѣлаешь, когда я не могу простить ей?

— Чего?

— Что ты любилъ ее когда-то!..

И при этихъ словахъ она разсмѣялась и вытерла слезы. Я тоже смѣялся; этимъ и кончился весь инцидентъ. Мы совершенно помирились.

Нечего и говорить, что всѣ эти дни Ольга ничего не читала. Попадавшіяся ей книги она шутя швыряла въ сторону и смѣясь называла ихъ своими кровными врагами.

— За что ты ихъ такъ? — спрашивалъ я.

— Онѣ слишкомъ долго обманывали меня! Я искала въ нихъ успокоенія, онѣ все обѣщали, а дать его не могли... Богъ съ ними, я имъ прощаю.

Изъ знакомыхъ насъ посѣщалъ только Вѣтвицкій, который мнѣ ужасно надоѣлъ. До сихъ поръ я не имѣлъ случая наблюдать его такъ часто. Я не могъ понять, какъ можно быть до такой степени однообразнымъ и неизобрѣтательнымъ. Казалось, онъ ничего не зналъ, кромѣ одной евангельской заповѣди, изъ которой слѣдовало, что надо отдавать свою жизнь на служеніе ближнему. Съ этой точки зрѣнія онъ неизмѣнно порицалъ личное счастье. Меня удивляла и Ольга, которая, несмотря на то, что была, казалось, ко всему равнодушна, кромѣ моей особы, горячо спорила съ нимъ по два часа сряду.

Меня онъ просто таки не признавалъ и обращался со мной очень грубо. Я, разумѣется, не претендовалъ на него за это. Въ часы этихъ продолжительныхъ споровъ я пользовался нѣкоторой свободой. Я могъ уходить въ другую комнату, лежать одиноко на кушеткѣ, ходить изъ угла въ уголъ. Я ихъ не слушалъ и, забывая объ ихъ присутствіи, пользовался этимъ временемъ, чтобы приводить въ порядокъ свои мысли.

Digitized by Google

Вотъ уже три недѣли прошло со дня нашей свадьбы. Кромѣ извѣстія, принесеннаго тогда Кремчатовымъ, я не получалъ *съ того берега* никакихъ свѣдѣній. Однажды я зашелъ въ университетъ и мнѣ подали телеграмму отъ Виктора. Она гласила: „Спѣшу выразить тебѣ мое негодованіе и презрѣніе. Мы больше не знакомы“.

Этотъ лаконическій комплиментъ относился конечно къ моей женитьбѣ. Отсюда я заключилъ, что Наденька обсуждала это обстоятельство и писала о немъ Виктору. Благородный юноша возмутился, это вполнѣ естественно, и его „негодованіе и презрѣніе“ нисколько меня не обижали.

Просить Кремчатова, чтобъ онъ съѣздилъ *туда*, я не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ совершенно поглощенъ приготовленіями къ своей свадьбѣ. Онъ бѣгалъ по городу, какъ угорѣлый. Мы встрѣчали его разъ десять на день.

— Можете себѣ представить! — восклицалъ онъ съ искреннимъ волненіемъ: — до сихъ поръ фрачная пара не готова!

— Да вѣдь у васъ есть отличный фракъ! Зачѣмъ вамъ было заказывать?

— О, что вы? Развѣ можно вѣнчаться въ старомъ фракѣ? Весь мой туалетъ долженъ быть дѣвственъ, какъ моя невѣста! — совершенно серьезно возразилъ онъ.

Въ другой разъ онъ хлопоталъ о кольцахъ, въ третій—о каретахъ, и при этомъ видъ у него былъ до такой степени торжественный, что, казалось, обрядъ вѣнчанья уже начался. За два дня до свадьбы къ намъ забѣжала Марья Николаевна. Она была въ восторгѣ, что дѣло приходитъ къ концу.

— Вы не можете себѣ представить, какъ это меня интересуетъ! — шепнула она Ольгѣ.

— То есть, что собственно?

— Да вотъ это... Какъ это замужемъ!.. Вдругъ сдѣлаешься дамой...

При этомъ отъ нея вѣяло жаромъ, вся она горѣла,

Digitized by Google

толстыя щеки были красны, глаза блестѣли. Вообще видно было, что она понимаетъ гораздо больше, чѣмъ это ей казалось. Ольга сказала ей, что романъ сдѣлается скучнымъ, если она заранѣе узнаетъ его конецъ, и этимъ отдѣлалась отъ нея. Между тѣмъ было ясно, что Марья Николаевна пришла съ цѣлью получить нѣсколько практическихъ совѣтовъ.

Въ этотъ-же вечеръ мы получили изящно отпечатанные на глазированной бумагѣ съ золочеными краями пригласительные билеты, сообщавшіе, что Василій Васильевичъ Кремчатовъ и Марья Николаевна Крючкова, по случаю своего бракосочетанія тамъ-то и тогда-то, почтительнѣйше просятъ каждаго изъ насъ отужинать вмѣстѣ съ ними въ ресторанѣ „Сѣверная звѣзда“. Приглашеніе поставило насъ въ затруднительное положеніе. У Ольги не было соотвѣтствующаго случаю платья. Но Кремчатовъ, забѣжавшій къ намъ на другой день утромъ узнать, получили-ли мы приглашеніе, сказалъ, что это ничего, что будутъ и другія лица изъ нашего кружка и что вообще онъ чуждъ предразсудковъ. Признаюсь, мнѣ порядочно таки не хотѣлось идти на эту свадьбу. Я вообще избѣгаю неподходящаго ко мнѣ общества, но Ольга настаивала. Ей казалось, что это будетъ очень забавно. Такъ какъ у нея не было парадnаго платья, то я нашелъ неудобнымъ одѣть фракъ и облачился въ черный сюртукъ, а она выбрала самый веселый изъ имѣвшихся у нея цвѣтовъ — розовый. Въ такомъ видѣ мы отправились въ церковь. Первое, что насъ поразило, это блестящее освѣщеніе; были зажжены оба паникадила, въ церкви стояла уже изрядная толпа. Мы заняли скромное мѣсто среди публики и смотрѣли, какъ строго систематически въ церковь входили румяныя дѣвицы въ легкихъ газовыхъ платьяхъ всевозможныхъ цвѣтовъ, но, разумѣется, радостныхъ оттѣнковъ; ихъ вводили дебелые и упитанные кавалеры во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; явился Кремчатовъ. Онъ вошелъ твердой, почти царственной поступью, съ глубоко сосредоточеннымъ за-

Digitized by Google

думчивымъ видомъ, не глядя по сторонамъ. Онъ былъ блѣденъ и, какъ казалось, взволнованъ. Пѣвчіе очень громко пропѣли ему псаломъ. Наконецъ, замахали платками, заволновались. Кремчатовъ величественно направился къ порогу и ввелъ въ церковь за руку толстую, раскраснѣвшуюся и сіяющую отъ радостнаго волненія Марью Николаевну. Она была вся въ бѣломъ, съ гирляндой цвѣтовъ на головѣ, съ длиннѣйшей фатой, доходившей до земли; пѣвчіе встрѣтили ее еще громче, чѣмъ Кремчатова, а когда они кончили, начался обрядъ.

— Ты знаешь, это имѣетъ свою прелесть!—шепнула мнѣ Ольга, — во всемъ этомъ, особенно въ нарядѣ невѣсты, есть что-то необычайно праздничное... Какъ-то чувствуется, что такого праздника въ твоей жизни больше уже никогда не будетъ!..

Я наблюдалъ за Кремчатовымъ. Онъ, видимо, былъ проникнутъ всею серьезностью своего шага, внимательно вслушивался въ молитвы и не отвлекался въ сторону. Марья Николаевна, наоборотъ, выражала нетерпѣніе, переступала съ ноги на ногу, оглядывалась, шепталась съ подругами и даже тихонько смѣялась, закрывая ротъ ладонью. Она пробовала заговорить съ Кремчатовымъ и раза два сообщила ему что-то на ухо, но онъ словно и не слышалъ, стоялъ неподвижно и съ неподвижнымъ лицомъ, со взоромъ, устремленнымъ въ одну точку. Вѣнчанье кончилось, они поцѣловались, сходили къ алтарю, ихъ стали поздравлять, пожимали имъ руки, цѣловались съ ними. Потомъ все это размѣстилось въ экипажахъ и уѣхало въ „Сѣверную звѣзду“.

— Не пойти-ли намъ домой?—спросилъ я Ольгу, когда мы вышли изъ церкви.

Было часовъ десять вечера. Ночь стояла тихая и свѣтлая. Я предпочелъ-бы отправиться въ городской садъ, гдѣ нѣмецкія пѣвицы исполняли веселыя пѣсенки. Но Ольга ни за что не согласилась.

— Они обидятся, они насъ вѣнчали, и вдругъ мы не пойдемъ!..

Digitized by Google

Пришлось уступить. Все-таки я настоялъ на томъ, чтобы пойти часамъ къ двѣнадцати, т. е. къ ужину. Часа два мы гуляли по улицамъ.

Когда мы вошли въ залъ, кавалеры устанавливали стулья для своихъ дамъ и искали визави. Насъ встрѣтилъ Кремчатовъ, онъ обрадовался и сейчасъ-же повелъ представлять своему тестю. Николай Егорычъ Крючковъ оказался господиномъ лѣтъ за пятьдесятъ; фигура у него была гигантская. Плечистый, плотный, высокій и краснощекій, онъ выглядѣлъ сорокалѣтнимъ молодцомъ. Въ черной бородѣ едва-едва просвѣчивали сѣдины, на головѣ уцѣлѣли всѣ волосы — густые и длинные, на концахъ вьющіеся. Онъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ всученными въ голенищи штанами; вообще сейчасъ можно было догадаться, что онъ принадлежитъ къ торгующей братіи и я смутно припоминалъ, что видѣлъ его гдѣ-то за прилавкомъ. Было совершенно непонятно, какимъ образомъ Кремчатовъ попалъ къ нему въ зятья. Одинъ видъ этого господина ясно показывалъ, что внѣ прилавка для него не существуетъ поэзіи. Мадамъ Крючкова, которой мы также были представлены, оказалась совсѣмъ старухой съ блѣднымъ, сморщеннымъ лицомъ, на которомъ отражались слѣды многочисленныхъ женскихъ болѣзней. „Народила дюжину ребятъ и спасовала“, думалось при видѣ этого лица.

Это былъ первый случай, что Ольга добровольно разлучилась со мной. Она ушла куда-то съ Марьей Николаевной, а я остался съ Крючковымъ.

— Танцовать не изволите?—почтительно обратился ко мнѣ Николай Егорычъ.

Я замѣтилъ, что онъ съ особенною почтительностью обращался со всѣми знакомыми Кремчатова. Ихъ впрочемъ было немного, такъ какъ большинство изъ нашего кружка на лѣто разъѣхались. Я замѣтилъ Мишурина, плотная фигура котораго большею частью вертѣлась около буфета,—Карцева, изящно одѣтаго, томнаго и кокетливаго,

Digitized by Google

онъ танцовалъ,—и Вѣтвицкаго, который рѣшился оставить свою крылатку въ передней и былъ въ темно-синемъ пиджакѣ и розовомъ галстухѣ. Онъ собралъ вокругъ себя порядочную компанію изъ приказчиковъ и обморочивалъ ихъ своей ученостью. Аудиторія его уже порядочно выпила и, кажется, издѣвалась надъ нимъ, принимая его за дурачка, потому что изъ дебелыхъ глотокъ часто раздавался хохотъ, а онъ ораторствовалъ. Мнѣ ужасно хотѣлось послушать, о чемъ онъ проповѣдуетъ, но неловко было оставить любезнаго тестя. Притомъ-же я былъ почти увѣренъ, что едва онъ увидитъ меня, какъ тотчасъ замолчитъ.

Я отвѣтилъ, что никогда не танцую.

— Вотъ нашъ Василій Васильевичъ тоже не танцуетъ. Головастый онъ, страсть.

Я не понялъ и взглянулъ вопросительно.—Это вы насчетъ этого слова—головастый?—сталъ пояснять тесть:—это... какъ-бы сказать... съ большимъ умомъ человѣкъ! Говоритъ какъ—заслушаешься! Бывалый тоже. Такой молодой, а уже свѣтъ изъѣздилъ.

— Да, онъ путешествовалъ! — сказалъ я въ видѣ реплики.

— Да какъ-же! въ Испаніи былъ! Да-съ! И таланты имѣетъ. Рисуетъ... Онъ вотъ свою женку, Машу, списалъ у насъ... Цѣлыхъ два мѣсяца онъ ее ежедневно въ позицію сажалъ и списалъ. Оно, положимъ, не такъ-то похоже, да вѣдь лицо-то человѣчье нелегко схватить... И польки, кадрели сочиняетъ — первый сортъ! Я, знаете, самъ довольно несвѣдущъ, а одначе почитаю способныхъ людей. У меня завсегда для нихъ первое мѣсто. Вы не смотрите, что я такой, какъ-бы сказать, вродѣ быка... Не менѣе того у меня въ головѣ мысли есть и люблю поразсуждать, на чемъ напримѣръ земля держится...

Изъ дальнѣйшаго объясненія Николая Егоровича оказалось, что онъ чуждъ предразсудка насчетъ китовъ и многое другое. Я понялъ, что и онъ выпилъ.

Digitized by Google

Понялъ также и то, какимъ оружіемъ аттаковалъ Кремчатовъ эту крѣпость.

За ужиномъ мы сидѣли рядомъ съ Ольгой. Она разсказала мнѣ, что Марья Николаевна вся дрожитъ отъ волненія. Вѣтвицкій оставилъ свою проповѣдь и началъ усердно ѣсть и еще усерднѣе пить. Подъ конецъ ужина онъ былъ совершенно пьянъ, но все-таки поднялся, взялъ бокалъ и началъ плести околесную насчетъ того, что жениться въ наше время постыдно.

— Его надо вывести! — тихонько сказалъ я одному изъ своихъ сосѣдей, и четыре рослыхъ приказчика исполнили мой совѣтъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Кажется, изъ всего огромнаго общества только мы съ Ольгой были трезвы. Послѣ ужина мы ушли. Кремчатовъ ужасно долго жалъ намъ руки и благодарилъ насъ. Марья Николаевна была въ такомъ волненіи, что начала плакать; ее утѣшали, такъ что мы ушли, не прощавшись съ нею.

— Странная пара!—воскликнула Ольга на улицѣ.

— Отчего? Кремчатовъ, конечно, взялъ за своей толстушкой не одну тысячу, значитъ онъ поправитъ свои дѣла; а когда дѣла идутъ хорошо, люди всегда могутъ быть счастливы, если они не очень глупы!..

— Ты думаешь?

— Я думаю, что если-бъ у насъ съ тобою было не двѣсти, а только двадцать въ мѣсяцъ, наше счастье было-бы ровно въ десять разъ скромнѣе.

— Это что за математика? Ха-ха-ха!..

— Математикѣ слишкомъ мало придаютъ значенія. Если-бы люди могли всегда составлять строго-математическую пропорцію между своими цѣлями и своими силами, не было-бы слезъ на землѣ. Надо считать каждую каплю крови и даже каждую каплю пота...

Я сказалъ это не для краснаго словца. Въ моей жизни въ самомъ дѣлѣ математика играла важную роль.

Digitized by Google

XIV.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, у насъ были молодые Кремчатовы. Они пришли прощаться. Въ тотъ-же день въ три часа отходилъ пароходъ, который долженъ былъ увезти ихъ въ Крымъ. Василій Васильевичъ былъ солиденъ и удивительно серьезенъ, къ чему его обязывало положеніе главы семейства. Марья Николаевна была немножко блѣдна и глядѣла какъ-то конфузливо. Мужа она называла Васенькой и даже Василькомъ.

— Мы проѣздимъ всего три недѣли, — важно объяснилъ Кремчатовъ,—это необходимо. Счастье, знаете, требуетъ уединенія... Потомъ мы вернемся уже прямо въ нашу новую квартиру. Разумѣется, здѣсь ее отыщутъ и обставятъ безъ насъ... Вы понимаете, что эту мелкую композиторскую работу я брошу. Я теперь обдумываю либретто и музыку для оперы, которая сдѣлаетъ мнѣ имя... Я собираю матеріалъ. Кстати, такъ какъ сюжетъ взятъ изъ эпохи татарскаго ига, я воспользуюсь нашимъ путешествіемъ по Крыму и кое-что запишу изъ татарскихъ мелодій. У истиннаго художника ни одно движеніе не пропадаетъ даромъ. Каждый его шагъ — это буква его поэмы, тактъ его симфоніи, мазокъ картины.

Въ то-же время Марья Николаевна отозвала Ольгу въ другую комнату и, чуть не плача, говорила:

— Посовѣтуйте Васенькѣ, упросите его не ѣхать! Ну, что за радость—таскаться... Успѣемъ когда-нибудь послѣ... И какая уже это любовь—въ дорогѣ...

Ольга посовѣтовала, но безуспѣшно. Кремчатовъ повторялъ, что счастье требуетъ уединенія. Это было рѣшено безповоротно, тѣмъ болѣе, что ему необходимо собрать кое-какой матеріалъ. Марья Николаевна распрощалась съ нами съ самымъ печальнымъ видомъ.

Digitized by Google

Всѣ эти эпизоды занимали меня очень мало, но все-таки болѣе или менѣе отвлекали мои мысли отъ главнаго. Мы проводили время довольно однообразно. Ольга не отпускала меня ни на шагъ отъ себя. „Это медовый мѣсяцъ“, — смѣясь говорила она. Ночевали мы большею частью въ городѣ, но дни проводили на дачѣ. Увѣривъ себя, что болѣзнь Наденьки должна привести къ желанному результату, я тѣмъ не менѣе испытывалъ муки ожиданія и, пожалуй, сомнѣнія. Меня начинало снѣдать желаніе во что бы то ни стало узнать, что тамъ дѣлается; я сильно подозрѣвалъ, что въ университетѣ есть письмо на мое имя, но рѣшительно не могъ придумать повода сходить туда. Тутъ я почувствовалъ, что Кремчатовъ былъ мнѣ необходимъ. Я безъ него, какъ безъ рукъ и, признаюсь, я предалъ проклятію его свадебное путешествіе.

Это было дня черезъ четыре послѣ свадьбы моего друга. Мы съ Ольгой рѣшили сдѣлать основательную прогулку и шли пѣшкомъ изъ города на дачу. Путешествіе должно было составить верстъ пять. Мы шли полемъ, на порядочномъ разстояніи отъ пыльной дороги, параллельно которой пролегали рельсы. Вдругъ я случайно взглянулъ на дорогу и остолбенѣлъ. Открытая коляска Масловитаго неслась на всѣхъ парахъ по направленію къ городу. Въ ней сидѣлъ Иванъ Евсеичъ—сіяющій, счастливый, а рядомъ съ нимъ Надя—въ своемъ простомъ сиреневомъ платьѣ; она что-то оживленно говорила и непринужденно смѣялась. Мнѣ показалось, что она похудѣла и блѣдна, и я объяснилъ это болѣзнью.

Нѣтъ возможности описать мое состояніе. Такъ трепещетъ сердце у художника въ тотъ моментъ, когда онъ набросалъ послѣдній штрихъ своей картины и смотритъ на нее, отступивъ нѣсколько шаговъ и видитъ, что это именно то, что онъ задумалъ. Такъ, должно быть, торжествовалъ Лессепсъ въ день открытія Суэцкаго канала... Не знаю почему, но мнѣ вдругъ захотѣлось расцѣловать мою Наденьку, погладить ее по головкѣ и сказать: „умница,

Digitized by Google

умница ты моя!“ И въ эту минуту я увидѣлъ, что обладаю почти невѣроятной выдержкой. Я переживалъ всѣ эти ощущенія и только на секунду остановился, какъ-бы споткнувшись, но сейчасъ-же продолжалъ путь. Ольга что-то мнѣ возражала, я ей тоже возражалъ (ужь не помню, о чемъ вели мы споръ) и, кажется, довольно неглупо. Ольга была близорука и не обратила вниманія на промчавшуюся по дорогѣ коляску.

Это было передъ заходомъ солнца. Мы шли на дачу съ цѣлью переночевать тамъ, но я нашелъ, что это неудобно. Я вспомнилъ, что завтра въ восемь часовъ я обѣщалъ быть у своего будущаго патрона и привелъ еще десятокъ причинъ, ужь не помню какихъ. Мнѣ просто было не въ моготу оставаться на дачѣ, когда я былъ увѣренъ, что въ городѣ меня ждетъ письмо, изъ котораго я узнаю, какъ все это случилось. Я торопилъ Ольгу, чтобы не опоздать на поѣздъ. Между тѣмъ ей предстояла очень серьезная работа—перемѣнить бѣлье тетушкѣ, что дѣлалось два раза въ недѣлю. Эта операція обыкновенно длилась около часу, такъ какъ тетушку нужно было держать на рукахъ. Однако мы благополучно поспѣли на поѣздъ и вернулись въ городъ къ одиннадцати часамъ.

— Мы сейчасъ-же ляжемъ, потому что намъ завтра надо рано вставать!—сказала Ольга.

— Ты можешь спать сколько тебѣ угодно!—возразилъ я.

— Какъ? Развѣ мы не вмѣстѣ пойдемъ?

— Помилуй, что ты! Я пробуду у него часа два. Не стоять-же тебѣ все это время на улицѣ!..

— Ахъ, какъ это скучно!.. Ты всегда будешь у него такъ долго?

— Нѣтъ, гораздо дольше! Разумѣется, если у насъ совсѣмъ не будетъ дѣлъ, то я могу и дома сидѣть. Но этого, я думаю, и ты не желаешь!..

— Я не желаю никакихъ дѣлъ! Я хочу только, чтобы ты былъ со мной?.

Ольга опечалилась. Я приласкалъ ее, повторилъ, что

Digitized by Google

люблю ее и самъ конечно всякимъ дѣламъ предпочитаю ее—это убаюкало мою жену. Вообще моя ласка примиряла ее со всякими непріятностями.

На другой день около восьми часовъ я нѣжно поцѣловалъ мою жену и помчался въ университетъ. Швейцаръ подалъ мнѣ довольно толстый пакетецъ съ адресомъ, написаннымъ рукою Анны Гавриловны. Я разорвалъ его и тутъ-же приступилъ къ чтенію длиннаго посланія моей несостоявшейся тещи.

„Ахъ, Андрей Николаичъ, какъ мнѣ хочется тебя расцѣловать!—такъ начиналось письмо Анны Гавриловны. Ты—прямо геніальный человѣкъ да и только. Все дѣлается по твоему, какъ ты назначишь. Въ настоящее время я живу на дачѣ Ивана Евсеича, какъ полная хозяйка всего, что у него есть. Всѣ эти богатства, на которыя мнѣ даже взглянуть было страшно, теперь наши, наши, наши! И вотъ какъ случилось это.

„Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я извѣщала тебя, что Наденька, узнавъ о твоей женитьбѣ, сдѣлалась насмѣшливой и надъ Иваномъ Евсеичемъ смѣялась насчетъ его толщины. Въ тотъ-же день она Виктору написала въ такомъ родѣ, что, дескать, она предполагала съ твоей стороны образъ дѣйствій, не помню еще какое слово, систему, кажется, а на повѣрку выходитъ, что ты женился на другой, слѣдовательно про свою любовь ты лгалъ, съ твоей стороны простая измѣна и ты, выходитъ, обыкновенный подлецъ. Я и не заступалась, ужь ты извини, а мое мнѣніе ты знаешь о тебѣ, такъ сердиться не будешь. Я даже подлила масла въ огонь: „Вотъ видишь, говорю, я такъ и говорила. Скажу тебѣ, что я и прежде замѣчала, что у него что-то есть съ этой Олениной“.—Очень можетъ статься, отвѣтила она, для чего-же онъ меня морочилъ? И еще наканунѣ разлуки въ страстной любви объяснялся?

„А я-то еще маслица: а потому, говорю, что, можетъ, экономію соблюдалъ: у насъ ему жизнь дешево обходилась! А она:—можно и этого ожидать! Удивительно,

Digitized by Google

какъ она всему дурному про тебя стала вѣрить! Прежде, бывало, чуть заикнусь, прямо ротъ рукой закрываетъ, а теперь поди ты"!

Я на минуту остановился и подумалъ:—потому вѣритъ, что ей это нужно. Вѣритъ ради собственнаго оправданія. Отлично, отлично. Такъ и надо.

„Хорошо. Пославши письмо Виктору,—между прочимъ Викторъ мой совсѣмъ дуралей, пишетъ ей каждый день и все сбиваетъ. Ты, говоритъ, родилась для честной жизни, для труда и прочее. А она: вотъ видите, и Викторъ тоже говоритъ! Я отписала ему: слушай ты, говорю, дурандасъ, ежели, говорю, еще хоть одно этакое глупое слово ей напишешь, такъ въ будущемъ, ежели что, ни одной копѣйки не получишь. И что-жь ты думаешь, переста лъ! Больше ни слова. Не знаю, зачѣмъ это они на себя напускаютъ. Такъ пославши письмо Виктору, она за меня принялась. Устроила мнѣ такую сцену, что даже до сей поры содрагаюсь. Начала хохотать мнѣ въ лицо. А, говоритъ, очень вамъ хочется разбогатѣть! Дочку старикашкѣ отдаете затѣмъ, чтобы самой, какъ сыръ въ маслѣ кататься! Дармоѣдничать, говоритъ, захотѣли! Легкой жизнью соблазнились. Ха-ха-ха, да ха-ха-ха, дальше—больше. Вы, говоритъ, не мать, а сводница и я, говоритъ, васъ презираю, и Андрея Николаевича вашего презираю, и эту сладострастную толстую свинью презираю, всѣхъ, говоритъ, презираю. И опять это ха-ха-ха, да ха-ха-ха, а потомъ вдругъ слезы, рыданія, истерика, обморокъ, охъ, Божей мой!.. Я потерялась. Уложила ее въ постель, а сама сейчасъ къ Аларчину — онъ близко тутъ на дачѣ живетъ. Масловитый былъ въ городѣ. Пріѣхалъ вечеромъ и къ намъ. Спрашиваетъ про Наденьку, а я ему и говорю: больна, въ постели, обморокъ, истерика... Онъ какъ зарыдаетъ, да такъ громко, что на весь домъ. Наденька слышала и, представь, улыбнулась. „Впустите, говоритъ, его ко мнѣ". Она, разумѣется, въ кофточкѣ и подъ одѣяломъ лежитъ блѣдная, волосы распущены,

Digitized by Google

глаза блестятъ; хорошенькая такая, какъ никогда, прямо красавица. Онъ это вошелъ, подошелъ къ кровати, да хлопъ на колѣни: — ежели вы, говоритъ, помрете, такъ я съ ума сойду! а самъ схватилъ ея руку и цѣлуетъ. И она ничего, только сказала: вотъ вы, говоритъ, какой. Знаешь, другъ Андрей Николаичъ, я смотрѣла, радовалась, но глазамъ своимъ не вѣрила. Онъ докторовъ натаскалъ цѣлую кучу, да все важныхъ. Доктора сказали—пустяки, потрясеніе и пройдетъ. Иванъ Евсеичъ три дня не отходилъ отъ нея, выписалъ изъ города цвѣтовъ, лакомствъ и всякихъ штукъ. Она ничего, благосклонна. А на третій день прямо сказалъ ей: вотъ, говоритъ, Надежда Алексѣевна, вы мнѣ два раза отказали, а теперь я въ третій прошу васъ: не могу безъ васъ жить, будьте моей женой. Я знаю, говоритъ, отчего вы смущаетесь. Что я очень богатъ, но не молодъ, такъ похоже, будто вы изъ-за денегъ... Ну, что-жь такое! Пускай изъ-за денегъ. Развѣ деньги не сила? Берите и употребляйте на какія хотите добрыя дѣла. Я слышала это изъ другой комнаты, сердце у меня страшно билось: что, думаю, она ему скажетъ? Слышу слабый голосокъ, этакій болѣзненный: „хорошо, говоритъ, пусть будетъ по вашему. Убѣдилась я, говоритъ, что вы добрый и меня дѣйствительно любите“! Не знаю, что ужъ тамъ у нихъ было, только черезъ минуту онъ выскочилъ, бросился ко мнѣ, обнялъ меня, поцѣловалъ и мамой назвалъ“.

Я перевелъ духъ. Ко мнѣ подбѣжалъ кто-то изъ товарищей и началъ сообщать, что онъ зачисленъ по министерству юстиціи. Хотя я и не возражалъ ему, тѣмъ не менѣе онъ горячо доказывалъ мнѣ, что это гораздо лучше, чѣмъ адвокатура. Должно быть, я посмотрѣлъ на него довольно недружелюбно, потому что онъ, не кончивъ своей рѣчи, убѣжалъ. Эта поэма, которую я читалъ, поэма, нацарапанная рукой Анны Гавриловны на разрозненныхъ листочкахъ, казалась мнѣ величайшимъ художественнымъ произведеніемъ.

Digitized by Google

„На другой день Наденька встала—веселая, какъ ни въ чемъ не бывало. Со мной была хороша и нѣжна, называла меня мамочкой и спрашивала, довольна-ли я. Само собой, я была довольна. Она ужасно торопила Ивана Евсеича. Онъ все хотѣлъ, чтобы была свадьба сообразно его средствамъ, а она ни за что. Въ тотъ-же день, какъ она встала съ постели, онъ пришелъ такъ часовъ въ пять, а она ему: здѣсь, говоритъ, вашъ экипажъ? Ладно. Мама, позовите доктора Аларчина, а вы еще кого-нибудь. Сядемъ въ экипажъ, поѣдемъ въ Акуловку—тутъ въ двѣнадцати верстахъ, и обвѣнчаемся. Иванъ Евсеичъ потерялся, но возражать не рѣшился. Такъ и поѣхали. А изъ Акуловки прямо на дачу Масловитаго, да ужь тамъ и основались. Наденька такая нервная, все торопится. Послѣ завтра заграницу ѣдутъ, и я остаюсь полной хозяйкой всего, что у Ивана Евсеича есть. Вотъ тебѣ вся исторія. Вѣдь все это сдѣлалъ ты, а я не могу до сихъ поръ опомниться. Вдругъ такое счастье! А! Какъ уѣдутъ заграницу, я буду одна. Пріѣзжай съ своей женушкой, Ольгой Михайловной, которую я люблю, какъ свою дочь. Расцѣлую тебя и на первомъ мѣстѣ посажу. Пріѣзжайте ко мнѣ погостить на цѣлую недѣлю! Твоя любящая тебя Анна Турчанинова“.

Сбоку была приписка: „и денегъ, сколько хочешь, дамъ“.

Прочитавъ это письмо, я поспѣшилъ домой. Бѣдная Ольга опечалена тамъ вопросомъ, кто одѣнетъ ей чулки, и такъ какъ она уже свыклась съ мыслью, что одѣнетъ ихъ безъ меня, что было-бы въ первый разъ послѣ нашей свадьбы, то мой внезапный приходъ будетъ для нея настоящимъ подаркомъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я вошелъ въ квартиру черезъ кухню, тихонько пробрался въ спальню, подкрался къ моей женѣ и поцѣловалъ ее прямо въ чуть-чуть надутыя губки. Она пришла въ дикій восторгъ. Я тоже былъ въ восторгѣ, но, разумѣется—по другому поводу. Безъ сомнѣнія, въ восторгѣ былъ и Масловитый, достигнувъ своей завѣтной цѣли,

Digitized by Google

была въ восторгѣ Анна Гавриловна, да думаю, что и Наденька, почувствовавъ въ своихъ рукахъ милліоны, ничего не имѣла противъ своего новаго положенія.

Всѣ, значитъ, были довольны, и если причиной этого былъ я, то, конечно, такимъ результатомъ нельзя было не гордиться.

XV.

Мнѣ очень хотѣлось побывать у новой владѣлицы замка Масловитаго, но я не спѣшилъ. Во-первыхъ, такая поспѣшность взбудоражила-бы мою жену, которая во всякомъ случаѣ не должна была знать, что я очень интересуюсь тамошними дѣлами, а во вторыхъ—Анна Гавриловна вообразитъ, что я поспѣшилъ поклониться ея милліонамъ. Напротивъ, я хотѣлъ показать ей, что очень радъ за Наденьку, но что въ то-же время до ея милліоновъ мнѣ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла.

И день ото дня я откладывалъ свой визитъ. Мнѣ нужно было приготовить къ этому Ольгу. Я сообщилъ ей о замужествѣ Наденьки.

— Я очень рада, очень рада!—съ полной искренностью заявила она:—я всегда думала, что эта дѣвушка создана для блестящей обстановки. Когда я видѣла ее въ нашемъ кружкѣ, мнѣ все казалось, что она не на своемъ мѣстѣ. Я очень, очень рада!

— Да, это ей больше подходитъ. Она теперь заграницей съ мужемъ. Знаешь, я думаю, что намъ слѣдуетъ съѣздить къ ея матери, посѣтить ее. Какъ ты думаешь?

— Если ты хочешь, я не прочь. Но я не думаю, чтобъ это слѣдовало.

По ея голосу я замѣтилъ, что въ ней зашевелилось непріятное чувство, которое всегда вызывалось въ ней при воспоминаніи о Турчаниновыхъ.

— Нѣтъ, именно слѣдуетъ. Я не хочу, чтобъ кто-нибудь имѣлъ право объяснять нашъ союзъ, который

Digitized by Google

для постороннягo взгляда кажется внезапнымъ, какими-нибудь экстраординарными обстоятельствами, напримѣръ тѣмъ, что я поссорился съ Турчаниновыми. Пусть всѣ знаютъ, что мнѣ не нужно было ни съ кѣмъ ссориться для того, чтобъ полюбить тебя, что я люблю тебя, сохраняя самыя лучшія отношенія съ семействомъ, къ которому всегда былъ близокъ. Поэтому мы должны побывать тамъ.

Это объясненіе понравилось Ольгѣ.—Да, пожалуй, что ты правъ. Ты всегда правъ, это удивительно!

Но и послѣ этого разговора я не спѣшилъ. Я хотѣлъ, чтобы Ольга сама напомнила мнѣ, даже поторопила меня. И это она сдѣлала ровно черезъ недѣлю.

— Надо-же съѣздить къ Аннѣ Гавриловнѣ!—сказала она,—въ самомъ дѣлѣ это неловко!

— Пожалуй, съѣздимъ!—равнодушно отвѣтилъ я, и мы собрались. Мы поѣхали въ воскресенье. Стояла іюльская жара. Поѣздъ былъ биткомъ набитъ городской публикой, жаждущей дачнаго воздуха. Намъ пришлось стоять на платформѣ. Когда мы доѣхали до конечной станціи и сошли на землю, я вдругъ почувствовалъ, что воспоминанія овладѣваютъ мною, покоряютъ меня. Вспомнилась мнѣ послѣдняя сцена, когда я сказалъ: „прощай, Надюкъ“! и подумалъ, что это, можетъ быть, навсегда. Я не скажу, чтобъ мнѣ сдѣлалось грустно. Мнѣ было жаль потерять такую женщину, какъ Надежда Алексѣевна, мнѣ было досадно, когда я представилъ себѣ, что этотъ простодушный толстякъ, сгорая и дрожа отъ старческой страсти, сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ, и единственно благодаря тому, что у него много денегъ. Но эти ощущенія не задѣвали меня глубоко. Взамѣнъ всего этого я обладалъ другой красивой женщиной и главное—я имѣлъ право смотрѣть на всѣхъ этихъ чувствующихъ себя счастливыми людей съ высоты своего великодушія. Вѣдь это я сдѣлалъ ихъ всѣхъ счастливыми, я, который съумѣлъ своевременно и умно отказать себѣ въ томъ, что могло-бы доставить мнѣ много

Digitized by Google

сладкихъ минутъ. Да, вступая на эту почву, я чувствовалъ себя героемъ.

Мы прошли мимо голубенькой дачки Турчаниновыхъ. Ставни въ ней были на-глухо закрыты, а калитка заперта огромнымъ замкомъ.

Не знаю, почему я вспомнилъ стараго чиновника, который двадцать пять лѣтъ копилъ изъ своихъ скудныхъ заработковъ, а, можетъ быть, и душой покривилъ, чтобъ устроить это гнѣздышко для своихъ птенцовъ. И конечно голубенькая дачка казалась ему верхомъ роскоши и онъ былъ внѣ себя отъ восторга въ тотъ день, когда почувствовалъ себя ея обладателемъ. И вдругъ такое пренебреженіе! Впрочемъ если онъ что-нибудь теперь знаетъ объ этомъ, то навѣрное не сердится и одобряетъ.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула Ольга, когда мы вошли въ паркъ Масловитаго. Новая хозяйка, по новизнѣ дѣла, очевидно, пускала въ ходъ всѣ рессурсы. Десятокъ фонтановъ били разомъ во всѣхъ углахъ сада, издали доносился ревъ каскада; невообразимая масса цвѣтовъ пестрѣла живымъ ковромъ. Я повелъ Ольгу въ тѣнистую аллею, гдѣ сразу обдало насъ прохладой.

— Прелесть! Восторгъ!—съ искреннимъ увлеченіемъ воскликнула Ольга; когда-же мы дошли до обрыва и передъ нашими глазами открылся замѣчательный спускъ, окруженный съ одной стороны шумящимъ и пѣнящимся каскадомъ, съ другой—густо-зеленымъ лугомъ, а внизу—купальня, представлявшая изъ себя цѣлый домъ причудливой архитектуры съ развѣвавшимся флагомъ на вышкѣ, паровой катеръ, ялики, мостики, Ольга всплеснула руками.

— Вѣдь это должно стоить страшныхъ денегъ!—почти съ ужасомъ воскликнула она: ай-ай-ай! Сколько можно было-бы голодныхъ накормить!

Она была подавлена этой картиной, которая вмѣсто того, чтобъ прельстить ее, повергала ее въ уныніе.

Между тѣмъ мы не замѣчали, какъ уже впродол-

Digitized by Google

женіи нѣсколькихъ минутъ солидная дама, казавшаяся еще болѣе солидной отъ покроя ея блузы, сшитой изъ легчайшей ткани бѣлаго цвѣта, сортъ и названіе которой я затруднился-бы опредѣлить, стоя на балконѣ—махала платкомъ въ нашу сторону. Она надрывалась, стараясь что-то такое довести до нашего свѣдѣнія, но шумъ каскада мѣшалъ намъ слышать. Я узналъ хорошо мнѣ знакомое лицо Анны Гавриловны, которая показалась мнѣ до того потѣшной въ своей широчайшей блузѣ съ множествомъ пуфовъ и складокъ, что я разсмѣялся. Мы пошли по направленію къ ней и наконецъ разслышали:

— Господи! Что же это вы? Такіе желанные гости, а мнѣ никто и не доложилъ! Я смотрю, смотрю... Кажется, они!..

„Вишь, подумалъ я,—она нынче съ докладомъ! Какъ скоро прививаются пріятныя привычки!“.

По узкой лѣсенкѣ мы взошли на балконъ; въ ту-же минуту я попалъ въ горячія и потныя объятія Анны Гавриловны.

— Желанный ты мой! Ужъ вы не сердитесь— обратилась она къ Ольгѣ — что я этакъ-то вашего муженька! Вѣдь мы съ нимъ давніе друзья... Позвольте и васъ, голубушка!

Она расцѣловала и Ольгу. Мы вошли въ дачу. Обстановка оставалась та-же, что и при Масловитомъ. Только изъ одной большой комнаты удалили рѣдкостную мебель и Анна Гавриловна устроила здѣсь себѣ спальню съ широкой рѣзной кроватью, съ изящнымъ туалетомъ и прочими принадлежностями. Она высказывала восторгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и журила за то, что долго не вспоминали о ней.

— Но я какъ погляжу на васъ, голубушка Ольга Михайловна, такъ даже душа радуется. Какая вы хорошенькая! Я такъ рада, что у моего Андрея такая хорошенькая жена! Я, знаете, мало видѣла васъ и, признаться, даже не ожидала, что вы такая красавица! То

Digitized by Google

есть такъ рада, такъ рада! Вѣдь онъ для меня все одно, что родной сынъ.

Въ самомъ дѣлѣ Ольга моя такъ расцвѣла въ послѣднее время, что я самъ любовался ею. Удивительно, какъ хорошѣетъ женщина отъ любви.

Анна Гавриловна тотчасъ приняла экстренныя мѣры къ тому, чтобъ угостить насъ сообразно нашему достоинству. Раздавались звонки, появлялись люди во фракахъ, изъ нѣдръ подвальнаго этажа былъ извлеченъ самъ главный поваръ и были произнесены названія нѣкоторыхъ кушаній, которыя должны были поспѣть моментально.

— И доложите барину... Попросите его сюда!.. — приказала Анна Гавриловна.

Мы вопросительно переглянулись съ Ольгой. Развѣ они не за-границей?

— Это Викторъ, Викторъ! Какъ-же, онъ здѣсь!

Викторъ? Это интересно. Вѣдь мы-же съ нимъ „больше не знакомы“. Посмотримъ, что это будетъ за встрѣча. Я думаю, въ этомъ волшебномъ паркѣ, среди этой роскоши, которая ему и не снилась, онъ значительно смягчился.

— Ты вѣдь знаешь Виктора Алексѣевича?—спросилъ я Ольгу, когда Анна Гавриловна зачѣмъ-то вышла.

— Какъ-же, какъ-же! Этотъ симпатичный юноша? Такой идеалистъ, увлекающійся... Я его видѣла прошлымъ лѣтомъ. Онъ при первомъ-же знакомствѣ чуть не побилъ меня за то, что я купила себѣ на шляпу перо въ пять рублей. Въ немъ много огня и искренности!

Викторъ пришелъ минутъ черезъ десять. Онъ, очевидно, не зналъ, что гость, о которомъ ему „доложили“,— я. Онъ вошелъ и остановился на порогѣ, какъ вкопанный. Совершенно неподготовленный къ этой встрѣчѣ, онъ, повидимому, соображалъ, какъ ему поступить въ виду его знаменитой телеграммы. Онъ былъ въ голубой рубашкѣ съ косымъ воротомъ, длинные волосы спускались почти до плечъ и лѣзли на лобъ. Русая бородка окаймляла его красивое выразительное лицо. Видъ у него былъ вполнѣ студенческій.

Digitized by Google

Положеніе его было глупое. Одно изъ двухъ,—или онъ долженъ былъ тотчасъ-же повернуться и выйти, или мы должны были расцѣловаться, какъ старые друзья. Я поднялся, но съ совершенно равнодушнымъ и замкнутымъ видомъ, какъ встаютъ при появленіи незнакомаго человѣка. Лицо мое не выражало никакого намѣренія, но все-таки это было движеніе, оно такъ или иначе выручало его; онъ могъ, если хотѣлъ, объяснить его, какъ извѣстный шагъ съ моей стороны. И въ самомъ дѣлѣ, это движеніе помогло ему рѣшить задачу. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и мы расцѣловались.

— Никакъ не ожидалъ, что это ты здѣсь!..—сказалъ онъ и пожалъ руку моей жены.

Несмотря однако на такое хорошее начало, онъ, видимо, стѣснялся и чувствовалъ себя неловко. Объ этомъ я заключилъ изъ того, что онъ началъ говорить о предстоящихъ ему выпускныхъ экзаменахъ, причемъ старался самымъ подробнѣйшимъ образомъ перечислить всѣ предметы. При этомъ онъ какъ-то все обращался къ Ольгѣ, явно избѣгая моихъ взглядовъ. „Да, онъ дѣйствительно смягчился!“—подумалъ я, и такъ какъ Ольга, у которой было неискоренимое пристрастіе ко всему, что относилось къ студенчеству, начала распрашивать его объ университетской жизни въ Кіевѣ, то я воспользовался этимъ для того, чтобы выйти и отыскать Анну Гавриловну. Безъ сомнѣнія, она мнѣ разскажетъ кое-что болѣе интересное. Пройдя рядъ комнатъ, я попалъ въ обширную столовую, гдѣ уже накрытъ былъ завтракъ. Анна Гавриловна стояла у раскрытаго буфета. Обиліе слугъ не могло окончательно отвадить ее отъ привычекъ чиновницы — хозяйки.

— Что-же вы мнѣ разскажете, Анна Гавриловна?—промолвилъ я, подойдя къ ней очень близко.

— Ангелъ ты мой, Андрей Николаичъ! Видишь, какъ все хорошо вышло! — она стала говорить вполголоса.—Можешь себѣ представить, какъ только это она обвѣнчалась, такъ сейчасъ и пошла вертѣть имъ. Даже

Digitized by Google

удивительно. Что онъ скажетъ, она ему напротивъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ здѣсь поблаженствовать мѣсяца два, а она—нѣтъ, нѣтъ, за-границу сію минуту, моментально... Мнѣ она тихонько сказала: у меня, говоритъ, здѣсь совѣсть безпокоится. И чего ради? Не понимаю! Что тутъ дурного, ежели ей счастье такое пришлось? Его, Ивана-то Евсеича, сейчасъ всего какъ есть переодѣла. Съ ногъ до головы. Вы, говоритъ, эти широкія разгильдяи бросьте, я, говоритъ, этого не люблю. Одѣла его совсѣмъ англичаниномъ какимъ-то. А онъ только радостно улыбается и все дѣлаетъ... Теперь они въ Римѣ. Пишетъ, что очень тамъ жарко, черезъ двѣ недѣли поѣдутъ въ Швецію, что-ли... А для тебя у меня кое-что есть!—прибавила Анна Гавриловна совсѣмъ тихо и при этомъ даже оглянулась. Отъ него, отъ Ивана Евсеича.

Она сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я подождалъ и вышла. Что-жъ, со стороны Ивана Евсеича было вполнѣ естественно оставить мнѣ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. А Наденька однако смягчилась. Всѣ они смягчились, когда почувствовали въ своихъ рукахъ много золота. Странно только, что она ни слова не написала мнѣ. Неужели она такъ-таки и не поняла ничего изъ моего плана и осталась въ увѣренности, что съ моей стороны это была простая измѣна.

Анна Гавриловна вернулась и подала мнѣ небольшой пакетецъ безъ всякой надписи.

— Просилъ непремѣнно отдать тебѣ въ руки!—прибавила она.

Я взялъ пакетъ и положилъ его въ карманъ. У меня есть эта привычка—выдерживать въ карманѣ интересныя письма, прежде чѣмъ распечатать ихъ.

— Ну-съ, а обо мнѣ не вспоминала?—спросилъ я какъ-бы между прочимъ.

— Ни, ни! Ни однимъ словомъ! Даже удивительно!

Черезъ пять минутъ мы завтракали. Анна Гавриловна распорядилась достать изъ погреба — у Масловитаго былъ замѣчательный погребъ—бутылку хереса, ко-

Digitized by Google

торому было около сорока лѣтъ. Это собственно для меня,—ей было извѣстно, что я люблю выпить рюмку хорошаго хереса. Викторъ молчалъ и, такъ какъ ему нужно было что-нибудь дѣлать, пилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Къ концу завтрака у него заблестѣли глаза, онъ придвинулся къ Ольгѣ, налилъ ей въ рюмку вина и предложилъ выпить вмѣстѣ.

— Я замѣчаю, что вы ничего не пьете!—сказалъ онъ съ преувеличенною развязностью. — Это ложный взглядъ на вещи. Надо пить, потому что это весело! Господа!—возгласилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, но понявъ, что къ Аннѣ Гавриловнѣ его рѣчь не можетъ относиться, обратился прямо ко мнѣ:—можно быть хорошимъ человѣкомъ и пользоваться жизнью! Не правда-ли, Андрей?

Онъ выпилъ залпомъ стаканъ вина и, шумно вставъ съ мѣста, подошелъ ко мнѣ. Очевидно, у него кружилась голова. Въ эту минуту его покрытое здоровымъ румянцемъ лицо, было вдохновенно и красиво.—Андрей! позволь пожать твою руку!—Я протянулъ ему руку, которую онъ крѣпко стиснулъ:—Прости, братъ, я тебя чертовски обидѣлъ... А межь тѣмъ я въ милліонъ разъ хуже тебя!.. Ты лучше насъ всѣхъ! Да, да, да! Ты лучше насъ всѣхъ.

Ольга, которая сперва была смущена этимъ пьянымъ объясненіемъ, простила ему, потому что онъ хвалилъ меня. Въ заключеніе Викторъ объяснилъ, что онъ въ сущности—свинья и совершенно разстроенный ушелъ къ себѣ.

— Это съ нимъ нерѣдко бываетъ!—со вздохомъ пояснила Анна Гавриловна.—Какой-то бѣсъ мучитъ его. Боюсь, какъ-бы онъ не закутилъ!

Мы оставались у Анны Гавриловны еще около часу. Когда мы прощались, Викторъ вышелъ растрепанный и заспанный и молча пожалъ намъ руки. Мы сказали ему свой адресъ и просили заѣзжать.

— Какой странный юноша!—сказала Ольга, когда

Digitized by Google

мы шли вдвоемъ по большой дорогѣ. Мы рѣшили дойти до своей дачи пѣшкомъ:—Именно, какъ сказала старуха, какой-то бѣсъ мучитъ его!

— Я знаю, что это за бѣсъ. Почуявъ въ рукахъ своихъ силу, онъ страстно жаждетъ жизни въ свое удовольствіе, но тѣни прежнихъ хорошихъ словъ, которыхъ онъ въ своей жизни сказалъ такъ много, безпокоятъ его... Но, разумѣется, тѣни все будутъ блѣднѣть и блѣднѣть и наконецъ совсѣмъ растаютъ въ воздухѣ...

— Ахъ, Андрей, какой у тебя ужасный взглядъ на людей!..

— Люди не лучше моего взгляда, повѣрь! Ты увидишь, какъ развернется этотъ юноша, мой другъ Викторъ Алексѣевичъ!..

Мы пришли домой. У меня явилось желаніе распечатать письмо Масловитаго при Ольгѣ. Мнѣ хотѣлось провѣрить, насколько благотворно подѣйствовалъ на нее урокъ, который я ей далъ раньше. Я вынулъ конвертъ, распечаталъ, развернулъ почтовую бумагу и, къ моему изумленію, увидѣлъ тамъ небольшую розоватую бумажку, на которой было напечатано: „с—скій банкъ“, а внизу стояла подпись Масловитаго. Мнѣ бросились въ глаза крупныя жирныя цифры „50,000“, и я почувствовалъ, что руки, которыя держали письмо и эту проклятую бумажку, задрожали.

— Мерзавецъ! — какъ-то непроизвольно вырвалось у меня и мнѣ стоило большого усилія воли, чтобы не скомкать или не разорвать письмо.

— Что это?—тревожно спросила Ольга, увидѣвъ вѣроятно на лицѣ моемъ недоброе выраженіе.

Я тотчасъ спохватился и сдержалъ себя. Я даже заставилъ себя расхохотаться.—Глупость всегда спѣшитъ доказать самое себя!—сказалъ я съ видомъ равнодушія.—Господинъ Масловитый прислалъ мнѣ плату за свое супружеское счастье! Ха-ха-ха!..

Я передалъ Ольгѣ чекъ и очень пожалѣлъ объ этомъ.

Digitized by Google

Она вдругъ вся превратилась въ страшный гнѣвъ. Щеки ея покрылись яркой краской, глаза загорѣлись.

— Да какъ онъ смѣлъ? Какъ смѣлъ?—повторяла она:— какъ онъ смѣлъ?—и вдругъ рѣчь ея прервалась потокомъ рыданій. Съ ней сдѣлалось что-то вродѣ истерики.— Вѣдь это обида! Страшная, гнусная обида! Какъ онъ смѣлъ? Какъ онъ смѣлъ?—говорила она въ то время, какъ рыданія душили ее.

Мои увѣщанія не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Тетушка, которая дремала въ сосѣдней комнатѣ, проснулась и всполошилась.

— Господи! Господи! Она плачетъ! Вотъ тебѣ и счастье! Ай-ай-ай! Только всего полтора мѣсяца!..— жалобно бормотала она.

— Ольга, это неразумно. Этотъ господинъ по своему правъ. Онъ привыкъ всякую услугу оплачивать деньгами. Онъ считалъ-бы себя безчестнымъ, если-бъ не заплатилъ мнѣ... Онъ глупъ, а къ глупости надо относиться снисходительно...

Въ это время я читалъ маленькое письмо Масловитаго: „Глубокоуважаемый Андрей Николаичъ! Не подумайте, что я хочу оцѣнить ваше великодушіе или заплатить вамъ за него. Нѣтъ, оно неоцѣнимо и оплатить его я не въ состояніи. Но я считаю, что все мое имущество принадлежитъ вамъ и это только ничтожная часть того, на что вы имѣете право“...

Превосходно: я имѣю право, а онъ пользуется этимъ правомъ. Великолѣпно. Впрочемъ, все это онъ писалъ отъ чистаго сердца, въ этомъ я не сомнѣвался.

— Ты долженъ оскорбить его, унизить, уничтожить!— гнѣвно кричала Ольга.—Неужели ты не чувствуешь этого? Ты говоришь такъ спокойно... Что-же это? Что-же это такое?

— Оскорбить? Напротивъ, я покажу ему, какъ поступаютъ вполнѣ порядочные люди. Вотъ...

Я сѣлъ за столъ и написалъ: „Милостивая государыня, Надежда Алексѣевна! Вашъ уважаемый мужъ, оставивъ для меня дѣловую записку, по странной ошибкѣ, вложилъ

Digitized by Google

туда чекъ на 50.000 рублей. Спѣшу исправить эту ошибку почтеннѣйшаго Ивана Евсеича и посылаю вамъ упомянутый чекъ съ покорнѣйшей просьбой передать его по назначенію. Я совершенно понимаю, что счастье быть вашимъ мужемъ сдѣлало его разсѣяннымъ и очень радъ, что это случилось со мной, а не съ другимъ человѣкомъ, который могъ-бы злоупотребить этой разсѣянностью.

Примите увѣреніе въ моей неизмѣнной преданности".

Я прочиталъ это письмо Ольгѣ.

— Да, да, сейчасъ-же отошлемъ. Только, по моему, этой прибавки насчетъ счастья и разсѣянности не надо.

Но для меня была очень важна эта прибавка и я ее оставилъ. Я написалъ адресъ—въ Римъ, poste restante и мы отправились на почту. Ольга только тогда успокоилась, когда мы сдали письмо почтовому чиновнику и получили квитанцію.

Признаюсь, я былъ очень доволенъ инцидентомъ. Ольга должна была оцѣнить мое безкорыстіе, а у Наденьки мой отвѣтъ долженъ былъ поднять мои пошатнувшіеся шансы.

Зачѣмъ мнѣ эти пятьдесятъ тысячъ? Они дадутъ мнѣ возможность занимать квартиру на двѣ комнаты больше, ѣсть обѣдъ пикантнѣй, пить лучшее вино и курить сигары средняго достоинства. Пожалуй, и жена моя будетъ имѣть лишнее платье, я выпишу себѣ десятокъ лишнихъ книгъ. Но развѣ это то могущество, которое даютъ милліоны? Я и такъ недурно обѣдаю, пью порядочное вино и доволенъ своею квартирою. Изъ-за удовольствія распоряжаться какими-нибудь пятьюдесятью тысячами не стоило портить такъ хорошо задуманный планъ.

XVI.

Въ половинѣ сентября мы окончательно переселились въ городъ. Мало-по-малу стали съѣзжаться знакомые, начался сезонъ. Въ городѣ С. были клубы и разныя

Digitized by Google

собранія, но до насъ, т. е. до меня съ Ольгой и другихъ членовъ нашего маленькаго кружка, это не касалось. Мы проводили время или дома, или другъ у друга, или въ театрѣ.

Кремчатовы вернулись изъ брачнаго путешествія, Василій Васильевичъ дѣятельно приводилъ въ порядокъ собранный имъ матеріалъ для большой оперы, которой было предназначено сдѣлать ему имя. Марью Николаевну постоянно тошнило, что приводило ея мужа въ торжественное настроеніе, такъ какъ означало, что онъ сдѣлается отцомъ. Они занимали огромную квартиру въ десять комнатъ. Обстановка была новая и солидная. Въ домѣ у нихъ постоянно толклись какіе-то мало имъ самимъ извѣстные люди, которые вѣчно закусывали и запивали.

— Мы проживаемъ тысячъ восемь въ годъ!—съ гордостью говорилъ Кремчатовъ..

Ему доставляла удовольствіе не самая жизнь въ довольствѣ, такъ какъ онъ былъ философъ и не придавалъ этому значенія, а именно тотъ фактъ, что онъ проживаетъ восемь тысячъ, что у него открытый домъ и всякій можетъ недурно провести у нихъ время.

Вѣтвицкій бросилъ свою чертежную работу и занялся репортерствомъ.

— Вы не можете себѣ представить, сколько слезъ приходится вытирать бѣднымъ людямъ—при этомъ занятіи! Съ какой массой зла приходится бороться!

Этотъ человѣкъ ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ просто зарабатываетъ хлѣбъ.

Карцевъ на другой день послѣ экзаменовъ поступилъ на службу въ судебную палату. У него была маленькая протекція и онъ разсчитывалъ пойти хорошо. Онъ бывалъ у насъ и у Кремчатова рѣдко, причемъ извинялся тѣмъ, что у него много работы по службѣ. Мишуринъ наоборотъ заходилъ къ намъ очень часто, а къ Кремчатову каждый день, мотивируя это тѣмъ, что у него хорошая водка и есть чѣмъ закусить. Онъ записался въ адвокаты, но дѣлъ пока не имѣлъ, постоянно былъ на-

Digitized by Google

веселѣ, толстѣлъ и подавалъ надежды сдѣлаться пьяницей. Остальные разбрелись по разнымъ должностямъ и занятіямъ, появлялись у насъ изрѣдка и о „самоусовершенствованіи“ больше не думали. Я попробовалъ, было, одинъ разъ собрать кружокъ и предложилъ заняться „умными разговорами“, но пришли только Мишуринъ и Вѣтвицкій, и, разумѣется, умныхъ разговоровъ не вышло. Вѣтвицкій излагалъ великія преимущества своей новой профессіи, а Мишуринъ выпивалъ и закусывалъ. Однимъ словомъ—съ выходомъ изъ школы кончилась теоретическая часть жизни и началась практическая. Въ самоусовершенствованіи больше никто не нуждался.

Это было въ октябрѣ. Наступили первые легкіе холода, но обыватели С., привыкшіе къ южному теплу, поспѣшили затопить печи. Мой кабинетъ отапливался каминомъ, Ольга любила это мѣстечко; по вечерамъ она садилась у камина и весело глядѣла на яркое пламя. Я уже недѣли двѣ посѣщалъ по вечерамъ своего патрона, знакомясь съ дѣлами. Это мнѣ не доставляло никакого заработка, но я не хотѣлъ выступать въ роли неопытнаго юнца, котораго можетъ сбить съ толку всякій бездарный прокуроръ. Я считалъ, что сперва надо до тонкости изучить суть адвокатскаго дѣла.

Было около десяти часовъ, когда я пришелъ домой. Въ моемъ кабинетѣ на столѣ горѣла лампа. Ольга сидѣла неподалеку отъ пылавшаго камина и шила какой-то небольшой кусокъ холста. На стулѣ около нея лежали кучей еще нѣсколько такихъ-же кусковъ. Когда я поцѣловалъ ее, она посмотрѣла на меня какимъ-то торжественнымъ взглядомъ.

— Это что за тряпки?—спросилъ я.

— Это не тряпки. Это пеленки!—ровнымъ и простымъ тономъ отвѣтила она.

— Пеленки?

Конечно, для меня больше не нужно было разъясненій. Я горячо обнялъ мою жену и поцѣловалъ съ такою искренностью, какую рѣдко мнѣ приходилось испытывать.

Digitized by Google

— Давно? спросилъ я.

— Четвертый мѣсяцъ на исходѣ!

— И ты мнѣ до сихъ поръ не сказала?

Она разсмѣялась.—Въ этомъ дѣлѣ часто бываютъ ошибки. Сегодня я узнала навѣрное. Уже никакихъ сомнѣній.

Она встала и прижалась ко мнѣ. — Только осторожно! сказала она съ улыбкой. — Не прижимай меня такъ. Ты можешь обезпокоить нашего сына!..

Она начала описывать мнѣ степень своего счастья. Вѣдь она считала себя больной и неспособной сдѣлаться матерью. Но съ тѣхъ поръ, какъ это сдѣлалось фактомъ, она почувствовала массу новыхъ силъ. Да, именно, это излечило ее. Беременность проходила легко. Легкая тошнота и незначительныя головныя боли—вотъ все, чѣмъ она страдала, но и объ этомъ я не зналъ впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ.

Я однако не увлекался иллюзіями. Я зналъ, что подобные случаи прилива силъ во время беременности у слабыхъ субъектовъ ведутъ за собой страшное ослабленіе послѣ родовъ и часто кончаются катастрофой. Я боялся, что Ольга не перенесетъ родовъ и при этой мысли у меня сердце сжималось отъ грусти. Я успѣлъ сильно привязаться къ этой женщинѣ; теперь-же, когда въ ней билось сердце моего ребенка, она стала для меня неимовѣрно дорога.

Марья Николаевна, узнавъ о положеніи Ольги, пришла въ дикій восторгъ. Она принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые ничего не могутъ дѣлать безъ компаніи. Но она поражалась стоицизмомъ Ольги.

— И вы не боитесь? Совсѣмъ-таки не боитесь? — А я умираю отъ страха. Вѣдь это ужасно, ужасно, ужасно!..

Ольга вела дѣятельную жизнь, много ходила, собственноручно шила все „приданое“ нашему будущему потомку. Состояніе ея духа было бодрое. По временамъ

Digitized by Google

она даже пѣла, чего прежде съ нею никогда не было. У нея оказался маленькій и довольно пріятный голосокъ.

Нечего и говорить, что я долженъ былъ нести вмѣстѣ съ нею всю тяготу беременности, насколько это для меня было возможно. Я принималъ самое дѣятельное участіе въ приготовленіи ванны, которую Ольга брала черезъ день, я дѣлалъ вмѣстѣ съ нею ежедневно моціонъ—ровно столько, сколько это необходимо для беременной женщины, я участвовалъ въ обсужденіи фасоновъ разныхъ частей „приданаго“, даже помогалъ кроить и иногда, когда у Ольги уставали руки, вертѣлъ колесо ручной швейной машинки. Мишуринъ, часто застававшій меня за этимъ занятіемъ, смѣялся по этому поводу и замѣчалъ, что онъ затрудняется рѣшить, кто изъ насъ собирается произвести на свѣтъ — Ольга или я. Это было въ самомъ дѣлѣ немножко странно, но Ольга этого требовала; она такъ понимала супружество: все вмѣстѣ, общими силами. Въ январѣ наши прогулки по улицамъ обращали общее вниманіе. Въ то время, какъ Марья Николаевна ходила для моціона по своей обширной квартирѣ, стыдясь выйти на улицу, Ольга дѣлала это съ гордостью.

20-го февраля въ три часа утра я мчался на извозчикѣ за нашей акушеркой. Ольга кривилась, но старалась не стонать и ходила по комнатѣ. Когда мы пріѣхали и вошли въ квартиру, она была блѣдна, но бодрилась и не хотѣла лечь въ постель. Видимо, она очень страдала. Я сказалъ, что пойду за докторомъ, но она запретила мнѣ дѣлать это.

Я чувствовалъ въ это время, какъ между мною и ею устанавливается желѣзная, неразрывная связь. Я уже теперь понималъ, что послѣ этихъ, испытанныхъ ею мукъ, потеря этой женщины была бы для меня страшнымъ ударомъ.

Пробило шесть часовъ, когда послѣ отчаяннаго послѣдняго стона матери появилась на свѣтъ моя дочь. Я увидѣлъ ея черную миніатюрную головку и смуглое ли-

Digitized by Google

чико и подумалъ, что она будетъ напоминать мнѣ свою мать. Роды кончились вполнѣ благополучно.

Марья Николаевна не могла посѣтить Ольгу. Какъ разъ въ это время она собиралась родить. Но она начала собираться слишкомъ рано. Кремчатовъ забѣжалъ ко мнѣ на другой день послѣ рожденія моей дочери взволнованный и встрепанный. Онъ спрашивалъ у меня совѣта, какихъ докторовъ пригласить ему. Я рекомендовалъ свою акушерку, которая была очень искусна.

— Ну, какъ можно! Могу-ли я довѣрить судьбу своей жены и ребенка акушеркѣ. Тѣмъ болѣе, что средства мои позволяютъ принять всѣ предосторожности...

И онъ принялъ всѣ предосторожности. У него была акушерка и два доктора, которымъ, впрочемъ, нечего было дѣлать, потому что Марья Николаевна родила съ замѣчательной легкостью въ какіе-нибудь три часа. Но Кремчатовъ гордился тѣмъ, что его сынъ явился на свѣтъ въ присутствіи двухъ докторовъ.

Я не знаю, какимъ образомъ узнала Анна Гавриловна о событіи въ моемъ домѣ. Она явилась со всей торжественностью, приличной ея состоянію. Карета Масловитаго, запряженная воронымі рысаками, съ важнымъ кучеромъ, съ ливрейнымъ лакеемъ на козлахъ, стояла у нашего подъѣзда. Анна Гавриловна сняла свою драгоцѣнную шубу и вошла въ черномъ шелковомъ платьѣ, украшенномъ массой кружевъ. Она привезла тонкое дѣтское одѣяло изъ мягкой козьей шерсти, спеціально выписанное съ Кавказа для моей дочери, и массивный золотой крестъ и просила принять все это отъ бабушки. Я не считалъ себя вправѣ отказаться. Она сидѣла у Ольги съ полъ-часа, но я видѣлъ по лицу ея, что она не уѣдетъ, пока не скажетъ мнѣ нѣчто. Я далъ ей возможность сдѣлать это, предложивъ ей осмотрѣть въ подробностяхъ нашу квартиру. Мы были въ гостиной, когда она сказала мнѣ вполголоса:

— Они въ Швейцаріи... Ты знаешь, у нея скоро будетъ ребенокъ. Вотъ ея послѣднее письмо... Я взялъ въ

Digitized by Google

руки письмо и крѣпко сжалъ его. Среди окружающей меня обстановки, когда жена моя, изнеможенная мучительными родами, лежала въ постели, а рядомъ съ нею въ маленькой кроваткѣ спалъ мой ребенекъ, котораго я уже любилъ, этотъ разговоръ и это письмо были конечно неумѣстны. Но въ душѣ моей очень легко уживались эти два интереса—къ тому, что здѣсь и къ тому, что тамъ. Достигнувъ ближайшей цѣли, я оставилъ жизнь идти своимъ порядкомъ. Я былъ доволенъ своей личной жизнью и жилъ ею. Я зналъ, что Наденька еще не успѣла исчерпать весь интересъ своего новаго положенія. Ни торопиться, ни торопить было не къ чему. Жизнь сама устроитъ то, что хорошо направлено умѣлой рукой. Мои нервы были всегда спокойны. Но это письмо вдругъ заставило меня перенестись мысленно туда. Десять мѣсяцевъ—такой солидный періодъ времени, за который не мѣшаетъ представить отчетъ. Это письмо было для меня косвеннымъ отчетомъ. Изъ него я долженъ былъ узнать, что вышло изъ моего созданія.

Анна Гавриловна уѣхала. Ольгѣ надо было спать, я удалился въ кабинетъ и занялся письмомъ. Оно было не длинно. Двѣ странички обыкновеннаго листа почтовой бумаги. Видно было, что Надежда Алексѣевна не находила большого удовольствія въ изліяніяхъ передъ матерью.

Письмо заключалось въ описаніи поэтической мѣстности, гдѣ лежалъ „нашъ замокъ“. Но въ концѣ его, въ post-scriptum, было прибавлено: „черезъ три мѣсяца я сдѣлаюсь матерью“. И ничего о томъ, счастлива-ли она, довольна-ли своимъ положеніемъ. Но, должно быть, она была счастлива, потому что объ этомъ молчатъ; говорятъ же, изливаются тогда, когда посѣщаетъ несчастье.

И ни слова обо мнѣ. Неужели она до сихъ поръ еще не понимаетъ? Поймётъ, рано или поздно поймётъ...

Я возвратился къ Ольгѣ. Она лежала въ лихорадкѣ.

— Вотъ видишь, сказала она,—говорили, что я больная женщина. Какая это была клевета! Я не только родила хорошо, а еще отлично выкормлю нашу дочку!..

Digitized by Google

XVII.

Ольга встала съ постели, но была еще очень слаба. Докторъ совѣтовалъ ей взять кормилицу, но она обидѣлась и наотрѣзъ отказалась.

— Я никому не довѣрю своей дочки. Да и зачѣмъ? У меня такая масса молока.

Дѣйствительно, у нея не было недостатка въ молокѣ, тѣмъ не менѣе я замѣчалъ, что кормленіе истомляетъ ее. У нея часто кружилась голова, ее тянуло ко сну. Ребенокъ велъ себя спокойно и повидимому былъ сытъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Этотъ ребенокъ, кромѣ непосредственнаго наслажденія любить его, чувствовать себя отцомъ, доставилъ мнѣ совершенно особенное удовольствіе. Съ появленіемъ его на свѣтъ, нѣжные узы, которыми сковывала меня любовь моей жены, ослабѣли, я получилъ нѣкоторую свободу. Я могъ спокойно сидѣть одинъ въ своемъ кабинетѣ въ то время, какъ Ольга купала ребенка, пеленала, кормила и всячески возилась съ нимъ. Изъ дому я уходилъ одинъ, заходилъ къ знакомымъ, раза-два побывалъ даже въ замкѣ Масловитаго, гдѣ Анна Гавриловна угощала меня сорокалѣтней мадерой. Ольга такъ была занята своимъ материнствомъ, что не замѣчала моей распущенности.

Цѣлый мѣсяцъ мы тщательно изучали календарь, отыскивая имя для нашей дочери. Ольга находила, что ни одно имя не подходитъ къ ней. Дѣвочка обѣщала быть брюнеткой съ большими темными глазами. Было наконецъ рѣшено назвать ее Клеопатрой. Анна Гавриловна пріѣхала и категорически заявила, что желаетъ быть крестной матерью. Я предоставилъ Ольгѣ высказаться по этому поводу. Вѣроятно потому, что у насъ совсѣмъ не было близкихъ знакомыхъ, она согласилась. Марью Николаевну, жену Кремчатова, она считала слишкомъ легкомысленной для этого. Когда-же возникъ вопросъ о крестномъ отцѣ, то Ольга вспомнила о своемъ

Digitized by Google

братѣ, Иванѣ Михайловичѣ. Онъ будетъ записанъ, а при обрядѣ его кто-нибудь замѣнитъ. Я ничего не имѣлъ противъ этого, хотя этотъ братъ для меня представлялся мифическимъ. По какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ онъ въ эту осень не пріѣхалъ въ городъ или, можетъ быть, только не заѣхалъ къ сестрѣ.

Маленькой Клеопатрѣ было два мѣсяца, когда ее крестили. Анна Гавриловна привезла ей царскіе подарки: невѣроятной тонкости крошечное бѣлье, которое считалось дюжинами, брилліантовый крестъ и драгоцѣнное одѣяло. Ольга сначала покосилась на нее, но затѣмъ подумала, что малюткѣ будетъ очень удобно въ этихъ нѣжныхъ вещицахъ и примирилась. Кремчатовъ держалъ Клеопатру, замѣняя кума. Марья Николаевна пришла со своимъ сыномъ, котораго назвали Василіемъ для того, чтобы продолжить до безконечности фирму Васильевъ Васильевичей. Его уже давно окрестили, такъ какъ этого потребовали родственники съ купеческой стороны.

Какъ-то разъ, возвратившись отъ моего патрона, я увидѣлъ въ столовой накрытый столъ о трехъ приборахъ. Я подумалъ, что у насъ обѣдаетъ Кремчатовъ. Ольга вышла мнѣ навстрѣчу. Глаза ея блестѣли, на щекахъ былъ яркій румянецъ, она видимо была взволнована.

— Иванъ пріѣхалъ! шепотомъ сообщила она мнѣ. Я не сразу понялъ, о комъ идетъ рѣчь. — Иванъ, мой братъ! — пояснила она.

— Что-же, отлично! Познакомимся, я радъ! сказалъ я своимъ обыкновеннымъ тономъ.

Ольга взглянула на меня растерянно и какъ-бы колебалась въ чемъ-то.

— Развѣ онъ привезъ какую-нибудь печальную вѣсть? спросилъ я.

— Нѣтъ... но онъ... онъ не одобряетъ...

— Не одобряетъ?.. Чего?..

Ольга глядѣла въ сторону и въ глазахъ ея стояли слезы. Этотъ подавленный тонъ, это колебаніе и волненіе—въ одинъ мигъ почему-то нарисовали передо мной

Digitized by Google

дикую тяжеловѣсную фигуру въ длинномъ кафтанѣ и въ большихъ сапогахъ, небритую и нечесанную, упорно и грубо неодобряющую все и вся во что-бы то ни стало, и притомъ,— все это во имя великой идеи, что́ и подавляетъ мою бѣдненькую, слабенькую духомъ и тѣломъ Ольгу. И входя въ залъ, гдѣ находился братъ Иванъ, я былъ въ достаточной степени предубѣжденъ противъ этого человѣка.

Я вошелъ и представился: — мужъ Ольги, Андрей Николаичъ!

Братъ Иванъ поднялся съ дивана и поклонился мнѣ неловко и конфузливо. Тутъ я убѣдился, что мое представленіе нисколько не походило на дѣйствительность. Братъ Иванъ былъ пониже средняго роста, плечистъ и повидимому силенъ. Лицо его, густо обросшее кудрявыми русыми баками и бородой, не выражало ни большого ума, ни замѣтной глупости. Это было лицо средняго человѣка, скорѣе мѣщанина, чѣмъ интеллигентнаго. Большіе голубые глаза смотрѣли мягко и спокойно; волосы на головѣ были благообразно причесаны съ проборомъ сбоку. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую пиджачную пару плохого сукна и прескверно сшитую. Ничего протестующаго, упорнаго, энергичнаго въ его фигурѣ не было. Напротивъ, всѣ его движенія показывали, что онъ сильно стѣсняется и какъ бы проситъ снисхожденія.

— А я, видите, не зналъ, что сестра замужемъ! сказалъ онъ нѣсколько хриплымъ, но совершенно мирнымъ теноромъ.

— Какъ-же, какъ-же! подтвердилъ я тономъ шутки:— не только замужемъ, а даже успѣла сдѣлать васъ дядей и крестнымъ папенькой вмѣстѣ!..

— Да, да, да! Онъ улыбнулся, показалъ свои бѣлые зубы, такіе-же крупные, какъ у Ольги и замолчалъ. Повидимому, онъ не зналъ, о чемъ говорить со мной. Но я рѣшился съ перваго-же разу составить себѣ хоть приблизительное понятіе объ этомъ человѣкѣ.

— Вы, кажется, не совсѣмъ одобряете ея замужество? сказалъ я.

Digitized by Google

Братъ Иванъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Не собственно — Ольги... Я вообще думаю, что это мѣшаетъ...сказалъ онъ, сильно запинаясь.

Я мысленно сдѣлалъ сближеніе этого человѣка съ моимъ другомъ Вѣтвицкимъ. Очевидно, это были люди одной школы. Но меня удивляло, что такой повидимому слабо убѣжденный человѣкъ могъ такъ глубоко смутить мою жену.

— Чему-же это можетъ помѣшать? спросилъ я.

— Чему? переспросилъ онъ, глядя чуть-чуть въ сторону отъ меня:—что-бы вы сказали, если-бы солдаты какой-нибудь воюющей страны, идя на войну, забрали-бы съ собой своихъ женъ и на придачу къ нимъ—свои теплыя перины? Что-бы вы сказали, если-бы въ то время, какъ трубачъ затрубилъ призывъ къ сраженію, эти воины валялись-бы съ своими женами на мягкихъ перинахъ въ любовномъ упоеніи? Врагъ наступаетъ, ряды его надвигаются все ближе и ближе, а трубачъ напрасно трубитъ воинственный мотивъ, воины не слышатъ... Они предаются любви!..

По мѣрѣ того, какъ онъ, глядя въ сторону отъ меня, говорилъ, въ глазахъ его разгоралось пламя, голосъ его становился мужественнѣе и крѣпче. Онъ преображался на моихъ глазахъ. „Фанатикъ“,—подумалъ я,—и рѣшилъ не возражать ему, а дослушать его до конца. Я видѣлъ, что онъ не остановится, не оборветъ свою рѣчь, пока не скажетъ все. И онъ продолжалъ:

— Вы сказали-бы, что эти воины никуда не годятся и что сраженіе будетъ проиграно... Но развѣ вы дѣлаете не то-же? Придите къ намъ и посмотрите, какъ слѣпые люди бродятъ въ темнотѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу. И каждое мало-мальски видючее животное старается схватить его своими острыми коготями, присосаться къ нему и высосать нѣсколько капель его крови... Если-бы вы видѣли изъ окна вашей столовой, что слѣпой человѣкъ переходя улицу, рискуетъ попасть подъ колеса экипажа, развѣ вы могли-бы спокойно кончать вашъ обѣдъ? А тамъ

Digitized by Google

именно слѣпые люди на каждомъ шагу натыкаются на опасность, и слѣпота ихъ отъ умственной темноты происходитъ. И пока останется на родной землѣ хоть одинъ слѣпецъ, никто изъ зрячихъ не имѣетъ права наслаждаться жизнью, никто не имѣетъ права кончать свой обѣдъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ гнѣвно и при этомъ метнулъ на меня своимъ пламеннымъ взглядомъ. Я замѣтилъ ему очень мягкимъ тономъ:

— Но вѣдь Ольга не такъ здорова, вы сами знаете!..

— Оттого и не здорова, что жизнь не настоящую ведетъ. Знаете, когда замѣчаютъ, что лошадь худѣетъ, ее отводятъ въ табунъ на поправку. Природа — самая лучшая аптека! Вотъ и ей-бы слѣдовало ѣхать въ деревню, въ нашъ табунъ...

И онъ засмѣялся послѣднему сравненію.

Я хотѣлъ спросить, въ чемъ заключается это леченіе, но подумалъ, что у меня нѣтъ основаній разсчитывать на его откровенность. Ольга конечно объяснитъ мнѣ все это. Я воспользовался тѣмъ, что онъ засмѣялся, и нашелъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы пригласить его обѣдать. Онъ молча поднялся и пошелъ за мной. За обѣдомъ къ нему возвратилась та стѣсненность, съ которой онъ меня встрѣтилъ. Онъ запинался, говорилъ отрывисто и ежеминутно благодарилъ. Ольга молчала, но молчаніе ея было какое-то тенденціозное. Взглядъ ея скользилъ по разнымъ предметамъ, но ни разу не остановился ни на мнѣ, ни на братѣ. Когда изъ дѣтской донесся капризный писк моей дочери, она точно обрадовалась этому и поспѣшно убѣжала.

Иванъ Михайловичъ ѣлъ основательно и много, но не пилъ ни водки, ни вина.

— Никогда не пью! объяснилъ онъ:—у насъ слишкомъ много пьютъ для того, чтобы я могъ позволить себѣ эту роскошь.

Когда мы уже ѣли пирожное—экстраординарное блюдо, заказанное въ виду пріѣзда Ивана Михайловича,—явился

Digitized by Google

Кремчатовъ съ своей супругой. Василій Васильевичъ давно уже слышалъ о братѣ Ольги Михайловны, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ, и такъ какъ онъ имѣлъ пристрастіе ко всему замѣчательному, то сейчасъ-же присталъ къ нему.

— Мнѣ очень пріятно... Мы съ вами товарищи по оружію!..—сказалъ онъ.

Иванъ Михайловичъ вскинулъ на него глаза.

— Ну, да... Вы, можетъ быть, не знаете? Я—оперный композиторъ.

— Но я никогда не занимаюсь музыкой, возразилъ Иванъ Михайловичъ.

— Это ничего. Вы живете въ деревнѣ съ просвѣтительными цѣлями, я при посредствѣ музыки облагораживаю ту-же толпу.

— Это немножко не такъ! конфузливо замѣтилъ Иванъ Михайловичъ: — Эта, ваша благородная музыка, никогда не доходитъ до моихъ земляковъ.

— Непосредственно—да, но доходитъ путемъ незамѣтнаго простому глазу вліянія на общее повышеніе вкуса.

И Кремчатовъ принялся очень пространно доказывать Ивану Михайловичу свое положеніе. Хотя Ивану Михайловичу и не было извѣстно, что Кремчатовъ еще только собирался писать оперу, тѣмъ не менѣе онъ повидимому сразу понялъ, что передъ нимъ человѣкъ, у котораго чешется языкъ и только поэтому не возражалъ.

— Ну, вотъ видите, вы со мной согласны!—сказалъ наконецъ Кремчатовъ, а Иванъ Михайловичъ, слегка кивнувъ головой, всталъ и спросилъ у меня, гдѣ Ольга.

— Она съ Клеопатрой! отвѣтилъ я.—Зачѣмъ вамъ она?

— Проститься. Я хочу выѣхать съ вечернимъ поѣздомъ. Ночью буду дома.

— Ну, полноте, что вы!

— Сестра, вы говорите, тамъ?—онъ указалъ по направленію къ дѣтской и, не дождавшись отвѣта, пошелъ

Digitized by Google

туда. Черезъ минуту оттуда вышла къ намъ Марья Николаевна. Она была немного смущена.

— Вашъ родственникъ пришелъ и сказалъ мнѣ: прошу васъ, оставьте насъ вдвоемъ съ сестрой!.. Такой странный!..

— Вы его извините, сказалъ я, — онъ деревенскій.

Между тѣмъ у меня явилось дурное предчувствіе. Мнѣ казалось, что тамъ, въ дѣтской, непремѣнно должна происходить тяжелая сцена. Съ одной стороны—рядъ строгихъ и жестокихъ упрековъ, съ другой—слезы, отчаянье, малодушіе. Я посидѣлъ немного съ моими гостями и затѣмъ прошелъ къ дѣтской. Я подошелъ къ двери на цыпочкахъ и, остановившись, могъ слышать весь разговоръ, происходившій въ комнатѣ.

— Ты такъ рѣдко пріѣзжаешь и такъ спѣшишь!—съ укоромъ говорила Ольга.

— Мнѣ здѣсь не нравится, Ольга... Я стѣсненъ...

— Тебѣ не нравится мой мужъ?—робко и, какъ мнѣ показалось, съ сердечнымъ замираніемъ спросила она.

— Н-нѣтъ... Я не могу этого сказать... Но онъ мнѣ чужой, чужой...

— Мнѣ близкій, а тебѣ чужой...

— Да. Что дѣлать!.. Мы разные люди. Онъ меня не пойметъ...

— Кто? Андрей? Андрей? горячо вступилась Ольга:— Онъ такой умный, онъ все пойметъ, все...

— Тутъ не въ умѣ дѣло. И грустно мнѣ видѣть, что ты закабалилась своему личному счастью. Этотъ комфортъ, довольство. Теперь у тебя младенецъ и ужь съ тебя взятки гладки.

— Ахъ, Иванъ! Да что-же я могла? Я ничего не могла. Я была безполезна.

— Тѣмъ больше. Ты не смѣла взять счастье. Это чужое счастье... Понимаешь ты? Ни одна капля счастья не проходитъ даромъ. Ты берешь ее, значитъ кто-то другой теряетъ... Однако прощай, прощай!.. Я тебѣ все высказалъ, а ты забудь. Самое лучшее!..

Digitized by Google

Два поцѣлуя, одинъ — очевидно — Ольгѣ, а другой Клеопатрѣ.

При этомъ мнѣ послышался глубокій вздохъ, вылетѣвшій изъ груди Ольги. Я, разумѣется, поспѣшно удалился. Меня бѣсила эта тупая ограниченность, такъ неотступно навязывающая свои узкіе взгляды слабому существу. Мнѣ хотѣлось сказать ему это, но я рѣшилъ пощадить Ольгу. Черезъ пять минутъ онъ былъ одѣтъ и прощался съ нами, глядя изъ-подлобья. Ольга держала на рукахъ нашу дѣвочку и была болѣзненно блѣдна. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наконецъ уйдетъ этотъ тяжелый человѣкъ.

Онъ формально пожалъ наши руки, столь-же формально поцѣловалъ Ольгу и вышелъ на улицу. Мы посидѣли минутъ десять всѣ вмѣстѣ. Кремчатовъ, чувствуя неловкость положенія, началъ разсказывать о Мишуринѣ, который не только закусывалъ у него, а еще домой бутерброды уносилъ. Я разсмѣялся и Ольга, какъ мнѣ казалось, тоже. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то неожиданно встала и ушла къ себѣ въ комнату; по ея движеніямъ или не знаю почему—я тонко почувствовалъ, что съ ней творится неладное. Вѣроятно Кремчатовы прочитали на моемъ лицѣ безпокойство, потому что сейчасъ-же распрощались и ушли. Я пошелъ въ спальню. Остановившись на порогѣ, я увидѣлъ, что Клеопатра лежитъ на кушеткѣ и безпокойно размахиваетъ ручками. Ея смуглое личико выражаетъ крайнее недовольство жизнью, она сейчасъ заплачетъ. Ольга-же полулежитъ на кровати, уткнувъ лицо въ подушку.

— Ольга!—окликнулъ я.

Она вздрогнула и еще больше зарылась лицомъ въ подушку. Я подошелъ къ ней.—Ольга, милая, что съ тобой?!.

Она вся дрожала. Я услышалъ сдавленныя рыданія. Я хотѣлъ утѣшить ее и нѣжно охватилъ рукой ея талію. Она какъ-то вся съежилась и точно хотѣла высвободиться. Потомъ она подняла лицо—смертельно блѣд-

Digitized by Google

ное, съ воспаленными глазами, съ большими красными пятнами вокругъ нихъ.

— Андрей, уйди, уйди... Я не могу!..

— Я уйду, если это тебя успокоитъ, Ольга! сказалъ я, пораженный этимъ первымъ отказомъ ея отъ моей ласки. Я поцѣловалъ ея руку и направился къ двери. Но въ тотъ-же мигъ я услышалъ позади себя потокъ рыданій. Я обернулся. Ольга протянула ко мнѣ обѣ руки. Я быстро подошелъ къ ней и она сжала меня въ порывистыхъ страстныхъ объятіяхъ. Я чувствовалъ, что на мою голову вмѣстѣ съ ея поцѣлуями капали горячія слезы. Я спрашивалъ, что съ нею.

— Не знаю, милый, не знаю!.. Но я почувствовала... Мнѣ показалось, что болѣзнь моя опять пришла... И что я умру... И что это былъ обманъ. Ужасный обманъ!..

И она цѣловала меня и Клеопатру и рыдала и говорила о смерти, пока мнѣ не удалось успокоить ее и усыпить на моихъ рукахъ.

XVIII.

— Если ваша жена будетъ продолжать кормить ребенка,—сказалъ мнѣ докторъ,—она... ей это принесетъ весьма глубокій вредъ!

Докторъ конечно не хотѣлъ огорчить меня и потому подыскалъ наиболѣе мягкое выраженіе. „Принесетъ весьма глубокій вредъ“, это означало ничто иное, какъ то, что Ольгѣ грозитъ скорый конецъ. Въ этомъ докторъ былъ правъ, но не ошибался-ли онъ, приписывая это кормленію? Я самъ не могъ понять этого. Почему эта глубокая перемѣна въ Ольгѣ совпала съ краткимъ и страннымъ визитомъ Ивана Михайловича? Почему именно послѣ этого зловѣщаго визита въ ней какъ-бы оборвалась та струна, которая придавала ея жизни счастливый колоритъ и эта жизнь сдѣлалась печальной?

Digitized by Google

Перемѣна произошла рѣшительно во всемъ. Ольга, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ упивавшаяся счастьемъ быть женой и матерью, Ольга, дорожившая каждой моей лаской и съ восторгомъ глядѣвшая на свою Клеопатру, вдругъ какъ-бы охладѣла къ нимъ обоимъ. Я по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и она не только не приходила „мѣшать“ мнѣ, но даже не всегда откликалась на мой призывъ. Иногда я уходилъ изъ дому утромъ и возвращался къ обѣду и это ее не тревожило, она только освѣдомлялась о томъ, гдѣ я былъ и этимъ ограничивался весь интересъ ея къ моей особѣ. Это начинало безпокоить меня. Однажды я подсѣлъ къ ней и, ласково обнявъ ее талію, началъ говорить о томъ, что не дурно-бы поискать хорошенькую дачку, нарисовалъ ей цѣлый планъ, какъ устроиться. Она не отстраняла меня, но и не отвѣчала на мою ласку.

— Что-же, Ольга, поѣдемъ завтра? а?—спросилъ я.

— Никуда я не поѣду... Мнѣ все равно! отвѣтила она, не глядя на меня.

— Почему-же?

— Такъ. Не знаю, почему... Мнѣ все равно, гдѣ жить, или вѣрнѣе—гдѣ умирать!..

— Что ты говоришь, Ольга? Съ какой стати тебѣ думать о смерти? За этотъ годъ ты такъ хорошо поправилась, такъ мужественно родила нашу дочку. Ты совсѣмъ другимъ человѣкомъ стала. Теперь ты слабовата, но это оттого, что ты еще не оправилась.

— Я и не оправлюсь больше!—сказала она до такой степени простымъ и убѣжденнымъ тономъ, что мнѣ сдѣлалось страшно.

— Полно, что за глупости ты говоришь?

— Нѣтъ, не глупости! Я это знаю, вижу, чувствую. Да иначе и быть не можетъ. Весь этотъ годъ я жила однимъ страшнымъ напряженіемъ нервовъ. Я думала, что это было здоровье и счастье, а это было только отчаянное усиліе жить...

Digitized by Google

Спокойствіе, съ которымъ она вполнѣ сознательно раскрывала передо мной свою рану, потрясало меня. Мнѣ просто хотѣлось плакать. А она продолжала:—я хотѣла обмануть природу, но это никогда не удается. Я очень скоро умру, Андрей, очень скоро!

Ужаснѣе всего было то, что я не могъ вполнѣ искренно возражать ей на это. Вѣдь это была правда. Когда докторъ сказалъ мнѣ о „весьма глубокомъ вредѣ", который принесетъ Ольгѣ кормленіе, я сказалъ ей объ этомъ.

— Ты должна перестать кормить, сказалъ я: — мы возьмемъ кормилицу.

— Хорошо! отвѣтила она, — возьмемъ кормилицу!..

Я подумалъ: что, если-бы я сказалъ ей это мѣсяцъ назадъ? Она возмутилась-бы, прижала-бы къ груди Клеопатру и сказала-бы, что никому не позволитъ кормить ее. Да, это, кажется, было такъ, какъ она объясняла: годъ страшнаго напряженія нервовъ. Подъ случайнымъ вліяніемъ безпощаднаго укора этого страннаго человѣка, ея брата, который, очевидно, задавилъ ее своей дикой фанатической убѣжденностью, это напряженіе сразу упало и она вдругъ почувствовала невѣроятное утомленіе. Болѣзнь ея не потухала, она тлѣла подъ страстнымъ проявленіемъ жажды жизни и теперь грозила разгорѣться въ пожирающее пламя.

Мы взяли кормилицу. Ольга сдала ей на руки Клеопатру безъ малѣйшаго сокрушенія. У нея теперь появилась новая потребность. Она уходила къ себѣ въ спальню, ложилась на кровать и такъ проводила по нѣскольку часовъ, вытянувшись во весь ростъ на спинѣ и положивъ ладони подъ голову.

— Я устала, страшно устала! говорила она, когда я заходилъ къ ней и пытался развлечь ее разговоромъ. Я смотрѣлъ на ея лицо, которое похудѣло, осунулось и сдѣлалось блѣднымъ, и думалъ о томъ, какъ быстро пошло у ней все на убыль. Сидя съ тревогой въ кабинетѣ, я не разъ слышалъ сдержанный плачъ и подавленные вздохи.

Digitized by Google

— О чемъ ты, Ольга? спрашивалъ я, но Ольга смотрѣла на меня сурово, съ сдвинутыми бровями, съ рѣзкой складкой на лбу. Моя жена, прежде столь довѣрчиво открывавшая мнѣ свою душу, теперь для меня замкнулась. Мнѣ даже показалось, что въ ея отношеніи ко мнѣ явилось что-то враждебное.

Такъ прошло почти все лѣто. Въ домѣ нашемъ было сумрачно. Ни прежняго смѣха, ни дружескихъ задушевныхъ бесѣдъ, ничего этого теперь не было. Говорились короткія отрывистыя фразы, — Ольга произносила ихъ сквозь зубы и глядя мимо моихъ глазъ, я—съ осторожностью, боясь, чтобы случайно не раздражить ее, не заставить уйти въ спальню вздыхать и плакать. Наши отношенія имѣли такой видъ, будто въ одномъ домѣ по необходимости поселились враги и каждый далъ себѣ слово до поры до времени сдерживать свои враждебныя чувства.

Но уже въ августѣ я убѣдился, что Ольга совсѣмъ плоха. Задержанная болѣзнь, какъ-бы прорвавъ поставленную на ея пути плотину, спѣшила наверстать потерянное время. Къ Ольгѣ вернулись безсонница и кашель, который будилъ меня ночью и заставлялъ вздрагивать и вскакивать съ постели. Я подходилъ къ ея кровати, предлагалъ ей воды, бралъ ея руку, но рука ея была безучастна и на мою ласку, на мое сочувствіе не было отвѣта.

— Ольга, тебѣ надо лечиться! говорилъ я ей.

Въ отвѣтъ на это губы ея складывались въ саркастически-презрительную мину и я понималъ, что она не вѣритъ ни въ какое леченіе, а вѣритъ только въ близкую и несомнѣнную смерть. Однажды ночью я былъ разбуженъ страшнымъ припадкомъ кашля у Ольги. Когда я открылъ глаза, она сидѣла въ постели и стонала. Я подошелъ къ ней и увидѣлъ на подушкѣ огромное кровяное пятно. Я взялъ ея руки, перецѣловалъ ихъ и почувствовалъ, что глаза мои наполнились слезами.

— Ольга милая, дорогая, послушай меня, моя го-

Digitized by Google

лубка... Ты еще можешь жить, а между тѣмъ ты сама себя толкаешь къ смерти. Послушай меня, твоего единственнаго друга: лечись! Поѣдемъ въ Швейцарію завтра-же, сейчасъ-же!

Должно быть, она слышала, какъ дрожалъ мой голосъ и чувствовала, что я говорю искренно и что она очень дорога для меня. Она посмотрѣла на меня довѣрчиво и приложила къ моей щекѣ свой холодный лобъ.

— Нѣтъ, отвѣтила она, — помнишь, что сказалъ Иванъ Михайловичъ?

При этомъ имени я ощутилъ въ груди негодованіе. Конечно, этотъ дикій человѣкъ имѣлъ на нее глубокое вліяніе и былъ единственной причиной такого скораго конца. Не смути онъ ее своими деспотическими упреками, быть можетъ, еще долго въ ней не началась-бы реакція и она могла-бы еще лишній годъ прожить на свѣтѣ.

— Ахъ, Ольга, неужели ты не видишь, что я твой единственный и самый искренній другъ, а Иванъ Михайловичъ только твой тиранъ, не болѣе?

Она отрицательно качала головой.

Черезъ четверть часа у ея кровати были два доктора. Но конечно имъ не долго пришлось изслѣдовать ее, потому что болѣзнь ея была ясна и несомнѣнна.

— Сію-же минуту — въ Швейцарію! сказали мнѣ въ одинъ голосъ оба врача: — спасти нельзя, но поправить и продлить жизнь можно.

— Видишь, Ольга, врачи мнѣ сказали, что ты можешь прожить еще двадцать лѣтъ, если сейчасъ уѣдешь отсюда, говорилъ я ей.

— Врачи солгали! просто и повидимому спокойно отвѣтила она.

Но я рѣшился добиться ея согласія. Я зналъ, что это мнѣ не удастся помимо Ивана Михайловича, поэтому я въ то-же утро написалъ ему: „Ольга умираетъ. Вашъ немедленный пріѣздъ необходимъ“. Я не могъ только придумать, съкѣмъ послать это письмо. Почта везла-бы

Digitized by Google

его три дня, телеграмма-же могла недѣлю пролежать на станціи. Въ это время къ намъ зашелъ Мишуринъ.

— Вы пришли кстати, сказалъ я и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Этотъ упорный человѣкъ, Иванъ Михайловичъ, можетъ, получивъ письмо, отложить его въ сторону. Вѣдь онъ каменный. Нуженъ живой человѣкъ, который, въ случаѣ надобности, взялъ-бы его силой. Мишуринъ, разумѣется, сейчасъ-же согласился ѣхать. Все его время было свободно. Да если-бы у него и дѣло было, онъ его бросилъ-бы.

— Вотъ вамъ письмо, а вотъ деньги. Возьмите ихъ побольше на всякій случай...

Мишуринъ сконфузился. — Денегъ у меня, дѣйствительно, нѣтъ! сказалъ онъ. Я погналъ его на вокзалъ и онъ уѣхалъ съ десятичасовымъ поѣздомъ.

Эти сутки, что я провелъ въ ожиданіи, были для меня мучительны. Ольга, правда, была ласкова со мной, позволила даже помочь ей одѣться, но о поѣздкѣ не хотѣла и слышать. Между тѣмъ, слабость ея была такъ велика, что, пройдя черезъ комнату, она уже чувствовала головокруженіе и должна была садиться.

Я не спалъ всю ночь, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда пробьетъ шесть часовъ. Около этого времени приходилъ поѣздъ, который долженъ былъ привезти Ивана Михайловича. Утро было ясное. Поднялось солнце и цѣлый снопъ яркихъ лучей залилъ свѣтомъ мою комнату. Ольга послѣ безсонной ночи спала крѣпко. Я услышалъ стукъ экипажа и взглянулъ въ окно. На извозчичьей бричкѣ сидѣли Мишуринъ и Иванъ Михайловичъ. Я осторожно открылъ дверь и впустилъ ихъ въ столовую.

Иванъ Михайловичъ былъ блѣденъ. По глазамъ его я видѣлъ, что онъ оченъ встревоженъ. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и все порывался ходить по комнатѣ.

— Что-же именно, позвольте узнать? Что-же именно? спрашивалъ онъ крайне неспокойнымъ голосомъ.

— Да вѣдь вы-же знаете, что у нея давно была чахотка!

Digitized by Google

— Да, я это зналъ. Но въ послѣдній разъ я видѣлъ ее вполнѣ здоровой...

— Она поправилась. Благодаря хорошо сложившимся обстоятельствамъ, благодаря тому, что она была счастлива, конецъ былъ отсроченъ и, быть можетъ, надолго. Но вы... извините меня... вы своими ненужными и безтактными укорами повергли ее въ отчаяніе и это было поворотнымъ пунктомъ...

— Не говорите этого, пожалуйста! возразилъ онъ, мрачно сверкая глазами, но это былъ не гнѣвъ, а страхъ. Да, я видѣлъ, что онъ теперь спохватился и боится, чтобы какъ-нибудь не убѣдиться въ правотѣ моихъ словъ.

— Вѣдь я-же говорилъ то, что думаю и чувствую, это—мое убѣжденіе!

Но я былъ слишкомъ взбѣшенъ для того, чтобы остановиться. Убѣжденіе! Да ужь если это дурацкое убѣжденіе дѣйствительно твое кровное, то имѣй мужество взять на себя и отвѣтственность за послѣдствія. Между тѣмъ для меня было очевидно, что Иванъ Михайловичъ струсилъ и очень былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь отстранить отъ себя отвѣтственность.

— Какъ-же, какъ-же! горячо говорилъ я:—это большой подвигъ—наперекоръ всѣмъ самымъ очевиднымъ обстоятельствамъ твердить свое убѣжденіе, хотя-бы отъ этого передъ вами слабое существо сгибалось, какъ лоза... Упереться въ стѣну лбомъ и стоять такимъ образомъ непоколебимо... О, это страшный подвигъ! Удивительный подвигъ! Но вы при этомъ видѣли, какъ пагубно дѣйствовало это на Олыу, какъ подавляло, уничтожало ее!.. И вы наслаждались сознаніемъ своей силы надъ нею, а *ея* счастье, *ея* жизнь васъ не занимали... Извините меня, но я не могу относиться къ этому иначе, какъ съ негодованіемъ.

Иванъ Михайловичъ сидѣлъ у круглаго столика, поставивъ на него локти и закрывъ лицо въ ладоняхъ. Мнѣ показалось даже, что онъ закрылъ и уши, поэтому я прекратилъ свое объясненіе. Съ меня, впрочемъ, было

Digitized by Google

достаточно и того, что я довелъ до его свѣдѣнія свое настоящее мнѣніе о немъ и заставилъ его смутиться.

Подали самоваръ. Видъ накрытаго стола съ чайной посудой, со сливками, съ свѣжимъ масломъ, съ шипящимъ самоваромъ смягчилъ напряженное состояніе. Я хлопоталъ около стола, Мишуринъ намазывалъ и ѣлъ бутерброды, Иванъ Михайловичъ всталъ и ходилъ по комнатѣ, внимательно обходя столъ и стулья.

— Господа, неугодно-ли? Ольга еще поспитъ, а мы тѣмъ временемъ подкрѣпимся. Иванъ Михайловичъ, вотъ вашъ чай! Берите!

Иванъ Михайловичъ взялъ свой чай и началъ машинально мѣшать его.

— У меня сегодня масса хлопотъ, продолжалъ я:— вѣдь надо добыть заграничные паспорта, уложить чемоданы... Я хотѣлъ-бы, чтобы завтра курьерскимъ выѣхать. Для Ольги дорогъ каждый часъ!.. Я надѣюсь, что Иванъ Михайловичъ уговоритъ ее ѣхать въ Швейцарію.

Иванъ Михайловичъ отодвинулъ стаканъ съ чаемъ.

— Что-жъ, вы полагаете, что я непремѣнно хочу ея смерти? вызывающимъ тономъ промолвилъ онъ.

— Боже меня сохрани! Потому я и надѣюсь. Да и вообще, къ чему намъ ссориться? Въ тотъ разъ я познакомился съ вашими взглядами, а сегодня познакомилъ васъ со своими, вотъ и все. Теперь, въ виду живого человѣка, которому надо спасти жизнь, мы позабудемъ о своихъ убѣжденіяхъ и будемъ думать только о его жизни.

Въ восемь часовъ Ольга проснулась и позвала меня. Это былъ хорошій признакъ. Я помогъ ей одѣться, принесъ ей чаю и сказалъ, что у насъ гость.

— Кто? спросила она.

— Твой братъ, Иванъ Михайловичъ!

Она улыбнулась и въ то-же время на лицѣ ея выразилось страданіе. Она какъ-бы спрашивала: „неужели онъ будетъ опять мучить меня“?—Ты скажи, чтобы онъ не бранилъ меня!—слабымъ голосомъ промолвила она.

Digitized by Google

— О, нѣтъ, онъ сегодня добродушно настроенъ и даже благосклоненъ ко мнѣ!

Я попросилъ Ивана Михайловича войти въ спальню. На этотъ разъ я счелъ своей обязанностью присутствовать при ихъ свиданіи. Онъ поцѣловался съ нею и сѣлъ на стулъ близъ кровати. Онъ былъ блѣденъ и глядѣлъ растерянно. Его, очевидно, поразила наружность Ольги и вѣроятно онъ тутъ-же окончательно созналъ, что виноватъ въ этой перемѣнѣ. Голосъ его звучалъ слабо и неувѣренно.

— Мужъ твой жалуется, что ты его не слушаешь, сказалъ онъ, стараясь придать своей рѣчи шутливый тонъ,— а развѣ ты не знаешь, что жена должна во всемъ повиноваться своему мужу? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, здоровье прежде всего. Поѣзжай-ка сейчасъ въ Швейцарію!

Ольга взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Она ждала отъ него другихъ рѣчей.

Убѣдившись, что онъ не намѣренъ ни укорять ее, ни читать ей свои суровыя нравоученія, она вздохнула съ облегченіемъ и, къ моему полному удовольствію, стала говорить о томъ, что мнѣ предстоитъ съ нею масса хлопотъ, что я самъ долженъ укладываться и пр.

Я оставилъ ее съ братомъ и полетѣлъ доставать паспорты. Мнѣ обѣщали приготовить ихъ на утро слѣдующаго дня. Оттуда я поѣхалъ прямо къ Аннѣ Гавриловнѣ на дачу. Было около десяти часовъ утра, когда мой извозчикъ подкатилъ меня къ воротамъ знакомой дач . Я быстро прошелъ черезъ паркъ, не замѣчая ни цвѣтовъ, ни рабочихъ.

— Дома Анна Гавриловна? спросилъ я перваго попавшагося лакея.

— Онѣ еще спятъ-съ!—отвѣтилъ онъ.

Анна Гавриловна, будучи вдовой чиновника, вставала въ шесть часовъ, а сдѣлавшись тещей милліонера, стала спать до десяти.

— Пожалуйста, разбудите ее и передайте вотъ эту карточку! сказалъ я.

Digitized by Google

Лакей нерѣшительно взялъ мою карточку, но мой упорно настойчивый видъ придалъ ему рѣшимости и онъ побѣжалъ наверхъ. Черезъ три минуты онъ возвратился.

— Пожалуйте, онѣ сейчасъ одѣнутся и выйдутъ! говорилъ онъ крайне любезно и предупредительно. Меня проводили въ столовую. Я сталъ у окна и глядѣлъ на море, которое вѣчно волновалось и шумѣло. Мимоходомъ я взглянулъ на берегъ и мнѣ показалось, что купальня Масловитаго сильно запущена, а половина яликовъ стоитъ на пескѣ, очевидно, дожидаясь ремонта. Ясное дѣло, что Анна Гавриловна не очень интересовалась фантазіями Масловитаго.

Черезъ десять минутъ я уже пожималъ руку Анны Гавриловны, а она цѣловала меня въ лобъ. Она журила меня за то, что забылъ ее, освѣдомлялась о здоровьѣ Ольги и Клеопатры, но я на ея вопросы не отвѣчалъ.

— Вотъ, Анна Гавриловна, имѣете прекрасный случай услужить мнѣ! сказалъ я.

— Что такое? Говори, говори!

— Ольга очень опасна. Вы знаете, у нея наслѣдственная чахотка и она быстро таетъ...

— Господи, Боже мой!

— Я завтра-же увезу ее въ Швейцарію, въ горы... Вы должны взять къ себѣ Клеопатру съ кормилицей и смотрѣть за ней, какъ за родной дочерью.

— Да что ты говоришь, Андрей Николаичъ! Да неужто она мнѣ не родная? Ахъ, Боже мой!..

— Кромѣ того вы возьмете къ себѣ старую и больную тетку Ольги, устроите за нею хорошій уходъ...

— И возьму! И мѣста, и людей у меня пропасть! Прямо съ ума сходятъ отъ бездѣлья.

— Ну-съ, и наконецъ, дадите мнѣ, денегъ тысячъ пять, потому что своихъ у меня не хватитъ!..

Эта послѣдняя просьба привела въ восторгъ Анну Гавриловну. Она сказала, что сегодня-же возьметъ въ банкѣ деньги и привезетъ мнѣ.

Digitized by Google

Дома я засталъ странную картину. Ольга сидѣла на стулѣ, а Иванъ Михайловичъ, по ея указаніямъ, укладывалъ въ чемоданъ бѣлье. Онъ совсѣмъ смирился и смотрѣлъ овечкой. Мнѣ было пріятно видѣть, что этотъ человѣкъ, такъ высокомѣрно забраковавшій меня, теперь спасовалъ передо мной.

— Съ кѣмъ-же мы оставимъ нашу бѣдную Клеопатрочку? спросила Ольга.

Положимъ, ребенка брать съ собой было невозможно и я уже раньше позаботился о судьбѣ моей дочери, но все-таки этотъ вопросъ меня удивилъ.

Я думалъ, что Ольгѣ во всякомъ случаѣ не придетъ въ голову мысль о разлукѣ съ Клеопатрой, и что мнѣ придется убѣждать ее, доказывать ей, что это необходимо. Но Ольга теперь была уже не та. Почувствовавъ опять въ груди своей смерть, она вдругъ стала глубоко равнодушна ко всему, что привязывало ее къ жизни.

Я объяснилъ, что Клеопатра будетъ прекрасно помѣщена у Турчаниновой, это тѣмъ болѣе хорошо, что Анна Гавриловна ея крестная мать. Къ моему удивленію, и это сообщеніе не вызвало на лицѣ Ольги никакого выраженія недовольства. Я и про тетку сказалъ.

— А я полагалъ тетушку къ себѣ свезти? замѣтилъ Иванъ Михайловичъ. Но этимъ ограничился и не настаивалъ.

Часа въ два заѣхала Анна Гавриловна, зашла къ Ольгѣ, наговорила кучу прочувствованныхъ словъ о томъ, что она любитъ ее, какъ родную, что Клеопатра будетъ ей служить утѣшеніемъ, что за тетушкой она будетъ ухаживать, какъ за ребенкомъ, а Ольгѣ обѣщала, что она очень скоро поправится и пріѣдетъ обратно. Затѣмъ она зашла ко мнѣ въ кабинетъ и воровскимъ манеромъ вручила мнѣ деньги.

— Тутъ десять тысячъ, голубчикъ! Мало-ли что можетъ случиться. Надо, чтобы ни въ чемъ для нея не было недостатка. А ежели выйдутъ, прямо мнѣ телеграфируй, требуй... Въ ту-же минуту вышлю.

Digitized by Google

Я взялъ и поблагодарилъ. Она была права: слѣдовало ожидать всякихъ случайностей.

Кремчатовъ, который пришелъ, когда мы обѣдали, увидѣвъ за столомъ Ивана Михайловича, сдѣлалъ кислую мину. Когда-же онъ узналъ, что мы ѣдемъ за-границу, сейчасъ-же началъ припоминать эпизоды изъ своего былого путешествія. И я, и Ольга слышали ихъ уже не разъ, поэтому онъ обращался больше къ Ивану Михайловичу, который, повидимому, далъ себѣ слово вести себя смирно и слушалъ его молча, но съ видомъ вниманія.

— Да вы собственно куда? спросилъ онъ меня.

— Въ Швейцарію, доктора совѣтуютъ намъ въ Вевe!..

— Вевe? Отлично! Я вамъ дамъ рекомендацію. Тамъ у меня есть пріятель, m-r Гартье, содержатель пансіона, вы только назовите ему мое имя и онъ приметъ васъ, какъ родныхъ! Я у него въ пансіонѣ жилъ три недѣли... Это замѣчательная личность, вы увидите.

— А оттуда въ октябрѣ поѣдемъ въ Италію.

— О, это еще лучше! Въ Италіи я жилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ! Въ Римѣ у меня есть прелестныя знакомства... Напримѣръ, профессоръ живописи синьоръ Пикалотти, ахъ, что это за интересная личность!.. Я его, знаете, занесъ въ свою книгу замѣчательныхъ типовъ... Ему только напомните signor Kremtchatoff и онъ съ восторгомъ вамъ весь Римъ покажетъ!.. У меня вездѣ есть связи...

Все это, разумѣется, не подлежало провѣркѣ, и если-бы я вздумалъ основать свое благополучіе въ заграничномъ путешествіи на связяхъ и рекомендаціяхъ Кремчатова, то, вѣроятно, не далеко уѣхалъ-бы. Но Кремчатовъ принесъ мнѣ огромную пользу. Съ своей обычной любезностью и рѣдкой любовью къ дѣлу, онъ взялъ на себя всѣ хлопоты о мелочахъ, пустился дѣлать закупки, заказы, взялся достать покойное купэ, купилъ билеты, размѣнялъ кредитки на франки, сло-

Digitized by Google

вомъ, принялъ на себя все то, отъ чего главнымъ образомъ голова идетъ кругомъ при сборахъ въ дорогу. Но онъ, именно, любилъ это ощущеніе, когда отъ хлопотъ голова кружится и человѣкъ чувствуетъ себя дѣловитымъ и озабоченнымъ. Кажется, онъ принималъ это за нѣкоторый родъ вдохновенія.

На другой день, когда до отхода поѣзда оставалось не болѣе получаса, у насъ въ квартирѣ были всѣ ближайшіе знакомые, т. е. Кремчатовы, Мишуринъ, Анна Гавриловна и Вѣтвицкій. Ольга одѣвала дорожный ватерпруфъ. Иванъ Михайловичъ отвелъ меня въ столовую и сказалъ:

— Я виноватъ передъ вами. Я много думалъ и пришелъ къ мысли, что къ слабымъ нельзя примѣнять тѣ требованія, которыя примѣнимы къ намъ... Этого я не принялъ во вниманіе.

Онъ говорилъ это съ важно сосредоточеннымъ видомъ, какъ-будто сообщалъ мнѣ какое-нибудь открытіе. Но ему просто нужно было обосновать, пріурочить къ какому-нибудь тезису перемѣну въ своемъ поведеніи. Перемѣна-же эта, по моему, произошла оттого, что онъ воочію увидѣлъ больную, страдающую Ольгу и ему сдѣлалось жаль ее; сквозь толстую броню доктринерства пробилось живое чувство къ живому человѣку, вотъ и все.

Принесли Клеопатру, Ольга поцѣловала ее горячо и крѣпко, но такъ-же точно попрощалась-бы она съ нею, если-бы уѣзжала на цѣлый вечеръ въ театръ. Тетку она попросила не скучать, на что та только махнула рукой.

Черезъ четверть часа мы сидѣли въ купэ. Окна вагона были раскрыты. Теплыя сумерки позволяли это. Десять минутъ еще оставалось для того, чтобы мы не знали, что сказать другъ другу. Наконецъ, ударилъ третій звонокъ.

— Ахъ, чортъ возьми! воскликнулъ Кремчатовъ, ударяя себя ладонью въ лобъ: — я приготовилъ вамъ письма къ m-r Гартье и къ синьору Пикалотти, и мо-

Digitized by Google

жете себѣ представить — забылъ ихъ дома! Какая досада!

Я не имѣлъ времени выразить сожалѣніе по этому поводу, такъ какъ поѣздъ двинулся и наши друзья скоро превратились для насъ въ туманныя фигуры.

XIX.

Переѣздъ до Женевы мы сдѣлали безъ долгихъ остановокъ и безъ приключеній, а отсюда на пароходѣ доставились въ Кларанъ.

Мы остановились въ отелѣ, задній фасадъ котораго, казалось, выросталъ изъ самаго озера. Двѣ комнаты во второмъ этажѣ, съ окнами на озеро, съ балкономъ, подъ которымъ колыхались голубыя волны, привели насъ въ восторгъ. Изъ оконъ видны были горы, раскинувшіяся по ту сторону озера. Солнечные лучи заливали обѣ комнаты яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ.

— О, какъ здѣсь хорошо! воскликнула Ольга и, совершенно утомленная, сладостно растянулась на широкомъ мягкомъ и удобномъ диванѣ. — Брось, пожалуйста, эти скучные чемоданы и сядь здѣсь около меня!

И она съ давно небывалой страстью прижалась ко мнѣ и цѣловала меня. Все прежнее вернулось. По этому началу я долженъ былъ ждать отъ Швейцаріи настоящихъ чудесъ.

Вдругъ она отняла свою правую руку и вытерла набѣжавшія слезы.

— О чемъ это, Ольга? спросилъ я.

— Я не понимаю, какъ это могло случиться! Какъ я могла оставить мою крошку! говорила Ольга дрожащимъ голосовъ:—каково ей тамъ безъ меня? Какъ я могла, какъ я смѣла? Не понимаю, не понимаю!.. Я даже не простилась съ ней какъ слѣдуетъ... Бѣдная моя Клеопатрочка! Отчего ты не повліялъ на меня! Ты долженъ былъ-бы приказать мнѣ! Какое-то отупѣніе на меня нашло...

Digitized by Google

Я успокоилъ ее, сказавъ, что ребенка нельзя было везти въ совершенно неизвѣстный намъ край.

Съ перваго-же дня нашего пріѣзда я отдалъ все свое время Ольгѣ. Она опять требовала, чтобы я дѣлалъ все то, что она дѣлаетъ. Я бродилъ съ нею по нѣсколько часовъ сряду по горнымъ тропинкамъ, водилъ ее къ виноградникамъ и даже ѣлъ съ нею виноградъ, хотя это мнѣ не доставляло никакого удовольствія и было для меня безполезно, опять водилъ ее въ горы или каталъ на лодкѣ по озеру. Къ ней почти совсѣмъ возвратилась бодрость духа, только я не замѣчалъ, чтобы она полнѣла. Лицо ея оставалось худымъ, но цвѣтъ его съ каждымъ днемъ становился свѣжѣе.

Это было въ октябрѣ. Нашъ отель сталъ уже замѣтно пустѣть, да и во всемъ курортѣ замѣчалось меньше суеты и оживленія. Ольга съ утра была грустна и жаловалась на головную боль. Я хотѣлъ усадить ее въ экипажъ и прокатить куда-нибудь подальше.

— Нѣтъ, я не поѣду сегодня! Ты не можешь себѣ представить, какая у меня тоска, какъ сердце отъ нея сжимается... Какое-то страшное предчувствіе...

— Знаешь что, Андрей, прибавила она послѣ молчанія:—исполни сейчасъ-же одну мою просьбу. Сядь за столъ, возьми перо и бумагу и пиши.

Я исполнилъ ея желаніе.

— Пиши: „Въ С. Аннѣ Гавриловнѣ Турчаниновой. Немедленно пришлите сюда Клеопатру съ кормилицей и еще съ кѣмъ-нибудь!“ продиктовала мнѣ Ольга,—ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ безумно хочется ее видѣть. Мнѣ кажется, что если я не увижу ея теперь, то уже никогда не увижу.

Я внимательно заглянулъ ей въ лицо. Въ немъ не было ничего трагическаго. Грустное выраженіе, съ которымъ она въ этотъ день встала съ постели, теперь смягчилось. „Что она этимъ хочетъ сказать?“ —подумалъ я. Я позвонилъ и приказалъ отправить телеграмму въ Россію.

Digitized by Google

Въ это время намъ принесли обѣдъ (мы обѣдали у себя); Ольга сѣла за столъ и начала ѣсть. Она съ прежней твердостью бралась за каждое кушанье и начинала ѣсть его, но скоро оставляла тарелку.

— Какой сегодня невкусный обѣдъ! говорила она послѣ каждаго блюда. И эти невкусные обѣды пошли потомъ каждый день. Ольга потеряла аппетитъ. По вечерамъ она просила меня плотнѣе прикрывать дверь балкона. Ея болѣзненно чувствительные нервы ощущали сырость, которой я еще не замѣчалъ. По вечерамъ она сидѣла закутавшись въ плэдъ и вздрагивая. Черезъ недѣлю мы должны были оставить нашу прелестную квартиру надъ самымъ озеромъ и переселились въ другую часть отеля, откуда не было видно ни озера, ни горъ.

Спустя дней десять послѣ отсылки телеграммы, мы увидѣли изъ окна подъѣхавшую къ отелю коляску, въ которой сидѣла сама Анна Гавриловна и кормилица съ Клеопатрой на рукахъ. „Нѣтъ, это не спроста, подумалъ я,—это должно находиться въ связи съ событіями“.

— Что? Не ожидали? а? весело воскликнула Анна Гавриловна.—Вотъ вамъ ваша чернавочка!.. Посмотрите, какая она стала толстуха!.. Я подумала, съ кѣмъ-же можно отправить такую крошку? Ну, а самой давно уже хотѣлось повидать заграницу. Вотъ и махнула.

Ольга дивилась ея любезности и не знала, какъ благодарить ее. Она взяла Клеопатру на руки, прижимала и цѣловала ее и не спускала съ нея глазъ. Это было для нея настоящимъ праздникомъ. Клеопатра не дичилась ея, улыбалась ей и протягивала ручонки для поцѣлуевъ. Ея смуглое личико удивительно напоминало лицо самой Ольги. Анна Гавриловна сейчасъ-же потребовала себѣ помѣщеніе, конечно, самое роскошное въ отелѣ. Ей отвели три комнаты съ великолѣпнымъ видомъ на горы. Она нашла, что это нѣчто волшебное и что едва-ли въ раю лучше. Я навѣстилъ ее, пользуясь тѣмъ, что Ольга поглощена своей маленькой гостьей.

— А она у тебя плоховата! съ сожалѣніемъ ска-

Digitized by Google

зала Анна Гавриловна:—ты извини, я что вижу, то и говорю!.. А ты знаешь, почему я пріѣхала?

— Ужь, конечно, не спроста! отвѣтилъ я шуткой.

— А разумѣется, не спроста! Положимъ, я крошку не отпустила-бы какъ-нибудь. Я привязалась къ ней, какъ къ родной дочери... Но и кромѣ того на-дняхъ сюда переѣдутъ *они*...

— Они? Зачѣмъ? спросилъ я нѣсколько поспѣшно и съ большимъ интересомъ, чѣмъ это слѣдовало-бы. Не знаю, поняла-ли Анна Гавриловна, что я испыталъ при этомъ сообщеніи. Оно разомъ пробудило въ душѣ моей интересъ къ событіямъ, которому я давалъ дремать втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Зачѣмъ они пріѣдутъ? Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ встрѣтить Надю женой Масловитаго, я также не хотѣлъ, чтобъ эта новая струна начала звучать въ моемъ сердцѣ, когда не умолкла еще другая, допѣвающая свою тихую мелодію.

— Развѣ она не знаетъ, что мы здѣсь?

— Знаетъ. Они заѣзжали въ С. Знаешь, вѣдь у нихъ родился сынъ и умеръ... Ахъ, ты не можешь себѣ представить, въ какомъ мы были горѣ. Особенно Иванъ Евсеичъ... Онъ такъ убивался, что было страшно за него... Мальчишка, какъ двѣ капли воды, походилъ на него. И какъ берегли его, а вотъ поди-же!..

— Но если она знаетъ, зачѣмъ-же ей ѣхать сюда?

— Я тебѣ скажу, Андрей: когда она была въ С., она мнѣ созналась: я, говоритъ, до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не поговорю съ Андреемъ. У меня, говоритъ, страшно много накопилось.

— Ага!..

— Вотъ она сюда и ѣдетъ, чтобы повидаться съ тобой!

— Ну-съ, а вы передайте ей, что я не хочу этого свиданія...

— Что? Ты не хочешь? съ изумленіемъ спросила Анна Гавриловна.—Впрочемъ, прибавила она какъ-то

Digitized by Google

замявшись, — разумѣется, она виновата передъ тобой, очень виновата.

— И какъ вы думаете, Анна Гавриловна, въ чемъ она передо мной виновата?

— Да какъ-же! Все-жь-таки она была твоей невѣстой, а вышла за другого!

Я разсмѣялся.

— Ахъ, Анна Гавриловна, блаженство сдѣлало васъ наивной и поубавило у васъ памяти. Развѣ вы забыли, что я *прежде* женился на другой? Да вѣдь вы-же очень хорошо знаете, что я желалъ этого брака — Надежды Алексѣевны съ Масловитымъ и что я его и создалъ!

— Это такъ, такъ!..

— А если это такъ, то въ чемъ-же Надежда Алексѣевна можетъ быть виновата передо мной? Рѣшительно ни въ чемъ, какъ и я передъ нею. Мы совершенно квиты съ нею.

— Почему-же тогда ты не хочешь видѣться съ нею?

— Потому что терпѣть не могу фальшивыхъ положеній. Неужели вы этого не понимаете? Наши отношенія съ Надеждой Алексѣевной не могутъ быть иными, какъ самыми чистыми; мы оба слишкомъ умны для того, чтобъ могло быть иначе. Но ея мужъ и моя жена имѣютъ полное основаніе думать иначе. Ольга очень подозрительна во всемъ. что касается этого пункта. Я знаю, что ей жить осталось недолго, зачѣмъ-же я безъ особенной нужды буду отравлять остатокъ ея жизни? Что-же касается господина Масловитаго, то его подозрительность можетъ и вамъ, и Надѣ обойтись слишкомъ дорого... Поняли, Анна Гавриловна?

— Ахъ, поняла, голубчикъ, поняла!.. съ большимъ чувствомъ сказала Анна Гавриловна и при этомъ изъ груди ея вырвался глубокій вздохъ. Этотъ вздохъ, вѣроятно, былъ вызванъ мрачнымъ представленіемъ о возможности заплатить дорого за подозрительность Масловитаго.

Анна Гавриловна сію-же минуту сѣла за столъ и

Digitized by Google

написала Надѣ письмо, которое я нашелъ убѣдительнымъ. Она довольно правильно излагала мои мысли. Въ концѣ былъ прибавленъ совѣтъ поселиться гдѣ-нибудь близъ Женевы и ни въ какомъ случаѣ не ѣздить въ Кларанъ.

Наступили сырые дни. Мы закупорили окна и усердно топили камины. Наша жизнь теперь сосредочилась въ трехъ комнатахъ (мы взяли третью для Клеопатры съ кормилицей). Ольга какъ-бы забыла о томъ, что существуютъ горы, свѣжій воздухъ, озеро и даже люди. У нея не было ни малѣйшаго желанія выйти изъ комнаты и подышать воздухомъ.

Въ голову ея не приходило ни одной мысли о будущемъ, о завтрашнемъ днѣ. Она жила крайне однообразными, но неизмѣнно пріятными впечатлѣніями, которыя доставляли ей—я, Клеопатра и теплота пламени въ каминѣ. Сама она сдѣлалась до послѣдней степени нѣжной, слабой и хрупкой. Глядя на нее, я думалъ о синемъ огонькѣ догоравшей свѣчи. Огонекъ можетъ долго мигать, но стоитъ только неосторожно пройти мимо, и струя движущагося воздуха разомъ погаситъ его. Мнѣ позволялось уходить изъ дому за покупками и за письмами на почту. Тогда я заходилъ къ Аннѣ Гавриловнѣ. Тутъ до моего свѣдѣнія доводилось все, что касалось семейства Масловитыхъ. Они жили въ Женевѣ. Иванъ Евсеичъ не находилъ въ этомъ никакого удовольствія и не понималъ этого выбора. Онъ говорилъ, что Женева неинтересна и странно было засѣсть въ ней надолго, когда можно было-бы провести зиму на югѣ Италіи или въ другомъ подходящемъ мѣстѣ. Но Надя упорно настаивала на этомъ и онъ согласился.

Частые разговоры съ Анной Гавриловной наводили меня на рядъ оживленныхъ мыслей. Прежде всего я постарался пересмотрѣть тотъ багажъ, который давно уже лежалъ въ моемъ сердцѣ хорошо замкнутымъ и непровѣреннымъ, это—мои чувства къ Надѣ. Къ моему удивленію, багажъ оказался слегка попорченнымъ. Я

Digitized by Google

вынималъ вещицу за вещицей, разсматривалъ ее со всѣхъ сторонъ и убѣждался, что она не вызываетъ уже во мнѣ ни восторга, ни желанія, ни даже того теплаго дружескаго чувства, которое всегда связывало меня съ Надей. Нѣтъ, жизнь-таки взяла отъ меня свою дань. Полуторагодичная близость моя съ Ольгой, пережитыя вмѣстѣ радости и горе заставляли меня чувствовать, что Ольга—самое близкое мнѣ существо, и видѣть Надю, стоящей гдѣ-то въ сторонѣ и чужой мнѣ. Существованіе крошки-Клеопатры какъ-бы доканчивало эту картину, клало на нее послѣдній и самый рѣшительный штрихъ.

Короткая швейцарская зима проскользнула мимо насъ быстро и незамѣтно. Въ половинѣ февраля уже стояла весна во всей красотѣ зелени, цвѣтовъ и тепла.

— Ну, теперь и я стану дышать воздухомъ! сказала Ольга. Ее потянуло на улицу и въ горы. Я тоже разсчитывалъ на то, что ароматный воздухъ укрѣпитъ ее; за зиму она ослабѣла и проявляла постоянную усталость. Я заставилъ ее одѣться почти по-зимнему и мы вышли. Пройдя десятокъ шаговъ, мы должны были остановиться. Ольгу опьянилъ воздухъ, у нея закружилась голова. Но черезъ минуту она оправилась и мы пошли дальше.

Никогда еще въ жизни Ольга не была такъ оживлена, мила и нѣжна со мной, какъ въ это утро. Она говорила, что ощущаетъ въ груди какой-то невѣроятный восторгъ, брала мою руку и прикладывала къ своему сердцу.

— Слушай, какъ бьется!

И я слышалъ, что біеніе ея сердца было неистово.

— Никогда еще мнѣ такъ не хотѣлось жить и любить тебя, какъ сегодня, въ эту минуту. Ужасно, ужасно! голосомъ, исполненнымъ нѣжности и страсти восклицала она и прижималась ко мнѣ и сжимала мою руку.

Поднявшись шаговъ на пятьдесятъ на одинъ изъ многочисленныхъ холмовъ, окружающихъ мѣстность, мы

Digitized by Google

отыскали уединенный уголокъ. Ольга заставила меня сѣсть на травѣ и взять ее на руки. Обвивъ цѣпкими руками мою шею и страстно прижавшись ко мнѣ, она сидѣла на моихъ колѣняхъ неподвижно и молча. Сердце ея билось неправильно и стучало, какъ молотъ.

— Пусть говоритъ, что хочетъ, мнѣ теперь все равно! сказала она дрожащимъ голосомъ мнѣ на ухо.

— Кто?

— Иванъ Михайловичъ! Пусть не одобряетъ, упрекаетъ, мнѣ все равно. Я такъ и умру, прижавшись къ тебѣ!..

И она съ страшнымъ усиліемъ сжала меня въ своихъ объятіяхъ. Но вдругъ я почувствовалъ, что руки ея ослабѣли, и я едва успѣлъ подхватить ее своими руками. Лицо ея было блѣдно, вѣки опустились и закрыли глаза.

— Ольга!

Я прислушался къ сердцу, оно билось слабо и медленно. Ольга была въ глубокомъ обморокѣ. Порывъ страсти оказался ей не по силамъ.

Когда она очнулась, то была невѣроятно слаба. Я почти донесъ ее до нашего отеля. Къ вечеру этого дня у нея явился припадокъ сильнаго кашля и температура тѣла вдругъ поднялась. Мы позвали доктора, который уложилъ ее въ постель.

— Спокойствіе, никакихъ волненій, поменьше разговоровъ! сказалъ старый докторъ по-нѣмецки, а когда я проводилъ его въ корридоръ, онъ спросилъ меня:

— Эта дама—ваша жена?

Я понялъ, зачѣмъ онъ объ этомъ спрашивалъ, и отвѣтилъ:

— Да, это моя жена, докторъ, но я знаю горькую истину и вы также можете не скрывать ея отъ меня...

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего вамъ прибавить! сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку болѣе сочувственно, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно доктора.

Возвратившись къ Ольгѣ, я сѣлъ на стулъ у из-

Digitized by Google

головья и старался смотрѣть ей въ лицо бодро, какъ смотрятъ на больного, котораго докторъ обѣщалъ завтра поднять съ постели. Но я былъ ужасно разстроенъ. Сердце у меня сжималось отъ жалости при видѣ этого прекраснаго существа, которое угасало на моихъ глазахъ. Мнѣ жаль было Ольги, такъ мало прожившей на свѣтѣ и еще меньше вкусившей счастья, мнѣ было досадно за то, что она умирала, заранѣе присужденная къ этому и не будучи ни капли и ни въ чемъ виновата. Мнѣ жаль было и моего короткаго счастья, которое досталось мнѣ случайно, какъ призъ ко всему тому, что меня ожидало. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ еще цѣлая жизнь и что то, къ чему я стремился, еще не начиналось. Но мнѣ было жаль *этого*. Я сравнилъ себя съ дѣловымъ человѣкомъ, который пришелъ къ адвокату посовѣтоваться по своему важному дѣлу. Онъ спѣшитъ, ужасно спѣшитъ и негодуетъ на то, что ему приходится ждать очереди. Въ ожиданіи онъ садится за столъ, небрежно протягиваетъ руку къ одной изъ раскрытыхъ книгъ и читаетъ прямо съ середины, не давая себѣ труда перевернуть нѣсколько страницъ назадъ, къ началу. Но вотъ передъ нимъ развертывается занимательная исторія, онъ углубляется, онъ увлеченъ, онъ уже прикованъ къ ней и ему хочется узнать конецъ. Въ это время наступила его очередь, его зовутъ, и онъ съ досадой закрываетъ книгу и вспоминаетъ о своемъ дѣлѣ.

Ольга взяла мою руку и положила ее къ себѣ на лобъ. Голова ея была горяча, щеки горѣли болѣзненно-яркимъ румянцемъ. Она говорила мнѣ:

— Милый! спасибо и за то, что было! Я и такъ просрочила свой паспортъ! И она улыбнулась своей шуткѣ. Я долженъ былъ замолчать, потому что высказывать пустяшныя утѣшенія человѣку, который такъ основательно знаетъ, что все это ложь и что онъ осужденъ на смерть,—это звучитъ какъ-то пошло.

— Цѣлуй меня, ласкай! Я хочу умереть совер-

Digitized by Google

шенно счастливой! сказала она опять. Я припалъ къ ея сухимъ губамъ и цѣловалъ.

— Нѣтъ, ты не цѣлуй меня въ губы... Такъ можно заразиться!..

Эти слова почему-то вызвали у меня на глазахъ слезы. Въ самомъ дѣлѣ, это было страшно трагично, эта смерть съ яснымъ сознаніемъ того процесса, который происходитъ внутри, сознаніемъ того, какъ одна за другой истлѣваютъ тонкія ткани легкихъ.

Ольга потребовала къ себѣ Клеопатру, нѣжно поцѣловала ее въ обѣ щечки, перецѣловала ея ручонки и велѣла унести крошку къ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Ей нельзя дышать этимъ воздухомъ! пояснила она. Я хочу, чтобы она жила дольше моего!

Передъ вечеромъ я зашелъ на минуту къ Аннѣ Гавриловнѣ. Я засталъ ее въ странномъ состояніи. Она полулежала на диванѣ и, подперши щеку ладонью, самымъ мрачнымъ образомъ смотрѣла въ полъ.

При моемъ появленіи она не встала, а только покачала головой и громко вздохнула.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Ахъ, я разстроена, я ужасно разстроена! промолвила она, сохраняя свою классическую позу. — Сейчасъ была у меня Надя...

— Надя? Она рѣшилась?

— Да, дѣло очень, очень важное...

Тутъ Анна Гавриловна встала и начала говорить очень оживленно, предварительно справившись, хорошо-ли притворена дверь въ сосѣднюю комнату.

— Дѣло важное и безъ тебя мы тутъ, какъ безъ головы. Вчера они, то есть Надя съ Иваномъ Евсеичемъ, ѣздили въ колискѣ кататься... Ну, ничего, какъ слѣдуетъ. Пріѣхали, сѣли чай пить... Вдругъ онъ хватается за голову, да „ахъ“! и повалился на спинку кресла... Она къ нему, а онъ задыхается. Сейчасъ доктора, пить, нюхать, растирать... Ахъ, ты, Господи, мой Создатель! Еле въ сознаніе привели. Докторъ сказалъ,

Digitized by Google

что ничего, „частный ударъ“—говоритъ, но однако есть опасность, можетъ повториться и тогда капутъ... Теперь онъ въ постели, лѣвую часть ему отняло... Но понимаешь ты, Андрей Николаичъ, что ежели повторится, капутъ! Понимаешь?

Я, разумѣется, понималъ очень хорошо, въ чемъ дѣло.

— Такъ Надя очень безпокоится насчетъ завѣщанія? прямо спросилъ я.

— Надя-то? Господи помилуй! Даже и не заикнулась. Пріѣхала на одну минутку и проситъ меня переѣхать туда, потому ей одной ухаживать за больнымъ трудно. Ей и въ голову не придетъ это, однако-жь самъ посуди, дѣло такое, что надо подумать...

— Да, конечно надо подумать, сказалъ я: — да только тутъ ничего нельзя придумать, вотъ что жаль!..

— Какъ-же такъ? съ испугомъ воскликнула Анна Гавриловна:—надо-же какъ-нибудь.. Нельзя-же такъ!..

— Ровно ничего нельзя придумать, Анна Гавриловна! Согласитесь сами, нельзя-же больному человѣку сказать: такъ какъ ты можешь скоро внезапно умереть, то изволь написать завѣщаніе! Это вѣрный способъ заставить его написать завѣщаніе въ пользу другихъ!..

— Ахъ, ты, Господи! Да какъ-же? Да неужели-же такъ и оставить?

И Анна Гавриловна совсѣмъ упала духомъ и поникла головой.

— Надѣйтесь на Бога, пока только это и остается!.. сказалъ я, но желая все-таки оживить въ ней надежду, я прибавилъ:—видите-ли, тутъ все зависитъ отъ одного обстоятельства. Есть на свѣтѣ одинъ документикъ...

Анна Гавриловна быстро подняла голову и подарила меня взглядомъ, полнымъ жаднаго любопытства.

— Да, мнѣ извѣстно, что есть одинъ документикъ, который можетъ стоить милліоны, а можетъ и нуль...

— Ну? Что-жь это, ты меня замучить вздумалъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, но помучить васъ мнѣ все-таки придется. Больше на этотъ счетъ я вамъ ничего не скажу, потому что вы хотя и умная женщина, но все-таки женщина. Дамъ только вамъ одинъ совѣтъ: поѣзжайте сію минуту туда и самымъ тщательнымъ образомъ, со всею свойственною вамъ нѣжностью, ухаживайте за Иваномъ Евсеичемъ. При этомъ ни однимъ, хотя-бы самымъ ничтожнымъ, намекомъ не наводите его на мысль о завѣщаніи, а если эта мысль сама придетъ ему въ голову и онъ ее выскажетъ, старайтесь увѣрить его, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности, что онъ еще долго проживетъ, и что вы и слышать не хотите объ этомъ. А мнѣ пишите poste restante, а въ важныхъ случаяхъ сами пріѣзжайте...

— Пусть будетъ такъ! покорно согласилась Анна Гавриловна:—ужь ежели ты это говоришь, такъ значитъ такъ надо!..

— Именно!..

Анна Гавриловна черезъ полчаса уѣхала.

Теперь меня занимала мысль о томъ, чтобы навѣстить больного, заглянуть ему въ глаза и убѣдиться, все-ли тамъ благополучно. Но это сдѣлать было нелегко. Я былъ одинъ около Ольги, ухаживая за нею, какъ самая добросовѣстная сидѣлка. Она была невѣроятно истощена и слаба. Почти непрерывныя мученья сдѣлали ее капризной. Она не хотѣла пить лекарство, говорила, что я угощаю ее скернымъ виномъ, жаловалась на то, что ей не даютъ итальянской колбасы, которой ей страстно захотѣлось и упрекала меня за то, что я выходилъ два раза въ день на полчаса на улицу, увѣряя, что я оставляю ее одну на цѣлыя сутки. Иногда она заставляла меня сѣсть на кровати и говорила съ оттѣнкомъ горькой обиды:

— Я очень тебѣ благодарна... Конечно, ты посвящаешь мнѣ все свое время... Ты улыбаешься мнѣ, но я знаю, что въ душѣ ты меня ненавидишь... Тебѣ противно возиться съ больной... Ахъ, больные такъ скучны, такъ некрасивы...

Digitized by Google

— Полно, мой другъ, что ты говоришь? Ты меня обижаешь! возражалъ я, цѣлуя ея руки.

— Это ты дѣлаешь, чтобы утѣшить больную, а въ душѣ ты думаешь: ахъ, когда-бы ужь скорѣе она умерла!.. Я знаю, знаю!..

И она старалась вырвать изъ моихъ рукъ свои руки, повертывалась лицомъ къ стѣнѣ, закутывалась съ головой въ одѣяло и оттуда до моихъ ушей доносился глухой кашель.

— А эта... г-жа Масловитая... Надежда Алексѣевна... Она тоже здѣсь? опять начинала она, и брови ея сдвигались, а въ глазахъ свѣтилось недоброжелательство.

— Толстякъ умретъ и я умру... Что-же, вы свободны, можете жениться...

— Стыдно тебѣ, Ольга, говорить такъ! вотъ все, что я могъ возразить ей на это.

Но вдругъ на нее находило раскаяніе, на глазахъ появлялись слезы, она привлекала къ своей больной груди мою голову и исхудавшей, влажной рукой гладила мои волосы.

— Прости меня бѣдненькую!.. Ты самый добрый, самый лучшій, самый великодушный человѣкъ на свѣтѣ! А я ничего тебѣ не доставляю, кромѣ хлопотъ и безпокойства! Прости, милый!..

Все это совершенно лишало меня возможности съѣздить въ Женеву. Между тѣмъ, это было крайне необходимо. Мало-ли какія мысли могутъ придти въ голову старику, быть можетъ, уже чувствующему приближеніе смерти. Одно мое появленіе въ его спальнѣ уже будетъ достаточно для того, чтобы дать его мыслямъ надлежащее направленіе.

Ольга была очень недовольна виномъ. Конечно это происходило отъ болѣзненнаго вкуса, но я рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Я увѣрилъ ее, что вино дѣйствительно дурное и что хорошее можно достать въ Женевѣ и притомъ надо, чтобы это я сдѣлалъ лично. Кромѣ того, я обѣщалъ посовѣтоваться съ тамошнимъ

Digitized by Google

знаменитымъ врачемъ. Я-то зналъ, что ни одинъ въ мірѣ врачъ не спасетъ ея, но ничто такъ не утѣшаетъ больныхъ, какъ хорошая ложь.

Ольга согласилась отпустить меня; я вызвалъ телеграммой Анну Гавриловну, которая пріѣхала на ночь. Моя жена, разумѣется, и не подозрѣвала, что она живетъ въ Женевѣ.

— Ему гораздо, гораздо лучше! сообщила мнѣ Анна Гавриловна. Къ сожалѣнію, я не могъ сказать этого про свою больную.—О *томъ* не было рѣчи ни разу! таинственно прибавила она.

Утромъ на другой день я выѣхалъ въ Женеву первымъ поѣздомъ.

Grand hôtel national—огромная гостиница надъ берегомъ озера. Здѣсь останавливаются люди, могущіе проживать не меньше ста франковъ въ день. Когда я спросилъ о господинѣ Масловитомъ, слуги отеля засуетились и съ полдесятка ихъ проводили меня во второй этажъ. Я постучалъ въ дверь.

— Entrez!

Конечно, это былъ голосъ Надежды Алексѣевны. По тембру я не совсѣмъ узналъ его, онъ сталъ немного ниже и, какъ мнѣ показалось, мягче. Но кто-же другой могъ это быть?

Наши положенія были неравны. При первыхъ звукахъ этого голоса, я вздрогнулъ и на минуту почувствовалъ себя потерявшимъ самообладаніе, но сейчасъ-же опомнился, собрался съ силами и взялъ себя въ руки. Я могъ войти съ лицомъ холоднымъ, спокойнымъ и ничего не выражавшимъ, кромѣ формальной почтительности къ хозяйкѣ дома. Надя-же не ожидала моего пріѣзда и все то, что я пережилъ наединѣ, за закрытою дверью, она должна была пережить лицомъ къ лицу со мной.

Я вошелъ. Надежда Алексѣевна сидѣла у окна въ маленькомъ низкомъ креслѣ; на колѣняхъ у нея лежала книга. Я моментальнымъ взглядомъ окинулъ комнату. Здѣсь

Digitized by Google

не было больше никого. Дверь въ сосѣднюю комнату была полуоткрыта.

— Вы? какимъ-то чужимъ голосомъ произнесла она и уронила книгу на коверъ. На ея блѣдныхъ щекахъ мгновенно появилась краска, она даже не встала, а такъ и застыла на мѣстѣ.

Я поклонился, потомъ подошелъ къ ней ближе и ждалъ, что мнѣ протянутъ руку. Но замѣшательство Нади продолжалось дольше, чѣмъ слѣдовало-бы. Она смотрѣла на меня, приподнявъ голову и, кажется, ничего не видѣла. Но вотъ она провела рукой по лбу, какъ-то вся пріободрилась, приподняла плечи и твердо встала.

— Я вамъ очень рада! сказала она далеко нетвердымъ голосомъ и протянула мнѣ руку.

Я пожалъ руку и сказалъ:

— Надѣюсь, что здоровье Ивана Евсеича гораздо лучше!

— Да, онъ сегодня вспоминалъ о васъ, онъ будетъ радъ... Я сейчасъ скажу ему...

Надя, очевидно, чувствовала большую неловкость и съ удовольствіемъ ухватилась за поводъ уйти. Шаги ея были слишкомъ тверды для того, чтобы можно было считать ихъ спокойными. Когда она скрылась за дверью, я подошелъ къ окну и взглянулъ въ даль. Словно окутанная розовымъ туманомъ, тамъ виднѣлась тѣнь какой-то громады, уходящей своей вершиной въ небо: это былъ Монбланъ, видимый отсюда только въ ярко-солнечный день.

— Андрей Николаичъ?! Боже мой! Какъ это пріятно! Прошу ко мнѣ, прошу!.. услышалъ я голосъ Масловитаго, повидимому изъ третьей комнаты.

Не дожидаясь возвращенія Нади, чтобы еще разъ не заставить ее чувствовать неловкость, я вошелъ въ сосѣднюю комнату, которая оказалась очень длинной, прошелъ ее и очутился въ спальнѣ Ивана Евсеича. Онъ сидѣлъ въ креслѣ неподалеку отъ окна. Драпри отдѣляло его кровать

Digitized by Google

отъ остальной части комнаты, которая поэтому не имѣла вида спальни.

Иванъ Евсеичъ опустился и замѣтно постарѣлъ. Дыханіе его было затруднено и сопровождалось сопѣніемъ. Онъ былъ въ широкомъ шелковомъ халатѣ съ причудливыми разводами на зеленомъ фонѣ. Лѣвая рука его придерживала толстую палку, похожую на костыль.

— Съ вашей стороны это очень любезно! сказалъ Масловитый:—у васъ своя больная, а вы все-таки навѣстили старика! Садитесь!..

Я пожалъ его руку и сѣлъ. Эти нѣсколько фразъ уже утомили его. Я разсматривалъ его и старался опредѣлить, насколько онъ проченъ. Мнѣ казалось, что такъ основательно подточенное зданіе не можетъ долго стоять и должно очень скоро рухнуть. Когда я отвелъ отъ него глаза и медленнымъ взглядомъ осмотрѣлъ комнату, Нади уже не было. Я задалъ себѣ вопросъ: что это,—продолжающееся ощущеніе неловкости или хорошій разсчетъ—оставить меня наединѣ съ Масловитымъ и предоставить такимъ образомъ свободу поговорить съ нимъ? Вдругъ у меня въ головѣ мелькнула мысль—не ушла-ли Надя въ альковъ и не сидитъ-ли она за драпри? Я всталъ и подошелъ къ драпри.

— А здѣсь ваша спальня!? сказалъ я и, чуть-чуть раздвинувъ шелковую матерію, увидѣлъ огромную кровать, кресло и умывальникъ. Нади тамъ не было. Возвращаясь къ своему мѣсту, я замѣтилъ, что и дверь въ сосѣднюю комнату была хорошо притворена. Это сдѣлала Надя.

— Да, да, отвѣчалъ Масловитый, тамъ я пролежалъ больше недѣли! А знаете, я вспоминалъ васъ!..

Я давалъ ему возможность отдыхать послѣ каждой фразы. Я рѣшилъ ни о чемъ, касающемся дѣла, не разспрашивать его прямо, а только наводить его на извѣстныя мысли и заставить самого высказаться.

— Неужели? спросилъ я.

— Да, я думалъ: вотъ я поправляюсь, а могло слу-

Digitized by Google

читься иное... Могъ и отправиться къ отцамъ... Что это было-бы, если-бы мы тогда не предусмотрѣли? А теперь я спокоенъ... Мои любимцы обезпечены!

— Объ этомъ не стоитъ думать! сказалъ я.—Вотъ вы встанете и еще всѣхъ насъ переживете.

— Ого! Какъ-бы не такъ. Я на это вовсе не разсчитываю... А ваша супруга?

— О, она отлично поправляется! Я скоро поставлю ее на ноги.

Я солгалъ безъ всякаго приготовленія, но это было крайне необходимо. Когда человѣкъ сидитъ по цѣлымъ часамъ въ креслѣ одинъ, его воображеніе усиленно работаетъ. Мало ли на какія картины могло напасть воображеніе Масловитаго, если-бы онъ зналъ настоящее положеніе дѣла! Здѣсь играетъ свою роль каждая мелочь. Конечно Масловитый не могъ думать, что Надя, молодая и сильная, послѣ его смерти, непремѣнно останется ему вѣрна и посвятитъ свою жизнь печальному вдовству. На этотъ счетъ вѣроятно онъ не заблуждался. Но какія бы картины изъ этой области ни рисовались его праздному старческому воображенію, вовсе не было полезно для дѣла совать въ нихъ мою особу. Нѣтъ, этой особѣ надо было держаться отъ всего этого какъ можно дальше.

— Слава Богу! сказалъ Масловитый.

Съ меня было совершенно достаточно этого разговора, тѣмъ болѣе, что Иванъ Евсеичъ, видимо, былъ утомленъ. Я всталъ и объявилъ, что хочу поспѣть на ближайшій поѣздъ. Когда я подалъ ему руку, онъ притянулъ меня къ себѣ и сказалъ почти на ухо:

— Знаете, до какой степени она дитя... Никогда ни слова о будущемъ! И старуха тоже... Вотъ умиралъ, а онѣ даже не заикнулись... Ужь вы, въ случаѣ чего, позаботьтесь, чтобы ихъ никто не обидѣлъ...

Онъ ещеближе притянулъ меня къ себѣ, обнялъ правой рукой и поцѣловалъ меня въ губы. Это было неожиданнымъ, но прочнымъ ручательствомъ за то, что намѣренія его тверды и что безъ меня тутъ ничего не перемѣнилось.

Digitized by Google

— Вы безжалостный человѣкъ! сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ, не выпуская моей руки:—когда я получилъ отъ жены этотъ чекъ съ вашимъ письмомъ, я былъ пристыженъ и уничтоженъ. Я понялъ, что поступилъ безтактно. Но вѣдь это было отъ сердца...

Я увѣрилъ его, что именно такъ и понялъ, возвратилъ-же чекъ потому, что никогда ни отъ кого не беру денегъ, даже отъ друзей.

Пожелавъ ему скораго выздоровленія, я вышелъ. Длинная комната была пуста; я плотно притворилъ дверь въ спальню, а пройдя эту комнату, притворилъ и вторую дверь. Надя стояла у окна, въ полъ-оборота ко мнѣ. Я сразу замѣтилъ, что она необычайно взволнована. Ея значительно пополнѣвшая грудь вздымалась порывисто и нервно, губы были сжаты, а брови нахмурены. Я подошелъ къ ней и протянулъ ей руку; она дала мнѣ свою.

— Какъ поживаете, Надежда Алексѣевна? спросилъ я простымъ дружескимъ тономъ, не выпуская ея руки. Она отвѣтила мнѣ прерывающимся голосомъ:

— Не такъ легко отвѣтить на этотъ вопросъ, Андрей Николаевичъ! Я не знаю, хорошо-ли вы сдѣлали, что пріѣхали...

— Повѣрьте, дорогой другъ, что хорошо!.. Развѣ вы не знаете, что я дѣлаю только то, что хорошо?..

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ. Я долженъ былъ сдѣлать это для избѣжанія сцены, которая могла-бы доставить мнѣ наслажденіе, но была-бы несвоевременной и излишней. Я убѣдился только въ двухъ вещахъ: что Надя похорошѣла, чуть-чуть прибавившаяся полнота шла къ ней и что она вся въ моей власти..

XX.

Не прошло и недѣли, какъ событія приняли чрезвычайно рѣшительный оборотъ. Ольга, хотя и увѣренная въ близкой смерти, но не думавшая, что она стоитъ за

Digitized by Google

дверью, выжидая удобнаго момента, чтобы войти, теперь вдругъ какъ-бы почувствовала ея холодъ. И это былъ страшный переходъ отъ тихаго примиреннаго спокойствія къ безпомощному отчаянію. Часа въ два ночи, когда въ отелѣ была мертвая тишина и даже съ улицы не доносилось шума человѣческихъ шаговъ, когда я сидѣлъ и дремалъ въ креслѣ передъ столомъ, на которомъ тускло горѣлъ ночникъ, и кромѣ меня и больной никого не было въ трехъ комнатахъ, — Ольга проснулась, съ усиліемъ поднялась и сѣла на кровати. Полураздѣтая, съ распущенными черными волосами, смертельно блѣдная и до невѣроятія исхудалая, она была страшна. Я очнулся отъ дремоты, оглянулся и холодъ пробѣжалъ по моимъ членамъ. Ольга широко раскрыла глаза, которые казались пылающими, и хриплымъ голосомъ произнесла:

— Смерть, смерть идетъ!.. Смотри!..

И я видѣлъ, какъ она отшатнулась къ стѣнѣ и прижалась къ ней, а руки протянула впередъ, какъ-бы защищаясь ими.'

— Успокойся, милая, это бредъ! сказалъ я тихо,

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, я не въ бреду... Ахъ, если-бы это былъ бредъ! Нѣтъ, я ее чувствую, ужасную, безжалостную... Милый, милый!.. Развѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы я пожила еще немножко... Немно-жечко!.. Жить такъ хочется и нельзя!.. Совсѣмъ, совсѣмъ нельзя!.. И никто ничего не можетъ подѣлать: ни любовь твоя, ни умъ твой, такой здравый, находчивый... Что-жь онъ ничего не придумаетъ?

— Андрей, Андрей! вдругъ заговорила она прерывистымъ сдавленнымъ голосомъ: — отдай все, что у насъ есть, только пусть спасутъ меня! Ахъ, пусть спасутъ, пусть спасутъ! Годъ жизни, мѣсяцъ, недѣлю, день!..

И она зарыдала. Я успокоивалъ ее, но это не помогло. Слова отчаянія вылетали изъ ея груди вмѣстѣ съ кашлемъ, съ вздохами и рыданьями. Почти цѣлый часъ это продолжалось, пока она не истомилась въ ко-

Digitized by Google

нецъ. Тогда она, упавъ на подушку, заснула тяжелымъ неспокойнымъ сномъ. Страшные сны видѣлись ей. Должно быть, смерть представлялась ей въ томъ дикомъ образѣ, въ какомъ мы научились представлять ее съ дѣтства и представляемъ такою до старости, несмотря на массу точнѣйшихъ знаній и на глубочайшій скептицизмъ... Смерть—въ образѣ холоднаго скелета съ постукивающими одна о другую челюстями, съ острой косой въ рукѣ. Ольга вскрикивала, бросалась въ уголъ кровати и плакала во снѣ. Въ эту ночь я искренно и глубоко страдалъ, потому что мнѣ было невыразимо жаль эту бѣдную женщину.

Часовъ въ десять сонъ Ольги сдѣлался спокойнымъ и крѣпкимъ. Я воспользовался этимъ для того, чтобы побывать въ номерѣ Анны Гавриловны и посмотрѣть Клеопатру. Дѣвочка отлично вела себя въ Швейцаріи. Въ особенности благопріятно повліяла на нее весна. Она пополнѣла и щечки ея сдѣлались похожими на розы.

Едва я успѣлъ поцѣловать мою дочку, какъ за дверью послышались торопливые шаги, а черезъ двѣ секунды дверь съ шумомъ распахнулась. Анна Гавриловна, раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся и вспотѣвшая, вбѣжала въ комнату и повалилась въ кресло.

— Охъ, дай перевести духъ! Господи, Создатель! Опомниться не могу! Охъ, батюшки мои!.. Батюшки мои!.. Андрей Николаичъ, голубчикъ, голубчикъ нашъ!..

Не успѣлъ я раскрыть ротъ для того, чтобы спросить, въ чемъ дѣло, какъ она уже разразилась громкимъ плачемъ. Я вдругъ понялъ причину ея отчаянія и, хотя случай былъ въ сущности печальный, мнѣ ужасно захотѣлось разсмѣяться. Но я, разумѣется, воздержался отъ этого, боясь оскорбить убитую своеобразнымъ горемъ женщину.

— Иванъ Евсеичъ?.. спросилъ я.

— Въ эту ночь. Нежданно-негаданно. Совсѣмъ ходить сталъ. Въ корридоръ уже выходилъ. Думали, окончательно поправится, и вдругъ—хлопъ!.. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Digitized by Google

— Позвольте, однако. Что-же это значитъ „хлопъ“? Заболѣлъ онъ? Второй ударъ?

— Умеръ! прихлопнуло его, полъ-часа не пожилъ... Такъ, заболталъ что-то языкомъ, и разобрать нельзя было что... Я таки не выдержала. Вижу—послѣдній моментъ и думаю—все равно. И говорю ему: голубчикъ ты нашъ! Иванъ Евсеичъ! Отходишь! А какъ-же мы то? Наденька какъ будетъ? А онъ: „бал... бал... Ан... бал...“ Только и слышала отъ него!., Охъ, все пропало!...

— Гмъ... „Ан... и бал“? Ну, „Ан“... это можетъ означать Андрей Николаичъ... сказалъ я умышленно спокойнымъ тономъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ! Это такъ и есть!.. Какъ-же это я не догадалась?

— А „бал“... „бал“... тоже что-нибудь означаетъ...

— Означаетъ? А ты знаешь, что? съ жадностью спросила Анна Гавриловна.

— Можетъ быть, и знаю!.. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что вы напрасно пріѣхали. Какъ-же можно было оставить Надю одну съ покойникомъ? Вѣдь она тамъ въ конецъ разстроится...

— Знаю, голубчикъ, но не могла!.. Окончательно растерялась. Какъ подумала это—вотъ понаѣдутъ сродники его и скажутъ: полно вамъ хозяйничать!.. убирайтесь! А я не въ такомъ уже возрастѣ, чтобы мнѣ легко было мѣнять положеніе...

— Однако-жь, вы въ этомъ самомъ возрастѣ довольно легко одинъ разъ уже перемѣнили его!.. Но разговаривать некогда. Поѣзжайте сейчасъ-же, обратнымъ поѣздомъ. Устройте Ивану Евсеичу пышныя похороны; онъ ихъ, безъ сомнѣнія, заслужилъ, и затѣмъ ждите отъ меня совѣтовъ. Но сюда не пріѣзжайте, это неудобно. Я конечно на похоронахъ быть не могу. У меня у самого на рукахъ умирающая жена!.. А главное—не безпокойтесь!

— Говоришь, не безпокоиться?

Digitized by Google

— Да, да! Не безпокойтесь. И Надѣ скажите, чтобы не безпокоилась!

— Ну, вотъ видишь, не даромъ пріѣхала. Вотъ ты сказалъ, и отъ сердца отлегло. А то я точно какъ будто умомъ помрачилась!.. Я ѣду, ѣду!

Два дня послѣ этого я провелъ съ Ольгой. На утро третьяго дня я, совершенно обезсиленный двумя безсонными ночами и скуднымъ воздухомъ закупоренной комнаты, вышелъ прогуляться. Состояніе моего духа было отвратительно. Втеченіи двухъ сутокъ, сидя почти безпрерывно глазъ на глазъ съ больной и наблюдая это медленное, но явное умираніе, я негодовалъ на судьбу. Зачѣмъ это? Какая цѣль заставлять человѣка быть безпомощнымъ свидѣтелемъ своего собственнаго умиранія? Если ужь рѣшено безповоротно, что надо умереть, если уже не будетъ ни одного мгновенья счастья, развѣ не справедливѣе сразу и заблаговременно перерѣзать полусгнившую нить жизни?

Наконецъ и для меня лично это было мучительно. Я всегда готовъ оказать человѣку услугу и даже принести небольшую жертву; но надо, чтобы это имѣло смыслъ и было для кого-нибудь полезно. Для Ольги-же ужь ничто не могло быть полезно; она была вычеркнута изъ списка живыхъ, хотя еще дышала, двигалась, могла говорить и, навѣрно, мыслила.

Самъ я никогда не думалъ о смерти и терпѣть не могу всего мертваго и умирающаго. Я умѣлъ любить только то, что живетъ, и, анализируя свои чувства, я видѣлъ, что по отношенію къ Ольгѣ у меня осталось только два чувства: долгъ и жалость. Между тѣмъ меня уже тянуло къ живому дѣлу, которое открывалось передо мной. Оно было въ моихъ рукахъ и въ груди моей уже вновь разгаралась прежняя страсть къ дѣятельному творчеству, которая восемнадцать мѣсяцевъ спала.

Быстро пройдя шаговъ триста, я очутился за городомъ. Передо мной была подошва горы. Густой яркозеленый лѣсъ высился надъ моей головой. Небо было

Digitized by Google

ясное, воздухъ теплый и мягкій. Здѣсь начиналась дорога—спираль, по которой ѣздили наверхъ въ экипажахъ. Въ ту минуту, когда я вынулъ изъ кармана часы и размышлялъ о томъ, успѣю-ли я вернуться домой къ приходу доктора, если подымусь на полверсты въ гору,—я увидѣлъ приближающійся экипажъ, который быстро двигался по широкой дорогѣ, проходившей внизу. Что это? Анна Гавриловна съ Надей? Значитъ похороны были вчера, а сегодня онѣ не выдержали и чуть свѣтъ сѣли въ экипажъ, даже не дождавшись поѣзда. Вещи, очевидно, были отправлены по желѣзной дорогѣ, потому что въ колескѣ не было ничего, кромѣ дорожнаго сака и плэда. Я стоялъ отъ нихъ шагахъ въ двухъ стахъ; онѣ смотрѣли въ сторону города и потому меня не замѣтили. Но я слѣдилъ за ними съ своего возвышеннаго мѣста. Неужели онѣ поѣдутъ въ нашъ отель? Это невозможно. Нѣтъ, вотъ онѣ остановились у другого, рядомъ съ нашимъ, онѣ сошли на землю и вошли въ подъѣздъ.

Я быстро направился туда-же. По свѣжимъ слѣдамъ я сейчасъ-же нашелъ ихъ номеръ. Дверь была полуоткрыта, но я все-таки постучалъ.

— Кто это? спросила Анна Гавриловна и прибавила съ дурнымъ произношеніемъ:—entrez!

Я вошелъ. Нади здѣсь не было. Очевидно, она переодѣвалась въ другой комнатѣ. Анна Гавриловна, увидѣвъ меня, почему-то почувствовала приливъ нѣжности, приняла меня въ свои объятія и расцѣловала.

— Только не сердись, голубчикъ, не могла выдержать, не могла! И Надю потащила. Какъ я ее оставлю одну?—Какъ только похоронили его, какъ пришла я домой, въ гостинницу, такъ мнѣ прямо сдѣлалось страшно! Смотрю это я кругомъ и думаю: а что, ежели сейчасъ придутъ невѣдомо откуда племянницы, да и скажутъ: ничего вашего нѣтъ, все наше! Поблаженствовали молъ и довольно! Такъ это меня въ дрожь и бросило всю... Ночь не спала, а чуть разсвѣло, сейчасъ и маршъ сюда. Все-таки около тебя тутъ спокойнѣй! Не будешь сердиться?

Digitized by Google

— Нѣтъ, буду, непремѣнно буду.

— За что-же?

— Не скажу вамъ этого, Анна Гавриловна! Все равно не поймете!..

— Ну, и не говори, не надо. Только не сердись, голубчикъ!

Она была на все согласна, въ полной увѣренности, что судьба ея въ моихъ рукахъ. Съ какой трогательной надеждой смотрѣла она мнѣ въ глаза, какъ-бы умоляя: защити, не дай въ обиду! Неужто я даромъ отдала старику дочку, а ты невѣсту? Въ глубинѣ души она конечно не допускала мысли, что я могъ дать такой промахъ; она безотчетно вѣрила въ меня.

— Надюша, ты скоро? спросила она, заглянувъ въ сосѣднюю комнату.

— Скоро! отвѣтила Надежда Алексѣевна.

— Ну, ты погоди минутку, я пойду распоряжусь тамъ! обратилась ко мнѣ Анна Гавриловна, но по глазамъ ея я видѣлъ, что распоряжаться ей было не о чемъ и что это съ ея стороны былъ дипломатическій ходъ. Не хотѣла-ли она ускорить нашъ съ Надей tête-à-tête? Она вышла и очень старательно приперла дверь. У меня мелькнула мысль, что, должно быть, также точно она находила случаи распорядиться въ послѣдніе дни своего пребыванія въ голубенькой дачѣ, когда покойный Иванъ Евсеичъ еще вздыхалъ отъ неудовлетворенной страсти. Впрочемъ, это было такъ естественно съ ея стороны...

Я остался одинъ. Среди тишины я слышалъ раздававшійся въ сосѣдней комнатѣ шелестъ платья. Я чувствовалъ себя неспокойно. Потому-ли это было, что мнѣ, быть можетъ, предстояло рѣшительное объясненіе, — я зналъ, что Надя ощущала потребность въ немъ, — или просто потому, что въ сосѣдней комнатѣ была полураздѣтая женщина, которую я еще такъ недавно любилъ горячо и искренно, и притомъ красивая женщина, но

Digitized by Google

сердце у меня застучало порывисто. Я приблизился къ двери и спросилъ:

— Вы выйдете, Надежда Алексѣевна?

Я ужасно сердился на свой голосъ за то, что онъ въ эту минуту утратилъ свою твердость и увѣренность и выдавалъ мое волненіе.

— Черезъ двѣ минуты! отвѣтила Надя,—и странное дѣло! въ ея голосѣ я разслышалъ тотъ-же оттѣнокъ сдержаннаго волненія, который былъ и въ моемъ. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ ея сердце бьется ускоренно и неровно.

Тутъ въ моей головѣ мелькнула смѣлая мысль. Я спросилъ себя: почему я долженъ подчиниться этимъ двумъ минутамъ? Если я дождусь ее здѣсь, она выйдетъ ко мнѣ, собравшись съ духомъ, побѣдивъ въ себѣ волненіе и придавъ своему лицу строгій видъ. Тогда наше объясненіе будетъ, вѣроятно, основательно и длинно. Мы будемъ тщательно подбирать благородные мотивы нашимъ поступкамъ, а кончимъ тѣмъ, что подадимъ другъ другу руку, потому что иначе и быть не можетъ. Надя теперь немыслима безъ меня, а у меня нѣтъ никакихъ основаній отказаться отъ нея. Если-же я войду сейчасъ къ ней, смущеніе сдѣлаетъ наше объясненіе краткимъ, быть можетъ, даже молчаливымъ и это приведетъ къ тому-же результату.

Я смѣло открылъ дверь и вошелъ. Надя стояла спиной ко мнѣ, наклонившись передъ небольшимъ зеркаломъ и поправляла волосы. Она была въ бѣлой юбкѣ и въ корсетѣ. Шея, плечи и руки ея были открыты. Я не знаю, увидѣла-ли она меня въ зеркалѣ или услышала мои шаги, но она быстро обернулась и испуганно попятилась въ сторону, какъ-бы ища предмета, за который можно было-бы спрятаться.

— Я не готова! сказала она и смотрѣла на меня большими удивленными глазами.

— Два года и двѣ минуты—это слишкомъ много, довольно двухъ лѣтъ! промолвилъ я, направляясь къ ней.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сперва надо объясниться, Андрей... Николаевичъ!..

Я подошелъ къ ней совсѣмъ близко и схватилъ ея руку. Я чувствовалъ, что мною двигаетъ страсть, что я долженъ крѣпко обнять и прижать къ себѣ это прекрасное тѣло, которое я давно уже привыкъ считать своимъ.

— Надя! сказалъ я тихо: — развѣ ты можешь прожить безъ меня остальную жизнь? Скажи это и я сейчасъ уйду и мы больше никогда не встрѣтимся.

— Нѣтъ, нѣтъ, это было-бы ужасно, Андрей! сказала она въ самомъ дѣлѣ съ выраженіемъ ужаса.

Я охватилъ ея талію обѣими руками и привлекъ ее къ своей груди. Она покорно подчинилась мнѣ.

— Ну, Надюкъ, теперь объясняйся! промолвилъ я съ улыбкой.

— Не къ чему... Мнѣ и такъ все ясно! отвѣчала она, прижимаясь ко мнѣ.

— Скажи мнѣ теперь, ты страшно негодовала на меня? Былъ моментъ, когда ты ненавидѣла меня!

— Да, Андрей, да, но зато потомъ я себя презирала. Я поняла, что ты сдѣлалъ все это для меня, и мнѣ было такъ стыдно передъ тобой, я жаждала встрѣчи, чтобы сказать тебѣ это... Знаешь что, Андрей? Я тебѣ скажу съ полной откровенностью, потому что ты — это все равно, что я. Ты былъ правъ...

— Въ чемъ?

— Во всемъ, что сдѣлалъ. Бѣдность—это ужасное ярмо. Богатство стоитъ всякой жертвы, даже такой... Я ни о чемъ не жалѣю.

— Значитъ, ты была счастлива?

— Я не буду лгать тебѣ, Андрей. Ты не сомнѣваешься, что я всегда любила тебя и мнѣ всегда хотѣлось, чтобы ты былъ около меня, но я не страдала. Съ такими средствами, какія были у меня, можно даже этого достигнуть. Я развлекалась, не было минуты, чтобы я не получала какого-нибудь новаго впечатлѣнія. Мы

Digitized by Google

изъѣздили всю Европу, всѣ ея уголки... Только въ послѣднія недѣли я начала ощущать какую-то тоску и вотъ поселилась поближе къ тебѣ...

О, мои давнишніе уроки! Вы не пропали даромъ, вы сдѣлали свое прекрасное дѣло. Это даже черезчуръ здравые взгляды, я даже не ожидалъ отъ Нади такихъ успѣховъ. Впрочемъ, это въ сильной степени зависѣло оттого, что оба мы—и я, и Надя,—были вполнѣ здоровые, вполнѣ нормальные люди и когда смотрѣли на вещи, то видѣли ихъ такими, какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Надя еще была не тверда въ этомъ, когда я встрѣтился съ ней. Ея темпераментъ вполнѣ подходилъ для этого. Это *правильный* темпераментъ, когда нервы здраво откликаются на то, что на нихъ дѣйствуетъ прямо и непосредственно. Мы сдержанны и умны, когда жизнь ставитъ намъ задачи, требующія нашего ума и характера; поэтому насъ считаютъ холодными и сухими. Но у насъ въ груди отыскивается достаточно огня и мы способны дойти до самозабвенія, когда мы знаемъ, что для этого наступило время и что это ничего не испортитъ. Пусть кто-нибудь скажетъ, что онъ въ моемъ положеніи сидѣлъ-бы такъ съ женщиной и съ такимъ искреннимъ чувствомъ пожималъ-бы ея руку, когда въ пятидесяти шагахъ умирала другая женщина, которую я также искренно любилъ? Думалъ-ли-бы онъ въ это время, что та все равно умретъ, что тамъ уже ничего не можетъ измѣниться, и что живое слѣдуетъ предпочесть мертвому или умирающему? А вѣдь ни я, ни Надя (это въ особенности, потому что она была женщина) въ нашемъ разговорѣ ни разу не вспомнили объ Ольгѣ, хотя оба знали, что, быть можетъ, теперь она зоветъ меня.

Я даже думаю, что самъ Кремчатовъ, несмотря на его безнадежное стремленіе къ оригинальности, въ этомъ случаѣ струсилъ-бы передъ велѣніями ходячей морали.

Въ сосѣдней комнатѣ скрипнула дверь. Я понялъ, что вошла Анна Гавриловна и всталъ, чтобы дать воз-

Digitized by Google

можность Надѣ уйти за ширму. Но Надя не успѣла этого сдѣлать, потому что черезъ двѣ секунды Анна Гавриловна уже была передъ нами. Тутъ она не выдержала и бросилась цѣловать поочередно меня и Надю. Очень понятливая женщина была Анна Гавриловна. Вѣдь весь ея восторгъ происходилъ отъ того, что она увидѣла меня рядомъ съ Надей, которая была полураздѣта. И изъ этой нѣмой комбинаціи она поняла все.

— Ахъ, милые мои голуби! восклицала она: — вѣдь вотъ судьба. Судьбы не избѣжишь. Вотъ вы таки опять соединились!..

Надя ушла за ширму. Ей было неловко оставаться такъ при матери въ моемъ присутствіи. Я простился и вышелъ. Но Анна Гавриловна послѣдовала за мной и въ корридорѣ остановила меня.

— Андрей Николаевичъ, не мучь мою ты душу! Скажи, какъ теперь это будетъ? Что мы теперь, богачи или нищіе?

— Ахъ, Анна Гавриловна, какъ у васъ мало терпѣнія! А я ужасно спѣшу!..

И я дѣйствительно пошелъ къ выходу.

— Мучитель ты мой, мучитель! съ любовнымъ укоромъ сказала она мнѣ вслѣдъ:—вотъ-же пять ночей не буду спать отъ этого!.. Ей Богу!

Я поклонился ей издали и вышелъ на улицу. Мнѣ надо было сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы дойти до нашего отеля. Еще не дойдя до подъѣзда, я замѣтилъ, что четверо слугъ въ безнокойствѣ ходили по тротуару и тревожно глядѣли во всѣ стороны, какъ-бы высматривая кого. Увидѣвъ меня, одинъ изъ нихъ побѣжалъ мнѣ навстрѣчу. Предчувствіе катастрофы заставило мое сердце сильно забиться, я ускорилъ шаги.

— Что-нибудь случилось? поспѣшно спросилъ я.

— О, мы васъ давно ищемъ, monsieur, съ вашей женой очень плохо!..

— Что-же именно?

— Она встала съ постели и начала крѣпко звонить.

Digitized by Google

Мы пришли и застали ее почти безъ чувствъ. Она успѣла сказать: „мужа, мужа позовите“! Мы уложили ее, monsieur, но васъ не могли найти, потому что не знали, что вы такъ близко. Мы послали за вашимъ врачемъ и онъ пришелъ.

Я бѣгомъ пустился въ нашъ номеръ. Когда я вошелъ, до слуха моего долетѣли тихіе стоны. Докторъ сидѣлъ на стулѣ близъ кровати и, мрачно сдвинувъ брови, смотрѣлъ на больную. Ольга лежала лицомъ вверхъ, грудь ея тяжело и неровно вздымалась и это мучительное дыханіе сопровождалось какимъ-то пѣвучимъ хрипомъ. Темныя вѣки были закрыты. Я вошелъ чуть слышно и шепотомъ спросилъ у доктора:

— Что было съ нею?

— Припадокъ жизни за минуту до смерти! также шепотомъ отвѣтилъ докторъ и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, вышелъ.

Я подошелъ къ самому изголовью и наклонился надъ лицомъ умирающей. Мнѣ показалось, что я слышалъ уже запахъ трупа. Я положилъ руку на ея лобъ. Вѣки поднялись, она увидѣла меня и слабо улыбнулась.

— Я почувствовала, что умираю... Боялась безъ тебя умереть... Звала тебя... Я сейчасъ, сейчасъ!.. говорила она страннымъ голосомъ, совсѣмъ чужимъ, хриплымъ и прерывистымъ и говорила какъ-то торопливо, какъ-бы боясь, что не успѣетъ сказать все, что нужно.

— Ты хочешь видѣть Клеопатру? спросилъ я.

— Хотѣла-бы увидѣть крошку.... Да не надо... Здѣсь воздухъ ядовитый... Пусть живетъ крошка... Милый, дай мнѣ руку... Вотъ такъ!.. Не женись больше... Люби нашу дочку... Научи ее быть счастливой... Я не умѣла... Я опоздала... Ты дашь мнѣ клятву, Андрей?

Она смотрѣла мнѣ въ глаза острымъ, пронизывающимъ взглядомъ, который, казалось, не видѣлъ ни лица моего, ни глазъ, а смотрѣлъ прямо въ душу мнѣ. И я почувствовалъ въ груди своей холодъ и страхъ. Неужели она читаетъ въ душѣ моей? Вѣдь есть въ природѣ тайны,

которыхъ я не знаю, и тотъ, чье тѣло испытываетъ послѣднія усилія борьбы, а душа уже наполовину въ другомъ мірѣ, быть можетъ, видитъ мои мысли.

— Какую? спросилъ я дрожащимъ голосомъ, ощущая страхъ передъ тѣмъ, что она скажетъ.

— Что-бы ни случилось, ты не женишься на Надеждѣ Алексѣевнѣ...

Я смотрѣлъ ей въ лицо, не спуская съ нея глазъ.

— Даешь клятву, Андрей? повторила она.

Каждая секунда промедленія была-бы истолкована ею дурно. Цѣлый вихрь мыслей неясныхъ, неопредѣленныхъ, неуловимыхъ пронесся въ моей головѣ и я только чувствовалъ, что онъ пронесся ураганомъ, но никогда потомъ не могъ дать себѣ отчета, о чемъ были эти мысли. Знаю только, что въ сердцѣ у меня въ этотъ мигъ было ощущеніе чего-то страшнаго.

— Даю, Ольга! твердо сказалъ я.

Она приподняла мою руку и поднесла ее къ своимъ губамъ. „Нѣтъ, подумалъ я,—она не читаетъ въ моей душѣ".

Я сѣлъ на кровати и продолжалъ держать ея руку. Она смотрѣла на меня и старалась улыбаться.

— Разскажи мнѣ что-нибудь... прошептала она:— что-нибудь счастливое...

Она говорила это и почти задыхалась. Рука ея, которую я держалъ въ своей рукѣ, была холодна. Мнѣ казалось, что на вытянувшемся лицѣ ея, на которомъ не было и тѣни прежней живости и привлекательности, я читалъ страшное усиліе протянуть хоть на нѣсколько мгновеній эту шаткую жизнь. Я чувствовалъ, что надо скорѣе исполнить ея желаніе, что она, лишенная силъ въ самомъ дѣлѣ быть счастливой, имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, вспоминать о своемъ короткомъ счастьѣ. Но, какъ это всегда бываетъ въ критическую минуту, я не зналъ, что сказать, съ чего начать. Она помогла мнѣ.

— Какъ ты тогда пришелъ ко мнѣ... намекнула она. Я понялъ, что рѣчь идетъ о томъ вечерѣ, когда она

Digitized by Google

страннымъ и неожиданнымъ для насъ обоихъ образомъ сдѣлалась моей женой. Я началъ говорить поспѣшно:

— Ты сидѣла одна... Самоваръ шипѣлъ... Я поставилъ его на столъ... Заварилъ чай... Я поилъ тебя чаемъ, ухаживалъ за тобой...

— Дальше, дальше!.. прошептала она, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Глаза ея были широко раскрыты и все лицо ея сіяло восторгомъ. Очевидно, она вмѣстѣ съ моимъ разсказомъ припоминала и то дивное ощущеніе не ожиданнаго счастья раздѣленной любви, которую она долго и безнадежно хранила въ сердцѣ.

— Мы пошли въ садъ... Стемнѣло... На темно-голубомъ небѣ загорѣлись яркія звѣзды... Вблизи раздавался плескъ морской волны... Мы сидѣли рядомъ...

— Боже мой, Боже мой! съ усиліемъ простонала она и голова ея безпокойно заметалась по подушкѣ:—говори, милый!..

— Я чѣмъ-то обидѣлъ тебя, ты встала, отвернулась и смотрѣла въ даль... Я глядѣлъ на тебя. Ты была такъ прекрасна... Я всталъ, схватилъ твою руку и сказалъ, что люблю тебя... Ты вздрогнула и упала въ мои объятія... Ты сдѣлалась моей женой...

Въ это время она вдругъ вскрикнула и заметалась вся. Скомканное одѣяло полетѣло на полъ. Съ невѣроятной живостью она поднялась, сѣла и охватила мою шею своими тонкими, исхудавшими руками.

— Возьми меня на руки!.. Унеси меня!.. Спаси меня!..

Я подхватилъ ея худенькое тѣло обѣими руками. Она крѣпко прижалась къ моей груди своей грудью, а руками схватила мою голову и старалась привлечь ее къ себѣ съ такимъ видомъ, словно у нея хотѣли отнять ее.

— Клятву, клятву!.. Не смѣй, слышишь? Не смѣй! промолвила она страшнымъ, задушеннымъ голосомъ и вдругъ разомъ вся встрепенулась и замерла.

Ольга умерла на моихъ рукахъ. Послѣдней ея радостью было воспоминаніе о томъ счастьѣ, которое я ей далъ.

Digitized by Google

Насколько это было въ моей власти, я довелъ до конца иллюзію ея счастья...

XXI.

Три мѣсяца, которые прошли послѣ этихъ памятныхъ для меня событій, были наполнены скучными дѣловыми заботами. Похоронивъ Ольгу, мы всѣ поѣхали въ С. Сюда привезли гробъ Масловитаго и похоронили его въ родномъ городѣ при самой торжественной обстановкѣ. Анна Гавриловна была права. Сейчасъ-же точно изъ земли выросли племянники и другихъ степеней родственники и стали разнюхивать. Иванъ Евсеичъ умеръ скоропостижно,—это давало имъ надежду, что онъ не успѣлъ сдѣлать завѣщаніе. Но, разумѣется, иллюзія эта была очень скоро разрушена. Балуцкій представилъ суду хранившійся у него документъ, и бѣдные родственники, скрежеща зубами, должны были скрыться въ тѣ норы, изъ которыхъ вышли. Надя была объявлена единственной законной наслѣдницей всего, что было у Масловитаго.

Когда все окончательно устроилось, я сказалъ Надѣ въ присутствіи Анны Гавриловны:

— Теперь, Надежда Алексѣевна, можетъ быть, я имѣю право предложить вамъ руку и сердце?

Надя разсмѣялась, потому что это подразумѣвалось само собой. Но Анна Гавриловна выразила легкій протестъ:

— Знаешь, Андрей Николаевичъ, я боюсь, ловко-ли это будетъ! Не подождать-ли вамъ до года?

Но я посмотрѣлъ на нее такъ выразительно, что она сейчасъ-же замахала руками и объявила, что это она такъ себѣ сболтнула, а вовсе не настаиваетъ. Еще-бы! Вынести на своихъ плечахъ такую сложную и запутанную исторію, переживъ эти два года двойной жизни, въ которой были моменты, когда я, очертя голову, ставилъ на карту все, чѣмъ дорожилъ, два года ежеминутной тревоги о томъ, все-ли идетъ такъ, какъ надо, какъ я намѣтилъ... И теперь, когда столь дорого мнѣ стоившее зданіе доведено

Digitized by Google

до конца и надо только войти въ него, чтобъ воспользоваться всѣми его удобствами,—я стану ждать до года изъ-за какихъ-то до меня не касающихся неловкостей передъ обществомъ? Это было-бы очень глупо. Что скажетъ общество? О, оно никогда ничего не скажетъ дурного про людей, у которыхъ—три милліона! Но есть и и другія соображенія. Въ настоящую минуту Надя не можетъ представить себѣ свое будущее безъ меня, но кто мнѣ поручится за то, что втеченіи года въ ея чувствахъ не произойдетъ перемѣны? Нѣтъ, ужь я рисковалъ довольно и больше не нахожу въ этомъ никакого удовольствія.

Мы обвѣнчались черезъ два для послѣ того, какъ я сдѣлалъ свое шуточное предложеніе. Еще двѣ недѣли я употребилъ на то, чтобъ устроиться. Изъ домовъ Масловитаго (ихъ была въ городѣ цѣлая дюжина) я выбралъ тотъ, въ которомъ жилъ покойникъ. Онъ стоялъ въ центрѣ города и былъ приспособленъ къ тому, чтобы расположиться въ немъ по-барски. Я, разумѣется, удалилъ изъ него все, что забавляло Масловитаго: роскошную, но крайне неудобную мебель, коллекцію часовъ и т. п. Два этажа этого дома были раздѣлены между членами нашего семейства. Мы съ Надей заняли нижній этажъ, тутъ-же помѣщалась Клеопатра съ своей кормилицей, которая теперь стала нянькой. Наверху расположилась Анна Гавриловна, и тамъ-же были отведены комнаты старой Ольгиной теткѣ, которая все жила, хотя уже почти исключительно во снѣ. Даже извѣстіе о смерти Ольги не поразило ея. Она только расширила глаза и попыталась поднять руку, чтобы перекреститься, но это ей не удалось. Она досыпала свой скучный вѣкъ, почти не понимая, что вокругъ ея дѣлается.

Викторъ не жилъ съ нами. „Бѣсъ“, который въ немъ сидѣлъ, когда мы съ Ольгой видѣли его на дачѣ, разыгралъ-было съ нимъ очень опасную шутку... Выдержавъ въ Кіевѣ экзаменъ на врача, Викторъ вдругъ закутилъ и довелъ себя до того, что слегъ въ постель.

Digitized by Google

Но поправившись, онъ почувствовалъ, что „бѣсъ“ оставилъ его въ покоѣ. Освободившись отъ этого досаднаго спутника, Викторъ сталъ смотрѣть на вещи вполнѣ здраво; онъ пріѣхалъ въ С., снялъ огромную квартиру, роскошно отдѣлалъ ее и открылъ пріемъ. Эффектная обстановка, экипажъ и здравый взглядъ на вещи дѣлали свое дѣло. Викторъ начиналъ входить въ моду. Когда мы встрѣтились съ нимъ, я совсѣмъ не узналъ его. Куда дѣвалась эта диковатая угловатость манеръ, эта рѣзкость въ обращеніи, эта юношеская порывистость въ высказываніи своихъ взглядовъ? Теперь это былъ милый, веселый молодой человѣкъ, любезный и пріятный въ обращеніи, избѣгавшій серьезныхъ и тяжелыхъ темъ и повидимому искавшій въ жизни одного, какъ-бы не пропустить случая весело и беззаботно провести время.

Покончивъ съ обстановкой, я занялся тщательнымъ изученіемъ дѣлъ Масловитаго, которыхъ я теперь былъ полнымъ хозяиномъ. Эти дѣла были сильно запущены. Послѣдніе два года Иванъ Евсеичъ, занявшись запоздалой любовью, измѣнилъ своей обычной аккуратности и ограничивался тѣмъ, что получалъ доходы. Доходы эти проходили черезъ руки Анны Гавриловны, которая, разумѣется, должна была имѣть въ виду всякія могущія произойти случайности. И хотя теперь возможность этихъ случайностей была устранена, но я сильно подозрѣвалъ, что она держала въ какомъ-нибудь банкѣ, а то въ сундукѣ — сотню тысячъ „своего“ капитала. Какъ-бы ни было хорошо настоящее, человѣкъ лучше чувствуетъ себя, когда у него есть про запасъ что-нибудь „свое собственное“. Управляющіе домами, почувствовавъ, что возжи ослабѣли, тоже, разумѣется, не потеряли времени даромъ. Большой загадкой для меня было положеніе дѣлъ въ двухъ имѣніяхъ, которыя находились въ сосѣднемъ уѣздѣ. Но это я отложилъ на послѣ.

Только черезъ четыре мѣсяца послѣ пріѣзда изъ заграницы, я въ состояніи былъ подумать о своихъ старыхъ знакомыхъ. Прежде всего мнѣ захотѣлось отыскать

Digitized by Google

Кремчатова. Я уже раньше былъ нѣсколько удивленъ, встрѣтивъ его новый вальсъ, выставленный въ окнѣ магазина. Я помнилъ, что, получивъ приданое, онъ отказался отъ этой работы, какъ мелкой и несоотвѣтствовавшей его возвышеннымъ стремленіямъ и рѣдкимъ способностямъ. „Должно быть, его потянуло къ прежнему занятію, просто рука зачесалась“, объяснилъ я мысленно. Я взялъ его адресъ въ магазинѣ и отправился на поиски.

Прежде всего меня удивило, что онъ жилъ во дворѣ и притомъ довольно тѣсномъ и непривлекательномъ. Надо было подняться по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ. Тутъ я нашелъ стеклянную дверь. Сбоку надъ звонкомъ визитная карточка Кремчатова. Я позвонилъ. Въ полутемной передней что-то зашевелилось и зашаркало мягкими туфлями. Мнѣ отперла дверь какая-то старуха въ грязной кофтѣ и въ столь-же грязномъ платкѣ на головѣ.

— Это квартира Кремчатовыхъ? спросилъ я.

— Квартира? спросила меня въ свою очередь старуха:—квартира-то это моя! А Кремчатовъ тутъ живетъ, это дѣйствительно. Пожалуйте вонъ въ ту дверь!

Ничего не понимая, я подошелъ къ указанной двери и постучалъ.

— Войдите! отвѣчалъ мужской голосъ.

Я вошелъ. Это была небольшая комната въ два окна, съ кроватью, диваномъ, двумя столами, шкафомъ, комодомъ, нѣсколькими стульями и стѣннымъ зеркаломъ. Украшеніемъ служили нѣсколько картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ безъ рамъ, очевидно, кисти Кремчатова. У стѣны стояло старое піанино, которое я узналъ. Кремчатовъ былъ въ коротенькой жакеткѣ, изъ-подъ которой выглядывала ночная сорочка съ растегнутымъ воротомъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ передъ раздвинутымъ ломбернымъ столомъ, который служилъ письменнымъ. Передъ нимъ лежалъ на-половину исписанный большими каракулями листъ нотной бумаги.

Когда я вошелъ, онъ поднялъ голову и прищурился.

Digitized by Google

— Василій Васильевичъ! сказалъ я.

Тутъ онъ узналъ меня, вскочилъ съ мѣста и чуть не перепрыгнулъ черезъ столъ. Во всякомъ случаѣ чернильница лежала на боку, а на зеленомъ сукнѣ стояла лужа чернилъ.

Онъ съ большимъ чувствомъ трижды поцѣловалъ меня.

— Откуда? Когда? Какимъ образомъ? спрашивалъ онъ, снимая съ меня пальто.

Я отвѣчалъ и въ то-же время недоумѣвалъ: что все это значитъ? Кремчатовъ живетъ въ одной комнатѣ съ жалкой обстановкой и повидимому одинъ.

— Вы одинъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не одинъ. Вотъ мой сожитель!

Онъ указалъ мнѣ на кровать, гдѣ дѣйствительно я увидѣлъ ребенка, который спалъ, завернувшись въ одѣяло.

— И только?

— Только!

— А гдѣ-же Марья Николаевна?

— Гдѣ она? Я могу васъ спросить о томъ-же. Не знаю, гдѣ. Знаю одно, что ея нѣтъ со мной.

Это онъ сказалъ сильно пониженнымъ голосомъ и даже на полминуты опустилъ вѣки глазъ.

— Ничего не понимаю! сказалъ я. — Можетъ быть, объ этомъ нельзя спрашивать?

— Да, нельзя. Вообще нельзя, но вамъ можно. Я всегда особенно довѣрялъ вамъ. Садитесь, голубчикъ, я все разскажу вамъ, насколько это позволяютъ мои чувства. Садитесь.

Мы сѣли другъ противъ друга. Я присмотрѣлся къ его лицу; оно замѣтно похудѣло. Волосы на его маленькой головѣ значительно порѣдѣли и торчали въ разныя стороны. Онъ запустилъ бородку, которая начиналась съ самаго нижняго конца подбородка, оставляя весь подбородокъ и щеки голыми, что придавало ей видъ приставной.

Digitized by Google

— Такъ вы хотите знать, какъ это случилось? Видите-ли, мы прожили наши средства. Это вышло какъ-то незамѣтно: вы знаете, я никогда не считаю денегъ, когда онѣ у меня есть... Я разсчитывалъ на оперу, которую тогда писалъ; думалъ кончу, поставлю въ Москвѣ, можно было-бы заработать вѣрныхъ три тысячи, а затѣмъ послѣдовалъ-бы цѣлый рядъ оперъ... Я имѣлъ въ виду выпустить нѣчто вродѣ вагнеровской трилогіи, я и теперь эту идею обрабатываю. Но, понимаете, мнѣ это тогда не удалось, настроенія подходящаго не было... Намъ грозила нищета. Тесть предлагалъ мнѣ средства, но я отказался: я не имѣю привычки жить на чужой счетъ. Я сказалъ женѣ: я не могу содержать тебя, какъ слѣдуетъ, а потому объявлю тебѣ: ты свободна... Ну, вотъ я и остался одинъ съ ребенкомъ...

— Оригинально! сказалъ я для того, чтобъ доставить ему удовольствіе, но я, разумѣется, очень хорошо понималъ, что вся эта исторія сочинена имъ, можетъ быть, даже сію минуту. Конечно, дѣло было не такъ и впослѣдствіи я узналъ отъ Каширина, что оно было гораздо проще и печальнѣй. Они дѣйствительно очень скоро прожили приданое, но разсчетливый тесть не предложилъ имъ больше ни копѣйки. Кремчатовъ сталъ писать романсы и вальсы и кое-какъ сводилъ концы съ концами. Они жили въ двухъ комнатахъ и столовались въ кухмистерской. Но все это не играло существенной роли. Кремчатовъ съ перваго-же дня брачной жизни сталъ мучить Марью Николаевну своими „твердыми принципами“. Онъ заставлялъ ее жить исключительно для семейства, т. е. для него. Онъ не пускалъ ее ни къ знакомымъ, ни въ театръ и даже гулять позволялъ не иначе, какъ съ нимъ. Такимъ образомъ онъ старался выработать изъ нея типъ „идеальной жены“. Вдобавокъ ко всему этому, онъ постоянно пичкалъ ее своими произведеніями, заставляя ее по пяти разъ слушать безконечныя аріи своей оперы. Марья Николаевна сначала покорялась, потомъ стала тихонько, въ его отсутствіе

Digitized by Google

хаживать къ прежнимъ подругамъ и наконецъ, найдя себѣ временнаго друга въ лицѣ какого-то офицера, сбѣжала, оставивъ ему ребенка. Кремчатовъ былъ огорошенъ, но преслѣдовать ее не сталъ. Онъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ; поэтому съ болью въ сердцѣ рѣшилъ игнорировать ее и сейчасъ-же началъ передъ знакомыми разыгрывать роль человѣка, довольнаго своимъ новымъ положеніемъ и даже немножко героя. Онъ такъ хорошо умѣлъ ставить себя въ чужія положенія, и эта роль заглушала въ душѣ его оскорбленное чувство мужа.

— Ну, а вы? Давно пріѣхали? Какъ Ольга Михайловна? спрашивалъ Кремчатовъ.

— У меня большія перемѣны. Ольга умерла уже четыре мѣсяца назадъ.

— Умерла?! Ахъ, бѣдная, бѣдная!

— Умеръ также мужъ Надежды Алексѣевны...

— Да?

— И теперь мы женились съ Надеждой Алексѣевной. Старая дружба имѣетъ свои права...

— Ахъ, вотъ какъ! Вотъ какъ! Да, да, конечно! Я всегда говорилъ, что вы созданы другъ для друга...

Я сталъ настойчиво звать его къ себѣ. Онъ ломался. „Я теперь живу отшельникомъ, исключительно для сына“. Но потомъ согласился. Онъ кликнулъ хозяйку и велѣлъ ей позвать какую-то Марфу. Эта Марфа жила въ томъ-же дворѣ и была у него „приходящей“ няней. Когда онъ уходилъ, она являлась и сидѣла съ ребенкомъ.

Въ этотъ день Кремчатовъ обѣдалъ у насъ и за обѣдомъ держалъ чрезвычайно грустный тонъ, все смотрѣлъ на часы и говорилъ, что долженъ сейчасъ уйти къ сыну, которому посвятилъ жизнь. Но за фруктами онъ повеселѣлъ и принялся разсказывать старыя исторіи о своихъ путешествіяхъ и разсказывалъ ихъ до поздняго вечера, ни разу уже не вспомнивъ о сынѣ. Онъ ни на іоту не измѣнился, также какъ и его исторіи.

Мишуринъ самъ отыскалъ меня. Однажды мнѣ до-

Digitized by Google

ложили о приходѣ какого-то человѣка. По тону, какимъ это сообщалось, я понялъ, что человѣкъ этотъ не внушаетъ довѣрія моей прислугѣ. Когда-же онъ вошелъ ко мнѣ, я былъ пораженъ его видомъ. Лицо его, расплывшееся и обрюзгшее, прямо говорило о томъ, что эти два года онъ былъ пьянъ. А костюмъ, состоявшій изъ засаленнаго сюртука, потертыхъ, обтрепанныхъ внизу штановъ и грязной рубахи, подтверждалъ это.

— Голубчикъ, что это съ вами? спросилъ я, дружески пожимая его руку.

— Со мной, чертъ знаетъ что! отвѣтилъ онъ, грузно опускаясь въ кресло.—Пьянствую!

— Изъ-за чего? Горе у васъ что-ли?

— Какое тамъ горе? Какое у меня можетъ быть горе? Я одинъ, на плечахъ—никого!

— Такъ что же?

— А вотъ, какъ видите. Сначала выпивалъ и закусывалъ. Невинное и пріятное занятіе. Зайдешь къ одному — выпьешь и закусишь, зайдешь къ другому — то-же самое. Вошло въ привычку. И вотъ, изволите видѣть, жизнь превратилась въ одну большую выпивку съ закуской... Теперь и хочется отстать, да не могу. Вполнѣ сознаю, что гнусно изображать изъ себя пьяное животное, да вотъ не за что зацѣпиться. Нѣтъ ничего такого сильнаго, что могло-бы тебя отвлечь въ сторону...

— А живете чѣмъ? Есть практика?

— Какая тамъ практика! Корректуру въ газетѣ читаю...

Однимъ словомъ, дѣла Мишурина стояли очень плохо. Мнѣ было искренно жаль этого симпатичнаго и неглупаго человѣка и я далъ себѣ задачу какъ-нибудь поднять его. Я рѣшилъ устроить ему практику. При деньгахъ это было нетрудно сдѣлать. Я сказалъ ему объ этомъ.

— Да, пожалуй, толковая работа можетъ починить меня. Да вѣдь для этого нужны средства...

— Я вамъ ихъ дамъ!..

Digitized by Google

Онъ сконфузился и замялся, но я очень скоро убѣдилъ его не только согласиться на это, но и взять сейчасъ-же нѣсколько сотенныхъ для того, чтобъ привести себя въ порядокъ. Онъ ушелъ отъ меня чрезвычайно оживленный и явно обрадованный, а вечеромъ пришелъ приличнымъ человѣкомъ и въ такомъ уже видѣ представился Надѣ и Аннѣ Гавриловнѣ. Я ассигновалъ на устройство его судьбы десять тысячъ и записалъ это въ книгу предстоящихъ расходовъ, гдѣ у меня была заведена рубрика: „расходы на пріятелей".

Вѣтвицкаго я встрѣтилъ случайно, на улицѣ. Увидѣвъ меня, онъ остановился и засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ на букву *а*, подпустивъ въ этотъ смѣхъ пропасть сарказма.

— Слышалъ, слышалъ! Вы теперь милліонеръ!? Ха-ха-ха!.. Ловко-же вы обдѣлали ваши дѣлишки!..

— Я думаю! Не заняться-же мнѣ было обдѣлываніемъ вашихъ дѣлишекъ! возразилъ я съ усмѣшкой.

— Не моихъ-съ! Есть милліоны людей, дѣла которыхъ очень запутаны. Вы обязаны отдать имъ ваши милліоны!.. Если это сдѣлаетъ сотня богачей, то соціально-экономическій вопросъ будетъ самъ собою рѣшенъ!

— Я охотно сдѣлаю это, сказалъ я шутя, — но подожду, пока это сдѣлаютъ девяносто девять: я буду сотымъ!

Онъ ушелъ отъ меня съ презрительной миной. Дня черезъ три я увидѣлъ его у себя въ кабинетѣ. Онъ былъ немножко взволнованъ и больше обыкновеннаго размахивалъ руками.

— Я къ вамъ по дѣлу, по очень важному дѣлу! сказалъ онъ.

— Вы придумали новое рѣшеніе соціально-экономическаго вопроса? спросилъ я безъ всякой злобы.

— Пожалуй, если хотите. Видите-ли, мнѣ нужна почва для личныхъ столкновеній съ публикой, нужна, такъ сказать, аудиторія живого слова. Необходимо непосредственно изъ устъ въ уста передавать другимъ

Digitized by Google

свои убѣжденія. Надо увеличивать ряды людей идеи, борцовъ. Для этого я рѣшилъ жениться и открыть кухмистерскую. Да-съ, вы не удивляйтесь! Всѣ мои кліенты по обѣдамъ будутъ моими адептами. Человѣкъ наиболѣе воспріимчивъ къ истинѣ именно тогда, когда онъ ѣстъ, потому что въ это время онъ бываетъ спокоенъ, благодушенъ и искренненъ. Да-съ. Я хочу жениться на одной акушеркѣ... Такъ вотъ—вы должны оказать содѣйствіе этому благому дѣлу...

— То есть дать денегъ?

— Разумѣется! Вы должны это сдѣлать!

Мнѣ понравилось, что онъ не просилъ денегъ, а требовалъ. Когда дѣло касается денегъ, то требованіе всегда звучитъ какъ-то почтеннѣе, чѣмъ просьба. Я увѣренъ, что Вѣтвицкій вовсе не кривилъ душой, а былъ глубоко убѣжденъ, что открываетъ кухмистерскую единственно ради рѣшенія соціально-экономическаго вопроса. Дѣло, разумѣется, было проще. Ему надоѣло перебиваться собачьимъ трудомъ репортера мелкой провинціальной газеты и хотѣлось чего-нибудь болѣе положительнаго и спокойнаго. Но привыкнувъ пріурочивать всѣ свои дѣйствія къ „соціально-экономическому вопросу“, которому отъ этого было ни тепло, ни холодно,—онъ и кухмистерскую вполнѣ искренно свалилъ въ ту же-кучу.

Въ графѣ „расходы на пріятелей“ я прибавилъ еще десять тысячъ.

Въ это-же время я получилъ письмо отъ Ивана Михайловича Оленина. Онъ писалъ кратко: „Милостивый государь, Андрей Николаичъ! До меня дошла печальная вѣсть о смерти сестры Ольги и, такъ какъ вы въ настоящее время женились на другой и притомъ получили такое огромное богатство, что въ состояніи хорошо обезпечить вашу дочь отъ моей сестры, то полагаю, будетъ справедливо, если вы передадите въ мои руки землю, принадлежавшую Ольгѣ, для того, чтобы я могъ ею распорядиться, какъ распорядился своей соб-

Digitized by Google

ственной. Полагаю, что такое употребленіе этого имущества будетъ вполнѣ достойно ея памяти, такъ какъ покойница была предана дѣлу безкорыстнаго служенія нуждающемуся ближнему и отдалась-бы ему всей душой, если-бы ее не смущали разныя неблагопріятныя вліянія". Тутъ было и немножко самовосхваленія и упрекъ по моему адресу и много-много холодности и черствости по отношенію къ покойницѣ и къ ея дочери. Я поспѣшилъ отвѣтить ему: „Ничего не имѣлъ-бы противъ, но по закону не имѣю права, ибо земля есть неотъемлемая собственность Клеопатры. Но, можетъ быть, вамъ будетъ угодно получить стоимость этой земли, которую я цѣню въ двадцать тысячъ рублей? Въ такомъ случаѣ вы можете получить ихъ въ банкирской конторѣ Ц., куда я внесъ ихъ на ваше имя".

Дней черезъ десять контора дала мнѣ знать, что господинъ Оленинъ деньги получилъ полностью. Я ни на минуту не сомнѣвался, что онъ употребитъ ихъ дѣйствительно для благихъ цѣлей, но тѣмъ не менѣе былъ очень радъ, что дѣло обошлось безъ личной встрѣчи съ нимъ.

Такимъ образомъ перемѣна въ моемъ положеніи уже благопріятно отразилась на положеніи моихъ знакомыхъ. Мишуринъ началъ пріобрѣтать видъ приличнаго адвоката и я уже не разъ видѣлъ его спѣшившимъ на извозчикѣ въ судъ. Съ портфелемъ подъ мышкой, съ выглядывавшими изъ-подъ короткаго пальто фалдами новаго фрака, онъ радовалъ мое сердце. Правда, онъ всегда былъ немножко на-веселѣ, но трудно было сразу избавиться отъ дурной привычки, при томъ-же отъ этого было далеко до пьяницы.

Вѣтвицкій уже женился на своей акушеркѣ и отстраивалъ помѣщеніе для „аудиторіи живого слова", т. е. для кухмистерской. На свадьбу онъ не звалъ никого, потому что „не такое нынче время, чтобъ заниматься подобными пустяками". Но помѣщеніе для кухмистерской обѣщало быть очень недурнымъ.

Digitized by Google

Одинъ только Кремчатовъ оставался неустроеннымъ. Я изрѣдка заходилъ къ нему и видѣлъ, какъ онъ перебивался изо дня въ день. Сынъ доставлялъ ему множество хлопотъ, отрывая его отъ занятій, а ночью превращая его въ няньку. Но онъ былъ невозмутимъ, никогда не жаловался на судьбу, только иногда принималъ видъ торжественной печали, сохраняя его до перваго, пришедшаго ему въ голову, анекдота.

— Послушайте, вамъ слѣдовало-бы устроиться получше! сказалъ я ему однажды, заставъ его за рисованіемъ одного изъ безчисленныхъ „этюдовъ".

— Всякому человѣку слѣдовало-бы устроиться получше! замѣтилъ онъ съ улыбкой.—Это неопровержимо.

— Этого нельзя достигнуть, что-же касается васъ, то это не трудно.

— Разумѣется, и я, въ концѣ концовъ, достигну этого!.. сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

— Но не такъ скоро. А пока... Возьмите у меня денегъ. Я охотно дамъ вамъ тысячъ пять, десять...

— Я знаю, что вамъ ихъ некуда дѣвать. Но развѣ вы думаете, что я сорная куча, куда можно бросать то, чего некуда дѣвать?

— Совсѣмъ нѣтъ. Вамъ нужны деньги, а у меня есть лишнія, вотъ и все. Когда заработаете, отдадите.

— Вы хотите лишить меня удовольствія истратить деньги, которыя я заработаю... Нѣтъ, благодарю васъ, очень благодарю. Но я обойдусь. Я скоро кончу свою большую оперу, это дастъ мнѣ тысячи три, а затѣмъ примусь за огромную картину, которую я давно задумалъ. Картина должна дать мнѣ тысячи четыре... Какъ вы находите эту группу деревьевъ? спросилъ онъ, указывая на правую сторону этюда.

Группа деревьевъ была очень сомнительна, но Кремчатовъ вѣрилъ въ нее, поэтому и я сказалъ, что она хороша. Я еще разъ попытался убѣдить его взять деньги, но онъ наотрѣзъ отказался.

— Я дорожу вашей дружбой!.. отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

Это дѣйствительно было оригинально, потому что Кремчатовъ оказался единственнымъ изъ моихъ постоянныхъ знакомыхъ, не пожелавшимъ увеличить итогъ графы въ моей записной книгѣ: „расходы на пріятелей“.

XXII.

Мы жили довольно скромно. Я оставилъ только пятую часть людей, которыхъ держалъ Масловитый. Я никакъ не могъ постигнуть, зачѣмъ онъ ихъ держалъ такую массу. Праздные люди любятъ окружать себя праздностью. Мнѣ во всякомъ случаѣ ихъ надо было больше, потому что у меня была порядочная семья. Надя шутя сказала мнѣ:

— Ты скаредничаешь, Андрей! Неужели мы не можемъ позволить себѣ нѣкоторую роскошь?

— Видишь-ли, я всегда былъ того мнѣнія, что въ этомъ есть большая доля мѣщанства, когда внезапно разбогатѣвшіе люди начинаютъ сразу жить широко. Вѣдь это въ сущности даже неестественно. Широкія потребности не могутъ явиться сразу потому только, что явились деньги.

Надя вообще не возражала мнѣ. Раскусивъ, наконецъ, всю исторію послѣднихъ двухъ лѣтъ, она поняла, что я создалъ все изъ ничего. Поэтому она справедливо считала, что главенство во всемъ принадлежитъ мнѣ. Я-же не находилъ большого наслажденія въ томъ, чтобы видѣть на лицахъ людей, мнѣ неизвѣстныхъ и которыхъ я вовсе не уважаю, удивленіе передъ моей обстановкой, экипажами, лошадьми, обиліемъ слугъ, тратами и т. п. Безъ сомнѣнія, мало-по-малу наша жизнь будетъ расширяться. Я сдѣлаюсь общественнымъ дѣятелемъ; я самъ еще не знаю, на какомъ поприщѣ, — но это вѣдь безразлично, потому что самая дѣятельность меня нисколько не интересуетъ. Вѣроятно, я буду адвокатомъ, можетъ быть—стану городскимъ дѣятелемъ, быть можетъ, даже начну служить. На какомъ-бы-то ни было поприщѣ,

Digitized by Google

но я займу выдающуюся, если не первенствующую роль, для этого вѣдь нужно только двѣ вещи—умъ и деньги. У меня есть и то и другое. Умъ нуженъ для того, чтобы хорошо употребить деньги. Нужно купить возможно большее число людей такъ, чтобы они этого и не подозрѣвали. Покойный Масловитый совсѣмъ не зналъ этого искусства. Когда ему нуженъ былъ человѣкъ, онъ покупалъ его просто на наличныя деньги, платя за всякую услугу. Но такимъ образомъ можно купить только отдѣльныхъ лицъ, общество-же покупается совсѣмъ иначе. Если-бы въ С. оказалось цѣлое предмѣстье, умирающее отъ холода, потому что не на что купить топлива, и объ этомъ протрубили-бы газеты, то каждый, сколько-нибудь имущій, чувствовалъ-бы необходимость пожертвовать что-нибудь. Жертвовать грошъ неловко: цѣлое предмѣстье. Я даю пять тысячъ и этимъ покупаю цѣлый городъ. Пять тысячъ уже есть, я пожертвовалъ за всѣхъ, значитъ можно уже и не жертвовать. И большинство кладетъ свои деньги обратно въ кошелекъ. Уже я не говорю о томъ, когда вы держите открытый домъ и каждый изъ трехъ сотенъ вашихъ знакомыхъ хоть разъ въ недѣлю отлично поужинаетъ у васъ. Этихъ трехсотъ вы купили, а они и не подозрѣваютъ объ этомъ. Такимъ образомъ впереди, когда это понадобится, мнѣ предстоитъ вести широкую жизнь. Мы сдѣлаемся центромъ большого круга. Надя будетъ рядиться и выѣзжать, я буду посвящать большую часть своего времени предметамъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Все это въ порядкѣ вещей и почти неизбѣжно.

Въ то время, какъ я дѣятельно приводилъ въ порядокъ наслѣдіе Масловитаго, что поглощало почти все мое время, надъ моей головой собирались тучи и именно съ той стороны, съ которой я меньше всего ожидалъ ихъ. Вѣдь прошлое ушло, казалось, вполнѣ, я списалъ его со счетовъ разъ навсегда и я не люблю возвращаться къ подобнымъ вещамъ. А между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое разомъ повернуло меня лицомъ прямо

Digitized by Google

къ прошлому и заставило меня еще разъ посчитаться съ нимъ, и мало этого, — оно убѣдило меня въ томъ, что въ сущности я, вѣроятно, никогда не покончу этихъ счетовъ...

Я сидѣлъ въ кабинетѣ съ моимъ секретаремъ, углубившись въ финансовыя выкладки, когда вошла Надя съ лицомъ чуть-чуть встревоженнымъ.

— Я помѣшаю тебѣ, сказала она, — хотя нѣтъ ничего серьезнаго, но все-таки надо принять мѣры!..

— Что случилось? спросилъ я, поднявъ голову и, взглянувъ на мою жену, я, самъ не знаю почему, вдругъ понялъ, что рѣчь идетъ о Клеопатрѣ. Какъ будто во всей окружающей меня средѣ не было ничего другого, кромѣ судьбы моей крошки, что могло-бы встревожить меня! И кажется, что это было такъ...

— Что-нибудь съ Клеопатрой?

По лицу Нади проскользнула легкая тѣнь досады. Это я замѣчалъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда я слишкомъ безпокоился о моей малюткѣ и оказывалъ ей много вниманія. Для Нади Клеопатра олицетворяла мой короткій эпизодъ съ Ольгой и моя жена ревновала меня къ ней. Случалось, что въ свободные часы я заходилъ въ угловую комнату, гдѣ жила Клеопатра, бралъ ее на руки и подолгу возился съ ней. Надя иногда заставала меня за этимъ занятіемъ.

— Ты такъ любишь этого ребенка? не то спрашивала, не то удивлялась она, и я видѣлъ, что это въ ней вызываетъ досаду.

— Развѣ можно не любить эту крошку? Посмотри, какъ она мила! отвѣчалъ я, и для того, чтобы успокоить мою жену, я обнималъ ее съ горячностью, которая не оставляла сомнѣнія въ моей искренности, и уходилъ съ нею въ другія комнаты. И всякій разъ въ такихъ случаяхъ въ глубинѣ души я ощущалъ какую-то неудовлетворенность и самъ не понималъ почему.

— Да, у нея жаръ... Надо-бы послать за докторомъ!.. отвѣтила Надя на мой вопросъ.

Digitized by Google

Я бросилъ всѣ свои выкладки и побѣжалъ въ угловую комнату. Я не понималъ, что со мной. Вообразивъ, что у Клеопатры серьезная болѣзнь и что она можетъ умереть, я ощутилъ страхъ, даже почти ужасъ передъ возможностью потерять ее.

Жаръ былъ не великъ, но я послалъ разомъ за двумя докторами. И эти четверть часа, которыя я провелъ у маленькой кроватки, въ ожиданіи пріѣзда докторовъ, были для меня мукой. Я то и дѣло прикладывалъ руку къ горячему лобику больной, ощупывалъ ея ручонки, и мнѣ казалось, что жаръ необыкновенно быстро усиливается, хотя этого въ дѣйствительности не было, и что опасность велика. Наконецъ, пріѣхали доктора и успокоили меня, объявивъ, что у Клеопатры корь и что это—пустяки.

Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы продолжать свои занятія съ секретаремъ или бесѣдовать о чемъ-бы то ни было и съ кѣмъ-бы то ни было. Мнѣ именно хотѣлось побыть непремѣнно въ одиночествѣ и когда я неровной походкой шелъ къ себѣ въ кабинетъ, я мимоходомъ видѣлъ Надю, сидѣвшую въ гостиной. Она была блѣдна, въ глазахъ ея, какъ мнѣ показалось, блисталъ недобрый огонекъ; она проводила меня какимъ-то подозрительнымъ взглядомъ.

Въ кабинетѣ я сѣлъ за столъ и опустилъ голову на руки. Я поставилъ себѣ рядъ вопросовъ: что со мной? Почему я поддался такой тревогѣ изъ-за Клеопатры и почему, наконецъ,—что я созналъ только въ эту минуту,—видъ Нади, сидѣвшей въ гостиной, вызвалъ во мнѣ непріятное, почти враждебное чувство?

На всѣ эти вопросы я отвѣтилъ себѣ вполнѣ добросовѣстно, что дѣлалъ всегда, когда былъ одинъ. Мои отношенія къ Надѣ представились мнѣ въ такомъ видѣ: Надя любила меня со всей страстью первой и единственной любви, такъ какъ она до сихъ поръ никого другого не любила. Ея супружескія отношенія къ Масловитому были для нея мученіемъ. Я все это видѣлъ и

Digitized by Google

понималъ. Я видѣлъ, съ какою искренностью, съ какимъ безконечнымъ довѣріемъ она дарила мнѣ свои ласки. Она говорила:

— Боже мой! Что было-бы со мной, если-бы этого не случилось, если-бы случилось иначе?.. Представь, что Иванъ Евсеичъ жилъ-бы двадцать лѣтъ, представь, что Оленина прожила-бы долго... Вѣдь все это было возможно... До какой степени мы рисковали! Я замучилась-бы!

Ничего этого я, разумѣется, не могъ представить. Иванъ Евсеичъ былъ слишкомъ тяжелъ для того, чтобы земля могла носить его такъ долго. Ольга была слишкомъ хрупка. Я это зналъ своевременно, но Надѣ я этого не сказалъ. Зачѣмъ? Развѣ это принесетъ кому-нибудь изъ насъ или вообще кому-бы то ни было ущербъ, если она будетъ думать, что я рисковалъ всѣмъ для ея счастья?!..

Лаская мою жену и принимая ея ласки, я ощущалъ какую-то непонятную для меня неполноту и мнѣ всегда казалось, что впереди еще любовь Нади дастъ мнѣ коечто, чего недостаетъ мнѣ. Но это было заблужденіе. Я понялъ теперь, когда почувствовалъ тревогу за жизнь Клеопатры, что впереди уже нѣтъ ничего, а все осталось позади. Ласки моей жены, это были ласки красивой женщины, съ прекрасными формами, съ роскошнымъ тѣломъ. Я подчинялся имъ и отвѣчалъ на нихъ, но если-бы на мѣстѣ Нади была другая женщина, столь-же красивая, я также точно былъ-бы въ ея власти. Я не любилъ Нади, я любилъ Ольгу, мою милую, довѣрчивую подругу, которая безраздѣльно одному только мнѣ отдала душу и тѣло. Образъ Ольги стоялъ передо мной въ эти минуты, какъ живой, и, казалось, молчаливо, одними только глазами, задумчивыми и полными страданія, укорялъ меня: „А клятва, клятва, которую ты далъ мнѣ“!?

О, бѣдная моя! Ты смотришь на меня оттуда, съ той стороны, гдѣ клятва, можетъ быть, въ са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ равносильна векселю на вѣрность. Но я живу на землѣ, гдѣ имѣютъ силу только векселя, писанные на бумагѣ, по всѣмъ правиламъ, установленнымъ закономъ...

Я думалъ въ это время: „да, милая Надя, это вѣрно, что я натолкнулъ тебя на то, что ты пережила; моя сильная воля заставила тебя принадлежать старику, который вызывалъ въ тебѣ отвращеніе. Это такъ. Но неужели ты думаешь, что я могу простить тебѣ это,— что ты принадлежала не мнѣ одному и не мнѣ первому? Никогда! Никогда!“

Все это я созналъ въ тѣ минуты, когда, послѣ тревогъ надъ кроваткой моей малютки, такъ живо напоминавшей мнѣ Ольгу, я сидѣлъ въ кабинетѣ одинъ, склонивъ голову на руки. Но я скоро овладѣлъ собой. Я поднялъ голову и улыбнулся той здоровой улыбкой, съ которой я вообще шелъ навстрѣчу жизни.

Я никогда ни однимъ намекомъ—умышленнымъ или по оплошности—не дамъ Надѣ повода подозрѣвать мои настоящія чувства. Къ чему? И что произошло-бы изъ этого? Теперь она была счастлива и я тоже, и всѣ, кто былъ съ нами, чувствовали себя прекрасно. Но скажи я ей истину, мы неминуемо должны были-бы прійти къ раздору и все перевернется вверхъ дномъ. И что-же?— Изъ-за этихъ нѣсколькихъ словъ люди, вполнѣ довольные своимъ положеніемъ, начнутъ ощущать пробѣлъ въ своемъ существованіи. Наденька не будетъ счастлива, потому что будетъ разочарована, на Аннѣ Гавриловнѣ это неминуемо отразится самымъ мучительнымъ образомъ, я долженъ буду отказаться отъ всего, что пріобрѣлъ. И все это произошло-бы изъ-за чувства, которое таится въ глубинѣ моей души, т. е. въ такомъ мѣстѣ, до котораго никогда никому не добраться, изъ-за чувства къ женщинѣ, болѣе не существующей.

Пройдутъ годы и я съумѣю простить Надѣ все. Пройдутъ годы и, можетъ быть, даже образъ Ольги перестанетъ мнѣ являться... Время сглаживаетъ всѣ шероховатости и упрощаетъ самыя запутанныя отношенія.

Digitized by Google

Что касается меня, то я ни въ чемъ не раскаиваюсь и нахожу, что все, что я сдѣлалъ, было превосходно. Конечно, я имѣлъ въ виду прежде всего устроить свое благополучіе, это вѣдь естественно и это, если говорить правду, имѣетъ въ виду всякій всегда и во всякое время. Но мнѣ пріятно сознавать, что я также увеличилъ счастье рѣшительно всѣхъ, кто соприкасался со мной въ этотъ періодъ времени. Масловитый на закатѣ жизни испыталъ наслажденіе семейнымъ счастіемъ съ страстно любимой женщиной. Надя разсталась съ скучной долей труженицы, изъѣздила свѣтъ и, въ концѣ концовъ, получила меня, что составляетъ для нея большое счастье. Развѣ она потеряла что-нибудь существенное отъ того, что нѣсколько мѣсяцевъ прожила съ нелюбимымъ мужемъ? Ольга, благодаря мнѣ, была счастлива два года жизни. Она также ничего не потеряла отъ того, что я былъ не всегда и не вполнѣ искренекъ съ нею въ моихъ чувствахъ. Я уже не говорю объ Аннѣ Гавриловнѣ, Викторѣ, Мишуринѣ, Вѣтвицкомъ и даже Иванѣ Михайловичѣ съ его клієнтами... Вотъ только мой другъ Кремчатовъ не оправдалъ моихъ надеждъ, но я увѣренъ, что онъ когда-нибудь послѣ разсказаннаго имъ анекдота все-таки попроситъ у меня тысячъ пять, а если и не попроситъ, тѣмъ пріятнѣе будетъ встрѣчаться хоть съ однимъ знакомымъ человѣкомъ, который не взялъ у меня денегъ. Это по крайней мѣрѣ будетъ оригинально.

Маленькая Клеопатра оказалась неприспособленной къ суровымъ условіямъ жизни, встрѣчающимъ человѣка при первыхъ его шагахъ. Болѣзнь, которую дѣти обыкновенно переносятъ легко, оказалась для нея роковой. Этому слабенькому существу, рожденному Ольгой въ періодъ болѣзненнаго напряженія ея истощенныхъ силъ, достаточно было пустяшнаго повода, чтобы зачахнуть. Она умерла.

Когда я вернулся съ ея похоронъ, настроенный безконечно печально, мнѣ попалась на глаза старая и совершенно разбитая тетка Ольги. Эта женщина взбѣсила

Digitized by Google

меня своей глупой долговѣчностью. Я похоронилъ Ольгу въ цвѣтѣ лѣтъ, когда ей такъ страстно хотѣлось жить, что она безумно молила подарить ей хоть одинъ еще день. Я похоронилъ крошку Клеопатру, которая не успѣла даже разглядѣть Божьяго міра; а это никому ненужное дряхлое существо, совершенно равнодушное къ жизни, дышетъ зачѣмъ-то...

И я думалъ: сколько на землѣ живетъ безполезнаго и ненужнаго ни себѣ, ни другимъ, и какая масса свѣжихъ и молодыхъ силъ гибнетъ, благодаря неумѣнью жить и неспособности приспособляться! Быть можетъ, при другихъ условіяхъ это ни передъ чѣмъ не останавливающееся и рѣжущее напроломъ колесо судьбы и меня смяло-бы и я остался-бы на заднемъ планѣ. И если я уцѣлѣлъ и занялъ крѣпкую и выгодную позицію, то этимъ я обязанъ лишь моимъ здравымъ понятіямъ и здоровымъ, вполнѣ правильно функціонирующимъ нервамъ.

Digitized by Google

НИКОГДА!

Digitized by Google

Digitized by Google

НИКОГДА!

Внизу раскинулось синее спокойное Женевское озеро. Къ нему прижимались, тѣснясь одинъ около другого точно сдавливаемые громадой Савойскихъ горъ, миніатюрные городки и мѣстечки—Кларанъ, Монтрё, Веве, Шильонъ и еще пол-десятка. Вонъ глядится въ воду и мирно омывается безмятежной и беззлобной волной мрачный Шильонскій замокъ, нѣкогда страшный, мятежный и злобный, однимъ своимъ видомъ наводившій ужасъ на мирнаго человѣка, а теперь жалкій, незамѣтный, теряющійся среди роскошныхъ виллъ, настроенныхъ въ окружности. Тамъ на горѣ высится замокъ Гамбетты, здѣсь внизу маленькій островокъ Байрона, а на берегу — скромный паркъ его имени. Ежеминутно свиститъ локомотивъ, привозящій туристовъ изъ Женевы и Лозанны. Пароходъ каждый разъ вываливаетъ на берегъ массу пріѣзжихъ. Жизнь въ полномъ разгарѣ.

Мы присѣли у ручья усталые, готовые на этомъ покончить попытку взобраться на вершину горы. Компанія состояла изъ дюжины болѣе или менѣе молодыхъ людей. Были, разумѣется, и дамы, по обыкновенію, доставлявшія, большей частью равнодушнымъ къ нимъ, но тѣмъ не менѣе обязательно любезнымъ, кавалерамъ не мало хлопотъ. То помогай ей карабкаться на крутой утесъ, то перенеси чрезъ ручей, то неси ея плэдъ, то отыски-

Digitized by Google

вай ей во что-бы то ни стало воду, потому что она умираетъ отъ жажды. Вообще—взлѣзать на горы съ дамами, это—самое неблагодарное занятіе.

Я помню, что много было шуму и веселыхъ разговоровъ, но, признаться, почти никого изъ компаніи не замѣтилъ.

Никто ничѣмъ не выдавался, никто не остановилъ на себѣ моего вниманія и если я потомъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ встрѣчался въ обществѣ, то мнѣ казалось, что это—первая встрѣча. Мой старый пріятель Карманинъ неизвѣстно откуда насбиралъ этого народу, мотивируя это тѣмъ, что „на людяхъ и смерть красна“ и такимъ образомъ вышла „группа туристовъ“. Знаю, что все это были русскіе и рѣчь была исключительно русская.

— Что за благодатный уголокъ! воскликнулъ тончайшій женскій голосъ:—найдите вы что-нибудь подобное въ Россіи!..

— Какъ? А Крымъ? А Кавказъ? возразилъ мужчина протестующимъ басомъ:—знаете-ли, въ Крыму есть такіе райскіе уголки, за которые я не отдамъ всѣхъ вашихъ курортовъ, взятыхъ вмѣстѣ!

Такъ какъ я растянулся на землѣ лицомъ внизъ и сосредоточенно глядѣлъ на раскинувшуюся предъ нами чудную картину, то я не видѣлъ собесѣдниковъ, которымъ принадлежали тончайшій женскій голосъ и протестующій басъ. Мнѣ и въ голову не пришло обернуться и полюбопытствовать. Я увѣренъ, что и сами собесѣдники смотрѣли въ разныя стороны и не видѣли другъ друга.

— Да, батюшка, одна Байдарская долина чего стоитъ?! какъ-то сладостно-сантиментально подтвердилъ теноркъ.

— Байдарская долина!? Ха-ха-ха-ха-ха! Нѣтъ, вы бы еще сказали—Бахчисарайскій фонтанъ, который воспѣлъ вашъ знаменитый Пушкинъ!

И опять хохотъ, да такой адски-злой, насмѣшливый, ядовитый хохотъ, что я вздрогнулъ. И голосъ у этого

Digitized by Google

человѣка былъ какой-то странный—надтреснутый, задыхающійся. Каждое слово, которое онъ произносилъ, казалось послѣднимъ, послѣ котораго онъ не въ состояніи уже издать ни одного звука.

— А что-же такое? Что вы имѣете противъ Байдарской долины, и фонтана, и самого Пушкина? съ крайнимъ удивленіемъ спросилъ тончайшій женскій голосъ.

— Ахъ, неужели объяснять?! Байдаръ, Бахчисарай... Развѣ вы не слышите, не чувствуете, чѣмъ отъ этого пахнетъ?.. Вѣдь это татарщина, вѣдь всѣ эти Алушты, Алупки, Ай-Петри, Ай-ай-ай... — вѣдь это чистѣйшая татарщина..! И это лучшее, что имѣетъ ваша Россія... Не позаботились даже именъ татарскихъ убрать, такъ мила вашему сердцу эта татарщина; да и самъ вашъ Пушкинъ—татаринъ, онъ самъ говоритъ... Помните, арапъ Петра Великаго... А этотъ арапъ навѣрное былъ чистѣйшій татаринъ, и все, все у васъ татарщиной проникнуто до мозга костей...

Все это было, пожалуй, и очень обыкновенно, за исключеніемъ развѣ оригинальнаго мнѣнія о предкѣ Пушкина; если-бы все это сказалъ тончайшій или другой какой женскій голосъ, сентиментальный теноръ или даже самъ протестующій басъ, то я и не подумалъ-бы перемѣнить позу. Но въ голосѣ этого человѣка было что-то особенное. Въ немъ слышалось и бѣшенство, и накипѣвшее страданіе, и горечь, и глубокая обида. Это была не пустая болтовня, не обычная рисовка, нѣтъ, тутъ была мука, настоящая реальная, пережитая сердцемъ мука... Но что сдѣлала ему Байдарская долина?

Довольно было мнѣ услышать этотъ голосъ, чтобы чудная картина, разстилавшаяся внизу, заслонилась отъ меня мрачнымъ туманомъ. Вся прелесть ея мгновенно исчезла. Я ощутилъ на сердцѣ какую-то непонятную тревогу.

Не знаю, почему, но я сейчасъ-же мысленно нарисовалъ себѣ этого человѣка. Я представилъ его стоя-

Digitized by Google

щимъ у утеса, со скрещенными на груди руками, высокимъ, блѣднымъ, со впалыми щеками и злобнымъ пронизывающимъ взглядомъ. Я приподнялся, чтобы посмотрѣть на него.

— Что это за чудакъ? спросилъ я у Карманина, разлегшагося рядомъ со мной.

— А ты его знаешь. Помнишь въ университетѣ Разминаева?.. Съ третьяго курса неизвѣстно куда скрылся... Захарій Разминаевъ, неужели не помнишь? Все лотереи и вечера разные благотворительные устраивалъ... Вѣчно съ подписнымъ листомъ бѣгалъ... Бывало, такъ пристанетъ, что не отвяжешься, не давши рубля... Многихъ вѣдь онъ бѣдняковъ въ самомъ дѣлѣ устроилъ, только имъ и держались въ университетѣ...

Да, да, я смутно припоминалъ. Это вѣдь было такъ давно, а Разминаевъ такъ мало участвовалъ въ общестуденческихъ дѣлахъ. Ему все было некогда, и дѣйствительно, было некогда. Онъ такъ искренно по горло былъ занятъ своими подписными листами, что ему не оставалось времени не только для участія въ сходкахъ, а даже и для посѣщенія лекцій, и онъ былъ плохимъ студентомъ. Среди товарищей-бѣдняковъ у него были постоянные стипендіаты, которыхъ онъ содержалъ подписными листами. И этими листами и приставаніями онъ такъ всѣмъ надоѣлъ, что иные просто гнали его. Такъ шло до третьяго курса. Но тутъ оказалась странная и неожиданная вещь. Разминаева вдругъ не стало. Онъ попалъ въ какую-то исторію, что называется „въ чужую“—да иначе и быть не могло, потому что онъ такъ мало интересовался политикой—и какъ въ воду канулъ. Тогда, именно тогда, когда его не стало, его больше всего замѣтили и искренно пожалѣли не только бѣдняки, его стипендіаты, но рѣшительно всѣ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ человѣкъ—положимъ, онъ звѣздъ съ неба не снималъ, но жертвовалъ всѣмъ своимъ временемъ для ближняго.

Такъ это онъ, бѣдный, смѣшной, всѣмъ вѣчно надоѣдавшій Захарій Разминаевъ! Значитъ, отыскался таки...

Digitized by Google

— Что-же, онъ здѣсь безвыѣздно? спросилъ я.

— Прикованъ! и какой-то онъ странный; кажется, что онъ немножко, а можетъ быть и много сумашедшій...

Я сѣлъ и принялся разсматривать злобнаго человѣка. Онъ нисколько не соотвѣтствовалъ представленію, созданному моимъ воображеніемъ. Онъ сидѣлъ на землѣ, поджавши ноги. Это былъ человѣкъ неимовѣрно маленькаго роста, щупленькій, костлявый; все у него было миніатюрное, за исключеніемъ головы, которая, точно на потѣху, разрослась въ громадную. Соломенная шляпа съ широчайшими полями лежала на землѣ. Жесткіе, щетинистые волосы торчали вкривь и вкось и своимъ свирѣпымъ видомъ какъ-бы поддакивали его злостной рѣчи. На немъ былъ неуклюже сшитый, несоразмѣрно короткій, почти дѣтскій, пиджачекъ рыжеватаго цвѣта, но не старый, не затасканный. Лицо у него было розоватое, въ веснушкахъ, черты мелкія, незамѣтныя, рѣденькая бородка, рѣденькіе усики и рѣденькія брови бѣлесоватаго цвѣта. Онъ смѣшно размахивалъ маленькими руками и, когда увлекался, его большіе сѣрые глаза останавливались и неподвижно устремлялись въ какую-нибудь отдаленную точку; онъ былъ смѣшенъ, но глядя на него, смѣяться не хотѣлось, и это оттого, что, по крайней мѣрѣ для меня, ясно было, что онъ ужасно несчастливъ и страдаетъ невыразимо.

Карманинъ подвелъ меня къ нему.

— Не припомните-ли, m-r Захаръ, вотъ этого человѣка? (онъ назвалъ меня). Вмѣстѣ въ университетѣ были.

Разминаевъ взглянулъ на меня и кивнулъ головой.

— Нѣтъ, право, не помню! раздраженно отвѣтилъ онъ. — Что изъ того, что были въ университетѣ? Тамъ было много и разные...

Мнѣ стало неловко, я поклонился и отошелъ.

— Почему ты называешь его m-r Захаръ? спросилъ я у Карманина.

Digitized by Google

— О, Боже сохрани называть его Захаріемъ Захарьевичемъ! Это лучшее средство привести его въ бѣшенство. Онъ говоритъ, что ему противно это азіатское величаніе: Захарій Захаріевъ сынъ, а по прозванью Разминаевъ!..

М-г Захаръ, между тѣмъ продолжалъ свою рѣчь. Онъ громилъ наше бѣдное отечество на всѣхъ пунктахъ. Тутъ досталось и природѣ, и чиновничеству, и купечеству, и крестьянству. Все было ужасно, возмутительно, ни въ чемъ не отыскивалось ни одной доброй черты. Русской литературы онъ совсѣмъ не признавалъ. Онъ не могъ безъ отвращенія взять въ руки русскую книгу, русскій журналъ. Съ нимъ спорили. Иные сильно возвышали голосъ, были даже такіе, которые тонко намекали, что онъ измѣнникъ родинѣ. Я слушалъ и мнѣ казалось, я не знаю почему, что въ его рѣчахъ есть какая-то фальшь, что онъ говоритъ не то или не все то, что чувствуетъ.

Я слушалъ долго, а онъ все говорилъ; съ нимъ уже перестали спорить, а его нападки на Россію становились все чудовищнѣй. Очевидно, онъ самъ не въ силахъ былъ остановиться. Это было похоже на то, что онъ возражалъ самому себѣ, что въ душѣ у него жили возраженія болѣе вѣскія и болѣе неотразимыя, чѣмъ тѣ, которыя ему предъявлялись оппонентами. Наиболѣе горячо возражаютъ тогда, когда сами не чужды сомнѣнія.

— Позвольте мнѣ сказать два слова!.. съ наивозможною осторожностью и мягкостью проговорилъ я.

— Извольте... Любопытно!..

Онъ сказалъ это съ удивительно вызывающимъ и презрительнымъ видомъ. Казалось, онъ на минуту пріостановилъ дѣйствіе своего карающаго оружія только для того, чтобы самому передохнуть и кстати потѣшиться безсиліемъ противника. Но рука съ топоромъ была приподнята, готовая опуститься.

— Вы меня извините... началъ я съ нѣкоторымъ смущеніемъ, потому-что самъ не былъ увѣренъ въ умѣстности своего замѣчанія.—Извините, пожалуйста, но мнѣ кажется... я даже увѣренъ, что вы неискренни...

Digitized by Google

Я, конечно, не ожидалъ и милліонной доли того эффекта, какой сдѣлали мои слова. Онъ какъ-то мгновенно растерялся и, если можно такъ это назвать, тонъ его, всей его фигуры сразу понизился. Точно пойманный, застигнутый врасплохъ, онъ потерялъ всю свою увѣренность, фигура его утратила напряженный, вызывающій видъ, онъ изподлобья окинулъ взоромъ всю компанію, какъ-бы повѣряя впечатлѣніе, произведенное на нихъ моими словами. Повидимому, онъ убѣдился, что никто не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, и тому что лицо его сейчасъ-же успокоилось.

— Откуда онъ взялъ?! Откуда это вы взяли?! Вотъ нелѣпость! проговорилъ онъ почти вполголоса и сейчасъ-же опрокинулся на спину, положивъ руки подъ голову.

Больше онъ уже ничего и никого не громилъ. На этомъ разговоръ закончился.

Мы попробовали подняться еще футовъ на пятьдесятъ; но уже собиралось вечерѣть; о вершинѣ горы и думать было нечего, и компанія повернула назадъ.

Я шелъ впереди съ Карманинымъ. Остальные значительно поотстали. Сначала всѣ шли молча, но потомъ стали доноситься возгласы. Повидимому, опять спорили. Кто-то, кажется, задѣвалъ m-r Захара, но онъ не поддавался. Но вотъ я опять услышалъ его рѣзкій голосъ.

— Да вотъ вамъ примѣръ—вы сами! кричалъ онъ.— Позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы сюда пришли? Вѣдь кажется, имѣли твердое намѣреніе взобраться на вершину? И что-же? Прошли сто шаговъ—прилегли отдохнуть, потому—нельзя, дворянскія косточки быстро утомляются, вѣдь все больше—столбовые, поднялись еще на сто—ручеекъ нашли, любоваться стали—и безъ этого тоже невозможно, потому эстетики большіе, всѣ отъ Манилова линію ведемъ; еще сотня шаговъ—лѣсокъ облюбовали: ахъ, тѣнь, ахъ, прохлада, ахъ, сладостное дуновеніе зефира! Ну и опять завалились! А тамъ видъ расчудесный внизу открылся, какъ можно мимо пройти? Сейчасъ это щеки на ладони, локти въ землю, бороды книзу, и упи-

Digitized by Google

ваемся, позабывъ, зачѣмъ пришли... А солнце, глядишь, къ закату норовитъ, ну, значитъ, назадъ поворачивай... И такъ мы во всемъ. Намѣтимъ цѣль—и непремѣнно великую, грандіозную, потому для простыхъ цѣлей мы не годимся, мы слишкомъ героическая нація, и двинемся чуть не вскачъ, да какъ начнемъ по дорогѣ у каждаго ручейка присаживаться, глядишь—цѣль-то, идея-то самая и выдохлась, устарѣла, вчерашней стала... Эхъ мы! Одно слово: мы! Взгляните-ка наверхъ: видите—тамъ троечка въ коротенькихъ жакеткахъ, да съ длинными палками въ рукахъ, да съ красными бедекерами подъ мышками, да съ сумками черезъ плечо? Это англичане. Они и встали спозаранку, а мы вѣдь только къ полудню разбуркались, мы всегда съ запозданіемъ, и ручейками не увлекались. Ручейки, такъ ручейки—это особое дѣло, а на вершину—это опять дѣло. И смотрите: они благополучно дошли до вершины, нарѣзали на своихъ палкахъ сто первую гору и уже назадъ спускаются. Да, это не мы, оттого они всегда и во всемъ впереди насъ!..

Я уже немного привыкъ къ его задыхающемуся голосу и онъ на меня уже не производилъ такого гнетущаго впечатлѣнія. Я остановился, чтобы лучше разслышать рѣчь, которая меня заинтересовала. Когда компанія поровнялась съ нами, я пошелъ рядомъ съ m-r Захаромъ и вотъ именно въ это время онъ оборвалъ нить своего краснорѣчія.

Мнѣ показалось, что m-r Захаръ былъ недоволенъ моимъ присутствіемъ и даже слегка старался отстать. Но мы были уже у подошвы, въ нѣсколькихъ шагахъ начиналась мостовая, впереди раскинулись чистенькіе, одноэтажные домики Кларана; компанія стала расходиться въ разныя стороны; жали руки и раскланивались. Когда мы вступили въ улицу, насъ осталось только трое: я, Карманинъ и m-r Захаръ.

На бѣду, и мой пріятель, Карманинъ, задумалъ исчезнуть.

— Тутъ въ пансіончикѣ нѣкая скучающая соотече-

Digitized by Google

ственница обитаетъ. Обѣщалъ отъ времени до времени развлекать, объяснилъ онъ.

Я замѣтилъ, что m-r Захаръ какъ-то встрепенулся.

— Кстати, сказалъ онъ, намъ по дорогѣ... Мнѣ на вокзалъ... Въ Женеву... До свиданія!

Я ясно видѣлъ, что ему не надо было ни на вокзалъ, ни въ Женеву, а просто онъ не хотѣлъ остаться со мной наединѣ. Тѣмъ не менѣе мы распрощались.

Я скоро переѣхалъ въ Женеву и тамъ оставался недѣли двѣ. Я жилъ въ городѣ и каждый день дѣлалъ версты двѣ пѣшкомъ въ Carouge, гдѣ обитали почти всѣ мои русскіе пріятели. Я зналъ, что и Захаръ жилъ въ тѣхъ мѣстахъ, мнѣ даже было извѣстно, что онъ занималъ двѣ маленькихъ комнатки въ небольшомъ сѣромъ домикѣ въ chemin des petits philoshophes.

Признаюсь, мнѣ ужасно хотѣлось побывать тамъ, въ этомъ сѣренькомъ домикѣ. Но меня предупредили, что Захаръ не отличается гостепріимствомъ и терпѣть не можетъ, когда заходятъ къ нему.

Однажды я съ нимъ встрѣтился на островѣ, около памятника Руссо. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ съ видомъ человѣка, у котораго очень довольно свободнаго времени. Я подошелъ прямо къ нему. Не успѣлъ я протянуть ему руку и сказать какую-то обычную банальность, какъ онъ засуетился, вынулъ часы и залепеталъ:

— Ахъ-ахъ-ахъ! Чуть было не опоздалъ!.. Скажите, пожалуйста!.. Извините, до свиданія!

И его маленькія ножки чуть не рысью убѣжали отъ меня. Было ясно, что онъ избѣгаетъ меня. Нечего и говорить, что это только усилило мой интересъ къ нему. Я былъ окончательно заинтригованъ.

Въ другой разъ я встрѣтилъ его въ русской библіотекѣ. Я видѣлъ, что онъ меня сейчасъ-же замѣтилъ, но сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ. Когда онъ вышелъ, я послѣдовалъ за нимъ. Я рѣшилъ на этотъ разъ завладѣть имъ силой. Я догналъ его, насильно обратилъ его вниманіе на себя. насильно поздоровался съ нимъ.

Digitized by Google

— Вы въ какую сторону? спросилъ я.

— Я направо! отвѣтилъ онъ и уже собрался прощаться.

— Ну, значитъ, намъ по дорогѣ...

— Виноватъ, мнѣ налѣво! съ явной дерзостью сказалъ онъ.

— А! Ну, мнѣ и это по дорогѣ! нисколько не смущаясь отвѣтилъ я.—Не правда-ли, какъ жаль, что вы не можете сказать: „мнѣ на облака!“

— Да, очень жаль, ужасно жаль! отвѣчалъ онъ съ чрезвычайной экспрессіей:—что вамъ нужно отъ меня?

Вопросъ былъ такъ поставленъ, что я имѣлъ полную возможность привязаться къ Захару. Я рѣшилъ, во что-бы то ни стало, не выпускать его изъ рукъ.

— Прежде всего мнѣ надо, чтобы вы не убѣгали отъ меня. Я вѣдь знаю, почему вы убѣгаете. Хотите, скажу? Потому что я знаю вашъ секретъ...

Онъ молчалъ, но шелъ рядомъ со мной. Я продолжалъ.

— Помните, вы говорили объ англичанахъ и россійской неспособности достигать цѣли? Вѣдь я знаю, что вы въ сущности презираете этихъ людей въ короткихъ пиджакахъ, людей, которые стремятся, какъ угорѣлые, на вершину горы, потому только, что они такъ рѣшили. Для чего имъ это? Вѣдь это именно, какъ вы сказали, сто первая вершина, и вся суть въ томъ, что они, какъ вы и сами объяснили, нарѣжутъ на своихъ палкахъ сто первую вершину и будутъ ужасно кичиться этой нарѣзкой. Ну, ей Богу-же, вы ихъ презираете за то, что, ради этой глупой цѣли, они способны равнодушно пройти мимо очаровательнаго вида, готовы перешагнуть прохладный ручей, умирая отъ жажды, только-бы не опоздать со сто первой нарѣзкой. И, право-же, вы думаете въ душѣ: чортъ-бы ихъ побралъ съ ихъ сухой и холодной стремительностью! И, право-же, вамъ въ милліонъ разъ симпатичнѣе наша халатность, наша ребяческая неустойчивость, способная позабыть о вершинѣ, увлекшись очаровательнымъ видомъ...

Digitized by Google

— Смѣшно, что вы говорите это такъ увѣренно!.. проговорилъ Захаръ, и я замѣтилъ, что въ голосѣ его не было уже прежней злости. Повидимому, онъ смягчился. Мнѣ даже показалось, что онъ былъ склоненъ продолжать бесѣду.

— Да собственно я и не увѣренъ именно въ этомъ. Я вовсе не думаю, что вы непремѣнно такъ смотрите и чувствуете: Я говорю только, что когда вы съ пѣной у рта браните Россію, то вамъ ужасно больно...

— А—ахъ, какъ больно, какъ больно!.. пробормоталъ Захаръ какъ-бы про себя и, кажется, былъ увѣренъ, что я ничего не слышу.

— Да, вамъ, должно быть, очень больно! поспѣшилъ подвердить я, желая показать ему, что я слышу:—и я это вполнѣ понимаю. Это, кажется, ваша квартира?

— Да... честь имѣю!.. До свиданія!..

Онъ спѣшилъ раскланяться, но какъ-то нерѣшительно, растерянно. Кажется, что онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, не зная, какъ отнестись ко мнѣ.

— Вы позволите мнѣ какъ-нибудь посѣтить васъ? спросилъ я.

— Что-жь!.. Зайдите!.. Отчего-жь, нѣтъ! Но я очень рѣдко бываю дома, очень, очень рѣдко.

Онъ поспѣшилъ скрыться въ калиткѣ. Я понималъ, что дѣйствую нахально, набиваюсь; но у меня не было дурныхъ намѣреній. Притомъ-же у меня въ головѣ засѣло мнѣніе, которое зародилось въ ней моментально, именно въ ту минуту, когда я услышалъ его первую филиппику. Что-то толкало меня провѣрить это мнѣніе. Мнѣ казалось, что если я уѣду въ Россію съ сомнѣніемъ насчетъ этого человѣка, то я не выполню какого-то невѣдомаго долга передъ самимъ собой.

Я заходилъ къ нему раза три, но въ самомъ дѣлѣ ни разу не засталъ дома. И опять мнѣ пришло въ голову, что онъ нарочно убѣгаетъ изъ дому. Онъ зналъ, что я уѣду дней черезъ пять.

Наканунѣ отъѣзда я зашелъ къ нему въ послѣдній

Digitized by Google

разъ съ твердымъ намѣреніемъ увидѣть его. Я, конечно, опять не засталъ его, и попросилъ у хозяйки позволенія подождать.

— Il n'aime pas ce-là!.. сказала мнѣ почтенная швейцарка, подозрительно осматривая меня съ ногъ до головы. Я отвѣтилъ, что у меня очень, очень важное дѣло къ m-r Захару и, послѣ нѣкотораго колебанія, меня впустили въ его квартиру.

Жилище Захара ничѣмъ не отличалось отъ жилища любого россійскаго пролетарія за-границей. Двѣ очень маленькія комнатки, очень мало мебели — предметы самой первой необходимости: кровать, столъ, одинъ стулъ, этажерка. Неизмѣнный каминъ, обязательный двухъ-аршинный палисадникъ подъ окномъ, или лучше огородъ, такъ какъ рядомъ съ двумя-тремя кустами розъ тамъ зеленѣли салатъ, лукъ и даже картофель. Особенной чистоты у Захара я не нашелъ, кровать была не убрана, сильно потертое байковое одѣяло лежало комомъ; на столѣ стоялъ недопитый стаканъ кофе съ полдесяткомъ папиросныхъ окурковъ въ блюдцѣ. Все это было мнѣ хорошо знакомо, такую обстановку я встрѣчалъ и въ Женевѣ, и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, всюду, куда только судьба забрасываетъ россійскаго мыслящаго пролетарія. Но что было оригинально — это небольшое зеркальце, висѣвшее на стѣнѣ. По обѣ стороны его спускались полосы настоящаго малороссійскаго „рушника“ съ пестрыми краями, на которыхъ были вышиты разныя замысловатыя вещи. Я сталъ присматриваться къ рисунку и увидѣлъ вышитую синими нитками надпись. Повѣрите-ли, что эти пять словъ тронули меня до слезъ?! Можетъ быть, я не имѣлъ права читать ихъ? Можетъ быть, ради этихъ словъ Захаръ такъ настойчиво избѣгалъ моего визита? Тѣмъ не менѣе они были прочитаны.

Крупными славянскими буквами тамъ значилось: „ридному Захарови зъ милой Украины“.

Чья рука заботливо трудилась надъ этой надписью? Была-ли это мать, или сестра, или любимая женщина? Во всякомъ случаѣ это было страшно

Digitized by Google

трогательно, трогательно именно для Захара, для котораго эта „милая Украина“ была недостижима.

Я какъ-то ужь больше ничѣмъ не интересовался. На меня точно вдругъ нашло какое-то паитіе и мнѣ показалось, что я совершенно разгадалъ Захара. Я еще бѣгло пересмотрѣлъ альбомъ; здѣсь встрѣтилъ массу знакомыхъ лицъ. Тутъ были и Шевченко, и Бѣлинскій, и Тургеневъ, и Островскій, и Пушкинъ, и Толстой, и Некрасовъ, и Щедринъ... Я взглянулъ на этажерку—тамъ были они-же. Мнѣ казалось, что иначе и быть не могло и я ничему этому не удивился. Да, Захаръ всѣхъ ихъ любитъ и лелѣетъ, это было ясно, какъ день...

Почему-же этотъ человѣкъ съ такой злостью порицалъ все, что имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ Россіи? Для меня было во всякомъ случаѣ ясно, что эта ненависть не настоящая, что Захаръ въ людяхъ не тотъ, что у себя дома; что его злостныя рѣчи исходятъ изъ больной души, что во всемъ этомъ по виду злостномъ ненавистничествѣ есть подкладка, которой никто не видитъ. Мнѣ только казалось страннымъ, что это пришло въ голову только мнѣ, а другіе, знавшіе Захара гораздо больше, чѣмъ я, ничего этого не видѣли. Когда я какъ-то случайно, мимоходомъ спросилъ у Карманина, чѣмъ объясняется Захарово ненавистничество, онъ также мимоходомъ и совсѣмъ небрежно отвѣтилъ, что „это здѣсь весьма распространенная болѣзнь“, и только. И, кажется, никто не подозрѣвалъ, что у Захара эта болѣзнь была настоящей болѣзнью, доставлявшей ему настоящія муки...

Было уже поздно, я не могъ дождаться Захара. Мнѣ, однако, захотѣлось оставить какой-нибудь слѣдъ своего пребыванія въ его квартирѣ. Я зналъ, что съ моей стороны это было ребячество, тѣмъ не менѣе я написалъ на клочкѣ бумаги: „Прощайте! Завтра я уѣзжаю. Я поклонюсь отъ вашего имени „ридной Украинѣ“. Хотите?..“

Первый звонокъ отходящаго поѣзда собралъ публику

Digitized by Google

на платформѣ. Меня никто не провожалъ. Я имѣю обыкновеніе прощаться съ пріятелями дома. Заставлять ихъ слоняться по вокзалу безъ дѣла въ ожиданіи третьяго звонка, по моему, безбожно. Послѣ второго звонка я уже занесъ ногу на ступеньку вагона, какъ вдругъ въ это время кто-то потащилъ меня назадъ за полу пальто. Я оглянулся. Передо мной стоялъ Захаръ.

Съ полминуты онъ простоялъ молча. Лицо его выражало крайнее напряженіе мысли. Повидимому, онъ не зналъ, что сказать, съ чего начать?

— Ну, вотъ, вы пришли! Значитъ, поклониться отъ васъ! сказалъ я, горячо сжимая его руку.

— А-ахъ!.. какъ-то дико, болѣзненно простоналъ онъ и кинулся мнѣ на шею.

Это было неожиданно, я совершенно растерялся. Захаръ прижималъ голову къ моей груди и рыдалъ, какъ женщина, навсегда теряющая горячо любимаго человѣка. Оттого-ли, что я какъ-то мгновенно понялъ его, или просто потому, что его рыданія растрогали меня, я едва удерживалъ слезы.

— Да, да, поклонитесь родной землѣ! говорилъ онъ, задыхаясь.—Это правда, что я люблю ее, люблю сердцемъ, каждой каплей моей крови, люблю мучительной любовью... Ахъ, да вѣдь моя любовь — безнадежная!.. Я хочу заглушить ее, я стараюсь видѣть только дурное и закрываю глаза на хорошее, я хочу обмануть и себя, и другихъ, и все-таки люблю, люблю, люблю... И вѣдь никогда, никогда я ея не увижу!..

Новый припадокъ рыданій помѣшалъ ему продолжать. Онъ сжималъ меня въ своихъ костлявыхъ объятіяхъ. Раздался третій звонокъ.

— Земной поклонъ, земной поклонъ! лепеталъ онъ, захлебываясь отъ рыданій.—И еще—онъ оглянулся и понизилъ голосъ — если не забудете... крупицу земли... родной земли... Выйдите въ степь широкую и захватите маленькую крупицу... и мнѣ пришлите...

Поѣздъ двинулся. Захаръ, я замѣтилъ, сначала су-

Digitized by Google

етился, махалъ платкомъ, что-то кричалъ вслѣдъ отходящему поѣзду, а потомъ вдругъ присмирѣлъ и поникъ головой...

Тревожной боли, которую вселило въ меня послѣднее свиданіе съ Захаромъ, хватило мнѣ на все путешествіе отъ Женевы до Волочиска. Всякій разъ, когда я думалъ объ этомъ, слезы сдавливали мнѣ горло. Я такъ глубоко чувствовалъ его горе. О, какъ онъ былъ несчастливъ! Мнѣ казалось, что во всю свою жизнь я не встрѣчалъ человѣка болѣе несчастнаго, чѣмъ мой бѣдный Захаръ.

Я въ точности исполнилъ порученіе Захара. Какъ только вагонъ, въ которомъ я сидѣлъ, вступилъ на русскую почву, я всталъ лицомъ къ родной землѣ и отвѣсилъ ей, матушкѣ, земной поклонъ. Это былъ поклонъ отъ Захара и отъ всѣхъ, кто страстно желалъ, но не могъ видѣть ее и поклониться ей. Я былъ взволнованъ и растроганъ до послѣдней степени. Я никогда не плакалъ такими чистыми и сердечными слезами, какъ въ этотъ разъ...

Позже, когда я былъ дома, я вспомнилъ другое порученіе Захара. Я вышелъ въ степь, взялъ крупицу земли и отослалъ ее бѣдному человѣку.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА.

Содержаніе. **Статьи историческія:** Европейскій западъ.—Убыточность незнанія.—Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи.—Три народности.—Американскіе патріоты.—Цивилизація Китая.—Россія до Петра Великаго.—Новый отвѣтъ на старый вопросъ. — Государственный классицизмъ.—Народный романтизмъ (чувство свободы).—Попытки русскаго сознанія.—Фатализмъ историческаго прогресса. **Статьи общественно-педагогическія:** Письма о воспитаніи. **Статьи соціально-экономическія:** Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи.—Государственное хозяйство.—Женское бездѣлье.—Соціально-экономическій фатализмъ. **Статьи критическія:** Талантливая безталанность. — Философія застоя. — Историческая сила критической личности. — По поводу одной книги. — Право и свобода. — Геній молодой Германіи. — Первый нѣмецкій публицистъ.—Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла. **Статьи публицистическія:** На коммерческомъ основаніи.—Безсознательный піонеръ прогресса.—Колонизаціонное движеніе и новые центры. — Петербургъ и его «новые» люди.—Свѣтлыя и мрачныя явленія. Борьба-ли поколѣній ведетъ насъ впередъ.—Зачатки общественнаго доброжелательства. **Воспоминанія:** Изъ прошлаго и настоящаго.—Переходные характеры.

Цѣна за все Собраніе въ двухъ томахъ (съ портретомъ) **3** руб.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

Въ 2-хъ большихъ томахъ. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьей Н. Михайловскаго. Цѣна за все собраніе—**3 р.**

Содержаніе: Нравы растеряевой улицы. Растеряевскіе типы и сцены (6 разсказовъ). Столичная бѣдность (4 разсказа). Разоренье, въ 3-хъ частяхъ. Часть первая: „Наблюденія Михаила Ивановича“ (12 главъ). Часть вторая: „Тише воды, ниже травы“ (14 главъ). Часть третья: „Наблюденія одного лентяя“ (8 главы). Новыя времена, новыя заботы (5 разсказовъ). Очерки и разсказы (11 разсказовъ). Мелочи (3 разсказа). Письма изъ Сербіи. Кой-про-что (15 разсказовъ). Изъ путевыхъ замѣтокъ. Изъ деревенскаго дневника (7 главъ). Непорванныя связи (3 разсказа). Малые ребята (12 главъ). Малые ребята (12 главъ). Бѣглые наброски (6 разсказовъ). Богъ грѣхамъ терпитъ (7 разсказовъ). Волей-неволей (3 разсказа). Крестьянинъ и крестьянскій трудъ (9 главъ). Власть земли (10 главъ). Изъ разговоровъ съ пріятелями (6 разсказовъ). Не случись. Пришло на память (5 разсказовъ). Скучающая публика (7 разсказовъ). Черезъ пень колоду (5 разсказовъ). Очерки (3 разсказа). Письма съ дороги (10 главъ). Живыя цифры (3 разсказа). Мимоходомъ (2 разсказа).

МІРЪ ГРЁЗЪ.

Д-ра Симона. Переводъ съ французскаго.

Содержаніе: Общая характеристика сновидѣній. Сновидѣніе и чувство. Сновидѣніе и организмъ. Сновидѣніе и умственная дѣятельность. Зрительная галлюцинація. Физіологическая теорія этой галлюцинаціи. Невидимки и голоса. Новый взглядъ на психическія галлюцинаціи и маніакальную безсвязность рѣчи. Галлюцинаціи общаго чувства, обонянія и вкуса. Галлюцинаціи въ области половаго чувства. Упыри. Физіологическія галлюцинаціи. Гипнагогическія галлюцинаціи. Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе. Экстазъ. Гипнотизмъ. Иллюзіи. Искусственный рай. Рогль или галлюцинація пустыни. Мозгъ и грезы.

Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики 1868—1887.

Содержаніе: Новое время и старые боги. Русское недомыслiе. Прудонъ объ искусствѣ. Герои голубиннаго полета. Теорія Лассаля. Живая струя. И. Д. Писаревъ. Старая правда. Чего нужно добиваться реальному поэту. Сорокъ лѣтъ русской критики. Герои вѣчныхъ ожиданій. Графъ Левъ Толстой. Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. Три человѣка сороковыхъ годовъ. Сентиментальное прекраснодушіе. Наши грядущіе Бисмарки. Литературныя противорѣчія. Виниградъ современной морали. Наша современная беззавѣтность. Три письма о русской словесности. А. И. Левитовъ. Н. А. Некрасовъ. Разладъ художника и мыслителя. Эпидемія легкомыслія. Женскій вопросъ. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. Новый человѣкъ деревни. О нравственно-философскихъ идеяхъ гр. Л. Толстого. Власть тьмы. Пѣсни о женской неволѣ. Русскій историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. Женщины въ пьесахъ Островскаго. А. С. Пушкинъ. Къ «Сочиненіямъ» приложенъ портретъ автора, гравированнный въ Лейпцигѣ **Гедэномъ**. Цѣна за два большихъ тома (около 1700 стр.)— **3** р. Въ простомъ переплетѣ—**3** р. **50** к. Въ роскошномъ—**4** руб.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедаюмъ, и съ вступительной статьей **М. Протопопова.** Цѣна за два тома (около 1500 стр.) **2** р. **50** к. Въ простомъ переплетѣ—**3** руб. Въ роскошномъ—**3** р. **50** к.

Содержаніе: **Романы:** Подлиповцы.—Гдѣ лучше? — Ставленникъ.—Свой хлѣбъ.—Между людьми. **Мелкіе разсказы:** Николай Знаменскій — Макся. — Шилохвостовъ. — Тетушка Опариха. Кумушка Мирониха.—Яшка.—Очерки обозной жизни. Горнорабочіе (начало неоконченнаго романа).

СЧАСТЬЕ и ТРУДЪ.

П. Мантегацца, профессора антропологіи во Флоренціи.

Содержаніе: Предисловіе автора. Трудъ — мировой законъ. Физика и трудъ. Трудъ—здоровье. Нравственное значеніе труда. Радости и поэзіи труда. Гордость и слава, основанныя на трудѣ. Трудъ и богатство. Методы труда. Настойчивость въ трудѣ. О характерѣ. Доброта. Героизмъ, достоинство, мужество и благородство характера. Нищіе и паразиты.

Цѣна 75 коп.

Digitized by Google

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

изданныя Ф. Павленковымъ

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій **въ одномъ томѣ**, съ портрет. Пушкина, гравированн. В. Матэ, и съ біограф. очеркомъ, составлен. А. Скабичевскимъ, 2-е изд. . . . . **1 р. 50 к.**

2) Тоже однотомное изданіе, **но иллюстрированное** 44 грав. 2-е изд. . . . . **2 » 50 »**

3) Полное собраніе въ **10 книжкахъ** (съ портр. и біогр.), **1 » 50 »**

4) Полное собраніе стихотвореній и беллетристическихъ произведеній въ прозѣ, съ портр. и біографіей (въ одномъ томѣ), 2-е изд . . . . . **1 » 25 »**

5) **Стихотворенія Пушкина.** Полное собраніе съ портр. и біогр. **1 » — »**

6) Большой альбомъ въ «Сочин. Пушкина» (портретъ и 44 иллюстраціи съ подписями). Въ красивой папкѣ. **1 » 50 »**

7) Малый альбомъ въ «Соч. Пушкина». Тѣ-же иллюстраціи, но меньшаго формата и рѣзанныя на деревѣ лучшими граверами. Цѣна въ каленкоров. переплетѣ . **1 » 25 »**

Желающіе имѣть «Сочиненія Пушкина» на лучшей глазированной бумагѣ прибавляютъ къ цѣнамъ изданій № 1 и 2-й по 50 к. За переплеты однотомнаго изданія (кто желаетъ) прибавляется: за покрытый шагреневой бумагой—**40 коп.**; за покрытый французскимъ каленкоромъ съ золотымъ тисненіемъ—**1 р.**; за 5 шагренев. переплетовъ 10-томнаго изданія—**1 р.** За **5 роскошныхъ** переплет.—**2 р.**

Вотъ планъ 10-томнаго изданія «Сочиненій Пушкина», издан. Ф. Павленковымъ. Первые четыре тома посвящены стихотвореніямъ, слѣдующіе четыре — прозѣ, и наконецъ послѣдніе два— перепискѣ поэта и его біографіи:

Томъ I. Поэмы и сказки. — **Томъ II.** Баллады и легенды. Романъ: «Евгеній Онѣгинъ».—**Томъ III.** Повѣсти. Драматич. произведенія. Лирич. стихотворенія (оды, элегіи, сатиры и эпиграммы).— **Томъ IV.** Лирич. стихотворенія (антологія, описанія, идиліи, пѣсни, думы, альбомныя стихотворенія и посланія. — **Томъ V.** Романы и повѣсти.—**Томъ VI.** Романы и повѣсти. Отрывки неоконченныхъ повѣстей. Драматическіе этюды. — **Томъ VII.** Историческіе очерки (Исторія Пугачевскаго бунта и пр.). Автобіографическіе матеріалы и воспоминанія.—**Томъ VIII.** Путешествіе въ Эрзерумъ. Журнальныя статьи. Мелочи. **Томъ IX.** Біографія Пушкина. Письма Пушкина отъ 1816 до 1825 г. — **Томъ X.** Письма Пушкина отъ 1826 г. до 1837 г. Алфавитный указатель ко всѣмъ 10 томамъ.

Порядокъ произведеній Пушкина въ однотомномъ изданіи Ф. Павленкова тотъ-же, за исключеніемъ біограф. очерка, помѣщеннаго тамъ не въ концѣ, а въ началѣ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный же складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА, Спб., Лештуковъ пер., д. 2.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

На дѣйствительной службѣ. — Секретарь его превосходительства. — Рѣдкій праздникъ. — Проклятая слава.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ» ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 113.
1891.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Среди встрѣчающей публики, наполнявшей огромный сараеобразный залъ желѣзнодорожнаго вокзала, рѣзко выдѣлялись двѣ фигуры. Обѣ онѣ принадлежали къ духовному сословію и были одѣты въ длинныя рясы. Но на этомъ кончалось сходство между ними, и, вглядѣвшись въ нихъ повнимательнѣе, сейчасъ-же можно было догадаться, что это люди разныхъ положеній. Тотъ, что стоялъ у круглаго афишнаго столба и внимательно читалъ распредѣленіе поѣздовъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ духовной аристократіи губернскаго города. На немъ была темнозеленая атласная ряса; на его груди красовался большой крестъ на массивной цѣпи и еще что-то на цвѣтной лентѣ. Полныя щеки его, молочнаго цвѣта, окаймлялись сѣдоватой растительностью, которая книзу сгущалась и впадала въ широкую тщательно расчесанную бороду. На рукахъ были черныя перчатки, на головѣ—темносѣрая мягкая пуховая шляпа. Отъ времени до времени онъ вынималъ изъ-подъ рясы массивные золотые часы и, повидимому, былъ не-

Digitized by Google

доволенъ, что время идетъ не такъ скоро, какъ ему хотѣлось.

Другой помѣщался на скамейкѣ въ самомъ углу, прижатый огромнымъ узломъ, принадлежавшимъ какому-то толстому мѣщанину, который сидѣлъ рядомъ. Прежде всего бросалась въ глаза его совершенно сѣдая, очень длинная борода, которая казалась еще длиннѣе оттого, что онъ склонилъ голову, такъ что борода касалась колѣнъ. На колѣняхъ лежали руки съ длинными, неуклюжими пальцами и съ выпуклыми синими жилами. Полы сѣрой порыжѣвшей отъ времени рясы раздвинулись, и изъ-за нихъ выглядывали большіе сапоги изъ грубой юхты. Старикъ былъ тонокъ, сухощавъ и сильно сутуловатъ. Блѣдное лицо его казалось мертвеннымъ, благодаря тому, что онъ закрылъ глаза и дремалъ. Но иногда шумъ, происходившій на платформѣ, заставлялъ его просыпаться; онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ обводилъ взоромъ многочисленную публику, къ которой, повидимому не привыкъ, и потомъ, какъ-бы сообразивъ, въ чемъ дѣло, опять погружался въ дремоту.

Духовному лицу въ атласной рясѣ надоѣло, наконецъ, изучать росписаніе поѣздовъ; оно уловило минуту, когда сидѣвшій въ сѣрой рясѣ открылъ глаза, и подошло къ нему. Послѣдній тотчасъ-же быстро схватился, всталъ и, по возможности, выпрямился.

— Смотрю, смотрю, знакомое лицо... и не могу опредѣлить, гдѣ я могъ васъ видѣть! сказало лицо въ атласной рясѣ пріятнымъ баритономъ съ растяжкой.

— А я такъ сію минуту узналъ васъ, отецъ ректоръ!.. Я, ежели изволите помнить, діаконъ села Устимьевки, Игнатій Обновленскій.

Ректоръ выразилъ удовольствіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

— Обновленскій... Обновленскій... Вашъ сынъ... Да, да, да, да! Такъ вы отецъ Кирила Обновленскаго?! Очень пріятно, очень пріятно!.. Хорошій былъ ученикъ, образцовый!.. Знаете, вѣдь мы за него получили благодарность

Digitized by Google

отъ академіи... Какъ-же, какъ-же!.. Очень, очень пріятно! Что-же онъ теперь? Кончилъ?

Діаконъ Игнатій Обновленскій былъ, видимо, обрадованъ одобреніемъ столь важнаго лица, какъ ректоръ семинаріи. Въ его большихъ глазахъ заиграли искры и самые глаза увлажились. Онъ готовъ былъ плакать отъ восторга всякій разъ, когда столь лестно отзывались о его младшемъ сынѣ Кирилѣ.

— Ахъ, ваше высокопреподобіе, онъ кончилъ... первымъ магистрантомъ кончилъ... Да, первымъ магистрантомъ.

— Ну, и что-же, оставленъ при академіи? Первыхъ всегда оставляютъ.

— Нѣтъ, не оставленъ!

И голосъ діакона вдругъ дрогнулъ и понизился. Старикъ былъ смущенъ. Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, первыхъ всегда оставляютъ, а Кирилъ не оставленъ!? Почему-же онъ не оставленъ? Писалъ вѣдь онъ: „дорогіе, говоритъ, мои старики, ѣду я къ вамъ и больше уже отъ васъ не уѣду“... значитъ, не оставленъ...

— Гмъ... Это странно!.. сказалъ отецъ ректоръ.— Признаюсь, даже не понимаю.

У діакона задрожала голова; сердце его сжалось не то отъ какого-то непонятнаго дурного предчувствія, не то отъ стыда передъ отцомъ ректоромъ за то, что его сынъ, за котораго семинарія даже благодарность получила, все-таки не оправдалъ полностью всѣхъ надеждъ.

— И я не понимаю!.. почти шепотомъ сказалъ онъ. Что то стояло у него въ горлѣ и мѣшало говорить.

— А я вотъ племянника жду. Тоже академикъ. Вмѣстѣ съ вашимъ Кириломъ въ академію отправили. Сюда и назначенъ, въ нашу семинарію, сказалъ отецъ ректоръ, какъ-бы желая загладить впечатлѣніе непріятнаго разговора.

Но діаконъ уже не слушалъ его. Глухой звонъ, доносившійся съ платформы, свидѣтельствовалъ, что поѣздъ уже близко. Онъ засуетился, весь задвигался и ринулся

Digitized by Google

къ двери, куда хлынула встрѣчающая публика. Черезъ минуту онъ былъ на платформѣ и съ трепетнымъ замираніемъ сердца слѣдилъ глазами за приближавшимся поѣздомъ. Онъ внимательно присматривался, не увидитъ-ли издали доро́гую голову своего сына гдѣ-нибудь въ окнѣ вагона, но, разумѣется, ничего не видѣлъ. Поѣздъ съ торжественнымъ гудѣніемъ вкатился подъ высокую стеклянную крышу вокзала. Діаконъ застылъ на мѣстѣ и съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ разомъ на выходы изъ всѣхъ вагоновъ. Въ глазахъ его все путалось и смѣшивалось. Казалось, онъ видѣлъ всѣхъ выходящихъ и суетливо снующихъ по платформѣ съ чемоданами и узлами, слышалъ разговоры, привѣтствія, поцѣлуи, но въ то-же время все это для него было точно во снѣ. Вѣдь это вонъ тамъ отецъ ректоръ облобызалъ молодого человѣка съ дорожной сумкой, одѣтой черезъ плечо, а потомъ пожалъ руку другому молодому человѣку, высокому, блѣдному, съ длинными русыми волосами, висѣвшими изъ-подъ шляпы, съ небольшими усиками и бородкой клиномъ. Вотъ они идутъ сюда. Высокій молодой человѣкъ даже не идетъ, а почти бѣжитъ, а у него, у діакона, сердце такъ вотъ и замираетъ, голова кружится и ноги дрожатъ, и ужь совсѣмъ не понимаетъ онъ, что это такое дѣлается. Онъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ Кирила и не хочетъ отпустить его, цѣлуетъ его въ голову и не хочетъ перестать, словно это не свиданіе, а разлука. Кирилъ силой вырвался отъ старика.

— Ну, ладно, ладно, нацѣлуемся еще!.. сказалъ онъ крѣпкимъ басоватымъ голосомъ. — Тамъ багажецъ есть, надо получить.

Старикъ покорно послѣдовалъ за нимъ. Онъ то забѣгалъ впередъ, то отставалъ, попадалъ не въ ту дверь, тащилъ чужой чемоданъ, но ничего не разспрашивалъ, а только жадно глядѣлъ на высокую фигуру своего сына, на его походку, на длинныя ноги, на черный казенный сюртукъ, и отъ всего приходилъ въ умиленіе.

Когда они получили чемоданъ и сѣли на извозчика, Кирилъ спросилъ:

Digitized by Google

— А Мурка здорова?

— Марья Гавриловна? Слава тебѣ, Господи! Ждетъ тебя!..

— Что-же она встрѣчать не пришла?

— Желала, очень желала. Да матушка, Анна Николаевна, не дозволила. Дѣвицѣ, говоритъ, неприлично.

— Ну, а матъ, сестра, братъ Назаръ? здравствуютъ?

— Кланяются. Назаръ въ священники просился, да отказалъ владыка. Еще, говоритъ, послужи.

А самъ діаконъ въ это время подумалъ: „Сперва о Муркѣ своей спросилъ, а потомъ о матери. Не порядокъ“.

— Куда держать прикажете? спросилъ извозчикъ, которому забыли сказать это.

— Въ соборный домъ, въ соборный домъ! поспѣшно сказалъ діаконъ и прибавилъ, обращаясь къ сыну:—Мы къ о. Гавріилу заѣдемъ, тамъ и лошади мои стоятъ... Покушаемъ, да и въ Устимьевку, къ вечеру дома будемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... переночевать надо... дѣло есть! Надобно побывать у преосвященнаго!

Хотѣлъ старикъ спросить: зачѣмъ? да воздержался. А между тѣмъ въ головѣ его копошились непріятныя мысли: „Первымъ магистрантомъ кончилъ и къ преосвященному. Зачѣмъ? — думалъ онъ: — къ преосвященному ходитъ нашъ братъ—простой человѣкъ. Ну, тамъ во священника либо въ діакона просится. А то магистрантъ, первый магистрантъ... Чего ему?“ Но, подавленный восторгомъ по поводу того, что горячо любимый сынъ наконецъ пріѣхалъ и сидитъ рядомъ съ нимъ на дрожкахъ, старикъ молчалъ, отложивъ свои вопросы на послѣ. А сынъ не догадывался о его думахъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ и удивлялся разнымъ перемѣнамъ въ губернскомъ городѣ за послѣдніе два года. Строятъ новую церковь, замостили Вокзальную улицу, не мало новыхъ домовъ выросло.

— Ростетъ наша губернія! замѣтилъ онъ вслухъ:— и соборный домъ заново окрашенъ!

Двухъ-этажный соборный домъ, къ которому они подъѣхали, былъ окрашенъ въ темно-коричневый цвѣтъ. Непо-

Digitized by Google

далеку отъ него, на большой площади, огороженной желѣзной рѣшеткой, возвышался соборъ, зданіе большое, но неуклюжее и угловатое. Они расплатились съ извозчикомъ и вошли въ калитку, а потомъ поднялись во второй этажъ. Отецъ Гавріилъ Фортификантовъ занималъ весьма приличную и просторную квартиру въ соборномъ домѣ. По чину онъ былъ третьимъ священникомъ, и такъ какъ обыватели губернскаго города отличались богобоязненностью, то доходъ у него былъ хорошій. Гости поднялись по узкой деревянной лѣстницѣ, застланной парусинковой дорожкой, прошли обширный стеклянный корридоръ и вступили въ покои отца Гавріила Фортификантова. Уже изъ передней можно было замѣтить, что въ залѣ происходитъ нѣкоторое движеніе, но солидное, лишенное всякой суетливости. На порогѣ ихъ встрѣтилъ самъ отецъ Гавріилъ и сперва осѣнилъ Кирила благословеніемъ, а потомъ уже обнялъ и трижды облобызалъ. Тотъ-же часъ изъ гостиной вышла солидная матушка, Анна Николаевна, въ свѣтло-голубомъ капотѣ, съ наколкой на головѣ; она тоже поцѣловалась съ Кириломъ. Въ этомъ домѣ говорили ему „ты“ и обращались какъ съ сыномъ. Уже со второго богословскаго класса онъ считался женихомъ Марьи Гавриловны. Конечно, такое довѣріе къ сыну бѣднаго сельскаго діакона объяснялось особенными успѣхами Кирила въ наукахъ. Уже тогда было извѣстно, что онъ поѣдетъ въ академію.

Сѣли. Разговоръ вертѣлся на подробностяхъ путешествія и нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ. Было уже часовъ одиннадцать—матушка пригласила къ завтраку.

— А гдѣ-же Мура? спросилъ Кирилъ:—Марья Гавриловна? поправился онъ, вспомнивъ, что при родителяхъ онъ никогда еще такъ не называлъ ея.

— Она одѣвается! сказала матушка, но Мура была одѣта. Матушка просто „выдерживала“ ее, считая, что дѣвицѣ неприлично выбѣгать навстрѣчу мужчинѣ. Положимъ, онъ ея женихъ, но вѣдь два года они не видались. Мало-ли какія могли произойти перемѣны?

Digitized by Google

„Когда-же отецъ Гавріилъ начнетъ разспрашивать его?“ трепетно думалъ діаконъ. Онъ сильно разсчитывалъ на эти разспросы, самъ-же не рѣшался начать ихъ. Онъ просто-таки побаивался сына, сознавая свое діаконское ничтожество передъ его магистранствомъ.

Въ столовую вошла Марья Гаврилова. Она поздоровалась съ Кириломъ по-дружески, но чинно и сдержанно. Кирилъ нашелъ, что она возмужала и потолстѣла. У нея было довольно обыкновенное круглое лицо съ румяными полными щеками и живыми карими глазами. Густые черные волосы, тщательно причесанные, выростали въ длинную толстую косу, спускавшуюся ниже пояса. Ея чинныя манеры, очевидно, были неискренни. Она вся зардѣлась и отъ волненія молчала. Ей хотѣлось прижаться къ своему любимцу, котораго она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ и теперь находила прекраснымъ.

— Такъ вотъ оно какъ, Кирилъ Игнатьевичъ. Ты первый магистрантъ духовной академіи! Честь и слава тебѣ! промолвилъ отецъ Гавріилъ отчасти торжествующимъ тономъ, но въ то-же время и съ оттѣнкомъ легкой шутки.

У дьякона дрогнуло сердце. „Сейчасъ оно объяснится“, сообразилъ онъ, и вслѣдствіе волненія началъ ѣсть съ преувеличеннымъ аппетитомъ. Мура пристально взглянула на пріѣзжаго и съ своей стороны подумала: „какой онъ теперь, должно быть, ученый!“

— Да, птица важная! шутя отвѣтилъ Кирилъ.

— А еще-бы не важная? Большой ходъ тебѣ будетъ, очень большой ходъ!..

„Вотъ, вотъ начинается“, думалъ діаконъ.

Кирилъ промолчалъ на это. Но отецъ Гавріилъ рѣшился исчерпать всю тему и продолжалъ:

— Но какъ-же ты безъ всякаго назначенія? Развѣ имѣешь въ виду что-либо особенное?

— Ничего не имѣю, о. Гавріилъ. Вотъ весь передъ вами!

„Ага, ага, такъ и есть! Чудеса какія-то, истинно

Digitized by Google

чудеса"! размышлялъ діаконъ и боясь, чтобы сынъ не прочиталъ этихъ мыслей на его лицѣ, смотрѣлъ прямо въ тарелку.

— Это удивительно! Первый разъ слышу, чтобы первый магистратъ и такъ вотъ... Ничего даже не предложили... Удивительно!..

— Какъ не предложили? Оставляли при академіи— самъ отказался!..

Послѣ этихъ словъ всѣ разомъ, и о. Гавріилъ, и матушка, и Мура, и даже діаконъ, положили вилки и ножи на столъ.

— Вотъ оно что! пробормоталъ діаконъ, но тутъ-же испугался. Можетъ быть, этого не слѣдовало говорить? Можетъ быть, Кирилу это непріятно, обидно?

— При духовной академіи... И ты отказался? Да ты прямо безумецъ! воскликнулъ о. Гавріилъ.

— Именно безумецъ! подтвердила матушка.

Мура ничего не сказала. У нея только сжалось сердце отъ сожалѣнія: „Въ столицѣ жили-бы?" мелькнуло у нея въ головѣ. Жизнь въ столицѣ представлялась ей недостижимой мечтой.

— Что-жь мнѣ дѣлать, если я люблю васъ всѣхъ, люблю свой теплый югъ, деревню, въ которой выросъ, и мужичка, который выкормилъ меня, и моихъ близкихъ! серьезно и вдумчиво произнесъ Кирилъ.— Вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ. Любите, коли милъ вамъ! прибавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, а о. Гавріилъ сказалъ:—Это похвально. Любовь къ родинѣ и къ ближнему— это превосходно. Но зачѣмъ-же отказываться отъ того, что пріобрѣтено трудомъ и талантомъ? Ты могъ пріѣхать къ намъ, повидаться съ нами и вновь уѣхать. И деревню увидѣть и прочее. Но отказываться отъ профессорства, да еще гдѣ? — въ столичной духовной академіи — это прямо преступно.

— Преступно! повторила матушка съ величайшей экспрессіей.—Именно преступно!

Digitized by Google

— И при чемъ тутъ деревня? продолжалъ о. Гавріилъ.—Вѣдь все равно, не будешь-же ты жить въ деревнѣ?

— Я буду жить въ деревнѣ, твердо и отчетливо сказалъ Кирилъ.—Я буду сельскимъ священникомъ.

Эти слова поразили всѣхъ точно трубный звукъ. Въ первое мгновеніе никто не повѣрилъ. „Шутитъ!“ мелькнуло у всѣхъ въ головѣ, и всѣ подняли взоры на Кирила. Кирилъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, серьезный, сосредоточенный и блѣдный. Въ глазахъ его свѣтилась твердая воля и безповоротное рѣшеніе. Всѣ поняли, что это не шутка.

О. Гавріилъ покраснѣлъ и, шумно отодвинувшись отъ стола вмѣстѣ со стуломъ, промолвилъ чуть не гнѣвно:— Да ты пріѣхалъ издѣваться надъ нами!

— Я? Надъ вами? съ глубокой и искренней скорбью въ голосѣ спросилъ Кирилъ.

Матушка быстро поднялась съ мѣста и, принявъ гордую осанку человѣка, который оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ, промолвила: — Моя дочь не для деревни! и затѣмъ, обратившись къ Марьѣ Гавриловнѣ, прибавила повелительно:

— Марья, иди къ себѣ!

Кирилъ тоже поднялся и, отойдя къ окну, сталъ въ пол-оборота, повидимому, разстроенный и потрясенный. Онъ исподлобья смотрѣлъ на свою невѣсту, ожидая, что она предпримете. Мура повиновалась. Она чувствовала, что у нея сейчасъ польются слезы, и, считая это для себя позорнымъ, поспѣшно повернулась къ двери и быстрыми, неровными шагами вышла. Матушка послѣдовала за нею. О. Гавріилъ сидѣлъ съ краснымъ лицомъ и сдвинутыми бровями. Казалось, онъ хотѣлъ разразиться громовой рѣчью, но вмѣсто этого онъ вытеръ салфеткой усы, всталъ, перекрестился и, даже не взглянувъ ни на Кирила, ни на діакона, послѣдовалъ за женой и за дочерью.

Діаконъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и свѣсивъ руки. Онъ никакъ не могъ хорошенько взять въ

Digitized by Google

толкъ, что такое передъ нимъ случилось. Въ головѣ его бродили отрывочныя фразы: „О. Гавріилъ какъ разсердились!.. И матушка! Первый магистрантъ! Сельскій священникъ... Господи, Создатель мой!“ И онъ боялся поднять голову, чтобы не встрѣтиться со взорами сына.

Кирилъ нѣсколько минутъ простоялъ у окна, потомъ энергично зашагалъ по комнатѣ, шумя стульями, которые цѣплялись за его длинныя ноги. Пройдясь туда и обратно и какъ-бы убѣдившись, что эта прогулка не представляетъ никакихъ удобствъ, онъ остановился за спиной старика и промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что-жь, отецъ, возьмемъ нашъ чемоданчикъ и махнемъ!

Діаконъ вздрогнулъ.

— Какъ? Куда? Какъ-же это? Значитъ, совсѣмъ, окончательно?!.

— Надо такъ думать! съ горькой улыбкой сказалъ Кирилъ.

— И тебѣ... тебѣ не жаль, Кирюша? робкимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ діаконъ.

— Какъ не жаль? Жаль, больно мнѣ, сердце разрывается... Да вѣдь прямо-же отказали!

— Отказали! гробовымъ шепотомъ повторилъ старикъ.

Сколько разочарованія и разбитыхъ надеждъ заключалось для него въ этомъ словѣ! Въ жизни его были двѣ гордости. Первая—это его сынъ, который въ ученьи всегда былъ первымъ и даже въ духовной академіи отличился, первымъ магистратомъ кончилъ. Вторая гордость—это предстоящее родство съ семействомъ о. Гавріила Фортификантова. Смѣлъ-ли онъ, сельскій діаконъ, бѣдный, незамѣтный, темный, состарившійся въ забвеніи, смѣлъ-ли онъ мечтать о такомъ родствѣ! Мечта однако готова была осуществиться; онъ былъ-бы принятъ въ домъ протоіерея и считался-бы здѣсь своимъ человѣкомъ— и вдругъ!

Онъ поспѣшно поднялся, застегнулъ шейную пуговицу

Digitized by Google

своей поношенной ряски и съ покорностью отчаянія сказалъ:—Пойдемъ, сынокъ!

Они вышли въ сѣни. Кирилъ ступалъ твердо; у него стучало въ вискахъ и сердце билось неровно, но онъ зналъ, что иначе поступить не можетъ. Діаконъ робко и неслышно сѣменилъ ногами. Двери во всѣ комнаты были наглухо закрыты. За ними не было слышно ни разговора, ни движенія. Они уже были въ стеклянномъ корридорѣ, когда діаконъ спросилъ шепотомъ:

— Какъ-же это? Не простившись? а?

— Не хотятъ! глухо отвѣтилъ Кирилъ и, прихвативъ чемоданъ, сталъ спускаться по лѣстницѣ. Діаконъ замѣшкался. Онъ тихонько пріотворилъ дверь въ кухню, поманилъ пальцемъ горничную и шепнулъ ей:

— Анюта, ежели будутъ освѣдомляться... мы на Московскомъ постояломъ дворѣ.

Анюта посмотрѣла на него съ изумленіемъ и заперла за нимъ двери, когда онъ спустился внизъ.

Молча діаконъ заложилъ лошаденокъ въ свою таратайку, подобралъ сѣно, свалившееся на землю церковнаго двора; молча они усѣлись и выѣхали на улицу.

Московскій постоялый дворъ помѣщался на окраинѣ города. Подъѣзжая къ нему, Кирилъ могъ-бы вспомнить, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ они здѣсь останавливались всякій разъ, когда отецъ привозилъ его съ каникулъ въ семинарію. На этомъ обширномъ дворѣ стояла ихъ телѣга, которая служила яслями для старой клячи. Обширный, довольно грязный и лишенный какихъ-бы то ни было приспособленій „номеръ“ остался все такимъ-же, точно пятнадцать лѣтъ для него не проходили вовсе. Но Кирилу было не до воспоминаній. Войдя въ комнату и швырнувъ кое-какъ чемоданъ, онъ зашагалъ изъ угла въ уголъ, да такъ энергично, что діаконъ предпочелъ удалиться къ старому знакомому, содержателю постоялаго двора, и тутъ-же сталъ выкладывать ему все, что накипѣло у него на душѣ.

— Знаете что, отецъ діаконъ! сказалъ содержатель

Digitized by Google

постоялаго двора, человѣкъ солидной комплекціи и положительныхъ правилъ. — Вы не обидьтесь, что я вамъ скажу: у вашего сына, должно быть, что-то въ головѣ не въ порядкѣ. Повѣрьте, что такъ!

Діаконъ обидѣлся.

— Ну, ужь извините. У моего сына такая голова, что дай Богъ вашему сыну такую! сказалъ онъ не безъ ядовитости.

— Мой сынъ будетъ содержать постоялый дворъ, зачѣмъ ему такая голова? А вашъ—переучился!.. Знаете, у него умъ за разумъ зашелъ. Нѣтъ, вы не обижайтесь, отецъ діаконъ, я по сочувствію говорю!

Діаконъ вышелъ отъ него совершенно разстроенный и, войдя въ свой номеръ, спросилъ убитымъ голосомъ:

— Завтра къ преосвященному пойдешь, что-ли?

Кирилъ сѣлъ на протертомъ стулѣ и посмотрѣлъ на отца простымъ дружескимъ взглядомъ.

— Присядьте, батюшка, потолкуемъ. Мы съ вами еще толкомъ и не побесѣдовали! сказалъ онъ голосомъ, выражавшимъ спокойствіе.

Діаконъ поспѣшно присѣлъ на кровати, которая начала жалобно пищать подъ нимъ.

— Зачѣмъ мнѣ теперь идти къ преосвященному? промолвилъ Кирилъ: — вѣдь чтобы сдѣлаться священникомъ, надобно жениться. А я другихъ дѣвушекъ не знаю, кромѣ Марьи Гавриловны. Съ нею я подружился и свыкся, и она со мной. Теперь мои мысли спутались.

— Спутались, именно спутались!... какъ эхо, повторилъ діаконъ.

Кирилъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не то, что вы думаете. Вы считаете меня помѣшаннымъ, я знаю.

— Даже и не думалъ.... Богъ съ тобой! поспѣшилъ опровергнуть діаконъ.—Никогда я этого не думалъ!

— А я хочу только, чтобы былъ какой-нибудь смыслъ въ моей жизни, вотъ и все. Вѣдь вы, батюшка, у меня не глупый человѣкъ, только бѣдностью забитый. Пусть

Digitized by Google

никто не понимаетъ, а вы должны понять. Съ малолѣтства я жилъ въ деревнѣ; деревня наша, Устимьевка, бѣдная. И видѣлъ я мужика, какъ онъ во тьмѣ кромѣшной живетъ и убивается. Темнота его отъ бѣдности, батюшка, а бѣдность отъ темноты. Такъ одна за другую и цѣпляется. За бѣдность полюбилъ я его тогда еще, въ дѣтствѣ, только любовь эта глохла во мнѣ, спала, потому что жилъ я безсознательно, шелъ по вѣтру и ничего у меня своего не было. Ну, учился я много и прилежно, съ книжной премудростью познакомился, съ людьми умными разговаривалъ и умъ мой развился. И понялъ я, что жить зря недостойно ума человѣческаго. Такое я себѣ правило усвоилъ: коли ты умомъ просвѣтился, то и другого просвѣти, ближняго. И тогда жизнь твоя оставитъ слѣдъ. А кого просвѣщать, какъ не темнаго деревенскаго человѣка? Свѣтить надобно тамъ, гдѣ темно, батюшка. А ужъ какъ темно тамъ, сами знаете. И для этого самаго, дорогой мой отецъ, я презрѣлъ карьеру и рѣшился сдѣлаться сельскимъ священникомъ. Теперь скажите, батюшка, помѣшанный я или нѣтъ?

Діаконъ сидѣлъ съ поникшей головой. Наконецъ-то, онъ дождался объясненія отъ сына, и каждое слово изъ этой маленькой рѣчи запало въ его душу. Не вполнѣ понималъ онъ то, что говорилъ сынъ, но чувствовалъ, что въ словахъ его есть нѣчто хорошее, справедливое. И радостно было ему, что сынъ такъ правдиво разсуждаетъ, и жалко разстаться съ мечтой о возвышеніи ихъ незамѣтнаго рода, и стыдно за то, что онъ осмѣлился заподозрить Кирила въ умственномъ помраченіи. Всѣ эти ощущенія смѣшались въ его сердцѣ, и онъ молчалъ. Кирилъ всталъ и подошелъ къ нему близко.

— Что-жь, батюшка, одобряете или нѣтъ?

Діаконъ порывисто обнялъ его грудь обѣими руками и, припавъ къ нему головой, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ты правдивый человѣкъ... По-евангельски, по-евангельски!..

Digitized by Google

Кирилъ поцѣловалъ его въ сѣдую голову, и лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Вотъ это хорошо, батюшка, что вы меня понимаете!.. Легче жить на свѣтѣ, когда кто-нибудь понимаетъ тебя. Я вѣдь знаю, что мать и всѣ родные накинутся на меня. А на васъ я надѣялся.

— Да, да! Но вотъ Мура-то твоя какъ? Ежели ты любишь, свыкся, говоришь, такъ это горько.

Кирилъ молча сталъ ходить по комнатѣ, а діаконъ, посидѣвъ еще съ минуту, вышелъ, чтобы не мѣшать ему. Онъ постоялъ на крылечкѣ, подумалъ, и вдругъ на лицѣ его появилось выраженіе рѣшимости. Онъ вернулся въ сѣни, взялъ свою шапку и, крадучись, вышелъ со двора. Тутъ онъ ускорилъ шаги и почти бѣгомъ направился къ соборному дому.

II.

Здѣсь онъ засталъ семейный совѣтъ, которому предшествовали очень важныя обстоятельства.

Мура, выйдя изъ столовой, сидѣла въ своей комнатѣ въ трепетномъ ожиданіи, что изъ этого выйдетъ. Когда-же къ ней вошла матушка и объявила, что Кирилъ съ отцомъ ушли и что произошелъ окончательный разрывъ, она разрыдалась и объявила, что ни за кого больше замужъ не пойдетъ.

— Глупости! Не пойдешь-же ты жить въ деревню! возразила матушка.

— Мнѣ все равно; я люблю его и буду жить тамъ, гдѣ онъ! И вы это напрасно, напрасно... Я прямо сбѣгу къ нему!.. Скандалъ вамъ сдѣлаю.

Марья Гавриловна, вообще скромная и мягкая, иногда, а именно въ рѣшительныхъ случаяхъ, проявляла характеръ матушки, который ей достался, конечно, по наслѣдству. Отецъ Гавріилъ въ такихъ случаяхъ удалялся въ кабинетъ и запирался въ клѣть свою, предоставляя косѣ наскакивать на камень. И если-бы это былъ обыкновенный житейскій

Digitized by Google

случай, то и тутъ произошло-бы то-же самое. Но случай былъ особаго рода, поэтому матушка не только смирила свой характеръ передъ дочерью, а даже признала главенство отца Гавріила и предложила ему высказаться по этому важному предмету. Они принялись вдвоемъ дѣйствовать на Муру добрымъ словомъ.

— Знаешь-ли ты, что такое деревня и какая тамъ жизнь? говорилъ о. Гавріилъ.—Глушь, живого человѣка нѣтъ, одни мужики. Смертельная тоска и скука. Мужики—народъ грубый, необразованный, грязный, а тебѣ съ ними придется компанію водить. Зимой вьюга, снѣгомъ все занесено. Лѣтомъ зной.

— Мнѣ все равно, я люблю его! твердо отвѣчала Мура.

Отецъ Гавріилъ, какъ-бы убѣдившись въ тщетности своей попытки, замолчалъ и сталъ придумывать болѣе дѣйствительный доводъ.

— И главное ты вотъ что подумай! заговорила въ свою очередь матушка: — ну, ты его любишь. Хорошо. Да онъ-то тебя любитъ-ли? По моему—не любитъ. Сама посуди: когда человѣкъ любитъ, то дѣлаетъ для своей невѣсты все самое пріятное. Такъ я говорю, отецъ Гавріилъ?

— Именно такъ! подтвердилъ отецъ Гавріилъ, вспомнивъ при этомъ, что въ свое время и онъ старался сдѣлать своей невѣстѣ, нынѣ матушкѣ, пріятное.

— Ну, а онъ, видишь, какъ поступаетъ! Зарубилъ себѣ тамъ что-то въ головѣ, и ради этой глупости готовъ тебя закопать въ могилу. Нѣтъ, не любитъ онъ тебя.

— Ахъ, нѣтъ, матушка, любитъ, ей Богу, любитъ! съ удареніемъ произнесъ четвертый голосъ, и, оглянувшись на дверь, всѣ поняли, что это не кто иной, какъ діаконъ, вошедшій незамѣтно, въ родѣ привидѣнія. Онъ на этотъ разъ даже не казался робкимъ и забитымъ; во всѣхъ его движеніяхъ видна была рѣшимость. Онъ приложилъ правую руку къ сердцу и съ сильнымъ удареніемъ произнесъ:

— Отецъ Гавріилъ! Ахъ, матушка! послушайте,

Digitized by Google

ради Господа-Бога! Сынъ мнѣ сказалъ: „Э, зачѣмъ, говоритъ, мнѣ теперь идти къ преосвященному, когда мнѣ отказали! Все одно, говоритъ, жениться я не могу, потому ни одной женщины на свѣтѣ не знаю и знать не хочу, кромѣ какъ Мура. И теперь, говоритъ, всѣ мои мысли спутались". Отецъ Гавріилъ! Матушка!

И діаконъ заплакалъ. Мура, услышавъ изъ его устъ такое трогательное признаніе, опять разрыдалась, а о. Гавріилъ съ матушкой потупились и молчали.

— Чѣмъ-же онъ объясняетъ? спросила послѣ молчанія матушка, не глядя на него.

— Желаетъ поступать по-евангельски!

На лицѣ матушки выразилось крайнее недоумѣніе.— Отецъ Гавріилъ, развѣ въ евангеліи это сказано, чтобы непремѣнно въ деревнѣ жить?

Отецъ Гавріилъ не отвѣтилъ на этотъ не совсѣмъ удачный вопросъ. Онъ сказалъ:

— Мое мнѣніе таково: Марія наша—дѣвица взрослая. Ей извѣстно, что ее ожидаетъ. Ежели любовь ея такъ сильна, что она на это рѣшается, предоставимъ... А ея дѣло впослѣдствіи мужа образумить! Вотъ. Я такъ полагаю, что онъ потомъ образумится. А въ городъ всегда перевести можно. Вотъ. А впрочемъ рѣшай сама! обратился онъ къ матушкѣ.

Діаконъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его въ руку и въ лобъ, и, повернувшись къ матушкѣ, сказалъ:— Матушка, позвольте и вамъ...

— Только я не буду виновата! промолвила матушка и протянула ему руку, которую онъ съ большимъ чувствомъ облобызалъ. Мура бросилась къ ней, и произошла трогательная сцена общихъ объятій.

Діаконъ рысью побѣжалъ на постоялый дворъ и черезъ полчаса притащилъ Кирила къ Фортификантовымъ. Но прежде чѣмъ окончательно получить титулъ жениха, Кирилу пришлось выдержать получасовое собесѣдованіе съ о. Гавріиломъ, потомъ съ матушкой. Сущность этихъ бесѣдъ сводилась къ убѣжденію образумиться. Кирилъ

Digitized by Google

былъ въ благодушномъ настроеніи и не возражалъ. Онъ даже нашелъ возможнымъ пообѣщать, что ежели опытъ укажетъ ему что-либо лучшее, то онъ образумится. Наконецъ, ему было дозволено остаться съ Мурой.

— Мура, сказалъ онъ,—я долженъ объяснить тебѣ...

— Не объясняй, Кирилъ, ничего я понимать не хочу... Я тебя люблю, вотъ и все...

И она прижалась въ нему съ такой довѣрчивостью, что онъ больше не пытался объяснять. Вечеромъ они гуляли вдвоемъ. Кирилъ разсказывалъ ей про роскошные дворцы, про мосты, про музеи и театры.

— Хорошо тамъ! несмѣло восклицала Мура, боясь чтобы онъ не принялъ это за упрекъ.

— Хорошо. Только жизни тамъ нѣтъ. Не живутъ тамъ, а только время проводятъ. Жизнь тамъ сгараетъ въ пламени дѣловитости и развлеченій. По своей волѣ я-бы тамъ и года не прожилъ!

„А я-бы вѣкъ прожила!“ думала про себя Мура.

На утро Кирилъ проснулся рано. Преосвященный принималъ съ восьми часовъ. Одѣвшись въ казенную черную пару, которая лежала на немъ неуклюже, и напившись чаю, когда въ домѣ протоіерея всѣ еще спали, онъ вышелъ. Діаконъ не спалъ и проводилъ его до воротъ. Онъ даже хотѣлъ напутствовать его благословеніемъ, потому что визитъ преосвященному представлялся ему чѣмъ-то необычайнымъ, даже потрясающимъ, съ чѣмъ бываютъ связаны мысли другого порядка. Но это какъ-то не вышло. Діаконъ однакоже остановилъ Кирила у воротъ и сказалъ:

— Конечно, преосвященный къ тебѣ отнесется съ уваженіемъ, потому что ты ученый человѣкъ и съ отличіемъ. Однако-жь соблюдай почтительность... И вотъ еще: ежели будетъ прилично и увидишь съ его стороны расположеніе, упомяни о братѣ твоемъ, Назарѣ. Не будетъ-ли молъ, милости насчетъ священства?

Кирилъ засталъ въ пріемной у архіерея цѣлую кучу

Digitized by Google

народа, все больше сельскаго духовенства въ поношенныхъ рясахъ и кафтанахъ. Одни имѣли видъ благолѣпный, какъ вотъ эти двое довольно полныхъ отцовъ, просящихъ разрѣшенія помѣняться мѣстами. Другіе со страхомъ и трепетомъ ожидали ссылки въ монастырь за неодобрительную жизнь. Попадались и женщины съ заплаканными глазами, очевидно, вдовы духовныхъ лицъ, ходатайствующія о пенсіи или о томъ, чтобы имъ разрѣшили жить въ сторожкѣ той церкви, при которой ихъ мужья продъячили тридцать-сорокъ лѣтъ. Магистранта духовной академіи, Кирила Обновленскаго, сейчасъ-же впустили къ архіерею, а толпа осталась попрежнему ждать. Владыка принялъ его дружески. Благодарность, которую получила семинарія за Обновленскаго, коснулась и его.

— Знаю, знаю, освѣдомленъ. Отецъ ректоръ академіи писалъ мнѣ. Надѣялись на тебя, а ты возьми да и откажись. По болѣзни, гмъ!.. Какая-же тебѣ болѣзнь приключилась? На видъ ты здоровъ.

Преосвященный былъ очень старъ, но отличался бодростью и любилъ побесѣдовать. Совершенно сѣдая борода его постоянно тряслась. Онъ былъ высокаго роста и довольно полнъ. Лицо у него было простое и незлобивое, и самъ онъ былъ добродушный человѣкъ, но любилъ показать, что строгъ и держитъ епархію въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ этого получалось такое противорѣчіе: всѣ знали и говорили, что преосвященный строгъ, даже очень строгъ, но въ епархіи не набралось-бы больше десятка наказанныхъ. Покричитъ, покричитъ, да и отправитъ домой съ миромъ. Кирилъ сѣлъ на указанное самимъ преосвященнымъ мѣсто и сказалъ:—Я совершенно здоровъ, ваше преосвященство. Ежели я выставилъ причиной моего отказа болѣзнь, то это лишь ради формальности.

— Что-то не пойму! Говори-ка яснѣй, мой сынъ!

— Да, ваше преосвященство, я именно для того и обезпокоилъ васъ своимъ визитомъ, чтобы высказать вамъ свои намѣренія. Прошу васъ, дайте мнѣ мѣсто сельскаго священника!

Digitized by Google

— Какъ? Что такое? Ты окончилъ академію первымъ магистрантомъ и хочешь идти въ село?

Это было естественно, что преосвященный изумился. Подобная просьба встрѣчалась первый разъ въ его жизни. Обыкновенно академики хлопотали у него о самыхъ лучшихъ мѣстахъ, всегда норовили попасть въ соборъ, или ужь если и соглашались въ другую городскую церковь, то непремѣнно настоятелями.

— Не понимаю, объясни, объясни! прибавилъ преосвященный и съ большимъ любопытствомъ устремилъ на него взоры.

— Хочу послужить меньшому брату, темному человѣку, единому отъ малыхъ силъ, вдумчиво произнесъ Кирилъ.

— Дѣльно, дѣльно! сказалъ архіерей: — только не понимаю, какъ это ты рѣшился.

— Городъ меня не соблазняетъ, доходы меня не занимаютъ! продолжалъ Кирилъ: — сердце мое лежитъ къ селу, гдѣ я провелъ мое дѣтство.

— Это весьма дѣльно! Да благословитъ тебя Богъ! въ восхищеніи произнесъ архіерей. — Я буду ставить тебя въ примѣръ другимъ. Онъ поднялся, подошелъ къ Кирилу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Но какой приходъ я тебѣ дамъ? У меня имѣются лишь бѣдные приходы, а всѣ лучшіе заняты. Ты-же достоинъ самаго лучшаго прихода.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Кирилъ, — мнѣ этого не надо. Мнѣ такой приходъ дайте, чтобы я могъ безбѣдно существовать съ семействомъ.

— Да благословитъ тебя Богъ, да благословитъ! повторялъ преосвященный, будучи совершенно растроганъ безкорыстіемъ молодого человѣка. У него явилось желаніе тутъ-же сдѣлать ему какую-нибудь пріятность, отличить его чѣмъ-нибудь.

— У тебя есть братъ—діаконъ Назаръ. Скажи ему, чтобы пріѣхалъ ко мнѣ, я сдѣлаю его священникомъ и дамъ ему хорошее мѣсто.

Кирилъ поклонился, а архіерей продолжалъ: — Иди

Digitized by Google

съ Богомъ. Избери себѣ жену, а тамъ и къ сану іерейскому готовься. Мѣсто я тебѣ назначу.

Онъ благословилъ молодого человѣка, обнялъ его и прибавилъ:—А все-таки жаль, что нашъ городъ тебя лишается. Ты былъ-бы хорошимъ проповѣдникомъ!.. Я помню, какъ ты еще въ бытность въ семинаріи хорошо по гомилетикѣ шелъ, помню, помню! Такъ скажи брату—пусть пріѣзжаетъ!

Кирилъ вышелъ отъ архіерея въ радостномъ настроеніи. Первое, что его радовало, это то, что старикъ, повидимому, понялъ его. Пріятно было также обрадовать отца и Назара и всю семью извѣстіемъ объ архіерейской милости. Публика, наполнявшая архіерейскую пріемную, пропустила его почтительно; всѣ глядѣли на него съ завистью. Всѣ уже узнали, что онъ первый магистрантъ и думали: „Счастливый, сейчасъ получитъ лучшее мѣсто въ епархіи. Дастъ-же Богъ людямъ счастье! И какой молодой, почти мальчишка!“...

Въ архіерейскомъ дворѣ Кирилъ встрѣтилъ отца ректора съ племянникомъ. Евгеній Адреевичъ Межовъ—такъ звали ректорскаго племянника—былъ одѣтъ очень парадно. Его черный сюртукъ былъ уже, очевидно, не казенный, а сшитый по заказу, сидѣлъ хорошо и былъ сдѣланъ изъ тонкаго сукна. И шляпа на немъ была новая, котелокъ съ широкой синей лентой и съ шнуркомъ, прикрѣпленнымъ къ пуговицѣ пальто. На рукахъ черныя перчатки, штиблеты новыя, съ лакированными носками. Держался онъ ровно и вообще смотрѣлъ солиднымъ франтомъ. Ради торжественнаго случая онъ сбрилъ свои бѣлобрысыя бакенбарды и пригладилъ брильянтиномъ небольшіе усики. Отецъ ректоръ былъ въ черной шелковой рясѣ съ регаліями на груди, въ камилавкѣ и съ палкой. У воротъ стоялъ семинарскій экипажъ. Было очевидно, что ректоръ привезъ своего племянника для представленія архіерею.

— Представлялся? спросилъ Межовъ на ходу, торопясь за своимъ дядюшкой.

Digitized by Google

— Да, кратко отвѣтилъ Кирилъ.

— А я вотъ хлопотать пріѣхалъ съ дядюшкой!.. Ты знаешь, инспектора нашего перевели... Такъ я хлопочу.

— Такъ скоро? удивился Кирилъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Межовъ кончилъ курсъ въ академіи неважно и не имѣлъ основанія даже разсчитывать на магистерство.

— Ну, что-жь, дядюшка хлопочетъ... Видишь, инспекторомъ меня не утвердятъ, а только исправляющимъ должность. Но вѣдь это все равно... Жалованье идетъ полностью.

— Конечно, конечно, разсѣянно сказалъ Кирилъ.

— И квартира, и даже отопленіе... Вѣдь это не дурно?

— Не дурно!..

Тутъ къ нимъ подошелъ о. ректоръ.

— Что-же вы съ собою думаете дѣлать, Обновленскій? спросилъ онъ съ какимъ-то — не то участіемъ, не то неодобреніемъ.

Кирилъ не имѣлъ никакого желанія откровенничать. Ректора онъ никогда не любилъ за его потайной, неискренній характеръ.

— Право, не знаю еще!.. Вотъ, съѣзжу къ роднымъ, посовѣтуюсь.

— Такъ, такъ... Это слѣдуетъ... Пойдемъ, однако, Евгеній, замѣшкались!

Кирилъ поклонился и разошелся съ ними.

„Какъ, однако, легко преуспѣваетъ человѣкъ при добромъ желаніи!“ подумалъ онъ, вспомнивъ о малыхъ талантахъ молодого Межова.

III.

Таратайка діакона Игнатія Обновленскаго была лишена рессоръ; на каждой кочкѣ ее подбрасывало; трескъ

Digitized by Google

отъ нея раздавался верстъ на двѣ кругомъ. Всѣ ея составныя части обладали способностью издавать особенные, характерные звуки. Шкворень, соединявшій переднія колеса съ ящикомъ, хрипло гудѣлъ, отъ времени до времени пристукивая; широкія крылья вмѣстѣ со ступеньками издавали трепетный, дребезжащій звукъ, въ которомъ опредѣленно слышалась однообразная печальная нотка. Эта нотка давала тонъ всей музыкѣ и слышна была далеко. Оглобли при поворотахъ и даже при простыхъ движеніяхъ лошаденокъ круто скрипѣли. Вся эта симфонія хорошо была извѣстна уѣзду, и всякій, заслышавъ ее, могъ съ закрытыми глазами сказать, что ѣдетъ устимьевскій діаконъ.

Они ѣхали уже часовъ пять, сопровождаемые густымъ облакомъ сѣрой пыли, которая—разъ ее потревожатъ — долго неподвижно стоитъ въ воздухѣ, свидѣтельствуя всякому, что здѣсь проѣхали. Путешественники были совершенно сѣры отъ этой пыли. Діаконъ дремалъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, опрокидываясь и поспѣшно крестясь, когда повозку внезапно подбрасывало. Кирилъ глядѣлъ по сторонамъ и вспоминалъ. По обѣ стороны широкой, извилистой дороги желтѣла подпаленная солнцемъ и поспѣвающая рожь. Вдали чернѣли баштаны, еще недавно только взошедшіе. Кое-гдѣ вырисовывались хутора изъ десятка землянокъ съ широкими огородами, съ высоко торчащимъ журавлемъ у колодца. Тамъ чабаны подгоняли къ черному корыту у колодца „шматокъ“ овецъ, казавшійся живымъ сѣрымъ пятномъ на желтомъ фонѣ степи. Кругомъ было глубокое молчаніе; всѣ живыя существа попрятались въ тѣнь, ища спасенія отъ знойныхъ солнечныхъ лучей.

Кирилъ съ какимъ-то грустнымъ удивленіемъ думалъ, что все это было такъ-же два года тому назадъ, какъ будто онъ только вчера оставилъ родной уѣздъ, да такъ-же оно было и десять, и двадцать лѣтъ назадъ. Все такъ-же сѣро, блѣдно и скучно, никакой перемѣны, никакого движенія—ни впередъ, ни назадъ.

Digitized by Google

— А ну, старина, подтянемся! Вонъ Устимьевка! сказалъ Кирилъ, указывая взоромъ влѣво, куда сейчасъ должна была повернуть дорога.

Устимьевка открылась вдругъ вся, съ бѣлой церковью, съ жалкимъ помѣщичьимъ садомъ, запущеннымъ и наполовину высохшимъ отъ засухи и безводія, съ каменнымъ зданіемъ кабака съ черепичной крышей. открывавшимъ въѣздъ въ село, съ тремя коротенькими мельницами, застроенными кверху, съ кладбищемъ безъ зелени, холоднымъ и непривѣтнымъ. Въ сторонѣ стоялъ помѣщичій домъ съ прогнившей досчатой крышей, съ развалившей и выцвѣвшей штукатуркой, съ развалившимися службами безъ крышъ, съ черными дырьями вмѣсто оконъ.. Этотъ покинутый домъ теперь ничемъ уже не напоминалъ о томъ, что прежде здѣсь жили люди со всевозможными удобствами и съ полнымъ комфортомъ. Въ общемъ Устимьевка производила впечатлѣніе чего-то бѣднаго, сѣраго и до невозможности скучнаго. Свѣжему человѣку, при видѣ ея, хотѣлось проѣхать мимо. Ея разбросанныя хаты, перемѣшанныя съ землянками, пустынныя гумна, колодцы съ солоноватой водой не сулили усталому, измученному зноемъ путнику ни прохлады, ни радушія, ни покоя.

— Такая-то сѣрота да бѣднота наша Устимьевка!— со вздохомъ промолвилъ діаконъ.

Но въ глазалъ Кирила свѣтилась радость.

— Родная бѣднота, батюшка! Ни на что ее не промѣняю! сказалъ онъ, и дѣйствительно ощущалъ въ груди радостное чувство. Онъ мысленно сравнивалъ себя съ плѣнникомъ, возвращающимся на родину, и чужими казались ему и столица съ ея непрестаннымъ шумомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ свыкнуться, и казенная наука, не съумѣвшая привязать его къ себѣ, и все, что осталось позади, за исключеніемъ Муры, которую онъ почему-то пріурочивалъ къ далекому прошлому, а слѣдовательно и къ Устимьевкѣ.

— Оно конечно! сказалъ діаконъ и, стряхнувъ съ себя сонливость, ударилъ концами возжей по лашеденкамъ.

Digitized by Google

Лошади, въ виду приближенія дома, и безъ того бѣжали быстрѣе, мелко сѣменя ногами. Вотъ они минули кабакъ и подъѣхали къ церкви. Діаконъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Пріѣхали! выразительно сказалъ онъ: — благодареніе Богу! А вонъ и церковь. А вонъ нашъ домишко. Все въ старомъ живемъ. Отецъ Агаѳонъ, настоятель-то, ужь двадцать лѣтъ собирается церковный построить, да все откладываетъ... Тѣснимся очень!..

Проходившіе по деревенской улицѣ мужики, завидѣвъ или, лучше сказать, заслышавъ діаконскую таратайку, обычнымъ движеніемъ снимали шапку, но, приглядѣвшись, что съ діакономъ сидитъ какая-то новая личность, пристально всматривались, и если узнавали Кирила, то привѣтливо улыбались ему. Одна баба не выдержала и, указывая пальцемъ на гостя, крикнула отъ всего сердца:— Да это-жь Кирюша пріѣхалъ! Вотъ!

Кирилъ снялъ шляпу и низко поклонился ей. Ему было пріятно, что здѣсь называютъ его тѣмъ самымъ именемъ, которымъ называли пятнадцать лѣтъ назадъ. Наконецъ, они подъѣхали къ діаконовскому дому. Это была обыкновенная глиняная мужицкая хата, но окна въ ней были большихъ размѣровъ, и содержалась она чище. Хата стояла бокомъ къ улицѣ; фасадъ ея выходилъ во дворъ. Ворота были настежь раскрыты—они въѣхали. Маленькія зеленыя ставни оконъ были закрыты. Три собаки извивались около таратайки, любовно вертя хвостами; но когда Кирилъ соскочилъ съ повозки, онѣ вдругъ выразили недоумѣніе и стали подозрительно ворчать.

— Начинается плохо! шутя сказалъ Кирилъ:—собаки меня не одобряютъ!

Діаконъ не сказалъ ни слова, а только прикрикнулъ на собакъ. Онъ зналъ, что въ шуткѣ Кирила есть смыслъ, и былъ увѣренъ, что скоро разыграется потрясающая сцена.

Дверь изъ хаты съ шумомъ раскрылась и оттуда разомъ высыпала вся родня Кирила. Онъ поцѣловалъ вы-

Digitized by Google

сокую женщину съ морщинистымъ и такимъ-же блѣднымъ, какъ у него, лицомъ, тонкую и стройную. Лицо это было строго и, пожалуй, непривѣтливо. Это была его мать. Пятнадцатилѣтняя сестренка Мотя смотрѣла на него любопытными, веселыми глазками, но какъ-то дичилась и конфузилась. Семинаристъ Меѳодій старался быть солиднымъ и сдержаннымъ. Ему было 17 лѣтъ. Кирилу даже показалось, что онъ отнесся къ нему недружелюбно. Старая тетка, Анна Евграфовна, неизвѣстно почему плакала. Родственники цѣловались съ нимъ какъ-то формально. Никто не спѣшилъ выразить ему свои чувства. Меѳодій зачѣмъ-то вмѣшался въ распряжку лошадей и замѣтилъ отцу, что сѣделка сильно третъ лошади спину и что ее надо подшить войлокомъ.

— Господи! Весь въ пыли! звонкимъ голосомъ воскликнула Мотя и, стащивъ съ него пальто, выбѣжала на средину двора и принялась встряхивать его.

— Пойдемъ-же въ горницу! сказала діаконша:— что мы тутъ на солнцѣ стоимъ! Ты скоро, отецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не дождайтесь, идите!.. я приду!..

Діаконъ лелѣялъ въ душѣ тайную надежду, что расспросы начнутся безъ него, и что ему не придется быть свидѣтелемъ перваго разочарованія. Кирилъ вошелъ въ комнату вслѣдъ за матерью; за нимъ, шурша стоптанными башмаками, вошла тетка. Мотя прибѣжала послѣ и сейчасъ-же скрылась въ сосѣднюю комнату. Въ углу на трехъ-угольномъ столикѣ передъ большимъ образомъ Божьей Матери въ золоченной ризѣ теплилась лампада. Длинный диванъ, одѣтый въ сѣрый чехолъ изъ парусины, былъ главнымъ украшеніемъ этой парадной комнаты, въ которой принимали гостей. Передъ нимъ стоялъ круглый столикъ, накрытый бѣлой вязанной скатертью. На немъ кувшинъ съ букетомъ домашнихъ цвѣтовъ. У стѣны клеенчатые стулья съ высокими спинками, шкафъ съ посудой за стеклянными дверцами и стѣнное зеркало, сильно наклонившееся впередъ. Діаконша чинно остановилась посреди комнаты и стала набожно креститься къ образамъ. Потомъ

Digitized by Google

она поцѣловала лежавшій на угольникѣ крестъ, дала поцѣловать его Кирилу и теткѣ.

— Ну, садись же, Кирилъ, и разскажи намъ, что ты теперь есть!.. сказала она и сама сѣла на стулъ. Кирилъ помѣстился на диванѣ. Онъ чувствовалъ сильное смущеніе. Ему съ перваго шага поставили вопросъ, на который онъ хотѣлъ-бы отвѣтить послѣднимъ. Онъ молчалъ.

— Красавчикъ какой! Писанный! произнесла, наконецъ, тетка, и это, повидимому, ее успокоило. Она перестала плакать. Мотя стояла на порогѣ и съ кокетливой полуулыбкой глядѣла на брата. Вошелъ Меѳодій, грузно сѣлъ на стулъ и закурилъ папиросу.

— Значитъ, ты кончилъ академію? Такъ что-ли? возобновила вопросъ діаконша.

— Кончилъ! отвѣтилъ Кирилъ.

— Ну, и теперь-же что? Профессоромъ будешь?

— Нѣтъ, не буду, маменька, профессоромъ!

— А какъ-же? Протопопомъ?

— Протопопомъ тоже не буду!

— Неужели въ монахи пойдешь? Что-жь, архіереемъ хорошо быть... Только долго ждать.

— Не совѣтую въ монахи идти!.. Свѣтъ глазамъ завязать! жалобно сказала тетушка.

— И не пойду я въ монахи, архіереемъ не буду.

— Чѣмъ-же?

— Хочу въ селѣ жить... Сельскимъ священникомъ!..

— Вотъ тебѣ и на!.. Священникомъ всякій семинаристъ бываетъ! Для чего-же въ академію ѣздилъ?

— Для науки, маменька!

— А наука для чего? Вонъ отца Порфирія, что въ Кривой-Балкѣ, священника сынъ въ прошломъ году академію кончилъ... Такъ сейчасъ ему въ уѣздномъ городѣ первое мѣсто дали.

— Это бываетъ... Да, сказать правду, я еще самъ хорошенько не знаю, что будетъ. Ну, какъ-же вы поживаете?

Digitized by Google

Кирилъ сказалъ это, чтобы смягчить жестокость своего заявленія. Но впечатлѣніе уже было произведено. На его вопросы отвѣчали вяло. Семинаристъ смотрѣлъ на него подозрительно и по всѣмъ признакамъ хотѣлъ задать ему какой-то каверзный вопросъ, но не рѣшался. Мотя въ глубокомъ разочарованіи совсѣмъ удалилась въ сосѣднюю комнату и сѣла у окна. И мать, и она, и семинаристъ, и тетка, а болѣе всѣхъ самъ діаконъ давно уже сжились съ мыслью, что Кирилъ будетъ профессоромъ семинаріи, а тамъ, пожалуй, и ректоромъ. Но главное, никто не понималъ этой странной перемѣны, и всѣ объясняли ее внѣшними обстоятельствами. Тетка опять принялась плакать. Кирилу подали ѣсть. Онъ выпилъ рюмку водки и сказалъ:

— Славная у васъ рыба, хорошо пахнетъ!

— Изъ города! Своей у насъ негдѣ поймать! отвѣтила діаконша. И послѣ этого всѣ замолчали.

Кирилъ ѣлъ тоже молча. Радостное настроеніе, съ которымъ онъ вступилъ въ предѣлы Устимьевки, замѣтно уступало мѣсто досадѣ. Не ожидалъ онъ такого сухого свиданія. Онъ понималъ, что все это зависитъ отъ его сообщенія. Скажи онъ, какъ всѣ говорятъ, что будетъ профессоромъ или протоіереемъ, у всѣхъ были-бы радостныя лица, всѣ были-бы удовлетворены. Понималъ онъ и то, что мать затаила въ душѣ обиду, которую онъ нанесъ всему семейству. Она сдержала себя изъ приличія, ради перваго свиданія. Но завтра она разразится потокомъ горькихъ упрековъ и слезъ. Эта женщина, много поработавшая въ своей жизни и еще больше проболѣвшая, была раздражительна и желчна. Втолковать ей, въ чемъ дѣло, заставить понять его идею, Кирилъ даже не думалъ пытаться. Лишенная всякаго образованія, почти неграмотная, она неспособна была понимать такія отвлеченныя вещи, какъ служеніе ближнему на евангельской почвѣ.

Тетка, сморкаясь отъ слезъ, вышла посмотрѣть, скоро-ли діаконъ придетъ. Діаконша пошла къ Мотѣ. Кирилъ методически ѣлъ рыбу, медленно отрѣзывалъ ку-

Digitized by Google

сочки свѣжаго огурца и разжевывалъ съ необычайною серьезностью. Во всемъ чувствовалась неловкость. Меѳодій, скрутивъ новую папиросу и закуривъ ее отъ прежней, дымилъ нестерпимо. Каверзный вопросъ такъ и свѣтился въ его глазахъ. Онъ всталъ и, подойдя ближе къ столу, сѣлъ у окна.

Скажи пожалуйста, Кирилъ, конфиденціальнымъ тономъ сказалъ онъ, опасливо поглядывая на дверь, куда ушла мать:—вѣдь это неправда?

— Что именно? спросилъ Кирилъ.

— Да вотъ это... Ты вѣдь не кончилъ академію? Тебѣ что-нибудь помѣшало?

Кирилъ улыбнулся.—Это потому, что я не иду въ архіереи? Нѣтъ, братъ, кончилъ... А не вѣришь, такъ вотъ тебѣ!

Онъ вынулъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо толстую бумагу и подалъ ее брату. Тотъ развернулъ бумагу, взглянулъ на нее и порывисто бросилъ на столъ.

— Ну, я этого не понимаю, совсѣмъ не понимаю! ужь это что-то особенное! Прямо магистрантомъ кончилъ... Вотъ посмотрите, маменька, Мотя... Вѣдь онъ прямо магистрантъ! и еще первый! У насъ вотъ инспекторъ былъ, и тотъ до сихъ поръ только дѣйствительный студентъ. Нѣтъ, ей Богу, ну, вотъ ей Богу, не понимаю!

— Это я тебѣ послѣ объясню! сказалъ Кирилъ и перешелъ къ молочной кашѣ съ сахаромъ, которую очень любилъ. Діаконша и Мотя пришли и разсматривали дипломъ.

— Его надо въ рамку помѣстить! сказала Мотя. Она припомнила, что у настоятеля о. Агаѳона всѣ дипломы — и на священство, и на набедренникъ, и на скуфью—висѣли въ рамкахъ на стѣнѣ.

— Что-жь, только и остается! со вздохомъ замѣтила діаконша.

Меѳодій ходилъ по комнатѣ съ видомъ негодованія и все говорилъ, что онъ не понимаетъ. Тетка съ красными вѣками явилась и съ умиленіемъ разглядывала дипломъ.

Digitized by Google

— Ну, что? Подкрѣпился? а? Накушался? спросилъ вошедшій діаконъ. Какъ человѣкъ, привыкшій соразмѣрять и взвѣшивать каждый свой шагъ, онъ пытливо заглянулъ въ лица всѣхъ присутствующихъ и понялъ, что уже—свершилось.

— Славная у васъ рыбица! сказалъ Кирилъ и радостно взглянулъ на отца, какъ на единственнаго человѣка, который понимаетъ и одобряетъ его намѣренія.

— Изъ города! сказалъ діаконъ,—у насъ вѣдь въ колодцахъ рыба не водится!

Тутъ діаконъ понялъ, что теперь самое время развеселить всѣхъ пріятной новостью.

— А знаешь, Ариша, обратился онъ собственно къ діаконшѣ:—Кирилъ-то у преосвященнаго былъ; преосвященный цѣловалъ его и сказалъ: „есть, говоритъ, у тебя братъ—діаконъ Назаръ; онъ, говоритъ, во священники просился; такъ ты“...

И видя, что всѣ домашніе слушаютъ его съ напряженнымъ любопытствомъ, діаконъ на минуту остановился для того, чтобы подразнить ихъ.

— Или, можетъ, не разсказывать? а?

— Ну, какъ-же?!.. Что-же преосвященный сказалъ?

— А-га! любопытно! А вотъ возьму и не скажу!

— Ну, вотъ еще... Тогда зачѣмъ было начинать! Впрочемъ всѣ знали, что діаконъ, въ концѣ концовъ, разскажетъ, и, конечно, ему самому хотѣлось этого больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ.

— „Такъ ты, говоритъ, скажи ему, чтобы онъ пріѣхалъ, и я его сдѣлаю священникомъ“.

— Сказалъ?

Суровое и сухое лицо діаконши расцвѣло. Священство Назара—это была завѣтная ея мечта. Даже академическая карьера Кирила стушевывалась передъ этимъ благомъ. Что Кирилъ! Вольная птица, заберется куда-нибудь за двѣ тысячи верстъ и поминай его какъ звали. Назаръ-же — человѣкъ, привязанный къ мѣсту,

Digitized by Google

коренной, куча дѣтей у него. Онъ будетъ жить до вѣку на ея глазахъ. Да, это обидно, что младшій сынъ ея, магистрантъ, идетъ въ сельскіе священники, но зато какое огромное счастье, что старшій сынъ, діаконъ, будетъ священникомъ, хотя-бы и сельскимъ! Меѳодій радостно потиралъ руки; Мотя прыгала въ сосѣдней комнатѣ, потому что ей передъ Кириломъ неловко было прыгать, тетушка рыдала отъ радости.

— Да ты правду-ли говоришь? допытывалась діаконша.

— Ну, вотъ, стану я лгать въ такомъ предметѣ! А не вѣришь—спроси у Кирила!

— Правда, правда! сказалъ Кирилъ:—это мнѣ сказалъ преосвященный!

— Господи, какъ это чудесно!

Всѣ были взволнованы, подходили другъ къ другу и дѣлились восторженными восклицаніями, говорили о томъ, какъ будетъ радъ Назаръ и его жена Луня, какъ они устроятся на новомъ мѣстѣ, какъ отдадутъ старшую дочку въ епархіальное училище, для чего прежде не хватало денегъ.

— Эхъ, знаешь что, старуха!? Теперь я на покой, съ умиленіемъ воскликнулъ діаконъ. Пора вѣдь мнѣ! Посмотри, какъ я сгорбился!

— Куда на покой?

— А такъ, на покой! Подамъ за штатъ и пойдемъ къ сыну жить! Что-жь мнѣ! Меѳодій скоро семинарію кончитъ, а Матрену на казенный коштъ возьмутъ...

Лицо діаконши вдругъ сдѣлалось суровымъ и строгимъ. Его какъ будто передернуло.

— Этого никогда не будетъ! рѣзко сказала она.

— Ну, что-жь такое!? Назаръ—онъ добрый.

— Всѣ добрые, пока въ карманъ, а какъ изъ кармана — такъ волками дѣлаются... Знаю я. Нѣтъ ужь, лучше въ работницы пойду, а на шею никому не сяду.

Кирилъ смотрѣлъ на блѣдное лицо матери и думалъ о томъ, какъ, должно быть, жизнь ея была несладка,

Digitized by Google

если она такъ глубоко озлобилась. Прежде онъ какъ-то не замѣчалъ этого.

— Ну, ну, пошла уже! добродушно сказалъ діаконъ и махнулъ рукой въ сторону жены:—и вотъ всегда такъ. На людей злобится, никому не вѣритъ, даже дѣтямъ своимъ кровнымъ не вѣритъ.

— И не вѣрю! выразительно подтвердила діаконша.

— То-то, что не вѣришь. А я вотъ всѣмъ вѣрю. Всякому созданію Божію вѣрю. По-христіански.

— И всякій тебя обходитъ за то.

— А пускай его обходитъ. Онъ обходитъ, а я себѣ стою на мѣстѣ. Все равно, какъ дубъ столѣтній: ты его хоть милліонъ разъ обойди, а онъ будетъ стоять нерушимо. Вотъ оно что!..

Эта маленькая размолвка скоро была забыта. Діаконъ не настаивалъ на своемъ намѣреніи подать „за штатъ“. Всю жизнь онъ уступалъ Аринѣ Евстафьевнѣ — неужели-же теперь было не уступить? Скоро опять заговорили объ архіерейской милости и вновь оживились. Къ вечеру созрѣлъ проектъ объ извѣщеніи Назара.

Назаръ состоялъ діакономъ въ селѣ Чакмарахъ, верстахъ въ тридцати отъ Устимьевки. На другой день рано утромъ запрягли лошаденокъ въ таратайку. Кирилъ съ Меѳодіемъ выѣхали со двора и направились по широкой степной дорогѣ, которая вела въ Чакмары. Солнце едва поднялось, надъ полемъ носилась утренняя прохлада. Кирилъ чувствовалъ необычайную бодрость духа. Онъ говорилъ брату о томъ, что на него благотворно дѣйствуетъ деревня и что онъ не промѣняетъ ее ни на какія столицы.

— Что тутъ хорошаго? Ни людей, ни развлеченій. Одна скука! возразилъ Меѳодій.—Вообще я тебя не понимаю, братъ!

— Если-бы мнѣ сказали это, когда я былъ въ твоемъ возрастѣ, я точно также не понялъ-бы! отвѣтилъ Кирилъ:—тогда я, какъ ты теперь, тяготѣлъ къ большому городу; мнѣ казалось, что тамъ только жизнь, а здѣсь—сонъ и прозябаніе. Теперь я думаю иначе. Жизнь

Digitized by Google

только здѣсь, здѣсь люди живутъ по существу, а тамъ продѣлываютъ безконечный рядъ условностей. Все тамъ условно—и приличіе, и уваженіе, и порядочность, и умъ, и чувство. На все есть кодексъ, и человѣкъ тамъ—рабъ этого кодекса. Тамъ можно жить только для себя, здѣсь можно кое-что удѣлить и ближнему. Возьми хоть это: жизнь въ городѣ дорога. Чтобы жить прилично, надо всѣ силы посвящать на добываніе средствъ. У человѣка не остается ни времени, ни силъ на то, чтобы быть человѣкомъ. А здѣсь жизнь стоитъ пустяки. Времени много, работай сколько хочешь. Здѣсь, и только здѣсь, ты—хозяинъ своего времени, своихъ силъ и способностей. Только здѣсь ты можешь отдать всего себя на служеніе ближнему!..

— Скажи, пожалуйста, этому обучаютъ въ академіи? спросилъ Меѳодій, у котораго рѣчи брата вызвали одно только недоумѣніе.

— Чему?

— Вотъ этому всему, что ты говоришь.

— Нѣтъ, сказалъ Кирилъ съ улыбкой, — этому не обучаютъ въ академіи...

Они пріѣхали въ Чакмары часамъ къ двѣнадцати. Назаръ встрѣтилъ ихъ радушно, обнялъ Кирила и съ большимъ чувствомъ поцѣловалъ его. Онъ замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что Кирилъ сильно похудѣлъ.

— Зато ты все толстѣешь. Пора-бы остепениться! сказалъ Кирилъ.

Назаръ безнадежно махнулъ рукой. Это было его несчастье. Онъ былъ невѣроятно толстъ, такъ что подчасъ становился тяжелъ самому себѣ. Никакія мѣры не помогали. Ужь онъ и моціонъ дѣлалъ, и спать послѣ обѣда прекратилъ, и купался; онъ примѣнялъ къ себѣ—все, что-бы ему ни посовѣтовали. Кто-то сказалъ ему, что крѣпкій чай обладаетъ свойствомъ высушивать человѣка. Онъ сталъ пить крѣпкій чай денно и нощно. Посовѣтывали ему уксусъ пить—онъ бросилъ чай и принялся за уксусъ. Одного онъ не могъ примѣнить къ себѣ—умѣренности въ пищѣ. Аппетитъ у него былъ страш-

Digitized by Google

ный, а обширная утроба помѣщала массу питательныхъ веществъ. Ѣлъ онъ буквально за пятерыхъ и при этомъ выпивалъ не одну рюмку доброй водки. Назару было уже лѣтъ за сорокъ; у него было семеро дѣтей, а жена его, Лукерья Григорьевна, называвшаяся въ родственномъ кругу Луней, подавала надежды принести еще столько-же. Эта маленькая, тоненькая, чрезвычайно подвижная и вѣчно веселая женщина представляла полную противоположность Назару, у котораго вѣчно распухали ноги, а самого его постоянно тянуло къ дивану. Можно считать, что собственно жена была главой дома. Назаръ свято исполнялъ однѣ діаконскія обязанности, ню и то лишь потому, что Лунѣ поручить это было никакъ невозможно. Во все прочее онъ, по тяжеловѣсности своей, не мѣшался, а Луня прекрасно справлялась сама и съ хозяйствомъ, и съ педагогіей, и даже вдобавокъ ко всему просфоры пекла. На все у нея хватало силъ, никогда она не жаловалась на усталость или на то, что у нея слишкомъ много дѣла. Она жила дѣломъ. Назаръ обожалъ свою жену и былъ просто влюбленъ въ нее, считая ее красавицей, несмотря на то, что ея смуглое лицо было уже все въ морщинахъ, а въ волосахъ прежде времени появилась сѣдина.

Меѳодій побѣжалъ въ загонъ, гдѣ возилась съ теленкомъ Луня, и сообщилъ радостную новость. Она бросила теленка и взволнованная полетѣла къ мужу. Тутъ она изобразила печаль и разыграла для шутки маленькую сцену.

— А знаешь, Назаръ, Кирилъ былъ у архіерея, и архіерей сказалъ ему, что, должно быть, говоритъ, брату твоему Назару придется въ заштатъ подать.

— Господи помилуй! съ испугомъ воскликнулъ Назаръ и даже перекрестился при этомъ.—За что-же бы это?

— А потому, говоритъ, больно онъ толстъ, служить не можетъ.

Но, видя глубокое отчаяніе, въ которое привела эта шутка легковѣрнаго Назара, Луня разсмѣялась и повѣ-

Digitized by Google

дала ему всю правду. Кирилъ подтвердилъ. Назаръ, разумѣется, пришелъ въ неописанный восторгъ и готовъ былъ-бы подскочить отъ радости, если-бы ему позволилъ это его вѣсъ. Тотчасъ-же онъ началъ мечтать о предстоящихъ улучшеніяхъ, которыя неизбѣжно должны послѣдовать въ его жизни,—о просторной квартирѣ, объ отдачѣ дочки въ науку, о воспитаніи подростающихъ дѣтей, наконецъ, самая главная и самая пылкая мечта его была о томъ, чтобы взять отпускъ, поѣхать въ Кіевъ или Харьковъ и полечиться тамъ у самаго лучшаго доктора отъ толщины—все это должно было осуществиться разомъ, благодаря одному архіерейскому слову.

Братья пообѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда молодые люди поѣхали обратно въ Устимьевку. Мотя выбѣжала имъ навстрѣчу и, сѣвъ въ таратайку около церкви, разсказала, что дома произошла непріятная сцена. Арина Евстафьевна всю ночь не спала. Въ душѣ ея боролись два ощущенія: радость—по поводу предстоящаго возвышенія Назара, и горе—по поводу непонятнаго добровольнаго униженія Кирила. Встала она съ головной болью и съ разстроенными нервами. Діаконъ сразу это понялъ и съ утра началъ заговаривать, что ему нужно побывать у отца настоятеля. Но она пристала къ нему неотступно. Сначала были только вздохи и укоры общаго свойства.

— У людей все идетъ по-людски, говорила діаконша,— дѣти выростаютъ и достигаютъ толку. У иного сынъ еле-еле семинарію дотянулъ, а смотришь—сходилъ туда-сюда, и мѣсто въ городѣ получилъ.

Тутъ слѣдовали примѣры: архіерейскаго иподіакона сынъ кончилъ по третьему разряду, а получилъ мѣсто въ городѣ въ кладбищенской церкви. Чакмарскаго священника два сына,—оба изъ четвертаго класса вышли, и ничего,—въ священники вылѣзли. А у нихъ, у Обновленскихъ, все не полюдски: сынъ удивлялъ всѣхъ своими успѣхами, кончилъ академію первымъ и будетъ въ селѣ киснуть. Всѣ будутъ на нихъ пальцами показывать,—дескать, вотъ какіе вы мизерные, и академія вамъ не помогла, и первенство

Digitized by Google

вамъ ни къ чему. А отецъ, вмѣсто того, чтобы сыну внушить, на путь истины наставить, еще подхваливаетъ, умиляется. Видно, Богъ наказалъ ее за великіе грѣхи.

Потомъ начались слезы, которыя перешли въ рыданія. Тетка, разумѣется, тоже плакала, но тихонько, спрятавшись въ темный чуланчикъ. Кончилось тѣмъ, что Арина Евстафьевна слегла въ постель. Когда Кирилъ вошелъ къ ней въ комнату, подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку, она встрѣтила его съ упрекомъ:

— Вотъ до чего довели меня дѣтки! Въ постель слегла!..

И тутъ она опять разрыдалась. Кирилъ сѣлъ на кровати, взялъ ея руку и заговорилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Вы больны, маменька, не сможете слушать меня спокойно, а то-бы я вамъ объяснилъ.

— Что ты мнѣ объяснишь? Что ты мнѣ можешь объяснить? трагически воскликнула Арина Евстафьевна.

— Объяснить свое рѣшеніе, маменька! Вы негодуете на то, что я отказался отъ выгодныхъ мѣстъ и иду въ село священникомъ. Разсудите-же, маменька! Мы съ вами всю жизнь были бѣдны, вы всю жизнь неустанно трудились, трудъ изсушилъ васъ, истомилъ. Бѣдность и трудъ, маменька, это—наше достояніе, они сдѣлались нашими родными. Что бѣдно и трудится, то наше. Ну, что-же, я хочу послужить своему родному. Не хочу служить богатымъ, а бѣдности хочу послужить. Хочу жить такъ, какъ вы жили. За вашу трудовую жизнь я питаю къ вамъ глубокое уваженіе. Хочу тѣмъ-же заслужить уваженіе и я. У васъ-же я научился этому. Вы своимъ примѣромъ заронили въ мою душу сѣмена, а я ихъ взростилъ.

Трудно сказать, что подѣйствовало на діаконшу. Едвали ея озлобленной душѣ были доступны эти доводы. Но ласковый голосъ сына, его любовный взглядъ, быть можетъ, теплота его руки, которой онъ нѣжно сжималъ руку матери, подѣйствовали на нее успокоительно. Съ лица ея исчезло напряженное выраженіе злобы и отчаянія, она

Digitized by Google

тихо привлекла къ себѣ Кирила и поцѣловала его въ голову.

— Ахъ, Кирилъ! сказала она тихимъ голосомъ:— такъ-то мы на тебя надѣялись, такъ-то надѣялись! Думали, возвышеніе нашему семейству будетъ, а ты вотъ что придумалъ.

Но все это она сказала спокойнымъ, примирительнымъ голосомъ.

— Будетъ и возвышеніе! Погодите. Дайте сперва мнѣ свое сердце удовлетворить. Все будетъ, маменька.

Кирилъ посидѣлъ съ нею съ полчаса. Діаконъ, подслушивавшій ихъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, дивился искусству сына разгонять бурю,—искусству, которому онъ не могъ научиться за всю жизнь, несмотря на свою полную покорность Аринѣ Евстафьевнѣ. Скоро и діаконша встала съ постели и принялась за свои обычныя дѣла. И разговоровъ этихъ она больше не возбуждала.

Проѣздомъ въ городъ заѣзжалъ Назаръ. Здѣсь его торжественно благословили. Арина Евстафьевна сдѣлала ему подробныя напутственныя указанія, какъ малому дитяти. Добродушный Назаръ выслушалъ ихъ покорно и серьезно принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ дитя, и пускаясь въ путь съ столь важными намѣреніями безъ Луни, чувствовалъ, что почва подъ нимъ не тверда. Дѣло стояло такъ, что ежели преосвященный не измѣнитъ своего милостиваго рѣшенія, то Назару придется одному прожить въ городѣ, гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, не меньше какъ недѣлю, а это представлялось ему настоящимъ подвигомъ.

Слѣдующіе два дня послѣ его отъѣзда въ домѣ устимьевскаго діакона были полны тревожнаго выжиданія. Одинъ Кирилъ былъ спокоенъ; онъ зналъ, что архіерей сдѣлалъ свое обѣщаніе серьезно и не измѣнитъ своему слову. Робкій діаконъ боялся вѣрить такому счастью, пока не увидитъ его во-очію. Арина Евстафьевна, въ душѣ которой глубоко сидѣлъ пессимизмъ, твердила, что надѣяться слѣдуетъ только на дурное: оно никогда не

Digitized by Google

заставитъ себя ждать, а по части хорошаго всегда пообождать слѣдуетъ. „Иной разъ по всѣмъ видимостямъ добро должно-бы выйти, а наконецъ—злющее зло получается“. Но по истеченіи двухъ дней можно уже было построить силлогизмъ такого рода, что будь Назару неудача—онъ уже вернулся-бы, а если сидитъ въ городѣ—значитъ, къ сану готовится.

— А, можетъ, его на эпитимью тамъ поставили, вотъ онъ и сидитъ! замѣтила все-таки Арина Евстафьевна, хотя въ душѣ больше склонялась къ общему мнѣнію.

Наступило воскресенье. Діаконъ облачился въ чистенькую ряску, примазалъ и пригладилъ волосы и вообще принялъ видъ торжественный и благолѣпный.

— Ужь это вѣрно, что сегодня его рукополагаютъ! съ торжественнымъ умиленіемъ повторялъ онъ и служилъ въ этотъ день въ церкви съ особой настроенностью, подчеркивая слова и произнося ихъ на-распѣвъ. Волненіе его съ каждымъ часомъ усиливалось. Придя изъ церкви, онъ, въ противность обычаю, совсѣмъ отказался отъ рюмки водки и отъ вяленаго рыбца съ свѣжимъ лукомъ. Онъ и отъ обѣда отказался, просто не могъ ѣсть отъ волненія. Вѣчный діаконъ, онъ считалъ священство недосягаемымъ идеаломъ, и вотъ Назаръ, который, казалось, былъ такъ-же, какъ и онъ, осужденъ на вѣчное діаконство, сегодня взбирается на эту высокую ступеньку жизненной лѣстницы. Сильно волновалась и Арина Евстафьевна, но прятала свое волненіе внутрь себя и неискренно твердила, что не вѣритъ.

Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ Назаръ. Онъ вошелъ въ комнату торжественно-сіяющій и, остановившись на порогѣ, внимательно и набожно осѣнилъ себя крестомъ, поклонился иконамъ, а затѣмъ, обратившись къ семьѣ, которая вся сидѣла за чаемъ, молча поблагословилъ ее. Тутъ всѣ поняли, что свершилось, чинно поднялись и тоже стали креститься. Радость была до того велика, что въ первое время всѣ молчали. Оправившись, всѣ чинно подошли поочередно къ новому іерею и взяли у него бла-

Digitized by Google

гословеніе. Затѣмъ стали разспрашивать Назара, какъ все это случилось. Онъ разсказывалъ по порядку съ мельчайшими подробностями, а когда дошелъ до описанія своего перваго визита къ архіерею, то, обращаясь къ Кирилу, сказалъ:

— Про тебя онъ говорилъ страсть какъ хвалебно. „Онъ, говоритъ, примѣръ всей епархіи. И собственно ради его христіанскаго смиренія я тебя призвалъ въ священники“. Велѣлъ сказать, что мѣсто тебѣ хорошее приготовилъ, чтобы скорѣе женился и къ нему пріѣзжалъ.

Вся семья, кромѣ отца, смотрѣла недоумѣвающе на Кирила.

Назаръ ночевалъ въ Устимьевкѣ. Кирилъ уѣхалъ въ городъ на другой день.

IV.

Двѣ недѣли, что Кирилъ провелъ въ городѣ, были для него мучительны. Просилъ онъ отца Гавріила, и матушку, и Муру, чтобы вѣнчанье было скромное, но его и слушать не хотѣли.

— Многаго хочешь! говорила матушка. — Ужь и такъ тебѣ во всемъ уступили, во всемъ. Ну, а въ этомъ ужь извини. Въ этомъ я не уступлю!

И матушка вздыхала при воспоминаніи о той уступкѣ, которую она сдѣлала Кирилу. Мура съ своей стороны говорила, что ей ужасно хочется провести брачный вечеръ среди блеска огней и шума гостей. Она откровенно призналась Кирилу, что давно и постоянно объ этомъ мечтала. Отецъ Гавріилъ прямо заявилъ, что этого требуетъ его положеніе въ городѣ. Противиться такимъ доводамъ было безполезно.

И вотъ второй этажъ церковнаго дома расцвѣтился огнями, въ соборѣ зажгли главное паникадило, пѣли архіерейскіе пѣвчіе, а апостола читалъ громоносный басъ, состоявшій при соборѣ сверхъ штата и предназначенный въ протодіаконы. Весь цвѣтъ духовной молодежи города, всѣ дочки,

Digitized by Google

ждавшія жениховъ въ видѣ академиковъ, съ толстыми маменьками, учителя семинаріи, батюшки и даже кое-кто изъ семинаристовъ старшихъ классовъ, все это было въ въ церкви, а изъ церкви перешло въ церковный домъ и веселилось тамъ напропалую до утра. Мура была весела, оживлена и миловидна въ своемъ бѣлоснѣжномъ нарядѣ съ массой цвѣтовъ на головѣ. Кирилъ былъ мѣшковатъ въ непривычномъ фракѣ, но это ему шло, какъ академику, въ которомъ предполагалось много серьезности и учености. Изъ устимьевской родни на праздникѣ присутствовали только Меѳодій и Мотя; старики убоялись блеска и сказали: „куда намъ! гдѣ намъ!“ Луня не могла оставить ребятишекъ, а Назаръ просто сослался на свою толщину. При томъ-же онъ какъ разъ въ это время переѣзжалъ въ свой приходъ, въ село Гурьево, куда онъ былъ назначенъ настоятелемъ.

Черезъ два дня послѣ свадьбы Кирилъ явился къ архіерею.

— А-а!.. привѣтливо встрѣтилъ его архіерей: — знаю, знаю. Отецъ Гавріилъ мнѣ сказывалъ. Хорошую дѣвицу въ жены взялъ. Ну, а я тебѣ мѣсто уготовалъ. Это будетъ по близости къ твоей родинѣ. Мѣстечко Луговое знаешь?

— Мѣстечко Луговое?!

— Ты что-же, не доволенъ?

— Тамъ два священника, ваше преосвященство!

— Ну, и ты будешь настоятелемъ.

— Боюсь я этого. Уживемся-ли?

— Ты-то? Съ твоей-то голубиной кротостью? Нѣтъ, нѣтъ, ужь ты не возражай. Я рѣшилъ, такъ тому и быть. Все-таки въ мѣстечкѣ есть и базаръ, и школа, и почта. Не глушь какая-нибудь... Готовься. Въ пятницу праздникъ, мы тебя въ діаконы возведемъ, а въ воскресенье и въ іереи. Иди съ Богомъ.

Кирилъ больше не возражалъ. Но онъ былъ крайне недоволенъ назначеніемъ. Мѣстечко Луговое—огромное по размѣрамъ, съ массой прихожанъ. Это его не пугало. Но

Digitized by Google

тамъ онъ будетъ не одинъ. Всѣ его планы будутъ встрѣчать противодѣйствіе въ товарищѣ. Найти въ немъ помощника онъ даже не разсчитывалъ. Пойдутъ несогласія, дрязги, подкопы, то-есть какъ разъ то, чего онъ больше всего боялся. Но настойчиво возражать архіерею, который съ перваго-же шага такъ много для него сдѣлалъ и такъ сочувственно отнесся къ его планамъ, онъ не рѣшился. Онъ сказалъ себѣ: „будь что будетъ. Что-бы тамъ ни было, я буду тянуть свою линію. Ничто не заставитъ меня свернуть съ намѣченнаго пути и жить не такъ, какъ я рѣшилъ. Почемъ знать? Можетъ быть, это и къ лучшему!“

Съ этого времени онъ началъ ощущать постоянное волненіе. То, что теоретически сложилось въ его головѣ, начинало осуществляться. Подходила практика, къ которой надо быть готовымъ. Иногда онъ садился около Муры, бралъ ея руки и говорилъ:

— Ахъ, Мура! страшно! Задача трудная, хватитъ-ли силъ?

Мура совсѣмъ неясно представляла себѣ сущность этой „задачи“. Но и ей дѣлалось страшно, потому что онъ такъ говорилъ. Сомнѣніе однако проходило; онъ тутъ-же прогонялъ изъ головы мрачную мысль и объявлялъ, что это не больше, какъ настроеніе, и что онъ не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ своихъ силахъ.

— Мы такіе молодые съ тобой, Мура!.. Когда состаримся, тогда будемъ сомнѣваться!..

Мура подтверждала и это. Она была его отголоскомъ. Она любила въ немъ своего мужа — молодого, умнаго, симпатичнаго, сердечнаго, считала его небычайно развитымъ и даже ученымъ, а его идеи высокими и для нея недосягаемыми.

Въ пятницу Кирилъ пришелъ домой изъ церкви въ рясѣ. Мура, увидѣвъ его въ этомъ костюмѣ, чуть не упала въ легкій обморокъ, а очнувшись, начала плакать.

— О чемъ-же ты? спрашивалъ Кирилъ, стараясь утѣшить ее лаской, но это не помогало. Страннымъ ка-

Digitized by Google

зался ей Кирилъ въ своемъ новомъ костюмѣ. Она привыкла любить его въ сюртукѣ, въ видѣ обыкновеннаго молодого человѣка; она находила его стройнымъ и довольно ловкимъ. И вдругъ все это исчезло подъ широкой и длинной рясой, подъ этимъ костюмомъ, разгоняющимъ всякія мысли о любви, о романѣ. Теоретически она допускала, что Кирилъ надѣнетъ рясу, но когда это случилось во-очію, когда онъ предсталъ передъ нею уже посвященный, безъ малѣйшей надежды снять когда-нибудь рясу и принять видъ обыкновеннаго молодого человѣка, какого она любила, когда все уже было кончено и навсегда—сердце у нея невольно сжалось, и она не въ силахъ была удержать слезы.

— Ахъ, Мура, Мура! Да вѣдь я тотъ-же! Не перемѣнился-же я оттого, что надѣлъ рясу!..

— Какой ты странный, некрасивый, смѣшной! произнесла Мура, уже улыбаясь сквозь слезы.

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и также улыбнулся. Дѣйствительно, видъ у него былъ странный. Короткіе волосы, вчера только постриженные „въ послѣдній разъ“, начисто выбритые подбородокъ и щеки—тоже „въ послѣдній разъ“; маленькіе, едва пробивающіеся усики, совершенно юношеское выраженіе лица, тонкій станъ, все это придавало ему такой видъ, будто онъ въ шутку нарядился въ рясу — это одѣяніе солидныхъ пастырей, предполагающее и бороду, и длинные волосы, и солидное сложеніе. Но это было не въ шутку, и Мура это знала. Оттого она и плакала.

Матушка поздравила его, и при этомъ какъ-то косо посмотрѣла на его костюмъ. Она была оскорблена въ лучшихъ своихъ чувствахъ. Затаенное желаніе большинства духовныхъ женъ—пустить своихъ дѣтей по свѣтской части. Она именно и разсчитывала, что ея зять, который съ такимъ блескомъ шелъ въ академіи, будетъ инспекторомъ въ семинаріи, либо даже профессоромъ въ какой-нибудь академіи, и развѣ уже достигнувъ сорокалѣтняго возраста, вступитъ въ рясу и сразу займетъ

Digitized by Google

мѣсто каѳедральнаго протоіерея. Но разъ она допустила это,—должна была сносить; поэтому она ограничилась сухимъ поздравленіемъ и не прибавила ни одного укоризненнаго слова. Отецъ Гавріилъ, участвовавшій въ посвященіи Кирила, отнесся къ этому факту спокойно; ему было извѣстно, что архіерей одобряетъ поступокъ Кирила, и онъ втайнѣ возлагалъ на это обстоятельство большія надежды. Надоѣстъ Кирилу въ деревнѣ, дурь пройдетъ, тогда преосвященный сразу дастъ ему лучшее мѣсто въ городѣ.

Въ воскресенье Кирилъ былъ рукоположенъ во священники. Много передумалъ онъ и перечувствовалъ втеченіи тѣхъ немногихъ минутъ, когда на него, по чину церковному, возлагали этотъ санъ. Вотъ пришла та минута, когда онъ формально и всенародно связалъ себя узами долга, безъ исполненія котораго онъ находилъ жизнь неинтересной и несправедливой. Въ этотъ мигъ онъ почувствовалъ уваженіе къ себѣ, къ своей послѣдовательности, къ своему характеру. Онъ зналъ многихъ людей, которые говорили о лежащемъ на нихъ громадномъ долгѣ, и у которыхъ не хватало рѣшимости перейти отъ словъ къ дѣлу. И всю жизнь они говорятъ объ этомъ долгѣ и не идутъ дальше этихъ словъ. Онъ оставилъ ихъ позади, намѣтилъ себѣ цѣль, и вотъ сегодня онъ ступилъ твердою ногой на дорогу, которая поведетъ его къ этой цѣли. Онъ не то чтобы возгордился или осуждалъ кого-нибудь, нѣтъ,—но въ эту торжественную минуту онъ не могъ-же оставаться равнодушнымъ къ самому себѣ и не похвалить себя за твердость духа.

Марья Гавриловна была въ церкви. Сердце у нея усиленно билось, когда надъ Кириломъ совершали обрядъ. Ей казалось, что этотъ обрядъ косвеннымъ образомъ и надъ нею совершается, и когда Кирила облачили въ священническую ризу, она мысленно сказала себѣ: „вотъ ужь я и матушка-попадья!“ Но вообще за эти три дня она приглядѣлась къ костюму Кирила и свыклась съ новымъ положеніемъ. Послѣ обѣдни Кирилъ сказалъ ей

Digitized by Google

нѣсколько торжественнымъ, многозначительнымъ тономъ:— Теперь, Мура, жизнь настоящая начнется. До сихъ поръ мы все только готовились!

И весь этотъ день настроеніе его было какое-то повышенное; глаза горѣли вдохновеннымъ блескомъ, точно обрядъ, совершенный надъ нимъ въ церкви, въ самомъ дѣлѣ переродилъ его. Мура пугалась этой перемѣны, которая какими-то неуловимыми путями отдаляла отъ нея Кирила. Иногда онъ вдругъ начиналъ казаться ей чужимъ, онъ—священникъ съ сосредоточенно-строгимъ взглядомъ, говорящій тономъ проповѣдника. Развѣ это тотъ милый, сердечный, близкій ей Кирилъ, котораго она полюбила? И въ эти минуты ей становилось жутко; будущее представлялось ей смутнымъ, неизвѣстнымъ и холоднымъ. Но это было минутное настроеніе, которое исчезало, опять приходило и опять исчезало.

Началась пробная недѣля. Кирилъ ежедневно служилъ въ архіерейской церкви. Приходя домой, онъ обыкновенно былъ нервно возбужденъ и выражалъ крайнее нетерпѣніе.

— Скорѣе-бы на мѣсто отправиться! повторялъ онъ по нѣскольку разъ въ день,—и какъ долго тянутся эти приготовленія!

— Вотъ ужь не понимаю! Не понимаю! возражала матушка,—чего тутъ торопиться! Надоѣстъ еще въ глуши-то киснуть! Господи—какъ надоѣстъ!

— Дорваться до дѣла, зарыться въ него съ головой, съ душой и тѣломъ, отдаться ему безраздѣльно!.. восторженно говорилъ Кирилъ, не обращаясь ни къ кому и неопредѣленно глядя въ пространство.

Матушка широко раскрывала глаза, пожимала плечами и уходила изъ комнаты. „Нѣтъ, думала она,—необдуманно поступили мы, выдавъ за него Марью. Ничего не вижу я въ немъ хорошаго. Городитъ несуразное... Похоже на то, словно у него одной клепки не хватаетъ“... Но Мурѣ она не высказывала своихъ заключеній.

Digitized by Google

Едва только кончилась пробная недѣля, въ воскресенье послѣ обѣдни Кирилъ заторопился съ отъѣздомъ. Мура была готова. Онъ всю недѣлю подгонялъ ее; она уложила все свое приданое въ сундуки. Къ этому дню пріѣхалъ изъ Устимьевки діаконъ. Онъ взялся нанять фуру и сопровождать ее съ разнымъ скарбомъ до самаго Лугового; Кирилъ-же съ Мурой поѣдетъ на почтовыхъ днемъ позже, когда тамъ все уже будетъ приведено въ порядокъ. Въ понедѣльникъ раннимъ утромъ діаконъ, усердно помолившись Богу, двинулся въ путь, а Кирилъ пошелъ къ архіерею за обычнымъ напутствіемъ.

Архіерей вышелъ къ нему въ темно-зеленой шелковой рясѣ, въ клобукѣ и съ длинными четками. Онъ собирался выѣхать со двора. Кирила удивилъ нѣсколько строгій видъ, съ которымъ онъ его встрѣтилъ. Онъ не улыбался, не шутилъ и вообще отнесся къ нему болѣе начальственно. Кирилъ объяснилъ это тѣмъ, что онъ теперь священникъ, въ рясѣ, и слѣдовательно архіерей является его прямымъ начальникомъ. Онъ и раньше замѣтилъ, что съ людьми, носящими гражданское платье, архіереи обращаются снисходительнѣе и проще. Архіерей говорилъ съ нимъ стоя и самъ стоялъ, тогда какъ прежде онъ всегда приглашалъ его садиться и самъ садился.

— Ты отправляешься на мѣсто своего служенія? спросилъ онъ, перебирая четки обѣими руками.

— Да, думаю завтра отправиться, отвѣчалъ Кирилъ.

— Слѣдовательно, ты не раздумалъ и стоишь на своемъ?

— Нѣтъ, не раздумалъ.

— А то я тебѣ далъ-бы хорошее мѣсто здѣсь, въ купеческой церкви.

— Благодарю васъ. Но я хочу въ деревню...

Архіерей нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты хочешь этого непремѣнно? выразительно спросилъ онъ.

Digitized by Google

Кирила удивилъ этотъ вопросъ и эта перемѣна въ тонѣ.

— Да, я хочу этого, ваше преосвященство!

— Помни, однако, строго-наставительно сказалъ архіерей,—что въ твоемъ новомъ санѣ никакія умствованія не должны быть допускаемы. Ты долженъ быть пастыремъ твоихъ овецъ, не болѣе...

— Добрымъ пастыремъ, ваше преосвященство.

— Разумѣется, добрымъ, слегка возвысивъ тонъ, перебилъ его архіерей: — но не думаешь-ли ты, что всѣ прочіе пастыри не таковы? Не хорошо начинать службу съ такими горделивыми мыслями.

Все это было до послѣдней степени странно, и каждое новое слово архіерея приводило Кирила въ изумленіе. Откуда все это? Кто внушилъ ему эти подозрѣнія?

— Вотъ что, сынъ мой! прибавилъ архіерей, какъ-бы нѣсколько смягчившись:—ты для меня загадка. Одно изъ двухъ: или ты добрая и простая душа, или въ тебѣ сидитъ демонъ возмущенія.

— Возмущенія! воскликнулъ Кирилъ. — Вы прежде не думали такъ, ваше преосвященство.

Въ лицѣ архіерея можно было замѣтить легкое смущеніе. Казалось, ему даже сдѣлалось стыдно за это испытаніе, которому онъ подвергъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Онъ улыбнулся, поднялъ руку и потрепалъ Кирила по плечу.

— Нѣтъ, я знаю, что у тебя невинная душа! мягко и дружескимъ тономъ сказалъ онъ: — однако-же блюди! Мнѣ извѣстно, что будучи въ академіи, ты съ умниками знакомства велъ. Я уважаю умныхъ людей, хотя-бы и свѣтскихъ, но свѣтскія идеи неприложимы къ іерейскому сану. Служи меньшему брату, единому отъ малыхъ сихъ, это хорошая идея, но удаляйся всякой предвзятости. И остороженъ будь, ибо твою добрую идею немногіе понимаютъ, а непонимающіе во всякомъ добрѣ могутъ зло отыскать! Остороженъ будь! Это тебѣ мое отеческое напутствіе!

Digitized by Google

Онъ съ большимъ чувствомъ поблагословилъ Кирила и даже облобызалъ его, и, отпуская, прибавилъ:

— Дерзай!

Кирилъ вышелъ отъ него въ большомъ недоумѣніи. Не было никакого сомнѣнія, что у архіерея съ кѣмъ-то была про него рѣчь. Этотъ „кто-то“, конечно, человѣкъ свѣдущій про его жизнь въ академіи. Кто-бы это могъ быть?

Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ въ соборный домъ. У самыхъ воротъ, когда онъ уже слѣзъ съ брички, ему попался на глаза молодой Межовъ, который подлетѣлъ къ нему и прямо заявилъ:

— Утвердили, братъ, таки-утвердили. Разумѣется, сперва исправляющимъ должность, а потомъ и совсѣмъ утвердятъ.

Кирилъ понялъ, что рѣчь идетъ объ инспекторствѣ. Межовъ осмотрѣлъ его и продолжалъ:

— А ты уже въ рясу облачился?! Скоро. Вотъ, признаюсь тебѣ откровенно, чего я не понимаю, такъ именно этого!

— Ну, что-жь я съ тобой подѣлаю, коли ты не понимаешь! поспѣшилъ отвѣтить Кирилъ.

— То-есть, какъ сказать... Я понимаю... Деревня, сліяніе съ народомъ и прочее... Только это, извини, глупо!

— До свиданія... Я спѣшу! оборвалъ его Кирилъ, кивнувъ головой, и быстро скрылся въ калитку. Не любилъ онъ разговаривать съ этимъ господиномъ. О чемъ-бы они ни начинали разговоръ, всегда оказывалось, что ихъ мнѣнія какъ разъ противоположны. Они какъ-то органически, безнадежно расходились во взглядахъ. Къ тому-же Межовъ былъ болтливъ и любилъ развивать свои взгляды въ многословныхъ тирадахъ.

„Этотъ сболтнулъ дядюшкѣ-ректору, а дядюшка-ректоръ повѣдалъ архіерею съ соотвѣтствующими случаю комментаріями, вотъ и вся исторія“, подумалъ Кирилъ, и для него въ самомъ дѣлѣ стало все ясно.

Digitized by Google

V.

Въ среду, около двухъ часовъ дня, почтовая тарантайка, окруженная густымъ клубомъ пыли, изъ глубины котораго, какъ изъ таинственнаго облака, раздавался звучный лязгъ почтоваго колокольчика, вкатилась въ предѣлы мѣстечка Лугового. Съ перваго взгляда можно было понять, что это поселеніе лишь по недоразумѣнію сдѣлалось мѣстечкомъ. По какому-то случайному признаку, люди вообразили, что мѣсто это бойкое, удобное, и давай строить хату къ хатѣ. А можетъ быть, въ прежнее время здѣсь пролегала большая торговая дорога, которая собрала сюда народъ; а потомъ, съ проложеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ путей, пунктъ этотъ остался въ сторонѣ.

Луговое было безъ толку разбросано на разстояніи добрыхъ двухъ верстъ въ длину да на версту въ ширину. Хаты были приземистыя, крытыя старымъ, давно почернѣвшимъ, камышомъ, и это были хаты прежнихъ владѣльцевъ, у которыхъ нѣкогда былъ еще достатокъ. Онѣ прилегали къ главной улицѣ, неподалеку отъ узенькой рѣчки, поросшей куширемъ и окаймленной густой стѣной зеленаго камыша. На этой улицѣ стояла и церковь, небольшая и невысокая, съ единственнымъ зеленымъ куполомъ и безъ колокольни. Колокола висѣли подъ деревяннымъ навѣсомъ, укрѣпленнымъ на двухъ столбахъ. Далѣе, въ обѣ стороны шли узкіе проулки, застроенные большею частью землянками съ низенькими земляными крышами, на которыхъ привольно росли бурьянъ и лопухъ, а кое-гдѣ—посѣянный лукъ и даже огуречная гудина. Такимъ образомъ было ясно, что позднѣйшія поколѣнія отличались уже откровенной бѣдностью и селились прямо въ землянкахъ.

При самомъ въѣздѣ въ мѣстечко, справа разстилался довольно обширный садъ, но сильно запущенный, со множествомъ высохшихъ деревьевъ, поросшій высокимъ бурьяномъ и чужеяднымъ кустарникомъ. Въ самомъ

Digitized by Google

саду помѣщался помѣщичій домъ, квадратный, съ почернѣвшей и покоробившейся деревянной крышей, небольшой и, повидимому, неблагоустроенный.

Почтовая таратайка направилась къ церкви и остановилась у крыльца чистенькаго каменнаго домика съ зеленой крышей, примыкавшаго къ самой церковной оградѣ. На крыльцѣ стоялъ и привѣтливо улыбался устимьевскій діаконъ. Онъ былъ доволенъ и благорасположенъ, потому что квартирка въ церковномъ домѣ оказалась удобной, приличной и помѣстительной.

— Только народъ здѣсь все ободранный, голоштанникъ какой-то!.. Сомнительно, чтобы здѣсь доходъ былъ хорошій! прибавилъ діаконъ, когда молодые хозяева вошли въ домъ и сняли съ себя страшно запыленныя верхнія платья. Впрочемъ, онъ разсказалъ и кое-что утѣшительное. Онъ уже побывалъ у священника. Отецъ Родіонъ Манускриптовъ уже пятнадцать лѣтъ сидѣлъ въ Луговомъ и, конечно, зналъ, какіе здѣсь доходы. Сначала онъ принялъ діакона сухо.

— Вы кто такой? Я васъ не знаю. Вашъ сынъ— молоденекъ, и въ настоятели лѣзетъ, а я пятнадцать лѣтъ здѣсь корплю.

Но діаконъ объяснилъ, что Кирилъ не просился въ настоятели, а случилось это потому, что онъ первый магистрантъ академіи.

— Магистрантъ?! Вотъ какъ! Ну, тогда, конечно, конечно... Тогда другая статья.

Слово „магистрантъ“ въ глазахъ отца Родіона Манускриптова было волшебнымъ. Оно давало человѣку всѣ права на первенство во всѣхъ отношеніяхъ. Самъ онъ достигъ священства исподволь, путемъ долгихъ просьбъ, ибо курса семинаріи не кончилъ. Получивъ столь значительное разъясненіе, онъ открылъ свою душу устимьевскому діакону и повѣдалъ ему, что въ сущности доходы здѣсь хороши, ежели дѣйствовать умѣючи. Народъ—голытьба, это правда, но есть дворовъ десять богатыхъ, а кромѣ того наѣзжаютъ по воскресеньямъ до-

Digitized by Google

статочные хуторяне. Народъ это такой, что ежели его пригласить да угостить чаемъ и водкой, то онъ тебѣ на другое воскресенье полную засѣку жита привезетъ.

— Хуторянами и живемъ по преимуществу! прибавилъ отецъ Родіонъ.—А собственно Луговое, такъ это, можно сказать, „велика Ѳедора, да дура“. Толку съ него мало. Народъ бѣдственный и при томъ грубый. Три кабака здѣсь есть, такъ они всегда полны, а церковь пустуетъ. Помѣщица тоже здѣсь есть, но странная особа. Церковь не посѣщаетъ и вообще къ духовнымъ лицамъ не благоволитъ... Ну, а въ общемъ—жить можно.

Все это діаконъ разсказалъ Кирилу и прибавилъ отъ себя:—ты съ отцомъ Родіономъ сойдись. Да и помѣщицу посѣти. Можетъ, она къ твоей учености снизойдетъ. Все-таки подмога.

Тутъ онъ заторопился, наскоро выпилъ чаю и уѣхалъ въ Устимьевку, сказавъ, что отецъ настоятель будетъ сердиться за его долговременное отсутствіе.

Утомленный дорогой, Кирилъ рѣшилъ въ этотъ день не предпринимать ничего. Онъ дѣятельно помогалъ Мурѣ разставлять мебель, вынимать изъ сундуковъ платье и бѣлье и все это распредѣлять по комодамъ и шкафамъ. День былъ жаркій, августовскій. Они открыли окна въ небольшой палисадникъ, въ которомъ цвѣли настурціи, георгины и анютины глазки, посаженные, должно быть, ихъ предшественниками. Изъ оконъ видны были мужицкія хаты, съ узенькими гумнами, гдѣ копошились крестьяне, мелькали въ воздухѣ цѣпы и раздавался торопливый стукъ ихъ. Бабы загребали солому и сметали зерно въ кучу. Мура глядѣла на все это съ дѣтскимъ любопытствомъ. Первый разъ въ жизни она видѣла, какъ дѣлается хлѣбъ. Этотъ стукъ возбудилъ въ ней непонятную тревогу. Мысль, что она здѣсь хозяйка, въ этой чужой для нея мѣстности, съ неизвѣстными ей людьми и обычаями, не уживалась въ ея головѣ. Ей все казалось, что она не болѣе какъ путница, и все это оригинальный дорожный эпизодъ.

Digitized by Google

Уже вечерѣло. Они сидѣли въ спальнѣ у раскрытаго окна и отдыхали отъ возни. Имъ показалось, что въ передней комнатѣ, которую они назвали „прихожей“, скрипнула дверь и что-то зашевелилось. Марья Гавриловна вздрогнула, поднялась и заглянула въ дверь.

— Добрый вечеръ, матушка! сказала вошедшая женщина и низко поклонилась.

Она была невысокаго роста, плотная, съ выдающимся впередъ животомъ. Лицо ея было красно, точно она передъ этимъ цѣлый день стояла у раскаленной плиты; на этомъ лицѣ все было крупно и какъ-то особенно прочно сдѣлано. Густыя черныя брови, соединенныя въ одну прямую линію, толстый носъ, задранный кверху, съ назойливо раскрытыми широкими ноздрями, широкій ротъ съ толстыми губами малиноваго цвѣта, массивный четырехугольный подбородокъ и короткая толстая шея. На головѣ у нея былъ платокъ темно-сѣрый шерстяной, дважды обернутый вокругъ шеи, несмотря на то, что было жарко и душно. Бѣлая сорочка была грязновата, а ситцевая юбка сильно подтыкана, что придавало всей этой смѣшной фигурѣ дѣловитый видъ.

— А что вамъ? съ недоумѣніемъ спросила Марья Гавриловна.

Ей показалось страннымъ, какъ это можно входить въ чужой домъ безъ приглашенія и безъ доклада. Ей было извѣстно, что такъ дѣлаютъ нищіе и подозрительные люди.

— Съ благополучнымъ прибытіемъ! сказала женщина и опять поклонилась столь-же низко. Голосъ у нея былъ мужественный, крѣпкій. Она продолжала: — можетъ, помогти что-нибудь?!

Мура подозрительно осмотрѣла ее и ничего не отвѣтила. Вышелъ Кирилъ.

— А ты кто такая будешь? спросилъ онъ.

Женщина и ему поклонилась:

— Добрый вечеръ и вамъ, батюшка! Я здѣшняя женщина, Ѳекла, а по прозванію Чипуриха. Я одинокая удова. Имѣю земляночку тутъ близенько. Всѣмъ батюш-

Digitized by Google

камъ служила, и покойному отцу Парфентію служила, и который батюшкой передъ вами былъ—отецъ Мануилъ, и ему тоже служила. Вотъ и вамъ, ежели надобится, служить буду.

— Что-жь, сказалъ Кирилъ, обращаясь къ Мурѣ,— пускай служитъ. У насъ никого нѣтъ.

Мура позвала его въ спальню и тихонько спросила:

— А не опасно? Можетъ, у нея какія-нибудь мысли?

Кирилъ разсмѣялся.—Какія у нея могутъ быть мысли? Взгляни на ея лицо, и ты увидишь, что у нея въ головѣ никакихъ мыслей нѣтъ, ни дурныхъ, ни злыхъ.

— Ну, вотъ и отлично, Ѳекла! Служи, а мы тебя не обидимъ!

— Ну, гдѣ-жь тамъ обидѣть! За что меня обижать?! Да и много-ли мнѣ нужно, бѣдной удовѣ?!

И Ѳекла начала „служить“. Это былъ первый узелъ, который связалъ молодую чету съ населеніемъ Лугового. Ѳекла служила исправно, по крайней мѣрѣ для перваго раза. Она суетилась, стучала въ кухнѣ лоханями и посудой, разставляла ихъ по разнымъ угламъ, мыла полы, стирала пыль и вообще заслужила самую искреннюю благодарность Марьи Гавриловны. Когда стемнѣло, она объявила, что пойдетъ ночевать въ свою землянку. Мура дала ей полтинникъ, который привелъ Ѳеклу въ неописанный восторгъ. Она схватила обѣ руки молодой матушки и звонко поцѣловала ихъ, чѣмъ привела Муру въ крайнее смущеніе. Выйдя на улицу, она съ трепетнымъ замираніемъ сердца, съ головой, наполненной впечатлѣніями и новостями, съ минуту постояла и подумала, куда ей идти. Въ свою землянку ее не тянуло. Тамъ не было ни души,—значитъ, не передъ кѣмъ было облегчиться. Надо было выбрать такое мѣсто, гдѣ было много бабъ, куда и сосѣдки, узнавъ о томъ, что она была у новаго священника, придутъ. Однимъ словомъ, она жаждала широкой аудиторіи и, наконецъ, рѣшила, что лучше всего пойти къ церковному старостѣ, въ домѣ

Digitized by Google

котораго помѣщалась масса бабъ. Туда она и направилась.

Въ скорости послѣ ея ухода дверь въ прихожей опять скрипнула и послышались шаги тяжелыхъ чоботъ. Оказалось, что это былъ церковный сторожъ. Онъ хотѣлъ представиться новому настоятелю и заявилъ, что его зовутъ Кириломъ.

— А васъ, батюшка, какъ прикажете величать?

— И меня Кириломъ зовутъ! отвѣтилъ батюшка.

— Ото и добре! Легче запамятуется! Уже своего собственнаго имени никогда не забудешь! философски замѣтилъ церковный сторожъ, и прибавилъ:—а насчетъ опасности не сумнѣвайтесь! Я всю ночь на церковныхъ ступенькахъ сплю, а ежели проснусь, такъ сейчасъ въ большой колоколъ звонить начинаю. А можетъ, угодно приказать, чтобъ я не звонилъ? Потому, какъ-бы молодой матушкѣ безпокойства отъ моего звону не было.

Кирилъ сказалъ ему, чтобы онъ звонилъ по-прежнему.

Наступила ночь. Мура, утомленная дорогой, уборкой и массой новыхъ впечатлѣній, заснула, едва только опустилась на постель. Но Кирилъ не могъ уснуть. Сегодня онъ еще частный человѣкъ, ничѣмъ фактически не связанный съ тою новою жизнью, которая ему предстоитъ, а завтра начнется его служеніе. Онъ противъ всякаго желанія мысленно провѣрялъ свою готовность приступить къ этому служенію. Онъ не зналъ еще, что собственно преподнесетъ ему жизнь и въ какихъ формахъ онъ выразитъ свое воздѣйствіе на нее. Примѣровъ передъ его глазами не было. Были примѣры совсѣмъ другого рода.

Традиція духовнаго званія, сколько ему было извѣстно, состояла въ постоянной борьбѣ съ прихожанами изъ-за дохода. Прихожанинъ норовитъ дать поменьше; духовенство мало обезпечено и вынуждено драть побольше. Больше заработать, получше устроиться, обезпечить самейство—вотъ неизбѣжныя его задачи.

Душа Кирила возмущалась при мысли о такой про-

Digitized by Google

граммѣ. Удастся-ли ему провести свою? Удастся-ли ему возбудить къ себѣ довѣріе въ прихожанахъ? Не станутъ-ли они смѣяться надъ нимъ? Вѣдь традиція вырабатывалась вѣками. Къ дурному люди привыкаютъ такъ-же, какъ и къ хорошему. Устанавливалась она дружными усиліями многихъ поколѣній, которыя дѣйствовали въ разное время, повсемѣстно, но все въ одномъ и томъ-же направленіи. А онъ одинъ хочетъ поднять мечъ противъ всей этой несмѣтной рати, противъ ея вѣкового дѣла.

Сквозь открытыя окна въ комнату западалъ блѣдный лучъ мѣсяца; съ деревни доносился отдаленный лай собакъ; сторожъ проснулся и прозвонилъ двадцать ударовъ. Мура сквозь сонъ спросила его, почему онъ не ложится спать.

— Ночь больно хороша. Не спится, отвѣтилъ онъ, и мысли его перешли на Муру. Вотъ она спитъ безъ-заботно,—молодая, полная жизни и здоровья. И она любитъ его искренно, и сердце у нея доброе. И вотъ, имѣя около себя такое существо, можетъ-ли онъ сказать, что онъ не одинъ? Станетъ-ли она ободрять его, помогать ему? На эти вопросы, которые пришли ему въ голову въ такой ясной формѣ въ первый разъ, онъ не могъ отвѣтить. Это дурно, что они раньше не сговорились. Богъ знаетъ, чего она ждетъ и что можетъ случиться.

— Ложись спать, Кирилъ! полураскрывъ глаза, промолвила Марья Гавриловна.

И Кирилу показалось, что это какъ-бы отвѣтъ на его сомнѣнія. Нѣтъ, съ этой стороны ему нечего бояться. Она любитъ его. Въ немъ сосредоточены всѣ ея радости. Ну, значитъ, она будетъ идти съ нимъ рука-объ-руку, что-бы ни случилось.

На другой день уже въ 9 часовъ сторожъ явился къ нимъ и объявилъ, что въ церкви дьякъ и діаконъ дожидаются отца настоятеля.

— Да и тытарь пришелъ, только вотъ отца Родіона нѣтъ. Можетъ, прикажете извѣстить ихъ?

Но Кирилъ счелъ своимъ долгомъ лично навѣстить

Digitized by Google

отца Родіона. Онъ надѣлъ рясу и велѣлъ сторожу вести его къ священнику.

Отецъ Родіонъ жилъ въ собственномъ домѣ, который построилъ, какъ онъ объяснялъ, для того, чтобы послѣ его смерти было гдѣ главу приклонить вдовѣ и дочерямъ, которыхъ у него было полдюжины. — „А то вѣдь ежели въ церковномъ домѣ, такъ сейчасъ пріѣдетъ новый и на улицу ихъ выгонитъ“. Поэтому онъ свою половину церковнаго дома великодушно уступилъ товарищу. Домъ его стоялъ неподалеку отъ рѣчки, отдѣльно отъ крестьянскихъ хатъ, и отличался отъ нихъ размѣрами, черепичной крышей и желтыми ставнями.

Отецъ Родіонъ находился въ томительномъ состояніи духа. По правиламъ ему слѣдовало первому пойти къ настоятелю и представиться. Но такъ какъ настоятель этотъ былъ „молоденекъ“, а онъ, отецъ Родіонъ, пятнадцать лѣтъ уже славилъ Господа въ чинѣ іерейскомъ да почти столько-же въ меньшихъ чинахъ, то самолюбіе не позволяло ему этого. И зналъ онъ, что ежели настоятель пришлетъ за нимъ, онъ, въ концѣ-концовъ, долженъ будетъ пойти, и все-таки не двигался съ мѣста.

Приходъ Кирила вывелъ его изъ затрудненія.

— Пришелъ представиться вамъ, отецъ Родіонъ. Зовутъ меня Кириломъ, а по фамиліи Обновленскій! сказалъ Кирилъ.

— Оно-бы слѣдовало, чтобы я вамъ представился, отецъ Кирилъ, потому вы есть настоятель!..

— Ну, какое тутъ въ деревнѣ настоятельство?! простымъ и искреннимъ тономъ сказалъ Кирилъ: — въ товарищи меня возьмите, вотъ и все!..

— Оно, конечно. Такъ-бы и слѣдовало!

— Такъ и будетъ! подтвердилъ Кирилъ. — Куда мнѣ въ настоятели, когда я и служить-то какъ слѣдуетъ еще не умѣю!

Отецъ Родіонъ велъ себя сдержанно и говорилъ съ разстановкой, обдумывая каждое слово. Кто его знаетъ, что онъ за птица. Говоритъ-то онъ хорошо, а какъ до

Digitized by Google

дѣла дойдетъ, неизвѣстно, что будетъ. Въ видѣ мѣры предосторожности, онъ для этого случая и рясу одѣлъ самую поношенную и обтрепанную, хотя была у него новая, хорошая ряса. Пусть не думаетъ, что онъ нажилъ тутъ деньги: пожалуй, еще сократить его вздумаетъ.

Они съ четверть часа поговорили о разныхъ общихъ предметахъ. Отецъ Родіонъ спросилъ, правда-ли, что Кирилъ первымъ магистрантомъ академію кончилъ? Кирилъ отвѣтилъ.

— А что-же васъ, позвольте спросить, въ деревню заставило поѣхать? Удивительно это!

— Здоровье! отвѣтилъ Кирилъ,— здоровьемъ я слабъ, и городъ мнѣ вреденъ.

„Не стану я объяснять ему. Непойметъ, пожалуй“, подумалъ онъ, глядя на пухлое лицо отца Родіона съ довольно-таки тупымъ выраженіемъ.

— Ага, это дѣйствительно, что деревенскій воздухъ поправляетъ человѣка! сказалъ отецъ Родіонъ и подумалъ: „Оно какъ будто не видно, чтобы здоровье его было плохое“.

Во всякомъ случаѣ, послѣ короткаго разговора, его недовѣріе къ новому товарищу значительно смягчилось. „Чтожь, можетъ, онъ и чудакъ, а сердцемъ добръ и не фордыбачитъ, носа не задираетъ“. Но у него былъ наготовѣ одинъ вопросъ, который долженъ былъ послужить самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ. И когда они поднялись, чтобы идти въ церковь, онъ сказалъ:

— Вотъ что, отецъ Кирилъ, дабы не было никакихъ недоумѣній, надо-бы спервоначалу изъяснить касательно доходовъ.

— А что собственно, отецъ Родіонъ?

— Насчетъ дѣлежа. У насъ такъ: двѣ копѣйки идетъ священникамъ, а третья на остальной причетъ.

— Ну, что-жь, коли это обычай, я нарушать его не стану.

— Такъ-то такъ! А вотъ касательно этихъ двухъ

Digitized by Google

копѣекъ, которыя вотъ на священниковъ идутъ... Какъ съ ними быть?

— Съ ними? А, разумѣется, пополамъ дѣлить!

„Нѣтъ, онъ-таки хорошій человѣкъ! Истинно хорошій! подумалъ отецъ Родіонъ: — отецъ Мануилъ такъ тотъ себѣ большую долю бралъ... А ей Богу, онъ-таки хорошій человѣкъ“.

И съ этого момента взглядъ отца Родіона просвѣтлѣлъ, движенія сдѣлались болѣе свободными и рѣчь потекла живѣе.

— Ужь вы извините, отецъ Кирилъ, семейство мое я вамъ впослѣдствіи представлю, потому оно въ настоящее время не въ порядкѣ! сказалъ онъ, и послѣ этого они отправились въ церковь.

Луговская церковь оказалась зданіемъ стариннымъ. Ея невысокіе своды были черны отъ сырости и кадильнаго дыма, иконы до такой степени истерты, что различать на нихъ лица могли только коренные прихожане луговской церкви. Все здѣсь требовало капитальнаго ремонта, начиная съ дыряваго, двадцать лѣтъ не крашеннаго пола, паникадила съ позеленѣвшими отъ времени подсвѣчниками и кончая самой церковью. Притомъ-же церковь была очень невелика, не больше, какъ душъ на триста.

— И то пустуетъ! съ сожалѣніемъ замѣтилъ о. Родіонъ.

У самаго входа съ правой стороны, на возвышенномъ мѣстѣ, передъ стойкой стоялъ тытарь — приземистый, широкоплечій мужикъ, съ короткой сѣловатой бородой, съ тщательно смазанными церковнымъ масломъ и прилизанными волосами. Онъ былъ въ цвѣтной узорчатой жилеткѣ, въ ситцевой рубашкѣ, широкихъ штанахъ, однако-жь городского покроя, и безъ сюртука.

— Карпо Михайловичъ Куликъ, нашъ церковный староста! отрекомендовалъ его о. Родіонъ.—Одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ поселянъ. Имѣетъ достатокъ. Три сотни овецъ и прочее.

Digitized by Google

Куликъ наклонилъ голову и подставилъ ладони для полученія благословенія. Кирилъ благословилъ его молча.

— Трр-етье трр... началъ было Куликъ, но никакъ не могъ выговорить всю фразу.

— То-есть третье трехлѣтіе онъ тытаремъ служитъ, пояснилъ о. Родіонъ: — онъ заика! прибавилъ онъ, а Куликъ отдернулъ шелковый платокъ, покрывавшій стойку, и глазамъ Кирила представился цѣлый рядъ систематически разложенныхъ кучекъ восковыхъ свѣчей разнаго калибра, отъ самаго тоненькаго, двухкопѣечнаго, до полтинничныхъ-свадебныхъ. Было очевидно, что Куликъ не даромъ прослужилъ три трехлѣтія въ должности тытаря, и во всякомъ случаѣ научился въ порядкѣ содержать свѣчной столъ.

Едва только Кирилъ дошелъ до середины церкви, какъ съ обоихъ клиросовъ ему навстрѣчу пошли двѣ фигуры, очень мало похожія одна на другую, и въ то-же время заключавшія въ себѣ общую черту, сближавшую ихъ. Слѣва шла невысокая фигура въ сѣрой рясѣ, съ массой кудрявыхъ черныхъ волосъ на головѣ. Ввалившіяся щеки, острый носъ и желтый цвѣтъ лица, на которомъ даже растительность была невѣроятно скудна, какъ на неплодородной почвѣ, говорили о снѣдающемъ этого человѣка недугѣ. Другая фигура, которая шла отъ праваго клироса, была высокаго роста и атлетическаго сложенія. Узкій полукафтанъ плотно облегалъ ея полновѣсные, упругіе члены. Фигура тяжело ступала, и утлый полъ сгибался подъ нею. Сходство-же между ними заключалось въ томъ, что оба они шли, опустивъ руки по швамъ, и болѣзненное лицо перваго выражало такое-же смиреніе, какъ и красное, пышущее здоровьемъ, волосатое лицо второго. Съ одинаковой покорностью наклонились передъ настоятелемъ кудрявая голова худого человѣка и лысая, ярко блестящая голова атлета и совершенно на одинъ манеръ подставили они свои ладони для благословенія.

Digitized by Google

— Діаконъ Симеонъ Стрючокъ! болѣзненнымъ альтикомъ проговорилъ невысокій человѣкъ въ рясѣ.

— Дьячокъ Дементій Глущенко! громовымъ басомъ отрекомендовался атлетъ.

И, получивъ благословеніе, они стали въ видѣ воротъ, сквозь которыя прошли Кирилъ и о. Родіонъ. Осмотрѣли алтарь. Кирилъ нашелъ, что зданіе церкви находится въ опасности, а утварь требуетъ перемѣны.

— Средствъ не имѣемъ... А то давно-бы! сказалъ о. Родіонъ. Но въ сущности ему до сихъ поръ и въ голову не приходили подобныя мысли. Онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что для Бога все едино, гдѣ-бы и на чемъ-бы ни служить ему.

Окончивъ осмотръ, Кирилъ попросилъ всѣхъ къ себѣ. Ѳекла Чепуриха, несмотря на то, что Мура еще спала, давно уже приготовила самоваръ. Кирилъ угостилъ чаемъ весь причтъ луговской церкви.

VI.

Къ удивленію отца Родіона, въ воскресенье церковь была наполнена чисто луговскими прихожанами. Были, конечно, и хуторяне, но главный контингентъ молящихся состоялъ изъ коренныхъ жителей мѣстечка. Но удивленіе отца Родіона достигло высшаго предѣла, когда, во время чтенія діакономъ Стрючкомъ евангелія, въ церкви появилась и стала слѣва, позади клироса, сама помѣщица, Надежда Алексѣевна Крупѣева.

Собственно въ этомъ ничего не было удивительнаго, такъ какъ этому воскресенью предшествовала изрядная агитація со стороны причта, церковнаго старосты, сторожа и въ особенности Ѳеклы Чепурихи. Каждый вечеръ Ѳекла собирала гдѣ-нибудь на заваленкѣ бабъ и описывала имъ новаго священника, молодую матушку, и какъ они живутъ, и что они говорятъ. Про Кирила она разсказывала, что онъ „добрѣющей души“, а про Муру,

Digitized by Google

что „ее трудно раскусить: дикая она какая-то; въ хозяйствѣ ничего не смыслитъ". Изъ другихъ источниковъ было извѣстно, что Кирилъ невѣроятно ученый человѣкъ. Тытарь Куликъ разсказалъ, что такихъ ученыхъ на всё государство только и есть двѣнадцать человѣкъ. Надо полагать, что ученость Кирила возбудила любопытство и помѣщицы. Всѣ ожидали, что новый настоятель скажетъ вступительную проповѣдь, въ которой покажетъ передъ луговскими прихожанами всю свою необычайную ученость. Ждали также, что ученый настоятель устроитъ и служеніе какое-нибудь особенное, торжественное. Но съ перваго-же шага началось разочарованіе.

— Настоящая пиголица! Тонкій да безбородый! говорили прихожане, по мнѣнію которыхъ священникъ долженъ быть плотнаго сложенія, имѣть окладистую бороду и громкій голосъ. Не нравилась и служба новаго священника.

— Бормочетъ тамъ что-то себѣ подъ носъ, ничего и разобрать нельзя. Ужь отецъ Родіонъ, даромъ что мало ученый, а лучше служитъ. У него каждое слово слышишь. Въ чемъ-же эта самая ученость? А бабы брехали... Ну, народъ!..

Когда-же и обѣдня кончилась, а новый настоятель даже никакой проповѣди не сказалъ, то разочарованіе было окончательное.

— Какой тамъ ученый?! Видно, малоумный оказался, вотъ его и прислали къ намъ. Двѣнадцать, говоритъ, на всю Россію; ну, такихъ, я думаю, двѣнадцать тысячъ найдется, даже дѣвать ихъ некуда!

Отецъ Родіонъ стоялъ всю обѣдню въ алтарѣ. Передъ концомъ онъ подошелъ къ Кирилу и тихонько сказалъ ему:—Отецъ Кирилъ, здѣсь въ церкви помѣщица присутствуетъ. Это—рѣдкость. Надо-бы ей просфору вынести!

Кирилу былъ хорошо извѣстенъ обычай выносить помѣщикамъ просфору. Обычай этотъ не нравился ему еще въ дѣтствѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отецъ Родіонъ, не надо! сказалъ Кирилъ:—пока еще я не знаю никакихъ ея заслугъ... А вы знаете, отецъ Родіонъ?

— Положимъ, что ничего такого... Но все-жь таки помѣщица... Я всегда выношу ей просфору.

— Простите меня, отецъ Родіонъ,—но я ей просфоры не вынесу! мягко отвѣтилъ Кирилъ.

И болѣе наблюдательные прихожане замѣтили, что новый священникъ не вынесъ просфоры помѣщицѣ. Замѣтили еще и другое. Когда кончилась обѣдня, хуторяне запрягли коней въ свои „дилижаны“ и поѣхали домой. Точно также разошлись по домамъ и мѣстные богачи. Кирилъ никого не пригласилъ къ себѣ на чай или закуску. Всѣ эти обстоятельства вызвали два толкованія. Одни говорили, что Кирилъ гордецъ, а другіе—что онъ для всѣхъ хочетъ быть равенъ. Присматривались къ выраженію лица помѣщицы—не обижена-ли она невниманіемъ къ ней новаго священника? но ничего такого не замѣтили Она вышла изъ церкви, поговорила о чемъ-то съ двумя бабами—послѣ оказалось, что она спросила, какъ ихъ зовутъ, сѣла въ экипажъ и поѣхала домой.

Понятное дѣло, что въ этотъ день деревенскіе разговоры вертѣлись, главнымъ образомъ, на новомъ священникѣ. И надо сказать, что въ общемъ преобладало неодобреніе.

Но въ этотъ-же день случилось обстоятельство, которое совершенно спутало луговскихъ прихожанъ. Антонъ Бондаренко, землянка котораго находилась на самомъ краю села, вздумалъ выдавать свою дочку замужъ. Это было немножко странно, потому что свадебный сезонъ обыкновенно начинается въ концѣ сентября. Но дѣло въ томъ, что дочка его Горпина какъ-то совершенно неожиданно стала полнѣть. Когда это сдѣлалось очевиднымъ, Марко Працюкъ, молодой, рослый парень, который не отрицалъ своей вины въ этомъ обстоятельствѣ, отложилъ въ сторону цѣпъ и лопату и послалъ къ Антону сватовъ. Такъ какъ съ этого воскресенья на-

Digitized by Google

чиналась седьмица новаго священника, то Антонъ пришелъ къ Кирилу. Это было часовъ въ семь вечера. Кирилъ только-что отслужилъ вечерню и, вернувшись домой, засталъ Муру за чайнымъ столомъ.

— А дома батюшка? спросилъ Антонъ у Ѳеклы, которая совсѣмъ основалась въ кухнѣ.

— Чай пьютъ. Можешь и подождать!

— Такъ вѣдь мнѣ не близкій свѣтъ домой то идти. Версты двѣ будетъ, сама знаешь.

— Ну, не могу-же я отъ стола оторвать... Сейчасъ только изъ церкви пришли...

Разговоръ этотъ происходилъ въ сѣнцахъ. Кирилъ слышалъ его отъ слова до слова. Онъ отворилъ дверь и обратился къ Антону:

— Что тебѣ?

Антонъ снялъ шапку и поклонился.

Къ вашей милости, батюшка! Дѣло есть!

— Зайди въ хату! сказалъ Кирилъ. Антонъ вошелъ и поклонился Марьѣ Гавриловнѣ.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Дочку надобно перевѣнчать!.. Такъ вотъ я пришелъ...

— Что-жь, перевѣнчаемъ! Когда хочешь?

— Завтра-бы!..

— Ладно, и завтра можно! Часовъ въ десять приходите въ церковь!

Антонъ опять поклонился и молчалъ.

— Ну, такъ иди съ Богомъ! сказалъ Кирилъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста. Онъ не только не считалъ дѣло конченнымъ, но даже не думалъ, что оно началось. По его мнѣнію недоставало самаго главнаго. Во всякомъ случаѣ батюшка перевѣнчаетъ Горпину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, на то онъ и батюшка.

— А сколько-же за вѣнчаніе будетъ, батюшка? спросилъ, наконецъ, Антонъ.

— Да уже дашь сторублевку! сказалъ Кирилъ, и

Digitized by Google

самымъ серьезнымъ образомъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Антонъ саркастически ухмыльнулся и выразительно мотнулъ головой.

— Гм... такихъ денегъ я сроду и не видалъ даже...

— Ну, что-жь, а я меньше не возьму!..

Антонъ поднялъ на него глаза, стараясь понять, шутитъ новый батюшка или глупъ отъ природы. „Должно быть, онъ шутникъ!“ подумалъ Антонъ и сказалъ:

— Нѣтъ. ужь вы, батюшка, настоящую цѣну говорите!..

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ Кирилъ.

— Антономъ Бондаренкомъ.

— Такъ вотъ что, Антонъ: цѣну настоящую ты спрашивай, когда на базаръ придешь. Станешь порося покупать, тамъ тебѣ и скажутъ настоящую цѣну, а ко мнѣ ты пришелъ по дѣлу церковному, святому. Церковь— не базаръ, въ ней никакой торговли не можетъ быть!

Антонъ смотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

„Что-то я не второплю! размышлялъ онъ про себя: чи онъ жадный, чи Господь его знаетъ!“

— Иди себѣ съ Богомъ! прибавилъ Кирилъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста.

— Какъ-же оно будетъ, батюшка? спросилъ онъ.

Кирилъ возвратился къ столу, сѣлъ и взялъ стаканъ съ чаемъ.

— Много у тебя земли? спросилъ онъ.

— Земли? Четыре съ половиной. Да плавни съ полъ-десятины будетъ.

— А хлѣбъ уродилъ у тебя?

— Хлѣбъ? Да какъ сказать! И уродилъ, и не уродилъ. Жито Богъ далъ хорошее. Съ двухъ десятинъ почти что шестнадцать четвертей собралъ, ячменю съ полъ-десятины, четвертей пять взялъ. Полъ-десятины баштану... „Огирокъ“ ничего, а кавунъ весь погорѣлъ, вся „гудина“ повяла, проса полъ-десятины... едва свое вернулъ. А десятина пшеницы даже совсѣмъ изъ-подъ

Digitized by Google

земли не вышла. Ну, а сѣно плавное въ нашихъ мѣстахъ всегда хорошее. Высокое, густое... Дай Богъ, чтобы на всемъ свѣтѣ такое сѣно было. Повѣрите, батюшка, это не сѣно, а какъ-бы вамъ сказать—шелкъ.

— Такъ ты, выходитъ, богачъ, Антонъ Бондаренко. Какъ-же мнѣ съ тебя сторублевку не взять?

Антонъ опять выпучилъ глаза. Никакъ не могъ уловить онъ тонкой усмѣшки, которою Кирилъ сопровождалъ свои слова. Видя его недоумѣніе, Кирилъ сказалъ прямо:—Ну, иди съ Богомъ, Антонъ. За вѣнчанье дашь сколько сможешь. А не сможешь, и такъ повѣнчаемъ. И всѣмъ своимъ землякамъ скажи, чтобы со мной не торговались.

Антонъ поблагодарилъ и ушелъ чрезвычайно смущенный. Онъ даже не зналъ, разсказывать-ли землякамъ о своемъ разговорѣ съ батюшкой. По дорогѣ онъ разсчиталъ, что можетъ безобидно для себя дать за вѣнчанье карбованецъ, не считая свѣчей, которыя онъ купитъ особо. Будь это у о. Родіона, дешевле пяти рублей не отдѣлался-бы, а съ свѣчами и всѣ семь. Это было такъ пріятно, что онъ боялся, какъ бы кто не помѣшалъ, не отсовѣтовалъ новому священнику. Очевидно, новый батюшка просто не знаетъ порядковъ. А ежели это дойдетъ до о. Родіона, который ему растолкуетъ, то дѣло приметъ другой оборотъ. Поэтому Антонъ рѣшилъ сохранить это пока въ секретѣ, а когда уже дѣло кончится, разсказать землякамъ. И когда его спросили: много-ли взялъ новый батюшка за вѣнчанье?—онъ безъ запинки отвѣтилъ:—шесть карбованцевъ слупилъ!

— Ого! Видно, порядки знаетъ!

— А то нѣтъ?! окончательно покривилъ душой Антонъ:—не даромъ же онъ, сказываютъ, ученый да переученый!

Когда Антонъ ушелъ и дверь за нимъ затворилась, Кирилъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Знаешь, это даже обидно, до какой степени въ нихъ глубоко сидитъ эта болѣзнь! заговорилъ онъ, обращаясь къ Мурѣ.—Вѣдь онъ приходитъ ко мнѣ прямо

Digitized by Google

какъ къ торговцу: вашъ товаръ. наши деньги! И я увѣренъ, что онъ недоволенъ, даже, пожалуй, возмущенъ... Нѣтъ, ты обрати вниманіе: я священникъ, я долженъ освятить союзъ его дочери съ ея женихомъ, онъ за этимъ пришелъ. И онъ говоритъ мнѣ: продай мнѣ на пять рублей Божіей благодати! Я долженъ былъ сказать: нѣтъ, нельзя, это стоитъ десять и наконецъ, довольно поторговавшись, мы согласились-бы на семи рубляхъ... Какого-же мнѣнія онъ будетъ обо мнѣ?

— Однако, Кирилъ, надо-же чѣмъ-нибудь жить священнику! возразила ему Марья Гавриловна.

— Конечно, надо, Мура, конечно! Но это надо какъ-нибудь иначе устроить. Такая форма обидна мнѣ... Обидна!..

Мура ничего больше не возражала, но онъ нисколько не убѣдилъ ее. Она съ малолѣтства видѣла, какъ спокойно торговались за разныя требы, и привыкла думать, что это въ порядкѣ вещей, и что иначе быть не можетъ.

На другой день утромъ произошло вѣнчанье Горпины съ Маркомъ Працюкомъ. Вѣнчанье было немноголюдно, такъ какъ пора была горячая да и про Горпину было извѣстно, что она уже не дѣвушка. Молодые торопились, чтобы поспѣть на гумно, собираясь вечеромъ устроить пирушку. Послѣ вѣнчанья Антонъ подошелъ къ Кирилу и, сильно конфузясь, сказалъ:

— Какъ уже вы разрѣшили, батюшка, такъ вотъ... карбованецъ могу!..

Кирилъ спокойно взялъ отъ него рублевую бумажку и тутъ-же передалъ ее діакону, отцу Симеону. Діаконъ взглянулъ на рублевку и совершенно непроизвольно скорчилъ такую жалкую мину, что дьячокъ Дементій, уносившій въ алтарь вѣнцы, сейчасъ-же понялъ, что дѣло неладно. Черезъ полъ-минуты они о чемъ-то шушукались на клиросѣ. Вслѣдъ за этимъ Дементій крупными шагами побѣжалъ черезъ всю церковь, догналъ уходившаго Антона и схватилъ его за рукавъ.

Digitized by Google

— Ты, бычачья голова, рехнулся, что-ли? спросилъ онъ его низкимъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Чего? проговорилъ Антонъ, хотя отлично зналъ, чего хочетъ дьякъ.

— Какъ чего? За вѣнчанье карбованецъ даешь?

— А ей-Богу-же, Дементій Ермилычъ, я больше не имѣю!

— Да я тебя не спрашиваю, имѣешь ты или нѣтъ, а ты скажи, сколько тебѣ батюшка назначилъ?

— Батюшка? Батюшка сказали: „сколько въ силахъ, столько и дашь“... Ну, я...

Дьячокъ Дементій совершенно растерялся, до такой степени это было дико. Этимъ воспользовался Антонъ и поспѣшилъ удрать, боясь, чтобы съ него не слупили чего-нибудь лишняго. Дементій возвратился на клиросъ уже болѣе сдержанными шагами и повѣдалъ діакону то, что узналъ отъ Антона. Въ это время Кирилъ, снявъ облаченіе, вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу. Они замолкли, но на лицахъ ихъ явно выражалось изумленіе и неудовольствіе, хотя они и старались скрыть эти чувства. Кирилъ очень хорошо видѣлъ это, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и вышелъ изъ церкви.

— Нѣтъ, что-жь это такое, отецъ Семенъ, я васъ спрашиваю? во все свое широкое горло крикнулъ тогда дьячокъ Дементій.—Этакъ и съ голоду пропасть можно! Ежели за вѣнчанье не брать, такъ за что-же брать?

— Новые порядки, Дементій Ермилычъ! слабымъ теноркомъ отвѣтилъ болѣзненный діаконъ и прибавилъ:— ковшикъ съ виномъ уберите, Дементій Ермилычъ!

Дьячокъ Дементій ринулся къ стоявшему посреди церкви низенькому квадратному столику, схватилъ ковшъ и помчался съ нимъ въ алтарь. Все это онъ продѣлалъ съ неудержимымъ негодованіемъ. Діаконъ-же стоялъ, смиренно опустивъ голову, какъ человѣкъ, привыкшій смиряться передъ всевозможными невзгодами жизни.

— Знаете что? сказалъ дьячокъ, вернувшись изъ алтаря:—пойдемъ къ о. Родіону и разскажемъ ему.

Digitized by Google

— А надо, надо! отвѣтилъ діаконъ. И, выйдя изъ церкви, они направились прямо къ о. Родіону.

VII.

Отецъ Родіонъ принялъ ихъ запросто. Онъ былъ въ широкихъ нанковыхъ шароварахъ, спускавшихся въ голенищи невысокихъ сапогъ, и въ коротенькой курткѣ. Когда они вошли въ комнату, которую называли гостиной, о. Родіонъ стоялъ у клѣтки, висѣвшей надъ окномъ, и осторожно и сосредоточенно перемѣнялъ воду канарейкамъ.

— А! наше воинство пожаловало! промолвилъ онъ, оставшись въ прежней позѣ и не покидая своего занятія.— Ну, какъ дѣла?

— Нехорошо, о. Родіонъ! пожаловался дьячокъ Дементій, въ груди котораго еще кипѣло негодованіе.

— Ну-у? Что-же именно?

— Сейчасъ вѣнчали Антонову Бондаренкову дочку. А за вѣнчанье получили рубъ-карбованецъ.

— Это какимъ-же манеромъ?

Отецъ Родіонъ все еще оставался спокойнымъ и не оставлялъ своего идиллическаго занятія.

— Очень просто. Кончили это мы вѣнчанье, подходитъ Антонъ къ о. Кирилу...

Дьячокъ Дементій началъ разсказывать, какъ было дѣло, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ. Когда онъ дошелъ до объясненія Антона и повторилъ его отвѣтъ: „батюшка, говоритъ, сказали,—сколько, говоритъ, въ силахъ, столько, говоритъ, и дашь“, то о. Родіонъ внезапно оставилъ клѣтку, которая начала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ оно что! Ну, это, могу сказать, нехорошо! сказалъ онъ.

— Весьма даже нехорошо! жалобно подтвердилъ діаконъ.

Digitized by Google

— Вѣдь это только одинъ разъ надо сдѣлать, а тамъ ужь пойдетъ. Это *имъ* очень понравится!..

Подъ выраженіемъ *имъ* о. Родіонъ разумѣлъ прихожанъ. Онъ пригласилъ причтъ садиться, и началось основательное обсужденіе положенія дѣла.

— Признаться, я сразу замѣтилъ въ немъ что-то такое... этакое... подозрительное, говорилъ о. Родіонъ,— но одначе ежели такъ дальше пойдетъ, то можно и пожаловаться.

Совѣщаніе длилось болѣе часу. Въ концѣ концовъ, было рѣшено не спѣшить и выждать, что дальше будетъ. Можетъ, это отъ неопытности: просто, человѣкъ не знаетъ порядковъ.

Первая седьмица Кирила была богата требами. У кузнеца Пахома, подковывщаго всю деревню, умерла старуха-мать. Кузнецъ не особенно печалился, потому что старуха долго болѣла, никакой пользы ему не приносила, представляя только лишній ротъ вдобавокъ къ семи ртамъ, которые составляли его собственное семейство. Онъ пришелъ прямо къ дьячку Дементію.

— Что, должно быть, Мавра Богу душу отдала? спросилъ Дементій.

Въ мѣстечкѣ было извѣстно, что Мавра плоха. При томъ же въ такое горячее время кузнецъ не сталъ-бы шляться къ дьячку безъ важной причины.

— Вотъ какъ вы угадали, Дементій Ермилычъ. Именно, отдала! Царство ей небесное!

— Ну, такъ что-же?

— Схоронить-бы!

— А ты возьми да и закопай ее. А мы въ воскресенье пойдемъ на кладбище да и отпоемъ. Можетъ, къ тому времени еще кого-нибудь Господь приметъ. Такъ разомъ уже.

— Хотѣлось-бы какъ слѣдуетъ, Дементій Ермилычъ!

— Да вѣдь мнѣ хотѣлось-бы быть архіереемъ, мало чего! Не велика была птица твоя Мавра! Небось, за четыре гривны хочешь всѣмъ соборомъ схоронить!

Digitized by Google

— Что-жь, Дементій Ермилычъ,—чѣмъ смогу, отплачу. Можетъ, когда-нибудь коняку подковать придется.

— Это ты мнѣ и такъ подкуешь!.. Нѣтъ, Пахомъ, брось ты это!.. У меня у самого пшеница не домолочена!

— Коли такъ, придется къ самому батюшкѣ пойти! и Пахомъ направился къ Кирилу.

„Вишь, пронюхали, каковъ этотъ батюшка. Къ отцу Родіону, небось, не пошель-бы", подумалъ Дементій и рѣшилъ выждать, что скажетъ Кирилъ.

Пахомъ пришелъ къ Кирилу и заявилъ о томъ, что у него вчера умерла мать. Онъ собирался изложить свою просьбу о похоронахъ.

— Все-ли у васъ готово? спросилъ Кирилъ.

— Все, какъ полагается.

— Ну, такъ кликни тамъ дьяка, либо діакона!

Пахомъ замялся.—Дьякъ говоритъ: „сами, говоритъ, зайдите, а мы въ воскресенье отпоемъ!.. Мнѣ, говоритъ, молотить надо, я за четыре гривны не могу дѣла бросить".

Кирилъ промолчалъ, одѣлъ рясу и шляпу и вышелъ. Съ крыльца былъ виденъ токъ Дементія. Дьякъ былъ въ ситцевой рубахѣ безъ кафтана. Соломенная шляпа съѣхала у него на затылокъ. Онъ усердно стучалъ цѣпомъ; потъ катился съ него градомъ. Увидѣвъ батюшку, вышедшаго на крыльцо, онъ удвоилъ усердіе. Кирилъ постоялъ съ минуту и подумалъ: „а вѣдь у него большое семейство!" Онъ прошелъ ограду, вышелъ въ калитку и приблизился къ току Дементія. Дьякъ остановился и почтительно снялъ шляпу.

— Помогай Богъ! сказалъ Кирилъ.

— Прикажете на похороны сбираться? спросилъ Дементій.

— Нѣтъ, ничего, я самъ отпою. Діаконъ тоже, я думаю, занятъ?

— Баштанъ сбираетъ!

Digitized by Google

— Ну, ладно, я самъ справлюсь! сказалъ Кирилъ. Въ это время сторожъ принесъ ему узелокъ съ облаченіемъ. Кирилъ взялъ узелокъ и пошелъ вслѣдъ за Пахомомъ. Дементій смотрѣлъ ему въ спину и думалъ: „Что ты есть за чудакъ? Богъ-ли въ твоемъ сердцѣ живетъ, или ты лицемѣръ? Не разберешь тебя“.

Кирилъ отпѣлъ Мавру и проводилъ ее на кладбище. Когда кузнецъ, по окончаніи обряда, протянулъ ему руку съ кучей мѣдяковъ, онъ сказалъ, что не надо. Только-что передъ этимъ онъ видѣлъ мизерную обстановку, среди которой ютился Пахомъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. „Какъ я возьму у нищаго?“ подумалъ Кирилъ и сказалъ: — Зимой у меня будетъ повозка. Когда въ ней шина сломается, я позову тебя, ты мнѣ спаяешь ее!..

— Что угодно сдѣлаю вамъ, батюшка, за вашу доброту! съ большимъ чувствомъ сказалъ Пахомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень тронутъ вниманіемъ новаго священника. Въ мѣстечкѣ Луговомъ такъ уже водилось, что особое отпѣваніе полагалось только богатымъ покойникамъ. „Меньше какъ за два карбованца съ мѣста не сдвинусь“, прямо говорилъ предмѣстникъ Кирила. Для бѣдняковъ считалось достаточнымъ, что ихъ относили на кладбище домашними средствами, а потомъ разомъ отпѣвали, когда набиралось ихъ съ полъ-дюжины. Въ особенности это практиковалось лѣтомъ, когда всѣ—и священники, и причтъ—были заняты каждый своимъ хозяйствомъ. Прихожане свыклись съ этимъ обычаемъ, который велся испоконъ-вѣку, и не протестовали. Бывали иногда отдѣльныя попытки склонить причтъ на уступку, когда въ небогатой семьѣ умирало почтенное лицо, какъ это случилось у кузнеца Пахома. Иногда въ добрую минуту удавалось сойтись на карбованцѣ съ обѣщаніемъ въ будущемъ, по окончаніи молотьбы, принести мѣрку жита. Вообще вопросъ о требахъ въ мѣстечкѣ былъ поставленъ прямо и открыто.

Это было въ пятницу. Къ хатѣ Дементія подъѣхалъ

Digitized by Google

благоустроенный „дилижанъ“, запряженный парой шустрыхъ лошадокъ. Въ передку сидѣлъ парень въ бѣлой холщевой рубашкѣ и въ соломенномъ брилѣ съ широкими полями. Въ задней части, на люлькѣ съ рессорами, помѣщался увѣсистый мужикъ съ сильно обросшимъ темнымъ лицомъ, съ маленькими глазками и густыми сѣдыми бровями. Мужикъ былъ въ синемъ чекменѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ; на головѣ у него была фуражка синяго сукна, и вообще онъ имѣлъ видъ городского мѣщанина. Онъ сошелъ съ дилижана и оказался человѣкомъ небольшого роста, ступавшимъ тяжело и увѣренно. Дементій, сгребавшій на току въ кучу зерно, увидѣвъ его, тотчасъ положилъ лопату и пошелъ къ нему черезъ досчатыя ворота.

— Марко Андреевичъ! Зачѣмъ васъ Богъ принесъ? Ну, что, какъ у васъ тамъ на хуторахъ? Да идите-же въ хату!..

Дементій говорилъ и смотрѣлъ чрезвычайно привѣтливо. Очевидно Марко Андреевичъ Шибенко, богатый хуторской прихожанинъ, былъ желаннымъ гостемъ. Хуторянинъ слегка шевельнулъ густыми, длинными усами, что означало улыбку, и протянулъ Дементію смуглую и корявую руку.

— Вашими молитвами, Дементій Ермилычъ, живемъ! пробурчалъ онъ отрывисто и слегка заикаясь.—А въ хату, это можно!.. Слухай ты, Митко! Снеси одинъ мѣшокъ въ сѣни!

— Вотъ это добре! Не забываете насъ!..

Митько сталъ лѣниво слѣзать съ своего возвышеннаго сидѣнья, а хозяинъ и гость пошли въ хату. Въ сѣняхъ ихъ встрѣтила супруга Дементія, Антонина Егоровна, женщина еще довольно молодая, а по комплекціи и здоровью вполнѣ подходящая къ своему супругу. Она копошилась около кабицы, разводя огонь подъ котелкомъ, въ которомъ еще двигались живые раки. Ее окружали ребятишки съ смуглыми головами и

Digitized by Google

грязными носами, въ длинныхъ сорочкахъ безъ пояса и безъ штановъ, съ большими животами и босоногіе.

Антонина Егоровна извинилась, что не можетъ подать руку Марку Андреевичу, потому что вся измазана сажей.

— Вы не обижайтесь, прибавилъ Дементій: — она у меня всегда рохлей ходитъ.

Когда они вошли въ хату, Антонина Егоровна сейчасъ-же переселилась въ чуланъ, вымыла руки, переодѣла кофту, достала графинчикъ съ водкой, вяленаго рыбца и въ скорости появилась въ комнатѣ со всѣмъ этимъ добромъ.

— А чья будетъ нынче у васъ седьмица? спросилъ прежде всего Марко Андреевичъ.

— Новаго, отца Кирила! сказалъ Дементій и при этомъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Ага, вотъ мы его и попробуемъ! Я новую засѣку построилъ. Ну, завтра зерно сыпать будемъ, а безъ священья, сами знаете, невозможно такое дѣло дѣлать. Хочу сегодня, чтобы окропили.

— Что-жь, мы съ удовольствіемъ, Марко Андреевичъ. Ужь вы, конечно, насъ не обидите.

— Вотъ еще! Да я хоть впередъ готовъ. Вотъ даже сію минуту!.. Извольте, Дементій Ермилычъ, сами уже батюшкѣ передайте!

Марко вынулъ изъ-за пазухи вязанный кошелекъ, отсчиталъ три трехрублевки и одну рублевку и подалъ Дементію. Дементій взялъ.

— Ежели-бы всѣ прихожане такъ обращались, такъ мы бы богачами были! сказалъ онъ, сжимая въ кулакѣ ассигнаціи:—только такими, какъ вы, милостивцами и живемъ!

Но въ это время у него въ головѣ мелькнула мысль, которая омрачила его лицо. „Чего добраго, и тутъ новый настоятель штуку выкинетъ! подумалъ онъ:—возьметъ да и дастъ ему сдачи. Отъ него станется!“

— А отчего-бы вамъ, Марко Андреевичъ, не подо-

Digitized by Google

ждать до воскресенья? а? спросилъ онъ не безъ задней мысли.—Въ воскресенье будетъ седьмица о. Родіона, дѣло, значитъ, будетъ вѣрное.

— Такъ говорю-же—зерно готово, завтра ссыпаемъ. Никакъ нельзя подождать!..

— Такъ, такъ!.. Ты, Антонина, угощай тутъ Марка Андреевича, а я схожу къ батюшкѣ, доложу...

— Можетъ, и мнѣ уже разомъ пойти? познакомиться, значитъ! Я ему два мѣшка жита привезъ для знакомства.

— Нѣтъ, ужъ вы погодите... сперва я, а потомъ вы...

„А ежели онъ тебя да съ твоимъ житомъ попретъ куда не слѣдуетъ! подумалъ Дементій: — вотъ уже истинно-чудаковатый батюшка!“

Дементій пошелъ къ Кирилу. Онъ засталъ настоятеля за письменнымъ столомъ. Марья Гавриловна сидѣла на диванѣ и читала книжку.

— А! садитесь пожалуйста, я сейчасъ! сказалъ Кирилъ, продолжая писать.—Мура, вотъ это нашъ дьячокъ, Дементій Ермилычъ Глущенко!

Мура протянула ему руку. Дементій взялъ эту руку всей своей огромной ладонью, сжалъ ее и отъ смущенія потрясъ съ необычайнымъ рвеніемъ. Но сѣсть онъ не рѣшился, а остался стоять, отступя отъ дивана назадъ два шага. Мура спросила его, велико-ли у него семейство. Онъ отвѣтилъ, что, благодареніе Богу, немаленькое, и прибавилъ, что старшаго сына уже свезъ въ духовное училище.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Кирилъ, повернувшись къ нему вмѣстѣ со стуломъ.

— Съ хуторовъ пріѣхалъ мужикъ, Марко Шибенко. Проситъ поѣхать къ нему и засѣку освятить.

— Что-жь, поѣдемъ!

— Онъ мужикъ богатый, первый на хуторѣ!.. Ну, и самъ предложилъ десять карбованцевъ... я даже и не спрашивалъ. Такъ прикажете принять? тономъ виноватаго объяснялъ Дементій.

Digitized by Google

— Самъ предложилъ? спросилъ Кирилъ, вглядываясь въ его физіономію.

— Ей Богу, отецъ Кирилъ, я и не спрашивалъ, даже намекомъ.

— Ежели онъ богатъ и самъ предложилъ, отчегоже не взять.

— Разумѣется, отчего не взять! Вотъ онѣ и деньги!

— Положите ихъ въ общую кружку!.. И собирайтесь, поѣдемъ!

„Вотъ и разбери его! размышлялъ Дементій, возвращаясь домой. — Ежели богатый да еще самъ предложилъ!.. А не все-ли мнѣ равно, богатый или небогатый. Много-ли ихъ, этихъ богатыхъ? Самъ, говоритъ, предложилъ! Такъ вѣдь это Марко Андреевичъ, хуторянинъ: хуторяне—совсѣмъ другой народъ! Дождись-ка отъ нашихъ, луговскихъ, чтобы они тебѣ сами предложили! Еще-бы! Держи карманъ!“ Проходя черезъ свои сѣни, онъ увидалъ въ углу мѣшокъ съ житомъ, туго набитый и хорошо завязанный. „Вотъ онъ сейчасъ и виденъ, хуторянинъ! Самъ привезъ, никто не тянулъ его. Да какой мѣшокъ: кругленькій, веселенькій, пудиковъ шесть будетъ! Это ежели даже по шести гривенъ, такъ и то три рубля шестьдесятъ будетъ. Деньги!“

Марко Андреевичъ успѣлъ уже выпить добрыхъ пять рюмокъ и отказывался отъ шестой на томъ основаніи, что надо идти къ батюшкѣ.

— Оно, знаете, неловко. Водкой отдавать будетъ!

Это было единственное опасеніе, такъ какъ хмѣлѣлъ онъ начиная со второго полштофа.

Онъ пошелъ къ Кирилу. Батюшка уже облачился въ рясу. Марья Гавриловна въ сосѣдней комнатѣ рылась въ комодѣ, доставая ему чистый платокъ. Марко Андреевичъ вошелъ въ сѣни и, ради благовоспитанности, несмотря на то, что было совершенно сухо, тщательно вытеръ подошвы о деревянный порогъ. Разглядѣвъ, что налѣво ведетъ большая двустворчатая дверь, а направо—низенькая одинарная, онъ сообразилъ, что на-

Digitized by Google

право будетъ кухня, и взялъ влѣво. Онъ растворилъ дверь и вошелъ. На порогѣ онъ остановился и, устремивъ спокойные взоры въ уголъ, трижды перекрестился, а потомъ поклонился хозяину.

— Я Марко Шибенко съ хуторовъ, батюшка! сказалъ онъ, прищуривая глаза.

— А! Вотъ мы къ вамъ и поѣдемъ! я готовъ! отвѣтилъ Кирилъ, думая, что Шибенко пришелъ торопить его.

— Нѣтъ, это само собою, а я насчетъ другого дѣла.

— У васъ дѣло? Садитесь, разсказывайте!

— Покорно благодаримъ. Только спервоначалу дозвольте благословеніе взять.

Кирилъ спохватился. Онъ никакъ не могъ привыкнуть давать благословеніе всякому, кто къ нему приходилъ. По всегдашней привычкѣ рука его протягивалась для пожатія, между тѣмъ здѣсь ни одинъ визитъ не обходился безъ благословенія. Марко подошелъ къ нему, взялъ благословеніе и поцѣловалъ руку.

— А теперь вотъ и дѣло! сказалъ онъ уже болѣе развязнымъ тономъ: — мы своихъ батюшекъ очень уважаемъ и всегда стараемся оказывать имъ угожденіе.

— Садитесь, что-же вы стоите! пригласилъ Кирилъ.

— Покорно благодаримъ! отвѣтилъ Марко, сейчасъ-же воспользовался приглашеніемъ и сѣлъ на стулѣ, вытянувшись и держа ногу къ ногѣ.—Что намъ Богъ по милости своей посылаетъ, тѣмъ мы и съ духовными лицами раздѣляемся. Такъ уже для перваго знакомства дозвольте, батюшка, два мѣшка жита вамъ въ презентъ.

— Мнѣ? За что-же? Я еще ничѣмъ не заслужилъ!

— Вы за насъ молитесь. Мы только и дѣлаемъ, что грѣшимъ, а вы все отмаливаете. Вотъ за это самое! Притомъ уваженіе имѣемъ къ духовному сану. Такъ уже не откажите принять два мѣшечка.

— Да я, право... Я ничего не имѣю противъ.

Digitized by Google

Только это какъ-то странно!.. Извольте, я приму!.. Благодарю васъ!..

Кирилъ сконфузился. Подобнаго предложенія онъ не предвидѣлъ. Ему однако было извѣстно, что нѣтъ большей обиды для мужика, какъ отказъ принять отъ него даръ.

— Вотъ и спасибо вамъ. Намъ главное, чтобы душевность была. Ежели нашимъ братомъ не брезгуютъ, мы всегда готовы снабдить. А матушку не дозволите повидать?

— Отчего-же? И матушку можно. Мура! Вотъ тутъ съ тобой хотятъ познакомиться!

Марья Гавриловна вышла съ платкомъ въ рукѣ и съ недоумѣніемъ осмотрѣла Марка Андреевича, сидѣвшаго на стулѣ. Она рѣшительно не понимала, почему ему пришло желаніе познакомиться съ нею. При ея появленіи онъ всталъ и сдѣлалъ ногами движеніе, слегка напоминавшее расшаркиванье.

— Такъ вотъ это матушка? Молоденькія какія, Господи Боже нашъ!

И онъ совершенно внезапно подошелъ къ Мурѣ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Мура не успѣла принять мѣры къ отклоненію этого порыва.

— Я съ хуторовъ, матушка! Жалуйте къ намъ, милости просимъ! Ужь мы васъ такъ примемъ, такъ примемъ!.. Мы духовныхъ личностей уважаемъ. Соберемъ весь хуторъ, хлѣба вамъ пять возовъ навеземъ! Только пріѣзжайте!

Для Муры все это были странныя вещи. Не понимала она, почему онъ такъ горячо приглашаетъ, зачѣмъ она поѣдетъ на хутора, съ какой стати они будутъ собирать народъ и везти ей пять возовъ хлѣба. Она молчала и глядѣла на него съ нескрываемымъ недоумѣніемъ.

— Ну, спасибо, спасибо! сказалъ за нее Кирилъ.— Намъ однако пора ѣхать.

Марко повторилъ еще разъ свое приглашеніе и вышелъ вслѣдъ за Кириломъ. На крыльцѣ онъ остано-

Digitized by Google

вился и крикнулъ по направленію къ Дементьевой хатѣ:—Эй, Митько! подъѣзжай сюда, да снесси-ка батюшкѣ въ кладовку два мѣшка, что въ передку лежатъ.

Митько зашевелился, зануз алъ лошаденокъ, и черезъ минуту дилижанъ запѣлъ всѣми своими составными частями. Митько обогнулъ ограду и подъѣхалъ къ калиткѣ. Минутъ пять онъ возился съ мѣшками, потомъ поправилъ сѣно въ дилижанѣ, устроилъ мѣста для сидѣнья. Появился Дементій въ сѣромъ кафтанѣ съ узломъ подъ мышкой. Въ узлѣ были облаченія. Онъ сказалъ, что отцу діакону не здоровится. Они размѣстились и поѣхали.

Хутора, называвшіеся иногда Чубатовыми, потому что поселившіеся тамъ вольные крестьяне жили на землѣ, прежде принадлежавшей помѣщику Чубатову, большею же частью извѣстные просто подъ именемъ хуторовъ, лежали верстахъ въ десяти отъ Лугового. Почти всѣ хуторяне владѣли землей, кто дюжиной десятинъ, кто двумя десятками, а было двое, именно старый Ерема Губарь и Марко Шибенко, которые, владѣя каждый тридцатью десятинами, снимали еще въ аренду у луговской помѣщицы по нѣсколько десятковъ десятинъ. Несмотря на это, хуторяне не только не щеголяли красивыми и просторными домами, но половина изъ нихъ ютилась въ землянкахъ, а другая половина успѣла построить мужицкія вальковыя хаты съ камышевой крышей, изъ двухъ малопомѣстительныхъ комнатъ — черной и чистой — праздничной, съ прибавкой чулана для малолѣтней птицы, новорожденныхъ телятъ и поросятъ. Когда хуторянъ, которые почти всѣ были богаты, спрашивали, почему они не построятъ себѣ хорошихъ домовъ, они отвѣчали:

— Некогда намъ возиться! Да намъ что! Мы привычны къ своимъ землянкамъ. Въ большомъ домѣ семья раздробится по разнымъ угламъ—сумно какъ-то. А въ малой земляночкѣ всѣ въ кучѣ, жмемся другъ къ дружкѣ, оно и весело, и тепло!

Digitized by Google

Зато при небольшихъ хатахъ стояли высокія засѣки, обширные сараи для домашняго скота, для зимовки овецъ, для птицы, словомъ, для всякой худобы. Можно было подумать, что настоящимъ хозяиномъ здѣсь была именно эта худоба, а люди при ней жили въ качествѣ смиренныхъ и невзыскательныхъ прислужниковъ и ютились въ неблагоустроенныхъ хатахъ и землянкахъ.

Едва только дилижанъ поднялся на возвышенную плоскость, по которой шла широкая дорога, какъ среди безконечнаго поля вырисовались Чубатовы хутора. Можно было сосчитать четыре десятка дворовъ съ огородами, гдѣ торчали высокія скирды сѣна и соломы и граціозные фигурные стоги хлѣба въ снопахъ. При каждомъ дворѣ былъ колодецъ, и тонкіе журавли съ бадьями возвышались надъ ними, точно молчаливые стражи, призванные защищать отъ внѣшняго врага брошенный среди степи одинокій хуторъ.

Черезъ полчаса они уже миновали нѣсколько землянокъ и подъѣхали къ хатѣ Марка Андреевича. Хата эта ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, только постройка для худобы была здѣсь повнушительнѣе да ярко желтѣла надъ солнцемъ обширная новая засѣка. Во дворѣ толкались человѣкъ двадцать мужиковъ и бабъ въ обыкновенныхъ рабочихъ костюмахъ. Видно, пришли сюда прямо съ токовъ, устроивъ себѣ маленькій праздникъ. Едва только Кирилъ вошелъ во дворъ, какъ вся гурьба стала поочередно подходить къ нему за благословеніемъ.

— Новый батюшка! говорили они между собой:— да и молодой же какой! прибавляли бабы и почему-то громко вздыхали.

Затѣмъ Марко пригласилъ его въ хату. Въ тѣсной хатѣ съ низенькимъ потолкомъ и маленькими окнами, за длиннымъ четырехъ-угольнымъ столомъ сидѣло съ десятокъ мужиковъ, большею частью почтеннаго возраста. Это были главы хуторскихъ семействъ. Они встали и вышли изъ-за стола. Кирилъ перекрестился къ мрачнымъ обра-

Digitized by Google

замъ, повѣшеннымъ въ самомъ углу, и поклонился присутствующимъ.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

Въ отвѣтъ послышался неопредѣленный гулъ отвѣтнаго привѣтствія. Началось подхожденіе къ рукѣ. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за печки вышла баба, стройная, краснощекая и нарядная, въ шелковомъ „очипкѣ“ и цвѣтной спидницѣ.

— А вотъ это моя баба! сказалъ Марко.

Маркова баба тоже взяла благословеніе.

— Такъ приступимъ! сказалъ Кирилъ.

Дементій развязалъ узелокъ и подалъ ему облаченіе. Мужики глядѣли на него съ большимъ любопытствомъ и размышляли о томъ, какіе нынче молодые попы пошли. Когда Кирилъ облачился, всѣ вышли во дворъ, и здѣсь подъ палящими лучами южнаго солнца, передъ столикомъ съ миской, наполненной водой, совершилось освященіе новой засѣки Марка Шибенка.

— А теперь пожалуйте закусить, чѣмъ Богъ послалъ! сказала Маркова баба.

Кирилъ принялъ предложеніе и первый вошелъ въ хату. Здѣсь уже все преобразилось. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью и уставленъ мисками и тарелками съ жаренымъ окунемъ и постными пирогами. Два увѣсистыхъ штофа водки премировали надъ всѣми съѣстными снадобьями.

— Просимъ покорно вонъ туда, батюшка! сказала хозяйка, указывая на мѣсто въ углу подъ иконами, самое почетное мѣсто, куда обыкновенно сажаютъ наиболѣе уважаемыхъ гостей. Кирилъ сѣлъ, а рядомъ съ нимъ помѣстился Дементій; вокругъ стола сѣли душъ пятнадцать мужиковъ и между ними всего двѣ бабы.

— Спервоначалу водочки выкушайте! сказалъ Марко, вмѣстѣ съ своей бабой не участвовавшій въ трапезѣ, и налилъ Кирилу изрядный стаканчикъ водки, а затѣмъ и всѣмъ гостямъ. Всѣ выпили по полной, а Кирилъ отхлебнулъ четверть рюмки и поставилъ ее.

Digitized by Google

— Э, батюшка! какъ-же такъ? Надо всю выпить! сказалъ убѣждающимъ голосомъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо! сказалъ Кирилъ: — больно велика рюмка!

— Это мнѣ обидно! Тогда и засѣка моя не будетъ полная! Это уже всему міру извѣстно!

— А о чемъ-же мы Богу молились, хозяинъ? Не о томъ-ли, чтобы засѣка была полна? серьезно спросилъ Кирилъ.

— Оно конечно, это само собой!..

Мужики съ серьезнымъ видомъ уставились въ тарелки и молчали, только Марко повторялъ свое: „оно конечно“. Но черезъ минуту его смущеніе прошло, и онъ сказалъ:

— А теперь и по второй, чтобы и въ предбудущія времена засѣкѣ моей Богъ зерно давалъ!

При этомъ онъ наполнилъ стаканчики. Дементій уже протянулъ руку, чтобы взять свой, но въ это время Кирилъ сказалъ:

— По моему мнѣнію, человѣку одной рюмки довольно!

Мужики удивленными взорами переглянулись другъ съ другомъ. Дементій отдернулъ руку отъ стаканчика и сталъ гладить ею свою роскошную бороду. Но хозяйка приняла эту рѣчь за шутку и промолвила:

— А ну, батюшка, еще стаканчикъ выкушайте, а то безъ васъ и другіе не пьютъ!

— Зачѣмъ-же я стану пить, когда мнѣ это непріятно и вредно? Притомъ-же священнику и не идетъ пить этого.

— А у насъ батюшки всегда здорово пьютъ! вставилъ одинъ изъ гостей.

Нѣкоторые на это одобрительно промычали; другіе-же, какъ-бы смутно почувствовавъ неловкость сказанной фразы, сконфузились.

— А по моему, какой-же это батюшка, ежели онъ съ нами выпить не желаетъ выпалилъ другой гость.

На это всѣ отвѣтили глубокимъ молчаніемъ.

Digitized by Google

— А какъ васъ зовутъ и гдѣ ваша хата? спросилъ Кирилъ, обратившись къ автору послѣдняго изреченія.

— Зовутъ меня Сидоромъ Товкачемъ, а хата моя, батюшка, ежели будетъ ваша милость пожаловать къ намъ,—третья отъ Марковой хаты! отвѣтилъ мужикъ.

— Ну, такъ я и буду знать, и въ хату Сидора Товкача никогда уже не заѣду! Пить водки я не умѣю—значитъ, я ему не батюшка!

Товкачъ покраснѣлъ до ушей и до такой степени былъ подавленъ, что не нашелся что сказать. Кирилъ продолжалъ:

— А прочимъ, кто и безъ водки меня за батюшку почитать согласенъ, я разскажу. почему я водки много не пью. Не пью я ее оттого, что дорожу своимъ здоровьемъ, хочу долго на свѣтѣ прожить, да притомъ всегда быть умнымъ человѣкомъ. А водка, ежели ее пить больше чѣмъ слѣдуетъ, здоровью вредитъ, жизнь сокращаетъ. Тебѣ назначено прожить семьдесятъ лѣтъ, а ты пьешь много водки и проживешь только пятьдесятъ. Ты умный человѣкъ и всѣ тебя уважаютъ, а отъ водки твой умъ тупѣетъ, туманится, и смотришь—изъ умнаго ты сталъ дуракомъ, и всѣ надъ тобой смѣются. Такъ разсудите: есть-ли мнѣ какая-нибудь выгода пить ее?

— Да такъ оно и выходитъ, что выгоды никакой нѣтъ! подтвердилъ кто-то.

Смущенные хозяева больше никому не предлагали водки, рѣшивъ, что настоящая пирушка будетъ послѣ отъѣзда батюшки.

Послѣ того какъ былъ съѣденъ сладкій пирогъ со сливами, Кирилъ всталъ, а за нимъ и всѣ поднялись. Когда онъ вышелъ изъ хаты, пошли тихіе разговоры:—Вотъ ученый, такъ истинно-ученый, даромъ что молодой! И серьезный какой! А нашъ-то Товкачъ, можно сказать, прямо въ ступу попалъ! Необразованность! Когда Кирилъ, сопровождаемый Дементіемъ, собирался сѣсть въ

Digitized by Google

дилижанъ, къ нему подошелъ Сидоръ Товкачъ и почтительно снялъ шапку.

— Прошу прощенія, батюшка! смущенно проговорилъ онъ,—такъ это выпалилъ я по необразованности своей... А чтобы чувствовать, такъ ей Богу же нѣтъ!

И онъ попросилъ у Кирила благословенія.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, Сидоръ, съ вашими земляками, мы потолкуемъ! Вотъ у васъ грамотныхъ мало, школы нѣтъ, а на водку денегъ много тратите... Народъ вы все съ достаткомъ!..

Сидоръ выслушалъ это приглашеніе въ почтительномъ молчаніи.

Обратно повезъ ихъ уже не самъ Марко, а подростокъ изъ его работниковъ.

— Вѣдь они настоящія дѣти! сказалъ Кирилъ, обращаясь къ Дементію, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ:— какъ дѣти, они вѣрятъ всему: и хорошему, и дурному. Поэтому надо не пропускать ни одного случая сказать имъ хорошее!.. Не правда-ли, Дементій Ермилычъ?

— Это само собой! отвѣтилъ Дементій, съ одной стороны польщенный тѣмъ, что ученый настоятель съ нимъ въ разсужденіе вступилъ, а съ другой стороны искренно сожалѣвшій, что не могъ остаться въ Марковой хатѣ. „То-то они тамъ теперь расхваливаютъ новаго батюшку, да при этомъ дуютъ штофъ за штофомъ!“ думалъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ.

VIII.

— Ну, теперь нажмемъ! Теперь седьмица отца Родіона пойдетъ! сказалъ дьячокъ Дементій діакону Симеону Стрючку въ субботу во время вечерни.

— Ужь дѣйствительно, Дементій Ермилычъ, приходится нажимать! Этакая богатая недѣля! Ежели-бы это была Родіонова седьмица, у насъ въ кружкѣ на малый случай сорокъ карбованчиковъ было-бы. Гдѣ-жь таки— вѣнчанье, трое похоронъ, засѣку святили, старуху Мирош-

Digitized by Google

ничиху маслособоровали—все требы важныя!.. А у насъ четырнадцать съ полтиной!.. Стыдно сказать! Прямо стыдно сказать!

Однимъ словомъ, младшій причтъ луговской церкви былъ недоволенъ первой седьмицей новаго настоятеля. Былъ-ли доволенъ ею отецъ Родіонъ, этого пока еще никто не зналъ. Онъ принялъ докладъ діакона о состояніи кружки за недѣлю молча и даже ничего не отвѣтилъ на вопросъ Дементія: „какъ вамъ это покажется, о. Родіонъ?“ Повидимому, онъ, какъ человѣкъ основательный, еще не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на новое явленіе.

Зато по деревнѣ ходили самые разнообразные и оживленные толки. Антонъ, благополучно отдѣлавшись карбованцемъ за вѣнчанье, разсказалъ землякамъ, какъ было дѣло.

— Видишь, черезъ тебя мы согрѣшили, осудили его! говорили ему мужики:—а онъ вотъ какой!

Въ воскресенье пріѣзжали къ обѣднѣ хуторяне и разсказали кое-кому изъ луговскихъ обывателей о томъ, что произошло у Марка при освященіи новой засѣки. Это еще болѣе оживило толки о новомъ настоятелѣ.

Надо однако сказать, что деревня и не думала приходить къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ. Толки ограничивались большею частью фактами.

— Мирошничихѣ сказалъ: „ты, говоритъ, старуха, выздоравливай; встанешь, заработаешь, поквитаемся, а ежели помрешь, такъ на томъ свѣтѣ сочтемся!“ сообщалъ кто-нибудь.

— Ишь ты какой!.. На томъ, говоритъ, свѣтѣ! Гмъ... замѣчали слушатели.

— Какъ хоронили Прошку, Авдѣихинаго младенца, а Авдѣиха ему тычетъ это четыре пятака. А онъ посмотрѣлъ это, что въ Авдѣихиной хатѣ полтора горшка да полъ-рогача стоитъ, взялъ да и говоритъ: „ладно, спасибо, только я тебѣ сдачи дамъ!“ Пошарилъ онъ въ карманѣ и суетъ ей полтинникъ: „ты, говоритъ, старшему пузырю рыбнаго жиру купи и пускай пьетъ, потому онъ сильно золотушный“.

Digitized by Google

— Чудасія да и только! Умный человѣкъ этого не сдѣлаетъ.

— Это смотря!.. Изъ какой, значитъ, мысли человѣкъ выходитъ.

— А чубатовцамъ приказалъ двѣ рюмки водки пить. „Больше, говоритъ, невозможно“.

— Двѣ рюмки мужику мало. Плевое дѣло!

— Даже черезчуръ мало! Напримѣръ, крестины. Что-жь, двумя рюмками развѣ можно окрестить? Или опять свадьба... Нѣтъ, невозможно!..

Это было осенью. День стоялъ пасмурный, собирался дождь. Кирилъ въ это время былъ на требѣ. Марья Гавриловна только-что поднялась съ постели и едва кое-какъ одѣлась. Въ комнату вошла Ѳекла и объявила:

— Какая-то-съ коляска подъѣхала! Видно, городская! У Марьи Гавриловны сердце сильно забилось. Она выбѣжала на крылечко.

— Мамочка!

И черезъ три секунды она была въ объятіяхъ Анны Николаевны Фортификантовой.

— И это вы рѣшились поѣхать одна въ такую даль?

— Во-первыхъ, и не даль, какихъ-нибудь пятьдесятъ верстъ, а во-вторыхъ, и не одна—съ кучеромъ!

Оказалось, что мать соскучилась по дочери и пріѣхала навѣстить ее. Мура несказанно обрадовалась ей, начала хохотать, прыгать, каждую секунду подбѣгала къ ней, обнимала ее и кончила тѣмъ, что заплакала.

— Это, мамочка, отъ радости!

Анна Николаевна осталась довольна квартирой. Ее нѣсколько оскорбляла Ѳекла, которая сейчасъ-же вступила съ нею въ разговоръ, объявила, что она „бѣдная удова“ и служитъ всѣмъ священникамъ. Когда-же Мура вышла, она подошла поближе къ Аннѣ Николаевнѣ и сказала таинственнымъ голосомъ:—Ужь вы, матушка, обратите вниманіе. Жить не умѣютъ. Другой-бы батюшка уже-бы пару коровъ да десятокъ овецъ имѣлъ, птица-бы своя

Digitized by Google

была, а у нихъ нѣтъ. Срамъ сказать: муку покупаемъ! Батюшка—и вдругъ муку покупаетъ! Никогда этого у насъ не бывало. Я при трехъ настоятеляхъ была, и всегда даже продавали муку. Нѣтъ, вы ихъ научите уму-разуму!

Какъ ни обидно это было для Анны Николаевны, тѣмъ не менѣе она приняла къ свѣдѣнію сообщеніе Ѳеклы. Какъ это въ самомъ дѣлѣ, живя больше двухъ мѣсяцевъ въ приходѣ, который считается богатымъ, ровно ничего не пріобрѣсти?

— Ну, разскажи-же, какъ тебѣ живется! сказала Анна Николаевна.

— Живется хорошо. Я довольна! отвѣтила Мура.

— Нѣтъ, ты объясни, какъ именно. Какъ время проводишь и прочее...

— Время провожу больше съ книжкой. Кирилъ—то въ церкви, то на требѣ, то въ школѣ, то такъ по деревнѣ ходитъ.

— И ты сидишь одна?

— Ну, да, а что-жь такое?

— И знакомыхъ никого? Здѣсь-же есть помѣщица. Я думаю, онъ сдѣлалъ ей визитъ.

— Кто? Кирилъ? Ни за что. Онъ сказалъ: „будетъ дѣло—пойду; а такъ—я не знаю, что она за птица“. Съ семействомъ священника я познакомилась. Шесть дѣвицъ. Совсѣмъ неинтересно.

— Выходитъ, что ты умираешь отъ скуки.

— Кирилъ все говоритъ мнѣ: знакомься съ мужиками; тутъ что ни шагъ, то интересный типъ!

Анна Николаевна разсмѣялась и подумала: „нѣтъ, у него дѣйствительно гвоздь въ головѣ!“

Пришелъ Кирилъ и выразилъ удовольствіе по поводу пріѣзда тещи.—Вотъ вы увидите, какъ здѣсь хорошо, въ деревнѣ, и сами сюда переѣдете, сказалъ онъ.

— Ну, ужь это извините! Этого никогда не дождетесь! съ достоинствомъ отвѣтила Анна Николаевна.

Вопросъ о мѣстѣ жительства въ ея глазахъ отождест-

Digitized by Google

влялся съ вопросомъ о повышеніи и пониженіи. Въ столицу—повышеніе съ увеличеніемъ доходовъ; въ деревню—пониженіе съ уменьшеніемъ таковыхъ; поэтому предположеніе Кирила заключало въ себѣ элементы кровнаго оскорбленія.

Втеченіи дня Анна Николаевна во-очію убѣдилась, что у нихъ дѣйствительно все купленное, и что Ѳекла была права. За всякой мелочью, которая нужна была для кухни—масло, лукъ, картофель,—Ѳекла бѣгала въ лавочку; сливки, поданныя къ чаю, стоили почти столькоже, сколько стоятъ онѣ въ городѣ!

— Послушай, мой дружокъ, вѣдь это очень дорого все стоитъ, ежели каждую мелочь покупать! Развѣ у васъ такіе большіе доходы?

— Кирилъ отдаетъ мнѣ все, что получаетъ, до копѣйки.

— Ну и сколько-же примѣрно въ мѣсяцъ?

— Рублей двадцать, двадцать-пять принесетъ.

— Это весь доходъ? Хорошенькій приходъ, нечего сказать! Спасибо, надѣлили... Это за академію, за магистрантство! Ну, а проживаете вы сколько?

— Рублей пятьдесятъ!

— Откуда-же берете?

Марья Гавриловна смѣшалась и покраснѣла. — Все равно, мамочка! Наши доходы потомъ увеличатся... Мы наверстаемъ!..

Анна Николаевна смотрѣла на нее сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ вдругъ ее осѣнила мысль.

— Я понимаю! гробовымъ голосомъ произнесла она:— ты тронула капиталъ!

— Мамочка, такъ что-же изъ этого? Вѣдь это начало, потомъ пойдетъ лучше, я пополню... Только ему, Кирилу, не говорите, мамочка. Онъ вѣдь не знаетъ. Онъ живетъ какъ младенецъ.

Анна Николаевна ничего не возразила, но при этомъ воинственно сдвинула брови и рѣшила „хорошенько поговорить“ съ зятемъ.

На другой день когда Кирилъ отправился на требу,

Digitized by Google

Анна Николаевна приняла нѣсколько визитовъ. Первой явилась супруга отца Родіона. Это была женщина порядочнаго роста, широкоплечая и толстая. Несмотря на свои пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, она явилась въ свѣтло-розовой шелковой накидкѣ и съ голубой ленточкой въ волосахъ, въ которыхъ впрочемъ не было ни одной сѣдины. Надо однако сказать, что кокетство здѣсь не играло никакой роли. Матушка просто полагала, что ничѣмъ такъ не выразитъ почтеніе къ пріѣзжей соборной протоіерейшѣ, какъ радостнымъ костюмомъ.

— Ужь вы извините, а я къ вамъ съ жалобой на вашего зятя, почти сразу начала матушка.—Помилуйте! Новые обычаи завелъ: съ прихожанъ ничего не спрашиваетъ—„сколько, говоритъ, дашь“. Ну, а они, извѣстно, народъ прожженный, и даютъ грошъ! Повѣрите-ли, мой мужъ на рѣдкость получалъ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а то больше восемьдесятъ, сто, даже до ста-двадцати. А теперь двадцать—двадцить-пять. Чѣмъ-же жить-то? У меня полдюжины дочерей!.. Оно, конечно, это отъ неопытности!.. Молодой человѣкъ, извѣстно! Однако-жь, отчего-бы не прійти къ мужу, къ отцу Родіону, совѣта не спросить... Онъ хотя и настоятель, вашъ зять, а мой мужъ—опытный!

Вслѣдъ за матушкой явились жены діакона и дьячка. Эти даже не рѣшались занять предложенныя имъ мѣста на стульяхъ. Соборная протоіерейша нагнала на нихъ робость. Тѣмъ не менѣе онѣ въ одинъ голосъ объявили, что при тѣхъ скудныхъ доходахъ, какіе пошли съ пріѣздомъ новаго настоятеля, жить невозможно.

— Я сама это понимаю, сама понимаю! говорила въ отвѣтъ Анна Николаевна, взволнованная всѣми этими сообщеніями:—ужь повѣрьте, что это такъ не останется. Я поговорю съ нимъ. Ради дочери поговорю!

Жены, дѣйствовавшія, разумѣется, по довѣренности отъ своихъ смиренныхъ мужей, ушли съ надеждой въ сердцахъ.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, милый зятекъ!

Digitized by Google

сурово сдвинувъ брови, сказала Анна Николаевна Кирилу. Наступали сумерки. Мура сидѣла на крыльцѣ, передъ чайнымъ столомъ, дочитывая главу романа. Анна Николаевна воспользовалась ея отсутствіемъ, чтобы начать и кончить этотъ, какъ она была увѣрена, непріятный разговоръ.

— Я къ вашимъ услугамъ, дорогая Анна Николаевна! сказалъ Кирилъ благодушно. Онъ почти зналъ, о чемъ будетъ рѣчь и въ какомъ тонѣ.

— Не понимаю твоего образа дѣйствій!.. Не понимаю! Только два мѣсяца живешь, а уже кругомъ тебя всѣ недовольны.

— Не всѣ, Анна Николаевна, не всѣ!

— Всѣ. Отецъ Родіонъ крайне недоволенъ; дьячокъ и діаконъ жалуются, что имъ жить не на что. Какъ-же не всѣ?

— А прихожане? Я думаю, что они вамъ не жаловались.

— Стану я разговаривать съ твоими прихожанами! Да это и не важно, довольны они или нѣтъ. Помилуй, братецъ мой, ты распустилъ ихъ! за требы они даютъ, сколько хотятъ, доходы причта втрое уменьшились. Я даже и объяснить этого не могу. Это просто—сумасшествіе какое-то!

— Да вѣдь намъ хватаетъ! Слава Богу, и ѣдимъ, и пьемъ изрядно, и одѣваемся не въ шкуры звѣриныя!

Анна Николаевна вглядѣлась въ него пристально, какъ-бы желая постигнуть, въ самомъ-ли дѣлѣ онъ младенецъ, или только прикидывается такимъ.

— Послушай, Кирилъ! сказала она, понизивъ голосъ:— ежели такъ жить на свѣтѣ, не знаючи, что собственно у тебя подъ носомъ дѣлается, такъ можно завтра и по міру пойти. Доходовъ у тебя—двадцать-пять въ мѣсяцъ, а проживаете вы пятьдесятъ... Понимаешь ты?

Кирилъ посмотрѣлъ на нее исподлобья, покраснѣлъ, какъ-то съежился и крѣпко скомкалъ полу рясы, которою передъ тѣмъ игралъ.

Digitized by Google

— Это все Мура виновата... Я не зналъ! проворчалъ онъ и, быстро поднявшись, прибавилъ:—Благодарю васъ за сообщеніе, Анна Николаевна! Мы это измѣнимъ!

— То-то измѣнимъ! Разумѣется, измѣнить надо!.. Я не къ тому, Кирилъ, говорю, чтобы мнѣ было жалко или что. Только-жь это непремѣнно надо, чтобы на черный день оставалось. Я только такъ, совѣтую.

Кирилъ смотрѣлъ въ окно и молчалъ. Анна Николаевна, убѣдившись, что произвела сильное впечатлѣніе, вышла на крыльцо къ чаю.

— Что вы такъ долго? спросила ее Марья Гавриловна.

— Нѣтъ... Такъ... У меня знаешь, башмакъ узкій... Пока натяну на ногу...

Кирилъ долго оставался одинъ въ комнатѣ. Когда, наконецъ, онъ вышелъ,—было уже темно, и Анна Николаевна не могла разглядѣть выраженіе его лица.

На другой день утромъ теща уѣхала въ городъ, захвативъ съ собою „капиталъ“, чтобы его въ банкъ положить. „Это вѣрнѣе будетъ“, сказала она Мурѣ. Впрочемъ она оставила четыре сотни „на всякій случай“. Уѣзжая, она не сказала Кирилу ни одного наставительнаго слова, полагая, что и такъ довольно.. Мурѣ-же она шепнула, отозвавъ ее въ сторону:

— Я желаю тебѣ, Марія, счастья и надѣюсь, что такъ оно и будетъ. Но въ случаѣ ежели что, сію минуту пріѣзжай ко мнѣ. Все, что у насъ есть, тебѣ принадлежитъ!..

„ Ничего мнѣ не надо. Что-бы ни случилось, я останусь съ Кириломъ!“ подумала Мура, и когда мать отъѣхала, она подошла къ мужу, взяла его подъ руку и тихонько произнесла:

— Ты знаешь, Кирилъ... я...

Она не договорила и покраснѣла. Кирилъ нѣжно поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Бѣдная моя Мурка!..

Digitized by Google

IX.

— Мура! Я хотѣлъ-бы сосчитать, сколько намъ стоитъ жизнь! Это любопытно! сказалъ однажды Кирилъ. Мура догадалась, что это „мамочкино дѣло“; но видя, что онъ дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, а дипломатическимъ, рѣшила и съ своей стороны пустить въ ходъ хитрость.

— Изволь! сказала она, взяла карандашъ и бумагу и принялась громко высчитывать. Пользуясь полнымъ невѣдѣніемъ Кирила, она ставила на все цѣны наполовину меньше. Въ концѣ концовъ вышло, что они проживаютъ около двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, т. е. почти столько-же, сколько зарабатываютъ. Получился даже какой-то остатокъ въ нѣсколько десятковъ копѣекъ.

„Эге! значитъ, Анна Николаевна сказала это такъ себѣ, для острастки!“ подумалъ Кирилъ и разсказалъ Мурѣ о своемъ разговорѣ съ протоіереишей.

— Ты-же видишь эти цифры! чрезвычайно правдивымъ тономъ отвѣтила Марья Гавриловна.

Результатомъ этого разговора было то. что Ѳекла продолжала возмущаться хозяйственными порядками въ домѣ настоятеля и все осталось попрежнему.

Прошло уже четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Кирилъ поселился въ Луговомъ. Отношенія его къ прихожанамъ и къ причту настолько уже опредѣлились, что о. Родіонъ, все время разсчитывавшій, что „молодой человѣкъ въ разумъ придетъ“, однажды сказалъ отцу Симеону и Дементію:

— Нѣтъ, это не молодость, а загвоздка, други мои! Вотъ оно что!

— Именно, отецъ Родіонъ, загвоздка, согласились причетники:—и при томъ каверзная!

— Это надобно перемѣнить! объявилъ о. Родіонъ.

— Обязательно! подтвердилъ причтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, надо было подумать объ этомъ.

Digitized by Google

Луговскіе прихожане не только пользовались новыми порядками, а прямо злоупотребляли ими. Люди далеко не бѣдные давали за большія требы пустяки. Иной за погребеніе совалъ гривенникъ. Сначала для причта это уравновѣшивалось тѣмъ, что въ седьмицу отца Родіона они драли вдвое больше. Но въ послѣднее время прихожане стали хитрить. Они всѣми силами старались оттянуть требы такъ, чтобы онѣ приходились на седьмицу настоятеля, оставляя о. Родіону только самыя неотложныя. Въ эту осень изъ двухъ десятковъ вѣнчаній какихъ-нибудь пять-шесть пришлись на долю о. Родіона; остальныя пошли къ Кирилу. Обычай платить „сколько можешь“ очень понравился луговскимъ прихожанамъ.

Когда о. Родіонъ убѣдился, что „тутъ не молодость, а загвоздка“, онъ одѣлъ парадную рясу и камилавку и въ такомъ оффиціальномъ видѣ отправился къ настоятелю. Уходя, онъ сказалъ матушкѣ, что намѣренъ „хорошенько поговорить съ нимъ“.

Первая увидѣла его Ѳекла. И парадный видъ его, и самый этотъ визитъ показались ей настолько необыкновенными, что она побѣжала въ комнаты и оповѣстила Кирила:

— О. Родіонъ идетъ къ намъ! Въ камилавкѣ и въ новой рясѣ!

— А, милости просимъ!

О. Родіонъ, тяжело ступая и размахивая широкими рукавами рясы, взошелъ на крыльцо. Кирилъ вышелъ къ нему навстрѣчу и ввелъ его въ комнату. Поздоровавшись съ Муроѣ, которая тутъ сидѣла, о Родіонъ грузно сѣлъ и сказалъ:

— А я давненько у васъ не былъ, о. Кирилъ!

— Давненько, давненько! Всего одинъ разъ и были, о. Родіонъ!

— Да и вы у меня не болѣе того, о. Кирилъ!.. Оно, знаете, когда очень близко живешь и часто видаешься, не замѣчаешь!

Сначала казалось, что о. Родіонъ просто хотѣлъ нанести визитъ. Но, сдѣлавъ еще два-три общихъ замѣ-

Digitized by Google

чанія, онъ какъ-то особенно громко откашлялся въ сторону и сказалъ:

— А я къ вамъ собственно по дѣлу, о. Кирилъ!

— А что такое, о. Родіонъ?

— Есть, есть такое дѣло... важное дѣло!

И сказавъ это, онъ взялъ свою бороду лѣвой рукой и приподнялъ ее вверхъ, потомъ выпустилъ и опять-то-же самое продѣлалъ. Мура встала и тихо вышла въ другую комнату. Она поняла, что стѣсняетъ.

— Отецъ Кирилъ, такъ невозможно, невозможно! прямо заявилъ о. Родіонъ:—сами посудите, у меня шесть взрослыхъ дочерей и никто ихъ не сватаетъ... Долженъ-же я промыслить о нихъ, чтобы и прокормить, и одѣть... Наконецъ, и приданое кое-какое сколотить надобно... Вѣдь шестеро ихъ, шестеро...

— Отецъ Родіонъ?!

— Опять-же возьмите вы для примѣра Дементія. У него тоже куча, надобно всѣхъ пристроить къ ученью. Но я вамъ скажу, что даже и не объ этомъ рѣчь, а хотя-бы о томъ, чтобы прокормить ихъ домашними способами. И того нѣту, отецъ Кирилъ...

— Отецъ Родіонъ?!..

— Нѣтъ, ужь вы позвольте, отецъ Кирилъ, дайте мнѣ договорить. Знаете, я неразговорчивъ, мнѣ трудно это, но ежели я уже началъ, такъ сдѣлайте милость! Четыре мѣсяца я ждалъ, что вы сами поймете, анъ вижу, нѣтъ. Ну, что-жь, думаю, отверзи уста! Вотъ и отверзъ. И вы на меня не сердитесь, о Кирилъ, но только, ей-же-ей, такъ невозможно! Невозможно, о. Кирилъ!

— О чемъ это вы говорите, о. Родіонъ? Вы словно на кого-то жалуетесь...

— Именно, жалуюсь! На кого? На васъ, на васъ, о. Кирилъ! Вы рѣшились сдѣлать насъ нищими... До вашего пріѣзда мы не только довольно зарабатывали на прокормленіе свое и прочее тому подобное, но еще и откладывать по малой дозѣ на черный день могли. Теперь-же — страшно сказать! Даже на прокормленіе не

Digitized by Google

хватаетъ. Въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца вы... извините меня, о. Кирилъ... вы распустили прихожанъ въ конецъ, вы испортили приходъ!

— Испортилъ?

— Да, испортили. Луговое считалось лучшимъ изъ сельскихъ приходовъ въ цѣломъ уѣздѣ, а теперь... Теперь это нищенскій приходъ...

Отецъ Родіонъ, вышедшій изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ быть сдержаннымъ и говорить спокойно, не могъ удержать равновѣсія, когда рѣчь зашла о приходѣ. Пятнадцать лѣтъ приходъ былъ предметомъ зависти всего уѣзда, и вдругъ какой-нибудь молокососъ, только что напялившій рясу, начинаетъ мудрить и доводитъ его до такого состоянія, что хоть бросай. И о. Родіонъ возвысилъ голосъ:

— Нѣтъ, о. Кирилъ, это надо оставить. Конечно, вы молоды, неопытны; но когда отъ этой неопытности страдаютъ другіе, можно и совѣта спросить.

— Вы укоряете меня за то, что я не назначаю цѣны за требы, позволяю платить, кто сколько можетъ? спросилъ Кирилъ, такъ какъ о. Родіонъ, наконецъ, остановился.

— Вотъ именно, именно! поспѣшилъ подтвердить о. Родіонъ:—въ этомъ все зло, въ этомъ корень всего зла.

— Но я иначе не могу, о. Родіонъ, не могу. Это противно моей натурѣ, всѣмъ моимъ понятіямъ... Не могу...

— Позвольте, о. Кирилъ, это несправедливо: вы одинъ, а насъ трое и у каждаго семейство. Мы себѣ жили во славу Божію, и никому отъ этого вреда не было. Вдругъ пріѣхали вы и говорите: нѣтъ, это вредно, что они живутъ на свѣтѣ; надобно ихъ сжить со свѣта. Мы—коренные, о Кирилъ, а вы, извините меня, вы—случайный. Мы живемъ, какъ всѣ живутъ, а вы хотите не только сами жить по своему, но чтобъ и мы по вашему жили... Справедливо-ли это?

Кирилъ задумался. Онъ думалъ о томъ, до какой

Digitized by Google

степени понятія его и о. Родіона различны. Вѣдь вотъ онъ даже не пытался объяснять старому священнику свое поведеніе. Пусть думаютъ, что это капризъ, неопытность, все, что угодно, все это они могутъ понять! Но что это цѣлая система, вытекающая совершенно изъ другого взгляда на священство, на призваніе пастыря, этого даже и сказать нельзя было! Сказать это—значило открыто объявить войну.

— Можетъ быть, это и несправедливо, о. Родіонъ, но я иначе не могу, сказалъ онъ задумчиво и съ разстановкой.

— Какъ?! Хотя-бы оно было и несправедливо, вы все-таки будете такъ поступать?

— Да, да, да!.. Я буду такъ поступать, о. Родіонъ, потому что иначе я не могу.

— Но вы не одни. Съ вами связано наше благосостояніе!

Кирилъ всталъ и, нѣсколько раздраженный, заходилъ по комнатѣ.

— Послушайте, почтеннѣйшій о. Родіонъ! Я это предвидѣлъ и просилъ преосвященнаго назначить меня куда-нибудь въ глухую деревеньку, гдѣ я былъ-бы одинъ; но онъ назначилъ меня сюда. Что-жь, я не виноватъ, это не моя воля. А ужь каковъ есть, таковъ и буду... Я вамъ говорю это откровенно, о. Родіонъ, и вы поймете, что это такъ: пріѣхалъ я сюда не для доходовъ. Доходы я могъ-бы имѣть въ городѣ получше вашихъ луговскихъ, когда-бы захотѣлъ. Подумайте-ка, о. Родіонъ: человѣкъ академію хорошо кончилъ, любое мѣсто въ городѣ могъ-бы взять, а поѣхалъ въ деревню! Неужели-же онъ не подумалъ хорошенько о томъ, что дѣлаетъ? И неужели послѣ этого вы будете надѣяться повліять на меня своими доводами?

— Значитъ, брось всякую надежду,—такъ что-ли?

— Нѣтъ, не такъ. Поѣзжайте къ преосвященному и попросите, чтобы онъ перевелъ меня въ другой приходъ, маленькій. Можете прибавить, что я буду радъ.

Digitized by Google

О. Родіонъ поднялся, взялъ шапку и палку и мрачно сказалъ:—До свиданія!

Выходя, онъ подумалъ: „Надо полагать, этотъ ученый академикъ—просто сумасшедшій!“ Дома онъ нашелъ, разумѣется, и дьячка Дементія, и діакона о. Симеона. Они сидѣли въ передней. Волненіе ихъ было такъ сильно, что они не могли даже затѣять разговора, а сидѣли молча и оба смотрѣли въ стѣну. Когда вошелъ о. Родіонъ, они оба встали и сейчасъ-же догадались, что переговоры кончились неудачно. Если-бы это было не такъ, о. Родіонъ сейчасъ-же заговорилъ-бы, сказалъ-бы: „а, вы здѣсь? вотъ это хорошо, кстати!“ А теперь онъ прошелъ мимо и хотя-бы слово, какъ въ ротъ воды набралъ. Минуты черезъ двѣ онъ вышелъ безъ камилавки и сказалъ:

— Дементій, душа моя, сходи-ка, заложи гнѣдого въ бричку... А то моего работника нѣтъ дома. Поѣду къ помѣщицѣ!

„Ага!“ одновременно подумали дьякъ и діаконъ: „дѣло не выгорѣло!“ Дементій пошелъ закладывать гнѣдого, а о. Симеонъ—помогать ему. Черезъ пять минутъ послѣ этого со двора о. Родіона выѣхала бричка, въ которой сидѣлъ о. Родіонъ въ своей парадной формѣ, съ просфорой въ рукѣ. На козлахъ возсѣдалъ Дементій; бричка направилась къ помѣщичьей усадьбѣ.

А о. Симеонъ пошелъ домой. Но уже черезъ какой-нибудь часъ о. Симеонъ опять поспѣшилъ къ о. Родіону, потому что бричка вернулась обратно.

Это было во вторникъ, день не служебный. Часовъ въ шесть этого-же дня къ квартирѣ настоятеля подъѣхалъ верховой, повидимому, объѣздчикъ или приказчикъ изъ экономіи, и, поклонившись Кирилу, который сидѣлъ на крыльцѣ, подалъ ему небольшой запечатанный конвертикъ съ надписью: „Милостивому государю отцу Кирилу Обновленскому“. Кирилъ раскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда визитную карточку, на которой подъ литографированной строчкой: „Надежда Алексѣевна Крупѣева“, было написано чернилами, мелкимъ и твердымъ почеркомъ:

Digitized by Google

„убѣдительно просить отца Кирила пожаловать къ ней по весьма важному дѣлу. Если надо, будетъ немедленно присланъ экипажъ“.

— Да, у меня своихъ лошадей нѣтъ! сказалъ Кирилъ машинально.

— Такъ прикажете, батюшка, сейчасъ прислать? спросилъ верховой.

— Если у госпожи помѣщицы важное ко мнѣ дѣло, то разумѣется!

— Такъ мы сейчасъ!

Верховой повернулъ назадъ и ускакалъ. „Весьма важное дѣло?“ раздумывалъ Кирилъ: „что-бы это могло быть? развѣ треба какая-нибудь? Тогда-бы сказали. Надоже облаченіе взять и причетника“.

— Какъ думаешь, Мура, что-бы это могло быть такое?

— По моему вотъ что: о. Родіонъ успѣлъ пожаловаться на тебя помѣщицѣ, вотъ она и зоветъ тебя для внушенія...

Кирилъ разсмѣялся:—Что такое? Для внушенія? Что-же она за благочинный такой? Знаешь что, Мура? Я думаю, лучше не ѣздить къ ней...

— А по моему надо ѣхать. Ты обѣщалъ, пришлютъ экипажъ... Могутъ подумать, что ты струсилъ. Притомъ, вѣдь это только предположеніе... Можетъ быть, у нея, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь важное. А главное, Кирилъ... Я давно хотѣла сказать тебѣ...

— Ну? что такое?

— Ну, вотъ ты познакомишься съ нею и меня познакомишь, — все-таки будетъ человѣкъ, съ которымъ можно двумя словами перекинуться... А то вѣдь я совсѣмъ одна.

Экипажъ помѣщицы не заставилъ долго ждать себя. Кирилъ надѣлъ рясу и причесалъ волосы, которые успѣли уже сильно отрости, и поѣхалъ. Помѣщичій домъ стоялъ верстахъ въ трехъ отъ церкви, особнякомъ отъ села. Это былъ цѣлый небольшой хуторъ, состоявшій изъ построекъ

Digitized by Google

для рабочихъ, для скота, для склада зерна, для кузни и т. п. Самый-же домъ, въ которомъ жила помѣщица, едва мелькалъ своей почернѣвшей отъ времени крышей сквозь вѣтви садовыхъ деревьевъ. Садъ былъ огромный, но какой-то безалаберный и сильно запущенный.

Экипажъ въѣхалъ въ ворота, проѣхалъ садомъ и подкатилъ къ крыльцу помѣщичьяго дома. Какая-то чисто одѣтая баба, которую Кирилъ не разъ видѣлъ въ церкви, стояла на ступенькахъ крыльца, кланялась и говорила: „пожалуйте, батюшка, барыня васъ дожидаются!“ Когда Кирилъ сталъ подыматься на крыльцо, баба взяла у него благословеніе. Затѣмъ она повела его въ комнаты. Пройдя черезъ нѣсколько обширныхъ комнатъ, почти пустыхъ, онъ вошелъ въ столовую и остановился на порогѣ. Небольшой круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью и уставленный посудой, стоялъ по срединѣ. На немъ стоялъ кипящій самоваръ. За столомъ на высокомъ стулѣ сидѣлъ черноглазый мальчуганъ лѣтъ шести, а рядомъ сама Надежда Алексѣевна Крупѣева, которую Кирилъ видѣлъ въ церкви въ первый день своего служенія. Она тотчасъ-же поставила на столъ сливочникъ, быстро поднялась и пошла ему навстрѣчу:

— Я очень рада, что вы согласились пріѣхать! сказала она звонкимъ радушнымъ голосомъ. Ея смуглое лицо было привлекательно, въ темныхъ глазахъ свѣтился умъ; почти высокаго роста, стройная, она держалась ровно и даже, какъ показалось Кирилу, немножко задорно. Въ общемъ она произвела на него благопріятное впечатлѣніе. На видъ ей было лѣтъ тридцать.

— Мнѣ сказали, что у васъ важное дѣло!

— Да, если хотите! Прошу васъ, садитесь пожалуйста... Я налью вамъ чаю... Это мой сынишка!

Кирилъ поклонился и сѣлъ. Мальчуганъ оставилъ чай и съ удивленіемъ глядѣлъ на гостя въ длинной рясѣ и съ длинными волосами.

— Это священникъ, мой милый! онъ первый разъ видитъ такъ близко священника! пояснила хозяйка и

Digitized by Google

продолжала:—Да, есть важное дѣло. Видите-ли, у меня нѣсколько часовъ тому назадъ былъ о. Родіонъ, вашъ помощникъ.

— И жаловался вамъ на меня! съ улыбкой сказалъ Кирилъ.

— И жаловался на васъ. Онъ говоритъ, что вы распустили прихожанъ, что съ вашимъ пріѣздомъ причтъ впалъ въ бѣдность...

— И вы пригласили меня за тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ достодолжное внушеніе.

— Боже меня сохрани... и совершенно напротивъ! отвѣтила Крупѣева, отчеканивая каждое слово.

Кирилъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Напротивъ? Значитъ, вы одобряете мой образъ дѣйствій?

— Н-не совсѣмъ... Но объ этомъ послѣ. Отцу Родіону я обѣщала поговорить съ вами. Онъ очень, очень былъ взволнованъ. Конечно, онъ на этомъ не остановится и поѣдетъ къ архіепископу. Вы должны имѣть это въ виду.

— Я?

— Ну, да.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго и никого не боюсь!

— Вотъ вы какой! Скажите, это правда, что вы кончили академію и очень ученый?

— Что я кончилъ академію—правда, а что очень ученъ—разумѣется, не правда.

Помѣщица поставила передъ нимъ стаканъ чаю и указала на сливки и хлѣбъ:—пожалуйста, прошу васъ!..

— Благодарю. Я привыкъ пить чай съ женой.

— Вы меня познакомьте съ нею! Позвольте заѣхать къ ней?

Кирилъ поклонился и прибавилъ:—Она будетъ очень рада! Вѣдь она одна здѣсь!

— Вотъ и отлично! Я завтра-же буду у нея... Ну-съ,

Digitized by Google

а насчетъ вашего причта какъ вы полагаете? Думаете вы, что это неосновательная претензія?

— Я этого не думаю. Дѣйствительно, они теперь зарабатываютъ очень мало. Пожалуй, что имъ, при ихъ семействахъ, и не хватаетъ. Но я не могу допустить тѣхъ коммерческихъ пріемовъ, какіе практикуются.

— Знаете что? Можно было-бы помочь горю... Если-бы, напримѣръ, выдавать причту постоянное, опредѣленное жалованье?!

— Откуда?

— Ну, хотя-бы изъ моихъ средствъ!

— Почему-же вы на меня смотрите съ такимъ изумленіемъ?

— Да какъ-же? Съ какой стати вамъ давать свои средства на подобное, чуждое вамъ, дѣло? Развѣ это не удивительно?

— Вотъ видите, какой вы! Первый разъ у меня въ домѣ и уже обижаете меня.

Она сказала это съ шутливой строгостью, какъ говорятъ съ хорошо знакомыми людьми. Кирилъ смѣшался. Онъ вообще былъ невысокаго мнѣнія о своемъ умѣньѣ разговаривать съ дамами и легко допускалъ, что въ самыхъ простыхъ его словахъ могли отыскать то, чего онъ и не думалъ говорить.

— Извините, можетъ быть, я не такъ выразился.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пошутила, поспѣшила замѣтить хозяйка, видя его смущеніе.—Я только хочу сказать, отчего вы не допускаете во мнѣ искренняго желанія помочь хорошему дѣлу. Ну, хотя-бы отъ скуки?!

Она разсмѣялась. Кирилъ возразилъ серьезно:—Нѣтъ, не то. Я только не думалъ, что это дѣло вамъ покажется хорошимъ.

Они условились въ другой разъ произвести точный разсчетъ. Теперь-же было рѣшено въ принципѣ, что Надежда Алексѣевна Крупѣева назначитъ изъ своихъ средствъ опредѣленное жалованье причту съ условіемъ отказаться

Digitized by Google

отъ всякихъ доходовъ. Затѣмъ помѣщица обѣщала завтра заѣхать къ Мурѣ и познакомиться.

Кирилъ возвратился домой въ радостномъ настроеніи. Пріѣхавъ сюда съ единственной цѣлью „поработать ближнему“, онъ въ глубинѣ души страдалъ, видя, что плодомъ этой работы было недовольство его сотрудниковъ. Теперь причины этого недовольства будутъ устранены. „Я всегда думалъ, что на свѣтѣ есть хорошіе люди!“ размышлялъ онъ, а когда пріѣхалъ домой, принялся расхваливать Крупѣеву передъ Мурой. Мура была очень довольна, что завтра начнется знакомство съ живымъ человѣкомъ.

X.

Надежда Алексѣевна Крупѣева уже около пяти лѣтъ жила безвыѣздно въ Луговомъ.

Огромный, запущенный садъ, въ которомъ стоялъ каменный домъ съ потускнѣвшими отъ времени стѣнами, съ покоробившейся крышей, считался нѣкогда образцовымъ. Въ немъ были густыя аллеи широко разросшейся сирени; не мало насчитывалось тѣнистыхъ уголковъ, тщательно воздѣланныхъ зеленыхъ полянокъ, поэтическихъ бесѣдокъ, задрапированныхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ. Садъ славился вишней-шпанкой, которая была извѣстна и въ губернскомъ городѣ подъ именемъ „крупѣевской“ и бралась на-расхватъ. Не мало въ немъ было яблонь и грушъ; водился даже виноградъ и воздѣлывалась малина.

Все это было до освобожденія, когда жилъ и владѣлъ Луговымъ отецъ Надежды Алексѣевны, старикъ Крупѣевъ, страстный хозяинъ, умѣвшій извлекать пользу изъ земли и изъ людей. Особенною его любовью пользовался садъ, для котораго онъ держалъ ученаго и дорогого садовника изъ нѣмцевъ. Зато и уходъ былъ за этимъ садомъ, „какъ за живымъ человѣкомъ“. Садъ былъ раздѣленъ на небольшіе участки и къ каждому участку былъ приставленъ человѣкъ, который своей шку-

Digitized by Google

рой отвѣчалъ за каждое деревцо, за порядокъ, чистоту и даже за плодородіе земли въ его участкѣ.

Старики Крупѣевы умерли лѣтъ черезъ пять послѣ освобожденія. Огорченіе свело ихъ въ могилу одного за другимъ. Имѣніе перешло къ сыну Андрею, который при новыхъ порядкахъ пошелъ по земской службѣ и былъ мировымъ судьей въ уѣздѣ. При немъ хозяйство изъ года въ годъ шло на убыль. Этотъ болѣзненный и нервный человѣкъ любилъ природу, любилъ поля, заросшія зеленой травой, и желтѣющую ниву, и тѣнистый садъ, но любилъ все это какъ художникъ, способный по цѣлымъ часамъ заглядываться на красивые пейзажи и совершенно неспособный возиться со всѣмъ этимъ. Огромное имѣніе давало, разумѣется, изрядный доходъ, но не было и половины того, что оно могло дать. Андрей этого не замѣчалъ, вполнѣ довольный, что доходовъ, хватаетъ на всѣ нужды. Половину онъ проживалъ, растрачивая деньги вполнѣ безалаберно, ничего не пріобрѣтая и не доставляя удовольствія ни себѣ, ни другимъ. Другая-же половина шла сестрѣ, Надеждѣ Алексѣевнѣ, которая жила въ Москвѣ у обѣднѣвшей тетки по отцу, содержа на свои средства и тетку, и ея многочисленное семейство.

Надеждѣ Алексѣевнѣ было двадцать два года, когда она получила извѣстіе о смерти брата. Андрей Крупѣевъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ роду, позабывъ жениться, и Надежда Алексѣевна оказалась единственной владѣлицей огромнаго имѣнія. Перемѣну эту она почувствовала съ самой невыгодной стороны. До сихъ поръ она получала отъ брата готовыя деньги; теперь надо было думать о томъ, что дѣлать съ имѣніемъ. Тамъ не было никого, кому можно было довѣриться. Молодая дѣвушка ничего въ дѣлахъ не понимала. Въ Луговое ее вовсе не тянуло: съ восьми лѣтъ она привыкла къ большому, шумному городу, такъ какъ старики послѣ освобожденія безвыѣздно жили въ Москвѣ. Здѣсь она получила образованіе, сначала подъ строгимъ надзоромъ отца, а потомъ на полной волѣ, потому что вполнѣ зависѣвшая отъ нея

Digitized by Google

тетка не смѣла при ней возвысить голоса и по-неволѣ потакала всѣмъ ея прихотямъ.

Развитіе ея шло капризно, находясь въ полной зависимости отъ ея нервной и своеобразной натуры. При старикахъ она прилежно готовила уроки, вела себя тихо и скромно и переходила изъ класса въ классъ въ числѣ лучшихъ ученицъ. Послѣ ихъ смерти затосковала и втеченіи цѣлаго года не брала въ руки книжки и осталась на другой годъ въ томъ-же классѣ. Въ четырнадцать лѣтъ она какъ-бы проснулась и вдругъ, къ удивленію тетки, оказалась дѣвочкой живой и даже взбалмошной. Ея способности какъ-то вдругъ обострились; явилась какая-то почти неестественная любознательность; она съ одинаковымъ рвеніемъ набрасывалась на учебники и на всякаго рода книги, какія попадались подъ руку. Она заставила тетку записаться въ библіотекѣ и поглощала книгу за книгой до одурѣнія. Въ семьѣ тетки, гдѣ много было дѣтей всѣхъ возрастовъ, она тѣмъ не менѣе чувствовала себя вполнѣ одинокой. Это происходило оттого, что ее, какъ источникъ благосостоянія всей семьи, на каждомъ шагу отличали, стараясь предоставить разныя преимущества: лучшій кусокъ, болѣе дорогую одежду, болѣе удобную комнату, постель помягче, и кромѣ того все семейство старалось выразить передъ ней любовь и преданность. Впечатлительная дѣвочка замѣчала это и мало - по - малу усвоила взглядъ на себя, какъ на существо особенное и во всякомъ случаѣ высшее, чѣмъ окружавшее ее потомство тетки. Съ теченіемъ времени изъ этого сознанія вышло почти явное презрѣніе къ роднѣ. Большую часть времени, свободнаго отъ гимназическихъ занятій, она проводила въ своей комнатѣ наединѣ съ книгами, къ которымъ привязалась до болѣзненности. Знакомые тетки не интересовали ея, она почти не замѣчала ихъ, а другихъ пріобрѣсти она не имѣла возможности. И вотъ въ семнадцать лѣтъ, когда она кончила гимназію и была уже почти совершенно сформировавшейся дѣвушкой, она оказалась одинокой, съ своей диковатой

Digitized by Google

натурой, чуждавшейся какого-бы то ни было общенія съ людьми, хоатическимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ было все, кромѣ того, что было пригодно для жизни, съ ясно сознаннымъ презрѣніемъ къ людямъ, которые ее окружали и были единственными близкими людьми.

Послѣ гимназіи началось томленіе. Гимназія отнимала у нея большую часть дня, и теперь она увидѣла, что у нея слишкомъ много времени. Случайно завязались два-три знакомства, случайно-же она попала на курсы, которые тогда только зарождались и вызывали много разговоровъ. Но знакомства ея не шли дальше первыхъ. Тотъ взглядъ на людей, который она усвоила себѣ въ семьѣ тетки, она невольно перенесла и сюда, смотрѣла на людей недовѣрчиво и ни съ кѣмъ не сходилась. Курсы тоже мало удовлетворяли ее. Привыкнувъ учиться по книжкамъ, которыя можно было прочитывать въ одинъ присѣстъ, она тяготилась той основательной медленностью, съ которой преподавалась наука, распадавшаяся на отдѣлы, части, лекціи. Систематичность и послѣдовательность возмущали ее. Она не могла безъ досады слышать обычную фразу, которой начиналась почти каждая новая лекція: „въ предъидущей лекціи мы остановились на томъ-то“. Зачѣмъ остановились? Она не выносила этихъ остановокъ. Познакомившись на первой лекціи съ началомъ предмета, она хотѣла-бы тутъ-же, не вставая съ мѣста, исчерпать его до конца. Кончалось тѣмъ, что она подъискивала подходящія книги, зарывалась въ нихъ и охладѣвала къ „курсу“. Однимъ словомъ, курсы, которые для другихъ были откровеніемъ и въ то-же время служили вдобавокъ для сближенія разрозненныхъ людей, для нея оказались ничѣмъ и только раздражали ее.

Извѣстіе о смерти брата застало ее въ состояніи полнаго недовольства собой и окружающей жизнью. Нервы ея были расшатаны. Не было никого, съ кѣмъ-бы она могла поговорить по душѣ, потому что она никому не довѣряла и ни съ кѣмъ не сблизилась. Она всѣмъ своимъ

Digitized by Google

существомъ жаждала какой-нибудь перемѣны. Съ этимъ извѣстіемъ перемѣна сама собой приходила. Надо было что-нибудь дѣлать съ имѣніемъ.

Къ этому времени старшій сынъ тетки успѣлъ уже побывать въ полку и выйти оттуда въ отставку, въ чинѣ подпоручика, противъ всякаго однако-жь желанія. Онъ-то и почувствовалъ вдругъ влеченіе къ сельскому хозяйству и поѣхалъ на югъ, въ Луговое.

Потомство тетки къ этому времени было разсортировано по разнымъ угламъ: тотъ женился, та вышла замужъ, кто былъ опредѣленъ въ пансіонъ. Въ домѣ сдѣлалось еще скучнѣе, чѣмъ прежде. Хотя она и очень мало соприкасалась съ жизнью этого семейства, но по крайней мѣрѣ въ домѣ былъ несмолкаемый шумъ, который не могъ миновать ее и къ которому она привыкла. И въ это именно время ей пришла въ голову мысль о томъ, что есть еще огромный міръ, котораго она совсѣмъ не знаетъ, и, можетъ быть, этотъ міръ придется ей больше по вкусу, чѣмъ тотъ, который окружалъ ее. Не привыкшая ни у кого спрашиваться и ни съ кѣмъ совѣтоваться, она смотрѣла на каждую свою мысль какъ на рѣшеніе. Въ одинъ мигъ было рѣшено, что она поѣдетъ за-границу, а черезъ двѣ недѣли она уже была въ Германіи, конечно въ сопровожденіи тетки, которой она почти приказала ѣхать. Тетка не могла ослушаться, потому что это значило-бы оставить на произволъ судьбы не только племянницу, но и ея доходы.

Около двухъ лѣтъ Надежда Алексѣевна таскала за собой старуху, останавливаясь недѣли на двѣ, на три, то въ Берлинѣ, то въ Гамбургѣ, то въ Вѣнѣ, то перескакивая вдругъ въ Мадридъ, а оттуда возвращаясь въ Аѳины. Все это было ново и интересно, но ни одно впечатлѣніе не западало въ душу молодой дѣвушки настолько, чтобы всецѣло овладѣть ею, увлечь ее въ ту или другую сторону. Она все еще никому и ничему не принадлежала, находясь во власти собственнаго одиночества и глубокаго недовольства. Старухѣ была не по

Digitized by Google

силамъ эта порывистая скачка изъ одного угла Европы въ другой, и она стонала, но втихомолку, боясь, чтобы взбалмошная племянница не сказала ей: „ну, такъ поѣзжайте въ Москву, а я одна останусь!“ Поэтому она искренно обрадовалась, когда онѣ засѣли въ Римѣ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Надежда Алексѣевна съ непонятнымъ и пришедшимъ такъ-же внезапно, какъ и всѣ другія ея увлеченія, жаромъ посѣщала музеи и окрестности вѣчнаго города, изучая то и другое съ основательностью ученаго, со справками и руководствами подъ рукой. Казалось, этотъ новый для нея міръ давно минувшаго поглотилъ ее, но этого увлеченія хватило только на полгода, а тамъ опять пришли недовольство и апатія. Старой теткѣ пришлось опять укладывать вещи.

Онѣ поѣхали въ Парижъ.

Тутъ кончается исторія странствованія Надежды Алексѣевны Крупѣевой. То, что произошло въ Парижѣ и послѣ него, можетъ быть разсказано въ двухъ словахъ: до двадцати четырехъ лѣтъ она не думала о любви; въ ея голову не западала мысль о томъ, что она можетъ принадлежать какому-нибудь мужчинѣ. Казалось, что въ ея жилахъ текла холодная кровь—до такой степени ей чужда была эта мысль. Случайные ухаживатели, которые попадались ей въ Москвѣ и заграницей, казались ей нахалами, и ничего отъ нея не слышали, кромѣ дерзостей. Но это проснулось въ ней такъ-же внезапно, какъ и все, что она переживала, и овладѣло ею съ такой силой, какую только могла проявить ея нервная и почти дикая натура. Это совпало съ ея знакомствомъ съ m-r Тенаръ, который оказался на два года моложе ея и по внѣшности обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться предметомъ первой любви двадцати-четырехлѣтней дѣвушки, никогда не любившей. Высокаго роста, изящный, съ открытымъ, очень красивымъ лицомъ, смуглая блѣдность котораго какъ-бы говорила о пережитой душевной борьбѣ, юный инженеръ подкупалъ своею веселостью и искренностью.

Digitized by Google

Старая тетка рѣшительно не могла понять, какъ это могло случиться, что черезъ какихъ-нибудь три недѣли знакомства Надежда Алексѣевна Крупѣева превратилась въ m-me Тенаръ и уже жила своимъ маленькимъ домомъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Парижа.

Немного понималъ въ этой исторіи и m-r Тенаръ. Красивая русская дѣвушка остановила его вниманіе, и онъ совершенно искренно сталъ ухаживать за нею. Видя ея крайнее увлеченіе, онъ предложилъ ей замужество, потому что она была очень богата. Родные его вполнѣ раздѣляли этотъ взглядъ и одобряли. Это была буржуазная семья средняго состоянія, перебивавшаяся на какихъ-нибудь три тысячи франковъ годового дохода. Вступленіе въ семью богатой русской помѣщицы было всѣмъ по вкусу. Едва они поселились втроемъ, т.-е. Надежда Алексѣевна съ мужемъ и тетка, какъ началось постепенное переселеніе къ нимъ всѣхъ Тенаровъ. Тетка приходила въ ужасъ, разводила руками, но ничего не могла подѣлать, потому что племянница была неприступна. Надежда Алексѣевна какъ будто ничего не замѣчала. Она всецѣло отдавалась своему новому чувству, постоянно проводя время съ мужемъ, не отпуская его ни на шагъ. Парижъ, который они осматривали вдвоемъ, для нея весь сосредоточивался въ любимомъ человѣкѣ. Въ театрѣ-ли, въ экипажѣ-ли, во время прогулки, она, казалось, глядѣла не на окружающій міръ, а на отраженіе этого міра въ глазахъ ея мужа. На новую родню она смотрѣла поверхностно и какъ будто не обращала на нее вниманія. Это продолжалось около года. Она родила сына и встала съ постели совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Словно этимъ актомъ рожденія она закончила циклъ своей любви; она поднялась трезвая, холодная и сумрачная и сразу съ невыразимымъ презрѣніемъ отнеслась къ семейству Тенаровъ, по-хозяйски населявшему ея квартиру. Съ какой стати? Что они ей, эти чужіе люди, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго, кромѣ ея

Digitized by Google

состоянія, которое они, къ ужасу тетки, такъ развязно дѣлили? Болѣе другихъ чужимъ показался ей мужъ. Она только теперь, когда глаза ея прояснились, разглядѣла его и увидѣла передъ собой обыкновеннаго, ограниченнаго, разсчетливаго буржуа, для сочувствія которому въ ея сердцѣ не было ни одной струны! Результатомъ этого открытія былъ большой скандалъ. Она попросила Тенаровъ оставить ее въ покоѣ, взяла ребенка и уѣхала въ Россію, не сказавъ даже мужу объ этомъ ни слова. Она пріѣхала вмѣстѣ съ теткой прямо въ Луговое, гдѣ нашла управляющаго-кузена, изнывавшаго отъ aelirium tremens, отправила его вмѣстѣ съ теткой въ Москву, пообѣщавъ помогать имъ, и поселилась безвыѣздно въ старомъ домѣ посреди запущеннаго сада. Здѣсь она вся сосредоточилась на воспитаніи сына, ни съ кѣмъ не знакомилась, никого не принимала. Черезъ полгода послѣ отъѣзда ея изъ Парижа въ Луговое пріѣхалъ молодой Тенаръ; она приняла его вѣжливо, позволила прожить въ отдѣльномъ флигелѣ недѣлю, затѣмъ снабдила его деньгами и попросила больше не пріѣзжать. Потомъ она вошла въ дѣятельную переписку съ однимъ московскимъ адвокатомъ и ко времени знакомства къ Кириломъ со дня на день ждала развода.

Черезъ недѣлю послѣ знакомства Кирила съ помѣщицей, о. Родіонъ получилъ отъ помѣщицы приглашеніе пожаловать къ ней. Онъ ѣхалъ туда съ надеждой, что Крупѣевой удалось уломать Кирила. Причтъ ожидалъ у него, лелѣя ту-же надежду. Но не прошло и часа, какъ онъ возвратился домой гнѣвный и красный отъ волненія. Дьякъ Дементій даже не посмѣлъ распрашивать, а просто пошелъ къ бричкѣ и сталъ помогать кучеру выпрягать лошадь. Діаконъ-же, о. Симеонъ, отошелъ къ сторонкѣ и, скрестивъ на своей впалой груди худенькія рученки, смиренно смотрѣлъ на Дементія и кучера. Вотъ одна изъ дочерей о. Родіона вы-

Digitized by Google

несла стулъ и поставила его во дворѣ, неподалеку отъ порога. Вышелъ о. Родіонъ, одѣтый уже по домашнему, т.-е. въ курткѣ и клѣтчатыхъ штанахъ. Онъ сѣлъ и такъ посмотрѣлъ на діакона и Дементія, что тѣ сейчасъ-же подошли къ нему.

— Радуйся, Христово воинство! Тебѣ великая корысть будетъ! сказалъ о. Родіонъ, не глядя на нихъ и такимъ тономъ, что воинство и не думало радоваться.

— Н-да... Ужь должно быть, что корысть?... съ горькой ироніей проговорилъ дьякъ Дементій.

— А какъ-же? Не вѣрите? А вотъ-же вамъ: помѣщица изъ своихъ средствъ даетъ намъ постоянное жалованье. Мнѣ и настоятелю по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, отцу Симеону тридцать, а тебѣ, Дементій, двадцать пять. Довольны вы? а?

Причтъ, очевидно, не совсѣмъ понялъ и стоялъ въ молчаливомъ недоумѣніи.

Что можно было, въ самомъ дѣлѣ, сказать на это, когда луговской приходъ въ самые слабые мѣсяцы доставлялъ причту вдвое болѣе, а въ зимнее время, когда народъ женился, выходилъ замужъ, молебствовалъ и т. п., попадались и такіе мѣсяцы, когда даже дьякъ Дементій зарабатывалъ до семидесяти рублей. Это была насмѣшка, обида, что угодно, только не серьезное предложеніе. Отказаться отъ дохода, отъ права запрашивать и торговаться,—это значило отдаться въ полную власть прихожанамъ и безпрекословно исполнять всѣ требы.

Такъ какъ причтъ не отвѣчалъ на его ироническій вопросъ, да и отвѣтъ былъ ясенъ, то о. Родіонъ больше не спрашивалъ, а прямо заявилъ:—Завтра-же ѣду къ преосвященному... Завтра-же! Что онъ тутъ мутитъ? По міру насъ пустить хочетъ? Надо его подрѣзать!

Но тутъ возникло одно затрудненіе. Для того, чтобы поѣхать въ городъ, надо было не то, чтобъ отпроситься, а просто заявить объ этомъ настоятелю. О. Родіонъ до того былъ озлобленъ противъ Кирила, что ни за что не хотѣлъ идти къ нему и даже встрѣчаться съ нимъ.

Digitized by Google

Онъ рѣшилъ написать ему. Вынесли на дворъ чернильницу и бумагу, и онъ тутъ-же, въ присутствіи причта и вдобавокъ еще матушки, которая вышла вся красная отъ негодованія, написалъ:

„Почтеннѣйшій и достолюбезнѣйшій отецъ Кирилъ! По домашней моей собственной надобности имѣю неотложную нужду въ отлучкѣ въ губернскій городъ. О чемъ почитаю себя обязаннымъ увѣдомить ваше благословеніе. Съ почтеніемъ іерей Родіонъ Манускриптовъ“.

Письмо было запечатано въ пакетъ огромной сюргучной печатью и, по надписаніи полнаго титула, отправлено Кирилу съ церковнымъ сторожемъ. Прочитавъ это посланіе, Кирилъ посмотрѣлъ на него какъ на простое извѣщеніе; ему и въ голову не пришелъ тайный смыслъ этихъ простыхъ словъ. Самъ онъ чрезвычайно былъ радъ участію, которое приняла помѣщица въ нуждахъ причта, и ему лично пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ казались прекраснымъ содержаніемъ. Зато, какъ онъ ликовалъ при мысли, что теперь уже въ его приходѣ не будетъ торговли церковными требами—и что самое главное—причтъ не будетъ имѣть никакихъ поводовъ къ претензіямъ! Онъ рѣшилъ предварительно поговорить объ этомъ съ о. Родіономъ и объявить о новомъ положеніи прихожанамъ въ церкви, въ ближайшее воскресенье.

На другой день, едва стало свѣтать, о. Родіонъ выѣхалъ со двора. Утро было холодное, дулъ изрядный вѣтеръ съ сѣвера. О. Родіонъ былъ въ теплой касторовой рясѣ съ приподнятымъ воротникомъ, который сверху былъ повязанъ темнокоричневымъ гаруснымъ шарфомъ, въ высокой, въ родѣ бобровой, шапкѣ и въ глубочайшихъ галошахъ, на теплой подкладкѣ, совсѣмъ по зимнему. Онъ выѣхалъ парой, разсчитывая къ обѣду быть въ городѣ, отдохнуть, собраться съ мыслями, а завтра къ архіерею. Изъ-за высоко приподнятаго воротника видны были только круглые глаза съ надвинутыми густыми бровями, сурово смотрѣвшіе прямо въ спину

Digitized by Google

кучеру. Собираясь къ архіерею, о. Родіонъ всю ночь не спалъ, сильно волнуясь и обдумывая ту рѣчь, какую онъ смиренно поведетъ... „Положимъ, я не ученъ, разсуждалъ онъ, но я старъ и ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ. Долженъ онъ обратить вниманіе на мои слова“.

Въ городѣ онъ остановился у своего стараго пріятеля діакона купеческой церкви, Авксентія Лучкова. Они были товарищами по семинаріи, обоихъ ихъ изрядно сѣкли въ старой бурсѣ за лѣность, и ради этого-же порока обоихъ разомъ уволили, когда они, посидѣвъ по два двухлѣтія въ философскомъ классѣ, собрались возсѣсть тамъ-же на третье. О. Родіону удалось впрочемъ скоро пролѣзть въ іереи, а Лучковъ очень скоро потерялъ жену, вслѣдствіе чего остался вѣчнымъ діакономъ. Это былъ очень длинный и очень тонкій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, на которомъ было убійственно мало волосъ. О. Авксентій, въ качествѣ вѣчнаго вдовца, сильно выпивалъ съ горя, но имѣлъ настолько благоразумія, чтобы пить только двѣ недѣли въ мѣсяцъ, когда бывали не его седьмицы.

Манускриптовъ попалъ какъ разъ въ неседьмичную недѣлю; поэтому сколько ни старался онъ втолковать пріятелю, въ чемъ заключается его горе, тотъ ничего не могъ понять и каждыя пять минутъ, прикладываясь къ водкѣ, спрашивалъ:

— Чего- же ты, Родя, къ преосвященному пойдешь?

А затѣмъ прибавлялъ: — Охота-жь тебѣ! Я вотъ сколько діаконствую, а ни разу не былъ... Зачѣмъ? Вотъ теперь меня никто не замѣчаетъ и я живу себѣ, а ежели пойду, покажусь на глаза, сейчасъ замѣтятъ: „ахъ ты, красная рожа! подавай за штатъ!“ Я того держусь мнѣнія, что нашему брату надлежитъ стараться, чтобы его не замѣчали...

Но о. Родіонъ держался другого мнѣнія и на другой день къ восьми часамъ утра былъ уже въ пріемной у архіерея вмѣстѣ съ толпой просителей. Онъ былъ въ сѣренькой, довольно потертой рясѣ, чтобы вѣрнѣе обратить

Digitized by Google

вниманіе на свою бѣдность, и въ камилавкѣ. Старыя ноги его дрожали отъ робости, сердце ускоренно билось. По мѣрѣ приближенія того часа, какъ долженъ былъ выйти архіерей, туманъ все больше и больше застилалъ его мысли. По временамъ онъ какъ-бы терялъ изъ памяти суть своего дѣла, и ему казалось, что на обычный вопросъ преосвященнаго: „что тебѣ, отецъ?“ онъ не будетъ въ состояніи отвѣтить ни одного слова. Когда-же въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ пріемной шелковою темнокоричневой портьерой, послышались мягкіе звуки приближающихся архіерейскихъ туфлей, о. Родіонъ почувствовалъ, что его тошнитъ отъ страха и даже слегка качнуло въ сторону.

Наконецъ, портьера раздвинулась и вошелъ преосвященный въ шелковомъ свѣтломъ кафтанѣ, въ маленькой скуфьѣ и съ неизмѣнными четками въ рукахъ. Покачивая своей сѣдой бородкой, онъ началъ справа и подошелъ къ какому-то церковному старостѣ, который просилъ о похвальномъ листѣ. О. Родіонъ стоялъ третьимъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что съ той минуты, какъ архіерей вошелъ въ пріемную, у него исчезъ всякій страхъ, какъ это всегда бываетъ въ самую критическую минуту. Осталось только утомленіе отъ пережитаго волненія, и намѣсто прежняго тумана выступило совершенно ясное представленіе о томъ, что онъ скажетъ архіерею.

Дошло и до него. Преосвященный пристально вглядѣлся въ него и сказалъ шутливымъ тономъ:

— Ты мнѣ незнакомъ, отецъ. Видно, тебѣ ладно живется, что ко мнѣ не заглядывалъ!

— Безъ нужды не имѣю обыкновенія безпокоить ваше преосвященство! твердо сказалъ о. Родіонъ и прибавилъ:— я священникъ Родіонъ Манускриптовъ!

— Откуда?

— Изъ мѣстечка Лугового!

— Мѣстечко Луговое... Луговое... Что-то весьма знакомое, а не припомню. Что-же тебѣ надобно, отецъ Родіонъ Манускриптовъ? Фамилія у тебя хорошая, звучная!

Digitized by Google

— Изъ того самаго мѣстечка Лугового, ваше преосвященство, куда вамъ благоугодно было послать настоятелемъ священника Обновленскаго, изъ академиковъ, пояснилъ о. Родіонъ.

— Обновленскій!.. Кирилъ, Кирилъ? воскликнулъ архіерей, и лицо его оживилось пріятной улыбкой:—этого я знаю. Магистрантъ, умница такой и хорошій христіанинъ!

Этотъ отзывъ сразу повергъ о. Родіона въ уныніе. Онъ никакъ не ожидалъ, что Кирилъ на такомъ хорошемъ счету у архіерея. Напротивъ, онъ даже былъ склоненъ думать, что его, магистранта, не даромъ-же заслали въ деревню, тогда какъ другіе академики, и даже не магистранты, получаютъ лучшія мѣста въ городѣ. Какъ онъ теперь начнетъ излагать свою жалобу? А преосвященный, какъ-бы для того, чтобы окончательно смутить его, прибавилъ, обращаясь ко всѣмъ просителямъ:

— Этого юнаго священника я ставлю въ примѣръ прочимъ. Магистрантъ академіи и пошелъ по своей волѣ въ деревню послужить единому отъ малыхъ сихъ!

Просители сдѣлали умиленныя лица, причемъ каждый въ душѣ разсчитывалъ, что это послужитъ къ успѣху его просьбы. Но о. Родіонъ, который не спускалъ глазъ съ архіерея, замѣтилъ, что лицо его вдругъ приняло озабоченное выраженіе. И преосвященный обратился къ нему какимъ-то явно встревоженнымъ голосомъ:

— Имѣешь сообщить что-либо, его касающееся?

— Имѣю, ваше преосвященство!

— Пойдемъ, пойдемъ! Это меня интересуетъ!

И преосвященный жестомъ повелѣлъ ему слѣдовать за собой.

О. Родіонъ былъ вполнѣ доволенъ. Въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ нѣтъ любопытныхъ просителей, онъ, не обинуясь, разскажетъ все. Миновавъ портьеру, они прошли длинную и узкую комнату, уставленную одними стульями, потомъ повернули налѣво и вошли въ гостиную съ мяг-

Digitized by Google

кой, развалистой мебелью, съ изящными рѣзными столиками, со множествомъ картинъ на стѣнахъ, какъ показалось о. Родіону, свѣтскаго содержанія. Архіерей здѣсь остановился, сѣлъ и указалъ мѣсто о. Родіону, который не смѣлъ ослушаться, и тоже сѣлъ, стараясь однако-жь занять какъ можно меньше мѣста.

— Ну, ну, разскажи, разскажи, отецъ! Очень меня занимаетъ этотъ юный пастырь! сказалъ архіерей, и его пухлыя руки машинально занялись безконечнымъ перебираніемъ четокъ.

— Не могу ничего доложить утѣшительнаго вашему преосвященству! началъ съ сокрушеніемъ о. Родіонъ, какъ будто сердечно жалѣлъ именно о томъ, что долженъ разочаровать архіерея.

И онъ по порядку, самымъ подробнымъ образомъ, изложилъ, въ чемъ дѣло, изложилъ добросовѣстно, ничего ни прибавивъ и не преувеличивъ. Преосвященный слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ. Но лицо его не выражало ни сочувствія, ни порицанія. Когда-же о. Родіонъ горестно описалъ послѣдній эпизодъ съ назначеніемъ жалованья отъ помѣщицы и остановился, преосвященный вдругъ всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ. О. Родіонъ тоже поднялся и стоялъ, слѣдя за прогулкой архіерея не только взорами, но и всѣмъ туловищемъ. Но вотъ преосвященный остановился.

— Такъ, такъ!.. произнесъ онъ вдумчиво:—а скажи мнѣ, но по чистой совѣсти, іерейской совѣсти, скажи, не внушаетъ-ли онъ прихожанамъ чего-либо такого смутнаго? Напримѣръ, противнаго властямъ предержащимъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, нѣтъ! поспѣшно и даже съ жаромъ отвѣтилъ о. Родіонъ:—этого грѣха на душу свою не приму. Чего нѣтъ, о томъ прямо и говорю: нѣтъ!

Опять лицо архіерея прояснилось. Онъ подошелъ къ о. Родіону и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ простымъ, почти пріятельскимъ тономъ:

— Тебя я понимаю, отецъ Манускриптовъ, понимаю,

Digitized by Google

ибо самъ я грѣшникъ. Но надо и его умѣть понять. Удалились мы съ тобой отъ апостольскаго житія, а онъ, этотъ юный пастырь, приблизиться къ нему хочетъ. Ну, разсуди,—съ духовной точки зрѣнія,—худо-ли онъ поступаетъ? Нѣтъ, не худо, а хорошо. Помѣщица тоже благородная женщина, и ей надобно благодарность послать. А по мірскому, конечно, ты обиженъ—признаю, признаю. Большое имѣешь семейство?

— Шесть дочерей, ваше преосвященство! отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Шесть дочерей?! съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ужаса воскликнулъ архіерей:—благословилъ-же тебя Богъ! Нечего сказать!

И онъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Да, да, да! говорилъ онъ какъ-бы самъ съ собою:—столкновеніе двухъ началъ: плотскаго и духовнаго! Ему-бы въ монахи пойти! Такъ нѣтъ, не пошелъ, жажда дѣятельности, съ людьми хочетъ жить, на міру. Миссіонеръ изъ него былъ-бы чудесный. Да, да, да!.. Ну, чего-жь ты собственно хочешь? а? спросилъ онъ наконецъ, остановившись.

— Какъ вамъ заблагоразсудится, ваше преосвященство! смиренно отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Ишь, хитрецъ! какъ заблагоразсудится. Я тутъ ничего не придумаю. Не могу-же я ему предписать: оставь благія начинанія и поступай дурно! Вѣдь это дурно, что духовныя лица торговлю святыней производятъ, дурно вѣдь; но смотримъ сквозь пальцы, потому что средствъ большихъ не имѣемъ, а между тѣмъ—плоть немощна. Что-же я съ тобой подѣлаю?

— Ваше преосвященство! Онъ, т.-е. о. Кирилъ, говорилъ: если будетъ угодно его перевести въ другой приходъ...

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать! Это было-бы похоже на наказаніе; а наказывать его мнѣ нѣтъ причины. Развѣ вотъ что: могу тебя перевести!

Digitized by Google

При этомъ предложеніи о. Родіонъ опустилъ голову и отвѣтилъ убитымъ голосомъ:

— Не смѣю указывать вамъ, ваше преосвященство!

Тутъ архіерей взглянулъ на часы и сказалъ, что онъ заболтался. О. Родіонъ ушелъ, получивъ приказаніе ѣхать домой и дожидаться перевода. Хотѣлъ онъ замолвить слово о діаконѣ Симеонѣ и о дьячкѣ Дементіи, но подумалъ, что не стоитъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Въ тотъ-же день о. Родіонъ Манускриптовъ возвращался на своей парѣ въ Луговое съ своими мрачными думами. Ѣхалъ онъ въ городъ съ надеждой отвоевать свое прежнее благополучіе, а вышло Богъ знаетъ что. Пятнадцать лѣтъ онъ мирно процвѣталъ въ Луговомъ; обзавелся большимъ хозяйствомъ, построилъ прочный и просторный домъ, и вдругъ все это приходится бросить и идти на что-то новое и неизвѣстное, на старости лѣтъ вновь обзаводиться. И всему этому виной этотъ сумасшедшій магистрантъ, который вдобавокъ какимъ-то чудомъ попалъ въ милость къ преосвященному. Не понималъ онъ и не одобрялъ этой милости. Много лѣтъ онъ живетъ на свѣтѣ, а не слыхалъ объ этихъ новшествахъ, безъ которыхъ всѣ хорошо обходятся.

Дома онъ засталъ поджидавшій его причтъ.

— Добился я того, что меня переведутъ въ невѣдомыя мѣста! коротко и мрачно объяснилъ онъ имъ.

— А намъ что выйдетъ? спросилъ Дементій.

— Вамъ? Надо полагать, что ничего не выйдетъ!

Причетники сейчасъ-же ушли. По дорогѣ они разсуждали о томъ, что своя шкура дороже всего.

XI.

Луговская зима была длинна и скучна. Съ конца ноября выпалъ снѣгъ и окрасилъ всю окружность въ бѣлый цвѣтъ. Низкія мужицкія хаты утопали въ снѣгу, который окутывалъ ихъ чуть не до крышъ. Но въ декабрѣ вдругъ

Digitized by Google

повѣяло тепломъ, снѣгъ растаялъ, и дороги и поля, все превратилось въ грязь, въ которой вязли и люди, и животныя, и телѣги. Къ Рождеству опять ударилъ морозъ, крѣпкій и сухой. Началась настоящая южная зима—безснѣжная, вѣтреная, не столько суровая сама по себѣ, сколько кажущаяся такой южанину, привыкшему къ долгому и жаркому лѣту. Морозъ съ короткими перерывами простоялъ до февраля, а тамъ наступила ранняя оттепель и кое-гдѣ изъ-подъ земли выглянула зеленая травка.

Въ церковномъ домѣ, гдѣ жилъ настоятель, было тепло. Домъ былъ построенъ солидно, а топливо—камышъ—было дешево. Вдовая Ѳекла то-и-дѣло таскала его въ комнаты связку за связкой, а печи глотали его одинъ за другимъ; камышъ таялъ въ нихъ, какъ снѣгъ.

Марья Гавриловна коротала дни однообразно, испытывая страшную скуку. Съ Крупѣевой она познакомилась, но не сошлась. Для Надежды Алексѣевны она оказалась слишкомъ простою. Два-три вечера, проведенныхъ вмѣстѣ, и уже было высказано все, что могли онѣ сказать одна другой. Надежда Алексѣевна съ первой-же встрѣчи отнеслась къ ней съ формальной предупредительностью, о которую разбилось горячее стремленіе Муры сойтись поближе съ „живымъ образованнымъ человѣкомъ“. Наивная дочка соборнаго протоіерея въ глубинѣ души своей дѣлила людей на два лагеря: „образованныхъ“ и „простыхъ“, и была увѣрена, что достаточно двумъ людямъ принадлежать къ лагерю „образованныхъ“, чтобы тотчасъ-же сойтись по душѣ. Но „образованность“ обѣихъ женщинъ до такой степени была различна, что онѣ почти не понимали другъ дружку. Мура кончила гимназію и прочитала десятокъ книгъ, про которыя ей сказали, что это хорошія книги и что ихъ непремѣнно надо прочитать. Всю жизнь она была на попеченіи родителей и замужество было ея первымъ самостоятельнымъ шагомъ. Надежда Алексѣевна прожила жизнь оригинальную, полную разнообразныхъ впечатлѣній, многому научилась изъ книгъ и изъ жизни, а главное—составила себѣ опредѣленные взгляды

Digitized by Google

на жизнь и на людей. Поэтому она не могла отнестись къ Мурѣ иначе, какъ съ холодной любезностью, а Мура къ ней—съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже робостью.

Тѣмъ не менѣе разъ въ недѣлю, большею частью по субботамъ, къ церковному дому подъѣзжалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Надежда Алексѣевна съ своимъ мальчикомъ. Съ неизмѣнно любезной улыбкой она не выходя изъ экипажа, звала Марью Гавриловну, усаживала ее рядомъ съ собой и увозила къ себѣ. Онѣ вмѣстѣ обѣдали, а послѣ вечерни являлся Кирилъ, начинался разговоръ, который тянулся до полуночи. Во время этихъ разговоровъ Мура молча сидѣла, слушала обоихъ и скучала.

Съ января Марья Гавриловна начала готовить приданое своему будущему наслѣднику. Это наполняло ея дни. Протоіерейша прислала ей ручную машину, на которой она шила безъ конца.

Но Кирилъ не скучалъ. Прежде всего онъ былъ радъ, что остался на приходѣ одинъ. Отца Родіона перевели въ другой приходъ черезъ мѣсяцъ послѣ его визита къ архіерею. Но архіерей, очевидно, не спѣшилъ съ назначеніемъ. Кирилъ не тяготился массой работы и благополучно справлялся со всѣми требами. Каждая треба служила ему поводомъ познакомиться съ какой-нибудь стороной мужицкаго быта. Онъ никогда не отказывался отъ приглашенія остаться на похоронномъ обѣдѣ, явиться на закуску по поводу крестинъ и т. д. Здѣсь было столько случаевъ высказать передъ прихожанами свой взглядъ на тотъ или другой предметъ. Мужики привыкли къ этому и слушали его безъ того формально внимательнаго вида, который позволяетъ сейчасъ-же забывать слышанное. Проповѣдей въ церкви онъ не говорилъ. Онъ считалъ этотъ способъ бесѣды малоудобнымъ. Проповѣдь выслушивается при исключительной обстановкѣ; для прихожанина она является не простой бесѣдой пастыря съ нимъ, а однимъ изъ моментовъ обѣдни, которую онъ выслушиваетъ болѣе или менѣе формально. Онъ искалъ бесѣды на житейской почвѣ, при вполнѣ житейской, обыденной обстановкѣ.

Digitized by Google

Кирилу казалось, что работа его приноситъ плоды. Уже одно то его утѣшало, что торговля требами была совершенно искоренена. Прихожанинъ только заявлялъ о томъ, что у него въ домѣ смерть или родины, или свадьба, и безъ всякихъ разговоровъ совершался церковный обрядъ. Замѣтилъ также Кирилъ, что на обѣдахъ и закускахъ, гдѣ онъ присутствовалъ, хозяева не рѣшались угощать больше, чѣмъ двумя рюмками водки, а гости и по второй пили какъ-бы слегка совѣстясь.

Конечно, онъ зналъ, что въ его отсутствіи они угощаются по-прежнему и что кабаки въ Луговомъ все-таки прекрасно торгуютъ, но эта совѣстливость при немъ все-таки утѣшала его; онъ разсчитывалъ на привычку.

Кромѣ неустанной работы по церковной службѣ, Кирилъ отдавалъ много времени школѣ. Онъ посѣщалъ ее почти каждый день и очень скорбѣлъ по поводу того, что учитель относился къ дѣлу холодно и не любилъ своего занятія.

— Зачѣмъ вы сдѣлались учителемъ, если это дѣло вамъ не нравится. если у васъ нѣтъ призванія къ этому? спрашивалъ его Кирилъ, когда тотъ въ сотый разъ высказывалъ передъ нимъ недовольство своимъ существованіемъ.

— Призванія? отвѣчалъ тотъ:—у всякаго человѣка есть призваніе кушать хлѣбъ, батюшка!

Кирилъ принимался возражать противъ этого взгляда. Онъ горячо доказывалъ, что такъ жить нельзя, что такое разсужденіе годится, пожалуй, для сапожнаго ремесла, но не для дѣла обученія темнаго человѣка. Онъ говорилъ, что такъ относиться къ живому дѣлу нечестно.

— Эхъ, батюшка! возражалъ ему учитель:—вотъ эти самыя слова и я говорилъ восемь лѣтъ назадъ, а теперь пожилъ и вижу, что это чепуха. Жизнь — одна скука. Одно только и есть средство—жениться, взявши десятинъ двѣсти земли, да заняться хозяйствомъ.

Учителю, Андрею Ѳеодоровичу Калюжневу, было лѣтъ тридцать. Происходилъ онъ изъ городской чинов-

Digitized by Google

ничьей семьи средней руки, учился въ гимназіи, но при переходѣ изъ шестого класса въ седьмой споткнулся и бросилъ. Года три онъ все готовился и собирался то въ военную службу, то въ университетъ, то на фабрику въ качествѣ рабочаго. Но кончилось тѣмъ, что онъ пошелъ въ сельскіе учителя, такъ какъ это оказалось самымъ простымъ и легкимъ. О деревнѣ онъ не имѣлъ понятія, но отправлялся туда не безъ идейной загвоздки. Кое-что слышалъ онъ и о народѣ, и о безкорыстной службѣ на поприщѣ просвѣщенія меньшаго брата, и ему тогда, еще очень юному, пришлись эти идеи по душѣ. Но дѣйствительность оказалась скучной; идеи, какъ взятыя съ вѣтру, скоро и вывѣтрились, и Калюжневъ съ теченіемъ времени превратился въ работника изъ-за куска хлѣба, не понимающаго своего предмета, скучающаго своимъ ремесломъ и ищущаго перемѣны.

Кирилъ охотно посѣщалъ помѣщицу, Надежда Алексѣевна всегда принимала его съ живостью и даже съ увлеченіемъ. Она всегда искала въ жизни чего-нибудь выдающагося, а этотъ сельскій священникъ, настолько образованный, что съ нимъ можно было вести теоретическіе споры, священникъ, ведущій борьбу съ тѣми самыми пороками, которые отталкивали и ее отъ духовныхъ лицъ, священникъ стремящійся воплотить въ жизнь идеи, которыя и ей казались симпатичными, былъ для нея цѣлымъ открытіемъ. Сначала она отнеслась къ нему какъ къ явленію только интересному, но смотрѣла на него подозрительно и все ждала, когда-же наконецъ онъ попроситъ у нея даровой зимовки для своихъ коровъ или десятину плавни для выкоса сѣна, или вообще какое-нибудь даяніе, къ чему пріучили ее о. Родіонъ и его прежній товарищъ. Но Кирилъ ничего не просилъ. Однажды она даже спросила его, не нуждается-ли онъ въ чемъ-либо по хозяйству, и предложила свои услуги.

— У меня и хозяйства-то нѣтъ, отвѣтилъ Кирилъ:— а если-бы и нуждался, то у васъ не попросилъ-бы!..

— Вотъ какъ! Почему-же?

Digitized by Google

— А вотъ видите, у насъ съ вами, слава Богу, порядочныя отношенія, а чуть я отъ васъ приму матеріальную услугу, ужь сейчасъ буду зависѣть отъ васъ и вы ужь непремѣнно хоть на одну іоту станете уважать меня меньше.

Надежда Алексѣевна, что называется, „занялась“ оригинальнымъ священникомъ. Въ тѣ вечера, которые они проводили втроемъ, гдѣ Мура являлась какъ-бы ассистентомъ ихъ бесѣды, она заставляла его высказывать свои взгляды на жизнь и незамѣтно, по частямъ, разсказала ему всю свою исторію.

— Знаете что? откровенно заявлялъ Кирилъ, выслушивая отъ нея разсказы про московскую и заграничную жизнь:—вы не жили еще, а только капризничали!

И онъ развивалъ ей свою теорію. Жить можно только въ деревнѣ, гдѣ и природа настоящая, и люди настоящіе, и нужда настоящая. Жить безъ пользы для кого-нибудь—безсмысленно и обидно. У каждаго найдется гдѣ-нибудь маленькій уголокъ, гдѣ онъ можетъ принести пользу. Нѣтъ надобности стремиться во что-бы то ни стало сдѣлать грандіозное дѣло: что-нибудь полезное сдѣлай, и уже въ твоемъ существованіи есть плюсъ.

— Скажите, отецъ Кирилъ, отчего мнѣ иногда кажется, что вы первый вполнѣ искренній человѣкъ, котораго я встрѣчаю въ жизни? спросила его однажды Надежда Алексѣевна.

— Извините-съ! Искренніе люди есть на свѣтѣ, я самъ ихъ встрѣчалъ не мало! горячо возразилъ Кирилъ.—Вы ихъ не замѣчали, потому что смотрѣли на людей свысока и поверхностно. Можетъ быть, я первый человѣкъ, которому вы сдѣлали честь вглядѣться въ него какъ слѣдуетъ.

Наступила весна. Въ апрѣлѣ Мура уже перестала ѣздить къ Крупѣевой. Ея положеніе сдѣлалось серьезнымъ. Написали въ городъ Аннѣ Николаевнѣ; она пріѣхала и привезла съ собой акушерку. Едва протоіерейша переступила порогъ церковнаго дома, какъ сдѣлалась

Digitized by Google

мрачнѣе ночи. Опытнымъ глазомъ она сейчасъ-же поняла, что благосостояніе молодой четы втеченіи почти года нисколько не улучшилось. Кое-гдѣ видны были слѣды бѣдности. Взглядъ ея, привыкшій останавливаться на мелочахъ, впился въ порядочную дыру въ вязаной скатерти, которою былъ накрытъ столъ. Въ обстановкѣ ничто не измѣнилось, но въ ней и не прибавилось ни одной вещицы. Все стояло такъ, какъ было устроено для перваго обзаведенія, т.-е. скудно, ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, какъ въ номерѣ плохой гостинницы: столы, диванъ, кровати, комоды, нѣсколько стульевъ, зеркало на комодѣ стѣнные часы и иконы въ углу. Она обошла дворъ, чуланъ, два сарая—всюду было пусто. На огородѣ сиротливо лежали нѣсколько связокъ камыша—это осталось отъ зимы; въ сараѣ не оказалось никакихъ признаковъ какого-бы то ни было экипажа, хоть плохенькой брички; въ другомъ сараѣ, приспособленномъ подъ конюшню, не было и тѣни лошади. Чуланъ также былъ пустъ. Она заглянула въ погребъ—и тамъ никакихъ признаковъ не только „полной чаши“, а хотя-бы какого-нибудь достатка. „Ничего у нихъ нѣтъ, ничего не нажили“, съ болью думала протоіерейша: „моя дочь—нищая“. На этотъ разъ она уже сама обратилась къ Θеклѣ съ разспросами. Съ Мурой нельзя было говорить, въ виду ея положенія. Θекла окончательно убила ее своимъ докладомъ.

— Боже мой, Боже мой! говорила она съ самымъ искреннимъ соболѣзнованіемъ:—что только у насъ дѣлается, даже словъ не подберешь, чтобы разсказать. Все покупное: молочко стаканами покупаемъ; сметану, масло, все, все изъ лавки беремъ!.. Средствъ нѣту коровку завести! Помѣщица дарила цѣлыхъ двѣ—мнѣ это приказчикъ ихній говорилъ—не захотѣли: „не могу, говорятъ, подарковъ принимать“... Съѣздить куда—у почтаря лошадей беремъ... Повѣрите-ли, бѣдная матушка лишнее яичко скушать стѣсняются!.. При ихнемъ-то положеніи, сами посудите, каково это! Доходу никакого!

Digitized by Google

При прежнихъ попахъ бывало засѣка ломится отъ зерна, хлѣба этого дѣвать некуда, и курочка, и поросеночекъ, и теленочекъ, и всякая всячина. А теперь даже деньгами не берутъ... Вотъ какіе порядки!.. Діаконъ съ дьячкомъ прямо чуть не съ голоду мрутъ—это я вамъ истинно говорю...

— Что-жь это такое? Что-жь это такое? въ отчаяніи думала Анна Николаевна:—такую-ли судьбу я готовила своей дочери?

Она хотѣла переговорить съ Кириломъ, но потомъ рѣшила, что изъ этого ничего не выйдетъ.—Я просто поѣду къ преосвященному, и о. Гавріила заставлю поѣхать. Пусть онъ его образумитъ. А нѣтъ, возьму да увезу Мурку къ себѣ... Что это въ самомъ дѣлѣ? Коли онъ святымъ хочетъ быть, зачѣмъ не пошелъ въ монахи, зачѣмъ женился? Бѣдная моя Мурка!..

Съ Кириломъ Анна Николаевна почти не разговаривала и старалась даже не смотрѣть на него, а на Муру глядѣла съ печалью и сожалѣніемъ.

Роды кончились благополучно; протоіерейша прожила девять дней. Едва только Мура встала съ постели, она распрощалась и уѣхала, взявъ съ собою акушерку. Она не хотѣла даже остаться на крестинахъ, только взяла съ Муры слово, что она назоветъ сына, въ честь дѣдушки, Гавріиломъ. Она уѣхала съ твердымъ рѣшеніемъ дѣйствовать.

Марья Гавриловна замѣчательно счастливо перенесла болѣзнь. Вставши съ постели, она уже чувствовала себя почти совсѣмъ здоровой и кормила сына прекраснымъ молокомъ. Мальчишка тоже былъ здоровъ. Его крестили и назвали Гавріиломъ. Кумовьями были — Надежда Алексѣевна и дьякъ Дементій, который, стоя рядомъ съ помѣщицей, ужасно конфузился. Зато, когда кончился обрядъ и Крупѣева собралась уѣхать, онъ улучилъ минуту, когда на крыльцѣ не было больше никого, и на правахъ кума попросилъ у нея одну десятинку земли подъ баштанъ. Надежда Алексѣевна сейчасъ-же согласилась, и Дементій былъ очень доволенъ.

Digitized by Google

Скоро послѣ этого случилось событіе, котораго давно ожидали въ Луговомъ. Однажды—это было въ субботу передъ вечерней—церковный сторожъ разглядѣлъ подъѣзжавшую къ церкви кибитку, очень стараго фасона, на высокихъ колесахъ и всю крытую клеенкой, вродѣ тѣхъ „фуръ“, въ которыхъ ѣздятъ евреи, помѣщаясь въ нихъ по двадцати душъ. Кибитка, запряженная парой, страшно тарахтѣла, потому что была безъ рессоръ. У калитки она остановилась, сбоку поднялся болтавшійся кусокъ клеенки и образовалось окошко. Въ это окошко выглянула женская головка съ миловиднымъ личикомъ, въ шляпкѣ, изъ-подъ которой выглядывали свѣтлорусые завитки волосъ.

— А гдѣ тутъ домъ священника о. Родіона Манускриптова? спросила молодая женщина.

— Отца Родіона домъ? спросилъ въ свою очередь сторожъ,—а на что вамъ этотъ домъ, когда онъ стоитъ пустой? Отца Родіона уже съ полгода какъ нѣту!

Тутъ женская головка спряталась и на мѣстѣ ея появилась голова мужчины въ черной поярковой шляпѣ. Лицо было смуглое, загорѣлое. Сторожъ замѣтилъ небольшіе усы и бородку. Волоса были коротко острижены.

— Здравствуй, любезный! сказалъ онъ пріятнымъ теноркомъ:—ты, должно быть, церковный сторожъ?

— Такъ и есть. Я—церковный сторожъ.

— А я—священникъ, на мѣсто отца Родіона. Покажи намъ его домъ, мы тамъ жить будемъ... Мы его купили.

Сторожъ не спѣша снялъ шапку и тоже не спѣша сказалъ:

— Пожалуйте!

Онъ проводилъ ихъ до самаго дома и тутъ-же увидѣлъ, что по большой дорогѣ тянутся три воза съ мебелью и всякимъ хозяйственнымъ скарбомъ. Затѣмъ онъ отправился къ Кирилу и доложилъ:

Digitized by Google

— Новый священникъ, который на мѣсто о. Родіона присланъ, прибылъ.

— А, прибылъ? Милости просимъ! сказалъ Кирилъ и подумалъ: „Теперь это уже не такъ страшно. *Мои* порядки пустили корни“.

— И такіе-же молодые, какъ вы, батюшка! прибавилъ сторожъ.

На это Кирилъ ничего не сказалъ, но подумалъ, что это къ лучшему. Молодой скорѣй пойметъ его, чѣмъ старый.

На другой день, во время воскресной службы, прихожане съ удивленіемъ разступились и дали дорогу новому священнику, который пробирался къ алтарю. Онъ былъ маленькаго роста и крѣпкаго сложенія; лицо его дышало здоровьемъ и самоувѣренностью. Темно-лиловая ряса сидѣла на немъ какъ слѣдуетъ и была ему къ лицу. Онъ ступалъ не быстро, сдержанной благочестивой походкой. Поднявшись на возвышеніе у алтаря, онъ ударилъ поклонъ и приложился къ иконѣ иконостаса. Видъ у него былъ такой, точно онъ сбирался сейчасъ повернуться лицомъ къ народу и сказать краткую проповѣдь или по крайней мѣрѣ объявить: „я—священникъ Макарій Силоамскій, присланъ на мѣсто Родіона Манускриптова“. Но онъ этого не сдѣлалъ, а вошелъ въ алтарь черезъ боковую дверь. Тутъ онъ ударилъ три земныхъ поклона и, поклонившись затѣмъ Кирилу, который стоялъ у престола въ облаченіи, благоговѣйно сталъ поодаль. Такъ онъ простоялъ всю обѣдню, причемъ все время обнаруживалъ несомнѣнное благочестіе: шепталъ молитвы, въ надлежащихъ мѣстахъ билъ поклоны или наклонялъ только голову, а лицо его все время выражало молитвенную сосредоточенность. Послѣ обѣдни онъ тутъ-же въ алтарѣ подошелъ къ Кирилу и вѣжливо взялъ у него благословеніе.

— Позвольте представиться: священникъ Макарій Силоамскій! сказалъ онъ.

Digitized by Google

Кирилъ въ свою очередь представился и пригласилъ его зайти къ нему послѣ обѣдни.

— Да, да, разумѣется, необходимо переговорить, сказалъ Силоамскій.

Послѣ обѣдни онъ пилъ чай у Кирила. Онъ оказался веселымъ и разговорчивымъ человѣкомъ, очень много говорилъ про семинарію, про учителей, ректора и инспектора. Онъ прошлымъ лѣтомъ кончилъ курсъ и цѣлый годъ былъ псаломщикомъ. Кирилъ помнилъ его, когда онъ былъ еще юношей, въ первомъ классѣ, а Кирилъ тогда кончалъ семинарію.

— Когда я, передъ отъѣздомъ, зашелъ откланяться къ преосвященному, онъ говорилъ мнѣ о васъ много пріятнаго. Сказалъ, что вы очень умный и что у васъ всѣ должны учиться! сообщилъ между прочимъ Силоамскій.

— Спасибо преосвященному! отвѣтилъ Кирилъ.

— Такъ ужь я надѣюсь, что будемъ жить въ мірѣ и согласіи! сказалъ новый священникъ, поднявшись, чтобы откланяться.

— Я буду этому очень радъ!

Кирилъ воздержался отъ всякихъ объясненій. Все объяснится само собой.

Передъ вечеромъ Обновленскіе отправились къ помѣщицѣ. Мура посѣтила Надежду Алексѣевну въ первый разъ послѣ родовъ. Они сидѣли въ столовой за чайнымъ столомъ. Окна въ садъ были открыты. Тамъ уже цвѣла сирень и комната была полна ея ароматомъ. Кирилъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ новымъ священникомъ и выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ молодой и что это его первый приходъ.

— Въ него еще не въѣлась рутина, притомъ и корыстные виды еще не успѣли овладѣть имъ. Молодая душа доступнѣе добру, и вы увидите, что онъ будетъ мнѣ добрымъ товарищемъ!..

Надежда Алексѣевна слушала эти рѣчи съ скептической улыбкой. Глаза ея, устремленные на Кирила, казалось, говорили: „Какой ты еще наивный и чистый

Digitized by Google

ребенокъ! Не сыскать тебѣ товарища, потому что ты одинъ только и есть такой!"

Въ это время доложили, что пріѣхалъ новый священникъ. Надежда Алексѣевна рѣшила принять его въ другой комнатѣ и вышла туда.

Но дверь была полураскрыта, и Обновленскіе могли слышать весь разговоръ.

Силоамскій вошелъ степенно и прежде всего сталъ отыскивать образа. Найдя маленькую иконку въ углу подъ самымъ потолкомъ, онъ трижды перекрестился и поклонился въ ея направленіи. Затѣмъ онъ поклонился и хозяйкѣ.

— Позвольте представиться: вновь назначенный священникъ Макарій Силоамскій.

Надежда Алексѣевна отвѣтила поклономъ и пригласила садиться.

— Давно прибыли? спросила она собственно для того, чтобы былъ какой-нибудь разговоръ.

— Вчерашняго дня. Но несмотря на это сегодня уже почелъ своимъ долгомъ отстоять обѣдню, а также представиться моему старшему товарищу, отцу Кирилу. Засимъ поспѣшилъ нанести визитъ вамъ. Позвольте разсчитывать, многоуважаемая Надежда Алексѣевна, что встрѣчу съ вашей стороны благосклонность.

— Я къ вашимъ услугамъ!

— Нѣтъ, я пока никакой просьбой васъ не обезпокою, но на будущее время случиться можетъ какая-либо нужда. Напримѣръ, заведется коровка-другая — гдѣ ее содержать? Или, напримѣръ, сѣнца недохватъ—къ кому обратиться, какъ не къ благосклонной помѣщицѣ?

— Я къ вашимъ услугамъ! повторила Надежда Алексѣевна и поднялась съ лицомъ еще болѣе холоднымъ, чѣмъ при встрѣчѣ.

— Болѣе не смѣю васъ безпокоить! сказалъ о. Макарій и, то же поднявшись, медленно наклонилъ голову, приложивъ правую руку къ груди. Надежда Алексѣевна кивнула головой и прибавила:

Digitized by Google

— Вотъ сюда!... Не угодно-ли! Эта дверь ведетъ въ садъ... У васъ вѣроятно свои лошади?

— Да-съ, парочку имѣю!.. За женой взялъ. Ничего, коники шустрые... Мое почтенье!..

Надежда Алексѣевна возвратилась въ столовую и сейчасъ-же начала говорить о садовникѣ, который три дня гдѣ-то пьянствуетъ и не появляется въ саду. Она вообще избѣгала говорить о людяхъ дурно, считая это удѣломъ сплетницъ.

— Что-же вы ничего не скажете о вашемъ гостѣ? спросила ее Мура.

— Онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣніе! сказала Надежда Алексѣевна и продолжала о садовникѣ. Кирилъ печально опустилъ голову и думалъ: „Не успѣлъ показаться на глаза, какъ уже спѣшитъ предупредить: я попрошайка, имѣйте это въ виду! Еще ничего ему не нужно, а онъ уже боится, чтобы не сочли его человѣкомъ самостоятельнымъ. Странное дѣло! откуда это берется? Въ семинаріи этому не обучаютъ, а жилъ онъ еще слишкомъ мало. Неужели это вошло уже въ кровь и передается изъ рода въ родъ, какъ особая способность? Какъ это грустно, какъ это грустно!“

Вечеръ прошелъ вяло. Надежда Алексѣевна была подъ вліяніемъ дурного впечатлѣнія. Она старалась занимать гостей, но изъ этого ничего не выходило. Кирилъ слушалъ невнимательно и отвѣчалъ неохотно. Онъ думалъ „объ особой способности, вошедшей въ кровь“ у его собратовъ и „передаваемой изъ рода въ родъ“.

Они уѣхали домой рано, какъ только пробило девять часовъ. Мура спѣшила къ ребенку. Едва они взошли на крыльцо церковнаго дома, какъ были удивлены необычайнымъ присутствіемъ въ сѣнцахъ ихъ квартиры гостей. Это были діаконъ Симеонъ и дьякъ Дементій. Они сидѣли на табуреткахъ, поставленныхъ Θеклой спеціально для нихъ. При появленіи хозяевъ оба почтительно встали, а шляпы ихъ оказались въ рукахъ.

— Что-же это вы, господа, здѣсь сидите? Отчего

Digitized by Google

не пожалуете въ комнату? спросилъ Кирилъ; Ѳекла, ты что-же не пригласила?

— Да я, батюшка, просила ихъ въ комнату, такъ не захотѣли! отвѣтила Ѳекла.

— Нѣтъ, ничего-съ!.. Воздухъ хорошій теперь! нѣжно сказалъ діаконъ.

Кирилъ пригласилъ ихъ въ комнату. Марья Гавриловна ушла въ спальню и занялась сыномъ.

— Ну, что скажете, господа? спросилъ Кирилъ причетниковъ, заставивъ ихъ сѣсть.

Діаконъ откашлялся и промолвилъ, нѣсколько запинаясь:—Мы къ вамъ, отецъ Кирилъ, по своему дѣлу... Давно уже собирались мы вотъ съ Дементіемъ Ермилычемъ обезпокоить ваше вниманіе, но, между прочимъ... Дьякъ Дементій, очевидно, нашелъ, что діаконъ городитъ неподходящее. поэтому онъ съ своей стороны громоносно откашлялся и выпалилъ:

— Пропадаемъ, отецъ Кирилъ, прямо пропадаемъ!

Кирилъ поднялъ на него свои взоры.

— Какимъ образомъ? спросилъ онъ.

— Прямо почти что съ голоду, отецъ Кирилъ, пропадаемъ!

— Съ голоду?

— Съ голоду, отецъ Кирилъ! Крѣпились мы долго, боялись обезпокоить васъ... Но наконецъ нѣту силъ... Семейства большія имѣемъ, а корму никакого; самый, можно сказать, слабый... Жалованья, которое отъ помѣщицы, никакъ не хватаетъ, землицы мало, съ доходовъ брать воспрещено и никакихъ нѣтъ.

— Это дѣйствительно, дѣйствительно! подтвердилъ діаконъ.

— Не объ излишкѣ хлопочемъ, отецъ Кирилъ, а о пропитаніи, прямо о насущномъ. Дѣти плачутъ, кушать хотятъ, отецъ Кирилъ.

Кирилъ уже ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и наклонивъ голову. Ему теперь показалось совершенно яснымъ, что діакону и дьячку дѣйствительно долж-

Digitized by Google

но было не хватать ихъ малаго жалованья. Ему самому въ обрѣзъ хватало его жалованье, а у нихъ его было гораздо меньше, между тѣмъ дѣтей у нихъ масса, тогда какъ у него одинъ, да и тотъ еще ничего не стоитъ ему. Положеніе его было затруднительное. Онъ самъ создалъ ихъ бѣдность, а помочь былъ безсиленъ. Если-бы у него что-нибудь оставалось, онъ охотно предложилъ-бы имъ, но этого остатка не было. Отступиться-же отъ новыхъ, введенныхъ имъ порядковъ онъ не могъ .Это была первая его побѣда, которую онъ высоко цѣнилъ.

— Отецъ Кирилъ! осторожно воззвалъ діаконъ. Кирилъ остановился и посмотрѣлъ на него.

— Мы собственно съ просьбой.

— Ну-те, ну-те! нетерпѣливо сказалъ Кирилъ. Ему такъ хотѣлось, чтобы эта просьба была для нихъ существенна, а для него исполнима.

— Землицы у насъ мало, а у васъ, отецъ Кирилъ, побольше, и даже очень порядочно церковной земли. И притомъ она у васъ гуляетъ... Такъ не отдадите-ли намъ, примѣрно, за четвертый снопъ?

— А сколько мнѣ земли приходится? оживленно спросилъ Кирилъ.

— Собственно вамъ сорокъ четыре десятины, да въ плавняхъ шесть, а всего пятьдесятъ!

— Вотъ и отлично! Отлично! радостно воскликнулъ Кирилъ:—вы ее засѣвайте... Засѣвайте себѣ! А мнѣ ничего не надо! Мнѣ некогда, не умѣю я, да притомъ мнѣ хватаетъ... Да, да! Засѣвайте, пожалуйста!

Причетники смотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Какъ-же это?.. началъ было Дементій, но рѣшилъ, что лучше промолчать.

Кирилъ подумалъ съ минуту.

— Но скажите: тогда уже довольно будетъ? спросилъ онъ.

— Мы очень благодарны, чувствительно благодарны! въ одинъ голосъ отвѣтили причетники и низко поклонились.

Digitized by Google

— Ну, идите съ Богомъ и работайте, да только на меня не сердитесь!

Причетники еще разъ поклонились и поспѣшили уйти.

— Блаженный, истинно блаженный! сказалъ діаконъ почти на ухо Дементію, когда они завернули уже за церковь.

Завтра-же чуть свѣтъ начнемъ рыть, а то, чего добраго, раздумаетъ... Помѣщица отговоритъ, либо этотъ отецъ Макарій.

— А Макарій, кажись, не таковскій! Выжига порядочная... Это уже видно... Въ церковь пришелъ и такого на себя благолѣпія напустилъ, а самъ между прочимъ сейчасъ къ помѣщицѣ полѣзъ, и ужъ навѣрняка канючилъ что-нибудь.

— Э, что! Намъ теперь хорошо будетъ! сказалъ Дементій съ искреннимъ удовольствіемъ, похлопывая діакона по спинѣ, причемъ тотъ гнулся, какъ лоза подъ тяжестью его руки:—по двадцать пять десятинъ прибавляется, да своихъ по пятнадцати, а всего ио сорокъ! Да мы съ вами—помѣщики, о. діаконъ, а? Блаженный, такъ и есть, что блаженный! Въ головѣ у него какая-то недостача!

Когда Кирилъ вошелъ въ спальню, Мура спросила его:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Кирилъ?

— Они бѣдствуютъ, Мура, дѣйствительно бѣдствуютъ! отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь за землю мы могли-бы получить рублей шестьсотъ.

— А ты знаешь эту ариѳметику? искренно удивился Кирилъ.

— Мнѣ Ѳекла объяснила! угрюмо отвѣтила Мура и больше не сказала ни слова. Ѳекла, также слышавшая этотъ разговоръ, съ страшнымъ негодованіемъ громыхала въ кухнѣ рогачами.

Digitized by Google

XII.

Отецъ Макарій Силоамскій принадлежалъ къ числу тѣхъ „студентовъ семинаріи“, которые съ самаго перваго класса, т. е. еще съ дѣтскаго возраста, всѣ свои способности и стремленія пріурочиваютъ къ опредѣленной цѣли — къ приходу. Приходъ имъ рисуется исключительно въ видѣ доходной статьи, съ мѣшками жита и мѣрками проса—въ видѣ доброхотныхъ приношеній отъ болѣе зажиточныхъ прихожанъ, съ цыплятами и курами—живыми и жареными, съ пикантнымъ ароматомъ свѣжаго книша, съ грудами всякаго хлѣба, со всевозможными льготами и преимуществами, которыя пастырю долженъ оказывать всякій, и вообще съ полной чашей матеріальнаго довольства, гдѣ всего вдоволь и все готовое. Ко всему этому, въ видѣ дополненія, прибавляется служебная часть—обѣдня, вечерня, утреня и требы. Но никогда имъ и въ голову не приходитъ мысль о томъ, съ какимъ народомъ они будутъ имѣть дѣло, какія обязанности возлагаетъ на нихъ состояніе на приходѣ, будутъ-ли они вліять на паству и какъ будутъ вліять. И когда они достигаютъ желанной цѣли, то вырабатываются изъ нихъ пастыри—исполнители требъ. Ихъ зовутъ на требу — они идутъ, а прихожане съ своей стороны несутъ имъ доходы. И прихожане смотрятъ на нихъ какъ на исполнителей, и не чаютъ отъ нихъ никакой духовной пищи, кромѣ той, какая полагается по чину служенія и по требнику.

Эти „студенты семинаріи“ любознательность свою ограничиваютъ учебниками, а изъ литературы читаютъ лишь то, что находится въ христоматіяхъ и разныхъ пособіяхъ. По части богословской литературы они уходятъ не дальше этого. Такимъ образомъ извнѣ ничто имъ не мѣшаетъ вести свою линію, т. е. готовиться къ приходу въ смыслѣ доходной статьи. Впослѣдствіи, когда имъ приходится попасть въ кружокъ образованныхъ людей, они нерѣдко поражаютъ краткими, но авторитетными отзывами о томъ,

Digitized by Google

что Гоголь былъ хорошій писатель, Тургеневъ написалъ „Бѣжинъ лугъ“, а Пушкинъ — „Телѣгу жизни“ и „Бѣсы“. На приходѣ онъ начинаетъ выписывать „Ниву“ и „Епархіальныя вѣдомости“, вполнѣ ограничивая этимъ всѣ свои связи съ интелигентнымъ міромъ; а ежели на нихъ посмотрѣть со стороны, то становится грустно отъ ихъ ограниченности и темноты, и думается: чему они могутъ научить темнаго человѣка? Какимъ свѣтомъ просвѣтить его? Мало-по-малу, съ годами, они забываютъ даже то, что находится въ христоматіяхъ, и вмѣсто того, чтобы возвышать пасомыхъ до своего уровня, незамѣтно уподобляются имъ, впитывая въ себя всѣ ихъ предразудки и заблужденія.

Отецъ Макарій Силоамскій въ бытность въ семинаріи состоялъ также и архіерейскимъ пѣвчимъ. У него былъ высокій теноръ, и одно время его свѣтскіе знакомые совѣтовали ему даже готовиться на сцену. Но онъ смотрѣлъ на вещи здраво, за славой не гонялся и журавлю на небѣ предпочиталъ синицу въ рукахъ, т. е. приходъ. Архіерей назначилъ его въ Луговое за его пѣвческія заслуги, такъ какъ за Луговымъ оставалась репутація прекраснаго прихода. Онъ купилъ домъ о. Родіона черезъ какого-то посредника и пріѣхалъ въ Луговое съ самыи радужными „приходскими“ мечтами. Но на первыхъ-же похоронахъ онъ былъ ужасно смущенъ не получивъ никакого дохода. Ему было неловко на первомъ дебютѣ обратиться съ претензіей прямо къ мужику. Поэтому онъ освѣдомился у причта.

— А какъ-же насчетъ вознагражденія? У васъ какъ? когда даютъ? До или послѣ?

— У насъ совсѣмъ не даютъ! сказалъ Дементій и при этомъ съ невѣроятнымъ лукавствомъ посмотрѣлъ на діакона. Взглядъ его говорилъ: „блюдите, отецъ діаконъ, какую онъ сейчасъ рожу скорчитъ!“

Но Силоамскій рожи никакой не скорчилъ, а взглянулъ на него въ упоръ, почти гнѣвно.

Digitized by Google

— Я не ради шутки спрашиваю! сердито сказалъ онъ: а нужно-же мнѣ знать порядки!

Дементій опять выразительно покосился на діакона: „нѣтъ, вы-таки блюдите, о. діаконъ, блюдите!“

— Порядокъ у насъ такой, что за требы ни копѣйки! Совершенно даромъ. Вполнѣ. Только вотъ хлѣбъ, который на панахидкахъ и прочее, это принимаемъ.

— Вы, кажется, хотите морочить меня! по прежнему сердито, но въ то-же время съ легкимъ оттѣнкомъ тревоги сказалъ Силоамскій.

— Какъ-же можно? Развѣ я посмѣлъ-бы? Отецъ діаконъ, подтвердите!

— Истинно такъ! сказалъ діаконъ:—до о. Кирила были доходы и очень даже хорошіе, а о. Кирилъ вывели это.

— Какъ вывели? Какимъ-же образомъ жить? Надо-же жить какъ-нибудь! Да нѣтъ... я просто этого не понимаю!

„А вотъ погоди, поймешь!“ подумалъ Дементій и объяснилъ:—А жить? жить надо на жалованье! Госпожа помѣщица отъ себя жалованье назначила: священникамъ по пятидесяти въ мѣсяцъ, а намъ много поменьше!...

Силоамскій машинально вынулъ цвѣтной платокъ и вытеръ потъ, выступившій у него на лбу. Онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто внезапно попалъ въ ловушку.

— Такъ вотъ какіе порядки! Приходъ безъ дохода?! ха,-ха!.. Ну, это мы посмотримъ, это мы посмотримъ!.. Надо обсудить, по какому праву такъ распоряжается настоятель! Мы посмотримъ!

Онъ сказалъ это съ нескрываемой злобой и, забывъ о необходимости сохранить благочестивый видъ, снималъ облаченіе съ такой энергіей, словно хотѣлъ разорвать его на части.

Дементій и діаконъ ужасно злорадствовали. Силоамскій имъ не нравился, и они даже цѣной воспоми-

Digitized by Google

нанія о потерѣ прежнихъ доходовъ съ удовольствіемъ ранили его сердце этимъ объясненіемъ. Сами они уже совсѣмъ успокоились. На землѣ Кирила, которую они подѣлили пополамъ, уже зеленѣли первые всходы и они въ самомъ дѣлѣ чувствовали себя помѣщиками. Силоамскій отправился сперва домой, но сейчасъ-же выскочилъ изъ комнаты, схватилъ шляпу и помчался къ Кирилу. Войдя въ квартиру настоятеля, онъ даже забылъ поздороваться и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ сразу началъ кричать высочайшимъ тенороиъ:

— Позвольте, отецъ Кирилъ! Что-же это такое? Что это за порядки? По какому праву? На какихъ такихъ основаніяхъ?

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло? спросилъ Кирилъ, вставая изъ-за обѣденнаго стола и вытирая салфеткой губы. Марья Гавриловна смотрѣла на Силоамскаго съ испугомъ.

— Да нѣтъ, я васъ спрашиваю: на какомъ основаніи? Гдѣ такой законъ? Покажите мнѣ его, этотъ законъ! продолжалъ Силоамскій, совершенно обезумѣвшій— разочарованія въ „лучшемъ, доходнѣйшемъ приходѣ". Хотя вы настоятель, но этого вамъ не дано. Нѣтъ, этого не дано! Извините-съ!

— Да въ чемъ-же дѣло, о. Макарій? Я ничего понять не могу!

— Какъ въ чемъ дѣло? Вы искоренили законные доходы и завели какое-то жалованье, какіе-то тамъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ... Очень мнѣ нужно ваше жалованье! Я имѣю право на законный доходъ!

— Да, сказалъ твердо и внушительно Кирилъ:— у насъ такіе порядки, и вамъ придется подчиниться имъ!

— Ни за что! Чтобы я подчинился этимъ порядкамъ, которые вы выдумали? Да никогда! Я отказываюсь отъ вашего жалованья, и буду требовать то, что мнѣ слѣдуетъ. Да какое вы имѣете право? Это превышеніе правъ! Я буду жаловаться—и васъ... васъ въ мо-

Digitized by Google

настырь сошлютъ... Вы не думайте, что вы тамъ магистрантъ, такъ вамъ все позволятъ! Преосвященный меня знаетъ, я былъ у него пѣвчимъ... Вотъ что!..

— Хотя я и не былъ пѣвчимъ, тѣмъ не менѣе прошу васъ уйти отсюда, потому что вы неприлично себя ведете! промолвилъ Кирилъ, съ трудомъ скрывая раздраженіе. Этотъ молоденькій пастырь, едва начавшій жить своимъ трудомъ, уже такъ настойчиво и горячо требуетъ доходовъ, требуетъ права обратить свое служеніе въ ремесло! Это его и бѣсило, и приводило въ негодованіе, и глубоко печалило. А онъ еще такъ надѣялся на его молодость, которая, какъ онъ думалъ, мало чувствительна къ корысти. Но вотъ о. Родіонъ былъ старъ и насквозь пропитанъ старыми порядками, а между тѣмъ онъ такъ стремительно и даже нагло не требовалъ своихъ правъ на доходъ.

Услышавъ приглашеніе уйти, сказанное притомъ суровымъ тономъ, Силоамскій остановился и какъ-то сразу охладѣлъ. Онъ не желалъ оскорблять настоятеля и даже не хотѣлъ ссориться съ нимъ. Это было не въ его правилахъ. Но въ порывѣ своего негодованія онъ не замѣтилъ, что раскричался и былъ дѣйствительно неприличенъ.

— Извините! сказалъ онъ Марьѣ Гавриловнѣ и поклонился ей:—я дѣйствительно, въ увлеченіи, того... хватилъ черезъ край и, можетъ быть, сказалъ что-либо обидное. Но позвольте мнѣ объясниться.

Но Кирилъ уже не слушалъ его. Онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ. Покой его былъ отравленъ. Болѣе полугода онъ былъ одинъ на приходѣ и ему казалось, что новые порядки уже привились окончательно, неискоренимо, что они въ Луговомъ сдѣлались уже закономъ, противъ котораго спорить нельзя. Но главнымъ образомъ его мучило сознаніе, что этотъ молодой такъ-же мало понимаетъ его, какъ и старый о. Родіонъ, и даже еще меньше. Что-же это? Неужели онъ такъ и останется воевать въ полѣ одинъ? Неужели эта вѣко-

Digitized by Google

вая атмосфера, среди которой развивается новое поколѣніе пастырей, такъ охватила ихъ всецѣло и пронизала насквозь, что совсѣмъ нѣтъ къ ихъ умамъ доступа для свѣтлой идеи, для осмысленнаго отношенія къ своей задачѣ. Да какая у нихъ задача? Никакой задачи у нихъ нѣтъ, кромѣ общей всѣмъ людямъ — жить въ свое удовольствіе и обезпечить старость.

Кирилъ остановился и посмотрѣлъ на Силоамскаго грустными глазами. Онъ сказалъ пониженнымъ и какъ будто утомленнымъ голосомъ:

— Что намъ объясняться, о. Макарій! Ужь видно сразу, что мы не поймемъ другъ друга. Разные мы съ вами, слишкомъ даже разные! Разныя у насъ понятія, цѣли, стремленія. Вамъ нуженъ доходъ, а мнѣ его не нужно; васъ онъ радуетъ, а меня оскорбляетъ! Вы пріѣхали сюда за тѣмъ, чтобы обезпечить себя, а я — за тѣмъ, чтобы послужить бѣднымъ и темнымъ людямъ. Что-жь намъ объясняться! И такъ ясно. Одно только скажу: дѣлайте что хотите, а порядками, которые я завелъ, я не поступлюсь. Вотъ все, что могу сказать вамъ!..

И Кирилъ опустился на диванъ, блѣдный и совершенно разстроенный. Силоамскій взглянулъ на него исподлобья, потомъ перенесъ этотъ взглядъ на Марью Гавриловну, расправилъ свою шляпу, повернулся къ двери и вышелъ.

Втеченіе цѣлой недѣли Силоамскій хранилъ въ себѣ злобу и ничего не предпринималъ. Послѣ тирады, произнесенной Кириломъ, онъ почувствовалъ, что его рѣшимость во что бы то ни стало настоять на своемъ правѣ какъ-то вдругъ поколебалась. Онъ понялъ, что у Кирила это во всякомъ случаѣ не самодурство, и странное дѣло — онъ опредѣлилъ это совершенно тѣмъ же выраженіемъ, какъ и о. Родіонъ. Онъ сказалъ: „тутъ есть загвоздка!“

Прошла недѣля. Однажды вечеромъ Силоамскій пригласилъ къ себѣ діакона о. Симеона и любезно предложилъ ему откушать вмѣстѣ съ нимъ и съ матушкою чаю. Матушка была очень молоденькая и недурная собой блон-

Digitized by Google

динка; она говорила звонкимъ груднымъ голосомъ и чуть-чуть пришепетывала.

— Знаете, это просто ужасно, просто ужасно! говорила она діакону, и при этомъ ея свѣтлые глазки готовы были заплакать.—Мы потратились, купили этотъ домъ и вдругъ такой сюрпризъ. Возможно-ли, чтобы начальство терпѣло такой произволъ?

— Да-съ! а вотъ терпитъ! Мы съ Дементіемъ Ермилычемъ уже цѣлый годъ страдаемъ! съ лицемѣрнымъ сочувствіемъ сказалъ діаконъ, не упомянувъ, разумѣется, о землѣ Кирила.

— А скажите, пожалуйста, о. діаконъ, что это за личность—помѣщица? спросилъ Силоамскій.

— Помѣщица-съ? Такъ личность... Господь ее знаетъ, что она за личность. Мы ее никогда и не видимъ. Сидитъ въ своемъ саду, словно медвѣдь въ берлогѣ. Ни съ кѣмъ не водится и отъ духовныхъ лицъ отдаляется.

— Гмъ... значитъ, подозрительная. Это бываетъ.

— Вотъ только съ о. Кириломъ очень сошлась. Часто ѣздятъ другъ къ другу.

— Такъ, такъ! Это весьма подозрительно. Весьма!.. Я поѣду къ архіерею и доложу ему.

— Къ архіерею? не совѣтовалъ-бы!

— Это почему? Архіерей ко мнѣ расположенъ. Я вѣдь у него пѣвчимъ былъ, въ хорѣ пѣлъ!..

— Какъ-же, какъ-же! Онъ даже соло выдѣлывалъ, да!.. не безъ нѣкоторой гордости подтвердила матушка.

— А все-таки не совѣтую! сказалъ діаконъ: — не совѣтую.

— Да почему-же, скажите пожалуйста? Вѣдь это прямое беззаконіе!.. Вѣдь нѣтъ такого закона, нѣтъ!..

— Оно положимъ. Только вотъ о. Родіонъ тоже такъ говорилъ, а поѣхалъ къ преосвященному и вышло дѣло скверное. Преосвященный сказалъ ему: „Я, говоритъ, этого священника, т. е. о. Кирила,—всей епархіи въ примѣръ ставлю, и всѣ его дѣйствія очень даже одобряю“! Вотъ что сказалъ преосвященный. А когда о. Родіонъ намек-

Digitized by Google

нулъ на переводъ его, т. е. о. Кирила, такъ преосвященный говоритъ: нѣтъ, мнѣ его наказывать не за что, а вотъ тебя,—т. е. о. Родіона,—пожалуй, переведу",—и перевелъ. Вотъ какіе взгляды имѣетъ преосвященный владыка!..

— Ну, это положимъ! самоувѣренно возразилъ Силоамскій: — то о. Родіонъ, а то я. Это далеко не одно и то-же!..

— Еще-бы! сказала матушка: — я же говорю вамъ, что онъ даже выдѣлывалъ соло. Это не всякій можетъ!

Однимъ словомъ, Силоамскій рѣшилъ послѣдовать примѣру о. Родіона и отправиться къ архіерею. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ матушкой, которая была городского происхожденія.

Уже послѣ поѣздки о. Родіона въ губернскомъ городѣ стали носиться кое-какіе разсказы о молодомъ священникѣ Обновленскомъ, который, будучи магистрантомъ, поѣхалъ на приходъ въ деревню и тамъ завелъ небывалый порядокъ, отказавшись отъ всякихъ доходовъ. Но тогда эти разсказы просуществовали среди духовнаго сословія недолго. Никто на нихъ не настаивалъ; самъ о. Родіонъ разсказалъ двумъ-тремъ пріятелямъ въ порывѣ накипѣвшаго негодованія, но послѣ діалога съ архіереемъ своихъ разсказовъ не возобновлялъ и даже на вопросы отмалчивался.

Силоамскіе объѣхали всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у нихъ было множество. О. Макарій посѣтилъ батюшекъ, а супруга его матушекъ. Силоамскій зашелъ даже къ ректору семинаріи, о Межову, и разсказалъ ему про Кирила.

— Да, да, я это почти предвидѣлъ и предупреждалъ владыку. Въ немъ и тогда еще, когда онъ пріѣхалъ изъ академіи, былъ замѣтенъ нѣкій духъ отчужденія и заносчивости.

— Онъ всегда былъ немножко сумасшедшій, а теперь совсѣмъ помѣшался! замѣтилъ присутствовавшій здѣсь

Digitized by Google

молодой Межовъ, съ большимъ успѣхомъ исполнявшій теперь должность инспектора семинаріи. — Помилуйте, съ какой стати магистранту лѣзть въ деревню? Есть-ли тутъ хоть капля смысла?

— Знаете что, Силоамскій! предложилъ ректоръ: — вы не спѣшите къ архіерею. Я самъ прежде съѣзжу къ нему и поговорю съ нимъ серьезно. Необходимо общими усиліями образумить этого молодого человѣка! Или вотъ что: явитесь вы къ архіерею завтра часовъ въ десять, и я тамъ буду.

Разсказы про чудачества Кирила удивительно быстро облетѣли всѣ перковные дома губернскаго города и къ вечеру того-же дня долетѣли до о. Гавріила Фортификантова и до Анны Николаевны.

— Что-жь это такое, скажите пожалуйста?! воскликцала Анна Николаевна: — онъ уже сдѣлался басней на весь городъ, на всю губернію! И это мой зять, мужъ моей дочери?! Да неужели-же это такъ и останется? Отецъ Гавріилъ! Ты долженъ принять мѣры! Ты долженъ поѣхать къ архіерею, просить, требовать, я не знаю что... Надо спасти нашу дочь!..

О. Гавріилъ, обладавшій спокойнымъ характеромъ и обо всемъ на свѣтѣ полагавшій, что „перемелется—мука будетъ“, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій жены, поѣхалъ къ ректору посовѣтоваться. Они условились вмѣстѣ отправиться къ архіерею. Они пріѣхали вмѣстѣ. У подъѣзда стояла архіерейская карета, запряженная четверней вороныхъ цугомъ. Они поспѣшили подняться наверхъ. Ректоръ шелъ впереди, ступая съ большимъ достоинствомъ; за нимъ мелкой походкой ретиво подымался Силоамскій, и уже въ нѣкоторомъ отдаленіи, задумчиво опустивъ голову, вяло двигался о. Гавріилъ Фортификантовъ. Архіерей сейчасъ-же вышелъ. Онъ былъ въ темно-зеленой рясѣ съ отливами и въ клобукѣ съ длинной мантіей. Въ правой рукѣ у него была солидная трость съ дорогимъ набалдашникомъ, а въ лѣвой—четки, но не тѣ черныя, вязанныя изъ шелковыхъ нитокъ, а на-

Digitized by Google

радныя, изъ какихъ-то рѣдкихъ и красивыхъ камешковъ. Онъ, очевидно, спѣшилъ куда-то.

— А какой почтенный тріумвиратъ! сказалъ онъ веселымъ тономъ. И я уже знаю, зачѣмъ вы пришли! Ты, пѣвчій, пріѣхалъ съ жалобою на Кирила Обновленскаго, такъ что-ли? Ужь я по глазамъ вижу! А отецъ ректоръ желаетъ поддержать тебя своимъ авторитетомъ! Что-же до тебя, о. Гавріилъ, то ты, полагаю, ради доброй компаніи пришелъ! Ну, въ чемъ дѣло? Говорите! кто будетъ говорить?

— Дѣйствительно, ваше преосвященство! началъ-было Силоамскій.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Я-же угадалъ! съ жалобой! Доходу нѣтъ? а? Такъ?

— Съ своей стороны считаю долгомъ сказать, — съ вѣсомъ заговорилъ ректоръ, но архіерей и ему не далъ договорить.

— Стыдитесь, други мои, стыдитесь!.. внушительно проговорилъ онъ:—радоваться надлежитъ такому явленію, какъ этотъ молодой священникъ, а вы—съ жалобой! Блага городской жизни презрѣлъ, почести отвергъ, безкорыстно ближнему служитъ. Что-же тутъ дурного? Ну, ты, о. ректоръ, догматикъ ты извѣстный, скажи— что тутъ дурного по существу дѣла?

— Ваше преосвященство! у него съ помѣщицей подозрительныя дѣла! поспѣшно сказалъ Силоамскій, боясь, чтобы архіерей не перебилъ его на первомъ словѣ.

Это заявленіе вызвало удивленіе на лицѣ ректора, а о. Гавріилъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Глупецъ! строго сказалъ архіерей.—За эту ложь тебя слѣдовало-бы въ монастырь на мѣсяцъ послать. Ничего подозрительнаго въ его дѣлахъ нѣтъ; душою онъ чистъ, какъ младенецъ!

И сказавъ это, архіерей пошелъ къ выходу. Тріумвиратъ стоялъ огорошенный столь неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Digitized by Google

Когда они вышли во дворъ, кареты уже не было. Какъ-то само собой вышло, что всѣ трое пошли въ разныя стороны. Особенно быстро и неизвѣстно куда скрылся Силоамскій, которому было совѣстно, такъ какъ онъ понималъ, что своимъ заявленіемъ о помѣщицѣ онъ испортилъ всю музыку.

Послѣ этого эпизода въ отношеніяхъ между луговскимъ причтомъ наступило затишье. Силоамскій пріѣхалъ изъ города съ такимъ видомъ, словно ничего не случилось. Объ архіерейскомъ пріемѣ ни, онъ, ни матушка не сказали никому ни слова. Когда діаконъ, сильно заинтересовавшійся исходомъ дѣла, однажды осмѣлился спросить Силамскаго, что сказалъ ему архіерей, тотъ отвѣтилъ съ самымъ простымъ и невиннымъ видомъ:

— Нѣтъ, я, знаете, раздумалъ и у архіерея не былъ. Неловко какъ-то, знаете, дурно докладывать о товарищѣ. Оно похоже какъ-бы на ябеду. Нѣтъ, я такъ рѣшилъ: поживу здѣсь немного, а тамъ просто попрошу перевода куда-нибудь, даже не объясняя причинъ.

Съ Кириломъ Силоамскій былъ чрезвычайно вѣжливъ и почтителенъ; никогда не возвышалъ голоса и для большаго доказательства своего смиренія послалъ свою жену съ визитомъ къ Мурѣ. Матушки поговорили съ четверть часа, очень ловко соблюдая всѣ условія самаго тонкаго такта. Мура отдала визитъ, но этимъ и ограничилось знакомство.

Наконецъ Силоамскій не выдержалъ. Не получая никакихъ доходовъ и не успѣвъ ни засѣять, ни отдать въ аренду церковной земли, онъ смотрѣлъ на время, проведенное въ Луговомъ, какъ на потерянное. Поэтому онъ еще разъ съѣздилъ въ городъ, потратилъ массу энергіи, пустилъ въ ходъ всѣ свои пѣвческія связи и добился-таки перевода. Въ іюлѣ старый домъ о. Родіона опять опустѣлъ, и опять Кирилъ, къ своему полному удовольствію, остался одинъ на приходѣ.

Digitized by Google

XIII.

Между тѣмъ луговскому населенію и цѣлому уѣзду грозила бѣда. Почти въ теченіе цѣлаго мая и весь іюнь съ неба не упало ни дождинки. Рожь, поднявшаяся было на двѣ четверти, вдругъ преждевременно ножелтѣла и выбросила жалкій колосъ, лишенный зерна. Рожь пропала повсемѣстно и ее скосили на солому. Надѣялись, что къ Ивану Предтечѣ погода перемѣнится, ударитъ дождь и подыметъ пшеницу, но надежда не оправдалась, и вотъ едва поднявшаяся пшеница стала вянуть, не успѣвъ даже заколоситься. Степь на десятки верстъ кругомъ представляла грустное зрѣлище. Пожелтѣвшія нивы и черныя поля. Уныло бродилъ по безплоднымъ пастбищамъ домашній скотъ, изможденный голодомъ и нестерпимо палящимъ зноемъ, останавливаясь среди голыхъ полей и по цѣлымъ часамъ безнадежно глядя на свѣтло-голубое небо, гдѣ не было видно ни клочка облака. По временамъ на него вдругъ находило какое-то изступленіе и онъ цѣлой гурьбой, стуча копытами по высохшей землѣ, мчался къ луговой рѣчонкѣ, но, видя вмѣсто воды извилистое, узкое русло, такъ какъ рѣчка давно уже высохла, начиналъ стонать съ невыразимой тоской. Въ колодцахъ берегли воду какъ золото, поили скотъ изъ рукъ, боясь, чтобы колодцы не высохли и не пришла смерть отъ жажды. У селянъ однако былъ запасъ прошлогодняго хлѣба, который они и старались расходовать экономно. Притомъ и надежда не оскудѣвала. Жито пропало—надѣялись на пшеницу; стала жалтѣть пшеница—возложили надежду на просо. Но вотъ и іюль приходилъ къ концу, и Илія прошелъ безъ дождя, наступилъ августъ и были похоронены всѣ надежды.

Кирилъ повсюду, и въ церкви, и на требахъ, встрѣчалъ мрачныя лица селянъ и самъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе. Проходя мимо кабака, онъ слы-

Digitized by Google

шалъ доносившіеся оттуда крики, пѣсни и ругательства и припоминалъ, что въ лучшее время эти крики были слышны рѣже и раздавались не такъ рѣзко. И онъ думалъ о томъ, какъ страшно устроенно это существо, этотъ темный деревенскій человѣкъ, который въ голодные дни все-таки находитъ кое-что для того, чтобы пропить. Онъ останавливалъ, увѣщевалъ, старался образумить.

— Батюшка! отвѣчали ему подвыпившіе:—все одно съ голоду попухнемъ! А такъ и умирать веселѣе!

— Не надо умирать, а бороться надо! говорилъ Кирилъ, но тутъ-же самъ начиналъ понимать, что это пустыя слова, потому что борьба немыслима. „Не бороться, а выносить терпѣливо, покорно, въ ожиданіи лучшаго“, думалось ему.

Съ половины августа появились случаи скотскаго падежа. Скотъ издыхалъ отъ истощенія и жажды, издыхалъ среди поля, гдѣ стоялъ. Въ разныхъ концахъ деревни раздавался плачъ.

— Такъ и съ нами будетъ, какъ съ скотинкой! говорили мужики и, глядя на издохшую корову, обливались такими-же горячими слезами, какъ если-бы умеръ близкій человѣкъ.

Кирилъ приходилъ домой разстроенный и мрачный. Тяжелыя мысли наполняли его голову. Онъ видѣлъ людей совершенно безпомощныхъ, которымъ угрожалъ близкій голодъ. Онъ говорилъ слова утѣшенія, и тутъ-же съ болью въ сердцѣ сознавалъ, что эти слова никого не утѣшатъ, что нужна помощь дѣйствительная, помощь дѣломъ, хлѣбомъ. На него напала какая то нерѣшительность. Бывали минуты, когда ему казалось, что вся его дѣятельность, которую онъ такъ высоко ставилъ—пустая забава, не больше. Что онъ дѣлалъ? Поучалъ, просвѣщалъ, можетъ быть, кого-нибудь сдѣлалъ умнѣе, просвѣтилъ чью-нибудь заблуждавшуюся душу, но вотъ надо сохранить людямъ здоровье и даже жизнь—и онъ безсиленъ. Онъ пересталъ брать доходы, это хорошо, но теперь это уже не заслуга, потому что все равно у мужиковъ давать нечего.

Digitized by Google

Однажды къ нему пришли звать на похороны, какъ разъ въ то время, когда они обѣдали съ Мурой. Явился паренекъ въ грязной, затасканной сорочкѣ, босой, съ лицомъ блѣднымъ и испещреннымъ пятнами. У него умерла мать.

— Отчего она умерла? съ тревогой въ голосѣ спросилъ Кирилъ, который еще три дня тому назадъ видѣлъ его мать, Арину Терпелиху, когда она, сгибаясь подъ тяжестью ведеръ, несла отъ колодца домой воду

— А Богъ ее знаетъ! тупо глядя въ пространство, отвѣтилъ паренекъ.—Надо полагать, съ пищи.

— Что значитъ: съ пищи? съ еще большею тревогой продолжалъ свой допросъ Кирилъ, уже предчувствуя въ душѣ своей что-то грозное.

— Вчерась похлебки изъ высѣвокъ поѣла, такъ ее и подвело.

— Изъ высѣвокъ? Это значитъ: изъ отрубей! какимъ-то особенно глухимъ голосомъ пояснилъ онъ Мурѣ.— Отруби ѣдятъ... Вотъ до чего дошло!..

Онъ ходилъ по комнатѣ почти въ изступленіи. Въ груди у него зачиналась страшная буря. Онъ чувствовалъ, что какъ будто какая-то сила побуждаетъ его и насильно гонитъ куда-то, на какой-то подвигъ, и онъ перестаетъ принадлежать самому себѣ. Мура смотрѣла на него съ изумленіемъ и со страхомъ. Она тихо сказала пареньку:— Иди, батюшка придетъ! И когда паренекъ вышелъ, тихо спросила:

— Кирилъ, что съ тобой?

Она встала и подошла къ нему. Лицо его было блѣдно; большіе глаза горѣли, какъ у больного. Она взяла его за руку, онъ остановился.—Что съ тобой, Кирилъ, дрожащимъ голосомъ повторила Мура.

— Ахъ, Мура! простоналъ онъ и припалъ головой къ ея груди. Мура чувствовала, что онъ плачетъ, старалась успокоить его, но ничего не понимала.

— Кирилъ, отчего это? Почему ты плачешь?

— Какъ? развѣ ты не видишь? Начинается голодъ,

Digitized by Google

вотъ первая смерть отъ голода, голодная смерть, Мура, среди людей, среди оживленныхъ городовъ, гдѣ бойко идетъ торговля и люди веселятся и предаются излишествамъ! Вѣдь это ужасно, Мура! Смотрѣть на это нельзя сложа руки! Нельзя ѣсть этотъ сытный обѣдъ, когда женщина умираетъ отъ похлебки изъ отрубей... Нельзя, нельзя!.. Надо дѣйствовать!..

Онъ говорилъ это задыхающимся голосомъ и при этомъ глядѣлъ въ окно, откуда видна деревня. Его воображенію представлялось, что смерть уже ходитъ по всѣмъ хатамъ и что онъ уже опоздалъ съ своей помощью. Вѣдь опоздалъ-же онъ помочь этой женщинѣ, которая умерла отъ похлебки.

— Но что-же мы можемъ подѣлать, Кирилъ? Вѣдь мы сами бѣдны! сказала Мура.

Но Кирилъ не отвѣтилъ на это. Онъ порывисто надѣлъ на себя рясу, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ почти бѣжалъ по дорогѣ къ помѣщицѣ. Вѣтеръ вздувалъ полы его рясы, и онъ, размахивая руками и дѣлая большіе шаги, походилъ на огромную птицу, несущуюся низко надъ самой землей.

— Куда это нашъ батюшка такъ бѣжитъ? съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга встрѣчные мужики.— можетъ, что случилось такое. И блѣдный какой, точно смерть, и глаза какъ горятъ!..

Кирилъ не замѣтилъ, какъ прошелъ три версты. Онъ сильно дернулъ калитку сада, прошелъ садовой аллей и не обратилъ вниманія на свирѣпый лай цѣпной собаки, которая, несмотря на то, что часто его видѣла, не могла никакъ примириться съ его рясой. Онъ поднялся на крыльцо и вошелъ въ переднюю. Тутъ ему встрѣтилась горничная.

— Гдѣ Надежда Алексѣевна? спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прошелъ въ столовую.

Надежда Алексѣевна только-что сѣла за обѣденный столъ. Рядомъ съ нею, на высокомъ стулѣ, сидѣлъ мальчикъ съ подвязанной подъ самую шею салфеткой. Взгля-

Digitized by Google

нувъ на Кирила, она оставила ложку и поднялась. Видъ его былъ до такой степени необычайный, что она и не подумала пригласить его обѣдать, а прямо обратилась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ:

— Что случилось? Говорите скорѣй! Что-нибудь съ Марьей Гавриловной, съ Гаврюшей?

— Нѣтъ, нѣтъ! Голодъ! Люди мрутъ отъ голода! возвышеннымъ голосомъ отвѣчалъ онъ и, поднявъ руку, медленнымъ жестомъ указалъ по направленію къ деревнѣ:— Тамъ! прибавилъ онъ.

Его тонъ, голосъ и движенія были величественны. Какъ-бы почувствовавъ призваніе, отъ въ эту минуту не могъ говорить просто, а могъ только призывать, будить, проповѣдовать. Тѣ слова, которыя онъ скажетъ сейчасъ, полчаса назадъ показались-бы ему напыщенными, а этотъ величественный жестъ—театральнымъ.

— Гдѣ тамъ? спросила Надежда Алексѣевна. Ей было извѣстно, что на селѣ не ждали урожая, въ ея собственной экономіи было тоже оскудѣніе, хотя далеко не въ той степени, потому что было много земли и кое-гдѣ все-таки уродило. Но она не подозрѣвала, что дошло до голода.

— На деревнѣ! отвѣтилъ Кирилъ прежнимъ голосомъ.—За мной только-что приходили—хоронить; умерла Терпелиха отъ мякинной похлебки! Значитъ, уже ѣсть совсѣмъ нечего. А мы съ вами вотъ вкусно и сытно обѣдаемъ и всячески наслаждаемся жизнью. Послушайте, Надежда Алексѣевна, я отдамъ все, что имѣю, но это ничтожныя крохи. Помощь нужна существенная! Вы можете помочь и должны, должны, и поможете. Вѣдь у васъ хорошее сердце!..

Никогда онъ не рѣшился-бы сказать ей это въ обыкновенную минуту. Онъ счелъ-бы это навязчивостью, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, даже попрошайничествомъ, хотя-бы для другихъ. Но теперь ему не было дѣла до этихъ тонкостей житейскаго обихода; онъ смотрѣлъ прямо на дѣло и видѣлъ передъ собою фактъ—ужасную смерть

Digitized by Google

отъ голода. Его блѣдное лицо дышало суровымъ вдохновеніемъ, горячіе взгляды западали глубоко въ душу. Передъ Надеждой Алексѣевной стоялъ не тотъ скромный священникъ, который иногда даже стѣснялся высказать свои взгляды, а если воодушевлялся, то видимо старался подавить въ себѣ порывъ и высказаться мягко. Передъ нею стоялъ вдохновенный пророкъ, въ длинной библейской одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ аскета, съ выраженіемъ глубокаго страданія мученика.

Она была потрясена и его разсказомъ, и его видомъ и манерой. Она почувствовала, что и ее охватываетъ возвышенное настроеніе, что и ею овладѣваетъ неотразимое желаніе сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ хорошее дѣло.

Охваченная этимъ чувствомъ, она взяла его руку и крѣпко пожала ее и затѣмъ быстро вышла въ другую комнату.

Черезъ двѣ минуты она возвратилась и, подойдя къ Кириду, подала ему небольшой свертокъ ассигнацій.

— Здѣсь немного, сказала она суровымъ и дрожащимъ голосомъ—всего около трехъ-сотъ рублей. Но въ городѣ у меня есть еще... Могу взять! Позвольте, прибавила она, приложивъ руку ко лбу, какъ-бы что соображая:—мнѣ надо поговорить съ приказчикомъ!..

Позвали приказчика. Этотъ старикъ, съ длинной бородой и умными, проницательными глазами, служилъ еще при покойномъ Крупѣевѣ и происходилъ изъ крѣпостныхъ. Въ качествѣ приказчика или, какъ его называли, эконома, онъ пережилъ безалаберное управленіе молодого Крупѣева и пьяный режимъ теткина сына, а теперь руководилъ всѣмъ хозяйствомъ.

— Есть у насъ запасъ хлѣба? спросила его Надежда Алексѣевна.

— Не много, что съ прошлаго лѣта осталось! отвѣтилъ тотъ.—Ежели для продажи, такъ даже не стоитъ пачкаться: пудовъ до ста пшеницы да жита четвертей сорокъ. Ячменя пудовъ триста будетъ, да самимъ надобно.

Digitized by Google

Да и всего, при нынѣшнемъ уражаѣ, пожалуй, самимъ не хватитъ.

— Ладно, ступай себѣ...

Но приказчикъ не уходилъ, а очевидно что-то хотѣлъ сказать.

— Барыня! Тамъ четверо мужиковъ просятъ хоть по мѣркѣ жита отпустить... Не дадите, говорятъ, съ голоду помирать придется.

— Выдать сейчасъ-же! сію минуту!

— Слушаю-съ!

И приказчикъ ушелъ.

— Теперь пойдемте! сказалъ Кирилъ.

— Пойдемте! отвѣтила она и, наскоро сдѣлавъ распоряженіе насчетъ сына, очень быстро собралась. И ему, и ей почему-то казалось, что надо непремѣнно идти пѣшкомъ, что ѣхать въ экипажѣ туда, гдѣ голодъ и смерть, непристойно, оскорбительно. И они пошли большой степной дорогой. Опять прохожіе съ недоумѣніемъ останавливались, видя священника и помѣщицу, поспѣшавшихъ на деревню съ взволнованными и встревоженными лицами. Они шли молча. Надежда Алексѣевна едва поспѣвала за Кириломъ.

Смерть Терпелихи была только вывѣской несчастья, посѣтившаго Луговое. Терпелиха умерла случайно, потому что съ голоду набросилась на мякинную похлебку и съѣла ея слишкомъ много. Но голодъ поселился уже въ половинѣ хатъ огромнаго мѣстечка. Хлѣба въ этихъ хатахъ совсѣмъ не было, а отрубей прошлогоднихъ осталось немного, то, чего не доѣли свиньи. Въ нѣкоторыхъ домахъ пробовали убивать на мясо скотъ, но несчастныя животныя были до такой степени худы и изможденны, что убой почти не достигалъ цѣли. Дѣти вяло играли въ дворахъ, блѣдныя, съ опухшими животами. Кирилъ и Надежда Алексѣевна начали съ крайней хаты, и съ каждымъ дворомъ ихъ отчаяніе росло. Почти во всѣхъ хатахъ оказывались больные, которые валялись на печкахъ безъ всякаго присмотра, потому что остальнымъ было не до

Digitized by Google

нихъ. Мужчины пытались ходить на заработки, но идти приходилось слишкомъ далеко, потому что во всемъ уѣздѣ былъ неурожай. При томъ плата за рабочія руки до того понизилась, что не стоило работать. Было очевидно, что формальный голодъ длился уже нѣсколько недѣль и теперь послѣдствія его должны были обостриться.

— Почему-же вы таили? Почему никто не обратился за помощью ко мнѣ? спрашивала Надежда Алексѣевна.

Но на это ей отвѣчали молчаніемъ. И ей почудилось, что даже и теперь ея помощь принимали они неохотно, съ недовѣріемъ. „Пожалуй, если-бы со мною не было священника, они не пустили-бы меня въ домъ“, думалось ей, и все это казалось ей естественнымъ и понятнымъ. Сколько лѣтъ она жила здѣсь бокъ-о-бокъ съ деревней и не интересовалась тѣмъ, что здѣсь дѣлается, что думаютъ и какъ живутъ эти люди. Она затворилась въ скорлупѣ своего презрѣнія къ людямъ и занималась любовью къ своему сыну. Но развѣ эти люди вызвали въ душѣ ея презрѣніе? Нѣтъ, другіе, а она уклонялась и отъ этихъ, и ее видѣли только по большимъ праздникамъ въ церкви, изъ которой она спѣшила домой и опять затворялась одна въ своемъ полуразрушенномъ замкѣ, окруженномъ садомъ. За это равнодушіе они платили ей недовѣріемъ.

Они ходили до поздней ночи и пришли въ церковный домъ совершенно усталые. Мура была въ ужасномъ безпокойствѣ. Она не могла понять, куда дѣвался Кирилъ, и вообразила Богъ знаетъ что.

— Ахъ, если-бы ты могла видѣть, что тамъ дѣлается, восклицалъ онъ,—ты оставила-бы все и пошла туда. Голодные и больные—и ни откуда помощи!.. Какая ужасная судьба захолустья! Пока все благополучно, живетъ оно себѣ изо дня въ день, кое-какъ перебивается и ничего не требуетъ. Но чуть стряслась бѣда—тутъ и оказывается, что оно вполнѣ одиноко, точно на островѣ среди океана! Боже мой! сколько въ столицахъ и городахъ толкается людей съ умомъ, съ образованіемъ и

Digitized by Google

сердцемъ, но безъ дѣла или даже съ глупымъ дѣломъ! Да идите-же сюда, идите въ это темное захолустье! Здѣсь васъ томительно ждетъ живая работа! И какая жестокость! Подлинно—homo hominі lupus est. Эти жадные лавочники сейчасъ-же воспользовались бѣдой и подняли цѣны на съѣстные припасы до невѣроятныхъ размѣровъ, точно во время войны! Ужасно!

— Это очень грустно! съ искреннимъ соболѣзнованіемъ сказала Марья Гавриловна:—но мы ничего не можемъ подѣлать... Мы вѣдь сами ничего не имѣемъ!

Кирилъ промолчалъ, но сурово нахмурилъ брови. Надежда Алексѣевна задумчиво смотрѣла въ окно. Она думала о томъ, какое это странное супружество и какъ мало они подходятъ другъ къ другу. Онъ—пылкій энтузіастъ, идеалистъ, почти фанатикъ своей идеи, способный ради нея забыть обо всемъ на свѣтѣ; она—ограниченное существо, встрѣчающее удивленіемъ всякую свѣжую мысль, всякій сколько-нибудь нешаблонный поступокъ. Она не понимаетъ его нисколько, а онъ такъ мало внимателенъ къ своему собственному положенію, что повидимому до сихъ поръ этого не замѣчаетъ.

Кирилъ засѣлъ за письма. Онъ писалъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ въ губернскій городъ всевозможнымъ властямъ, описывая мрачными красками положеніе Лугового; требовалъ врача, лекарствъ, хлѣба... Затѣмъ онъ составилъ воззваніе для помѣщенія въ газетѣ, гдѣ онъ умолялъ гражданъ о помощи. Приготовивъ все это, онъ сейчасъ-же снарядилъ церковнаго сторожа, взялъ крѣпкую и быструю лошадь у Крупѣевой и отправилъ его въ городъ. Исполнивъ это, онъ опять пошелъ на село. Было около трехъ часовъ утра. Въ деревнѣ уже просыпались. Надежда Алексѣевна потребовала изъ дому экипажъ, съѣздила въ усадьбу, убѣдилась, что сынъ ея спитъ спокойно, и тотчасъ вернулась въ деревню.

Они неустанно работали втеченіи двухъ сутокъ. Всюду, гдѣ была нужда, они раздавали деньги и хлѣбъ, но главное вниманіе сосредоточивали на больныхъ, кото-

Digitized by Google

рыхъ было множество. Они старались разгадать болѣзнь, но не могли. Былъ жаръ и бредъ, и Кирилъ догадывался, что это брюшной тифъ, но рѣшительно безъ всякихъ основаній, потому что онъ не зналъ симптомовъ. Въ эти дни ему пришлось похоронить троихъ, а Терпелиха была четвертой. На третій день къ нимъ пристала доброволица. Это была жена мѣстнаго писаря, женщина лѣтъ сорока, съ совершенно изрытымъ оспой лицомъ и съ добрымъ сердцемъ. Нѣкогда она была сестрой милосердія, ѣздила даже въ Турцію и кое-что помнила изъ лечебныхъ пріемовъ. Она сейчасъ-же принялась растирать, ставить компрессы, горчишники и припарки, и даже давала что-то внутрь.

На третій день пріѣхалъ изъ города докторъ, и этимъ пока ограничилась помощь губернскаго города.

XIV.

Марья Гавриловна проводила теперь цѣлые дни въ слезахъ. Кирилъ оставлялъ ее одну. Онъ изрѣдка, раза два въ день, заходилъ домой, растеряно передавалъ ей свои впечатлѣнія и опять уходилъ. Мура десять разъ собиралась поговорить съ нимъ, но это не удавалось. Однажды она насильно заставила его выслушать себя.

— Кирилъ, что-же это ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь? спросила она, держа платокъ на-готовѣ, потому что слезы лились у нея каждую минуту.

Кирилъ посмотрѣлъ на нее неопредѣленнымъ взглядомъ и какъ будто не понялъ вопроса.

— Ты посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ?! Лица на тебѣ нѣтъ! Вѣдь ты заболѣешь, умрешь...

— Полно, Мура, объ этомъ вовсе не слѣдуетъ думать! Это мой долгъ, я его исполняю!

— Ты выдумалъ себѣ этотъ долгъ! Ты забываешь, что у тебя жена и ребенокъ!

— Да, Мура, ты права! Бываютъ минуты и даже часы, когда я это забываю. Но развѣ можно помнить, когда

Digitized by Google

передъ тобой столько горя и страданій! задумчиво промолвилъ Кирилъ.

— Всѣхъ страданій не утолишь, всего горя не излечишь!

— Не говори такъ, Мура! не говори, прошу тебя! Такъ говорятъ люди, которые не хотятъ утолить ни одного страданія, излечить ничьего горя. Всѣхъ не утолишь—такъ утоли тѣ страданія, которыя видишь, сдѣлай то, что въ силахъ. И откуда ты набралась этой проклятой житейской мудрости, заглушающей въ тебѣ голосъ сердца? Ахъ, Мура, если-бы ты знала, какъ мучительно мнѣ это слышать отъ тебя!.. Вѣдь ты моя жена, мы связаны съ тобой неразрывно. И что-же? Ты хватаешь меня за полу и хочешь удержать меня дома, когда я иду на святое дѣло милосердія и состраданія! Но вѣдь мы еще такъ молоды! только теперь, въ эти годы, человѣкъ охотно отдается благороднымъ порывамъ и жертвуетъ своимъ личнымъ благомъ. Вѣдь придутъ года спокойной зрѣлости, когда и мы вѣроятно будемъ коснѣть въ равнодушіи ко всему, кромѣ своего маленькаго гнѣзда. Зачѣмъ-же спѣшить, Мура? Зачѣмъ спѣшить?

— Не понимаю я этого, не понимаю, Кирилъ, и вижу только одно, что ты меня вовсе не любишь! Ты всѣхъ любишь больше, чѣмъ меня и нашего сына!..

— Полно, Мура! Что-жь, это правда, я всѣхъ людей люблю, а тебя и Гаврюшу люблю особо. Что-жь мнѣ дѣлать, если я не могу иначе?.. Нѣтъ, нѣтъ, Мура, съ приливомъ бодрости и почти весело прибавилъ онъ и при этомъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и поцѣловалъ ее въ голову:—не говори этого, не останавливай меня! Ты здорова и сынъ нашъ здоровъ, вы теперь не нуждаетесь въ моихъ заботахъ, а тамъ—если-бы ты знала, если-бы ты видѣла, какъ тамъ въ этомъ нуждаются!..

Онъ ушелъ, а Мура опять принялась плакать. А тутъ еще явилась Ѳекла съ своими причитаньями:

— Что это дѣлается, совсѣмъ даже понять нельзя! восклицала она, вытирая слезы передникомъ:—какъ по-

Digitized by Google

смотрю я на васъ, матушка, несчастненькая вы, какъ есть несчастненькая! Вотъ даже покушать вамъ какъ слѣдуетъ нечего... яичко да сметанка, словно монашенка какая!

Мура дѣйствительно питалась теперь сухоядѣніемъ. Кирилъ роздалъ прихожанамъ все августовское жалованье, и они довольствовались тѣмъ, что доставала Ѳекла въ долгъ у лавочниковъ.

Ѳекла продолжала:

— День и ночь одна-одинешенька, съ малюточкой-маленькимъ, словно не мужняя жена, а вдовица сирая! а онъ, муженекъ-то, батюшка-то нашъ, тамъ съ панной этой... Господь его знаетъ!.. Я не говорю, чтобы что, Боже сохрани, какъ можно! А все-жь-таки Господь его знаетъ!..

Мура смотрѣла въ окно, чтобы спрятать лицо отъ Ѳеклы. Но послѣднія слова какъ-то надорвали ее, и она громко зарыдала.

Въ окно она видѣла, какъ Кирилъ шелъ по деревенской дорогѣ, какъ онъ встрѣтился съ маленькимъ толстенькимъ господиномъ—она знала, что это докторъ, присланный изъ города; потомъ ихъ нагнала коляска, въ которой сидѣла Надежда Алексѣевна; Кирилъ и докторъ сѣли въ экипажъ, и они втроемъ поѣхали на другой конецъ деревни. Мура отвернулась отъ окна. Было-ли это слѣдствіе разстройства нервовъ, или на нее повліяли намеки Ѳеклы. но она въ эту минуту ясно почувствовала непріязнь къ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Какой-то неопредѣленный гулъ въ церковной оградѣ заставилъ ее вздрогнуть. Она вытерла слезы и выбѣжала на крыльцо. Когда она увидѣла подъѣхавшій къ самому крыльцу экипажъ, сердце у нея страшно забилось и дыханіе сперлось. Черезъ двѣ секунды она лежала безъ чувствъ въ объятіяхъ Анны Николаевны, а старый діаконъ Обновленскій дрожащими руками поддерживалъ ее.

Муру внесли въ комнату и положили на диванѣ; она лежала въ обморокѣ. Пока принимали кое-какія

Digitized by Google

мѣры, Ѳекла шепотомъ успѣла вкратцѣ познакомить ихъ съ положеніемъ дѣла.

— И повѣрите-ли, милая матушка, что онѣ терпятъ, такъ даже уму непостижимо: день деньской однѣ съ младенцемъ! кушать, повѣрите-ли, кушать нечего! о. Кирилъ все съ панной этой по хатамъ...

И все до малѣйшей подробности. Старый діаконъ слушалъ, повѣсивъ голову и чувствуя себя виноватымъ за сына. Его нарочно выписали изъ Устимьевки и взяли въ Луговое для того, чтобы онъ своимъ отеческимъ внушеніемъ образумилъ сына. Хотя онъ очень хорошо зналъ, что это ему не удастся, тѣмъ не менѣе не смѣлъ ослушаться приказанія соборной протоіерейши и поѣхалъ.

— Не чаяла я застать здѣсь что-нибудь доброе, со слезами говорила протоіерейша,—но такихъ дѣлъ отъ твоего сына не ожидала, нѣтъ, не ожидала!

А діаконъ все сидѣлъ съ опущенной головой и положивъ руки на колѣни. Онъ зналъ, что скажетъ ему сынъ. Онъ скажетъ: „вѣдь это, батюшка, по-евангельски; я самарянинъ, взявшій на плечи болящаго и омывающій его раны!“ И старикъ ничего не найдется отвѣтить ему.

Мура пришла въ себя и встала съ дивана. — Ахъ, молоко испортилось! сказала она:—чѣмъ я покормлю Гаврюшку?!

На распросы матери она сперва отмалчивалась, но потомъ разсказала все. Анна Николаевна рѣшительно объявила, что больше она не потерпитъ этого посмѣянія и проучитъ его такъ, что онъ сразу опомнится. Она велѣла Мурѣ сію-же минуту собирать узлы и укладывать вещи. Ѳекла вполнѣ одобряла это и дѣятельно помогала.

— А, такъ, такъ, голубушка-матушка! И повѣрьте, что онъ, батюшка, образумится! говорила она.

Мура испугалась этого рѣшенія, просила подождать, подумать, но протоіерейша была неумолима.

— Если онъ любитъ тебя и сына, то повѣрь, что сейчасъ-же прилетитъ за вами; а не любитъ—чортъ съ нимъ! рѣшительно заявила она, и діаконъ, который

Digitized by Google

слышалъ это, не могъ вынести такого отзыва и вышелъ. Онъ пошелъ на село искать сына, чтобы предупредить его о грозящей бѣдѣ. Но пока онъ искалъ Кирила. узлы были увязаны и Мура, обливаясь слезами, уѣхала въ городъ съ матерью и сыномъ.

Докторъ опредѣлилъ въ Луговомъ эпидемію брюшного тифа.

Это былъ на видъ смѣшной человѣчекъ—небольшого роста, толстенькій и плечистый. Ходилъ онъ мелкой, но ужасно твердой походкой, подчеркивая каждый шагъ и при каждомъ шагѣ выдвигая то одно, то другое плечо. Лицо у него было красное, съ широкой, но не длинной четырехъ-угольной бородой русаго цвѣта съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, носъ вздернутый кверху, глаза сѣрые, большіе, а волосы на головѣ густые, остриженные ежомъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую парусину, съ парусиновой-же фуражкой, козырекъ которой торчалъ перпендикулярно къ большому лбу.

Онъ приступилъ къ дѣлу энергично и сразу сталъ обращаться съ Кириломъ и Крупѣевой какъ со старыми знакомыми. Звали его Аркадіемъ Андреевичемъ Сапожковымъ.

— Вы бы, барынька, выспались хорошенько, а то вы вмѣсто рта въ ухо лекарство льете! говорилъ онъ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Это было преувеличено. Надежда Алексѣевна очень внимательно исполняла обязанности сестры милосердія; но въ тотъ день, когда пріѣхалъ докторъ, она дѣйствительно была страшно утомлена безсонницей. Втеченіи двухъ сутокъ она не смыкала глазъ. Кирилу онъ сказалъ, что изъ него могла-бы выйти прекрасная сидѣлка, а писареву жену похвалилъ за ловкость, только убѣдительно просилъ не ставить горчишниковъ. У него былъ одинъ большой недостатокъ: на каждомъ шагу онъ бранился въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? кротко спрашивалъ его Кирилъ:—неужели нельзя безъ этого?

Digitized by Google

— Положительно немыслимо, батюшка, положительно немыслимо! отвѣчалъ тотъ.—Вотъ-съ, напримѣръ, я довольно ловкій лекарь: видите—люди выздоравливаютъ. Но отнимите у меня право выражаться по душѣ, клянусь честью, вся моя ловкость къ чертямъ пойдетъ!.. Это, знаете, помогаетъ, ужасно помогаетъ! Надо вамъ знать, батюшка, что я десять лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою молокососомъ, въ военномъ лазаретѣ упражнялся, тамъ и научился этому...

Онъ прибавилъ, что присутствіе женщинъ всегда стѣсняетъ его, потому что при нихъ надо прикусывать языкъ.

— Но вы, батюшка, меня удивляете! говорилъ онъ Кирилу.—Много я въ своей жизни батюшекъ видѣлъ—и молодыхъ и старыхъ, и важныхъ и скромныхъ. Но всѣ они большею частью запирались въ клѣть свою въ подобныхъ случаяхъ. Страшно боялись заразиться. А вы—храбрый батюшка!

Сапожковъ работалъ неустанно, и ему удалось значительно ослабить эпидемію. Это было тѣмъ легче, что теперь уже ни въ одной хатѣ не ѣли мякину, а вездѣ былъ хлѣбъ. Узнавъ, что торговцы подняли цѣну на съѣстные продукты, Сапожковъ полетѣлъ на базаръ, гдѣ было зданіе вродѣ гостиннаго двора, въ которомъ размѣстились еврейскія лавки. Здѣсь онъ разыгралъ грозное начальство и поднялъ страшный крикъ.

— Ахъ, вы сякіе-такіе! кричалъ онъ и топалъ при этомъ ногами:—Да я васъ... Знаете-ли, что я могу сдѣлать? Я могу всѣхъ васъ въ тюрьму засадить, ежели вы только не станете сію-же минуту продавать по-человѣчески! Могу сейчасъ-же изъ города вызвать роту солдатъ! Слыхали?

И въ доказательство своего могущества онъ прибавилъ нѣсколько очень крѣпкихъ словъ.

Базаръ струсилъ и понизилъ цѣны до нормальныхъ. Этотъ маленькій докторъ вообще дѣйствовалъ крайне рѣшительно. Онъ видѣлъ, что у его добровольныхъ по-

Digitized by Google

мощниковъ не хватаетъ силъ, да и число ихъ слишкомъ незначительно—всего трое, тогда какъ у него формальныхъ больныхъ насчитывалось десятка три. Поэтому онъ разыскивалъ старухъ, тащилъ ихъ къ больнымъ и заставлялъ ихъ быть сидѣлками.

— Все равно—даромъ только воздухъ портишь! говорилъ онъ при этомъ.—Что? Боишься заразы? Смерти боишься? Эка важность! Ну, умрешь, похоронятъ, сгніешь, черви съѣдятъ, и все тутъ! Ступай! Нечего мѣшкать!

Мужики были отъ него въ восторгѣ; особенно имъ нравилось, что онъ употребляетъ крѣпкія словечки.

— Могу васъ увѣрить, что многіе изъ нихъ отъ одного этого выздоравливаютъ! говорилъ онъ Кирилу.—Услышитъ родное словечко, и духъ возрадуется и воспрянетъ!..

Діаконъ Обновленскій нашелъ Кирила, по указанію мужиковъ, на другомъ концѣ села. Въ хатѣ, куда онъ вошелъ, было темновато. На него сразу повѣяло какимъ-то больничнымъ воздухомъ. Онъ замѣтилъ двѣ группы. Одна, въ которой были докторъ и Надежда Алексѣевна, возилась у высокой кровати. Тутъ подъ овчиннымъ тулупомъ лежала пожилая женщина, откинувъ голову назадъ и закрывъ глаза. Докторъ возился съ термометромъ. Діаконъ прищурился, стараясь разглядѣть Кирила, но не нашелъ его. Тогда онъ обратилъ вниманіе на другую группу. На низкомъ „припечкѣ“ лежалъ мальчуганъ лѣтъ десяти, прикрытый какой-то женской кофтой. Кирилъ держалъ его за руку. Діаконъ подошелъ къ нему. Взглянувъ на сына, онъ испугался худобы и блѣдности его лица. Кирилъ самъ походилъ на больного.

— Кирилъ! тихо сказалъ онъ надъ самымъ его ухомъ, и когда Кирилъ поднялъ на него глаза, діаконъ покачалъ головой. Кирилъ оставилъ руку больного и всталъ. Онъ поцѣловалъ отца въ губы.

— Видите, батюшка, что у насъ дѣлается! ужасно! сказалъ онъ, и, обратившись къ доктору и Крупѣевой, прибавилъ:—это мой отецъ! Добрѣйшій старикъ!..

Digitized by Google

Докторъ приподнялся и подалъ діакону руку. Надежда Алексѣевна кивнула ему головой и пристально посмотрѣла на него, какъ-бы вглядываясь въ черты его лица.

— Выйдемъ на минутку! сказалъ Кирилу діаконъ.

Кирилъ взялъ шляпу и они вышли во дворъ.

— Видишь, я не одинъ пріѣхалъ, теща твоя тоже тутъ... Она гнѣвается, и жена твоя тоже недовольна.

— А вы? спросилъ Кирилъ.—И вы недовольны?

— Не обо мнѣ рѣчь. Протоіерейша, Анна Николаевна, хочетъ увезти жену твою и сына...

Кирилъ на минуту задумался, какъ-бы размышляя. хорошо это или дурно. Потомъ онъ сказалъ:—Что-жь, это хорошо, что они уѣдутъ. Тамъ имъ лучше будетъ. Здѣсь безпокойство и недостатокъ. Когда это кончится, Мура пріѣдетъ.

— А тебѣ не будетъ скучно, Кирилъ?

— Нѣтъ, твердо промолвилъ онъ: — не будетъ!..

Діаконъ сѣлъ на заваленкѣ, а Кирилъ ушелъ въ хату.

Старикъ оставилъ мысль о томъ, чтобы подѣйствовать на сына. Тонъ, которымъ говорилъ Кирилъ, не допускалъ никакой надежды. Видно было, что онъ глубоко проникся своимъ призваніемъ и никакія обстоятельства, никакія личныя и самыя тяжелыя потери не въ силахъ оторвать его отъ дѣла, которому онъ отдался всѣмъ существомъ своимъ. И странное дѣло! Дотолѣ встревоженный, теперь, повидавшись съ сыномъ, онъ какъ-то сразу успокоился, точно побѣжденный его подвижническимъ видомъ, его спокойною рѣчью.

Углубленный въ размышленіе, діаконъ вдругъ очнулся, почувствовавъ, что рядомъ съ нимъ на заваленкѣ кто-то сѣлъ. Онъ взглянулъ на сосѣда. Это былъ глубокій старикъ, совершенно сѣдой, съ сморщеннымъ лицомъ, съ мутными, выцвѣвшими глазами. Онъ плакалъ, вытирая слезы кулакомъ.

— Э, дѣдъ! Что плакать? Богъ милостивъ! сказалъ діаконъ, желая его утѣшить.

Digitized by Google

— Ахъ, миленькій, я не объ томъ, не объ томъ! дряблымъ голосомъ промолвилъ дѣдъ, очевидно, зрѣніемъ не различая, кто сидитъ рядомъ съ нимъ.—Отъ радости плачу, миленькій, отъ радости!

— Чему-жь ты радуешься, дѣдъ?

— Христовы люди на землѣ проявились, вотъ что! Все одно какъ-бы мученики. Примѣрно, батюшка: младъ, а какіе подвиги подѣялъ... Ахъ-ахъ-ахъ!.. Восемь десятковъ на свѣтѣ живу, миленькій, а такого не видалъ. Истинно посланецъ божій!.. И опять-же барынька и лекарь какъ трудятся... Ангелы, а не человѣки!.. Истинно ангелы. И знаешь, миленькій: когда видишь этакихъ людей—и грѣшить стыдно... Ангелы, ангелы!..

Старикъ крестился и плакалъ. Умиленный діаконъ едва сдерживалъ слезы.

Когда они съ Кириломъ возвратились въ церковный домъ, тамъ было пусто. Кирилъ зашелъ въ спальню, взглянулъ на комодъ, съ котораго были убраны всѣ мелкія принадлежности туалета Муры, посмотрѣлъ на дѣтскую кроватку, на которой лежалъ обнаженный тюфячекъ, и какое-то непріятное чувство отчужденности стѣснило ему грудь. „Уѣхать, даже не простившись! мысленно укорилъ онъ Муру: —какъ-же далеки мы другъ отъ друга!“

Съ отцомъ онъ говорилъ мало. Діаконъ поскорѣе уложилъ его спать. Глядя на его горящіе глаза и лихорадочно высохшія губы, онъ сильно боялся за здоровье Кирила.

„Да и не жилецъ ты, нѣтъ, не жилецъ!“ съ грустью думалъ онъ далеко за полночь, сидя у его изголовья. Думалъ онъ также и о томъ, откуда у его сына взялась такая горячая душа. Мать—озлобленная женщина, самъ онъ—робкій, забитый человѣкъ. Вотъ Назаръ—совсѣмъ другой, да и Меѳодій еще съ третьяго класса о хорошемъ мѣстѣ помышляетъ. „Въ кого-же ты удался, сыночекъ?“ — мысленно спрашивалъ старикъ, не спуская

Digitized by Google

глазъ съ блѣднаго лица Кирила. А Кирилъ спалъ глубокимъ сномъ послѣ сорока восьми часовъ бодрствованія и работы.

XV.

Былъ пасмурный день. Трезвонъ небольшихъ колоколовъ луговской церкви раздавался въ этотъ день какъ-то особенно торжественно. Церковь была биткомъ набита народомъ и даже въ оградѣ было тѣсно. Такая толпа близъ церкви бываетъ только въ ночь пасхи. Послѣ тяжелой недѣли наступило воскресенье. Къ этому дню на деревнѣ уже вздохнули свободнѣе. Знанія маленькаго доктора Сапожкова, энергія Кирила, которая вдохновляла и подталкивала къ работѣ импровизированный кружокъ добровольцевъ, и щедрость Крупѣевой — сдѣлали свое дѣло. Кирилъ служилъ обѣдню. Никогда еще прихожане не видѣли его такимъ, каковъ онъ былъ теперь. Сильно похудѣвшій, со впалыми щеками, блѣдный, онъ казался въ своемъ священническомъ облаченіи выше, чѣмъ прежде. Утомленный мучительной недѣлей, онъ ступалъ медленно и молитвы произносилъ не спѣша и вдумчиво выговаривая каждое слово. Голосъ его былъ тихъ, но въ церкви стояла такая тишина, въ воздухѣ носилось такое вниманіе, что ясно было слышно каждое его слово.

Въ церкви была Надежда Алексѣевна. Она тоже была блѣдна и замѣтно похудѣла. Рядомъ съ нею стоялъ и съ удивленіемъ разглядывалъ церковь и все происходившее вокругъ — ея черноглазый мальчикъ. Крупѣева никогда не водила его въ церковь. Но въ этотъ день ей захотѣлось, чтобы онъ непремѣнно видѣлъ, какъ Кирилъ служитъ и народъ молится. Діаконъ Обновленскій забрался на клиросъ и скромно подтягивалъ Дементію. Неподалеку отъ клироса стоялъ докторъ Сапожковъ, который считалъ свое порученіе оконченнымъ и собирался въ этотъ день уѣхать въ городъ.

Digitized by Google

Обѣдня кончилась, народъ сталъ выходить изъ церкви, но не расходился по домамъ, а оставался въ оградѣ. Толпа суетилась до того, что движеніе должно было прекратиться. Повидимому, всѣ чего-то ждали. Вотъ уже въ церкви не осталось никого изъ прихожанъ. Только Крупѣева и докторъ ждали, пока разоблачится Кирилъ, такъ какъ Надежда Алексѣевна просила ихъ отобѣдать у нея. Писарева жена тоже получила приглашеніе, но, какъ особа застѣнчивая и скромная, ютилась въ полутемномъ углу, не рѣшаясь присоединиться къ нимъ. О. Семенъ и Дементій возились въ алтарѣ, а старый діаконъ ждалъ на клиросѣ. Наконецъ, Кирилъ вышелъ изъ алтаря, поздоровался съ помѣщицей и съ докторомъ. Тутъ къ нимъ присоединился старикъ, писарева жена тоже вышла изъ своего угла, и они всѣ двинулись къ выходу.

Кирилъ шелъ впереди. Едва онъ показался на паперти, какъ мигомъ съ нѣсколькихъ сотенъ головъ снялись шапки, въ толпѣ пронесся какой-то неопредѣленный гулъ и потомъ вдругъ водворилась тишина. Кирилъ остановился, пораженный этой неожиданной сценой, за нимъ остановились прочіе.

Тутъ толпа немного раздвинулась, изъ нея выдѣлился высокій, тонкій, словно засушенный старикъ съ остренькой, совершенно бѣлой, рѣденькой бородкой, съ маленькими глазками и маленькимъ лысымъ черепомъ. Полусогнувшись, онъ опирался на толстую палку, держа на ея верхушкѣ крестообразно ладони.

— Батюшка! воскликнулъ онъ дребежащимъ, но громкимъ и внятнымъ голосомъ и при этомъ голова его затряслась.—Батюшка и вы всѣ господа! Посѣтилъ насъ Господь и, по бѣдности своей, не имѣемъ, чѣмъ заплатить вамъ! А ужь какъ мы чувствуемъ—вотъ пускай весь міръ скажетъ, какъ мы чувствуемъ! Одно скажу: такого батюшки и господъ такихъ, должно быть, еще и на свѣтѣ не было и не будетъ. Вотъ какъ мы чувствуемъ!

Старикъ приподнялъ руку и вытеръ рукавомъ своей

Digitized by Google

старой и страшно затасканной чумарки набѣжавшія слезы.

Въ этотъ моментъ произошло нѣчто еще болѣе неожиданное. Старикъ опустился на колѣни и ударилъ земной поклонъ. Многіе послѣдовали его примѣру. Другіе кланялись въ поясъ и твердили слова благодарности, сливавшіяся въ какое-то гудѣніе. Нѣсколько умиленныхъ бабъ взобрались на паперть, схватывали концы рясы Кирила и прикладывали ихъ къ губамъ. Почти у всѣхъ блестѣли слезы на глазахъ.

Надежда Алексѣевна, потрясенная этой захватывающей сценой, прислонилась къ небольшой колонкѣ, боясь, чтобы ноги ея не подкосились. Это было уже слишкомъ для ея утомленныхъ нервовъ. Кирилъ, наоборотъ, ощущалъ въ груди своей невѣроятный приливъ мужества и энергіи. Онъ чувствовалъ, что именно въ эту минуту между нимъ и его прихожанами установилась крѣпкая, неразрывная связь, что теперь онъ имѣетъ могучую власть надъ этой толпой. Почувствовалъ онъ, что все то, что онъ говорилъ имъ раньше, были слова и слова, которыя, вѣроятно пропускались ими мимо ушей, но если онъ скажетъ имъ то-же самое теперь, то оно глубоко западетъ въ ихъ души и отзовется въ нихъ, какъ неотразимое внушеніе. Онъ долженъ былъ говорить, и, поднявъ руку столь-же величественно, какъ тогда, когда онъ призывалъ на помощь Надежду Алексѣевну, онъ сказалъ:

— Друзья мои, слушайте, слушайте! Богъ посѣтилъ насъ за грѣхи, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ и впредь не будетъ грѣшить и не заслужитъ того-же! Подобное несчастье можетъ повториться и опять застать насъ врасплохъ. Такъ послушайте-жъ меня теперь, когда сердца ваши очищены умиленіемъ, дайте сейчасъ-же клятву никогда не пить лишняго, а деньги, которыя тратили на это, откладывать въ общую кассу для помощи ближнему—на черный день!

— Такъ, такъ! отвѣчали ему:—мы закроемъ кабаки и сдѣлаемъ приговоръ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Кирилъ. — Приговоръ можно нарушить. Вы закроете кабаки и будете за тридцать верстъ ѣздить за водкой. Не нужно приговора. Вы только дайте обѣщаніе мнѣ вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ. Обѣщаете?

— Обѣщаемъ! прогремѣла толпа, какъ одинъ человѣкъ.

Не успѣлъ Кирилъ сойти съ послѣдней ступеньки, какъ почувствовалъ, что его кто-то обнялъ и цѣлуетъ въ губы. Это былъ старикъ, говорившій рѣчь. Цѣлованье длилось безъ конца. Цѣловались со всѣми и докторъ, и Надежда Алексѣевна, и даже старый діаконъ, который плакалъ больше всѣхъ.

Надежда Алексѣевна едва дошла до экипажа. Въ теченіи получаса она испытала такую массу сильныхъ впечатлѣній, что нервы ея подались. Совершенно обезсиленная, она велѣла везти себя домой.

Когда гости ея, перецѣловавшись чуть не со всей деревней, пріѣхали, она вышла къ нимъ совсѣмъ больная. Кирилъ, напротивъ, былъ бодръ и оживленъ, и много говорилъ за обѣдомъ. Онъ восторженно мечталъ вслухъ о томъ, какъ теперь онъ будетъ работать при совершенно новыхъ условіяхъ. Теперь у него съ прихожанами установилась неразрывная связь, онъ въ одну недѣлю пріобрѣлъ огромное вліяніе на нихъ. Онъ говорилъ о совершенномъ искорененіи пьянства, о сбереженіяхъ, которыя дадутъ возможность улучшить хозяйство, о школѣ для взрослыхъ.

— Да, да! Надежда Алексѣевна! У насъ съ вами теперь есть твердая почва подъ ногами. Мы сегодня завоевали Луговое! И теперь мы съ вами далеко пойдемъ! восклицалъ онъ.

Надежда Алексѣевна какъ-то болѣзненно улыбалась, а глаза ея смотрѣли на него загадочно и грустно. Она любезно предлагала гостямъ кушанья, но сама почти ничего не ѣла и въ разговоръ не вмѣшивалась. Тотчасъ послѣ обѣда подали таратайку для доктора и старика

Digitized by Google

Обновленскаго, который рѣшилъ съѣздить прежде въ городъ, чтобы навѣдаться къ Фортификантовымъ и разнюхать, каково тамъ настроеніе.

— Ахъ, милые, симпатичные люди, жаль мнѣ съ вами разставаться! Ужасно жаль! говорилъ Сапожковъ, усаживаясь половчѣе въ таратайкѣ на импровизированной подушкѣ изъ сѣна.—Не забудьте, батюшка, зайти къ этой бабѣ, какъ ее? Перепичка, что-ли!.. Ей надо перемѣнить компрессъ! прибавилъ онъ.

Діаконъ молча поцѣловался съ Кириломъ и прибавилъ къ этому:—подумай, сыночекъ, и о себѣ! Богомъ и совѣстью это не возбраняется.

Кирилъ просилъ его расцѣловать всю семью и передать Мурѣ, что теперь въ Луговомъ благополучно и пусть она поскорѣй пріѣзжаетъ съ Гаврюшкой. Тутъ и писарева жена распрощалась съ обществомъ и ушла домой, совершенно довольная, что наградой за ея труды было знакомство съ такимъ, по ея мнѣнію, блестящимъ обществомъ.

Надежда Алексѣевна и Кирилъ остались одни.

— Пройдемтесь по саду! сказала она. — Я хочу освѣжиться!

Они сошли съ крыльца. Солнце въ этотъ день не выглядывало изъ-за облаковъ, но облака были спокойныя, свѣтлосѣрыя, похожія на сгустившійся туманъ и не грозившія дождемъ. Слабый вѣтерокъ едва колыхалъ вѣтви деревьевъ. Подъ ногами изрѣдка хрустѣли кое-гдѣ уже осыпавшіеся сухіе листья. Воздухъ былъ пропитанъ пріятной свѣжестью и дышалось легко.

Они шли рядомъ. Мальчуганъ побѣжалъ впередъ. Ему были хорошо знакомы всѣ закоулки сада, такъ какъ въ этомъ саду вмѣстѣ съ домомъ проводилъ онъ все свое время. Этотъ маленькій благовоспитанный дикарь почти не видѣлъ людей и всѣхъ ихъ, кромѣ матери и главнаго приказчика, считалъ чужими и дичился ихъ. Только въ послѣднія недѣли онъ привыкъ къ Кирилу и сталъ признавать его своимъ человѣкомъ.

Digitized by Google

Надежда Алексѣевна набросила на плечи бѣлый вязанный платокъ и, ежеминутно нервно вздрагивая, куталась въ него.

— Вы совсѣмъ расклеились, Надежда Алексѣевна! сказалъ Кирилъ, глядя на ея блѣдное лицо и болѣзненно-утомленный видъ.

Она горько улыбнулась и, нервно передернувъ плечами, крѣпко закуталась въ платокъ.

— Да вѣдь пора мнѣ расклеиться и... подать въ отставку!

И она засмѣялась короткимъ и какъ будто вынужденнымъ смѣхомъ. Кирилъ подумалъ: „нездорова, нездорова“, и не возражалъ.

— Что-же вы не возражаете? продолжала Крупѣева,—отчего не говорите: какъ? вы — такая молодая и уже въ отставку? едва успѣли сдѣлать одно маленькое дѣльце—и уже пасуете? Отчего-жь вы этого не говорите? Дайте мнѣ руку,—меня прямо шатаетъ.

Кирилъ не умѣлъ подавать руку дамамъ, и ему казалось, что широкіе рукава рясы служатъ для этого препятствіемъ. Но Крупѣева сама приблизилась къ нему, взяла его руку и крѣпко оперлась на нее.

— Вамъ нуженъ отдыхъ, Надежда Алексѣевна! сказалъ Кирилъ.

Крупѣева не слышала этого или не обратила вниманія.

— Я прожила глупую жизнь! тихо говорила она, какъ-бы для того, чтобы онъ только одинъ слышалъ:— въ жизни моей былъ одинъ только крупный и достойный вниманія фактъ, и между тѣмъ онъ былъ самой капитальной глупостью!.. Люди, которыхъ я встрѣчала, вызывали во мнѣ одно презрѣніе... Вы единственный человѣкъ, котораго я уважаю!..

Кирилъ чувствовалъ, что она вся дрожитъ, а тихій говоръ ея готовъ былъ превратиться въ плачъ.

— Вотъ мы и работаемъ вмѣстѣ! мягко сказалъ онъ.

— Послушайте, продолжала она тѣмъ-же тихимъ

Digitized by Google

голосомъ:—зачѣмъ вы носите рясу? Вѣдь вы не вѣруете.. Снимите ее!..

Въ тихомъ, едва слышномъ голосѣ ея слышалось требованіе.

— Кто вамъ сказалъ это? Я вѣрую въ Бога, который помогаетъ мнѣ дойти до сердца этихъ темныхъ людей. Безъ него я никогда этого не достигъ-бы!.. отвѣтилъ Кирилъ глубоко убѣжденнымъ тономъ.

— Пусть такъ! Зачѣмъ-же вамъ эта одежда?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы имѣть право вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Эта одежда служитъ мнѣ проводникомъ!..

— Ахъ! болѣзненно простонала она:—это все слова, все слова! Зачѣмъ-же все для нихъ? Развѣ я не такой-же бѣдный и достойный сочувствія человѣкъ, какъ и они? Развѣ мы тоже не имѣемъ права на долю счастья? А я хочу-же, наконецъ, счастья!... Послушайте!..

Словно пораженный внезапной острой болью, онъ вдругъ отскочилъ отъ нея и смотрѣлъ на нее изумленными глазами.

— Вы... Вы?.. спрашивалъ онъ и чувствовалъ, что языкъ ему не повинуется, и онъ не въ силахъ вымолвить то, что хотѣлъ.

Надежда Алексѣевна приблизилась къ стволу яблони, вѣтви которой свѣшивались надъ ихъ головами и, протянувъ руку, слабо оперлась о стволъ. Она не глядѣла на Кирила. Лицо ея, казавшееся теперь темнымъ при сѣромъ цвѣтѣ воздуха, выражало полный упадокъ духа, унынiе и безконечную тоску. Она говорила все тѣмъ-же слабымъ голосомъ, который, казалось, каждую минуту готовъ былъ надорваться.

— Да, и вы виноваты въ этомъ! Зачѣмъ вы явились ко мнѣ съ вашей правдивостью, которой я еще ни въ комъ не встрѣчала, съ вашей глубокой искренностью, въ существованіе которой я не вѣрила? Вы подвинули меня выйти изъ моей покойной спячки, которая, по крайней мѣрѣ, не порождала во мнѣ никакихъ запросовъ,

Digitized by Google

никакихъ желаній, ни тревогъ. Я жила какъ въ дремотѣ—вы разбудили меня. Своимъ вдохновеннымъ видомъ вы наэлектризовали меня, и я пошла за вами, не спрашивая, куда и зачѣмъ. И когда я дошла до такого состоянія, что не могу безъ васъ обходиться, что способна сдѣлаться вашей покорной рабой и всюду слѣдовать за вами, вы смотрите на меня съ изумленіемъ. Почему-же? Здѣсь нѣтъ правды, вы первый разъ со мной не искренни! Вы должны сочувствовать мнѣ. Должны — это такъ естественно, мы такъ сроднились, такъ понимаемъ другъ друга!

— Вы говорите это мнѣ, священнику, у котораго есть жена! рѣшился наконецъ возразить онъ.

— Жены вашей вы не любите, вы не можете любить ее, и не говорите этой неправды! рѣзко остановила она его, и потомъ голосъ ея опять упалъ и сталъ еще слабѣе прежняго: — простите меня и забудьте все, что я вамъ сказала... Я ошиблась... Я сегодня уѣду отсюда!

И она быстро прошла впередъ по аллеѣ, потомъ свернула налѣво, гдѣ, закрытый большими деревьями, безпорядочно росъ густой кустарникъ. Кирилъ постоялъ нѣсколько секундъ. Первое его движеніе было — вслѣдъ за ней; ему показалось, что шаги ея были неровны, что она сейчасъ должна упасть и ей необходима помощь. Но затѣмъ онъ подумалъ, что его участіе будетъ для нея мучительно. Онъ повернулъ назадъ. Ему почудилось, что она плачетъ, и онъ все-таки пошелъ къ выходу. Онъ боялся обернуться и съ ужасомъ думалъ о только-что происшедшей сценѣ, которая была для него совершенной неожиданностью.

Онъ шелъ домой съ такой поспѣшностью, словно боялся погони. Теперь онъ припоминалъ то, на чемъ прежде не останавливалось его вниманіе. Припоминалъ онъ то оживленіе, которое появлялось въ лицѣ Надежды Алексѣевны, когда онъ приходилъ къ ней, припоминалъ ту странную рѣшимость, съ которой она по одному его

Digitized by Google

слову пошла за нимъ и открыла свой кошелекъ и свои засѣки и кладовыя для мужиковъ, до которыхъ еще наканунѣ ей не было дѣла. Припоминалъ наконецъ тѣ долгіе взгляды, которые она останавливала на немъ, когда онъ говорилъ съ мужиками, въ особенности сегодня близъ церкви. И все это вмѣстѣ съ неожиданной развязкой, которая только-что произошла, казалось ему удивительно страннымъ и непонятнымъ. Онъ былъ слишкомъ простъ. Онъ не понималъ, какъ можно говорить о любви съ человѣкомъ, у котораго есть жена и ребенокъ, въ особенности если этотъ человѣкъ священникъ.

Когда онъ пришелъ домой, уже вечерѣло. Въ вечернемъ воздухѣ чувствовалась сырость, отъ которой надо было прятаться въ комнату. Онъ вошелъ въ квартиру, прошелся по комнатамъ и вдругъ какъ-бы впервые почувствовалъ, что онъ одинокъ. Ему захотѣлось увидѣть Муру и сына, и какой-то мучительный холодъ сковалъ его сердце.

Долго онъ бродилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ. Эти звуки, которыхъ онъ прежде не слышалъ, потому что былъ не одинъ, были ему непріятны. Въ головѣ его роились тысячи мыслей и впечатлѣній, и онъ думалъ о томъ, какъ трудно согласить различныя требованія людей отъ жизни.

Пришла Ѳекла и внесла въ комнату зажженную свѣчу.

— А тутъ вамъ, батюшка, письма есть! сказала она. Ѳекла смотрѣла на него исподлобья. Она не одобряла его поведенія и не могла простить ему отъѣзда Муры, да и всего остального.

— Письма? спросилъ Кирилъ и съ большимъ оживленіемъ пошелъ ей навстрѣчу.

— Да, одно уже давно тутъ вотъ на угольникѣ лежитъ. Должно быть изъ города. Десятскій принесъ. А другое сейчасъ прислали отъ помѣщицы.

Кирилъ протянулъ руку. Ѳекла дала ему маленькій конвертъ.

Digitized by Google

Въ конвертѣ была визитная карточка, на оборотной сторонѣ которой было написано: „Прошу васъ, какъ друга, забыть все, что было сегодня и сохранить обо мнѣ только добрую память. Я уѣзжаю сейчасъ. Когда вылечусь отъ *моей болѣзни*, вернусь и буду вашей помощницей, а теперь не могу. Жму вашу руку. Людей попрежнему направляйте въ мою контору. Я сдѣлала распоряженіе. Какая у васъ свѣтлая, прекрасная душа!“

Кирилъ медленно разорвалъ карточку на части и опустилъ клочки въ корзину. Ему представилось блѣдное, изможденное лицо Надежды Алексѣевны, когда она говорила ему свои странныя рѣчи, ея блестѣвшіе въ это время глаза и порывисто дышавшая грудь. И онъ вдругъ почувствовалъ къ ней жалость, какъ къ больному другу, и пожалѣлъ о томъ, что ему не пришлось на прощаньѣ пожать ея руку. Вѣдь она съ такимъ самоотверженіемъ жертвовала и своими средствами, и временемъ, и здоровьемъ. „Да, это болѣзнь, но она пройдетъ и Надежда Алексѣевна вернется. Мы встрѣтимся друзьями!“ думалъ онъ. Тутъ онъ вспомнилъ о другомъ письмѣ. На конвертѣ съ почтовымъ штемпелемъ была рука Анны Николаевны.

„Значитъ, не отъ Муры“,—подумалъ онъ и вскрылъ конвертъ. Протоіерейша писала кратко, но величественно: „Любезный зять, Кирилъ Игнатьевичъ! Твои сумасшедшіе поступки вывели насъ изъ терпѣнія, и мы были вынуждены взять отъ тебя жену твою, а нашу дочь, вмѣстѣ съ нашимъ внукомъ. Мы полагали, и это такъ натурально, что ты на другой-же день прилетишь въ городъ за своимъ семействомъ, но ошиблись, ты и не думаешь объ этомъ. Жена твоя обливается слезами, но къ тебѣ не поѣдетъ, хотя-бы изъ одной гордости. Ты получишь опять семейство лишь послѣ того, какъ образумишься. Любящая тебя и желающая тебѣ и своей дочери счастья теща Анна Фортификантова“. Внизу-же послѣ подписи была приписка: „Преосвященный готовъ дать тебѣ мѣсто въ городѣ, въ купеческой церкви, если пожелаешь“.

Digitized by Google

Кирилъ сложилъ письмо и положилъ его на угольникъ. Онъ раза два прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ окномъ и взглянулъ на деревню. Въ сгустившемся вечернемъ сумракѣ мужицкія хаты казались сѣрыми точками; кое-гдѣ свѣтились огоньки. Ему представилось, что онъ, ради личнаго счастья, ради спокойной и довольной жизни, покидаетъ эту сѣрую деревню и переселяется въ городъ на приходъ богатой купеческой церкви. И эта мысль показалась ему нелѣпой, неосуществимой.

— Образумиться! Это значитъ — пойти по протоптанной дорожкѣ, жить безъ мысли, безъ идеи! Нѣтъ, никогда я не образумлюсь! Никогда! Пусть я буду одинокъ, пусть даже лишатъ меня сына!

Но тутъ онъ почувствовалъ, что сынъ ему нуженъ, и рѣшилъ, что онъ рано или поздно вернетъ его. Сына онъ самъ будетъ учить—мыслить и жить, этого онъ никому не уступитъ. Онъ перельетъ въ него свою горячую душу и сдѣлаетъ его такимъ-же борцомъ, какъ и самъ онъ. Да одинокъ-ли онъ? А эти сѣрыя хаты, въ которыхъ идетъ такая кипучая жизнь и которымъ онъ такъ необходимъ? Развѣ онъ не покорилъ ихъ, развѣ не сроднился съ ними?

Кирилъ вспомнилъ о Перепичкѣ, надѣлъ рясу, прихватилъ палку и твердой походкой вышелъ на улицу.

Digitized by Google

Digitized by Google

СЕКРЕТАРЬ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СЕКРЕТАРЬ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.

(ОЧЕРКЪ).

I.

— Такъ вотъ-съ, видите-ли, почтеннѣйшій Владиміръ Сергѣичъ,—всѣ эти разрозненныя свѣдѣнія, заключенныя въ безчисленныя обложки и запечатлѣнныя внушительными нумерами, надобно собрать, систематизировать, разсортировать и обработать. Я долженъ вамъ сказать, что, благодаря неусыпной энергіи и замѣчательному искусству Антона Петровича, мы уже половину дѣла сдѣлали. Самое трудное тутъ было — проложить путь, и этотъ путь проложенъ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, до какой степени я былъ безпомощенъ до появленія на моемъ горизонтѣ Антона Петровича! А впрочемъ, говоря по совѣсти и, конечно, entre nous, все это глубочайшая ерунда и до тошноты надоѣло мнѣ...

Говоря это, мой патронъ съ необычайною нервностью вертѣлся на своемъ дубовомъ креслѣ, спинка котораго была слишкомъ низка, а перила слишкомъ высоки. Было очевидно, что въ креслѣ этомъ онъ чувствовалъ себя крайне неудобно. Его маленькія ножки висѣли, не доставая до полу, и напрасно искали опоры; локтямъ было слишкомъ высоко опираться на перила. Я старался слушать его внимательно, но это мнѣ мало удавалось. Это

Digitized by Google

уже былъ пятый день, что я привыкалъ къ нему, и никакъ не могъ привыкнуть. Этотъ маленькій человѣчекъ, немного раздавшійся въ ширь, съ небольшимъ брюшкомъ, походившимъ скорѣе на опухоль, съ лицомъ землистаго цвѣта, съ жиденькой бѣлобрысой козлиной бородкой и ничтожными усиками, съ умными блестящими быстрыми глазами, съ большимъ лбомъ и съ густыми волосами, падавшими на лобъ, былъ для меня сфинксомъ. Когда онъ длинно и основательно говорилъ о „разработкѣ матеріала“, для которой собственно я былъ призванъ, мнѣ всегда казалось, что онъ шутитъ или потѣшается надъ какимъ-то третьимъ отсутствующимъ лицомъ. На этотъ разъ, какъ и всегда, его серьезная рѣчь сопровождалась саркастической улыбкой, а къ оберткамъ „дѣлъ“ онъ прикасался двумя пальцами съ такой гадливостью, словно подъ этими обертками скрывались не „свѣдѣнія о числѣ засѣданій чертопульской городской думы въ 187* году“, а цѣлое гнѣздо грязныхъ насѣкомыхъ.

Мы сидѣли съ нимъ уже часа два. Я почти все время молчалъ, ограничиваясь только репликами. Зато онъ говорилъ безъ конца. По крайней мѣрѣ двадцать разъ онъ начиналъ говорить о „разработкѣ матеріала“, но сейчасъ-же сбивался на жалобу, что ему это надоѣло, и хватался за голову, которую непрерывно мучила мигрень.

— Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я все это бросилъ-бы, нѣтъ не бросилъ-бы, а швырнулъ-бы, и умчался куда-нибудь на лоно природы, на зеленую травку, гдѣ бродятъ овцы, коровы, лошади, свиньи, и нѣтъ ни коллежскихъ, ни статскихъ, ни тайныхъ совѣтниковъ... о!.. И онъ дѣйствительно швырялъ въ сторону нѣсколько подвернувшихся ему обертокъ, соскакивалъ съ своего высокаго кресла и начиналъ бѣгать по комнатѣ. Онъ подбѣгалъ къ огромному шкафу и порывисто раскрывалъ настежъ обѣ дверцы.

— Знаете-ли вы, сколько здѣсь книгъ и что это за книги? Пятнадцать лѣтъ я самымъ тщательнымъ образомъ собираю эти сокровища, я люблю ихъ—и можете

Digitized by Google

себѣ представить, что за пятнадцать лѣтъ я не прочиталъ ни одной изъ этихъ книгъ! Какъ вамъ это нравится?

— Да-съ, продолжалъ онъ послѣ молчанія: — такъ мы остановились на мѣщанахъ города Псовска. Надо вамъ знать...

Онъ опять забирался въ кресло и опять теребилъ какое-нибудь занумерованное дѣло. Но теребилъ онъ его совершенно напрасно, потому что больше двухъ минутъ ему не удавалось говорить о дѣлѣ. Вотъ онъ уже разсказывалъ мнѣ анекдотъ о какомъ-то сенаторѣ, который, по престарѣлости своей, не могъ взобраться въ залъ засѣданій и его несли по лѣстницѣ секретари. И онъ отъ души смѣялся своему анекдоту, но вдругъ прерывалъ смѣхъ и торопливо хватался за бумаги, извинялся и опять начиналъ исторію о псовскихъ мѣщанахъ.

Горничная принесла свѣчи и чай.

— Батюшки, какъ уже поздно! спохватился мой хозяинъ,—а мы еще ровно ни до чего не договорились. Но, я думаю, вы уже понимаете, въ чемъ дѣло!..

Я понималъ это довольно смутно. Антонъ Петровичъ Куницынъ, тотъ самый, который „направилъ дѣло на путь“ и вывелъ моего патрона изъ безпомощнаго состоянія, сказалъ мнѣ просто, что есть работа и что у этой работы есть два преимущества передъ всѣми другими: первое—она отлично оплачивается, второе—она ни къ чему не приведетъ и, вѣроятно, никогда не кончится.

— Тутъ дѣло вотъ въ чемъ, пояснилъ мнѣ еще Куницынъ:—въ нѣкоторомъ году и въ нѣкоторомъ мѣстѣ нѣкій сановникъ произвелъ ревизію и привезъ оттуда въ Петербургъ три вагона матеріалу. Вотъ эти-то три вагона и предназначены для того, чтобы прокормить васъ болѣе или менѣе продолжительное время.

Однимъ словомъ, рекомендуя меня, Куницынъ руководствовался не пригодностью моей особы для дѣла, а единственно желаніемъ дать мнѣ, своему пріятелю, кормъ. Знакомство мое съ Николаемъ Алексѣевичемъ Погонки-

Digitized by Google

нымъ, моимъ теперешнимъ патрономъ, состоялось у Здыбаевскихъ, у которыхъ я бывалъ, правда, не часто, но все-таки это было странно, что я ни разу не встрѣтилъ тамъ Погонкина и даже ничего не слышалъ о немъ. Это показалось мнѣ еще болѣе страннымъ, когда я узналъ, что онъ давній и близкій знакомый Здыбаевскихъ, что старикъ Ѳедоръ Михайловичъ зналъ его чуть-ли не съ пеленокъ. Объяснилось это очень просто: Николай Алексѣевичъ былъ до того заваленъ работой, что выраженіе: „дышать некогда“, которое онъ любилъ употреблять, шло къ нему почти буквально. Все, что онъ дѣлалъ, было ему противно; для всего-же того, что ему хотѣлось дѣлать, у него не было времени.

Въ тотъ моментъ, когда Николай Алексѣевичъ въ двадцать первый разъ взобрался въ кресло съ самымъ серьезнымъ намѣреніемъ объяснить мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло, въ передней раздался звонокъ. Погонкинъ нервно подскочилъ на мѣстѣ и затѣмъ откинулся на спинку кресла.

— Всегда такъ, всегда! Чуть займешься серьезно, какая-нибудь дѣловая рожа ввалится къ тебѣ!..

Но черезъ минуту онъ уже сіялъ и торопливо выбирался изъ-за стола навстрѣчу гостю.

— Антонъ Петровичъ! Голубчикъ! Васъ, именно васъ намъ надо! Безъ васъ мы какъ безъ рукъ! радостно восклицалъ онъ, дѣлая видъ, что раскрываетъ гостю объятія. Но дѣло ограничилось простымъ рукопожатіемъ.

Антонъ Потровичъ вошелъ, остановился на порогѣ и прищурилъ глаза. Поздоровавшись съ хозяиномъ и со мной, онъ снялъ очки и сталъ вытирать ихъ носовымъ платкомъ. Къ необычайной привѣтливости Николая Алексѣевича онъ отнесся довольно сдержанно и даже какъ будто надменно.

Онъ представлялъ полную противоположность Погонкину. Очень высокаго роста, тонкій и прямой, въ изящно сидѣвшей коричневой коротенькой жакеткѣ, въ свѣтломъ галстухѣ, въ безукоризненно бѣломъ высокомъ

Digitized by Google

воротничкѣ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, любящаго пофрантить, но въ то-же время солиднаго, не допускающаго въ своемъ костюмѣ ничего вульгарнаго. Лицо его, нѣсколько поношенное, съ большимъ лбомъ и красивыми глазами, носило слѣды регулярной работы парикмахера. Но опять-таки и въ этой статьѣ Куницынъ не допускалъ излишествъ. Бородка неопредѣленнаго цвѣта была подстрижена à la Henri IV, небольшіе усики были завиты щипцами, щеки выбриты. Негустые и недлинные волосы зачесывались вверхъ безъ опредѣленнаго фасона. На привѣтствіе Николая Алексѣевича Куницынъ кисло улыбнулся и сказалъ басомъ, внушительно протягивая слова:

— Всегда готовъ служить вамъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Но, къ сожалѣнію...

— Что такое—къ сожалѣнію? Нѣтъ, ужь пожалуйста, голубчикъ, безъ всякаго сожалѣнія! Готовы, говорите, служить—вотъ и прекрасно.

— Къ сожалѣнію, я не могу теперь посвящать вамъ столько времени, сколько посвящалъ до сихъ поръ. Даже, если вамъ угодно знать, я расположенъ совсѣмъ отказаться.

— Антонъ Петровичъ! Антонъ Петровичъ!

И на лицѣ Погонкина изобразился неподдѣльный ужасъ.

— Антонъ Петровичъ! еще разъ возгласилъ онъ:— за что-же вы хотите погубить меня? За что?

Николай Алексѣевичъ произнесъ эту фразу съ такой искренностью и при этомъ лицо его приняло такое жалобное выраженіе, что мнѣ сдѣлалось неловко. Но Куницына это нисколько не тронуло. Онъ продолжалъ тѣмъ-же строгимъ басомъ, отчеканивая каждое слово:

— Да-съ, поставленъ въ необходимость погубить васъ, Николай Алексѣевичъ. Вамъ извѣстно, что я два мѣсяца тому назадъ сдѣлался кандидатомъ юридическихъ наукъ. Въ настоящее время я имѣлъ честь вступить въ сословіе адвокатовъ и намѣренъ серьезно заняться своей

Digitized by Google

карьерой. Вы должны понять, Николай Алексѣевичъ, что я имѣю право предпочесть живое дѣло адвокатуры безплодному общенію съ господами псковскими мѣщанами.

Антонъ Петровичъ не говорилъ, а упражнялся въ краснорѣчіи. Онъ и смотрѣлъ при этомъ, и жестикулировалъ такимъ образомъ, словно передъ нимъ были не я съ Погонкинымъ, а господа судьи и господа присяжные засѣдатели. Но для Николая Алексѣевича онъ оказался не добрымъ защитникомъ, а безжалостнымъ прокуроромъ. Мой патронъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и поникнувъ головой.

— Да, все это такъ... Конечно, конечно! Съ какой стати вамъ жертвовать собой? Но согласитесь, что мое положеніе дурацкое. Вѣдь, говоря по совѣсти, я ни бельмеса не смыслю въ этомъ дѣлѣ; я полагаю, — противъ этого вы не станете возражать?

— Противъ этого я дѣйствительно не стану возражать!.. категорическимъ тономъ отозвался Куницынъ.

— Ну-съ, такъ какъ-же мнѣ быть? Вы по крайней мѣрѣ не откажите мнѣ въ совѣтѣ! Нельзя-же такъ взять да и бросить человѣка въ безпомощномъ состояніи на произволъ судьбы!

— Что касается совѣтовъ, то я готовъ дать вамъ ихъ сколько угодно, ибо это—моя профессія! шутя сказалъ Куницынъ: — но я не понимаю, зачѣмъ вамъ такъ безпокоиться, когда у васъ есть такой мастеръ на всѣ руки, какъ Владиміръ Сергѣичъ!..

Я до сихъ поръ слушалъ этотъ діалогъ, какъ любопытствующее третье лицо, но такъ какъ теперь рѣчь зашла обо мнѣ, то я подтянулся и приготовился вступить въ разговоръ.

— Я глубоко уважаю Владиміра Сергѣича, сказалъ Погонкинъ съ изысканно-любезной улыбкой въ мою сторону: — но, говоря по совѣсти, — мы оба вмѣстѣ понимаемъ въ этомъ дѣлѣ меньше, чѣмъ вашъ мизинецъ!

— Гм... Я давно знаю, что сенатскіе чиновники очень любезные люди! замѣтилъ Антонъ Петровичъ. —

Digitized by Google

Но если даже и признать справедливость вашего замѣчанія, то дѣло все-таки не такъ безнадежно, какъ вы думаете. Надо помнить, что вы имѣете дѣло съ Владиміромъ Сергѣичемъ, а нѣтъ такого дѣла, къ которому Владиміръ Сергѣичъ не приспособился-бы самымъ блестящимъ образомъ. Если обстоятельства заставятъ его переплетать книги, могу васъ увѣрить, что черезъ три дня онъ будетъ превосходнымъ переплетчикомъ. Если-бы онъ былъ поставленъ въ необходимость во что-бы то ни стало писать стихи, повѣрьте, что его хореи и дактили нисколько не уступали-бы пушкинскимъ. Я даже думаю, что если-бы ему сказали: вы должны играть въ оркестрѣ на тромбонѣ, то онъ, никогда не бравшій въ руки тромбона, сталъ-бы играть на этомъ инструментѣ и дѣла не портилъ-бы. Владиміръ Сергѣичъ, это—геній приспособляемости. Можете быть увѣрены, что ежели онъ возьмется за вашу пресловутую статистику, то черезъ недѣлю заткнетъ за поясъ и васъ, и меня.

Рѣшительно Куницынъ былъ рожденъ адвокатомъ. Что касается меня, то я долженъ былъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, которое смягчило-бы его рекламу. Отчасти онъ былъ правъ. Я дѣйствительно обладалъ способностью приспособляться къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ, очень скоро усвоивая ихъ сущность. Случалось мнѣ и стихи писать, и книги переплетать (на трубѣ играть не пробовалъ), но все это было, разумѣется, далеко отъ совершенства. Мало-ли съ чѣмъ ни приходится возиться человѣку безъ опредѣленныхъ занятій, желающему во что-бы то ни стало наслаждаться преимуществами Петербурга. Я сказалъ:

— Всему этому можно было-бы повѣрить, если-бы не было извѣстно, что вы мой давній пріятель!..

Но Николай Алексѣевичъ повѣрилъ. Онъ уже стоялъ передо мной и смотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Я надѣюсь на васъ, какъ на каменную гору! трогательнымъ голосомъ сказалъ онъ. взялъ мою руку и сильно потрясъ ее. Я отвѣтилъ, что

Digitized by Google

приложу всѣ старанія. Николай Алексѣевичъ мгновенно успокоился и уже беззаботнымъ тономъ разсказалъ какой-то путевой анекдотъ. Онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ сановникомъ на ревизію и въ головѣ его былъ неистощимый запасъ провинціальныхъ курьезовъ, которые служили дополненіемъ къ тремъ вагонамъ матеріаловъ. Такимъ образомъ я, еще не разобравшій хорошенько, въ чемъ дѣло, получилъ званіе руководителя неизвѣстной мнѣ разработки невѣдомаго мнѣ матеріала.

Николай Алексѣевичъ разошелся и расчувствовался. Онъ трогательно говорилъ о наслажденіи, какое испытываетъ въ бесѣдѣ съ живыми людьми,—что рѣдко выпадало на его долю,—о томъ, что за часъ такой бесѣды онъ охотно отдалъ-бы всю свою чиновную карьеру; спрашивалъ, что новаго въ журналахъ, и объяснялся въ любви къ литературѣ. Любовь эта была безнадежна, потому что у него хватало времени лишь на то, чтобы разрѣзать новую книжку журнала и прочитать оглавленіе.

Вошелъ плотный, коренастый человѣкъ въ сѣромъ парусиновомъ костюмѣ, съ великолѣпными рыжими баками, съ густыми волосами, подстриженными ежомъ, и съ выпуклыми крупными сѣрыми глазами. Николай Алексѣевичъ бросился въ его сторону и звѣрски наскочилъ на него.

— Что вамъ нужно? Оставьте меня въ покоѣ!.. Дайте мнѣ хоть немножко подышать!..

Вошедшій ни мало не смутился и сказалъ весьма почтительнымъ голосомъ, тыча ему подъ самый носъ какія-то бумажки:

— Тутъ счеты, Николай Алексѣичъ. Кровельщикъ уже три дня ходитъ. Тараканщику за два мѣсяца слѣдуетъ.

— Вотъ-съ, всегда такъ! обратился къ намъ съ жалобой Погонкинъ: — стоитъ мнѣ только на минуту забыться, какъ этотъ господинъ прилѣзетъ со своими тараканщиками!.. Это, господа, радости моей жизни... Ну-съ, сколько тутъ?

Digitized by Google

Онъ вырвалъ счеты изъ рукъ докладчика и швырнулъ ихъ на столъ, даже не заглянувъ въ нихъ.

— Кровельщику 62 руб. 50 коп., а тараканщику 12 рублей.—Погонкинъ подлетѣлъ къ ящику стола, съ грохотомъ выдвинулъ его, порылся, досталъ сторублевую бумажку и бросилъ ее рыжимъ бакенбардамъ.

— Только пожалуйста не забудьте принести сдачу, а то вы иногда забываете объ этихъ пустякахъ...

— Мнѣ странно слышать, Николай Алексѣевичъ...

— Ладно. Чего-жь вы торчите? Получили, ну, и убирайтесь!..

— Я еще хотѣлъ доложить, что дворникъ коломенскаго дома второй день пьянствуетъ.

— Покорно васъ благодарю. Кажется, это вы порекомендовали его?

— Прикажете прогнать его?

— Послушайте, Иванъ Иванычъ! Хотите доставить мнѣ истинное удовольствіе? Такъ прогоните пожалуйста не только этого пьянаго дворника, а... ну, хоть и себя самого прогоните!..

Иванъ Иванычъ на это улыбнулся, какъ человѣкъ, привыкшій къ подобнымъ выходкамъ своего начальника, и скромно вышелъ.

— Какъ? Развѣ вы и коломенскимъ домомъ управляете? спросилъ Куницынъ.

— Ахъ, голубчикъ, Антонъ Петровичъ! Я всѣмъ управляю, всѣмъ завѣдую, все дѣлаю, на то я секретарь его превосходительства!.. Я не дѣлаю только одного того, что мнѣ хочется дѣлать и что могло-бы доставить мнѣ удовольствіе!..

Это было сказано такимъ жалобнымъ тономъ, что Антонъ Петровичъ почелъ необходимымъ перемѣнить разговоръ.

— Послушайте, Николай Алексѣевичъ, вчера я былъ у Здыбаевскихъ. Ѳедоръ Михайловичъ обѣщалъ мнѣ бутылку стараго токайскаго вина, если я сегодня приведу васъ къ нимъ.

Digitized by Google

— Антонъ Петровичъ, вы знаете, что я блаженствую, когда бываю у этихъ прекрасныхъ людей, но у меня цѣлая куча дѣлъ. Цѣлая куча, Антонъ Петровичъ!..

— Наплюйте на нее!..

— Да, легко сказать—наплюйте! Во вторникъ его превосходительство будетъ докладывать дѣло по ходатайству города Бруева о разрѣшеніи установить налогъ на каждую пару сапогъ, носимыхъ обывателями. Я долженъ написать докладъ. Въ среду его превосходительство читаетъ въ одномъ ученомъ обществѣ рефератъ о томъ, какъ „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“; я долженъ составить этотъ рефератъ по источникамъ. За симъ-съ я долженъ на этой недѣлѣ представить его превосходительству отчетъ по управленію его тремя домами, изъ коихъ одинъ ремонтируется. Далѣе-съ, я обязанъ разсмотрѣть переписку по покупкѣ его превосходительствомъ имѣнія въ черниговской губерніи—и отписаться; затѣмъ-съ...

— И наконецъ, перебилъ его Антонъ Петровичъ,— вы должны зажарить самого себя и собственноручно подать себя на обѣденный столъ его превосходительства, который скушаетъ васъ съ особеннымъ удовольствіемъ!...

— Вотъ именно, именно!.. Вы это удивительно мѣтко опредѣлили, Антонъ Петровичъ, удивительно мѣтко!..

— Но, однако-же, позвольте узнать,—на кой вамъ все это чортъ?

— Я никогда не задавался этимъ вопросомъ!..

— Эхъ, Николай Алексѣевичъ, наберитесь-ка храбрости, наплюйте сегодня на всѣ эти доклады, отчеты и рефераты, одѣньтесь и поѣдемте къ Здыбаевскимъ!

Николай Алексѣичъ ходилъ по комнатѣ мелкими и частыми шажками, очевидно, сильно взволнованный. Вдругъ онъ подошелъ къ стѣнѣ у кровати и рѣшительнымъ движеніемъ крѣпко надавилъ пуговицу воздушнаго звонка. Черезъ двѣ секунды прибѣжала горничная.

— Одѣваться мнѣ и никого не принимать. Меня нѣтъ дома!.. отрывисто приказалъ онъ.—Ну-съ, Антонъ

Digitized by Google

Петровичъ, я плюю, къ вашему удовольствію. Надо, въ самомъ дѣлѣ, хоть чуточку пожить для себя. Вѣдь я-же имѣю на это право!

— То-то и есть. Одобряю! замѣтилъ Куницынъ. Принесли черную пару. Николай Алексѣичъ съ лихорадочною поспѣшностью снималъ съ себя домашній костюмъ и облачался въ парадный, предварительно извинившись передъ нами. Вотъ онъ уже натянулъ сюртукъ и ищетъ гребенку, чтобы причесаться.

— Я готовъ, господа, я сію минуту. Спасибо вамъ, Антонъ Петровичъ, за хорошую мысль... Въ самомъ дѣлѣ, надо освѣжиться, провѣтриться. Вѣдь этакъ и въ правду закиснешь, заплесневѣешь, отупѣешь въ конецъ. Эка важность—доклады, рефераты! Подождутъ вѣдь! Правда, Антонъ Петровичъ?

— Совершенная истина, Николай Алексѣевичъ! поощрительно сказалъ Куницынъ.

— Да и что въ самомъ дѣлѣ!?.. Что за генеральство, чортъ возьми! уже окончательно расходился нашъ хозяинъ.—Положимъ, я его секретарь и домоправитель, я получаю за это жалованье и квартиру, а также облегченіе въ прохожденіи чиновныхъ ступеней. Отлично! Но я никогда не слышалъ, чтобы секретари писали ученые рефераты. Вы слышали когда-нибудь, Антонъ Петровичъ? А вы, Владиміръ Сергѣичъ, слышали? Это значитъ быть ученымъ за своего патрона! Понимаете, я буду рыться по источникамъ, а онъ съ великой серьезностью прочитаетъ о томъ, какъ „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“, и ему будутъ апплодировать!.. Нѣтъ, я завтра-же объявлю ему, что желаю точно придерживаться своихъ титуловъ: секретарь и домоправитель, и только. И никакихъ рефератовъ!.. Ну-съ, господа, я готовъ и къ вашимъ услугамъ!..

Онъ былъ чрезвычайно оживленъ и подвиженъ, а черный сюртукъ, который былъ хорошо сшитъ и отлично сидѣлъ на немъ, придавалъ ему нѣкоторую торжественность. Послѣ того какъ за десять минутъ передъ этимъ

Digitized by Google

я видѣлъ его брюзгой—въ широкомъ костюмѣ, въ некрахмаленной сорочкѣ, въ мягкихъ туфляхъ, онъ производилъ теперь пріятное впечатлѣніе человѣка, послѣ долгихъ колебаній на что-то рѣшившагося. Это сознаніе радовало и воодушевляло и его самого, придавало здоровый румянецъ его щекамъ и блескъ его глазамъ.

Онъ взялъ въ руки шляпу; мы поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Знаете, я просто любуюсь вами, Николай Алексѣичъ! сказалъ ему Куницынъ:—вы совсѣмъ другой человѣкъ!

— Да вѣдь это и есть моя природа!.. Таковъ я всегда былъ во время оно. Ѣдемте, господа, ѣдемте!..

Мы всѣ трое направились къ дверямъ. Но едва мы сдѣлали по три шага, какъ раздался пронзительный звонъ. Кто-то требовалъ Николая Алексѣевича къ телефону.

— Чортъ возьми! что имъ надо отъ меня? раздраженно воскликнулъ Погонкинъ и подбѣжалъ къ телефону.— Кто звонитъ? сердито крикнулъ онъ и приложилъ трубочку къ уху. Ему что-то отвѣтили.

— Да, это я. А вы... вы... Ахъ, это вы, ваше превосходительство?! Мое почтеніе!..

Тонъ его мгновенно перемѣнился и сдѣлался мягкимъ и почтительнымъ. Онъ привѣтливо улыбнулся, раза два кивнулъ головой, какъ-бы кланяясь невидимому его превосходительству, и даже шаркнулъ ножкой. Антонъ Петровичъ подмигнулъ мнѣ въ его сторону: наблюдай, молъ!

Николай Алексѣевичъ опять послушалъ въ трубочку.

— Да, да, я уже приступилъ къ работѣ, ваше превосходительство, я изучаю источники!..

Опять внимательное молчаніе.

— Завтра въ семь часовъ вечера?

Молчаніе.

— Боюсь, что не успѣю, ваше превосходительство!

Продолжительное молчаніе, прерываемое отрывистыми и невнятными: „да, да!“, „очень хорошо!“, „разумѣется!“

— Если вы настаиваете, то я, конечно, приложу всѣ

Digitized by Google

старанія, буду работать всю ночь и на службу не поѣду!.. Спокойной ночи, ваше превосходительство!—За этимъ послѣдовалъ поклонъ и короткій звонокъ.

— Ну-съ, вы кончили, Николай Алексѣевичъ? Такъ ѣдемъ! сказалъ Куницынъ.

Николай Алексѣевичъ молча два раза прошелся по комнатѣ, потомъ остановился.

— Нѣтъ, господа, извините! Я не могу ѣхать. Я сейчасъ долженъ засѣсть за рефератъ. Онъ завтра хочетъ выслушать его и сдѣлать свои замѣчанія.

Все его оживленіе, вся энергія, выражавшаяся въ его глазахъ, исчезли безслѣдно. Лицо сдѣлалось желтымъ и дряблымъ. Не стало живого, умнаго, симпатичнаго человѣка; опять передъ нами былъ секретарь его превосходительства.

— Не могу, господа, не могу! Извините! еще разъ повторилъ онъ.—Передайте, пожалуйста, мой сердечный привѣтъ добрѣйшему Ѳедору Михайловичу, Елизаветѣ Ѳедоровнѣ и Сереженькѣ!..

Мы молча пожали ему руку и вышли.

II.

Ровно недѣлю я употребилъ на то, чтобы „овладѣть предметомъ“. На восьмой день я уже сидѣлъ въ такъ-называемой „канцеляріи“, съ видомъ человѣка, съѣвшаго собаку въ статистикѣ (такъ какъ это называлось у насъ статистикой), и самымъ авторитетнымъ тономъ дѣлалъ указанія и вносилъ поправки въ систему, выработанную Антономъ Петровичемъ.

Можетъ быть, съ моей стороны это было немалымъ нахальствомъ. Признаюсь, что никогда въ жизни я не занимался статистикой. Я наскоро подчиталъ кое-что подходящее, по указанію Антона Петровича, бѣгло окинулъ взоромъ шкафы съ трехъ-вагоннымъ матеріаломъ, и въ головѣ моей составилось нѣчто цѣльное, опредѣленное и

Digitized by Google

до невѣроятія смѣлое. Когда я изложилъ Николаю Алексѣевичу „свою“ систему, онъ остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Дѣйствительно, вы геній приспособляемости! воскликнулъ онъ, выскочивъ изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ въ своемъ неизмѣнномъ дубовомъ креслѣ.—Знаете что? Я совершенно передаю вамъ это дѣло, совершенно. Дѣлайте что хотите, требуйте что нужно! я только исполнитель вашихъ предначертаній и плательщикъ!

Такое необычайное довѣріе доказывало, что Погонкинъ былъ диллетантъ еще болѣе глубокій, чѣмъ я, хотя это и трудно было представить. Въ моей системѣ его подкупила стройность и законченость, и онъ вообразилъ, что я въ самомъ дѣлѣ основательно изучилъ его три вагона и въ то-же время вооружился солидными знаніями по теоріи статистики. Ничего этого, разумѣется, не могло быть. Все дѣло заключалось въ особой способности моего ума—никогда ни въ чемъ не терпѣть пробѣловъ. Когда я чего-нибудь не знаю, я замѣщаю пустое мѣсто чѣмъ-нибудь подходящимъ изъ того, что я знаю; когда я, благодаря недостаточной подготовкѣ, чего-нибудь не понимаю, я его просто выбрасываю. Но, въ концѣ-концовъ, я такъ ловко и искусно сведу концы съ концами, что получается нѣчто правдоподобное.

Я сдѣлался полнымъ хозяиномъ „канцеляріи“. Это была очень длинная комната, всѣ стѣны которой были превращены въ шкафы, а полки этихъ шкафовъ были завалены „матеріаломъ“ въ видѣ безконечнаго множества „дѣлъ“, „свѣдѣній“, „записокъ“, „вѣдомостей“ и т. п. Во всю длину комнаты по серединѣ ея тянулся столъ, покрытый зеленой клеенкой; на столѣ лежали въ несмѣтномъ количествѣ писменныя принадлежности: чернильницы, ручки, перья, карандаши, кипы бумаги, линейки, даже циркуля. Все это указывало на то, что моя скромная и тихая работа служитъ только преддверіемъ къ чему-то грандіозному, долженствующему поглотить всю эту массу „принадлежностей“.

И дѣйствительно, когда я раскрывалъ шкафы, изъ которыхъ на меня внушительно смотрѣли необъятныя

Digitized by Google

горы бумажнаго матеріала, я чувствовалъ себя мизернымъ со всей своей стройной и законченной системой. Роясь одиноко въ этой громадѣ, я походилъ на муху, мечтающую съѣсть сахарную голову.

„Канцелярія“ сдѣлалась моимъ храмомъ, а я — ея единственнымъ посвященнымъ жрецомъ. По крайней мѣрѣ входъ въ нее былъ доступенъ далеко не всякому смертному. Самъ Николай Алексѣевичъ, прежде чѣмъ войти въ нее, стучался въ дверь и спрашивалъ позволенія. Ѳеня, носившая намъ чай, чуть слышно отворяла дверь и входила на цыпочкахъ. Единственный человѣкъ, пользовавшійся правомъ свободнаго входа сюда, это—Иванъ Иванычъ. Мало этого, онъ даже былъ хранителемъ ключей какъ отъ самой канцеляріи, такъ отъ шкафовъ и отъ ящиковъ стола.

Съ Иваномъ Иванычемъ я познакомился при довольно торжественной обстановкѣ. Это было еще въ періодъ созрѣванія моей системы, когда я ходилъ по канцеляріи и съ недоумѣніемъ посматривалъ на грандіозные шкафы, рѣшительно не зная, что я буду дѣлать съ ихъ содержимымъ. Въ одну изъ минутъ моей глубокой задумчивости вошелъ Николай Алексѣевичъ, а вслѣдъ за нимъ почтительно и сдержанно вступилъ Иванъ Иванычъ.

— Вотъ-съ, Владиміръ Сергѣичъ, позвольте вамъ представить этого человѣка! сказалъ Николай Алексѣевичъ:—это Иванъ Иванычъ, который все знаетъ и все можетъ. Ему достовѣрно извѣстно, гдѣ, въ какой именно щелочкѣ лежитъ такая-то вѣдомость; его голова — справочный ящикъ по этой части и по всякой другой части! Онъ весь къ вашимъ услугамъ!

Я пожалъ увѣсистую и потную руку Ивана Иваныча, фамилію котораго, вѣроятно, считали несущественной для дѣла и поэтому совсѣмъ не назвали ея. Онъ для перваго знакомства не сказалъ ни слова, держался вообще мѣшковато и стѣсненно, и скоро исчезъ. Сейчасъ-же по уходѣ его Николай Алексѣевичъ прибавилъ мнѣ конфиденціально:

Digitized by Google

— Съ нимъ надо вести себя осторожно. Жуликъ первой руки!

Хотя эта вторая рекомендація явно противорѣчила первой, но я не возбуждалъ объ этомъ вопроса.

Черезъ четверть часа Иванъ Иванычъ вернулся. Онъ былъ въ своеобразномъ костюмѣ: въ синей рубашкѣ навыпускъ, подпоясанной ремнемъ, а поверхъ покрытой сѣрымъ пиджакомъ.

— Можетъ быть, желаете ознакомиться, гдѣ что лежитъ? почтительно спросилъ онъ меня. Я пожелалъ. Онъ вынулъ изъ кармана связку ключей и отперъ поочередно всѣ шкафы.

— Вотъ здѣсь покоятся мѣщане! сказалъ онъ безъ всякой иронiи.— Его превосходительство очень много привезли мѣщанскаго матеріалу, потому въ этихъ паршивыхъ городахъ почти никого и нѣтъ, кромѣ мѣщанъ. Вотъ тутъ—касательно городскихъ думъ. Здѣсь—насчетъ сиротскихъ судовъ. Большею частью я собственноручно принималъ всѣ дѣла и въ реестръ вносилъ; потому и знаю хорошо.

— Какъ? Развѣ и вы ѣздили на ревизію?

— А какъ-же! При его превосходительствѣ состояли— Николай Алексѣевичъ и я... Но собственно, большею частью, я-то и производилъ ревизію. Зайдешь бывало въ какую-нибудь ремесленную управу въ городѣ Неплюйскѣ, и сейчасъ: покажите то, покажите другое. Такъ тебѣ все и вываливаютъ. Я вамъ скажу: ежели-бъ кто захотѣлъ, заработать могъ-бы на всю жизнь! Мнѣ, напримѣръ, даютъ дѣла сиротскаго суда (его превосходительство приказали всюду снимать для насъ копiи со всѣхъ дѣлъ). Вижу я — озаглавлено: „Объ опекѣ надъ имуществомъ такой-то умалишенной“. Ужь можете быть покойны, что тутъ дѣло нечисто. Сейчасъ вы: пожалуйте подлинное для свѣрки. Вотъ тутъ-то и есть самый моментъ. Подлинное-то на копiю даже вовсе не похоже... На этомъ можно было сильно заработать...

Я не рѣшился по первому знакомству спросить, за-

Digitized by Google

работалъ-ли онъ на этомъ. Но надо думать, что это было такъ, потому что очень ужь онъ увѣренно говорилъ объ этомъ. Не успѣли мы съ нимъ хорошенько разговориться, какъ зычный звонокъ, проведенный сюда изъ кабинета Николая Алѣксѣевича, отнялъ у меня собесѣдника. Иванъ Иванычъ сдѣлалъ ужасную гримасу и закрылъ уши.

— Можете себѣ представить, что я каждыя пять минутъ слышу звонокъ и не только на-яву, а даже во снѣ! съ досадой промолвилъ Иванъ Иванычъ и помчался въ кабинетъ.

Дѣйствительно, звонки Николая Алексѣевича преслѣдовали его на каждомъ шагу. Они какъ-бы слѣдили за нимъ, шпіонили и ловили его. Звонки изъ кабинета Погонкина были проведены всюду, какъ во всѣ комнаты его собственной квартиры, такъ и въ квартиру Ивана Иваныча.

Черезъ двѣ минуты Иванъ Иванычъ вернулся.

— Изволите видѣть, онъ никакъ не могъ припомнить, какого числа нанятъ дворникъ Яковъ, такъ я долженъ былъ бѣжать къ нему и докладывать... объяснилъ мнѣ Иванъ Иванычъ.—Повѣрите-ли, отъ этихъ звонковъ мнѣ житья нѣтъ. Вотъ это онъ сидитъ, корпитъ надъ бумагой, вдругъ ему придетъ въ голову: сколько я заплатилъ извозчику, который вчера привезъ его со службы? Сейчасъ подбѣгаетъ къ стѣнѣ, а въ стѣнѣ у него, можетъ вы замѣтили, цѣлая дюжина кнопокъ. Придавитъ одну—нѣтъ, другую—нѣтъ, третью, четвертую, хотъ всѣ двѣнадцать: которая-нибудь таки меня гдѣ-нибудь отыщетъ. Знаете, иной разъ онъ до того запишется въ какомъ нибудь докладѣ, что уже самъ не знаетъ, что говоритъ. Одинъ разъ онъ этакъ позвалъ меня звонкомъ—я прибѣгъ. Вижу, стоитъ посреди комнаты и лобъ третъ.—Что прикажете, Николай Алексѣевичъ?—„Ахъ, говоритъ, Иванъ Иванычъ, не помните-ли вы, что я такое сейчасъ думалъ? Что-то очень важное, а припомнить не могу!“ Можете себѣ представить?! Я

Digitized by Google

посмотрѣлъ на него и думаю: надо что-нибудь сказать, и говорю: Вы, говорю, Николай Алексѣевичъ, ни о чемъ не думали, это вамъ показалось. Ну, разсмѣялись оба.

Иванъ Иванычъ съ каждой минутой все дѣлался словоохотливѣе. Онъ уже понизилъ голосъ, раза два оглянулся на дверь и придвинулся ко мнѣ поближе. Изъ этого я заключилъ, что сообщенія его будутъ конфиденціальны.

— И изъ-за чего человѣкъ мучается? Просто невозможно понять! Возьмите вы это: одинокій, жалованья по службѣ получаетъ до трехъ тысячъ; кажись-бы, жить-бы только въ свое удовольствіе. А онъ, подите вы! Его превосходительство, Константинъ Александровичъ, прямо вамъ скажу, кровь изъ него высасываетъ. Вѣдь онъ ему все дѣлаетъ, все какъ есть, а тотъ сидитъ себѣ въ своихъ палатахъ, балы задаетъ, чины да ордена получаетъ. Чего ради, я васъ спрашиваю? День и ночь, день и ночь на него работаетъ... А за это получаетъ квартиру, да сто рублей въ мѣсяцъ деньгами, да меня на придачу.

Его опять потревожилъ звонокъ. На этотъ разъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ дольше, а вернувшись объяснилъ, что тамъ неизвѣстно куда запропастилось какое-то „дѣло“ и онъ искалъ его подъ столомъ и подъ диваномъ.

— А его превосходительство богатъ, какъ жидъ, продолжалъ онъ прежнимъ конфиденціальнымъ тономъ:— три дома у него здѣсь, да два имѣнья, одно въ московской, другое въ новгородской, съ лѣсами, съ охотой.

— А вы у него служите? спросилъ я, желая уяснить себѣ роль этого человѣка.

— Я былъ у него сначала по письменной части, потому какъ я изъ военныхъ писарей и почеркъ хорошій имѣю... Ну, а потомъ данъ Николаю Алексѣевичу какъ-бы въ помощники. И ужъ тутъ я и самъ не разберу, что я такое. Прямо на всѣ руки. Одинъ разъ дворникъ запьянствовалъ, такъ меня цѣлыхъ двадцать часовъ дворницкую службу нести застарили.

Digitized by Google

Получивъ эти важныя сообщенія, я уже нѣсколько яснѣе представлялъ себѣ отношенія, связывавшія Николая Алексѣевича, Ивана Иваныча и его превосходительство.

Я выбралъ ближайшее воскресенье для того, чтобы поговорить съ моимъ патрономъ о дѣлѣ. Мнѣ нужно было выхлопотать себѣ помощника, отчасти потому, что въ самомъ дѣлѣ одному нельзя было справиться съ такимъ обширнымъ дѣломъ, да и потому еще, что у меня былъ пріятель, тоже человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, а въ данное время даже безъ всякихъ занятій.

Я пошелъ съ утра, разсчитывая, что въ праздничное утро застану моего патрона свободнымъ.

Но когда я вошелъ въ кабинетъ, я встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу народа. Это были рабочіе по ремонту дома его превосходительства. Николай Алексѣевичъ производилъ имъ разсчетъ. Съ каждымъ онъ велъ особые переговоры, читалъ нотацію за небрежность, пытался оштрафовать, сдѣлать вычетъ, выслушивалъ возраженія и платилъ. Каждую минуту онъ раздражался, вскакивалъ съ мѣста, швырялъ счеты, вскрикивалъ, брался за голову и просилъ всѣхъ провалиться сквозь землю. Но рабочіе не обращали на это вниманія и тянули свою линію.

— А, вотъ это для васъ еще новость! обратился онъ ко мнѣ, пожимая мою руку: — это устроено собственно съ той цѣлью, чтобы свести меня съума. Понимаете, я говорилъ, я доказывалъ его превосходительству, я настаивалъ, чтобы производить ремонтъ подряднымъ способомъ. Тогда я зналъ-бы одного подрядчика. Такъ нѣтъ, изволили не согласиться, а теперь я долженъ возиться съ каждымъ рабочимъ. Знаете, я, кажется, все это брошу, ей-Богу брошу! — Это была угроза, которую я отъ него слышалъ каждый день по всевозможнымъ поводамъ, а Иванъ Иванычъ слышалъ ее уже пять лѣтъ. Разумѣется, ей не суждено было осуществиться.

Рабочіе разсчитывались до двѣнадцати часовъ. Тутъ сказали, что поданъ завтракъ; мы вышли въ столовую.

Digitized by Google

Но завтракать пришлось мнѣ одному. Едва Николай Алексѣевичъ взялъ въ руки ножъ и вилку и прицѣлился рѣзать бифштексъ, какъ пришелъ жилецъ изъ коломенскаго дома съ жалобой на старшаго дворника, который выдаетъ мало дровъ, потому что воруетъ ихъ себѣ. Погонкинъ принялся разбирать жалобу, причемъ предварительно пустилъ во всѣ концы звонки для того, чтобы изловить Ивана Иваныча, который долженъ былъ оказаться во всемъ виноватымъ.

— Ахъ, голубчикъ, извините, я васъ оставилъ одного! воскликнулъ онъ, съ отвращеніемъ разрѣзывая совершенно застывшее мясо. Сколько я замѣтилъ, онъ никогда не ѣлъ ни одного кушанья въ надлежащемъ видѣ. Все перестаивалось и пріобрѣтало отталкивающій видъ, въ ожиданіи, пока онъ покончитъ съ какимъ-нибудь внезапно нагрянувшимъ дѣломъ. Ну, разскажите-ка, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ? Я уже ровно двѣ недѣли не читаю газетъ. Этотъ ремонтъ отнимаетъ у меня остатокъ моего времени.

Я сообщилъ ему, что вчера былъ въ концертѣ и слышалъ девятую симфонію Бетховена.

— Боже мой! съ искреннимъ чувствомъ проговорилъ онъ:—а вѣдь я мечталъ объ этой симфоніи! Неужели это было вчера? У меня и билетъ есть, я за двѣ недѣли купилъ его, но совершенно выпустилъ изъ виду!

Онъ началъ говорить о музыкѣ. Оказалось, что онъ страстный любитель ея, но живетъ по этой части одними воспоминаніями. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще студентомъ, онъ, по его выраженію, „дневалъ и ночевалъ“ „въ коробкѣ“ Большого театра, слушая итальянскихъ знаменитостей. Онъ слышалъ Патти, но не выносилъ ее за ея холодность и деревянность.

— Мнѣ ее напоминаетъ вотъ этотъ противный бифштексъ, въ которомъ столько-же чувства, сколько у нея, говорилъ онъ.

Шедёвромъ оперной музыки онъ считалъ квартетъ изъ „Риголетто“ и когда онъ сообщалъ мнѣ объ этомъ,

Digitized by Google

то старался изобразить кое-что изъ партіи Джильды. Высшимъ произведеніемъ симфоническаго жанра онъ считалъ 9-ю симфонію Бетховена, ту самую, на которую онъ вчера не попалъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ всего два раза нашелъ время сходить въ оперу, причемъ оба раза попалъ на Вагнера и былъ ужасно недоволенъ, потому что не слышалъ ничего похожаго на квартетъ изъ „Риголетто“. Но въ его сердцѣ всегда оставался уголокъ, отведенный музыкѣ, и любовь свою къ ней онъ выражалъ тѣмъ, что покупалъ черезъ Ивана Иваныча билеты на всѣ выдающіеся концерты, обязательно абонировался на симфоническія собранія, и никогда никуда не ходилъ.

— Знаете, это что-то роковое! воскликнулъ онъ:— въ день концерта, въ самый моментъ, когда надо ѣхать въ театръ, непремѣнно свалится на мою голову какое-нибудь спѣшное неотложное дѣло, и я остаюсь... Иногда прямо плакать хочется, а ничего не подѣлаешь!..

Былъ уже третій часъ. Я, наконецъ, нашелъ необходимымъ заговорить съ нимъ о дѣлѣ.

— У меня есть къ вамъ дѣло, Николай Алексѣевичъ! перебилъ я его почти въ самомъ разгарѣ музыкальныхъ восторговъ.

Онъ съ шутливымъ негодованіемъ положилъ въ тарелку вилку и ножъ и укоризненно закачалъ головой.

— Владиміръ Сергѣичъ! И у васъ, какъ погляжу, нѣтъ жалости ко мнѣ! Ну, что вамъ стоитъ хотьвъ воскресенье поболтать со мной о томъ, о семъ, о чемъ угодно, только не о дѣлѣ?!..

Я смутился.—Извольте, Николай Алексѣевичъ, я готовъ забыть о своемъ дѣлѣ!.. Давайте болтать!..

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Все равно, отъ дѣла въ томъ или другомъ видѣ мнѣ не уйти. Все равно, Иванъ Иванычъ придетъ, телефонъ прозвонитъ, тараканщикъ прилѣзетъ, ремонтъ, дворникъ, докладъ, рефератъ et cetera, et cetera. Говорите, пожалуйста! Я весь, весь къ вашимъ услугамъ!..

Digitized by Google

— Мнѣ нуженъ помощникъ! одному мнѣ не сдвинуть эту гору! заявилъ я.

— Гм... Помощникъ?!..

Къ моему удивленію, Николай Алексѣевичъ, несмотря на всю свою необычайную предубредительность, не поспѣшилъ выразить согласіе. Онъ оттопырилъ нижнюю губу и забарабанилъ пальцами по столу.

— Помощникъ! Гм... Я вполнѣ раздѣляю это, вполнѣ! Но и раздѣляя это вполнѣ, онъ продолжалъ обнаруживать нерѣшительность.

— Вы встрѣчаете препятствія? спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать? Препятствіе особаго рода. Надо вамъ знать, что его превосходительство страшно тугъ на всякій новый расходъ.

— Неужели? такой богачъ!

— Да, представьте себѣ! Онъ не скупъ, живетъ широко, тратитъ огромныя деньги на пріемы и всякія развлеченія. . Но онъ глубоко убѣжденъ, что это моя обязанность и что все это я долженъ дѣлать одинъ...

— Какъ? И это еще? Да когда-же?

— О, онъ объ этомъ не думаетъ... Секретарь, значитъ, долженъ дѣлать все. Вы не можете себѣ представить, какихъ усилій мнѣ стоило выхлопотать себѣ одного помощника въ лицѣ Антона Петровича, а потомъ васъ! Это, говоритъ, роскошь; вы, говоритъ, разбаловались, жирѣть начинаете... Каково? Но во всякомъ случаѣ я на этомъ настою и почти обѣщаю вамъ помощника. У него есть одно больное мѣсто, на которое я въ такихъ случаяхъ и дѣйствую, какъ опытный психологъ.

Я не разспрашивалъ, но Николай Алексѣевичъ почувствовалъ потребность подѣлиться со мной своимъ секретомъ.

— Это, конечно между нами. Надо вамъ знать, что въ то время, какъ мы съ его превосходительствомъ производили ревизію въ однихъ губерніяхъ, другое его превосходительство занималось тѣмъ-же въ другихъ гу-

Digitized by Google

берніяхъ. Мы привезли три вагона плодовъ нашей дѣятельности и думали, что больше уже никому не привезти; а они, можете себѣ представить, взяли да цѣлыхъ четыре привалили. Ну, понимаете, намъ стало досадно. Гдѣ-жь-таки! То его превосходительство живетъ чуть-ли не однимъ жалованьемъ, а мы почти-что милліонеры. Мы желаемъ, чтобы о насъ говорили больше, чѣмъ о комъ-бы то ни было другомъ. Посему мы постановили: перещеголять другое его превосходительство разработкой матеріала. Мы должны накатать тьму-тьмущую разныхъ вѣдомостей и составить отчетище, въ которомъ цифры сидѣли-бы одна на другой, смѣлые выводы били-бы въ носъ, а главное, чтобы книга была толстая-претолстая, чтобъ ее никогда нельзя было дочитать до конца. Въ книгѣ этой *нашъ* его превосходительство будетъ все говорить: „я полагаю“, „я пришелъ къ заключенію“, „я вычислилъ“, и т. п., а другое его превосходительство объ этой готовящейся грозѣ не подозрѣваетъ, и поэтому дастъ кратенькій и жиденькій отчетецъ. Вотъ мы и побѣдили!..

Все это онъ излагалъ съ неподражаемымъ юморомъ. Никакъ нельзя было подумать, что онъ говоритъ о томъ дѣлѣ, въ которомъ самъ игралъ столь видную роль. Я освѣдомился, куда пойдутъ эти отчеты.

— Какъ куда? А въ комиссію! Есть такая особая комиссія, которая дѣйствуетъ уже четыре года и никакъ ни къ чему не можетъ придти. Два года назадъ она выработала „основныя положенія“; прочитали, просмотрѣли, обсудили; положенія оказались слишкомъ либеральными. Тогда комиссія опять засѣла и принялась вырабатывать сначала. Но бѣда: хватила черезъ край! Ея новыя „положенія“ оказались черезчуръ уже консервативными. Теперь она вновь засѣла и ищетъ середины... Такъ вотъ эту-то комиссію мы и хотимъ поразить своимъ отчетомъ!.. Ну-съ, я и скажу его превосходительству, что ежели онъ будетъ жалѣть денегъ для работниковъ, то другое его превосходительство, чего

Digitized by Google

добраго, и отчетомъ перещеголяетъ насъ! А это для него все равно что ножъ въ сердце!..

Я ушелъ съ надеждой, что соперничество двухъ его превосходительствъ доставитъ кормъ моему пріятелю.

III.

Его превосходительство разрѣшилъ мнѣ взять помощника. Поэтому вотъ уже около мѣсяца я сидѣлъ въ канцеляріи не одинъ, а съ моимъ пріятелемъ и сожителемъ, Кириломъ Семенычемъ Рапидовымъ. Иванъ Иванычъ по прежнему забѣгалъ къ намъ, разсказывалъ анекдоты про ревизію, про его превосходительство, въ особенности ядовито изображалъ своего ближайшаго патрона, Николая Алексѣевича, который мстилъ ему тѣмъ, что каждыя двѣ минуты отравлялъ его покой звонкомъ. Работали мы мирно и не спѣша, обработывая дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ городахъ двухъ отдаленныхъ губерній. Выборъ матеріала всецѣло принадлежалъ Ивану Иванычу, единственному человѣку, который зналъ, гдѣ что лежитъ въ этой необъятной кучѣ. Вмѣсто какой-бы то ни было описи въ наше распоряженіе была предоставлена его голова. По мѣрѣ надобности, онъ подкладывалъ намъ „дѣла“, а мы извлекали изъ нихъ цифры. Методъ нашъ былъ довольно простъ и не сложенъ. Мы забирались въ городъ Неплюйскъ и смотрѣли, сколько въ немъ гласныхъ. Въ Неплюйскѣ ихъ было тридцать. Тогда мы начинали раздѣлывать эту цифру на всѣ корки. Мы дѣлили ихъ на мѣщанъ, дворянъ, купцовъ и прочія сословія и вычисляли процентное отношеніе ихъ между собою. Главное тутъ было, чтобы вышло *сто*, въ этомъ была вся забота, и мой пріятель и помощникъ, Рапидовъ, сначала никакъ не могъ приспособиться къ этому условію.

— Вольдемаръ, тутъ, братъ, не выходитъ *ста*, а только 97! тревожно сообщалъ онъ мнѣ. Онъ почему-то сдѣлалъ привычку называть меня не иначе, какъ

Digitized by Google

Вольдемаромъ, хотя это вовсе было не къ лицу ни мнѣ, ни ему.

Я просматривалъ его выкладки и убѣждался, что *сто* не выходитъ по весьма законной причинѣ: не хватаетъ одного гласнаго. Всѣхъ-то ихъ тридцать, а по сословіямъ набирается всего 29. Другой на моемъ мѣстѣ почувствовалъ-бы себя въ затруднительномъ положеніи, но я, въ качествѣ генія приспособляемости, сейчасъ-же нашелся.

— Всади куда-нибудь еще одного гласнаго! рекомендовалъ я.

— Куда-же? Въ мѣщане, дворяне, купцы или прочія сословія? спрашивалъ Рапидовъ, который очень былъ еще далекъ отъ постиженія моей системы.

— А ты погадай на пальцахъ!

— Какъ на пальцахъ?

— А такъ, какъ обыкновенно гадаютъ. Указательный перстъ правой руки поверти вокругъ такового-же лѣвой, потомъ разведи ихъ, закрой глаза и сомкни.

— Что-же это будетъ за статистика? недоумѣвалъ Рапидовъ, который вообще смотрѣлъ на вещи ужасно серьезно.

— Что дѣлать! Тамъ, гдѣ Иванъ Иванычъ не далъ точныхъ свѣдѣній, надо прибѣгать къ услугамъ судьбы. Вотъ погадай и увидишь, что непремѣнно что-нибудь выйдетъ.

Рапидовъ гадалъ. Сначала на дворянъ—пальцы разошлись, потомъ на мѣщанъ тоже, на купцовъ пальцы благополучно встрѣтились.

— Ну, слѣдовательно, сей недостающій гласный былъ купецъ!

Рапидовъ записывалъ его въ купцы и такимъ образомъ, добивался желанныхъ *ста* процентовъ. Бывали случаи что гласные исчезали не по одиночкѣ, а цѣлой полдюжиной. Тутъ мой помощникъ дѣлалъ протестующее лицо и никакъ не соглашался рѣшить судьбу такой

Digitized by Google

большой компаніи при посредствѣ пальцевъ. Въ этихъ случаяхъ я принималъ мѣры строгости.

— Прошу не забывать, что ты не болѣе, какъ мой помощникъ! строго внушалъ я Рапидову,—и обязанъ подчиняться всѣмъ моимъ предначертаніямъ. Надо быть послѣдовательнымъ. Всѣ гласные пользуются одинаковыми правами. Если можно рѣшить судьбу одного при посредствѣ указательныхъ пальцевъ, то почему это не годится для полдюжины!

Рапидовъ упорствовалъ; тогда я пускалъ въ дѣло свои собственные указательные пальцы и доставлялъ ему *сто процентовъ*.

Мой умъ, ставящій на первомъ планѣ округленность, законченность и чистоту отдѣлки, не выносилъ какихъ-бы то ни было недомолвокъ и пробѣловъ. Поэтому я совсѣмъ не признавалъ „вѣдомостей“, выработанныхъ моимъ предшественникомъ, Антономъ Петровичемъ Куницынымъ. Онъ точно придерживался источниковъ, и у него на каждомъ шагу во всю ширину вѣдомости стояли позорныя надписи: „свѣдѣнія неточны“. Я этого рѣшительно не могъ допустить. Съ одной стороны, это могло-бы бросить тѣнь на лицо, которое производило ревизію. Помилуйте, свѣдѣнія неточны! Зачѣмъ не розыскали точныхъ? Съ другой стороны, на основаніи неточныхъ свѣдѣній нельзя было сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Кромѣ того мнѣ было извѣстно, что въ „дѣлахъ“, служившихъ намъ матеріаломъ, всецѣло отразился пытливый духъ Ивана Иваныча, и я былъ совершенно увѣренъ, что то, что давалось въ этомъ матеріалѣ какъ точное, было столь-же достовѣрно, какъ и результаты нашихъ гаданій при посредствѣ указательныхъ пальцевъ. Наконецъ,—и это чуть-ли не самое главное,—это было некрасиво и, можетъ быть, даже неприлично. Какая-же это статистика, которая основана на неточныхъ свѣдѣніяхъ? Поэтому у меня все было удивительно точно. „вѣдомости“ щеголяли только цифрами, процентными

Digitized by Google

отношеніями, благополучно дававшими сотню, и средними величинами, которыя тоже всегда составляли *сто*.

Однажды къ намъ зашелъ Николай Алексѣичъ, а вмѣстѣ съ нимъ намъ сдѣлалъ честь родоначальникъ и основатель нашей статистики—Антонъ Петровичъ. Мы уже три мѣсяца съ Рапидовымъ гадали на пальцахъ и успѣли за это время приготовить бездну вѣдомостей. Что касается вѣдомостей Антона Петровича, то онѣ у меня были наклеены на стѣнѣ, на видномъ мѣстѣ, какъ примѣръ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать. Николай Алексѣевичъ заглянулъ въ наши работы и воскликнулъ въ совершенномъ восторгѣ:

— Ахъ, какая прелесть! Антонъ Петровичъ, взгляните! какая чистота, какъ все аккуратно сходится! Помните, какъ мы съ вами не могли этого добиться?! Еще его превосходительство укорялъ меня: „что это, говоритъ, у васъ на каждомъ шагу свѣдѣнія неточны? Насъ, говоритъ, могутъ спросить, чего-жь мы смотрѣли? Вы, говоритъ, пожалуйста, какъ-нибудь постарайтесь избѣжать этого!“ Какъ вы этого достигли, Владиміръ Сергѣичъ? Нѣтъ, вы рѣшительно золото, а не человѣкъ!

Я, разумѣется, принялъ похвалу безъ протеста, но не открылъ своего секрета. Антонъ Петровичъ ѣдко улыбнулся и шутя погладилъ меня по головѣ.

— Вамъ-бы быть министромъ финансовъ — сказалъ онъ.

Рапидовъ сидѣлъ съ суровымъ лицомъ и молчалъ. Повидимому, его подмывало разсказать, въ чемъ дѣло, такъ какъ онъ въ душѣ все еще жаждалъ „честной статистики“; но я посмотрѣлъ на него безапелляціоннымъ взглядомъ и сейчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.

— Какъ ваша практика? спросилъ я Куницына.

— Не такъ блестяща, какъ ваша! съ улыбкой промолвилъ онъ:—но въ общемъ ничего, дѣлаю успѣхи!..

Ядовитый человѣкъ былъ Антонъ Петровичъ Куницынъ. Впрочемъ, надо сказать, что ядовитость его

Digitized by Google

была чисто адвокатская. Въ присутствіи лицъ постороннихъ онъ не признавалъ ни дружбы, ни родства, ни пріятельства и не пропускалъ ни одного случая поразить человѣка и положить его въ лоскъ. Въ этомъ случаѣ онъ отдавалъ дань публичности и своему адвокатскому тщеславію. Но когда онъ оставался въ интимномъ пріятельскомъ кружкѣ, онъ становился просто милымъ, сердечнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Стоило только появиться новому лицу—все равно, былъ-ли это человѣкъ его круга, или дама (о, въ особенности дама!), или лакей въ ресторанѣ—онъ дѣлался ѣдкимъ и безпощаднымъ.

Такъ случилось и теперь. Черезъ минуту прибѣжалъ Иванъ Иванычъ, вспотѣвшій и запыхавшійся.

— Николай Алексѣичъ! Во флигелѣ, во второмъ дворѣ у Канючкина въ квартирѣ, лопнула труба и просачивается вода! объявилъ онъ, и Николай Алексѣевичъ, взявшись обѣими руками за голову и произнеся нѣсколько ругательствъ, впрочемъ совершенно приличныхъ, по адресу Ивана Иваныча, пошелъ осматривать лопнувшую трубу. Антонъ Петровичъ мгновенно преобразился. Онъ началъ хохотать самымъ искреннимъ образомъ.

— Ну знаете, ваша находчивость превзошла мои ожиданія! говорилъ онъ.—Вы только представьте, какія отъ сего могутъ произойти благодѣтельныя послѣдствія. Его превосходительство, придя въ восторгъ отъ того, что неточность совсѣмъ исчезла, лишнихъ два раза пожметъ руку Николая Алексѣевича и отпуститъ ему столько-же лишнихъ и одобрительныхъ улыбокъ; Николай Алексѣевичъ вслѣдствіе этого, а именно, чтобы оправдать высокое довѣріе, съ удвоенной силой налижетъ на доклады и рефераты, а отъ всего этого, въ концѣ концовъ, выиграетъ отечество!.. Хвала вамъ, Владиміръ Сергѣичъ!

Рапидовъ сказалъ мрачно: — А вѣдь это тово... жульничествомъ называется!.. Вѣдь пойдетъ въ комис-

Digitized by Google

сію, которая, основываясь на этомъ матеріалѣ, рѣшаетъ государственный вопросъ!..

Куницынъ посмотрѣлъ на моего сожителя сильно прищуренными глазами.

— Вамъ, Кирилъ Семенычъ, надобно сбрить бороду! сказалъ онъ:—она у васъ слишкомъ длинна!..

— Это почему?

— Потому что съ столь длинной бородой никакъ невозможно согласовать столь дѣтскую наивность. Впрочемъ извините, мнѣ некогда. Я надѣюсь, что черезъ три мѣсяца вы скажете, что я былъ правъ.

Онъ обратился ко мнѣ.—Будьте сегодня у Здыбаевскихъ; Николай Алексѣичъ, наконецъ, рѣшился выйти изъ берлоги!

Я обѣщалъ, такъ какъ мнѣ вообще было пріятно бывать въ этомъ семействѣ.

Здѣсь мнѣ надо сказать нѣсколько словъ о моемъ помощникѣ и сожителѣ. Когда я въ первый разъ привезъ его къ Николаю Алексѣичу, я замѣтилъ очень странное явленіе. Мой патронъ, обыкновенно разсыпавшійся въ изысканныхъ любезностяхъ и безъ умолку болтавшій во всѣ промежутки между дѣловыми появленіями Ивана Ивановича, вдругъ какъ-то съежился и замолкъ. Послѣ я узналъ, что на него произвелъ удручающее впечатлѣніе внѣшній видъ моего пріятеля. У Рапидова была необычайно громоздкая фигура. Ростомъ онъ не былъ слишкомъ высокъ, Антонъ Петровичъ былъ выше его на полголовы. Но когда они стояли рядомъ, послѣдній совершенно стушевывался передъ первымъ. Все у этого человѣка было отмѣнно-крупное, начиная съ головы, увѣнчанной косматой шевелюрой и высокимъ лбомъ, и кончая ногами-лапищами въ длинныхъ стучащихъ сапогахъ; широчайшая спина, толстѣйшія руки, могущественнѣйшая грудь, бычачья шея, все это можно опредѣлить только при помощи превосходной степени. Лицо его нисколько не отставало отъ прочихъ частей тѣла. Густыя брови, почти сросшіяся въ одну линію, висѣли надъ большими глазами,

Digitized by Google

нѣсколько ушедшими въ глубь орбитъ, отчего взглядъ ихъ казался еще болѣе внушительнымъ; носъ правильный, ровный, какъ слѣдуетъ носъ, но словно видимый сквозь лупу, губы толстыя, задрапированныя густыми темными усами, и, наконецъ, борода длинная, густая, широкая, начинающаяся чуть не подъ глазами. При этомъ онъ имѣлъ привычку смотрѣть всегда сурово, насупившись, и старался басить, хотя природа дала ему довольно мягкій голосъ. Одѣвался мой пріятель во все широкое, старался подбирать сукно погрубѣе, шляпу пошире, повыше, позаористѣе, сапоги потяжелѣе и вдобавокъ ко всему всегда носилъ съ собой толстую палку съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ, которымъ звонилъ о панель. Существованіе этого наконечника мотивировалось необходимостью путешествовать по льду черезъ Неву, такъ какъ мы обыкновенно жили на Выборгской сторонѣ. Въ такомъ видѣ Рапидовъ на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался въ первый разъ, производилъ самое безотрадное впечатлѣніе. Такъ и казалось, что онъ вотъ-вотъ набросится на васъ съ палкой и начнетъ ея острымъ наконечникомъ бодать васъ въ бокъ. Но уже черезъ полчаса оказывалось, что это самый мирный человѣкъ во всемъ свѣтѣ, съ которымъ вполнѣ безопасно, хотя и не особенно интересно, проводить время, — не интересно потому, что онъ любилъ молчать, а если и вступалъ въ разговоръ, то въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ. Рапидовъ года четыре тому назадъ былъ медицинскимъ студентомъ и дѣло у него шло недурно. Онъ уже былъ на третьемъ курсѣ, когда судьба сыграла съ нимъ штуку. Еще въ гимназіи любилъ онъ упражняться карандашомъ, не оставлялъ этого занятія и на Выборгской. Однажды ему удалось нарисовать карандашомъ голову профессора анатоміи; рисунокъ вышелъ замѣчательно удачнымъ и характернымъ и пошелъ по рукамъ. У кого-то его увидалъ какой-то художникъ-профессоръ съ Васильевскаго острова и расхвалилъ до небесъ. До Рапидова дошли вѣсти, что у него большой талантъ и

Digitized by Google

что это сказалъ профессоръ. Объ этомъ трубили ему два мѣсяца и совершенно затмили у него здравый смыслъ. Онъ вдругъ бросилъ академію Выборгской стороны и какъ-то необычайно быстро поступилъ въ академію Васильевскаго острова. Но пошлявшись туда около года, онъ убѣдился, что таланту у него вовсе нѣтъ, и плюнулъ. Сбитый съ толку, онъ уже никакъ не могъ приладиться, чтобы вернуться къ медицинѣ, и остался не при чемъ. Такимъ образомъ Рапидовъ сдѣлался человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Въ 7 часовъ мы обыкновенно уходили домой. Передъ уходомъ я завернулъ къ Николаю Алексѣевичу освѣдомиться, въ самомъ-ли дѣлѣ онъ рѣшился на подвигъ— провести вечеръ внѣ своего кабинета. Я засталъ его за спѣшнымъ дѣломъ. Онъ ходилъ по комнатѣ въ своихъ мягкихъ туфляхъ и въ разгильдяйскомъ костюмѣ и диктовалъ что-то Ивану Иванычу, который сидѣлъ за столомъ въ его дубовомъ креслѣ.

— Простите, голубчикъ, я сейчасъ! сказалъ онъ мнѣ, указалъ мнѣ на стулъ и продолжалъ, обращаясь къ Ивану Иванычу, произнося слова съ большими промежутками:

— Вотъ тѣ предварительныя условія, по принятіи которыхъ вами, его превосходительство готовъ вести дальнѣйшіе переговоры. Прошу принять увѣреніе и прочее, какъ обыкновенно... Кончили? Ну, давайте, я подпишу... Вотъ такъ... Теперь, почтеннѣйшій Иванъ Иванычъ, предлагаю вамъ провалиться въ тартарары и ни въ какомъ случаѣ, ни по какимъ-бы то ни было важнѣйшимъ дѣламъ не трогать меня. Вообразите, что я исчезъ съ лица земли, исчезъ безслѣдно. Меня нѣтъ, вовсе нѣтъ меня, понимаете? И если-бы даже я вздумалъ звать васъ звонкомъ—наплюйте и не откликайтесь!

Иванъ Иванычъ скептически улыбнулся, забралъ какія-то бумаги и вышелъ на цыпочкахъ.

— Значитъ, это рѣшено безповоротно, что вы сегодня у Здыбаевскихъ? спросилъ я.

Digitized by Google

— О, да, да, да, да, да! съ необычайной экспрессіей произнесъ онъ:—я у Здыбаевскихъ, да! Прекрасные люди Здыбаевскіе, не правда-ли?

Я подтвердилъ.

— Какой это добрѣйшій, симпатичнѣйшій человѣкъ Ѳедоръ Михайловичъ! съ неподдѣльнымъ чувствомъ воскликнулъ онъ. Я и съ этимъ согласился. Но Погонкинъ, очевидно, ощущалъ потребность излить свое восхищеніе на все семейство Здыбаевскихъ. Онъ продолжалъ:

— А Сергѣй Ѳедоровичъ, Сереженька, что за милый, что за талантливый юноша! Но согласитесь, согласитесь, голубчикъ, что такихъ дѣвушекъ, какъ Елизавета Ѳедоровна, не много найдется! Вѣдь правда? Какъ вы думаете?

Я подтвердилъ всѣ пункты допроса и, выслушавъ еще нѣсколько похвалъ Здыбаевскимъ, сталъ прощаться. Онъ задержалъ меня.

— Да, вотъ что, я давно собирался спросить... Не нужно-ли вамъ денегъ или вашему товарищу? Пожалуйста, не стѣсняйтесь! сколько угодно, впередъ...

— Особенной надобности нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, прошу васъ... Да вотъ самое лучшее, безъ разговоровъ...

Онъ быстро подбѣжалъ къ ящику стола, моментально выдвинулъ его и выхватилъ оттуда двѣ сторублевки. Я вообще замѣтилъ, что у него была страсть платить сторублевками.—Вотъ вамъ и Рапидову... Я самъ тружусь, поэтому умѣю цѣнить чужой трудъ.

Рѣшительно, онъ былъ въ этотъ день въ восторженномъ состояніи. Онъ ежеминутно жалъ мнѣ обѣ руки, бралъ меня за талію и вобще выражалъ трогательное расположеніе. Видно было, что въ душѣ у него зашевелилось нѣчто такое, что грозило разорвать цѣпь, приковывавшую его къ дубовому креслу.

Когда я передалъ Рапидову принадлежавшую ему сторублевку, онъ сказалъ довольно впрочемъ угрюмо:

Digitized by Google

— Нѣтъ, что-жь, видно, что онъ порядочный человѣкъ!

Рапидову очень нужны были деньги.

IV.

Здыбаевскіе жили на Кирочной, недалеко отъ Литейнаго въ третьемъ этажѣ огромнаго коричневаго дома. Ходъ былъ безъ швейцара, лѣстница гранитная, нешироκая, но чистая, съ высокими окнами, которыя пропускали много свѣта. Квартира въ пять большихъ комнатъ; обстановка уютная, изящная и приличная, но безъ излишествъ. Здыбаевскіе держали двѣ прислуги и ѣздили на извозчикахъ. Однимъ словомъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Михайловичъ Здыбаевскій, прослужившій во всевозможныхъ должностяхъ около пятидесяти лѣтъ, жилъ исключительно жалованьемъ, потому что больше ничего не имѣлъ.

Я пришелъ въ девять часовъ и засталъ за чайнымъ столомъ хозяевъ и Антона Петровича. Погонкинъ еще не пріѣхалъ. Но черезъ пять минутъ послѣ моего прихода явился и онъ.

Съ первой-же минуты онъ поразилъ меня и всѣхъ своимъ необычайнымъ оживленіемъ. Онъ былъ до того возбужденъ, что казался пьянымъ. Щеки его были румяны, въ глазахъ горѣли искры, онъ не могъ одной минуты усидѣть на мѣстѣ. Стоило только задать ему вопросъ, чтобъ онъ безъ остановки отвѣтилъ на десять. Онъ никому не давалъ говорить, и о чемъ только онъ не говорилъ!

— Какъ поживаетъ Константинъ Александровичъ? спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ, который зналъ Чербышева по службѣ, но въ частной жизни не встрѣчался съ нимъ.

— О, онъ отлично поживаетъ, дѣлаетъ успѣхи, пожинаетъ лавры на всѣхъ поприщахъ: и по службѣ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ благотворительныхъ ко-

Digitized by Google

мигетахъ. Богатство его ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Константинъ Александровичъ вполнѣ счастливый человѣкъ и вполнѣ доволенъ своей судьбой и... своимъ секретаремъ. ха-ха-ха!.. Но я сегодня бросилъ всѐ, и если-бы мнѣ сейчасъ сказали, что всѣ три дома, мною управляемые, горятъ,—клянусь честью, я продолжалъ-бы допивать этотъ стаканъ чаю... Ахъ, Ѳедоръ Михайловичъ, если-бы вы знали, какая у насъ теперь идетъ статистика! Антонъ Петровичъ творилъ удивительныя вещи, но Владиміръ Сергѣичъ творитъ просто чудеса... Онъ съ своимъ Рапидовымъ... Вы не знаете Рапидова? О, это страшный человѣкъ, котораго я побаиваюсь. Эти два разбойника съ Выборгской стороны грабятъ наши шкафы, вытаскиваютъ оттуда цифры и строятъ изъ нихъ цѣлые дворцы...

При этомъ онъ почти залпомъ пилъ горячій чай, не глядя бралъ печенья и безсознательно пихалъ ихъ въ стаканъ и въ ротъ. Мы всѣ смотрѣли на него съ тревогой, потому что его волненіе казалось неестественнымъ. Ѳедоръ Михайловичъ подошелъ къ нему и нѣжно взялъ его за талію.

— Кстати, чтобы не забыть, у меня есть къ вамъ маленькое дѣльце. Пойдемте въ кабинетъ...

Николай Алексѣевичъ на мгновеніе отшатнулся, но потомъ сейчасъ-же согласился и пошелъ. Ѳедоръ Михайловичъ просто хотѣлъ занять его вниманіе чѣмъ-нибудь дѣловымъ и сухимъ и такимъ образомъ успокоить его. Вѣроятно, это ему удалось, потому что черезъ полчаса мы нашли ихъ въ маленькой залѣ, и при этомъ Николай Алексѣевичъ сидѣлъ спокойно и велъ съ хозяиномъ какой-то дѣловой разговоръ.

Въ залѣ стоялъ коротенькій рояль и нѣсколько соломенныхъ стульевъ у стѣнъ. Другой мебели здѣсь не допускалось, потому что Здыбаевскіе цѣнили хорошій резонансъ. Всѣ они были порядочные музыканты и страстно любили музыку. На роялѣ лежала скрипка, такая-же старая, какъ и ея владѣлецъ, Ѳедоръ Михайловичъ. Этотъ

Digitized by Google

величественный старикъ, съ длинной, совершенно сѣдой бородой, съ густыми усами, закрывавшими несходившую съ его губъ умную, чуть-чуть насмѣшливую, но не злую, улыбку, высокаго роста, крупный, но не жирный, умѣлъ извлекать изъ своего инструмента горячіе звуки. Въ молодости онъ останавливалъ на себѣ вниманіе заправскихъ артистовъ, которые гнали его на артистическую дорогу; но онъ слишкомъ мало вѣрилъ въ свои силы и остался любителемъ. Въ углу стоялъ огромный футляръ, въ которомъ обитала віолончель, инструментъ, какъ думали очень многіе, погубившій карьеру Сереженьки. Сергѣю Ѳедоровичу было всего девятнадцать лѣтъ. Онъ кончилъ гимназію, но вмѣсто того, чтобы продолжать ученье, занялся музыкой, которую любилъ. Старикъ не одобрялъ этого шага, тѣмъ не менѣе не могъ не сознаться, что у Сереженьки есть талантъ, и что онъ взялся какъ разъ за свое дѣло. Такимъ образомъ юноша напоминалъ старика не только ростомъ, сложеніемъ и чертами лица, но и вкусами и способностями,—только у него было больше артистической увѣренности. Онъ твердо сказалъ себѣ: „буду выдающимся артистомъ!“ и бросилъ все остальное.

Антонъ Петровичъ подошелъ къ старику Здыбаевскому.

— Ѳэдоръ Михайловичъ! сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ публичной рѣчи, играя пенсне, какъ настоящій адвокатъ:—дабы окончательно привязать къ нашему грѣховному міру сего пришельца изъ міра иного, безгрѣшнаго и безплоднаго,—сыграйте ему одну изъ вашихъ чудныхъ мелодій!

— Да, да, я жажду, жажду послушать васъ, Ѳедоръ Михайловичъ! поспѣшилъ подтвердить Николай Алексѣевичъ.

— Что-жь, господа, я готовъ, только предупреждаю, что мои старые пальцы уже дрожатъ! отвѣтилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Я хотѣлъ-бы, чтобы мои молодые такъ бѣгали по струнамъ, какъ твои старые! сказалъ Сергѣй.

Digitized by Google

— Ну, ладно, ладно! Садись, Лиза! Что вамъ?

— Конечно, элегію Эрнста! Это само собой разумѣется! заявилъ за всѣхъ Антонъ Петровичъ.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ пристрастнымъ любителямъ музыки, которые съ упоеніемъ слушаютъ то, что они почему-либо часто слышали, и совсѣмъ не признаютъ всего остального. Антонъ Петровичъ признавалъ для скрипки двѣ вещи: элегію Эрнста и легенду Венявскаго; когда-же начинали играть что-нибудь другое, хотя-бы это былъ самъ Бетховенъ, онъ зѣвалъ и говорилъ:

— Ну, это уже началось что-то запутанное!

Лизавета Ѳедоровна сѣла за рояль, старикъ взялъ въ руки и настроилъ скрипку. Черезъ минуту раздались звуки элегіи. Ѳедоръ Михайловичъ игралъ увѣренно, съ хорошей выдержкой и съ большимъ чувствомъ. Годы его отражались только на техникѣ, которая кое-гдѣ замѣтно хромала; но это видѣли его дѣти, обладавшіе тонкимъ музыкальнымъ слухомъ, и не замѣчали ни Антонъ Петровичъ, ни Николай Алексѣевичъ. Они сидѣли рядомъ и молча. Сергѣй стоялъ за спиной сестры и переворачивалъ страницы нотъ. Когда старикъ кончилъ и обернулся, чтобы узнать мнѣніе своихъ гостей, онъ увидѣлъ Николая Алексѣевича, сидящаго неподвижно съ опущенной на грудь головой, съ нахмуренными бровями и съ напряженно сосредоточеннымъ выраженіемъ блѣднаго лица. Ѳедоръ Михайловичъ подошелъ къ нему и прикоснулся къ его рукѣ.

— Ну, что, дружище, тронула васъ стариковская игра? Николай Алексѣевичъ вздрогнулъ, какъ отъ прикосновенія электрической искры, и поднялъ на него глаза, полные слезъ.

— Играйте, играйте-же! Что-жь вы остановились? промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ, крѣпко сжимая руку старика.

— Эге, братъ, ты совсѣмъ плохъ, какъ я погляжу! шутливымъ тономъ сказалъ ему Ѳедоръ Михайловичъ.— У тебя секретарское отравленіе. Это особая болѣзнь. Че-

Digitized by Google

ловѣкъ мало-по-малу отравляетъ свою кровь ядомъ докладовъ, рефератовъ, всякихъ порученій, внушеній и т. п. Все это въ высшей степени ядовитыя вещи.

Всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и Николай Алексѣевичъ. Этого только и нужно было Ѳедору Михайловичу. Онъ хотѣлъ разсѣять глубокое впечатлѣніе, произведенное на Погонкина элегіей, впечатлѣніе, которое, очевидно, было ему не въ прокъ.

— Играйте, пожалуйста! сказалъ Николай Алексѣевичъ:—я долженъ сдѣлать большой запасъ пріятныхъ впечатлѣній!..

— Такъ-то оно такъ, да не слѣдовало-бы! возразилъ Ѳедоръ Михайловичъ:—для васъ эти впечатлѣнія нездоровы.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только наслаждаюсь! Нѣтъ, пожалуйста, играйте!

— Ну, пускай Сергѣй играетъ. У него выйдетъ полегче.

Сергѣй сейчасъ-же вытащилъ изъ угла віолончель и принялся настраивать ее.

— Ты что-нибудь этакое... Изъ салонныхъ... Ну, тамъ какой-нибудь романсъ безъ словъ! сказалъ ему Ѳедоръ Михайловичъ.

— Ладно!

Лизавета Ѳедоровна начала ритурнель, что-то легкое, игривое, на верхнихъ октавахъ. Николай Алексѣевичъ оживился и поднялъ голову. Они, въ самомъ дѣлѣ, выбрали легкую вещицу, которая произвела на гостя освѣжающее впечатлѣніе. Но Куницынъ все время кривился и не одобрялъ, такъ какъ пьеса была ему незнакома.

— Нѣтъ, это что-то такое... не то! говорилъ онъ мнѣ вполголоса. Вотъ Попера сочиненія, это я понимаю, это музыка!..

Онъ слышалъ гдѣ-то въ концертѣ какое-то сочиненіе Попера и очень цѣнилъ его.

— Браво, браво, Сереженька! Позвольте васъ рас-

Digitized by Google

цѣловать! Ахъ, какой вы талантъ! восторженно кричалъ Николай Алексѣевичъ, оживленный, наэлектризованный.

— Съ удовольствіемъ! отвѣтилъ молодой человѣкъ, и они поцѣловались. Ѳедоръ Михайловичъ смотрѣлъ на своего рѣдкаго гостя и качалъ головой.

— Знаете что, тихо говорилъ онъ Антону Петровичу и мнѣ:—онъ дурно кончитъ... Вѣдь это нервъ, прямо-таки обнаженный нервъ! Посмотрите, что съ нимъ дѣлается! Грустная музыка—онъ плачетъ, веселая—онъ уже смѣется; онъ совсѣмъ не владѣетъ собой!..

Между тѣмъ Николай Алексѣевичъ стоялъ у фортепьяно и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ обращался къ Лизаветѣ Ѳедоровнѣ.

— Я имѣлъ удовольствіе слышать ваше превосходное пѣніе полгода тому назадъ и помню, что оно доставило мнѣ высокое наслажденіе! говорилъ онъ, нагибаясь слегка впередъ:—я надѣюсь, что и на этотъ разъ вы не рѣшитесь лишить меня удовольствія, которое, къ моему глубокому сожалѣнію, такъ рѣдко выпадаетъ на мою долю!..

Лизавета Ѳедоровна хохотала.—Боже, какъ длинно и красиво! Сказали-бы просто: спойте!.. и я спѣла-бы!..

— Ну, просто: спойте!

— Извольте!..

Она ударила по клавишамъ и запѣла. Это была пѣсенка Карменъ о любви. Николай Алексѣевичъ отошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Онъ слушалъ и не спускалъ съ нея глазъ. Онъ не считалъ ее красивой, но она была стройна, изящна и мила съ своимъ дѣтскимъ личикомъ, съ золотистыми локонами, съ веселыми, ясными и добрыми глазками. Что-то притягивало его къ ней, а въ ея небольшомъ, но чистомъ и свѣжемъ голосѣ, въ ея манерѣ пѣть просто, толково и скромно, было для него что-то неотразимо-влекущее. И когда она кончила, ему тоже хотѣлось сказать: „о, какъ мнѣ хочется расцѣловать васъ!“ но онъ вмѣсто этого сказалъ:

— Мегсі! Божественно! Неподражаемо!

И чувствовалъ онъ, что сердце его усиленно бьется

Digitized by Google

и какъ-то болѣзненно ноетъ. Поговоривъ еще безъ всякаго интереса о чемъ-то минутъ десять, онъ сталъ прощаться. Это удивило всѣхъ. Было только около одиннадцати часовъ.

— Что съ вами, голубчикъ? Мы еще закусимъ, поболтаемъ! сказалъ ему Ѳедоръ Михайловичъ.

— Нѣтъ, не могу! промолвилъ Погонкинъ какимъ-то взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ:—я получилъ такую массу пріятныхъ и сильныхъ впечатлѣній, что больше не въ силахъ... У меня сердце разорвется!..

Ѳедоръ Михайловичъ нѣжно обнялъ его за талію и прошелся съ нимъ по комнатѣ.

— Дорогой Николай Алексѣевичъ! Я говорю вамъ, какъ человѣкъ, проживший на свѣтѣ около семидесяти лѣтъ и какъ искренній другъ вашъ: бросьте вы это проклятое секретарство! оно васъ губитъ! Вы человѣкъ способный, живой, интеллигентный, симпатичный, и все это уходитъ на глупое и чужое дѣло! Бросьте, ей Богу, бросьте!..

Николай Алексѣевичъ сочувственно пожалъ ему руку и сталъ прощаться со всѣми. Я сказалъ, что поѣду съ нимъ, такъ какъ намъ было по дорогѣ. Онъ какъ-то нервно торопился, говорилъ неподходящія фразы, не попадалъ въ рукава пальто и въ калоши. Мы вышли на улицу.

— Ахъ! воскликнулъ онъ, схвативъ почему-то мою руку и сильно тряся ее: — все разумное, симпатичное и здоровое мнѣ вредно! Вотъ голова кружится и сердце ноетъ. А долго-ли я былъ въ обществѣ живыхъ людей? Какихъ-нибудь два часа, и это уже меня отравило!..

Мы сѣли въ извозчичью пролетку. Онъ продолжалъ:

— Вотъ, Ѳедоръ Михайловичъ говоритъ: бросьте! А я не могу!..

— Почему-же? спросилъ я.

Онъ промолчалъ и долго молчалъ, а затѣмъ самъ уже началъ пониженнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не могу! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я

Digitized by Google

поступилъ на службу. Не для пользы-же родины я это сдѣлалъ! ибо моя служба никакой пользы родинѣ принести не можетъ. Служба бумажная! Служба входящихъ и исходящихъ! Служба дѣлъ за нумеромъ и соображеній по вопросу объ!.. Повѣрьте, что если-бы мы, петербургскіе чиновники, частнымъ образомъ не узнавали, что въ провинціи люди ходятъ на двухъ ногахъ и имѣютъ душу живу, мы могли-бы смѣло всю жизнь думать, что они ходятъ на четырехъ ногахъ и дѣлаютъ жвачку... Отъ этого теченіе нашихъ дѣлъ за нумеромъ не измѣнилось-бы!.. Я вступилъ для того, чтобы добиться самостоятельнаго положенія, да-съ! Добиться и успокоиться на лаврахъ. Теперь возьмите: ежели я оставлю его превосходительство, я добьюсь своего еще черезъ пятнадцать лѣтъ, и то ежели не забудутъ (ибо многихъ, яростно служившихъ, на моихъ глазахъ забыли!), а съ его превосходительствомъ, который силенъ и могучъ, мнѣ, быть можетъ, осталось лямку тянуть всего пять лѣтъ. Мнѣ ужь и то два раза дали отличіе, которое слѣдовало другимъ, да-съ! Чиновникъ—это тотъ-же подмастерье, который сперва служитъ „мальчикомъ“, и бьютъ его тогда, мучаютъ, а онъ думаетъ: ладно, мучайте, бейте, а вотъ стану подмастерьемъ, а тамъ и мастеромъ, и самъ буду мучить и бить... Не могу оставить, не могу! Добьюсь самостоятельнаго положенія и почію на лаврахъ. Вотъ тогда и дамъ волю своимъ вкусамъ и склонностямъ! Вотъ когда я зароюсь въ книги, съѣмъ свою библіотеку... Да-съ, а вы говорите: оставить!.. Безъ самостоятельнаго положенія я — нуль; а этого мнѣ не добиться безъ его превосходительства, слѣдовательно—я нуль безъ его превосходительства...

Когда мы подъѣзжали къ его квартирѣ, онъ сказалъ:

— Но какая прелесть эти Здыбаевскіе! Что за восхитительное существо Лизавета Ѳедоровна!

— Вотъ-бы вамъ жениться на ней! Она-бы васъ передѣлала! сказалъ я почти машинально, не подумавши.

Мой патронъ вдругъ сильно заерзалъ на мѣстѣ и въ

Digitized by Google

то-же время разсмѣялся какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ смѣхомъ. Мы остановились и вышли изъ экипажа.

— Слушайте, голубчикъ, зайдемте ко мнѣ, поболтаемъ еще! сказалъ онъ, взявъ меня за руку и таща во дворъ.

Я согласился. Мы вошли въ ворота, прошли длинный и широкій, хорошо вымощенный гладкими плитами первый дворъ и взобрались во второй этажъ. На лѣстницѣ было тихо. Газовый рожокъ горѣлъ еще въ ожиданіи господина управляющаго.

— Я думаю, Иванъ Иванычъ теперь закатился спать. Я радъ, что и онъ отдохнетъ вечерокъ... Вѣдь, въ сущности, это ломовая лошадь, которую я душу страшной поклажей...

Вотъ мы въ кабинетѣ. Николай Алексѣевичъ остался въ черномъ сюртукѣ и пригласилъ меня сѣсть. Самъ-же онъ не садился, а нервными шагами, съ взволнованнымъ лицомъ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Да, сознайтесь, Владиміръ Сергѣичъ, сознайтесь... Такая дѣвица, какъ Лизавета Ѳедоровна, могла-бы составить счастье любого человѣка... Сознайтесь!..

— Въ томъ числѣ и ваше?

Онъ опять разсмѣялся, какъ на улицѣ.

— Мое... Мое счастье!.. Что-же, отъ счастья никто не отказывается... Знаете-ли что? Я сегодня ничего не могу держать въ душѣ, я вамъ все скажу...

Но тутъ онъ остановился и вздрогнулъ, потому что въ передней раздался звонокъ.

— Какого это дьявола несетъ въ 12 часовъ ночи?.. Если это Иванъ Иванычъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, я его убью!..

Черезъ минуту Иванъ Иванычъ стоялъ передъ нимъ.

— Вы, вѣроятно, пришли узнать, какъ мое здоровье? ядовито спросилъ его Николай Алексѣевичъ: — благодарю васъ, очень хорошо!..

— Нѣтъ, не въ томъ-съ, Николай Алексѣичъ!

Digitized by Google

— Ну, ужь, конечно, тараканщикъ приходилъ, а?

— Нѣтъ, хуже-съ...

— Хуже?

— Гораздо хуже!.. Какъ только вы ушли, сію минуту телефонъ зазвонилъ, да какъ! Я думалъ, что треснетъ... Подбѣгаю: кто тамъ? „Дома Николай Алексѣевичъ?“ Кто такой? Нѣту дома!.. А оказывается, что это его превосходительство, Константинъ Александрычъ.

На лицѣ Николая Алексѣевича появилась кислая мина крайняго недовольства.

— Черезъ полчаса опять и уже сердитымъ голосомъ: „дома?“ Нѣту! А потомъ и курьера съ письмомъ прислали. Вотъ-съ!..

Иванъ Иванычъ подалъ письмо.—Извольте видѣть, говорилъ Николай Алексѣевичъ, разсматривая конвертъ на свѣчку:—у меня нѣтъ своего времени, у меня не можетъ быть своихъ дѣлъ, желаній, потребностей, вкусовъ...

И онъ сердито разорвалъ конвертъ. Записка была очень коротка. Николай Алексѣевичъ пробѣжалъ ее въ одну секунду, потомъ скомкалъ, бросилъ на столъ и заметался.

— Сейчасъ, сію минуту, во всякое время дня и ночи!.. Голубчикъ, вы меня подождите. Что-то чрезвычайно важное, можетъ быть, касающееся вашей работы... Я въ полчаса справлюсь. Онъ тутъ близко живетъ... Шляпу, калоши!.. Аннушка, кто тамъ?

Онъ оправлялъ сюрукъ, причесывалъ волосы и вообще мало-по-малу принималъ чиновничью осанку и выраженіе. Иванъ Иванычъ подалъ ему пальто, Аннушка принесла калоши, закутали ему шею бѣлымъ платкомъ, и онъ, кивнувъ мнѣ головой, исчезъ.

Иванъ Иванычъ проводилъ его, потомъ вернулся въ кабинетъ.

— Ну, будетъ катавасія! выразительно промолвилъ онъ:—страсть какъ не любитъ его превосходительство, когда Николая Алексѣевича дома нѣтъ.

Digitized by Google

— Что-бы это могло быть за дѣло? спросилъ я.

— Ха-ха-ха!.. Дѣло! Самъ завтра на охоту ѣдетъ, а ему какой-нибудь докладъ срочный сдаетъ; это уже такъ всегда!.. А вотъ посмотримъ, что онъ ему пишетъ, прибавилъ онъ, расправляя скомканную записку: „Никогда васъ дома нѣтъ, когда очень нужно!“ Никогда! Это Николая-то Алексѣевича! Ха-ха-ха-ха!.. Ну, правда, нечего сказать! „Дѣло нетерпящее, пріѣзжайте хоть въ три часа ночи“.—Н-да! Надо полагать, на охоту завтра рано ѣдетъ. Потому что-же можетъ быть для его превосходительства нетерпящее болѣе этого?

Николай Алексѣевичъ дѣйствительно вернулся черезъ полчаса, но что у него было за выраженіе! Куда дѣвался его строго чиновничій видъ, который онъ приготовилъ для его превосходительства! Онъ былъ какой-то встрепанный, на лицѣ выражалось тревожное волненіе; снявши сюртукъ и оставшись въ жилеткѣ, онъ, въ противность своимъ правиламъ, даже не извинился, и мелкой, но бурной походкой забѣгалъ по комнатѣ.

— Понимаете? Понимаете? лепеталъ онъ, подергивая плечами и дѣлая руками отрывочные и короткіе жесты: — прежде всего изволили внушеніе сдѣлать... Да-съ... Внушеніе... Любезнѣйшій, молъ, Николай Алексѣевичъ, цѣню, уважаю, довѣряю и прочее, но... Изволите видѣть... Понимаете... Ну, да чортъ... Не въ этомъ дѣло... Черезъ двѣ недѣли возобновляются засѣданія комиссіи... Понимаете? Матеріалъ, отчетъ... Хоть кровь изъ носа — приготовьте ему отчетъ!.. Я говорю: нѣтъ возможности! А онъ говоритъ: „Знать ничего не хочу, это ваше дѣло! Возьмите, говоритъ, еще помощниковъ, возьмите ихъ, сколько вамъ угодно, денегъ не жалѣю, только-бы не оскандалиться“... Понимаете? Теперь, за двѣ недѣли денегъ не жалѣетъ, а раньше едва на одного выканючилъ... Ну, да чортъ съ нимъ, не въ этомъ дѣло! Владиміръ Сергѣичъ! Теперь вся надежда на васъ! Вы одинъ можете насъ спасти! Берите себѣ помощниковъ два, три, четыре, пять, десять, сколько надо! Я плачу,

Digitized by Google

его превосходительство платитъ! Вы работайте, а я завтра-же засяду за отчетъ!.. Бр!.. Такъ меня всего и дергаетъ... Бр...

Эта фраза: „я завтра-же засяду за отчетъ!“ была великолѣпна въ устахъ Николая Алексѣевича, который, по его-же собственному признанію, понималъ въ дѣлѣ меньше, чѣмъ мизинецъ Антона Петровича.

Николай Алексѣевичъ между тѣмъ дѣлалъ распоряженія Ивану Ивановичу: выворотить изъ шкафовъ дѣла, подобрать по городамъ, приготовить бумагу, чернила, ручки, перья, извѣстить всѣхъ обойщиковъ, тараканщиковъ и т. п., чтобы двѣ недѣли на глаза не показывались,—все это сегодня, сейчасъ, сію минуту...

Иванъ Иванычъ сперва дѣлалъ большіе глаза и выражалъ на лицѣ ужасъ, но потомъ, вѣроятно, рѣшилъ въ душѣ наплевать на всѣ эти приказанія и лечь спать. Подъ конецъ рѣчи Николая Алексѣевича лицо Ивана Иваныча уже улыбалось.

— Такъ ужь, пожалуйста, Владиміръ Сергѣичъ! Дѣлайте что хотите! Все въ вашихъ рукахъ, все!... повторилъ онъ мнѣ еще разъ...—Берите кого хотите; за вознагражденіемъ не постою!..

Я оставилъ его буквально въ дикомъ состояніи. Я рѣшительно не былъ способенъ вѣрить въ благой результатъ предстоящей намъ двух-недѣльной работы. Тѣмъ не менѣе я радовался тому, что еще съ пол-десятка порядочныхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій найдутъ себѣ кратковременное питаніе.

V.

Вотъ уже недѣля, какъ въ нашей „канцеляріи“ идетъ невообразимая горячка. Всюду валяются кучи „дѣлъ“, графленой бумаги, просто бумаги, „черновыхъ“, „чистовыхъ“ вѣдомостей и всякаго бумажнаго хлама. Эти кучи занимаютъ всѣ столы, всѣ стулья, на которыхъ не сидятъ, почти весь полъ, оставляя только узкія

Digitized by Google

полоски въ разныхъ направленіяхъ для прохода. „Канцелярія“ живетъ и дышетъ. За длиннымъ столомъ сидятъ четверо, за столикомъ у окна — двое. Иванъ Иванычъ ежеминутно выбѣгаетъ и вбѣгаетъ, его тормошатъ просьбами и онъ старается всѣхъ удовлетворить.

Изъ четырехъ, сидящихъ за длиннымъ столомъ, двое не представляютъ ничего новаго. Это—я и Рапидовъ. Другіе двое сидятъ здѣсь только четыре дня. Очень естественно, что мы съ Рапидовымъ оказываемся господами положенія. Новички то-и-дѣло обращаются къ намъ съ вопросами, и мы разъясняемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что я разъясняю, но разъясняетъ также и Рапидовъ. Онъ уже не церемонится съ мѣщанами и купцами и, въ случаѣ ихъ недостачи въ какой-нибудь графѣ, создаетъ ихъ цѣлыми полдюжинами.

Двое сидящихъ за нашимъ столомъ отличаются другъ отъ друга бородами. У одного борода рыжая, длинная, но узкая и рѣдкая. Самъ онъ—коренастый, плечистый, съ толстой шеей и длиннымъ носомъ, и по фамиліи Чапликовъ. Цифры произвели на него удручающее дѣйствіе. Въ первые два дня онъ до того ошалѣлъ, что сбивался на сложеніи и вычитаніи, позабылъ таблицу умноженія и постоянно спрашивалъ у насъ, сколько семью-восемь и восемью-девять. Это произошло отъ того, что онъ уже лѣтъ шесть, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ седьмого класса гимназіи, не имѣлъ дѣла съ цифрами выше сотни. Онъ былъ ветеринарный врачъ, сидѣлъ въ Петербургѣ въ томительномъ ожиданіи мѣста, практики не имѣлъ никакой и жилъ чѣмъ придется, давалъ уроки, переписывалъ, пѣлъ въ какомъ-то церковномъ хорѣ, однимъ словомъ, бралъ все то, что посылалъ ему Богъ.

У другого не борода, а бородка, черная, тщательно подстриженная, волосы на головѣ длинные, вьющіеся, взглядъ проницательный, съ искрой. Зовутъ его Аркадіемъ Спицынымъ, взятъ онъ прямо изъ консерваторіи, гдѣ обучается пѣнію, обладая хорошимъ баритономъ.

Digitized by Google

Въ будущемъ его ожидала слава, но теперь онъ ѣлъ очень плохо, что, безъ сомнѣнія, неблагопріятно отражалось на искусствѣ. Малый онъ веселый, и то-и-дѣло смѣшитъ насъ своими музыкальными сопоставленіями.

— Иванъ Иванычъ! шепчетъ онъ:—позвольте-ка мнѣ каватину изъ оперы „неплюйскіе мѣщане въ думѣ“!

Иванъ Иванычъ таращитъ на него глаза:—Это что-же собственно, позвольте узнать?

— Прошу васъ, Иванъ Иванычъ, хоръ купцовъ изъ оперы „Тихоструйскіе думцы“!

Иванъ Иванычъ опять въ недоумѣніи. Впрочемъ это было только въ первые дни. На четвертый день необычайно толковый и воспріимчивый Иванъ Иванычъ усвоилъ себѣ всю терминологію Спицына, и на его требованія съ улыбкой отвѣчалъ вѣдомостями.

Барышню досталъ Рапидовъ.—Это, братъ, замѣчательная личность! рекомендовалъ онъ ее.—Она училась напедагогическихъ, но тамошняя наука ее не удовлетворяетъ. Теперь она хочетъ перебраться на высшіе курсы... Характеръ, я тебѣ скажу, желѣзный... Отказалась отъ богатаго жениха, бросила провинцію и пріѣхала безъ копѣйки сюда искать знаній. Вотъ ты самъ увидишь...

„Замѣчательная личность“ однако производила на насъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Она была довольно миловидна и къ ней шелъ ея небрежный и несложный костюмъ—черная прямая юбка и черная рубашка съ ременнымъ поясомъ. Но сидѣть все время съ сдвинутыми бровями и съ сомкнутыми губами—это очень скучно. Притомъ она всякій разъ усиленно морщилась, когда Спицынъ пускалъ въ ходъ одну изъ своихъ музыкальныхъ шутокъ. Очевидно, этихъ шутокъ она не признавала и стояла выше ихъ. Разговаривала она только съ Рапидовымъ, который, по всѣмъ видимостямъ, сильно ея побаивался.

Мнѣ ужасно хотѣлось чѣмъ нибудь „осадить“ ее, и я очень былъ радъ, когда она сама дала къ этому поводъ. Она кончила свою первую вѣдомость и предло-

Digitized by Google

жила ее мнѣ для просмотра. Я взглянулъ и ахнулъ. Купцы у нея составляли семьсотъ пятьдесятъ процентовъ всего числа гласныхъ, а мѣщане—девятьсотъ съ лишнимъ. Какимъ образомъ это выходило, я никакъ не могъ понять. Но я не сказалъ ни слова и молча положилъ вѣдомость передъ Рапидовымъ. Мой пріятель взглянулъ и покраснѣлъ до ушей.

— Тутъ есть нѣкоторыя ошибки, не очень смѣло пробормоталъ онъ, обращаясь только отчасти ко мнѣ и главнымъ образомъ къ барышнѣ.—Но ихъ можно исправить...

— Ну, такъ исправьте! небрежно промолвила она и принялась дѣятельно ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Она расправляла члены съ видомъ человѣка, втеченіе двѣнадцати часовъ не разгибавшаго спины, хотя работала не больше получаса.

Рапидовъ началъ исправлять и провозился надъ вѣдомостью добрыхъ три часа, передѣлавъ ее всю заново. Барышня приняла это какъ должное.

— Однако это двойная работа! замѣтилъ я:—этакъ мы далеко не уйдемъ!..

Барышня остановилась и довольно воинственнымъ тономъ спросила:—Что-же вы хотите этимъ сказать?

— Ничего особеннаго... Я хотѣлъ-бы только немножко больше вниманія! отвѣтилъ я мягко и даже съ любезной улыбкой.

— Если вамъ не годится моя работа, такъ я могу оставить... Я не намѣрена навязываться!..

— О, что вы, что вы, Ольга Николаевна! Напротивъ, я очень доволенъ, радъ, мнѣ чрезвычайно пріятно! Это я сказалъ ради Рапидова, который сидѣлъ какъ на иголкахъ, упорно глядя въ вѣдомость и, конечно, ничего въ ней не видя. Но мнѣ, разумѣется, хотѣлось сказать не то. Я съ удовольствіемъ воспользовался-бы этимъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ ея строгихъ взглядовъ.

Человѣкъ, сидящій за однимъ столомъ съ Ольгой Николаевной, медицинскій студентъ, по фамиліи Криницкій. Одѣтъ онъ совсѣмъ по-нищенски и обладаетъ

Digitized by Google

блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, кажущимся необычайно широкимъ по причинѣ сильно разросшихся и плохо содержимыхъ бакенбардъ мочальнаго цвѣта. Криницкій—мой давній пріятель и землякъ; онъ извѣстенъ въ академіи по двумъ обстоятельствамъ: первое—у него большая склонность къ философіи, и второе — отвращеніе къ медицинѣ. Въ академію попалъ онъ случайно, просто потому, что извозчикъ съ вокзала привезъ его не на Васильевскій островъ, а на Выборгскую, въ дешевыя и грязныя меблированныя комнаты. Но, обучаясь медицинѣ четыре года, онъ всюду, гдѣ только представляется случай, объявляетъ и доказываетъ, что эта наука гроша мѣднаго не стоитъ, и что нѣтъ ничего выше математики. Математикой онъ однако не занимается, потому что некогда. Онъ круглый бѣднякъ, онъ „нищій-студентъ“ въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Вся его жизнь, все его время, всѣ помыслы идутъ на добываніе рубля. Костюмъ его невѣроятно поношенъ, лицо—худосочно, со всѣми признаками недоѣданія, вліянія холодной квартиры, дурного воздуха.

Криницкій уже четыре дня сидѣлъ надъ своей дебютной вѣдомостью. Хотя это было до очевидности долго, но я не безпокоилъ его, потому что далъ ему работу неспѣшную. Изрѣдка я позволялъ себѣ заглянуть въ его выкладки, и то какъ-нибудь черезъ плечо или хорошенько перекосивъ глаза. Я видѣлъ невѣроятно длинные столбцы, цѣлыя кучи цифръ, которыми онъ исписывалъ листъ за листомъ, и я никакъ не могъ понять, для чего все это. Наконецъ, онъ объявилъ:

— Ну, я кончилъ! Можете подвергнуть критикѣ!

Я взглянулъ, и съ перваго раза у меня зарябило въ глазахъ.

— Что за чертовщина! воскликнулъ я, пристально всматриваясь въ цифры.—Гласныхъ всѣхъ шестьдесятъ, а въ томъ числѣ мѣщанъ одинъ милліонъ триста тридцать четыре тысячи семьсотъ восемнадцать... Это вы подшутить хотѣли, Аполлонъ Сергѣичъ? а?

Digitized by Google

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это странно! согласился онъ со мной. — А я этого и не замѣтилъ!..

— Но какимъ образомъ вы получили эти цифры?

— Видите-ли, я употребилъ особый методъ... Какъ-бы вамъ это объяснить... Ну, однимъ словомъ, изъ высшей математики...

Я взглянулъ въ густые столбцы цифръ и разглядѣлъ въ нихъ и иксы, и игреки, и зеты, и квадратные корни, и безконечныя дроби, и чуть-ли даже не логариѳмы. Криницкій былъ смущенъ неожиданными результатами своего метода, который онъ считалъ непогрѣшимымъ. Мы рекомендовали ему первыя четыре правила ариѳметики, которыхъ было совершенно достаточно для осуществленія нашей грандіозной задачи. Онъ принялъ совѣтъ скромно и съ сознаніемъ своего заблужденія.

Между тѣмъ Николай Алексѣевичъ писалъ отчетъ. Втеченіи этой недѣли я видѣлся съ нимъ каждый день урывками. Онъ забѣгалъ (именно забѣгалъ, а не заходилъ) въ канцелярію, наскоро пожималъ всѣмъ намъ руки, спрашивалъ, какъ идетъ дѣло, и, не дождавшись даже отвѣта, удиралъ къ себѣ. Я былъ совершенно увѣренъ, что у него написана цѣлая гора страницъ.

Однажды я спросилъ Ивана Иваныча:—Ну что, какъ подвигается работа Николая Алексѣевича?

— Какая работа?

— А онъ-же пишетъ отчетъ!..

Иванъ Иванычъ прыснулъ и залился смѣхомъ.

— Отчетъ? Не знаю, что у него выйдетъ за отчетъ! Къ нему каждую минуту лѣзутъ по дѣламъ. А доклады? а рефераты?..

— Да вѣдь онъ все это бросилъ на время!

— Какъ-же, дожидайтесь, броситъ онъ! Онъ хочетъ все поспѣть! Не слышалъ я что-то про вашъ отчетъ!..

Это было для меня новостью. Вѣдь до комиссіи оставалось меньше недѣли. Я зашелъ къ Николаю Але-

Digitized by Google

ксѣевичу. Онъ въ сильномъ нервномъ напряженіи бѣгалъ по комнатѣ.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Ахъ, голубчикъ, что мнѣ дѣлать? научите! Я сѣлъ, наконецъ, за этотъ дурацкій отчетъ. Вотъ посмотрите, написалъ десять строчекъ и дальше ни шагу. Ничего нѣтъ въ головѣ, рѣшительно ничего... Только обмакну перо въ чернильницу и приставлю его къ бумагѣ—сейчасъ въ головѣ мелькаетъ мысль: коломенскій домъ уже два дня безъ дворника—какъ тутъ быть? Ахъ, вы не можете себѣ представить, что дѣлается въ моей головѣ! Прочитайте, пожалуйста, вступленіе.

Я прочиталъ: „Прежде чѣмъ приступить къ детальному изложенію данныхъ, добытыхъ ревизіей, я считаю своимъ долгомъ предпослать общія положенія, характеризующія то состояніе, въ которомъ, по мнѣнію моему, въ настоящее время обрѣтается дѣло, составляющее предметъ настоящаго отчета...“

— Дальше ничего не могу написать. Извольте высѣчь меня—ни слова не напишу... Ни общихъ положеній, ни детальнаго изложенія, ни данныхъ, никакого чорта въ головѣ моей нѣтъ... Голубчикъ, не можете-ли вы?..

— Я? Что-же я могу?

— Написать отчетъ!..

Онъ смотрѣлъ на меня, я на него. Ему достаточно было моего согласія, чтобы онъ повѣрилъ въ мою способность. Мнѣ-же это показалось невозможнымъ. Выполнялъ я на своемъ вѣку всякія работы, но не считалъ себя способнымъ подъять это бремя. Вѣдь тамъ, въ комиссіи, засѣдаютъ все солидные государственные мужи, сановники, привыкшіе къ основательнымъ докладамъ, написаннымъ точнымъ языкомъ, и вдругъ имъ приподнесутъ нѣчто, изображенное легкомысленнымъ и неопытнымъ перомъ человѣка безъ опредѣленныхъ занятій.

Впрочемъ минуты черезъ двѣ мнѣ показалось, что хотя это и нелегкое дѣло, но мыслимое и взяться за него можно. Николай Алексѣевичъ между тѣмъ продол-

Digitized by Google

жалъ умолять:—Возьмитесь, вы сможете, вы отлично напишете!.. Вы приспособитесь, не даромъ-же вы геній приспособляемости!..

Надо было еще только двѣ минуты, чтобы эта работа показалась мнѣ сущими пустяками. Почему-же нѣтъ? подумалъ я. Если-бы Николай Алексѣевичъ писалъ самъ на основаніи нашей статистической чепухи, то правда отъ этого ничего не выиграла-бы.

— Хорошо, я согласенъ! объявилъ я. Погонкинъ бросился ко мнѣ, схватилъ мои руки и принялся бѣшенно трясти ихъ.

— Ахъ, вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ! Вѣдь у меня силъ не хватаетъ, просто нѣтъ физической возможности! Да еще въ послѣднее время какъ-то такъ скверно работается... Такое состояніе духа неподходящее.

— Что-же съ вами?

— Право, я самъ не могу опредѣлить! Нервы, знаете... По ночамъ не спится, аппетитъ скверный, на все злость беретъ, все противно. Иной разъ мнѣ кажется, что я вотъ сейчасъ съума сойду. Нѣтъ, не то— а словно сію минуту голова развалится на части. Мысли, чуждыя одна другой, распираютъ ее во всѣ стороны. Ахъ, Боже мой, Боже мой! сколько я далъ-бы, чтобы избавиться отъ этой жизни и устроить другую!.. Скажите, вы давно были у Здыбаевскихъ?

Онъ дѣйствительно въ послѣдніе дни сталъ еще безпокойнѣе, лицо сдѣлалось дряблымъ и зеленымъ, только глаза постоянно горѣли и свѣтились блескомъ. Я сообщилъ ему, что у Здыбаевскихъ былъ наканунѣ, что у нихъ все по старому, вспоминали о немъ, занимались музыкой.

— Что за прелестные люди! восторженно воскликнулъ онъ.—Что за чудная дѣвушка Лизавета Ѳедоровна!..

Этотъ восторженный отзывъ, повторявшійся слишкомъ часто, началъ наводить меня на подозрѣнія: неужели

Digitized by Google

онъ имѣетъ виды? Но достаточно мнѣ было взглянуть на его непрезентабельную фигуру, вспомнить, чему посвящаетъ этотъ человѣкъ свою жизнь, чтобы всякія подозрѣнія разсѣялись. Гдѣ ему!

Съ слѣдующаго дня управленіе „канцеляріей“ было передано Рапидову, я-же помѣстился въ кабинетѣ Погонкина и тамъ писалъ отчетъ. Первыя двѣ-три страницы шли у меня туго, но я очень скоро освоился, и дѣло пошло какъ по маслу. Я вполнѣ проникся ролью государственнаго человѣка, вдавался въ важныя разсужденія, цитировалъ цифры и заполнялъ вѣдомостями цѣлыя страницы.

Приближался день засѣданія комиссіи. Я оканчивалъ первую часть. Въ квартирѣ Погонкина кипѣла страшная горячка. Въ канцеляріи съ неимовѣрной быстротой фабриковались вѣдомости. Когда мнѣ ихъ приносили, въ качествѣ матеріала, я только разводилъ руками. Рапидовъ, очевидно, не успѣвалъ провѣрять барышню, а медицинскій студентъ Криницкій дѣятельно примѣнялъ свой методъ изъ высшей математики. Но такъ какъ все это приводилось, въ концѣ концовъ, къ *ста* процентамъ, то можно было примириться.

Я пачкалъ страницу за страницей; отчетъ выросталъ. Передъ моими глазами ежеминутно мелькали неугомонные кліенты Николая Алексѣевича, съ которыми онъ торговался, внушалъ, платилъ. Иногда онъ садился на краю стола и набрасывалъ какой-нибудь докладъ. Но тутъ явилась новая забота: надо было сыскать переписчиковъ для моего произведенія.

— Я могу вамъ порекомендовать переписчика! сказалъ я, вспомнивъ еще объ одномъ пріятелѣ безъ опредѣленныхъ занятій, которому тоже не мѣшало дать пищу.

— А кто онъ такой?

— Кто? Да такъ себѣ... Гражданинъ россійской имперіи!..

Digitized by Google

Николай Алексѣичъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, это невозможно. Подобныя вещи должны быть переписываемы спеціалистами.

Послѣдовало надавливаніе кнопки и появленіе Ивана Иваныча.

— Сходите къ Мусину и Паршикову и передайте имъ отъ моего имени покорнѣйшую просьбу пожаловать сюда для переписки отчета!..

Вечеромъ того-же дня я увидѣлъ обоихъ „спеціалистовъ“, Мусина и Паршикова. Это были въ высшей степени приличные люди, которыхъ по внѣшнему виду можно было принять, по крайней мѣрѣ, за начальниковъ отдѣленій. У обоихъ были великолѣпныя бороды — у Мусина черная на манеръ перевернутой пирамиды, у Паршикова посвѣтлѣе — въ формѣ четырехъ-угольника, обѣ тщательно расчесанныя. У Мусина къ тому-же еще водились густые кудрявые волосы, а у Паршикова просвѣчивала лысина. Оба они были примѣрно въ подъ-сорокалѣтнемъ возрастѣ и имѣли чинъ коллежскаго совѣтника. Весь ихъ талисманъ заключался въ необычайно красивомъ почеркѣ, за который имъ платили весьма солидное жалованье и давали чины. Они съ полною увѣренностью разсчитывали умереть статскими совѣтниками съ пенсіей.

— Садитесь, господа, пожалуйста, прошу васъ, очень радъ васъ видѣть! Очень, очень радъ! разсыпался передъ ними Николай Алексѣевичъ, и они принимали это съ солидной любезностью, садились въ позахъ вѣжливыхъ, но далеко не робкихъ, и вообще вели себя хотя и сдержанно, но самостоятельно. Николай Алексѣевичъ познакомилъ ихъ съ моей работой и объяснилъ, для какой важной цѣли она предназначается.

Они посмотрѣли на меня крайне недовѣрчиво, очевидно, чутьемъ угадавъ, что я, съ канцелярской точки зрѣнія, въ высшей степени несовершенное существо.

Digitized by Google

— Очень мы заняты, Николай Алексѣевичъ! говорили они:—не знаемъ, какъ и быть...

— Ужь какъ тамъ хотите, господа... Какъ-нибудь ужь постарайтесь для его превосходительства...

Одно только напоминаніе о его превосходительствѣ совершенно излечило ихъ отъ нерѣшительности; они приняли работу и даже обѣщали ночей не спать.

Такимъ образомъ моему сомнительному отчету предстояло вступить въ очень важный фазисъ: перенесеніе на слоновую бумагу руками „спеціалистовъ“, коллежскихъ совѣтниковъ, существующихъ для экстренно-важныхъ бумагъ, Мусина и Паршикова.

Насталъ и канунъ засѣданія комиссіи.

VI.

Въ одиннадцать часовъ вечера, когда мы напрягали всѣ силы, чтобы привести весь матеріалъ первой части въ порядокъ, подбирая подходящія вѣдомости, въ видѣ приложенія къ отчету, и еще разъ зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы вездѣ цифры говорили одно и то-же, а главное, что-бы проценты составляли *сто*, Николай Алексѣевичъ былъ экстренно вызванъ къ его превосходительству. Въ ожиданіи его мы отдыхали и пили чай. Иванъ Иванычъ по какимъ-то неуловимымъ признакамъ, вродѣ особаго оттѣнка телефоннаго звонка, которымъ былъ вызванъ Погонкинъ, предсказывалъ какую-нибудь катастрофу.

— Ужь это непремѣнно что-нибудь этакое... особенное, неожиданное!.. Ужь это повѣрьте, у меня предчувствіе...

И дѣйствительно, когда Николай Алексѣевичъ вернулся, то по первымъ его пріемамъ можно было догадаться о какой-нибудь непріятности. Крайне впечатлительный, не умѣвшій ни минуты таить то, что у него было въ душѣ, онъ, въ случаѣ непріятности, тотчасъ-же разражался негодованіемъ, которое, въ концѣ концовъ, переходило въ покорность судьбѣ. Но на этотъ разъ онъ молча переодѣлся, сказалъ мнѣ какихъ-то, не отно-

Digitized by Google

сящихся къ дѣлу, два слова, сѣлъ въ кресло, закурилъ папиросу и погрузился въ думы.

Такъ онъ сидѣлъ добрыхъ десять минутъ, и это его необычайное молчаніе сильно интриговало меня. Должно быть, что-нибудь очень ужь сильное преподнесъ ему его превосходительство, если онъ сдѣлался способнымъ такъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и молчать.

— Какъ вы думаете, Николай Алексѣевичъ, началъ я для того, чтобы напомнить ему о себѣ: — если купцы составляютъ $^1/_5$ всего состава думы...

Вдругъ мой патронъ вскочилъ съ своего мѣста и замахалъ на меня руками.

— Бросьте, пожалуйста, вашихъ купцовъ! Я совсѣмъ забылъ вамъ сказать: комиссіи завтра не будетъ...

— Какъ не будетъ?

— Такъ, не будетъ, да и только... Это обыкновенная судьба всѣхъ комиссій. Онѣ семь разъ отмѣняются и только на восьмой засѣдаютъ... Она отсрочена на шесть недѣль...

— Однако!.. А какъ-же мы-то всѣ будемъ?

— О, это пустяки! Всѣ останутся по прежнему... Работа найдется. Теперь мы имѣемъ возможность еще болѣе тщательно обработать матеріалъ...

И онъ съ мрачно опущенной головой заходилъ по комнатѣ.

— Странно однако, что это въ сущности пріятное извѣстіе такъ опечалило васъ! сказалъ я.

Онъ остановился и горько усмѣхнулся.

— Вы думаете,—это? Нѣтъ, не это!..

— А что-же?

Онъ молча раза три прошелся по комнатѣ.

— Послушайте, Владиміръ Сергѣичъ, я вамъ скажу... Надо-же мнѣ кому-нибудь сказать это... Только, прошу васъ, никому не передавайте... Это пакость и мерзость!.. Да, пакость и мерзость!

Это онъ сказалъ чрезвычайно выразительно и сѣлъ противъ меня съ совершенно подавленнымъ видомъ.

Digitized by Google

— Я не могу отказаться... Что-жь, это значило-бы отказаться отъ всего... Но вы не можете себѣ представить, какъ это меня мучитъ, какъ это мнѣ несвойственно, противно... А впрочемъ, прибавилъ онъ съ саркастической усмѣшкой, — на практическомъ языкѣ это называется коммерческой сдѣлкой... Можно на этомъ успокоиться...

— Въ чемъ-же дѣло?

— Ахъ, дѣло въ томъ, дѣло въ томъ... Однимъ словомъ, пакость... Видите-ли, его превосходительство изволилъ облюбовать одно имѣньице въ тульской губерніи... Имѣньице недурненькое, тысячъ восемьсотъ стоитъ... Но при извѣстной обстановкѣ его можно купить за пятьсотъ... Съ одной стороны, умѣючи дать тому, другому, третьему отступного, а съ другой — требуются подставныя лица, которыя будутъ торговаться яко-бы отъ своего имени... Но вы понимаете, что для всего этого необходимо соглашеніе съ нѣкоторыми мѣстными дѣятелями. Словомъ сказать, для всего этого надобно затратить такую массу мерзости, какой не у всякаго хватитъ...

— Да что-же вамъ-то отъ всего этого?

— Мнѣ? Да вѣдь я-же секретарь!.. Слѣдовательно, на моей обязанности лежитъ обдѣлать все это дѣло, для каковой цѣли я завтра-же долженъ ѣхать въ тульскую губернію... Да-съ, завтра. Я еще не знаю, чѣмъ я буду: подставнымъ лицомъ или покупателемъ по довѣренности... Это рѣшится на мѣстѣ. Но не все-ли равно? Чортъ возьми!.. Я, съ своими идеально-благородными стремленіями, я, интеллигентный человѣкъ, министерскій чиновникъ не безъ видной карьеры, я — подставное лицо на торгахъ! Можно-ли этому повѣрить? Но послушайте, Владиміръ Сергѣичъ, я прошу васъ, не говорите объ этомъ никому, никому, особенно Здыбаевскимъ... Вѣдь это загрязнитъ мою репутацію. Вѣдь никому нѣтъ охоты вникать въ мое положеніе...

— Откровенно говоря, замѣтилъ я, — я въ вашемъ

Digitized by Google

положеніи не вижу ничего, вынуждающаго васъ такъ поступать...

— Какъ-съ? Отказаться? Бросить секретарство? Да меня тогда сейчасъ-же забудутъ, затрутъ, забросятъ, а, можетъ быть, и выбросятъ. Нѣтъ, ужь если я выбралъ служебную линію и протянулъ на ней двѣнадцать лѣтъ, то надо добраться до ступени, дающей самостоятельность. Это ужь какъ хотите! Двѣнадцать лѣтъ не такая малая величина, чтобы ее не принимать въ разсчетъ. Я ихъ потратилъ и имѣю право что-нибудь получить за нихъ. Нѣтъ-съ, я поѣду, буду смѣяться надъ собой, негодовать на себя, но поѣду и стану дѣятельно хлопотать о выгодной покупкѣ имѣнія... Мнѣ иначе нельзя...

На другой день онъ заѣхалъ на пять минутъ къ Здыбаевскимъ и сказалъ, что ѣдетъ по какому-то министерскому порученію. Вечеромъ онъ уѣхалъ на вокзалъ, прихвативъ съ собой Ивана Иваныча; я провожалъ ихъ, и когда вошелъ въ вагонъ, то, къ удивленію моему, нашелъ тамъ Паршикова и Мусина, которые занимали свои мѣста въ купэ солидно и съ достоинствомъ. Они привстали и раскланялись чинно и безъ смущенія. Очевидно, они ѣхали тоже по порученію его превосходительства.

Пожимая мнѣ на прощанье руку, Николай Алексѣевичъ сказалъ:—Знаете-ли, я много думалъ и рѣшилъ: сдѣлаю это дѣло его превосходительству и скажу: до свиданія!

Сказалъ онъ это тономъ глубокаго убѣжденія, но я все-таки не повѣрилъ. Вѣдь сказать „до свиданія“ гораздо удобнѣе было теперь, когда былъ для этого такой хорошій поводъ.

Я побывалъ у Здыбаевскихъ. Ѳедоръ Михайловичъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ:

— Это министерское порученіе вѣдь миѳъ, не правда-ли? А въ сущности нашего невиннаго младенца послали торговаться?

Digitized by Google

— Почемъ вы знаете? невольно вырвалось у меня, и такимъ образомъ я, можетъ быть, выдалъ тайну Погонкина.

— Знаю. Это онъ по своей наивности думаетъ, что носитъ въ груди тайну, а въ министерствѣ вся канцелярія знаетъ, куда и зачѣмъ его командировали.

— Не можетъ быть! Кто-же разсказалъ?

— Кто? Да прежде всего самъ его патронъ. Это особаго рода невинное генеральское хвастовство. Дескать, вотъ какъ я съ секретаремъ обращаюсь... Что хочу, то и сдѣлаю съ нимъ... Ахъ, Николай Алексѣичъ, какъ онъ мало себя цѣнитъ и уважаетъ!.. Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ взбѣшенъ, когда узналъ эту исторію!.. Я даже своимъ не сказалъ, и вы не говорите. Только Антонъ Петровичъ знаетъ...

Я распустилъ свою канцелярію на отдыхъ, и всѣ наши статистики, не исключая и меня, завалились на три дня спать. Вѣдь въ послѣдніе дни, поспѣшая къ открытію комиссіи, мы почти не смыкали глазъ. Черезъ пять дней вернулся Николай Алексѣевичъ съ своей свитой.

Онъ прямо съ вокзала поѣхалъ къ его превосходительству; благодаря этому обстоятельству, первыя путевыя свѣдѣнія я получилъ отъ Ивана Иваныча.

— Ну, и ловокъ-же нашъ Николай Алексѣевичъ! Прямо даже не ожидалъ! восклицалъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, когда мы оказались одни въ кабинетѣ: — такъ дѣло обдѣлалъ, что самому настоящему адвокату въ пору!...

— Купили?

— Какъ-же!? За четыреста семьдесятъ пять тысячъ! А имѣніе стоитъ цѣлыхъ восемьсотъ! И все онъ, все онъ! Просто чудеса! Какъ старался! Словно для себя самого!.. А скупердяга какой! Тутъ своими собственными швыряетъ, а тамъ каждую копѣйку считалъ. Обо всемъ, говоритъ, отчетъ потребуется. Повѣрите-ли, ни разу даже покушать хорошенько не удалось; насъ троихъ — меня,

Digitized by Google

Мусина и Паршикова, въ одномъ паскудномъ номерѣ держалъ! Вотъ ужь не понимаю. Сказать-бы — свои деньги, а то чужія, да еще такого богача...

Николай Алексѣевичъ пріѣхалъ отъ своего патрона необычайно оживленный и довольный. Онъ весело разсказывалъ разные путевые эпизоды, но о подробностяхъ покупки имѣнія да и о самой покупкѣ умалчивалъ.

— Его превосходительство очень, очень доволенъ!.. Представьте себѣ, не успѣлъ я войти къ нему, какъ онъ: „поздравляю васъ съ производствомъ!“ Понимаете? Въ слѣдующій чинъ! Такъ быстро! Вѣдь я въ прошломъ году только произведенъ... Вотъ что значитъ секретарство!.. Да-съ...

Онъ самымъ искреннимъ образомъ тѣшился этой радостью, и, казалось, лучшей награды за свой подвигъ не желалъ.

— Онъ чрезвычайно доволенъ. Имѣніе дѣйствительно роскошное и куплено за грошъ!.. Паршикову и Мусину выдается по пятисотъ рублей, Ивану Иванычу триста... Я получилъ право расширить квартиру на счетъ смежной... Сдѣлаю себѣ большой залъ и поставлю тамъ рояль... Позову Здыбаевскихъ и пойдетъ у меня музыка... Всю нашу статистическую канцелярію на радостяхъ велѣно оставить и даже можно еще пригласить... Однимъ словомъ—результатъ блестящій!..

Онъ, какъ ребенокъ, одинаково упивался и повышеніемъ въ чинѣ, и постановкой рояля въ предполагаемомъ залѣ, и тѣмъ, что у него будетъ музыка. Хотѣлъ я напомнить ему о намѣреніи, по окончаніи дѣла съ покупкой имѣнія, бросить секретарство, но рѣшилъ, что это будетъ безполезно. Его настроеніе ясно доказывало, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Ну-съ, теперь займемся нашимъ отчетомъ... Надо, чтобы онъ вышелъ потрясающимъ, подавляющимъ... чтобы такое придумать еще? а? Что-нибудь такое, что никому больше не могло-бы придти въ голову?! Какое-нибудь приложеніе, дополненіе... Какъ вы думаете?...

Digitized by Google

— Можно! сказалъ я: — очень эффектная штука...

— Ну? Что-же это?

— А вотъ что: тѣ самыя свѣдѣнія, которыя мы даемъ въ вѣдомостяхъ, изобразить графически!..

— Графически? Это что-же означаетъ въ данномъ случаѣ?

— Это значитъ наглядно, при помощи чертежей... Можно пустить въ краскахъ, если вамъ не жаль денегъ.

— А въ самомъ дѣлѣ! Я понялъ, понялъ—это идея! Это, знаете, можетъ прямо въ лоскъ положить членовъ комиссіи... Раскрываютъ отчетъ—и вдругъ такая штука... Все какъ на ладони!.. Великолѣпно! А вы и это умѣете?

— Почему-же нѣтъ?

— Ну, знаете, вы... вы дѣйствительно геній приспособляемости!.. Ужь вы меня извините, а я не могу вамъ платить сто рублей, отнынѣ вамъ даю двѣсти... Ужь извините.

— Охотно извиню вамъ это. Только я могу лишь вчернѣ, а бѣловая работа должна быть исполнена мастеромъ своего дѣла.

— Послушайте! Вотъ идея! Мы пригласимъ Сереженьку Здыховскаго! Онъ отлично умѣетъ чертить!.. Вѣдь ему дѣлать нечего, и отчего не заработать карманныхъ денегъ! Великолѣпно! Приступимъ!.. А его превосходительство какъ пріятно будетъ пораженъ, когда мы ему приподнесемъ эту штуку! Браво, ей-ей, браво!..

Сереженька охотно согласился, такъ какъ его артистическія занятія оставляли ему достаточно свободнаго времени. Этотъ живой, веселый юноша сразу установилъ въ нашей канцеляріи юмористическій тонъ. Консерваторскій ученикъ Спицынъ обрадовался ему, какъ находкѣ, зато серьезная барышня окончательно сдвинула брови и пріобрѣла видъ оскорбленной женщины. Вслѣдствіе этого и Рапидовъ началъ дуться и эти два обстоятельства стѣсняли насъ.

Digitized by Google

— Слушайте, Николай Алексѣевичъ, сказалъ однажды Сережа, когда мы были втроемъ въ кабинетѣ: — нельзя-ли ее, эту строгую особу, взять на полную пенсію?

— Какимъ образомъ?

— Да такъ, чтобы платить ей жалованье, а она сидѣла-бы дома!

— Она на это не согласится, обидится... А вотъ что я могу для васъ сдѣлать. Я предложу ей заняться приведеніемъ въ порядокъ моей библіотеки. Пусть себѣ роется въ шкафахъ.

— И вы обрекаете себя на подвигъ совмѣстнаго пребыванія съ нею?

— Нѣтъ, Боже сохрани!.. Я ей предоставлю тѣ два шкафа, что у меня въ гостиной.

Барышня охотно согласилась. Она нашла, что это интеллигентное занятіе къ ней больше подходитъ. Въ нашей канцеляріи полились шутки, остроты, анекдоты, не всегда цѣломудренные, и неподдѣльный смѣхъ. Рапидовъ совсѣмъ перемѣнился, пересталъ дуться и сдѣлался милымъ статистикомъ.

Въ то время, какъ мы съ Сереженькой дѣятельно чертили графическія изображенія статистическихъ величинъ, Николай Алексѣевичъ съ увлеченіемъ занимался расширеніемъ своей квартиры, насколько позволяли ему многосложныя секретарскія обязанности и служба. Работа шла быстро. Въ какія-нибудь двѣ недѣли квартиры были уже соединены, образовался залъ, дѣйствительно большой и высокій, оклеивались обоями стѣны.

Пришелъ Антонъ Петровичъ, похохоталъ надъ нашими рисунками, назвалъ ихъ „до дерзости смѣлымъ шагомъ“ и, побывавъ въ новомъ залѣ, сказалъ намъ тихонько:

— Готовъ держать пари, что онъ замышляетъ жениться! помяните мое слово!

Николай Алексѣевичъ вѣчно говорилъ о своемъ залѣ, о предполагаемой отдѣлкѣ его, обстановкѣ. Онъ тѣшился этимъ, какъ ребенокъ куклой, и забывалъ въ это время

Digitized by Google

о статистикѣ и о своемъ секретарствѣ. Мы замѣтили, что даже видъ у него сдѣлался лучше — ясный и здоровый. Мы завтракали всѣ вмѣстѣ. Въ большой столовой накрывался длинный столъ, ставилось вино и закуски. Среди этихъ закусокъ важную роль играла лосина—результатъ недавней охоты его превосходительства,—которую мы ѣли уже три недѣли и которая намъ смертельно надоѣла. Но Николай Алексѣевичъ всякій разъ торжественно рекомендовалъ намъ ее, какъ замѣчательное блюдо, и пребавлялъ:

— Это мнѣ приподнесъ его превосходительство въ знакъ своего расположенія!

Эту фразу онъ произносилъ съ иронією, но видно было, что онъ очень цѣнилъ этотъ знакъ расположенія его превосходительства.

Прошло около пяти недѣль съ того времени, какъ было отмѣнено засѣданіе комиссіи. Мы надѣлали кучу новыхъ вѣдомостей и такую-же кучу графическихъ изображеній. Отдѣлка зала была окончена и рабочіе ушли. Николай Алексѣевичъ сіялъ отъ восторга и уже поручилъ Сереженькѣ, какъ музыканту, выбрать ему рояль у Беккера. Но тутъ произошло одно обстоятельство, которое поставило меня втупикъ.

VII.

Я пришелъ вмѣстѣ съ Рапидовымъ въ одиннадцать часовъ. Медицинскій студентъ и ветеринаръ были уже въ канцеляріи, а барышня возилась около книжнаго шкафа въ гостиной. Минутъ черезъ десять пришелъ консерваторъ, началъ шутить и всѣ смѣялись. Недоставало только Сереженьки. Онъ не пришелъ и въ двѣнадцать часовъ. Это меня удивило. Когда къ намъ забѣжалъ Иванъ Иванычъ, я спросилъ его:

— Сергѣй Ѳедорычъ не приходилъ еще?

— Не приходилъ! отвѣтилъ тотъ необычайно мрачнымъ и даже почти сердитымъ голосомъ. Тутъ я обра-

Digitized by Google

тилъ вниманіе на его внѣшній видъ. Волосы у него были растрепаны, лицо помятое, глаза красные.

— А есть кто-нибудь у Николая Алексѣевича?

— Никого нѣтъ! такимъ-же рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ мнѣ, взялъ какую-то бумажку и исчезъ.

„Тутъ что-то есть“, подумалъ я: „Иванъ Иванычъ— вѣрное отраженіе Николая Алексѣевича“. Я зашелъ въ кабинетъ.

Николай Алексѣевичъ сидѣлъ въ своемъ дубовомъ креслѣ и, облокотившись обоими локтями на столъ, повидимому былъ углубленъ въ работу. Я нечаянно стукнулъ дверью, и вдругъ онъ поднялъ голову и подскочилъ на мѣстѣ.

— Ахъ! нервнымъ голосомъ произнесъ онъ, весь вздрогнувъ, какъ человѣкъ, внезапно разбуженный по первому сну. Лицо у него было синевато-желтое и злое. Глаза какъ-то уменьшились и ушли въ глубь орбитъ. Лобъ былъ обвязанъ мокрымъ полотенцемъ и въ комнатѣ пахло уксусомъ.—Точно нельзя не стучать!..

— Извините! сказалъ я, совершенно подавленный этимъ необъяснимымъ пріемомъ.—Вы не знаете, отчего это до сихъ поръ нѣтъ Сереженьки?

Онъ опять вздрогнулъ и ротъ его скосился въ непріятную мину.

— Почемъ я могу знать побужденія Сергѣя Ѳедорыча? злобно произнесъ онъ.

Производство Сереженьки въ Сергѣя Ѳедорыча было для меня обстоятельствомъ еще болѣе значительнымъ, чѣмъ тонъ рѣчи и цвѣтъ лица Николая Алексѣевича. Я сейчасъ-же понялъ, что въ сферѣ его отношеній къ Здыбаевскимъ что-то произошло и что Сереженька больше сюда не придетъ.

Я взглянулъ на Николая Алексѣевича. Онъ опять твердо облокотился на столъ обѣими руками и, уложивъ голову на ладони, весь ушелъ въ лежавшую передъ нимъ бумагу. Я понялъ это такъ, что мнѣ надо уходить, и направился къ двери.

Digitized by Google

Но въ тотъ моментъ, когда я взялся за ручку двери, меня поразилъ и даже испугалъ странный звукъ—словно что-то довольно громоздкое со всего размаха полетѣло въ уголъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что толстое „дѣло“, сію минуту лежавшее передъ Погонкинымъ, дѣйствительно лежало въ углу и какъ-то жалостно корчилось, точно и въ самомъ дѣлѣ было ушиблено, самъ-же Николай Алексѣевичъ откинулся на спинку кресла, сильно закинулъ голову назадъ, крѣпко зажмурилъ глаза и прижалъ правую руку къ сердцу.

— Что съ вами? осторожно спросилъ я, подойдя къ столу.

Онъ раскрылъ глаза и выпрямился.

— Ничего... Чепуха какая-то!.. Чепуха,чепуха и чепуха!.. Зачѣмъ и почему и для какой великой цѣли—неизвѣстно, совершенно неизвѣстно!.. А главное—сердце болитъ, сердце, Владиміръ Сергѣичъ, не выдуманное, а настоящее, физіологическое сердце!.. Да-съ!.. И я умру отъ сердца! Вотъ увидите! Оно лопнетъ, оно должно лопнуть, оно непремѣнно, непремѣнно лопнетъ!..

— Что за пессимистическое настроеніе!

— Нѣтъ, вовсе не пессимистическое и не настроеніе, а факты, таковы факты!

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Что-же въ самомъ дѣлѣ пріятнаго въ жизни? Что въ ней такого, что могло-бы меня особенно привязать къ ней? Ничего-съ! Умственная жизнь? Она доступна только богачамъ, а у такихъ людей, какъ я, вся жизнь идетъ на добываніе средствъ. Женщины? Пускай онѣ морочатъ голову, кому хотятъ, только не мнѣ... Я не изъ тѣхъ, что способны убивать время на созерцаніе ихъ прекрасныхъ, но лицемѣрныхъ глазъ...

— Вы еще вчера были другого мнѣнія о женщинахъ или по крайней мѣрѣ объ одной изъ нихъ...

— Не знаю-съ... Недумаю-съ! съ ѣдкой экспрессіей перебилъ онъ меня. Онъ пересталъ ходить, сѣлъ на диванъ и опять приложилъ руку къ сердцу. Я посовѣтовалъ ему позвать доктора.

Digitized by Google

— Ха!.. Удивляюсь! Какой докторъ можетъ вылечить меня отъ моей жизни, отъ моихъ обстоятельствъ?

— Вы сами навязали себѣ эти обстоятельства. Вы могли-бы обойтись безъ нихъ...

— Очень можетъ быть... У всякаго свое мнѣніе и каждый имѣетъ право свободно высказывать его и жить по немъ. Я это и дѣлаю...

Разговоръ въ такомъ тонѣ не доставлялъ мнѣ удовольствія, и я воспользовался первымъ поводомъ уйти, оставивъ Николая Алѣксѣевича съ рукой, приложенной къ сердцу, и съ закрытыми глазами.

Сереженька не пришелъ. Вечеромъ я былъ у нихъ. Я нашелъ всѣхъ въ угнетенномъ настроеніи. Молодой человѣкъ валялся на диванѣ въ своей комнатѣ, въ которой было почти темно.

— Отчего вы не велите зажечь лампу? спросилъ я.

— Не стоитъ! мрачно отвѣтилъ Сереженька.

— А почему вы не пришли сегодня къ Погонкину?

— По весьма дурацкой причинѣ.

— А именно?

— А именно не скажу, ибо не увѣренъ, что это не тайна. Нынче у насъ что ни шагъ, то тайна. Подите къ папочкѣ, онъ вамъ разскажетъ.

Сергѣй Ѳедорычъ, кажется, первый разъ въ жизни былъ въ такомъ настроеніи. Обыкновенно онъ бывалъ веселъ, добродушенъ, остроуменъ и смѣшливъ, никогда не злился и не дулся. Я прошелъ въ кабинетъ. Старикъ Здыбаевскій сидѣлъ за письменнымъ столомъ и съ сосредоточеннымъ видомъ медленно разрѣзалъ и перелистывалъ страницы „Русской Старины“.

— А! Садитесь, голубчикъ, садитесь... Что новаго?

— Новое-то у васъ, замѣтилъ я: — Николай Алексѣевичъ въ небываломъ настроеніи, у васъ здѣсь какое-то мрачное затишье, и мнѣ кажется, что между тѣмъ и другимъ есть тѣсная связь...

— Къ сожалѣнію, есть!.. Да, представьте, голубчикъ, есть... промолвилъ Ѳедоръ Михайловичъ, отодвигая отъ

Digitized by Google

себя книгу.—Ужасно мнѣ это больно, продолжалъ онъ, помолчавъ,—но, право-же, я тутъ не при чемъ и поправить дѣла не могу... Не могу!..

Онъ опять помолчалъ. Повидимому, ему было не легко изложить самое дѣло.

— Николай Алексѣевичъ человѣкъ хорошій, снова заговорилъ старикъ,—я уважаю его. Умный, сердечный... Но это проклятое секретарство сводитъ всего его на нуль. Ну, а все-таки я его уважаю, да и мои тоже уважаютъ его—и Сергѣй и Лиза. Но одного этого мало, нужно кое-что другое. Онъ какъ-то это внезапно, неожиданно вдругъ налетѣлъ и сдѣлалъ Лизѣ предложеніе, а она отказала... Вотъ и все. Я, разумѣется, ничего не могу подѣлать. Но вы не повѣрите, какъ мнѣ горько... А что, скажите, какъ онъ?

Я не сразу отвѣтилъ. Новость, которую я узналъ, собственно говоря, для меня не была неожиданностью; я подозрѣвалъ, я почти зналъ это. И тѣмъ не менѣе она меня рѣшительно поразила—до такой степени это мало шло къ Николаю Алексѣевичу.

— Онъ? онъ очень измѣнился. Осунулся, позеленѣлъ, обвязалъ голову мокрымъ полотенцемъ, жалуется на сердечную боль, наконецъ, отвѣтилъ я.

— Да, у него сердце ненадежное... Жаль мнѣ этого человѣка, ужасно жаль!.. Онъ изуродовалъ свои нервы и свою жизнь. А за что и ради чего? Вѣдь этотъ его патронъ помыкаетъ имъ, какъ пѣшкой, заставляетъ его унижаться до гадостей, въ родѣ покупки имѣнія при посредствѣ подставныхъ лицъ... Очень все это печально! И знаете, вѣдь все это можетъ кончиться чортъ знаетъ чѣмъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно... ну, или почти достовѣрно, что особа эта стоитъ теперь непрочно, положеніе ея поколеблено... Вы представьте, что онъ слетитъ—куда дѣнется вся эта каторжная служба Николая Алексѣевича? Вѣдь его затрутъ, мусоромъ засыплютъ... Ахъ, ахъ, ахъ!..

За чаемъ я видѣлъ Лизавету Ѳедоровну. Она была

Digitized by Google

блѣдна и молчалива. Разговоръ ни разу не коснулся щекотливаго предмета, вертѣлся на какомъ-то концертѣ и шелъ вяло. Послѣ чаю Сергѣй вышелъ со мной на улицу. Онъ сказалъ, что ему дома скучно и не по себѣ.

— Я не понимаю Лизу. Какого ей еще мужа надо? съ досадой говорилъ онъ мнѣ.—Человѣкъ симпатичный, обезпеченный, съ хорошимъ положеніемъ въ будущемъ. Чѣмъ не мужъ?

— Не любитъ, что подѣлаете!

— Еще-бы! Малъ ростомъ, одутловатъ, не умѣетъ любезничать и говорить гражданскихъ фразъ... Однимъ словомъ, не герой! А его-то это совсѣмъ скрутило. Я видѣлъ, какъ онъ выходилъ отъ насъ. Совершенно точно его прищемили съ трехъ сторонъ... Бѣдняга Николай Алексѣевичъ!

На другой день утромъ, едва я взялъ въ руку газету, какъ долженъ былъ вскочить и налетѣть на моего сожителя Рапидова.

— Нѣтъ, ты прочитай прочитай пожалуйста! Комиссія—это наша-то комиссія, для которой мы писали, чертили—закрываетъ свои дѣйствія!.. А вотъ это-то еще лучше: его превосходительство, нашъ-то его превосходительство, могущественный покровитель Николая Алексѣевича—въ отставку по прошенію! Каково? Что-же теперь будетъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ?

Рапидовъ, какъ человѣкъ, мало посвященный въ суть дѣла и не успѣвшій сблизиться съ Погонкинымъ, не могъ достаточно глубоко прочувствовать это извѣстіе. Я побѣжалъ къ Антону Петровичу.

— Да, представьте! Я самъ пораженъ! Нечего и говорить, что вся ваша статистика, со всѣми выкладками и чертежами, къ чорту пошла! Но въ этомъ, я полагаю, нѣтъ большой бѣды, ибо она достигла своей цѣли, прокормивъ втеченіе многихъ недѣль добрую компанію хорошихъ людей. Но Николай Алексѣевичъ—это другое дѣло! Два удара сразу!

Digitized by Google

Мы отправились къ Здыбаевскимъ. Ѳедоръ Михайловичъ только что отпилъ чай и ходилъ по своему кабинету въ жестокомъ волненіи.

— Совпаденіе проклятое! восклицалъ онъ. — Чего добраго, онъ подумаетъ, что ему и отказали-то не спроста. Дескать, намъ уже было извѣстно про его паденіе—вотъ мы и разочли, что онъ пересталъ быть выгоднымъ женихомъ, и отказали... Понимаете? При одной мысли, что онъ можетъ такимъ образомъ подумать, меня бросаетъ въ лихорадку!.. Знаете что господа? Поѣдемте сейчасъ къ нему, выразимъ ему сочувствіе, поддержимъ его, ободримъ!.. Вѣдь собственно говоря, это для него счастье. Онъ еще молодъ, можетъ работать и до чего-нибудь доработается. Это избавляетъ его отъ кабалы. Поѣдемте, господа!

Мы взяли экипажъ и поѣхали вчетверомъ, прихвативъ Сергѣя. Увидѣвъ издали коричневый домъ его превосходительства, гдѣ обиталъ Николай Алексѣевичъ, мы почему-то всѣ вдругъ впали въ унынie. У всѣхъ явилось предчувствіе чего-то необычайно грустнаго и тяжелаго.

— Фу ты, какой скверный день! какъ отвратительно начатъ! сердито ворчалъ Ѳедоръ Михайловичъ. — Кажется, у меня крѣпкіе нервы, а такъ и ходятъ-ходуномъ! На душѣ такая гадость, точно обокралъ кого-нибудь!

Мы молчали, чувствуя то-же самое.

Экипажъ остановился у желѣзныхъ воротъ коричневаго дома. Въ обширномъ дворѣ какіе-то неизвѣстные люди медленно сновали изъ одного конца въ другой, повидимому, безъ всякаго дѣла и заглядывали въ окна квартиръ перваго этажа. Во второй подворотнѣ появились силуэты Мусина и Паршикова и въ тотъ-же мигъ исчезли, какъ тѣни.

Поднимаясь по лѣстницѣ, мы встрѣтили пожилого господина въ сѣромъ пальто, изъ-подъ котораго виднѣлся синій фракъ, а потомъ даму въ черномъ. Оба они спускались медленно и задумчиво. Наконецъ, мы позвонили. Очень скоро вышелъ Иванъ Иванычъ и открылъ передъ

Digitized by Google

нами дверь, которая оказалась отпертой. Лицо его было блѣдно и хмуро. Безъ сомнѣнія, это происходило отъ того, что и онъ, въ качествѣ необходимаго придатка, летѣлъ внизъ вмѣстѣ съ его превосходительствомъ и Погонкинымъ. Онъ тоже, какъ и спускавшаяся по лѣстницѣ дама, былъ весь въ черномъ.

— Пожалуйте, господа! промолвилъ онъ хриплымъ, усталымъ голосомъ.

— Николай Алексѣевичъ дома? спросилъ его Антонъ Петровичъ.

— Николай Алексѣичъ? Да-съ... Николай Алексѣичъ... Они... Да они вѣдь скончались!..

— Что такое?!

— Скончались въ эту ночь... Да-съ!.. Внезапно... Позвали ихъ по телефону его превосходительство... Побыли тамъ одинъ часъ, а оттуда пріѣхали блѣдные, разстроенные... Стали раздѣваться, да вдругъ пошатнулись, крикнули и упали... Сердце, значитъ, разорвалось... Такъ и докторъ сказалъ... Пожалуйте, господа!

Но мы не двигались съ мѣста, чувствуя себя такимъ образомъ, будто въ насъ неожиданно выпустили залпъ картечи. Это невозможно, это походило на сказку, на сонъ! Можно было ожидать всего, чего угодно, но не этого-же въ самомъ дѣлѣ, потому что это было слишкомъ.

— Пожалуйте, господа! твердилъ намъ Иванъ Иванычъ, и мы безсознательно шли за нимъ, прошли корридоръ, столовую и очутились въ обширномъ залѣ, томъ самомъ, который Николай Алексѣевичъ съ такой любовью отдѣлывалъ, очевидно уже и тогда лелѣя мечту о семейномъ счастьѣ. Да, это была правда! Онъ лежалъ тутъ, на длинномъ столѣ, и около него были всѣ признаки того, что онъ былъ покойникъ: парча, восковыя свѣчи, двѣ родственницы, запахъ ладана, смѣшанный съ запахомъ трупа...

Николай Алексѣевичъ умеръ—это было очевидно до послѣдней степени. Онъ лежалъ съ сложенными на груди руками, вытянувшись, и казался какъ-бы немного

Digitized by Google

длиннѣе самого себя. Лицо его было совершенно желтое, на губахъ застыло выраженіе страшной муки, которую онъ испыталъ въ моментъ смерти.

Мы стояли потупившись и позабывъ даже перекреститься. Одна изъ внезапно отыскавшихся родственницъ всхлипывала, очевидно неискренно, и терла платкомъ совершенно сухіе красные глаза. Дьячокъ громко читалъ псалтырь. Ѳедоръ Михайловичъ долго крѣпился, но не выдержалъ и заморгалъ вѣками, изъ-подъ которыхъ полились слезы. Сереженька тоже плакалъ, да и я почувствовалъ, что глаза мои горячи и влажны. Одинъ только Антонъ Петровичъ выдержалъ характеръ и стоялъ твердо, изо всѣхъ силъ стараясь придать своему лицу каменное выраженіе.

На другой день Николая Алексѣевича Погонкина свезли на Волково кладбище. Похороны были чрезвычайно приличныя; было не мало знакомыхъ, сочувствующихъ, и много каретъ. Мы шли всѣ вмѣстѣ, сгруппировавшись вокругъ Здыбаевскихъ. Лизавета Ѳедоровна была блѣдна и какъ-то подавлена. Тутъ были на-лицо всѣ статистики: Рапидовъ, ветеринаръ, консерваторъ, медикъ и барышня. Мусинъ и Паршиковъ шли, приподнявъ воротники и потупивъ взоры. Иванъ Иванычъ руководилъ похоронами. На дворѣ стоялъ мартовскій день, теплый и сыроватый

— Одно только мнѣ неясно въ судьбѣ этого человѣка, сдержаннымъ и слегка взволнованнымъ басомъ говорилъ мнѣ Антонъ Петровичъ, который шелъ рядомъ со мной:—что по преимуществу сразило его: отказъ-ли любимой дѣвушки, или крушеніе его превосходительства?.. Какъ вы думаете?

Я не отвѣтилъ, потому что для меня это было тоже неясно.

Digitized by Google

РѢДКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

РѢДКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Изъ хроники южно-русскаго села).

I.

Крамаревка разсыпалась въ безлѣсномъ степномъ уголкѣ Х—ой губерніи, на берегу огромнаго ставка, получающаго свои воды изъ Днѣпра. Это—большое село, бывшее нѣкогда помѣщичьимъ, а нынѣ ставшее совершенно вольнымъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали покосившіяся на бокъ и подпертыя дубинами полуобвалившіяся хаты, пустыя засѣки и таковыя-же гумна, по которымъ нельзя было „шаромъ покатить“ только потому, что они густо поросли калачиками и колючками. Все это несомнѣнно свидѣтельствовало о волѣ, ибо, какъ извѣстно, настоящая свобода живетъ неразлучно съ бѣдностью.

Вотъ уже три дня, какъ крамаревцы вздохнули посвободнѣй. Стало очищаться небо отъ тяжелыхъ дождевыхъ тучъ; обрывки облаковъ, нѣсколько недѣль сряду мрачно висѣвшихъ надъ полями и непрерывно орошавшихъ и безъ того уже влажную землю, теперь изрѣдка появлялись на свѣтло-голубомъ небѣ и, какъ-бы испугавшись яркихъ лучей солнца, спѣшили спрятаться подальше, за горизонтъ. Въ воздухѣ стояла духота, майское солнце палило не по-майски; оно какъ будто извинялось передъ крамаревскими обывателями за свое дол-

Digitized by Google

гое отсутствіе и точно старалось наверстать пропущенное время,—поскорѣе высушить поля, чтобы дать наконецъ возможность крестьянину накосить сѣна. Зато какое-же сѣно повыросло за эти три недѣли,—высокое, да густое, точно сѣянное! Крамаревцы давно не запомнятъ такого урожая; только-бы дожди не помѣшали: не штука снять его, да какъ пойдетъ опять непрерывный ливень, подмочитъ сѣно и сгноитъ мужицкій трудъ,—такъ это хуже неурожая. А зеленая рожь высоко и гордо поднялась, точно осенній камышъ; вотъ уже наливаются колосья, имъ нуженъ теперь солнечный лучъ, чтобы они созрѣли. Пошли только Богъ погоды хорошія, да не давай Богъ кузьки—крестьянинъ повеселѣетъ. Шутка-ли! Шесть лѣтъ къ ряду онъ едва собиралъ то, что сѣялъ! И, несмотря на это, у него хватало легковѣрія каждый годъ снова производить опыты надъ суровой землей. Съ жестокостью дикаря онъ вырывалъ изъ голодныхъ ртовъ собственныхъ дѣтей своихъ послѣдній кусокъ хлѣба и кидалъ его въ землю, чтобы онъ пролежалъ тамъ весну и принесъ ему, какъ плодъ, новое разочарованіе. Но не у всѣхъ хватало терпѣнія. Многіе покидали мачиху-землю и съ завязанными глазами отправлялись, Богъ вѣдаетъ куда, искать невѣдомаго счастья. Одни съ ожесточеннымъ сердцемъ предавали проклятію суровую землю, присоединялись къ рыбалкамъ и навсегда отвыкали отъ земледѣлія; другіе, пошлявшись безцѣльно по чужимъ, негостепріимнымъ краямъ, не могли удержаться, чтобы не вернуться на свои родныя тощія поля. Ободранные, полунагіе и хилые, они возвращались домой и безпомощно плакали надъ своими поросшими бурьяномъ надѣлами, потому что у нихъ не было ни сохи, чтобы умилостивить черствое сердце мачихи-земли, ни зерна, чтобы принести ей новую жертву. Когда-то земля была родной матерью, а теперь стала мачихой для крестьянина.

На дворѣ крамаревскаго батюшки стоялъ невыносимый шумъ. За полверсты кругомъ слышны были грозные звуки грубаго женскаго голоса, которому изрѣдка акком-

Digitized by Google

панировалъ еще болѣе грубый, только слегка сдержанный, голосъ мужчины. Здѣсь происходило состязаніе между матушкой Аграфеной Ивановной,—той самой матушкой, про которую деревенскія бабы говорили ребятамъ, когда послѣднія начинали капризничать: „а вотъ я тебя сейчасъ къ попадьѣ снесу, она тебя живьемъ слопаетъ“, послѣ чего ребята обыкновенно усмирялись,—и матушкинымъ работникомъ Артемомъ, человѣкомъ гораздо менѣе популярнымъ въ селѣ, чѣмъ его противница, но тѣмъ не менѣе популярнымъ. У амбара, въ которомъ хранился овесъ, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, стояла матушка въ позѣ человѣка, собирающагося выцарапать глаза своему противнику. Налившіеся кровью глаза неистово прыгали въ своихъ орбитахъ, худое, костлявое лицо выражало неимовѣрный гнѣвъ; матушка очевидно была взбѣшена. Въ такія минуты она могла-бы представить прекрасный оригиналъ для изображенія олицетвореннаго гнѣва. Въ амбарѣ, у бочки, до половины наполненной овсомъ, стоялъ Артемъ въ классической позѣ человѣка, чувствующаго себя виновнымъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ корецъ съ овсомъ и тутъ-же кое-какъ пріютившуюся шапку, которую онъ снялъ въ честь матушки, а правую держалъ на затылкѣ, что уже прямо означало смущеніе. Голова его опустилась, а взглядъ, казалось, хотѣлъ во что-бы то ни стало проникнуть на самое дно бочки съ овсомъ.

— Да вѣдь кони-же не мои, а ваши; для васъ-же я берегу ихъ! говорилъ Артемъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе мирный тонъ.

— Для васъ-же я берегу!.. Для васъ я берегу!! завопила матушка, стараясь приблизиться къ мужскому голосу и въ полной увѣренности, что она передразниваетъ Артема, что впрочемъ ей отнюдь не удавалось.—Знаемъ мы, какъ бережете вы хозяйское добро! Переводите вы его, а не бережете! Христа на тебѣ нѣтъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Ты думаешь, я не знаю, куда этотъ овесъ дѣвается; ты думаешь, такъ вотъ я и повѣрила, что ты

Digitized by Google

его лошадямъ даешь по три раза въ день? А кабакъ на что? А въ кабакѣ что пропивать станешь, какъ не хозяйское добро? А чертенятъ твоихъ накормить тоже, я думаю, надо! О-охъ, ты, Господи! Мученица я, мученица да и только! И за что это Ты наказалъ меня?!

И мученица, не получивъ отвѣта на этотъ интересный вопросъ, хлопнула дверью амбара, прибавила съ неимовѣрной экспрессіей: „будьте вы всѣ прокляты“! и ушла къ себѣ въ комнаты. Мучитель-же остался надъ бочкой съ овсомъ и на нѣкоторое время какъ-бы застылъ все въ той-же классической позѣ. Но затѣмъ онъ вдругъ швырнулъ корецъ въ сторону, выпрямился во весь ростъ и разсердился, да какъ разсердился! Неудержимая злоба закипѣла въ его груди и отразилась на его смугломъ, обросшемъ лицѣ, темные глаза заискрились гнѣвомъ, руки сжались въ угрожающіе кулаки... О, если-бы въ это мгновеніе здѣсь была матушка, онъ, кажется, раздавилъ-бы ее.

— Будь-же *ты*, *ты* проклята, баба-яга! почти простоналъ онъ, скрежеща зубами... Но потомъ, какъ-то вдругъ, руки его опустились, и онъ почувствовалъ себя безконечно слабымъ, безсильнымъ, жалкимъ; что для нея его проклятья? Что онъ такое? Его приняли чуть не изъ милости: развѣ можно забыть, какъ онъ умолялъ, чуть не въ ногахъ лазилъ, чтобы его приняли за ничтожную плату? Вѣдь онъ подневольный, какъ есть *рабъ* подневольный. Смирись, Артемъ, потому что завтра могутъ прогнать тебя, и ты тогда ничего не принесешь своей женѣ и двумъ малымъ ребятамъ, „чертенятамъ“, какъ назвала ихъ матушка, которые стонутъ отъ голода! И Артемъ смирился и тихо побрелъ въ конюшню. Онъ нѣжно погладилъ поочереди обоихъ коней, они оглянулись и, казалось, дружелюбно поглядѣли на него. „Не удалось, ребята, побаловать васъ! молвилъ Артемъ, обращаясь къ конямъ.—Эхъ, коники вы мои! Люблю я васъ, хоть вы и поповскіе!“ И онъ любовно гладилъ поповскихъ коней.

Матушка ушла въ комнату совершенно разбитая.

Digitized by Google

Можно было подумать, что это дѣйствительно было несчастное существо, самимъ Богомъ осужденное на мученія; она имѣла видъ страдалицы, которую безвинно мучили, терзали, оскорбляли: лицо ея было блѣдно, на вискахъ выступили синія нити сильно напряженныхъ жилъ, губы нервно вздрагивали и, казалось, шептали какія-то ругательства, жидкіе волосы растрепались и безпорядочными клочьями выглядывали изъ-подъ кисейнаго платка. Она дѣйствительно страдала, но легко было понять, что эти страданія происходили отъ злости. Она одинока, совсѣмъ одинока, несмотря на то, что у нея есть супругъ, съ которымъ она прожила уже больше пятнадцати лѣтъ. О. Левъ—это малое дитя, за которымъ надо присматривать и на котораго ни въ чемъ нельзя положиться. Онъ любитъ хорошо поѣсть и сладко поспать—вотъ всѣ его достоинства. Вотъ и теперь онъ лежитъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, съ растрепавшейся львиной гривой, обрюзглымъ лицомъ — и наслаждается безмятежнымъ сномъ. У нея на рукахъ все хозяйство, а ему ни до чего нѣтъ дѣла. И послѣ этого она не мученица?

И бѣдная Аграфена Ивановна чуть не плакала отъ злости.

II.

Артемъ любилъ поповскихъ коней. Можетъ быть, это потому, что когда-то, и еще не такъ давно, у него была пара своихъ такихъ-же хорошихъ коней. Было у него много и кое-чего другого; всего было довольно: и пара хорошихъ, сытыхъ воловъ, и десятка два овецъ, и коровы, и свиньи, и птица, ссыпалъ онъ жито, ячмень и овесъ въ *свою* засѣку, ѣлъ сытный борщъ съ саломъ и съ кашей у себя дома, за дубовымъ столомъ; его угощала Настя—молодая пригожая жена. Довольно всякаго добра надавалъ ему батько—старый Максимъ Кладько, когда Артемъ женился и захотѣлъ выдѣлиться на свое

Digitized by Google

хозяйство. „Смотри-же, сыночекъ, сказалъ ему тогда батько,—будь хорошимъ хозяиномъ. Не переводи зря дѣдовскаго добра! Не серами дѣдовъ своихъ и батька! Кладьки всегда были хорошими хозяевами!“ И Артемъ былъ хорошимъ хозяиномъ. Онъ шесть лѣтъ энергично хлопоталъ на своемъ надѣлѣ, засѣвалъ его житомъ и ячменемъ... и едва получалъ то, что сѣялъ. Не одинъ онъ—весь уѣздъ, все уѣздное крестьянство получало такіе-же барыши. И каждый годъ уносилъ съ собою что-нибудь изъ Артемова хозяйства. Сначала пришлось продать овецъ, а тамъ воловъ, коней; только коровъ было ужь больно жаль—вѣдь у Артема завелись ребята, имъ нужно было молоко. Надо было оставить хоть одну коровку, и онъ оставилъ; но пришла зима, холодная и голодная зима, и коровки не стало, — зима доконала ее. Оглянулся Артемъ вокругъ себя,—пусто, дѣдовскаго добра и слѣдъ простылъ, а жена убивается, а дѣти ѣсть просятъ. Батька давно не стало—помочь некому. Осталось одно — идти въ работники, что-нибудь заработать за зиму и накормить семью. Посмотрѣлъ на себя Артемъ и увидѣлъ, что онъ теперь не тотъ, что прежде. Онъ выросъ на хорошемъ батьковскомъ хлѣбѣ, его красивое здоровое лицо дышало увѣренностью въ себѣ и довольствомъ, здоровыя мускулистыя руки „чесались къ работѣ“, всякое дѣло спорилось въ этихъ рукахъ. Горькая нужда, безпрестанная забота и шесть лѣтъ разочарованій и лишеній сдѣлали его блѣднымъ, угрюмымъ; въ 27 лѣтъ онъ выглядѣлъ почти старикомъ. А теперь еще предстояло ходить по чужимъ людямъ... что изъ него останется?

Зимой—какая работа? Сотни голодныхъ бродятъ по городамъ и селамъ и чуть не даромъ предлагаютъ свои руки. Собрались они изъ разныхъ уѣздовъ, изъ дальнихъ губерній, разсказываютъ другъ другу одну и ту-же исторію. Всѣ они когда-то были хозяева, а теперь рады будутъ, если ихъ примутъ работать за хлѣбъ, но нѣтъ цѣны на работника, никому онъ и даромъ не нуженъ.

Digitized by Google

Но у Артема есть преимущество. Всякій знаетъ, что онъ былъ хорошимъ хозяиномъ, на него всегда можно положиться, потому что онъ имѣлъ свое добро и знаетъ ему цѣну. У крамаревскаго батюшки работалъ какой-то пришелецъ изъ дальней губерніи, поработалъ три дня, прихватилъ желѣзную лопату и старую конскую попону и съ этимъ богатствомъ неизвѣстно куда скрылся. А про Артема всякій знаетъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, потому-что у него есть доброе имя. Артемъ отправился къ батюшкѣ. Тамъ его знали: когда-то, еще при покойномъ батькѣ, онъ даже чай пилъ у матушки, въ качествѣ гостя, и помнитъ онъ, какъ любезно тогда принимали его. Впрочемъ за этотъ чай онъ не остался въ долгу. Полъ-четверти пшеницы было скромнымъ вознагражденіемъ за эту отмѣнную честь. Теперь, разумѣется, не то. Чаемъ его поить не станутъ и про пшеницу не вспомнятъ. Тогда онъ былъ Артемомъ Максимовичемъ, а теперь, чего добраго, въ Артемки произведутъ. Батюшка къ нему не вышелъ: онъ былъ слишкомъ толстъ для того, чтобы заниматься хозяйственными дѣлами, и ограничивался тѣмъ, что вкусно ѣлъ и сладко спалъ. Хозяйствомъ управляла матушка, она къ нему и вышла. Она не узнала Артема и спросила даже: „чей онъ?“ Сынъ Максима Кладька скромно напомнилъ ей о чаѣ, который нѣкогда они вмѣстѣ пили. Вспомнила и удивилась, какъ это онъ такъ опустился,—видно не съумѣлъ сберечь отцовскаго хозяйства. Артемъ не возражалъ и перешелъ къ дѣлу. Онъ просилъ ничтожную плату— 60 руб. за годъ. Онъ раньше разсчиталъ, что за эти 60 руб. можно будетъ купить пару воловъ, чтобы посредствомъ ихъ поправить хозяйство. Просилъ онъ только прибавить ему ржаныхъ сухарей для семьи. Матушка испугалась такой цѣны и высказала подозрѣніе, что онъ съумашедшій. Теперь десятки людей согласны работать даромъ, а онъ заломилъ 60 руб.; неужели онъ думаетъ, что наскочилъ на дуру; или она уже на всемъ селѣ прослыла за съумасшедшую, или не думаетъ-ли онъ, что

Digitized by Google

попу съ неба сыплются деньги? Артемъ не думалъ ничего подобнаго, онъ только полагалъ и старался объяснить, что между нимъ, бывшимъ извѣстнымъ хозяиномъ, и всякимъ другимъ пришлымъ работникомъ — есть разница. Но этотъ доводъ оказался недѣйствительнымъ. Ему предлагали одни сухари да полушубокъ на зиму. И помнитъ Артемъ сцену.

— Матушка! говоритъ Артемъ умоляющимъ голосомъ.—Когда-бы я былъ одинъ, когда-бы у меня не было жинки и малыхъ ребятъ, когда-бы эти малыя ребята не кричали, не просили-бы хлѣба,— развѣ я разговаривалъ-бы такъ долго? Я работалъ-бы за хлѣбъ, за сухари, за мякину! Но когда-жь я отецъ, когда-жь они просятъ ѣсть...

И говорилъ это Артемъ такимъ голосомъ, что если-бъ здѣсь, на мѣстѣ матушки, стоялъ человѣкъ съ сердцемъ, то у него надорвалось-бы и облилось-бы кровью это сердце.

— Что ты мнѣ тутъ лазаря изображаешь? молвила матушка такъ, какъ будто у нея никогда и не было сердца. —Неужто я виновата, что у тебя жена и дѣти? Неужели я должна кормить твоихъ дѣтей? Да у меня свои есть для этого, самъ посуди... Какой-же это резонъ, что они ѣсть просятъ? Да можетъ, еще кто ѣсть проситъ?! Да мало-ли кто ѣсть проситъ! Не могу-же я всѣхъ накормить?!

— Матушка! Я-же прошу не милостыню, я-же буду вамъ работать, какъ себѣ самому, буду блюсти добро ваше, какъ свое...

— Э-ге-ге! Ты уже этого, пожалуйста, не дѣлай! Свое-то добро ты вонъ какъ соблюлъ, да и мое такъ соблюсти хочешь? Гдѣ твое добро соблюденное?..

И матушка зло засмѣялась надъ нимъ.

— Такъ это-жь Богъ, Богъ отнялъ! Шесть лѣтъ неурожай, засуха, жукъ!.. Господи ты Боже мой! Я-ли за двухъ воловъ не работалъ? У меня-ли не трещала спина отъ натуги?

Артемъ уже плакалъ. Онъ не выдержалъ потому, что его попрекнули его добромъ. Ужь онъ-ли не хранилъ его?

Digitized by Google

Онъ-ли не былъ примѣрнымъ хозяиномъ? Бывало, ни одной минуты не оставался онъ свободнымъ. Онъ былъ тогда здоровъ и крѣпокъ, чувствовалъ избытокъ силъ, работалъ съ ранняго утра до поздней ночи. Его называли „шустрымъ хозяиномъ", говорили, что онъ „стоитъ батька", и въ будущемъ пророчили ему большое хозяйство. Но не сбылись эти пророчества доброжелателей, все пошло прахомъ, и вотъ теперь его-же обвиняютъ въ небрежности, въ неумѣньѣ сберечь дѣдовское добро. Злѣе этой нападки ничего нельзя было придумать... Но не долго плакалъ Артемъ. Какъ-то вдругъ понялъ онъ, что передъ нимъ стоитъ звѣрь, котораго никакими слезами не разжалобишь. Въ одно мгновеніе онъ измѣнился и сдѣлался грубъ, какъ матушка.

— Ну, вотъ вамъ: 40 рублей и сухари! Меньше ни одного гроша. Хотите—берите, хотите—нѣтъ! Прощайте!

Онъ грубо повернулся и вышелъ. Въ душѣ онъ рѣшилъ не оставаться у матушки, если-бъ она даже согласилась на его условія. Обидѣнъ будетъ ея хлѣбъ послѣ такого униженія. И онъ пошелъ ускоренной походкой по направленію къ своей хатѣ. Голова его была совсѣмъ пуста: никакихъ мыслей, никакихъ соображеній и плановъ, точно она вдругъ потеряла способность работать. Зато сердце щемило отчаянье. Если-бъ ему попался на дорогѣ высокій утесистый берегъ, а внизу заманчиво разстилалась быстрая, глубокая рѣчка съ манящими своею молодою зеленью камышами, онъ не остановился-бы ни на минуту и безъ размышленія бросился-бы съ высокаго берега внизъ. Это легче сдѣлать, чѣмъ прійти домой съ пустыми руками и угрюмо сказать голоднымъ, что не нашлось для нихъ ничего, чтобъ удовлетворить ихъ голодъ. Они теперь по крайней мѣрѣ надѣются, а тогда будутъ разбиты всѣ надежды. Но вотъ его догнали, зовутъ къ матушкѣ. Матушка увидѣла твердую рѣшимость и согласна на его условія. Она понимаетъ, что Артемъ очень выгоденъ ей, что онъ не какой-нибудь прощалыга, а всему селу извѣстный

Digitized by Google

хозяинъ. Первое рѣшеніе Артема было не идти къ матушкѣ; но другого исхода не было, и онъ покорно пошелъ къ ней и остался. „Замучитъ она меня, знаю! загоняетъ!“ подумалъ онъ, но все-таки остался. Тяжелая это была зима для Артема. Онъ самъ былъ хозяиномъ и зналъ, что значитъ работать по-хозяйски. Это значитъ—работать много, не сидѣть безъ дѣла, но сберегать силы и на завтра, и на весну, и на лѣто. Не то было здѣсь. Матушкѣ нужны были его силы только теперь, пока онъ былъ у нея работникомъ. На годъ, по ея разсчетамъ, у Артема во всякомъ случаѣ хватитъ силъ, а онъ ей нуженъ былъ именно на годъ; послѣ этого—выйдетъ срокъ, можно нанять другого, свѣжаго. Матушка не любила, чтобъ у нея работники засиживались, она умѣла за годъ выжимать всѣ силы. И вотъ ея зоркій глазъ ежеминутно слѣдитъ, чтобъ работникъ не оставался безъ дѣла. Она умѣла всегда придумать работу; ея изобрѣтательность на этотъ счетъ была безконечна. Въ трескучій морозъ съѣздить въ плавни—нажать камыша и свезти его на саняхъ; расчистить дворъ отъ нападавшаго за сутки снѣга; наколоть и навозить съ рѣчки льду въ помѣстительный матушкинъ ледникъ,—все это такія обязанности, которыя работникъ долженъ помнить и помнить безъ ея напоминанія. Но если между дѣломъ у него нашлось свободныхъ полчаса, матушка сейчасъ-же отъищетъ новое дѣло; если сію минуту нѣтъ настоящаго дѣла, она выдумаетъ совсѣмъ ненужное, но „байды бить“ не дастъ, у нея на это есть свой принципъ. Она въ такихъ случаяхъ заставляетъ перекапывать мерзлую и твердую, какъ камень, землю въ огородѣ; она превращаетъ работника въ кухарку, заставляя его носить въ кухню и подкладывать подъ плиту топливо, рубить мясо, а подчасъ и мѣсить тѣсто. Словомъ—„гулять“, т.-е. отдыхать, у нея не позволяется.

Но все это Артему было ни почемъ. Онъ хорошо зналъ матушку и, когда нанимался, понималъ, что идетъ

Digitized by Google

въ кабалу, что на годъ продаетъ матушкѣ всѣ свои силы безъ остатка.

Не предвидѣлъ онъ только, что здѣсь на каждомъ шагу будутъ оскорблять его самолюбіе, самолюбіе хозяина, котораго знало и не такъ давно уважало все село. Матушка смотрѣла на работниковъ, какъ на своихъ кровныхъ враговъ; она всякую минуту видѣла себя окруженной злостными заговорщиками, которые только о томъ и думаютъ, чтобъ причинить ей изъянъ. Ей то и дѣло казалось, что Артемъ работаетъ только тогда, когда она слѣдитъ за нимъ, въ остальное-же время спитъ;—что половина зерна, которое онъ беретъ для лошадей, прячется имъ и относится въ кабакъ;—что, войдя въ соглашеніе съ кухаркой, Артемъ передаетъ домой женѣ своей цѣлые кувшины молока и даже иногда куски жаркого, предназначенные для ея собственнаго стола. Ея глазомѣръ, повидимому, былъ такъ странно устроенъ, что увеличивалъ въ объемѣ все, что она давала работникамъ, и уменьшалъ все, что уже побывало у нихъ въ рукахъ. Если Артемъ взялъ гарнецъ овса и подложилъ его лошади, матушка немедленно отправлялась въ конюшню и ощупывала мѣшечекъ. Она непремѣнно приходила въ ужасъ.

— Уже, уже! Успѣлъ уже! Развѣ это гарнецъ? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, развѣ это гарнецъ? Бесстыжіе твои глаза! Среди бѣла дня воруешь! Да они просто грабятъ меня, просто грабятъ! Скоро все добро мое разнесутъ! И такая ловкость воровская! Уже успѣлъ отсыпать и припрятать! Хочешь поправить свое хозяйство?! Да, этакимъ манеромъ скоро можно поправить! Этакъ ты скоро помѣщикомъ станешь! И гдѣ у тебя мѣстечко такое, куда ты все наворованное добро складываешь? Хотѣла-бы я знать, гдѣ это мѣстечко! Тамъ-то я думаю всего вдоволь! Магазинъ открыть можно! И ты думаешь, это тебѣ пойдетъ въ прокъ? Какъ-бы не такъ! Ворованное добро никогда въ прокъ не идетъ! и т. д.

Воображеніе матушки рисовало самыя невѣроятныя

Digitized by Google

картины. Оказывалось, что ее уже окончательно ограбили и пустили по-міру. И вотъ она, бѣдная, ходитъ по хатамъ съ сумой и побирается Христовымъ именемъ. Съ другой-же стороны, Артемъ съ семействомъ не по днямъ, а по часамъ идетъ въ гору: его хозяйство разрослось, жена разжирѣла, какъ вотъ эта свинья, что сидитъ у матушки „въ сажѣ“, дѣти уподобляются поросятамъ и отъ ожиренія едва способны передвигаться съ мѣста на мѣсто и т. д.; словомъ, Артемъ какъ нельзя лучше осуществляетъ жизненный идеалъ самой матушки.

Матушка не пропускала ни одного случая, чтобы не нарисовать подобную картину. Больше всего обвиненій выпало на долю Артема, потому что его семья была подъбокомъ,—значитъ, по соображеніямъ матушки, ему было удобно воровать.

Пуще всего матушка не любила возраженій. Она любила, чтобы брань ея, укоры выслушивались молча и даже съ нѣкоторой признательностью. Зимой она кормила рабочихъ такъ называемымъ „чѣмъ Богъ послалъ“, т.-е. тѣмъ, что дешевле всего стоитъ. Подчасъ приходилось довольствоваться ржаными сухарями съ квасомъ, кислой капустой, сельдями и вообще продуктами, которые составлялись изъ доброхотныхъ даяній и ничего не стоили матушкѣ. Былъ случай, что кухня возмутилась и предъявила претензію на горячую пищу, а Артемъ прибавилъ къ этому, что не дурно-бы было получить и рюмку водки „по трудахъ“. Нужно было видѣть законное негодованіе матушки по поводу такихъ претензій.

— Плохо кормлю? Я плохо кормлю? А дома что ѣли? Мякину? Ячменную крупу съ пескомъ глотали? За гнилую селедку готовы были душу отдать? А здѣсь уже разжирѣли и большаго захотѣли? Вонъ всѣ, коли у меня не нравится! Кланяться не стану. Вотъ Михайло Забара давно уже набивается наняться, Ѳедька Одноглазый Христомъ-Богомъ молитъ за одинъ хлѣбъ, Палашка Ѳедотихина—дѣвка хоть куда—сейчасъ пойдетъ ко мнѣ,

Digitized by Google

только кликни! Да мало-ли ихъ набивается! Вотъ золото отъискалось! Думали—испугаюсь! Хоть сейчасъ всѣ, всѣ разомъ! Можете идти на всѣ четыре стороны Христовымъ именемъ побираться! Нищенскую колонію открывать! Что?! Присмирѣли? Э-эхъ! Чести вы не знаете! И цѣны себѣ не умѣете опредѣлить! А цѣна вамъ—грошъ! Плевать я на васъ хотѣла!.. Вотъ что!..

Матушка высказала еще болѣе сильное желаніе, и кухня смирилась и замолкла. Каждый сообразилъ, что ей въ самомъ дѣлѣ ничего не стоитъ—прогнать всѣхъ разомъ, не заплативши никому ни копѣйки. Только когда матушка ушла изъ кухни, всѣ, точно по сговору, въ одинъ голосъ промолвили:

— Чтобъ тебѣ ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ добра не было, жила растреклятая!

Такое настроеніе въ домѣ крамаревскаго батюшки застало начало весны.

III.

— Эй, ты, Гашутка! Завтра поднимайся пораньше, въ 2 часа! Полно бока-то отлеживать, до 4-хъ часовъ валяться. Завтра ты поѣдешь въ степь съ Артемомъ громадить!

Съ такою рѣчью обратилась матушка къ Гашуткѣ, когда та собиралась улечься спать. Было одиннадцать часовъ вечера,—по деревенскому счету, очень поздно. Гашутка только что покончила съ посудой, накормила пару комнатныхъ собакъ неизвѣстной породы, доставлявшихъ большое утѣшеніе матушкѣ, и, умаявшись, едва держалась на ногахъ. Собственно говоря, она уже спала, такъ какъ чувства ея притупились отъ утомленія и давно уже слипались вѣки. Но распоряженіе матушки заставило ее очнуться. Она широко раскрыла свои большіе глаза и съ удивленіемъ уставила ихъ на матушку. Ей пришло въ голову, что нанималась она къ матушкѣ, какъ горничная, для комнатной работы: съ ка-

Digitized by Google

кой-же стати ей теперь ѣхать въ степь? Она впрочемъ ничего не сказала, но проницательная матушка все до тонкости прочитала въ ея душѣ.

— Что баньки-то вылупила? Чего уставилась, какъ сова? Небось, не хочется,—а? Привыкли нѣжиться въ комнатѣ, на теплой постели? Грабли-то тяжелы кажутся? Я дескать въ горничныя нанималась, такъ въ степь не пойду? Такъ что-ли? А ну-ка, попробуй не пойти! Только ты и видѣла мой дворъ... и показываться не смѣй, чтобы я твоего мужицкаго носа не видала! Слышишь? Поѣзжайте! Да смотрите у меня, не спать тамъ, а то вѣдь я васъ знаю! Все больше норовите подъ повозку, да захрапѣть!

Гашутка ничего не отвѣчала; усталая она свалилась на постель, состоявшую изъ грязнаго войлока и какой-то составной подушки, изъ которой торчали до половины высунувшіяся гусиныя перья, и уснула.

На другой день, когда еще не начиналась заря, изъ воротъ батюшкинаго двора выѣхала, запряженная парой лошадей, повозка, нагруженная косой, граблями, Артемомъ и Гашуткой. Артемъ смотрѣлъ бодро и только покрякивалъ. Онъ привыкъ вставать по ночамъ, чтобы посмотрѣть, есть-ли кормъ у лошадей; Гашутка-же сидѣла пошатываясь: она только-что разоспалась, потому что было два часа ночи. Туманъ разстилался по дорогѣ и закрывалъ собою крыши крамаревскихъ хатъ, узкую, извилистую рѣчку, церковную колокольню. Рѣдкія звѣзды едва мерцали надъ головой изъ-за тумана; почуя близость разсвѣта, ночной мракъ напрягъ всѣ свои силы, сгустился и сталъ непроницаемъ; кони прищурили уши, робко ступая впередъ въ темнотѣ. Подувалъ свѣжій утренній вѣтеръ, пропитывая все сыростью; по дворамъ кричали пѣтухи, и едва только начинали подниматься хозяева.

— А чья это подвода такъ рано на степь поднялась? спрашивалъ мужикъ, протирая сонные глаза.

— Должно-быть, попова! отвѣтила баба.

Digitized by Google

— А шустрые, должно быть, у попа работники, коли мужика перещеголяли! замѣтилъ мужикъ.

„Сталъ-бы и ты шустрымъ, когда-бы нужда занесла тебя къ этой проклятой вѣдьмѣ!“ подумалъ Артемъ и поѣхалъ дальше. Гашутка ничего не слышала. Она свалилась въ повозку и спала.

Проѣхали село и выѣхали на поле. Вотъ поблѣднѣлъ мракъ, потускнѣли звѣзды и показалась заря. Блѣдный свѣтъ полегъ на безконечномъ зеленомъ полѣ; утренній вѣтерокъ нѣжно колыхалъ густую зеленую траву; Артемъ оглядѣлся кругомъ и какъ-то весело встрепенулся. Давно онъ не видѣлъ передъ собой такой счастливой картины. Густая зеленая трава готовила обильный сѣнокосъ, какого давно уже не видѣли крамаревскіе обыватели, молодая рожь густыми всходами поднялась на двѣ четверти отъ земли; повсходили проса, пшеница, ячмень, овесъ, и что это за полные густые всходы! „Не запали, Боже! Не дай, Боже, кузки, града или другого несчастья! Тогда быть празднику, большому празднику! Тогда возрадуется крестьянская душа!“ шепталъ Артемъ, окидывая взоромъ безконечную степь и набожно крестясь. Была большая радость въ сердцѣ Артема; вмигъ разступились морщины на его лбу, положенныя шестилѣтней нуждой, суровые глаза его засіяли радостью... но потомъ вдругъ сердце его защемило такой безотрадной тоской, въ голову стали лѣзть такія тяжелыя мысли, что онъ невольно опустилъ эту голову и пересталъ любоваться роскошной картиной. Вспомнилось ему, что въ этомъ великомъ праздникѣ онъ не можетъ принять участья, что ему придется со стороны глядѣть, какъ будутъ счастливы другіе. Онъ сѣялъ пять лѣтъ—и просѣялъ всѣ свои достатки; на шестой онъ сдѣлался нищимъ, оставилъ землю, не будучи въ силахъ посѣять ни зерна. И вотъ, какъ-разъ въ этотъ несчастный для него годъ, Богъ послалъ людямъ такую благодать. Злоба и досада, казалось, переворачивали въ немъ внутренности. Зависть! Зависть! Завидовать, говорятъ, грѣхъ.

Digitized by Google

Да какъ-же не завидовать, коли Богъ такъ его обидѣлъ?!

А хорошо поднялось поповское сѣно! Что за гущина! Что за зелень! Любо косой провести, глядѣть любо! Вотъ уже поднялось солнце, прилетѣли жаворонки, чайка взвилась надъ нивой и потомъ куда-то исчезла. Артемъ косилъ нехотя; лѣниво громадила за нимъ Гашутка. Съ поповскимъ полемъ граничила земля помѣщичья, которая шла далеко вдоль и въ ширь на десятки тысячъ десятинъ. По сосѣдству цѣлая партія рабочихъ косила помѣщичье сѣно. Это были все загорѣлыя лица, въ самодѣлковыхъ шляпахъ изъ житной соломы, въ вышитыхъ прегрязныхъ сорочкахъ и широчайшихъ пестревыхъ шароварахъ. Бабы и дѣвки ходили въ причудливыхъ пестрыхъ юбкахъ, съ намистомъ на шеѣ, съ повязкой или лентой на головѣ. Артемъ прислушался къ ихъ разговору. „Полтавцы!“ рѣшилъ онъ и, опершись на рукоятку косы, попытался завязать разговоръ съ ближайшимъ изъ нихъ.

— Издалека будете? спросилъ онъ, не переставая дѣйствовать косой.

— Полтавцы—всѣ какъ есть! съ разстановкой отвѣчалъ преземистый, довольно еще молодой парень.

— А почемъ?

— Гм! Почемъ! Да такъ, все одно, что ни почемъ! съ досадой отвѣчалъ парень.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ: пришло насъ изъ Полтавы сорокъ два человѣка. Шли мы сюда безъ малаго двѣ недѣли; пока дошли, измаялись, издержались, до того дошло, что хоть караулъ кричи. Край-то вашъ недобрый, люди все какіе-то чуждые. Въ чужой сторонѣ ходишь все одно, что въ темномъ лѣсу. А тутъ случился человѣкъ. „Нанимайтесь, говоритъ, всѣ какъ есть ко мнѣ до Покровы. По сто рублей на мужика, а по 60 на бабу“. Ну, межь нами есть, которые и въ прежніе года въ этой сторонѣ работали, такъ они и присовѣтовали

Digitized by Google

намъ: „что-жь, говорятъ, этакой цѣны хорошей въ прежніе годы не было. Брали 95, а то и 90, такъ вы, говорятъ, за этого человѣка держитесь, потому цѣна хорошая". Ну, мы и пошли. А теперь оно и выходитъ, что даромъ продались. Теперь сѣно-то какое!.. А хлѣба-то будутъ вонъ какіе! И теперь ужь, слыхали мы, косарь ходитъ полтора рубля, а что будетъ дальше, какъ рожь поспѣетъ? Да онъ дойдетъ до двухъ съ половиной и до трехъ; баба вонъ—и за ту даютъ теперь карбованецъ, вотъ оно что! А мы что взяли?

— Присовѣтовали, чтобъ имъ добра не было, на нашу голову! замѣтилъ другой полтавецъ, чрезвычайно угрюмый и даже злой на видъ.

— Типунъ-же тебѣ на языкъ, коли ты намъ недоброе желаешь! промолвилъ пожилой полтавецъ съ длинными усами, удивительно похожій на портретъ Мазепы, какъ его рисуютъ на лубочныхъ картинахъ.—Мы развѣ знали, что оно такъ выйдетъ?!

— Знали, не знали, а теперь вотъ тяни лямку до Покровы за 100 руб., когда могъ-бы заработать вдвое...

— Эхъ вы! Хохландія безмозглая! Народъ неповоротливый! Слушай сюда! раздался вдругъ звонкій, открытый тенорокъ, и всѣ при этомъ подняли головы. Это говорилъ высокій, статный мужчина съ рябоватымъ лицомъ, рыженькой бородкой клиномъ, въ поярковой шляпѣ съ полями, опустившимися внизъ отъ времени. Онъ глядѣлъ прямо, свѣтло, открыто. Въ рѣчи его слышалась нотка добродушія и вмѣстѣ чуть замѣтной, тонкой насмѣшки. Говорилъ онъ гладко, плавно, безъ запинки, пѣвучимъ великорусскимъ выговоромъ.

— Слушай, говорю, сюда! Чего тутъ другъ на друга сворачивать? Нешто они знали? Нешто кто самъ себѣ зла желаетъ? Гдяди—вѣдь и они, совѣтчики-то, съ нами на сто рублей пошли. Такъ ты это и разсуждай и соображай! А вотъ вы *меня* послушайте!

— Ишь ты, козелъ ярославскій! Тебя кто въ генералы назначилъ? съ простодушной усмѣшкой заговорили

Digitized by Google

полтавцы, однако оставили косы и, повидимому, приготовились слушать „козла ярославскаго".

— Ну, ну, посмотримъ, что ты намъ умное скажешь? снисходительно проговорили нѣкоторые.

— Ну, вотъ и послушайте! развязно продолжалъ ярославецъ.—Скажите мнѣ, хохлы вы неповоротливые, кто теперича кому нужнѣе: помѣщикъ намъ или мы помѣщику? Ну-ка?!

Полтавцы молча и серьезно соображали.

— Извѣстно—мы ему нужнѣе, продолжалъ ярославецъ, не дождавшись отвѣта,—потому теперь сѣна вонъ какія, время теперича горячее, помѣщику всякій день дорогъ. Всякій день ему тыщу рублей стоитъ. Значитъ, *онъ* нами дорожить долженъ!

— Правда! твердо произнесли полтавцы.

— Такъ-съ. То-то и есть, что правда. А значитъ, мы его въ своихъ рукахъ держать можемъ и что захотимъ, то и сдѣлаемъ съ нимъ!

— Да оно такъ! опять согласились полтавцы.

— Да оно такъ! передразнилъ ихъ бойкій ярославецъ.—Ну, а ежели оно такъ, то что-же дальше?

Ярославецъ началъ ужь, очевидно, кичиться своей находчивостью и умственнымъ превосходствомъ надъ полтавцами; это разсердило одного изъ нихъ, того самаго, который былъ похожъ на Мазепу.

— Постой, козлиная твоя борода! сердито остановилъ онъ оратора.—Ты думаешь, мы не видимъ, куда ты дѣло клонишь? А совѣсть куда дѣвалъ? Или она у тебя, какъ и борода, тожь козлиная, а?

— Ха-ха-ха! звонкимъ, откровеннымъ смѣхомъ залился ярославецъ.—Вотъ сказалъ! Вотъ такъ придумалъ! Ай да хохолъ! Такъ это по совѣсти-то мы свой заработокъ терять должны? А ежели онъ платитъ намъ рубль, когда въ другихъ мѣстахъ полтора даютъ, такъ это онъ по совѣсти? Какая-же это совѣсть? Гдѣ-жь тутъ совѣсть?.. Да что тутъ разговаривать! Клади, братцы, косы, да и все тутъ! Пущай даетъ намъ по цѣнѣ на-

Digitized by Google

стоящей, какъ другіе даютъ... Зачѣмъ мы свое терять будемъ? Это нашъ праздникъ; этакаго праздника не скоро дождешься! Сколько лѣтъ ждали, да не воспользуемся? Шалишь!

И ярославецъ положилъ косу на траву и тутъ-же усѣлся, протянувъ свои ноги, обутыя въ лапти и окутанныя разнымъ тряпьемъ.

Полтавцы перестали косить и стояли молча, въ нерѣшительности.

— Не слушайте его, хлопцы, пустое это онъ дѣло затѣваетъ! убѣждалъ ихъ мужикъ „съ совѣстью“.—Хорошо-ли это будетъ, если мы свое слово нарушимъ?..

Но эта проповѣдь, повидимому, должна была остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нѣкоторые изъ полтавцевъ, не говоря ни слова, уже сѣли рядкомъ; другіе нерѣшительно переговаривались.

Всѣ приходили къ тому убѣжденію, что терять *свое* нѣтъ никакого разсчета. У каждаго въ головѣ быстро мелькнула пріятная мысль о возможности заработать вмѣсто ста двѣсти рублей и мало-по-малу вся партія косарей усѣлась вокругъ ярославца. Бабы усѣлись первыя, безъ дальнѣйшихъ размышленій: предложеніе ярославца имъ сразу понравилось. Не сѣлъ только одинъ „мужикъ съ совѣстью“; онъ переталъ косить и, опершись на рукоятку своей косы, повидимому, философствовалъ.

—Да что тутъ раздумывать, мудреная твоя голова? Садись, и дѣлу конецъ! Не ты одинъ, всѣ отвѣтимъ! убѣждалъ его ярославецъ.

— Не по совѣсти, не по совѣсти! съ разстановкой говорилъ несговорчивый мужикъ и при этомъ нерѣшительно сѣлъ на траву, нѣсколько поодаль отъ остальной партіи, точно боялся осквернить себя прикосновеніемъ къ ней.

— Хе-хе! Не по совѣсти!? А самъ, небось, присѣлъ!! насмѣшливо произнесла какая-то баба.

— Да что-же мнѣ, одному оставаться, что-ли? сердито возразилъ мужикъ.—Не отставать-же мнѣ отъ *своихъ*! А только, что не по совѣсти, это я завсегда скажу! Не-по-совѣсти!

Digitized by Google

— Такъ-то лучше! беззаботно острилъ ярославецъ, чрезвычайно довольный, что его планъ одобренъ всей партіей:—Сложи ручки, протяни ножки, да и сиди себѣ да посвистывай!

Онъ при этомъ посвисталъ, а бабы разсмѣялись. Настроеніе было веселое. Въ это время, въ нѣсколькихъ саженяхъ, на пыльной дорогѣ показался всадникъ. Это былъ плечистый малый съ рыжей бородой и такими-же баками и маленькими бѣгающими сѣрыми глазками. Онъ постоянно держалъ голову на бокъ, отчего получилъ прозвище „пристяжного". На немъ были клѣтчатые штаны, желтоватый коротенькій пиджакъ и клеенчатая фуражка. Все это, не исключая и физіономіи, было покрыто сѣрой пылью. Онъ ѣхалъ довольно быстро, ежеминутно постегивая кнутикомъ вспотѣвшую лошадь. Это былъ приказчикъ, на обязанности котораго лежали присмотръ за косарями и понуканіе ихъ. Онъ переѣзжалъ отъ партіи къ партіи, которыя, въ количествѣ сорока—пятидесяти человѣкъ, работали на разстояніи полуверсты одна отъ другой.

— Эй вы! Чего разсѣлись! Это что еще такое? Маршъ на работу! Живо! скомандовалъ онъ хриплымъ голосомъ и при этомъ махнулъ нагайкой по воздуху такъ сердито, что послышался жалобный свистъ. Никто однако-жь не двинулся съ мѣста.

— Чего разсѣлись, спрашиваю я васъ! Уши вамъ что-ли позакладывало... При этомъ приказчикъ употребилъ нѣсколько любимыхъ сильныхъ выраженій.

— А ты чего раскричался? Обѣдать хотимъ, обѣдать пора! Вотъ чего разсѣлись! отвѣтилъ кто-то.

— Да вы съума спятили! бѣшено закричалъ приказчикъ,—только что поднялось солнце, а вы уже обѣдать? Давно-ли „снѣдали",

— Давно-ли, не давно-ли, а только работать мы не станемъ, пока не пообѣдаемъ!

Приказчикъ сталъ втупикъ. Впрочемъ онъ быстро, повидимому, сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ былъ изъ

Digitized by Google

„тонкихъ бестій“ (такъ онъ самъ себя рекомендовалъ) и по одному тону понялъ, что тутъ дѣло не простое. На этотъ счетъ у него былъ отмѣнный нюхъ, и въ въ головѣ его тотчасъ-же мелькнуло слово „стачка!“ Опытный и потому тактичный въ такого рода дѣлахъ, онъ какъ-то вдругъ перемѣнился и сталъ почти мягокъ, что впрочемъ удивительно мало шло къ его хитро-злой физіономіи.

— Гм!.. Вотъ оно что?! промолвилъ онъ какъ-бы про себя. — Посмотримъ, какъ вамъ обѣдать хочется.

Онъ повернулъ коня и пустилъ его во весь опоръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился кашеваръ съ казанкомъ, появился огонь и скоро поспѣла каша. Полтавцы вынули ложки и присѣли къ мискамъ. Они глядѣли угрюмо и молчали. Только одинъ ярославецъ ухмылялся и изрѣдка острилъ, и то обращаясь больше къ бабамъ, которыя какъ-то больше понимали его. Заговорщики, очевидно, не знали, какъ вести себя дальше и что изъ этого выйдетъ, а ярославецъ понималъ, что будутъ дѣлать то, что онъ сдѣлаетъ. Начали ѣсть лѣниво, потому что въ самомъ дѣлѣ недавно завтракали и ѣсть никому не хотѣлось.

— Тьфу! плюнулъ вдругъ ярославецъ. — Развѣ это каша? Развѣ это крупа? Что онъ это, братцы? Онъ свиней своихъ этой крупой кормилъ, а теперь насъ кормитъ ею? Бросай, братцы, ложки! На этой крупѣ мы не работаемъ!..

Онъ бросилъ ложку и перевернулъ миску съ кашей. Жидкая каша разлилась по травѣ; поднялся страшный хохотъ; каша изъ другихъ мисокъ полетѣла туда-же... Полтавцы принялись плевать во всѣ стороны; легко было понять, что это ни больше ни меньше, какъ придирка. Приказчикъ нахмурился, руки у него задрожали отъ злости, однако онъ съумѣлъ сдержать себя и не произнесъ ни слова; онъ зналъ, что всякое слово, которое онъ теперь могъ-бы произнести, было-бы ругательное. Съ напряженнымъ спокойствіемъ подошелъ онъ къ котлу,

Digitized by Google

набралъ ложку каши и попробовалъ. Крупа была дѣйствительно безъукоризненна; значитъ, дѣло было ясно, какъ Божій день.

— Что-же это? Вы просто работать не хотите? Такъ — что-ли? Чего-жь вы молчите? Долженъ-же я что-нибудь сказать помѣщику!

— Такъ вотъ и скажи, какъ было! коротко отвѣтили ему.

Приказчикъ свирѣпо плюнулъ, сѣлъ на коня и ускакалъ въ деревню, къ помѣщику. Между тѣмъ косари изъ другой, сосѣдней партіи, издали видѣли, что у полтавцевъ происходитъ что-то особенное. Какъ только приказчикъ отъѣхалъ, немедленно оттуда явился посолъ, съ цѣлью разузнать въ чемъ дѣло. Косари, объятые любопытствомъ, едва помахивали косами: тутъ ужь было не до работы; къ тому-же приказчика не было, значитъ можно было и совсѣмъ не работать.

Заговорщики вынули трубки, набили ихъ „тютюномъ“ и закурили. Полтавцы сидѣли спокойно, не суетились и даже разговаривали о постороннихъ вещахъ. Видно было, что они уже освоились съ своимъ новымъ положеніемъ. Прошло уже больше получаса, когда, наконецъ, со стороны деревни по дорогѣ показалось громадное облако пыли. Стали обозначаться верховые, а далеко позади показалась изящная одноколка помѣщика.

— Вотъ оно, братцы, какую мы пыль подняли! весело острилъ ярославецъ.

Верховые подъѣхали. Это были приказчики, объѣздчики, машинистъ и проч., словомъ — вся помѣщичья администрація. Между ними былъ главноуправляющій — толстый нѣмецъ, умѣвшій по-русски только ругаться.

— Это что? Что это вы выдумали! Ахъ вы, мужичье безмозглое! Да вы знаете, куда васъ упекутъ за это? Да вамъ Сибири не миновать! За это по закону на каторгу. Это бунтъ, вы бунтовщики!

Это кричали приказчики — всѣ разомъ; главноуправляющій-же только краснѣлъ и сердился, искренно жалѣя.

Digitized by Google

что не можетъ сказать ни слова; но полтавцы не обращали на нихъ никакого вниманія и, точно ничего не слыша, продолжали свои разговоры.

Подъѣхалъ помѣщикъ. Это былъ довольно плотный, плечистый мужчина лѣтъ сорока, съ совершенно бритымъ лицомъ и коротко-остриженными черными волосами. На немъ былъ свѣтлый костюмъ изъ шелковой матеріи и стружковая шляпа съ полями внизъ. Движенія его были плавны и полны достоинства. Онъ слылъ за образованнѣйшаго человѣка въ цѣломъ уѣздѣ и, въ качествѣ земскаго дѣятеля, пользовался большой популярностью; у него была прекрасная библіотека, онъ выписывалъ множество журналовъ и газетъ, каковые держалъ въ изящныхъ папкахъ и переплетахъ. Между крестьянами онъ слылъ за человѣка мягкаго и обходительнаго. Онъ никогда не позволялъ себѣ говорить грубо съ мужикомъ, всегда говорилъ ему: „вы“, и на поклонъ отвѣчалъ сниманіемъ шляпы и солиднымъ почтительнымъ наклоненіемъ головы. Его благовоспитанная натура не могла выносить грубыхъ словъ и сильныхъ выраженій, поэтому онъ и приказчикамъ своимъ строго наказывалъ обходиться съ рабочими деликатно.

Помѣщикъ медленно вышелъ изъ экипажа и подошелъ къ рабочимъ. При его появленіи приказчики смолкли, а полтавцы поднялись со своихъ мѣстъ и сняли шапки.

— Вы, господа, недовольны кашей? спросилъ онъ спокойно и съ неподдѣльнымъ достоинствомъ. Отвѣта не послѣдовало.

— Я очень радъ, что это неправда, мнѣ было-бы обидно, если-бъ это была правда. Всему уѣзду извѣстно, что у меня харчи прекрасные. И такъ, господа, здѣсь кроется другая причина,—вы хотите нарушить контрактъ...

— Мы не дѣлали контракта!.. робко возразилъ кто-то.

Спокойствіе и достоинство, съ которымъ говорилъ помѣщикъ, какъ будто сконфузили заговорщиковъ. Они уже начинали чувствовать себя виноватыми. Смѣтливый

Digitized by Google

ярославецъ понялъ это, и поэтому приготовился говорить за всѣхъ.

— Да... Формально мы не заключили контракта, но мы заключили условіе на совѣсть... Впрочемъ указанія совѣсти не для всѣхъ обязательны!.. промолвилъ помѣщикъ съ презрительной усмѣшкой. — Чего-же вы, собственно, желаете?

Ярославецъ выступилъ впередъ.

— Да мы ничего отъ вашего благородія не желаемъ. Намъ только пожалуйте разсчетецъ!.. бойко заявилъ онъ!

Полтавцы переглянулись между собой. Они, повидимому, не ожидали такого исхода.

— Какъ разсчетъ? съ легкимъ испугомъ спросилъ помѣщикъ. Въ самомъ дѣлѣ—ему было чего испугаться. Изъ-за этого словца для него выглядывалъ убытокъ въ нѣсколько тысячъ. Если онъ разсчитаетъ цѣлую партію, то огромная полоса травы останется нескошенной. Свободныхъ рабочихъ рукъ теперь въ три дня не отыщешь,— всѣ разобраны; а солнце между тѣмъ палитъ безжалостно. Одинъ день—и трава высохнетъ, пожелтѣетъ и никуда не будетъ годна.

— Да такъ, разсчетъ-съ! продолжалъ ярославецъ почтительно.—Вамъ желательно, чтобы было по совѣсти, и намъ тоже. А нынче по совѣсти платятъ косарю полтора рубля, а бабѣ рубль; мы туда и пойдемъ, гдѣ намъ дадутъ эту цѣну. Гулять не будемъ, потому охотниковъ много есть!.. Такъ вы намъ и пожалуйте разсчетецъ.

— Такъ вы желаете ввести меня въ громадные убытки? Такъ что-ли? Ну, это мы увидимъ. Вы забыли, что у меня ваши билеты, а безъ билетовъ васъ никто не приметъ. Я не дамъ вамъ ни разсчета, ни билетовъ. Ошиблись, милые, въ разсчетѣ.

— Нѣтъ, намъ зачѣмъ-же ошибаться? Ужь это пущай кто другой замѣсто насъ ошибается-съ! почтительно, но вмѣстѣ и съ усмѣшкой отвѣчалъ ярославецъ.—Пущай билеты у васъ, а мы все-таки пойдемъ. Кому нужны

Digitized by Google

работники—и безъ билетовъ возьметъ... Теперь время горячее...

— А если я судомъ потребую съ васъ убытки?..

— Такъ вѣдь съ насъ взять нечего!.. былъ отвѣтъ.

Помѣщикъ, несмотря на видимое спокойствіе, съ которымъ онъ держалъ себя, нашелъ нужнымъ вытереть вспотѣвшій лобъ. У него, очевидно, истощились всѣ доводы, которые онъ приготовилъ. Время шло. Каждый часъ стоилъ ему сотни рублей. Нужно было какъ-нибудь поскорѣе кончать. Легко было вычислить, что разсчитать цѣлую партію убыточнѣе, чѣмъ заплатить по ходячей цѣнѣ.

— По сколько-же вы хотите? спросилъ помѣщикъ.

— Да какъ другіе платятъ; полтора на мужика, а цѣлковый на бабу.

— Ладно; только я заключу съ вами контрактъ, и ужь тогда...

— Мы контрактовъ заключать не станемъ, намъ не выгодно... Дальше цѣна выростетъ!...

— Да что-жь это?! У меня десять партій еще есть, которыя работаютъ по этой цѣнѣ, а вы одни будете исключеніемъ... Такъ вѣдь я найду другихъ работниковъ.

— А мы этого не знаемъ, какъ будутъ другія партіи... Да вотъ поглядите.

Помѣщикъ взглянулъ по направленію къ другой партіи. Издали можно было разглядѣть, что тамъ работа прекратилась, рабочіе сидѣли. Это окончательно разбѣсило его, и онъ едва удержался, чтобъ не выругаться.

— Я очень жалѣю, что до сихъ поръ тратилъ слова и разумные доводы тамъ, гдѣ прилично презрѣніе, съ нескрываемою гадливостью промолвилъ помѣщикъ, хотя на языкѣ у него было: „скоты, мерзавцы, мошенники!“ и т. д. Разбѣшенный, онъ сѣлъ въ свою одноколку и помчался къ другой партіи. За нимъ умчалась и стая приказчиковъ, на лицахъ которыхъ выражалась крайняя тревога.

Digitized by Google

— Да, теперь, господинъ баринъ, держись за карманъ, онъ-то у тебя отощаетъ. Шутка-ли, побольше сотни на брата перепадетъ! Все-бы это онъ въ карманъ положилъ! Вотъ оно откуда денежки берутся!..

Въ такомъ родѣ разговоры велись между косарями, когда помѣщикъ уѣхалъ. Черезъ четверть часа прискакалъ приказчикъ.

— Эй, вы! За работу! Живо! По ходячей цѣнѣ! Да только, чтобъ работа кипѣла! Чтобъ сегодняшнее утро наверстали!

— Наверстать-то наверстаемъ! Ужь это наше дѣло! Баринъ останется доволенъ! весело заговорили мужики, и дѣйствительно зазвенѣли косы и работа закипѣла съ удвоеннымъ рвеніемъ. Каждый чувствовалъ, что онъ ничего не теряетъ, что онъ получитъ за свой трудъ столько, сколько получатъ другіе и сколько трудъ его дѣйствительно стоитъ.

IV.

Немного въ этотъ день накосили Артемъ съ Гашуткой. Лѣниво двигались у нихъ руки, трава какъ будто не поддавалась косѣ, словно коса притупилась. Часто складывали они орудія и садились отдыхать и засиживались подолгу, сосредоточенно глядя въ ту сторону, гдѣ происходила вся эта сцена. Жадно слушали они все, что тамъ говорилось, не пропуская ни одного слова, внимательно слѣдя за ходомъ дѣла и съ замираніемъ сердца ожидая, чѣмъ все это кончится. Артемъ глядѣлъ угрюмо и отвѣчалъ суровымъ молчаніемъ на нетерпѣливыя замѣчанія Гашутки, но подъ этой внѣшней суровостью скрывалось видимо зачинавшееся чувство торжествующей радости; съ каждымъ часомъ въ груди его сердце начинало стучать сильнѣе: онъ чувствовалъ, что полтавцы, безъ его участія, рѣшаютъ его судьбу. Когда-же тамъ все кончилось, онъ остановился и испустилъ глубокій

Digitized by Google

вздохъ, какъ человѣкъ, послѣ непрерывныхъ трудовъ, наконецъ, счастливо окончившій трудное дѣло.

— Пора домой! промолвилъ онъ, обращаясь къ Гашуткѣ.—За грошъ въ день и этого довольно!

— А таки и вправду довольно! безъ колебанія согласилась Гашутка.—Мы не хуже другихъ!

При этомъ она съ неподдѣльной гордостью подняла голову, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ была немаловажной особой. Это выраженіе гордости какъ нельзя болѣе шло къ ней, такъ что иной заподозрилъ-бы, что подъ этой грубой, загорѣлой кожей скрывается аристократическая кровь. Но достовѣрно извѣстно, что она была дочерью, внучкой и правнучкой обыкновеннаго крестьянина.

Артемъ весело погналъ лошадей. Онъ затянулъ пѣсню и подмигнулъ своей спутницѣ, такъ что Гашутка даже удивилась. Удивлялись и прохожіе, и хозяева, работавшіе на нивахъ, смежныхъ съ дорогой. Они знали Артема за угрюмаго человѣка. Правда, прежде онъ слылъ за весельчака и разбитного малаго, но когда бѣда доконала его и изъ порядочнаго хозяина сдѣлала батракомъ, онъ быстро упалъ духомъ, сталъ молчаливъ и какъ-будто навсегда пригнулся и опустилъ голову. Теперь онъ вдругъ выпрямился и глаза его заблестѣли какимъ-то дерзкимъ торжествомъ. Ему было несказанно весело. Удивлялись также и тому, что матушкины работники такъ рано возвращались съ поля. Всякій склоненъ былъ предполагать какъ разъ наоборотъ: матушка любила, чтобъ ея работники выѣзжали раньше всѣхъ, а пріѣзжали позже всѣхъ. А между тѣмъ никто еще и не думалъ возвращаться домой. Солнце еще только собиралось заходить.

— Смотри, Ганно, не будь дурой! любезно обратился Артемъ къ своей спутницѣ.

— Съ какого лиха мнѣ быть дурой? слегка обидѣлась Гашутка.

— То-то и есть. Такъ смотри-же! Потому намъ терять свое не приходится. Сразу оно не хорошо, а по-

Digitized by Google

маленьку!.. Да ты гляди, не струсь... А то вѣдь я васъ знаю бабъ—чуть что, ужь вы и назадъ!.. Эта вѣдьма, правда, хоть кого испугаетъ... Чортъ вѣдь настоящій!

— Ну, вотъ еще! Нашла кого бояться! самонадѣянно отвѣчала Гашутка, словно она и въ самомъ дѣлѣ никогда не побаивалась Аграфены Ивановны.

Артемъ молодецки присвистнулъ и запѣлъ еще веселѣе, и сытые поповскіе кони бодро понесли ихъ черезъ село. Весело было на сердцѣ у Артема. „То-то ругня поднимется! То-то взбѣсится наша вѣдьма!“ злорадно думалъ Артемъ и мысленно представлялъ картину, въ которой Аграфена Ивановна съ растрепавшимися волосами мечется по двору, не зная куда дѣваться отъ злости, а онъ, Артемъ, не стоитъ передъ ней безъ шапки и не глядитъ угрюмо внизъ, а насмѣшливо улыбается. Однако ничего подобнаго не случилось, что не мало удивило Артема. Матушка встрѣтила ихъ за воротами. Она глядѣла угрюмо, говорила сдержанно.

— А что такъ рано? спросила она, не глядя на Артема.

— Утомились! Не поздно и выѣхали: не то, что хорошіе хозяева, пѣтухи деревенскіе и тѣ еще спали! съ сдержанной развязностью отвѣчалъ Артемъ. Ему даже самому показалось страннымъ, что онъ такъ свободно распространяется передъ матушкой. Онъ началъ очень развязно, но сейчасъ-же ему стало какъ-то неловко; голосъ его дрогнулъ и упалъ довольно низко.

— Много-ли накосили? спросила Аграфена Ивановна.

— Много—немного, а съ полдесятины будетъ!

— Гм!.. съ полдесятины! Хороши косари, нечего сказать! промолвила матушка какъ-бы про себя и, не проронивъ больше ни слова, ушла въ комнату, а Артемъ съ Гашуткой только удивленно переглянулись.

Матушка имѣла странный, непривычный для нея видъ. Обыкновенно ее видѣли въ двоякомъ состояніи: она или находилась въ сильномъ нервномъ возбужденіи, причемъ злилась, бѣсилась на всѣхъ и вся, бѣгала и кричала

Digitized by Google

во всѣ стороны, или въ состоянiи сильнаго утомленiя, которое наступало за возбужденiемъ, какъ реакцiя. Въ такихъ случаяхъ она производила впечатлѣнiе больного, обиженнаго, угнетеннаго существа; она жаловалась на всѣхъ и съ беззубою злостью обвиняла своихъ слугъ въ самыхъ возмутительныхъ порокахъ. На этотъ разъ она бодро и сдержанно ходила по комнатѣ, повидимому, сильно сосредоточившись на одной важной мысли. Можно было навѣрное сказать, что она строила какой-то немаловажный планъ, что на ея жизненномъ пути встрѣтилось какое-то затрудненiе, которое она должна устранить. Она подошла къ двери, ведущей въ комнату о. Льва, и постучала.

— Левъ! Проснись! Ты мнѣ нуженъ!

— А что тамъ такое? послышался голосъ соннаго Льва.

— Ты мнѣ нуженъ! Важное дѣло! повторила Аграфена Ивановна.

Нужно замѣтить, что какъ-бы она ни злилась, съ мужемъ она всегда говорила сдержанно. Она уважала его покой. О. Левъ поднялся съ непривычной быстротой, потому-что такихъ приглашенiй на семейный совѣтъ онъ удостоивался очень рѣдко. Это означало, что дѣло очень важное и, кромѣ того, представляло для него особенную честь. Онъ вошелъ въ залу заспанный и попросту безъ кафтана. Начался семейный совѣтъ.

— Ты все спишь и ничего не знаешь! обратилась къ нему Аграфена Ивановна.

— А что такое? испуганно спросилъ о. Левъ. Съ просонковъ онъ испугался больше, чѣмъ слѣдуетъ.

А то случилось, что всѣ „строкачи“ у помѣщика отказались отъ работы и потребовали прибавки. Сначала отказалась одна партiя, а потомъ за ней и другiя. Пріѣзжалъ Матвѣй приказчикъ и разсказывалъ. У помѣщика, говоритъ, изъ кармана вылетитъ нѣсколько тысячъ лишнихъ... Вотъ что!

Digitized by Google

— Ну, такъ что-жь изъ этого? вопросилъ о. Левъ, который никакъ не могъ понять, въ чемъ заключается опасность для него.

— Какъ что изъ этого? А ты думаешь, *наши* не воспользуются этимъ? Они ужь давно точатъ зубы, а теперь какъ-разъ такое время, что нигдѣ не найдешь прислуги,—всѣ въ полѣ, вездѣ даютъ хорошія деньги, вездѣ нуждаются въ рукахъ. Да ты знаешь, какъ они могутъ посадить насъ? Всѣ разомъ бросятъ, вотъ и оставайся съ хозяйствомъ!..

— Пустяки!.. успокоилъ ее о. Левъ. — Все это напрасные страхи. Паспорты ихъ у меня; не буду-же я такъ глупъ, что выдамъ имъ паспорты...

— Ты ничего не понимаешь! съ едва сдерживаемымъ раздраженіемъ перебила его Аграфена Ивановна.—Теперь не до паспортовъ. Хозяева рыщутъ по уѣздамъ въ поискахъ за работниками. Что имъ въ паспортахъ? Лишь-бы были руки... А мы вотъ съ паспортами и останемся на бобахъ...

— Такъ что-же дѣлать? безнадежно спросилъ о. Левъ.

— А то дѣлать, что нужно не давать имъ повода къ придиркамъ. Вѣдь имъ нужно-же къ чему-нибудь придраться. Въ особенности этотъ Артемъ: вѣдь это шельма, да еще какая шельма! Я вѣдь знаю, что у него на умѣ. Я только взглянула на него сегодня, а ужь все увидала... Такъ ты вотъ что: мнѣ-то самой неловко; какъ-то ужь слишкомъ неожиданно: вѣдь я ихъ никогда не баловала и вдругъ... Ты позови Артема и дай ему хорошую рюмку водки. Ну, тамъ скажи что-нибудь этакое... Что дескать весна началась, такъ по этому поводу, что-ли!.. Что молъ рабочіе дни пойдутъ, такъ надо подкрѣплять силы... Ты самъ это лучше скажешь, ты вѣдь говорить умѣешь. Только ты хоть кафтанъ-то надѣнь, а то такъ какъ-то неловко. Хоть онъ и работникъ, а все-таки неловко. Другимъ разскажетъ... Да вотъ кстати, чуть не забыла: они сегодня очень рано выѣхали въ степь и оттого дуются. Такъ ты скажи отъ себя этакъ, что дескать ты слу-

Digitized by Google

чайно узналъ это и разсердился и что впредь ты запрещаешь это дѣлать.

О. Левъ согласился, что кафтанъ дѣйствительно слѣдуетъ надѣть и затѣмъ отъ себя онъ прибавилъ и рясу, что выходило уже слишкомъ торжественно. Гашуткѣ было поручено позвать Артема. Гашутка была любопытна, какъ женщина, и потому не могла удержаться, чтобъ во время семейнаго совѣта не приложить ухо къ скважинѣ въ двери, ведущей изъ передней въ залу и подслушать весь разговоръ отъ слова до слова. Она застала Артема въ коѣюшнѣ за его любимымъ занятіемъ — чисткой и приглаживаніемъ лошадиныхъ спинъ.

— Дядя Артемъ! Идите водку пить! запыхавшись обратилась она къ нему и даже нѣсколько испугала его.

— Какую водку? удивленно спросилъ Артемъ.

— Хорошую водку! Ужь матушка съ батюшкой, должно быть, не станутъ пить поганой водки!

— Да ты съума сошла! Объ какой такой матушкиной водкѣ ты говоришь? Что, можетъ, стибрила фляжку?

— Для чего-же я стибрила-бы? Вотъ еще! Вѣдь я водки не пью! Для васъ что-ли стану воровать? обидѣлась Гашутка, какъ будто ей въ самомъ дѣлѣ никогда не случалось по секрету отъ матушки закусывать въ погребѣ своимъ любимымъ варенъемъ изъ абрикосовъ. У нея впрочемъ было отходчивое сердце, и она сейчасъ-же продолжала:

— Матушка испугалась, что строкачи забунтовались, боится, чтобъ и мы тоже... Ну и приказала батюшкѣ: „позови, говоритъ, дядю Артема и угости его водкой, потому надо его ублаготворить“... Только скорѣй! Батюшка ждетъ, и рясу надѣлъ, точно къ обѣднѣ собрался!

И Гашутка зло улыбнулась по этому поводу.

— Что-жь! Я отъ водки не откажусь! Оно не лишнее—по трудахъ пропустить добрую рюмку!.. Ты смотри подай стаканчикъ хорошій... (это было сказано вскользь, между прочимъ). Да только поздненько они вздумали ублаготворять...

Digitized by Google

Артемъ положилъ щетку, куда слѣдуетъ, натянулъ свой изодранный и усѣянный заплатами армякъ (ибо если батюшка надѣлъ рясу, то ему неприлично являться въ сорочкѣ) и вышелъ изъ конюшни. А Гашутка продолжала уже таинственнымъ шепотомъ, такъ какъ во дворѣ ее могли услышать.

— Матушка говоритъ: „дядя Артемъ, говоритъ, шельма, я его наскрозь вижу“...

Больше Гашутка ничего не успѣла сообщить, такъ какъ въ это время изъ изъ-за оконъ стекляннаго корридора выглянула голова матушки. Гашутка немедленно оставила Артема и побѣжала подавать водку съ „хорошимъ стаканчикомъ“. Но она, повидимому, была очень худого мнѣнія насчетъ предусмотрительности матушки. Не успѣла она ухватить графинчикъ съ водкой, который обыкновенно подавался на столъ, и большую рюмку, изъ которой пилъ батюшка передъ обѣдомъ, какъ матушка деликатно остановила ее.

— Постой, постой, „цындря“ („цындря“, а иногда „дзыга“ были отнюдь не ругательныя слова, а скорѣе обозначали благосклонность), куда спѣшишь? Прежде надо спроситься. Вотъ—неси!

Это былъ графинчикъ попроще; въ немъ заключалась водка градусовъ на 5 ниже той, которую употребляла матушка, что достигалось при помощи простой разбавки водой; графинчикъ этотъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „людского“, и водка въ немъ была „людская“, и рюмка къ нему полагалась „людская“. Послѣдняя на видъ была преогромныхъ размѣровъ, но, обладая чрезвычайно толстыми стѣнками и высокимъ дномъ, не отличалась помѣстительностью. Въ этомъ состояла домашняя политика Аграфены Ивановны.

Артемъ вошелъ въ залу и остановился у порога. Въ одной рукѣ онъ держалъ шапку, другой тщательно пригладилъ волосы и закрутилъ свои длинные усы. Давно не глядѣлъ онъ такъ прямо и свѣтло, какъ теперь. Изъ кабинета вышелъ о. Левъ, одѣтый въ рясу и даже съ

Digitized by Google

причесанными кудрями, что съ нимъ бывало очень рѣдко. Эту операцію онъ производилъ только тогда, когда ему предстояло „служить“ или нужно было отправляться на какое-нибудь торжественное „маслособорованіе“. Артемъ поклонился и взялъ у о. Льва благословеніе.

— Здравствуй, Артемъ Максимовичъ! любовно произнесъ о. Левъ.—Какъ поживаешь?

„О-го-го! подумалъ Артемъ: — уже и Максимовичъ!“ Онъ впрочемъ зналъ, что о. Левъ чрезвычайно мягкосердный человѣкъ, и удивился больше потому, что больно ужь отвыкъ отъ этого прозванія.

— Да ничего, слава Богу... вашими молитвами! отвѣчалъ онъ вслухъ, хотя очень сомнѣвался, что о. Левъ за него молится.

— Ты сегодня ѣздилъ на косовицу?

— Точно такъ,—ѣздилъ!

— Скажи мнѣ, пожалуйста, что тамъ такое случилось? Что за исторія тамъ вышла съ строкачами? Чѣмъ они недовольны?

— А Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ такое натворили? Развѣ что было такое? Я ничего не слышалъ! отвѣчалъ Артемъ совершенно такимъ тономъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не видѣлъ и не слышалъ и впервые узнаетъ все это отъ батюшки.

— Ну, неужели-же не слышалъ?! Все село уже знаетъ! промолвилъ батюшка такимъ тономъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ вѣритъ Артему, что тотъ ничего не слышалъ.

— А ей Богу-же, ничего не слышалъ! Да коли не вѣрите, такъ вотъ вамъ крестъ (Артемъ перекрестился), и чтобъ я съ этого мѣста не двинулся!

Артемъ былъ набоженъ, и если рѣшился произнести вышеупомянутыя заклинанія, то лишь потому, что не вѣрилъ въ батюшкину искренность. Зато и батюшка, несмотря на такія сильныя заклинанія, не повѣрилъ ни одному слову Артема.

— Да и какъ мнѣ знать? продолжалъ между тѣмъ

Digitized by Google

Артемъ. — Я своимъ дѣломъ былъ занятъ, за косовицей не до разговоровъ, тамъ не время слушать... да вотъ лучше всего спросите у Ганны, она была со мною! При этомъ онъ указалъ глазами на Гашутку, принесшую хлѣбъ и пару соленыхъ огурцовъ на закуску. Гашутка вопросительно взглянула на батюшку.

— Ты, Ганна, развѣ слышала что-нибудь о строкачахъ? обратился къ ней Артемъ.

— Я? О строкачахъ? Чего это вы, дядя Артемъ, все на меня нападаетесь! Да еще при батюшкѣ! Какіе такіе строкачи? Я ни съ какими строкачами не знаюсь! Гашутка очень обидѣлась и, выходя изъ залы, даже нашла необходимымъ хлопнуть дверью. „Молодецъ! Ловкая дѣвка! Славно штуку выкинула!“ мысленно похвалилъ ее Артемъ.

— Ну, да Богъ съ вами! махнулъ рукой батюшка.— Я вотъ позвалъ тебя, чтобъ поздравить съ косовицей... у меня такой обычай, я всегда поздравляю!.. Время теперь трудное, рабочему человѣку надо подкрѣпляться, рабочее время!

— Покорно благодаримъ, батюшка! почтительно поклонился Артемъ. — Только оно, знаете, по хозяйству время завсегда выходитъ рабочее, безъ дѣла никогда не сидимъ... подкрѣпиться никогда не мѣшаетъ!..

— Ну, да, да, конечно; я вѣдь это всегда говорилъ, всегда такъ и распоряжаюсь! Да матушка забываетъ... хлопотъ у нея много, вотъ она и забываетъ!.. А оно, конечно, рабочему человѣку всегда слѣдуетъ!.. Ну, вотъ-же тебѣ!..

При этомъ батюшка поднесъ Артему рюмку съ водкой. Артемъ взялъ рюмку, перекрестился, промолвилъ „будьте здоровы“ и, получивъ въ отвѣтъ милостивое: „пей себѣ на здоровье“, выпилъ и сталъ закусывать огурцомъ. При этомъ онъ поклонился и повернулся къ выходу, такъ какъ считалъ уже всѣ свои обязанности выполненными.

Digitized by Google

— Да вотъ еще что я хотѣлъ сказать! Постой! остановилъ его батюшка.—До меня дошло (при этомъ батюшка дружески положилъ руку на плечо Артему и заговорилъ такимъ низкимъ тономъ и такъ тихо, будто боялся, что его могутъ подслушать), до меня дошло, что васъ сегодня на степь послали слишкомъ рано... Это, видишь-ли, по ошибкѣ... Видишь-ли часы поспѣшили... (при этомъ батюшка укоризненно указалъ на стѣнные часы) такъ вотъ поэтому! Но впередъ этого не будетъ, я распорядился. Помни-же, что это ошибка, часы поспѣшили, и я очень недоволенъ этимъ, но впередъ этого не будетъ. Ну, теперь ступай себѣ съ Богомъ ужинать. Господь съ тобой.

И батюшка поблагословилъ его большимъ крестомъ.

По уходѣ Артема, о. Левъ почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ теперь выполнилъ всѣ свои обязанности и, кажется, имѣлъ право предаться покою. Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ зашелъ въ спальню Аграфены Ивановны освѣдомиться, хорошо-ли онъ выполнилъ свою роль.

— Ну, что, я, кажется, ничего такого не сказалъ... лишняго? Кажется, какъ должно?! спросилъ онъ съ нѣкоторою даже робостью.

— Нѣтъ, ничего такого! снисходительно отвѣчала Аграфена Ивановна, и, ободренный этимъ отвѣтомъ, отецъ Левъ отправился досыпать, вполнѣ увѣренный, что на этотъ день свершилъ свое высокое назначеніе.

Артемъ между тѣмъ отправился ужинать. Кухня помѣщалась нѣсколько поодаль отъ жилища хозяевъ. Это была обыкновенная мужицкая хата, построенная изъ глины, украшенная камышевой крышей и маленькими почти квадратными окнами о четырехъ „шибкахъ“ зеленоватаго стекла, изъ коихъ двѣ штуки были выбиты и замѣнены синей сахарной бумагой, наклеенной при помощи разжеваннаго житняго хлѣба. Такую замѣну матушка объясняла отсутствіемъ въ деревнѣ стекольщиковъ, хотя ничего не было легче, какъ заказать стекла почтарю, каждую недѣлю

Digitized by Google

посылавшему своихъ лошадей въ городъ. Благодаря этому обстоятельству, зимой, несмотря на частую и долгую топку, въ кухнѣ почти всегда стояла непогода, и всякія атмосферическія перемѣны отражались въ ней и на ея обитателяхъ такъ-же тонко, какъ и на барометрѣ. Вслѣдствіе этого кухарка въ продолженіи всей зимы не снимала овечьяго тулупа и исполняла свои обязанности, поминутно приплясывая на мѣстѣ, отчего согрѣвались ея ноги. Здѣсь помѣщалась огромная печь съ плитой, которая во время топки выбрасывала изъ своихъ отверстій, на манеръ Везувія, цѣлыя облака дыма, вслѣдствіе чего кухарка, не получавшая отъ господъ ни одной рюмки водки, во всякое время чувствовала пріятное головокруженіе. У стѣнъ тянулись лавки, а передъ ними—довольно длинный столъ, на которомъ рубили мясо, шинковали капусту, лѣпили варенники съ сыромъ и обѣдали. Въ углу помѣщалась огромная икона, изображавшая довольно загадочную группу святыхъ, у которыхъ болѣе или менѣе рельефно обозначались только „архіерейскія митры“ и благословляющія руки, все-же остальное было смыто временемъ, для котораго нѣтъ ничего святого. Кухня пересѣкалась канатомъ, на которомъ живописно были развѣшаны сегодня вымытыя кухонныя тряпки и нѣкоторыя принадлежности туалета кухарки Марѳы. Чтобы пройти черезъ хату, нужно было значительно нагнуться, въ противномъ случаѣ проходившій рисковалъ почувствовать мокрую тряпку на собственной физіономіи. Сама кухарка Марѳа была женщина не первой молодости, но еще очень бодрая и крѣпкая. Повидимому, основными принципами ея міросерцанія были: работать до изнеможенія и на всякое, сказанное ей непріятное слово отвѣтить десять, гораздо болѣе непріятныхъ. Дѣйствительно, она работала, какъ волъ, и „огрызалась“, какъ дворовая собака, причемъ не дѣлала исключенія даже для матушки. Матушка, убѣдившись въ ея неустрашимости, обыкновенно не затрогивала ея, и благодаря лишь этому, у нихъ дѣло шло болѣе или менѣе мирно.

Войдя въ кухню, Артемъ былъ очень пріятно удив-

Digitized by Google

ленъ, такъ какъ на столѣ, вмѣсто обычныхъ селедокъ или огурцовъ, дымились гречневые варенники, издавая ласкающій обоняніе запахъ, который для голоднаго малоросса представляется самымъ нѣжнымъ ароматомъ.

— Добрые варенники! похвалилъ Артемъ.—Кабы до нихъ да сметаны! Эхъ, хорошо-бы было!

— Да ты вотъ что! обратилась къ нему Марѳа, которой, кстати сказать, Гашутка успѣла уже все разсказать,—ты пошли Гашутку до матушки: Артемъ молъ сметаны проситъ...

— Не да-астъ!

— Дастъ! Теперь она все дастъ, такъ ты и пользуйся!

— А ей-Богу пойду! Хоть для однаго смѣху пойду. То-то разбѣсится! Прогонитъ, я думаю! весело проговорила Гашутка и убѣжала къ матушкѣ просить сметану. Черезъ пять минутъ полмиски сметаны уже стояло на столѣ, и матушкины работники просто не знали, какъ имъ быть. Было высказано предположеніе, что матушка съума сошла; тѣмъ не менѣе, варенники со сметаной были съѣдены съ несомнѣннымъ аппетитомъ.

— Ну, хоть въ послѣдній разъ добромъ помянемъ! промолвилъ Артемъ, вытирая замаслившіяся губы рукавомъ рубахи.

— Ты развѣ думаешь — завтра? спросила Марѳа вполголоса.

— А чего я тутъ буду сидѣть? Варенниковъ объѣдаться что-ли? Варенники добрые, да не любы они мнѣ, ея варенники! Да и что время терять? Нынче день полтора рубля стоитъ, а здѣсь я получаю десять копѣекъ въ день, такъ это разница...

— Дядя Артемъ! А завтра, какъ пойдете на деревню, кланяйтесь батьку моему, чтобъ и меня отобралъ поскорѣе. Я ему грошей заработаю! промолвила Гашутка.

— А я ужь и не знаю, что мнѣ дѣлать! вздохнула Марѳа.—По моимъ лѣтамъ (ей было подъ пятьдесятъ), пожалуй и не примутъ въ громадильницы!.. Скажутъ: „куда тебѣ? Стара“!

Digitized by Google

— Чего „стара“?! Нынче не смотрятъ, старъ или младъ, всякаго берутъ, потому урожай полный, руки вонъ какъ нужны! Да что тутъ раздумывать? Давай-ка завтра всѣ разомъ бросимъ эту вѣдьму, пускай-ка поплачется! Пусть хоть взбѣсится съ досады, ей Богу грѣха не будетъ! Вѣдьма вѣдь, какъ есть вѣдьма!

V.

Слѣдующій день былъ праздничный. Артемъ поднялся рано и первымъ дѣломъ принялся чистить лошадей.

На этотъ разъ онъ производилъ это съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Онъ методично, любовно разглаживалъ спины своихъ любимцевъ и при этомъ съ разстановкой говорилъ имъ прощальную рѣчь. Смыслъ этой рѣчи сводился къ тому, что онъ ихъ чиститъ въ послѣдній разъ, такъ какъ сегодня-же намѣренъ покинуть ихъ; что врядъ-ли другой работникъ будетъ любить и холить ихъ такъ, какъ онъ; что хотя эта вѣдьма стоитъ у него поперекъ горла со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, но они, кони, здѣсь совершенно не при чемъ, и онъ останется имъ вѣренъ. Словомъ, онъ высказалъ имъ такія вещи, какія обыкновенно на прощаньѣ высказываются любимымъ существамъ, и кони, повидимому, вполнѣ понимали его потому что стояли смирно и, только изрѣдка махая хвостами, въ знакъ признательности закрывали все лицо Артема цѣлымъ снопомъ жесткихъ волосъ.

А солнце между тѣмъ выглянуло изъ воды и въ одно мгновенье покрыло блескомъ широкое зеркало ставка. Разомъ отразилось оно въ безчисленномъ множествѣ росинокъ, усѣявшихъ траву и деревья, и точно посеребрило сады и безконечную ниву. Его привѣтствовало все, что обладало способностью чувствовать, но громче всѣхъ встрѣтила его огромная стая воронъ, которая своимъ безконечнымъ „ура“ покрывала слабые хоры воробьевъ, перепеловъ, жаворонковъ. Заглянуло оно и къ Артему въ

Digitized by Google

конюшню и заставило его положить орудія чистки и почесать затылокъ.

— Эге! Да уже не рано! Пора и въ походъ! промолвилъ онъ, выставивъ голову въ дверь и поглядѣвъ, высоко-ли поднялось солнце. Затѣмъ онъ натянулъ на себя свитку, опять почесалъ затылокъ и промолвилъ себѣ подъ носъ: „Ну и свитка-же! Ей-Богу, стыдно и въ люди показаться! Заслужилъ... чтобъ тебѣ на томъ свѣтѣ ходить въ этакой свиткѣ!“

Въ это самое время матушкѣ, которая безпокойно томилась подъ одѣяломъ, икнулось, изъ чего можно заключить, что послѣднее пожеланіе Артема всецѣло относилось къ ней. Бѣдная Аграфена Ивановна очень много страдала въ эту ночь. Она почти не спала. Она, по своей опытности, почти предвидѣла тревоги наступающаго дня и каждую минуту видѣла все больше и больше увеличивающіеся расходы по хозяйству. Она потратила довольно злости, отчего не мало пострадало ея мягкое, нѣжное одѣяло, которое о. Левъ два года тому назадъ подарилъ ей въ день ангела (здѣсь кстати упомянуть, что, по мнѣнію о. Льва, лучшаго подарка въ день ангела нельзя было придумать).

Замѣчательнѣе всего было то, что Аграфена Ивановна въ эту ночь ни на кого такъ не злилась, какъ на самое себя. Она никакъ не могла простить себѣ одной величайшей хозяйственной ошибки, которая отнюдь не дѣлала чести ея дипломатическимъ способностямъ. Именно, нанимая работниковъ, она имѣла полную возможность закабалить ихъ контрактами: съ контрактами въ рукахъ она могла-бы считать ихъ своей неприкосновенной собственностью, и никто изъ нихъ даже и не подумалъ-бы покинуть ее въ такое горячее время. Но дѣло въ томъ, что тогда у нея была нѣсколько иная точка зрѣнія. Тогда она не предвидѣла урожая; она не хотѣла быть связанной и лишенной права во всякое время прогнать своихъ рабочихъ на всѣ четыре стороны. А теперь... Вотъ именно за это она зла на себя, и можно поручиться, что впредь

Digitized by Google

она будетъ предвидѣть всѣ обстоятельства, даже урожаи. Всю ночь она бичевала себя и только къ утру, совсѣмъ истомленная, она заснула. Но лучше-бы она не засыпала!

Приснилось ей, что всѣ, рѣшительно всѣ покинули ее, и никто не хочетъ наниматься къ ней. Она умоляетъ, даетъ большія деньги, но все напрасно. А на ея нивѣ созрѣла густая, колосистая рожь; солнце безжалостно палитъ колосья, и изъ нихъ уже сыплются зерна. Все это богатство пропадаетъ даромъ, и никто, рѣшительно никто не хочетъ помочь ей. „Это, должно быть, оттого, что я такая злая!“ думаетъ Аграфена Ивановна и начинаетъ звать на помощь о. Льва. Но о. Левъ спитъ непробуднымъ сномъ. Онъ, кажется, заснулъ на всегда. Страшно стало Аграфенѣ Ивановнѣ; она вскрикнула и проснулась. Слава Богу, въ дѣйствительности все обстояло еще не такъ плохо, какъ во снѣ. Однако пора вставать; кажется, и солнце взошло. Этого еще никогда не было, чтобы она вставала позже солнца. Она одѣлась и вышла во дворъ поглядѣть, дала-ли кухарка Марѳа корму гусямъ и уткамъ. На дворѣ ее встрѣтилъ Артемъ. „Уже куда-то собрался!“ тревожно подумала матушка.

— Мнѣ надо на деревню! промолвилъ Артемъ, подойдя къ ней и снявъ шапку.

— Зачѣмъ? и матушка насквозь пронизала его своимъ острымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Да такъ, семью провѣдать! Сегодня-же праздникъ! отвѣчалъ Артемъ. „Сразу какъ-то неловко!“ подумалъ онъ между тѣмъ. Матушка отвернулась и ушла, не давъ никакого отвѣта.

Артемъ вышелъ со двора. Но вмѣсто того, чтобъ провѣдывать семью, онъ повернулъ совсѣмъ въ другую сторону. Налѣво отъ батюшкинаго дома, въ третьемъ домѣ помѣщалась помѣщичья экономія.

Она состояла изъ двухъ длиннѣйшихъ хатъ, одну изъ которыхъ занимали два приказчика со своими семействами, въ другой-же, имѣвшей видъ обыкновеннаго сарая, помѣщалась кухня для рабочихъ, а въ ненастную погоду здѣсь-

Digitized by Google

же рабочіе скучивались для ночлега. Къ этимъ зданіямъ примыкалъ огромнѣйшій дворъ, заставленный всевозможными косилками и вѣялками, обломавшимися повозками и отдѣльными частями возовъ. Поодаль помѣщалась кузня — небольшая землянка, крытая обыкновеннымъ черноземомъ, на которомъ прозябали всевозможные виды растительности. Артемъ отправился прямо къ одному изъ приказчиковъ. Здѣсь толпилось множество свитокъ и „запасокъ“, явившихся за полученіемъ заработанныхъ денегъ за недѣлю. За высокой конторкой возсѣдалъ тотъ самый приказчикъ съ рыжими баками, который извѣстенъ былъ подъ именемъ „тонкой бестіи“. Онъ ловко щелкалъ на счетахъ и выдавалъ рабочимъ разсчетные листы. Дождавшись очереди, Артемъ подошелъ къ конторкѣ.

— Тебѣ что? спросилъ приказчикъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы.

— Пришелъ наниматься! увѣренно отвѣчалъ Артемъ.

— Гм! Наниматься! Какъ-же это ты пришелъ наниматься, когда служишь у батюшки?

— Я съ батюшкой въ разсчетѣ!

— Знаемъ мы вашъ разсчетъ. Ты пронюхалъ, что нынче хорошо платятъ, и, не долго думая, бросилъ хозяина. У-у! Народецъ!. Кнута на васъ нѣтъ! Твой паспортъ!..

„Тонкая бестія“ все понялъ. Здѣсь кстати замѣтить, что приказчикъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ о. Львомъ и Аграфеной Ивановной. Два года тому назадъ онъ женился на дѣвицѣ, которая какимъ-то страннымъ образомъ умудрилась прослужить у матушки около 4-хъ лѣтъ кряду, и съ этихъ поръ приказчикъ Матвѣй не пропускалъ ни одного воскресенья, чтобъ не навѣстить матушку, не попить у нея чайку и не назвать ее своей благодѣтельницей. Вчера, не успѣлъ онъ вернуться съ поля, какъ уже забѣжалъ къ матушкѣ и сообщилъ ей обо всемъ случившемся. Тутъ-же было рѣшено, что въ случаѣ, если Артемъ или Гашутка, или даже Марѳа вздумаютъ наниматься къ помѣщику, то ихъ отнюдь не принимать и безъ всякой пощады гнать прочь изъ экономіи.

Digitized by Google

На вопросъ о паспортѣ Артемъ нѣсколько замялся и нерѣшительно отвѣчалъ, что паспортъ его еще у батюшки.

— Ну, а мы (приказчикъ Матвѣй въ то время, какъ онъ сидѣлъ за конторкой, смотрѣлъ на себя, какъ на олицетвореніе цѣлой экономіи, а потому выражался о себѣ не иначе, какъ во множественномъ числѣ) разныхъ пройдохъ безпаспортныхъ не принимаемъ! Тебѣ что нужно? внезапно обратился онъ къ одной изъ свитокъ, чѣмъ явно показалъ, что съ Артемомъ больше разговаривать не станетъ.

Артемъ вышелъ съ понуренной головой. Правда, онъ не упалъ духомъ, потому что далеко не все еще погибло, свѣтъ не клиномъ сошелся на крамаревской экономіи. Чтобы однако ни случилось, а кланяться „этой вѣдьмѣ“ онъ во всякомъ случаѣ не станетъ, да и не то, что кланяться, а если-бъ даже она ему кланялась, онъ не остался-бы у нея.—„А что, если“... и Артему пришла въ голову невеселая мысль. Что, если вездѣ, куда онъ ни навернется, точно такъ-же будутъ отвѣчать ему? Да мало этого,—его, какъ безпаспортнаго, могутъ взять и засадить куда-нибудь въ холодную, и просидитъ онъ тамъ самое горячее время, ничего не заработаетъ и потеряетъ то, что заработалъ у матушки за зиму.

— Артемъ Максимовичъ! послышался ему знакомый голосъ, когда онъ проходилъ черезъ дворъ экономіи.

— А, это вы, дядя Терешко! промолвилъ Артемъ, обернувшись и увидя передъ собой высокаго, плечистаго мужика въ бѣлой праздничной сорочкѣ и черной баранковой шапкѣ. Дядѣ Терешкѣ было уже лѣтъ за сорокъ, въ его длинныхъ усахъ появилась уже сѣдина, когда-же онъ снималъ шапку, то на головѣ его обнаруживалась изрядная лысина. Это былъ отецъ Гашутки, мужикъ, всему селу извѣстный своей непомѣрной силой и таковой-же бѣдностью. Послѣдняя впрочемъ очень часто объяснялась извѣстной склонностью дяди Терешки къ вину. Благодаря этому-же обстоятельству, Артемъ не мало былъ удивленъ, увидя его трезвымъ въ праздничный день.

Digitized by Google

— Чтобы это значило, дядя Терешко, что вы сегодня...

— Не пьянъ? перебилъ самъ Терешко.

— Ну да! Вамъ оно какъ будто и не къ лицу!..

— Хе, хе! А то значитъ, что нынче некогда! Такъ-то, Артемъ Максимовичъ. Некогда нынче въ кабакъ ходить: время хорошее, зарабатывать надо! Своего-то у меня ничего нѣтъ, говорятъ, пропилъ, а ей Богу, и пропивать-то было нечего! А теперь вотъ видишь, и одежду новую справилъ; вотъ какъ у насъ нынче!

И дядя Терешко самодовольно закрутилъ свой настоящій казацкій усъ. — А я вотъ что хотѣлъ сказать тебѣ:—ты наниматься что-ли пришелъ?

— А отчего-жъ-бы и нѣтъ?

— Эхъ, голова! Ну, и придумалъ-же ты—наниматься у этого мошенника! Вѣдь это—рудая собака; у этихъ рудыхъ у всѣхъ продажныя души! Развѣ ты не знаешь, что онъ у матушки лижетъ руки и ноги!.. А ты лучше ступай въ Кузьминскую экономію; тамъ примутъ безъ разговоровъ, да еще спасибо скажутъ, потому нынче рабочаго человѣка не хватаетъ, нынче они, какъ гончіе псы, гоняются за косаремъ, за нашимъ братомъ! И я тамъ работаю,—вотъ и пойдемъ вмѣстѣ. Много-ли тутъ? Пять верстъ, да и то безъ малаго. Эхъ, Артемъ Максимовичъ, времячко нынче, я тебѣ истинную правду скажу,—вотъ ужь я сорокъ два года на свѣтѣ живу, а этакаго не запомню. То-то пожива для нашего брата! Это ужь истинно Богъ сжалился!...

Артемъ безъ долгихъ колебаній согласился на предложеніе дяди Терешки. Затѣмъ онъ передалъ ему порученіе Гашутки.

— Хе-хе! А Ганна у меня — дѣвка неглупая! самодовольно замѣтилъ дядя Терешко, — да я и самъ хотѣлъ уже отобрать ее. Чего она тамъ будетъ киснуть? Вотъ завтра и возьмемъ ее съ собою въ кузьминскую экономію. Она будетъ громадить. Вѣдь она, шельма этакая, громадитъ, какъ чортъ!

Digitized by Google

Вообще легко было замѣтить, что Ганна была слабостью дяди Терешки. Впрочемъ это понятно. если взять во вниманіе, что она была его единственнымъ дѣтищемъ, такъ какъ остальныя, въ одну несчастливую зиму разомъ вымерли отъ дифтерита.

Было уже около полудня, когда Артемъ, навѣстивъ жену свою и ребятъ, вернулся къ своему посту.

— Пора обѣдать! провозгласила Марѳа, встрѣтившаяся ему въ воротахъ.

— Не время! озабоченно отвѣчалъ Артемъ.—Гдѣ батюшка съ матушкой?

Батюшка съ матушкой были въ залѣ, и Артемъ безъ доклада отправился туда. Когда онъ вошелъ въ комнату, матушка немедленно исчезла, такъ что передъ нимъ промелькнула только часть ея платья. О. Левъ былъ въ кафтанѣ; онъ собирался закусывать, поэтому не успѣлъ еще приспособиться къ постели. Передъ нимъ стоялъ графинчикъ съ водкой, сопровождаемый селедкой, приготовленной рукою самой Аграфены Ивановны.

— А, это ты, Артемъ Максимовичъ! чрезвычайно по-дружески встрѣтилъ его о. Левъ.—Вотъ это я люблю, чтобы ты самъ являлся передъ обѣдомъ; всегда, братъ, надо самому хлопотать! Если-бы ты прежде это дѣлалъ. то всегда получалъ-бы рюмку водки!

При этомъ о. Левъ сталъ наливать водку въ рюмку, очевидно, предназначая ее Артему.

— За ласку благодаримъ покорно; только я не за этимъ пришелъ...

— А зачѣмъ-же?

— За разсчетомъ! Прошу покорно разсчитать меня!

Батюшка совершенно не ожидалъ такого отвѣта, поэтому не подготовилъ никакого возраженія. Это заставило его подумать минуты двѣ, что представляло для него подвигъ не послѣдней руки.

— Но... послушай! Чѣмъ-же ты не доволенъ?

Этотъ вопросъ вызвалъ у Артема едва замѣтную

Digitized by Google

улыбку. Странно было въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы батюшка самъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Да ничего... Всѣмъ, какъ есть, доволенъ... Только, извѣстно, у каждаго своя выгода...

— Нуда, конечно, я не спорю, согласился о. Левъ,— но однако, мой милый, нужна-же какая-нибудь причина, поводъ какой-нибудь! Послушай, Артемъ Максимовичъ: будемъ говорить прямо, по душѣ,—я, какъ пастырь, какъ добрый пастырь а ты, какъ духовный сынъ, какъ послушный духовный сынъ!..

При послѣднихъ словахъ о. Левъ привсталъ, подошелъ къ Артему и положилъ руку на его плечо—пріемъ, употребляемый о. Львомъ всегда при дружескихъ объясненіяхъ.

— Будемъ говорить по душѣ! продолжалъ онъ трогательно, такъ-что въ голосѣ его послышалось даже нѣкоторое дрожаніе.—Конечно, не говорю, что тебѣ было у меня хорошо. Самъ теперь вижу, что былъ недосмотръ... Матушка... она, правда, тяжеловата, но... въ сущности, она добрая! Самъ видишь, какое у нея хозяйство; она всюду одна, нельзя-же одной усмотрѣть за всѣмъ. А ужь теперь я самъ буду смотрѣть, чтобы вамъ, прислугѣ, хорошо было. А притомъ вотъ еще что. Мы вѣдь не звѣри, мы тоже человѣки, видимъ... Вотъ я самъ вижу, что жалованье твое малое. Ну, конечно, по зимнему времени оно ничего. Зимой работа легкая, домашняя... а теперь другое время, и я вотъ самъ набавлю тебѣ... я даю тебѣ, вмѣсто сорока, девяносто рублей... Ну, вотъ видишь?.. Мы объ васъ заботимся...

— Покорно благодаримъ, батюшка, только меня все-таки разсчитайте. Ужь будьте такіе добрые. Такое дѣло выходитъ, что никакъ не возможно... И Артемъ отвѣсилъ батюшкѣ низкій поклонъ.

Въ это время растворилась дверь и въ комнату ввалился дядя Терешко. Первымъ дѣломъ онъ перекрестился на образа (дядя Терешко былъ набоженъ), а потомъ отвѣсилъ поклонъ о. Льву.

Digitized by Google

— Здраствуй, Терентій! Зачѣмъ пожаловалъ?

— Къ вашей милости, батюшка! смиреннымъ тономъ отвѣчалъ дядя Терешко.—Дочка понадобилась, такъ ужь вы ее мнѣ разчитайте!..

На этотъ разъ о. Левъ уже совершенно сталъ втупикъ. Да и вообще вся эта канитель давно ему надоѣла; его тянуло на постель, онъ ужь совсѣмъ ослабѣлъ и отяжелѣлъ. По части сообразительности онъ вообще былъ не ходокъ, что-же касается до находчивости въ трудныхъ обстоятельствахъ, то это ужь совсѣмъ было не его дѣло. Но въ то время, какъ о. Левъ находился въ такомъ безвыходномъ положеніи, произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Дверь изъ гостиной съ шумомъ распахнулась, и изъ нея стремительно выпрыгнула Аграфена Ивановна. По ея багровому лицу и прыгающимъ зрачкамъ можно было узнать, что она взбѣшена до послѣдней степени и сейчасъ слѣдуетъ ждать бури. Не трудно было также догадаться, что она стояла у двери и слышала весь разговоръ.

— Нѣ-этъ! прогремѣла она ужасающимъ голосомъ.— Больше я не могу-у! Я терпѣла, долго терпѣла, но больше не могу-у! Вы что-же это? Сговорились? Канальи, разбойники, прохвосты, мошенники! О-о! Я не могу! Я больше не могу! Не вытерпѣла!.. Разсчитать васъ? Денежки вамъ выдать? Паспорты понадобились? Какъ-бы не такъ! А вотъ этого не хотите? Нѣтъ? Не хотите? (При этомъ матушка, при помощи своихъ десяти пальцевъ, очень искусно изобразила четыре шиша одновременно). Вонъ сейчасъ! Чего-жь вы стоите? Вонъ, говорю! Забирайте пожитки, тряпье ваше нищенское, и вонъ, что-бъ вашего духу здѣсь не было!

Дядя Терешко и Артемъ сочли за благоразумное убраться по-добру-по-здорову, а матушка своею бранью торжественно провожала ихъ за ворота. Ея классическая брань слышна была за полверсты кругомъ. Нѣсколько любопытныхъ сбѣжались на этотъ крикъ и любовались интереснымъ зрѣлищемъ, причемъ бабы, у которыхъ языки никогда не перестаютъ чесаться, дѣлали ядови-

Digitized by Google

тыя замѣчанія: „вотъ такъ ругается! Не по-нашенски!“ или: „вотъ у кого поучись, бабы, какъ надобно по настоящему ругаться!“ А матушка на этотъ разъ превзошла самое себя. Она высказывала совершенно не осуществимыя желанія, вродѣ того, напримѣръ, чтобы Артемъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ хатой и даже съ собаками и телятами (которыхъ у него не было) ни съ того, ни съ сего провалился сквозь землю, причемъ не преминула вызвать съ того свѣта невинную тѣнь стараго Максима Кладька, пожелавъ ему семь разъ повернуться въ гробу; что-же касается дяди Терешки, то ему, со всѣми его чадами и домочадцами, предписано было трижды сгнить, превратиться въ прахъ и послѣ всего этого еще повѣситься на осинѣ. Въ концѣ-же концовъ, самоотверженно жертвуя всѣмъ своимъ доходомъ, матушка высказала желаніе, чтобы и вся Крамаревка провалилась сквозь землю...

Къ счастью, молитва ея не была услышана.

Утро слѣдующаго дня застало нашихъ героевъ въ полѣ. Въ Кузьминской экономіи у нихъ не спрашивали паспортовъ, потому что было не до того, да при томъ странно было-бы думать о паспортахъ, когда большинство тамошнихъ мужиковъ знало ихъ, какъ своихъ сосѣдей. Терешко и Артемъ, величественно помахивая косами, шли въ переднемъ ряду: Гашутка „громадила, какъ чортъ“, чѣмъ доставляла невыразимое наслажденіе своему нѣжному родителю—дядѣ Терешкѣ. Тутъ-же изо всѣхъ силъ старалась не отставать отъ нея и Мареа, которая, оставшись одна въ матушкиной кухнѣ и почувствовавъ всѣ горькіе симптомы одиночества, тихонько собрала все свое имущество, — состоявшее изъ старыхъ, подаренныхъ ей матушкой „въ минуты нѣжности сердечной“, ботинокъ, довольно грязнаго фартуха и собст,еннoручно вышитой сорочки,—и, никѣмъ не замѣченная улепетнула изъ матушкинаго дома.

Съ дальняго востока весело глядѣло утреннее солнце; весело шумѣлъ свѣжій утренній вѣтерокъ, нѣжно, любовно шевеля шелковую зеленую траву, усѣявшую ровную,

Digitized by Google

гладкую степь, которой, казалось, не было конца; весело щебетали жаворонки, чирикали воробьи... И безконечно весело глядѣли наши герои на эту Божью благодать, точно послѣ долгихъ лѣтъ тяжелой, томительной неволи, въ весенній солнечный день ихъ, наконецъ, выпустили на свободу.

Digitized by Google

ПРОКЛЯТАЯ СЛАВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОКЛЯТАЯ СЛАВА.

(Изъ консерваторскихъ воспоминаній).

Небольшой консерваторскій залъ былъ освѣщенъ только на половину. Стѣнныя канделябры были зажжены черезъ одну, а изъ рожковъ большой люстры, висѣвшей подъ потолкомъ, горѣли только тѣ, которые были обращены къ эстрадѣ. На состязательный вечеръ допускались только учащіеся и родственники исполнителей. Въ залѣ было пустовато. Родственники сидѣли поближе къ эстрадѣ, а учащіеся норовили помѣститься въ заднихъ рядахъ, гдѣ дамамъ и дѣвицамъ было удобнѣе сплетничать на ушко сосѣдкѣ и кокетничать съ сосѣдями, а кавалерамъ покорять сердца. Собственно говоря, для консерваторской молодежи въ этомъ и сосредоточивался весь интересъ этихъ состязательныхъ вечеровъ. Исполнителями были заурядные ученики или подающія надежды дѣти, а пьесы исполнялись давно всѣмъ надоѣвшія. Другое дѣло публичные вечера, когда публика съ бою разбираетъ мѣста и залъ освѣщенъ полностью, а на эстрадѣ появляются профессорскіе любимцы и консерваторскіе кумиры, долженствующіе въ будущемъ прославить учрежденіе. Тогда и учащіеся являются гурьбой и за неимѣніемъ мѣстъ въ залѣ, толкутся въ корридорахъ, наступая другъ другу на ноги.

Взрослый флейтистъ съ рыжими усами кончилъ свою кантилену и, съ лицомъ совершенно краснымъ отъ натуги, сошелъ съ эстрады и вышелъ въ корридоръ. Никто не

Digitized by Google

замѣтилъ, хорошо-ли онъ игралъ, или скверно. Онъ сыгралъ свой нумеръ, заданный ему профессоромъ, и ни разу не сбился съ такта. Это хорошо, и это все.

Послѣ него на эстрадѣ появился мальчикъ. На видъ ему было лѣтъ двѣнадцать. Его маленькое продолговатое личико было блѣдно, русые волосы были тщательно причесаны съ проборомъ съ боку. Въ одной рукѣ онъ держалъ скрипку, чуть-чуть поменьше обыкновенной, въ другой—смычекъ. На немъ была коротенькая темно-сѣрая курточка и коротенькіе штаники.

Внѣшность этого мальчика не привлекла бы ничьего вниманія. И его вѣроятно такъ-же, какъ и усатаго флейтиста не замѣтили-бы и пропустили-бы его игру мимо ушей. Но вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на эстраду профессоръ, самъ сѣлъ за рояль и сейчасъ-же продѣлалъ на немъ какой-то неопредѣленный ритурнель, съ явнымъ намѣреніемъ аккомпанировать. Это обстоятельство вызвало нѣкоторое движеніе въ послѣднихъ рядахъ.

— Что это за мальчишка? Ему самъ Онкель аккомпанируетъ!! спрашивали фортепіанныя дѣвицы своихъ сосѣдей-баритоновъ, которые, какъ главные и признанные сердцеѣды, сидѣли небрежно и на вопросы отвѣчали сквозь зубы. Но баритоны не могли дать отвѣта.

— Какъ? Вы не знаете? почтительно спросилъ трубачъ, повернувъ назадъ голову, такъ какъ онъ сидѣлъ впереди. Трубачи вообще—народъ неуклюжій и робкій. Въ то время, какъ баритоны, тенора, басы и скрипачи — всѣ до единаго увѣрены въ своей будущей славѣ, мечты трубача не идутъ дальше задняго ряда оркестра. Поэтому и фортепіанныя барышни закрываютъ для нихъ свои сердца. О пѣвицахъ и говорить нечего, ибо каждая изъ нихъ сама непрестанно изнываетъ отъ мечтаній о будущей славѣ.

— Это Спиридоновъ, который подаетъ блестящія надежды! пояснилъ трубачъ:—Онкель говоритъ, что изъ него выйдетъ второй Паганини и надѣется, что этотъ мальчикъ прославитъ его имя.

— А, Спиридоновъ! Такъ это онъ!..

Digitized by Google

О Спиридоновѣ всѣ слышали. Вотъ уже годъ, какъ про него идутъ разговоры. Этотъ мальчикъ дѣлаетъ необычайные успѣхи. Онъ уже теперь могъ-бы играть въ публичномъ концертѣ и заткнулъ-бы за поясъ многихъ взрослыхъ скрипачей. Но Онкель этого ему не позволяетъ, потому что оберегаетъ дѣвственность его таланта.

— Отчего онъ такъ блѣденъ, бѣдненькій? спросило краснощекое сопрано, сильно заинтересовавшееся разсказомъ трубача.

— Блѣдность есть спутникъ истиннаго таланта! произнесъ баритонъ, у котораго было блѣдное лицо и цѣлая скирда черныхъ волосъ на головѣ. Трубачъ, совершенно уничтоженный этимъ замѣчаніемъ, повернулъ лицо къ эстрадѣ, такъ какъ у него не было ни блѣднаго лица, ни таланта. Во второмъ ряду, гдѣ сидѣли преимущественно родственники исполнителей, на самомъ крайнемъ стулѣ слѣва, сидѣлъ человѣкъ, съ невѣроятнымъ вниманіемъ вперившій взоры въ блѣднаго мальчика. Это былъ высокій и тонкій человѣкъ съ бритымъ лицомъ, съ жиденькими волосами на головѣ, которые были густо напомажены и прилизаны отъ праваго виска къ лѣвому, чтобы прикрыть ясно обозначавшуюся лысину. Ему можно было дать за пятьдесятъ, потому что на лбу и на щекахъ и повыше подбородка и вокругъ глазъ у него было много глубокихъ морщинъ, а въ жидкихъ волосахъ попадалось немало серебра. Его нахмуренныя брови выражали твердость и настойчивость, но въ то-же время въ глазахъ свѣтилось умиленіе; видно было, что онъ взволнованъ, тронутъ и ждетъ чего-то рѣшительнаго. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ длинный, старомодный, тщательно застегнутый на всѣ пуговицы.

Блѣдный мальчикъ игралъ. Прежде всего понравилось, что онъ съ необычайною твердостью держалъ скрипку и поводилъ смычкомъ, какъ привычнымъ орудіемъ. Профессоръ Онкель поступилъ очень смѣло, давъ ему не какой-нибудь ученическій exercise, а легкую концертную вещицу. Что подѣлаете, старый славолюбецъ хотѣлъ бле-

Digitized by Google

снуть своей школой и блеснулъ таки, потому что Спиридоновъ игралъ превосходно. Онъ выполнялъ всѣ трудности съ самой похвальной точностью и надавливалъ смычкомъ на струны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было выразить чувство. Самъ Онкель, аккомпанируя ему на роялѣ, всѣмъ своимъ туловищемъ выдѣлывалъ многоразличные оттѣнки пьесы. Онъ то выпрямлялся, то вытягивалъ голову, то медленно откидывался на спинку стула, то вдругъ стремительно налегалъ на клавитуру, словомъ—игралъ всѣмъ своимъ существомъ, и это дополняло впечатлѣніе. Всѣ дивились ловкости юнаго виртуоза, который, казалось, съ трудомъ держался на своихъ тоненькихъ ножкахъ, весь худенькій, замученный. Когда онъ кончилъ, раздались аплодисменты. Это было противъ правилъ, но развѣ можно какими-либо правилами удержать выраженіе удивленія и восторга? Спиридоновъ шаркнулъ ножкой, спѣшно поклонился и ушелъ съ эстрады, а вслѣдъ за нимъ торжественно и горделиво вышелъ Онкель.

Въ то время, какъ на эстрадѣ терзалъ свой инструментъ слѣдующій по очереди питомецъ славы, въ корридорѣ собралась кучка народу и окружила мальчика. Величественный меценатъ съ очень длинной сѣдой бородой, не пропускавшій ни одного дарового концерта и съумѣвшій сдѣлать для себя всѣ концерты даровыми, попадая въ нихъ черезъ уборную комнату,—покровительственно погладилъ Спиридонова по головкѣ и сильно испортилъ ему шевелюру.

— У тебя громадный талантъ, ты—будущая слава консерваторіи, слава Россіи! сказалъ онъ, какъ-то захлебываясь, точно поспѣшно пилъ горячій чай.

Консерваторскія дѣвицы глядѣли на него съ умиленіемъ и вздыхали по поводу его худобы и блѣдности. Прошелъ мимо профессоръ Брендель, тоже скрипачъ, отличавшійся отъ Онкеля тѣмъ, что былъ высокаго роста и тонокъ, тогда какъ Онкель былъ невысокъ и толстъ, и еще тѣмъ, что происходилъ изъ Лейпцига, тогда какъ Онкель былъ изъ Мюнхена. Онъ ненавидѣлъ Онкеля во

Digitized by Google

первыхъ за то, что тотъ тоже скрипачъ, тогда какъ по мнѣнію Бренделя для всей вселенной довольно было одного скрипача, именно—его, Бренделя, во-вторыхъ за то, что у него, Онкеля, а не у него, Бренделя, въ классѣ открылось это маленькое чудо-Спиридоновъ, о которомъ всѣ говорятъ, въ третьихъ, наконецъ, за то, что онъ, Онкель, живетъ на свѣтѣ.

Брендель тоже остановился передъ Спиридоновымъ и даже похлопалъ его по плечу.

— Очень недурный! сказалъ онъ съ лейпцигскимъ акцентомъ:—большой техникъ для твоего лѣта, но зачѣмъ такъ много фальшивилъ?

Послѣднее замѣчаніе онъ прибавилъ противъ совѣсти, единственно для того, чтобы сдѣлать непріятность Онкелю, который былъ здѣсь. Бритое лицо Онкеля покраснѣло, а въ глазахъ заблисталъ огонь.

— Онъ очень меньшій фальшивилъ, какъ профессоръ Брендель здѣсь сейчасъ фальшивилъ! промолвилъ Онкель съ мюнхенскимъ акцентомъ.

Но Брендель сдѣлалъ видъ, что не слышалъ и уже скрылся въ глубинѣ корридора.

Маленькаго Спиридонова теребили во всѣ стороны, заглядывали ему въ глаза, трепали по плечамъ, гладили по головѣ, прикасались къ его щекамъ и подбородку, ободряли, пророчили славу. Онъ смотрѣлъ на все какимъ-то печальнымъ взглядомъ, принималъ похвалы равнодушно и чувствовалъ повидимому только неловкость, а можетъ быть и боль отъ всѣхъ этихъ изліяній. Глаза его чего-то тревожно искали и, наконецъ, спокойно остановились на морщинистомъ лицѣ высокаго человѣка, который двѣ минуты назадъ сидѣлъ въ углу второго ряда и съ особенной внимательностью слушалъ его. Онъ уже былъ здѣсь. Онъ съ жадностью пожиралъ всѣ похвалы, высказывавшіяся мальчику. Припершись бокомъ къ полурастворенной двери въ какой-то классъ, служившій теперь чѣмъ-то вродѣ уборной, онъ держалъ въ одной рукѣ теплое дѣтское пальтишко, а въ другой—футляръ

Digitized by Google

для скрипки. Онъ приблизился къ мальчику взялъ у него скрипку и смычокъ и бережно уложилъ ихъ въ футляръ. Потомъ онъ одѣлъ мальчика въ пальто и закуталъ его шею въ бѣлый шелковый платокъ. Затѣмъ взялъ его за руку и повелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Сдиридоновъ! остановилъ ихъ Онкель: — готовьтесь къ публичный вечеръ.

Высокій господинъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, поклонился и повелъ мальчика внизъ, внимательно поддерживая его на каждой ступенькѣ.

— Это его отецъ! сказалъ кто-то.

— Счастливый отецъ! воскликнулъ Онкель, чрезвычайно довольный успѣхомъ Спиридонова.

II.

Раннимъ зимнимъ утромъ, когда холодъ крѣпче, чѣмъ ночью, на улицѣ темно и продолжаютъ горѣть фонари, когда запоздавшіе гуляки спѣшатъ добраться до дому и только фабричные рабочіе, кутаясь въ овчинные полушубки, торопятся на работу, а прочій народъ спитъ самымъ сладкимъ сномъ,—въ мрачной и тѣсной квартиркѣ чиновника Спиридонова уже зажгли огонь. Старикъ Спиридоновъ всталъ въ шесть часовъ, умылся, одѣлся, помолился Богу и тихонько, на цыпочкахъ, прошелъ въ корридоръ. Въ квартирѣ стоялъ дьявольскій холодъ. Жена Спиридонова, которая была на двадцать лѣтъ моложе его, прихвативъ двухъ ребятишекъ, спала на широкой кровати, закутавшись съ головой въ одѣяло и наваливъ на себя поверхъ одѣяла цѣлую кучу платья. Только такимъ способомъ можно было согрѣться.

Пройдя корридоръ, старикъ Спиридоновъ нащупалъ дверь въ кухню, открылъ ее и вошелъ. Въ кухнѣ горѣлъ ночникъ, издававшій нестерпимый запахъ. Кухарка, совершенно такъ, какъ и барыня, зарылась съ головой въ кучу тряпья, такъ что не было никакой возможности узнать, гдѣ ея ноги, а гдѣ голова.

— Арина, Арина! вполголоса звалъ ее Спиридоновъ

Digitized by Google

и при этомъ расталкивалъ ее обѣими руками. — Вставай-ка, седьмой часъ!

Изъ глубины тряпьяпослышался вздохъ. Очевидно, Арина хотѣла еще спать и вообще предпочитала тепло холоду.

— Арина, есть у насъ дрова?

— Дрова? отвѣтилъ замогильный голосъ: — можетъ на одну печку будетъ!..

— Отлично. Вставай-же сейчасъ и протопи у Митеньки въ комнатѣ. Сейчасъ, слышишь! А то онъ скоро вставать будетъ...

Изъ-подъ тряпья высунулся Арининъ носъ.

— У Митеньки? А у его вчерась топлено. Можетъ, въ спальнѣ-бы лучше. Въ спальнѣ, кажись, два дни не топлено...

— Ни, ни, ни!.. У Митеньки, слышишь? У Митеньки протопи!

Со стороны Арины раздалось неодобрительное мычаніе. Тѣмъ не менѣе она встала сейчасъ-же по уходѣ Спиридонова и, напяливъ на себя всю ту кучу тряпья, которая служила ей покрываломъ, принялась собирать дрова, лежавшія подъ кухоннымъ столомъ.

— Черти, анафемы! ворчала она съ такимъ разсчетомъ, чтобы никто этого не слышалъ, — тоже вѣдь господа называются, куфарку берутъ, а полѣна дровъ купитьи еп а что... Кажись, только одному Митенькѣ и тепло!..

Спиридоновъ пошелъ въ спальню и, опустивъ ситцевую занавѣску, закрывавшую кровать, зажегъ свѣчу. Онъ былъ въ старой, въ конецъ изношенной заячьей шубѣ, употреблявшейся только для домашнихъ надобностей. Онъ сѣлъ за столъ, взялъ въ руки перо и сталъ водить имъ по бумагѣ озябшими пальцами. Отъ времени до времени онъ клалъ перо въ сторонку, дулъ теплымъ дыханіемъ себѣ въ кулаки и обогрѣвалъ пальцы надъ пламенемъ свѣчи, потомъ опять писалъ. Черезъ полчаса онъ всталъ и пошелъ справиться, затоплена-ли печка у Митеньки. Оказалось, что она уже нагрѣвается.

— Арина, опять распорядился Спиридоновъ:—возьми

Digitized by Google

пятакъ, вотъ тебѣ пятакъ, сбѣгай въ лавочку, купи молока и вскипяти въ печкѣ. Митенька встанетъ, чтобы готово было...

Арина сказала, что ей все равно, молока такъ молока, вскипятить такъ вскипятить, и пошла за молокомъ. Спиридоновъ опять писалъ, грѣлъ руки на свѣчкѣ и опять писалъ. Вошла Арина и сообщила, что молоко вскипѣло.

— Ага, отлично! Старикъ поднялся, подошелъ къ двери слѣва и ти хонько отворилъ ее. Тусклый лучъ отъ горѣвшей въ спальнѣ свѣчи освѣтилъ миніатюрную комнатку, въ которой стояли всего три предмета: дѣтская кровать, стулъ и пюпитръ. На кровати лежалъ вчерашній виртуозъ, Митенька Спиридоновъ. Натянувъ одѣяло до подбородка, онъ сладко спалъ. Стулъ служилъ для его одежды, пюпитръ для нотъ, а на полу стоялъ футляръ со скрипкой. Въ комнатѣ было не холодно, печка еще была тепловата отъ вчерашней топки и уже нагрѣвалась отъ новой. Спиридоновъ взялъ съ собой свѣчу и, притворивъ дверь въ спальню, осторожно присѣлъ на кровати.

— Митенька, а Митенька! позвалъ онъ нѣжнымъ сдержаннымъ голосомъ.

Митя съ усиліемъ открылъ глаза и сейчасъ-же опять закрылъ ихъ.

— Митенька, не встанешь-ли? а? Горяченькаго молочка выпьешь, а?

Митя опять открылъ глаза и посмотрѣлъ ими сперва удивленно, какъ-бы не понимая въ чемъ дѣло. Но вотъ онъ узналъ отца и скорчилъ жалобную мину, выражавшую, что ему страшно жаль разставаться съ сладкимъ сномъ.

— Не хочешь? Спатки хочешь? Ну, спи, спи!.. Молочко подождетъ...

Митя повернулся на правый бокъ, и лицо его спряталось отъ глазъ старика. Старикъ однако не ушелъ. Посидѣвъ съ минуту, онъ положилъ руку на спину мальчика и сталъ любовно гладить его поверхъ одѣяла.

— А то, можетъ, всталъ-бы? а? Митенька! Сейчасъ

Digitized by Google

семь часовъ будетъ, а въ десять въ классъ пойдешь. Когда успѣешь поупражняться? Всталъ-бы, Митенька, молочка тепленькаго попилъ-бы, а?

Митя потянулся, поднялъ руки, еще разъ скорчилъ жалобную мину и наконецъ сѣлъ на кровати.

— Вотъ умница, ахъ, умница, Митенька!.. Вотъ я тебя одѣну, умою, Богу помолишься, молочка попьешь и попиликаешь... Господинъ Онкель сказалъ, чтобъ къ публичному готовился. Надо налечь!.. На публичномъ-то публика будетъ, князь пріѣдетъ. Тамъ-то мы себя покажемъ! Вотъ штаники, полѣзай... Такъ, такъ... А вотъ кацавейка... Что ты, голубчикъ Митенька, что съ тобой?

Митенька, который при помощи отца, одѣлъ уже штаники и натянулъ одинъ рукавъ теплой кацавейки, вдругъ заплакалъ.

— Спать хочется, папенька! протянулъ онъ жалобнымъ, тоненькимъ голоскомъ.

Вчера, придя домой, онъ полтора часа еще игралъ на скрипкѣ. Ночью ему снилась огромная скрипка, каждый колышъ которой былъ больше его смычка, и отецъ говорилъ ему: „вотъ когда ты на этой скрипкѣ сыграешь, тогда конецъ, тогда ты артистъ!“ Теперь ему спать хотѣлось и скрипка-же мѣшала ему. Старикъ вытеръ ему слезы собственнымъ платкомъ. Мальчикъ встряхнулся, сбросилъ съ себя одѣяло и началъ бодро одѣваться. Потомъ онъ пилъ молоко, а черезъ десять минутъ онъ уже стоялъ передъ низенькимъ пюпитромъ и пилилъ, пилилъ, пилилъ...

Часовъ въ девять проснулась хозяйка. Ее звали Анной Никитишной. Она была счастлива своимъ здоровымъ, полнымъ тѣломъ, которое согрѣвало само себя и еще двухъ дѣвочекъ, прижимавшихся къ нему.

И Анна Никитишна, и дѣвочки, сбросивъ съ себя одѣяло и бурнусы, удрали отъ холода въ миніатюрную комнату Мити. Старикъ Спиридоновъ пришелъ въ ужасъ.

— Какъ-же можно!? Митенька играетъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

Digitized by Google

— Что-жь дѣлать, Антонъ Егорычъ, когда холодно! Дѣвченки прямо околѣваютъ!..

— Но какъ-же, Боже мой! Митенькѣ надобно къ публичному вечеру готовиться!..

— Да пущай себѣ готовится. Чѣмъ мы ему мѣшаемъ-то? Можно, Митенька?

— Можно, маменька! кротко отвѣтилъ Митя и улыбнулся младшимъ сестрамъ, которыя, обрадовавшись теплу, разыгрались и норовили залѣзть въ футляръ скрипки. Но онъ продолжалъ свои экзерсисы.

Въ половинѣ десятаго самъ Антонъ Егорычъ принесъ ему яичницу, взялъ у него скрипку и уложилъ ее въ футляръ. Митя поспѣшно ѣлъ яичницу. Антонъ Егорычъ чуть не кормилъ его, въ то-же время напяливая на себя старый потертый вицмундиръ. Сейчасъ онъ отправится въ должность въ канцелярію, гдѣ онъ занимаетъ до послѣдней степени скромный постъ писца. Тамъ онъ сдастъ свою домашнюю работу, за которую надѣется получить особое вознагражденіе. Тогда и спальня будетъ нагрѣта, и дѣвочки станутъ завтракать. Теперь онѣ пьютъ жиденькій чай съ ситнымъ хлѣбомъ и съ звѣрскою жадностью поглядываютъ на Митину яичницу. Митя охотно подѣлился-бы съ ними, но Антонъ Егорычъ ни за что.

— Потерпите, дѣтки, потерпите. Вотъ отецъ получитъ сверхъ жалованья, тогда и вамъ будетъ. А Митѣ надобно кушать, ему нужно много силы. Онъ будетъ артистомъ, онъ насъ и прокормитъ, и прославитъ... Такъ-то, дѣти.

Анна Никитишна, вообще не привыкшая перечить мужу, съ грустью глядѣла на сына. Его худенькое тѣло, блѣдное личико съ впалыми щеками заставляли сжиматься ея сердце. „И ѣда ему въ прокъ не идетъ, думала, она,—то-то еще когда будетъ, и будетъ-ли, а теперь мальчишка ни на что не похожъ“.

Она не то, чтобы не вѣрила въ будущую славу Мити,—напротивъ, ея сердце охотно склонялось къ этой

Digitized by Google

вѣрѣ, когда Антонъ Егорычъ разсказывалъ, какъ на вечерѣ вся публика была удивлена и восхищена, какъ всѣ старались наперерывъ посмотрѣть на Митеньку, какъ на чудо, гладили по головкѣ и трепали по плечу. Но она ничего въ этомъ не понимала. Слушая однообразные экзерсисы, которые постоянно игралъ сынъ, она не могла сказать, хорошо это или дурно.

Послѣ яичницы Антонъ Егорычъ закуталъ сына и увезъ его въ консерваторію.

Здѣсь Митя учился не только на скрипкѣ, но также и разнымъ наукамъ. Въ этотъ день онъ прежде всего попалъ на урокъ русскаго языка. Въ классѣ было десятка три мальчугановъ. Учитель еще не пришелъ, поэтому Митѣ пришлось попасть прямо въ центръ какой-то свалки, которая потомъ оказалась игрой. Онъ смѣшался съ мальчишками и съ небывалымъ оживленіемъ принялся прыгать и кувыркаться и вообще безъ всякаго стѣсненія дѣлать все то, что дѣлали другіе. Ему было весело и легко. То тягостное настроеніе, которое овладѣвало имъ отъ непрерывнаго и утомительнаго упражненія на скрипкѣ, мгновенно оставило его. Мальчишки то же не обратили на него особеннаго вниманія и обходились съ нимъ такъ, какъ будто онъ давно уже игралъ съ ними. Никто не вспомнилъ о томъ, что онъ вчера пожалъ такіе лавры, что онъ подаетъ большія надежды, что онъ выше, талантливѣе всѣхъ. Всѣ это знали, но теперь было не до того. Слишкомъ горяча была игра, слишкомъ обострились партіи.

Когда вошелъ учитель и всѣ разбѣжались по своимъ мѣстамъ и присмирѣли, Митя дышалъ ускоренно и чувствовалъ, что щеки его горятъ румянцемъ и во всемъ его маленькомъ и худенькомъ тѣлѣ разлилась пріятная теплота, ощущеніе здороваго утомленія мускуловъ всего организма. „Вотъ еслибъ меня сейчасъ увидѣла маменька, какъ-бы она была рада“! подумалъ Митя, вспомнивъ частые вздохи матери, когда она смотрѣла на него и говорила: „бѣдный, отчего ты такой блѣденькій“!?

Digitized by Google

Урокъ прошелъ, новая перемѣна—опять игра, движеніе, шумъ, смѣхъ, свобода ребячества. Митя отдыхалъ въ эти часы. Нельзя сказать, чтобъ онъ не любилъ своего дѣла. Къ скрипкѣ у него было призваніе и онъ три года тому назадъ, когда ему было девять лѣтъ, самъ попросилъ отца купить ему скрипку, и былъ очень счастливъ, когда одинъ знакомый отца плохенькій музыкантъ какого-то кафе-шантаннаго оркестра, показалъ ему, какъ держать скрипку и смычокъ. Онъ принялся съ жаромъ пиликать съ утра до вечера, пользуясь изрѣдка указаніями того-же музыканта. Онъ схватывалъ все съ необычайной быстротой и приналравливался ловко. Антонъ Егорычъ, который сначала смотрѣлъ на это, какъ на простую дѣтскую забаву, началъ пріятно тревожиться. У него мелькнула мысль, что у сына его есть талантъ и можетъ быть большой. Онъ слышалъ разсказы о великихъ музыкантахъ, происходившихъ изъ бѣдныхъ и незначительныхъ семействъ. А что, если сыну его суждено сдѣлаться тоже великимъ, прославить ихъ фамилію, бѣдную, темную, незначительную фамилію Спиридоновыхъ, а главное достигнуть богатства и поднять изъ нищеты семью! Эта мысль засѣла у него въ головѣ и уже черезъ годъ онъ свелъ мальчика въ консерваторію. Отсюда, послѣ того, какъ Митѣ сдѣлали первую пробу, онъ вышелъ съ отуманенной головой. Комиссія пришла въ восторгъ отъ способностей мальчика. Манера его, усвоенная отъ кафе-шантаннаго музыканта, противорѣчила всѣмъ правиламъ искусства и несмотря на это,—талантъ сквозилъ изъ каждаго движенія смычка. Онкель и Брендель тутъ-же въ комиссіи чуть не подрались. Онкель прямо заявилъ, что онъ никому не отдастъ Спиридонова, что ему, какъ старѣйшему профессору, принадлежитъ право выбора. Брендель сказалъ, что это невозможно, что Онкель испортилъ уже не одного талантливаго ученика, что онъ только и дѣлаетъ, что портитъ, да иначе и быть не можетъ, потому что у него мюнхенская метода, т. е. плохая метода. Онкель

Digitized by Google

началъ ядовито смѣяться надъ лейпцигской методой и заявилъ, что есть на всемъ свѣтѣ одна метода—мюнхенская. Дальше они стали говорить очень крупно, но все-таки по-русски, и наконецъ стали неприлично кричать, но уже по-нѣмецки, причемъ Онкель придерживался мюнхенскаго оттѣнка, а Брендель—лейпцигскаго. Пришлось споръ разрѣшить совѣту, который присудилъ Митю Спиридонова Онкелю. Съ этой минуты Брендель началъ сомнѣваться въ способностяхъ Спиридонова.

Но Антону Егорычу до этого не было никакого дѣла. Онъ убѣдился, что сына его ожидаетъ слава и богатство и благодарилъ судьбу за то, что она послала ему такое счастье. Съ этой минуты онъ сталъ вкладывать всю свою душу въ подготовленіе будущей славы фамиліи Спиридоновыхъ. Онъ старался помочь судьбѣ. Онъ отдавалъ всѣ свои скудные заработки на Митеньку. Изъ двухъ комнатъ, занимаемыхъ его семействомъ, цѣлая половина, т.-е. одна комната, была отведена Митенькѣ, потому-что ему нуженъ хорошій воздухъ и покой. Остальная семья ютилась въ одной комнатѣ, гдѣ была и спальня, и дѣтская, и кабинетъ, и столовая, и гостинная. Митенька былъ одѣтъ прилично и тепло, а дѣвчонки бѣгали въ чемъ попало; и ѣлъ-то Митенька не то, что онѣ, ему и завтракъ полагался и къ обѣду варился особый кусокъ мяса, и молочко, и сладости. У Митеньки была постель игрушечка, одѣяло мягкое, бѣлье цѣльное и чистое. Митенька походилъ на квартиранта въ бѣдномъ семействѣ, который хорошо платитъ. Антонъ Егорычъ до того увлекался въ своемъ культѣ Митеньки, а съ нимъ и грядущей славы Спиридоновыхъ, что иногда забывалъ о существованіи другихъ членовъ своего семейства.

Но Митя съ своей стороны за все это долженъ былъ отслуживать. Все его время, каждый его шагъ Антонъ Егорычъ взялъ въ свое распоряженіе. Онъ довѣрялъ его только консерваторіи, вѣруя, что каждая минута, проведенная тамъ его сыномъ, приближаетъ его къ славѣ. Но чуть вернется Митя изъ консерваторіи, пообѣдаетъ,

Digitized by Google

какъ старикъ уже гладитъ его по головѣ одной рукой, а другой суетъ ему скрипку.

— Поиграй, голубчикъ, немножечко. Господинъ Онкель вторую позицію задалъ... Поиграй, миленькій!

И Митя игралъ. Зажигали свѣчи, онъ отдыхалъ полчасика, пилъ чай, а тамъ ужь смотришь, Антонъ Егорычъ любовно обнимаетъ его за талію и говоритъ:

— А ну, Митюня, вонъ эту двадцать вторую экерциціо попробуй, какая она изъ себя... Ну-ка! Что время терять-то?

Митя никогда не отказывался, потому что Антонъ Егорычъ никогда не приказывалъ и не принуждалъ. Старикъ всегда просилъ его лаской да шуточкой, нѣжно глядя ему въ глаза. И при этомъ онъ подавлялъ его своей заботливостью, своимъ непрестаннымъ ухаживаньемъ. И Митя все упражнялся да упражнялся. Въ консерваторіи дивились его успѣхамъ, находили ихъ необычайными, неестественными, а никому и въ голову не приходило, что Митя Спиридоновъ съ семи часовъ утра и до двѣнадцати ночи выпускалъ изъ рукъ смычекъ и скрипку только для того, чтобы сходить въ консерваторію, да еще чтобъ позавтракать, пообѣдать и поспать. Никому не приходило въ голову, что эти удивительные успѣхи отравляютъ жизнь этого ребенка и мало-по-малу дѣлаютъ для него ненавистнымъ тотъ самый инструментъ, къ которому у него было призваніе.

Меньше всѣхъ подозрѣвалъ это самъ Антонъ Егорычъ. Въ своемъ фанатическомъ служеніи будущей славѣ Спиридоновыхъ, онъ ничего не замѣчалъ. Онъ не видѣлъ, какая апатія и скука выражались на лицѣ мальчика, когда онъ бралъ въ руки скрипку и становился передъ низенькимъ домашнимъ пюпитромъ. Не замѣчалъ онъ, съ какой завистью Митя, разучивая какую нибудь двадцать вторую экзерциціо, смотрѣлъ черезъ открытую дверь въ другую комнату, гдѣ весело кувыркались его сестренки, и какъ онъ иногда, даже самъ того не замѣчая, останавливался на половинѣ трели и задумывался. Онъ почти

Digitized by Google

не видѣлъ даже того, что мальчикъ какъ-то хирѣлъ и становился молчаливымъ, малоподвижнымъ и вялымъ. Антонъ Егорычъ глядѣлъ въ будущее, а изъ настоящаго видѣлъ и признавалъ только то, что служило тому-же будущему. И это будущее представлялось ему недалекимъ. Въ особенности теперь, когда чуть не вся столица стала говорить объ удивительномъ талантѣ его сына. Онъ мечталъ: „Публичный вечеръ! Митенька всю публику поразитъ. Станутъ звать его въ большіе дома, подарки дарить, потомъ въ концертѣ выступитъ и свой концертъ дастъ, а тамъ, съ Божіею помощью, и въ заграничное путешествіе двинется, свѣтъ удивлять"!

Послѣ научныхъ уроковъ Митя взялъ урокъ у Онкеля. Онкель похвалилъ его за вчерашнее, но при этомъ внушительно прибавилъ:

— На публичный вечеръ надо не сдрефитъ. Надо очень много работъ, очень усердный работъ!..

Когда-же Антонъ Егорычъ, возвращаясь съ должности, гдѣ ему удалось таки получить добавочное, зашелъ за Митей въ консерваторію, онъ ему сказалъ то-же самое: „надо много работъ, усердный работъ"!

Послѣ этого замѣчанія Антонъ Егорычъ удвоилъ свою бдительность. Въ этотъ день, едва Митя успѣлъ наскоро пообѣдать, какъ ему въ руки нѣжно совали уже скрипку. Антонъ Егорычъ поощрялъ его пряниками и конфектами, отъ времени до времени вынимая ихъ изъ кармана. Разными хитрыми уловками онъ протянулъ занятіе до часу ночи.

Когда онъ раздѣлъ Митю и уложивъ его въ постель, тихонько ушелъ къ себѣ, Митя уперся лицомъ въ подушку и заплакалъ отъ утомленія и скуки, и этотъ публичный вечеръ, который рисовался Антону Егорычу въ такихъ радужныхъ цвѣтахъ, представился его дѣтскому воображенію чѣмъ-то отвратительнымъ, ненавистнымъ.

Digitized by Google

III.

Публичный вечеръ былъ назначенъ на субботу. Въ пятницу Антонъ Егорычъ всталъ вмѣсто шести въ пять часовъ и сейчасъ-же началъ волноваться. Онъ и одѣвался какъ-то безпорядочно, совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, къ какому привыкъ за пятьдесятъ лѣтъ жизни: одѣлъ сперва жилетку, а потомъ уже штаны и халатъ; умываясь, онъ страшно обливалъ стѣнку и вытерся простыней, хотя тутъ-же висѣло полотенце. Ирину онъ будилъ безъ всякой деликатности,—прямо сорвалъ съ нея все ея тряпье, и уже холодъ заставилъ ее вскочить на ноги.—„Молоко“! кратко приказалъ онъ и самъ принялся растапливать печку для Митиной комнаты.

Въ шесть часовъ съ четвертью Митя уже стоялъ передъ пюпитромъ. Лицо его, обыкновенно кроткое и беззлобное, было сумрачно и сердито. Онъ не смотрѣлъ на отца и машинально исполнялъ всѣ его просьбы.

— Митенька, миленькій! звучалъ въ его ушахъ нѣжно-назойливый голосъ Антона Егорыча,—Митенька, голубчикъ!.. Ужь ты потрудись, потрудись... Послѣ завтра будешь спать много, а нынче и завтра потрудись, душенька!.. Нынче господинъ Онкель пробу сдѣлаетъ, такъ покажи себя...

Митенька съ усиліемъ смотрѣлъ въ ноты, потому что глаза его все хотѣли закрыться. Никогда еще его такъ не тянуло обратно въ постель, подъ теплое одѣяло, какъ въ это утро. Но онъ игралъ. Онъ игралъ для того, чтобъ не слышать отцовскихъ просьбъ. Онъ самъ не зналъ, отчего это, но когда около его уха раздавалось нѣжное и любовное: „Митенька, голубчикъ“!—онъ весь вздрагивалъ, а сердце начинало биться, какъ бьется оно отъ испуга. Онъ игралъ плохо, фальшивилъ, смазывалъ, даже сбивался съ такта, но игралъ не переставая, именно для того, чтобъ не слышать надъ своимъ ухомъ: „Митенька, голубчикъ, миленькій... Господинъ Онкель сказалъ“...

Digitized by Google

Антонъ Егорычъ не пошелъ на должность. Онъ послалъ Ирину съ запиской о томъ, что боленъ. Гдѣ ужь тутъ было думать о должности, когда сегодня репетиція славы фамиліи Спиридоновыхъ. Положимъ, онъ нисколько не сомнѣвался, что Онкель будетъ въ восторгѣ, но онъ не могъ допустить, что послѣдніе шаги къ славѣ будутъ сдѣланы Митей не въ его присутствіи. Митя игралъ вплоть до яичницы. Это кушанье сегодня показалось ему отвратительнымъ. Все, что дѣлало его положеніе исключительнымъ, все, что участвовало въ лишеніи его сна, отдыха, дѣтскихъ игръ, дѣтской свободы, свѣжаго воздуха, солнечнаго свѣта, все вмѣстѣ и Антонъ Егорычъ, и скрипка, и Онкель, и яичница, и молоко,— все казалось ему чуждымъ, враждебнымъ и онъ съ радостью былъ-бы готовъ убѣжать отъ всего этого.

Антонъ Егорычъ закуталъ его и свезъ въ консерваторію, но на этотъ разъ онъ не ушелъ. Онъ выпросилъ у господина Онкеля позволеніе присутствовать въ классѣ при пробѣ.

— Хотя я не имѣйтъ принципъ, чтобъ родитель бывалъ на урокъ, но для Спиридоновъ у меня нѣтъ отказъ!.. сказалъ Онкель.

Но проба была назначена въ одиннадцать. Цѣлый часъ былъ свободнымъ. Въ то время какъ Антонъ Егорычъ занимался бесѣдой съ Онкелемъ о томъ, въ какихъ именно формахъ въ близкомъ будущемъ къ нимъ черезъ Митю придетъ слава, Митя тихонько вышелъ, поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ и очутился въ обширномъ корридорѣ, гдѣ бѣгали, шумѣли, галдѣли и кувыркались его сверстники. Но на этотъ разъ его даже къ игрѣ не тянуло. Онъ сталъ между стѣнками невысокой арки, прислонившись къ одной изъ нихъ и съ необычайно серьезнымъ видомъ, словно это была не игра, а представленіе, смотрѣлъ. Во всемъ тѣлѣ его чувствовалась вялость и дряблость. Ему казалось, что смѣшайся онъ съ толпой играющихъ, его сейчасъ-же собьютъ съ ногъ, придавятъ и потомъ еще осмѣютъ. Шлепки и щипки, которыми

Digitized by Google

дѣти награждали другъ друга, и которые имъ самимъ во время игры даже ие чувствовались, теперь казались ему болѣзненными. Ему думалось, что отъ перваго такого шлепка онъ непремѣнно заплакалъ-бы.

Къ нему подбѣжалъ бѣленькій, чистенькій, хорошенькій мальчуганъ. Это былъ его молчаливый другъ, они любили сидѣть рядомъ въ классѣ, ходить объ руку во время перемѣны, вообще ихъ тянуло другъ къ другу. Эрнестъ Кляйдеръ былъ сынъ органиста католической церкви и самъ готовился быть органистомъ. Это былъ мальчикъ добрый и мягкій, съ ласковыми голубыми глазами, съ милой улыбкой на розовыхъ губахъ. Онъ въ слишкомъ буйныхъ играхъ не принималъ участія. Такъ какъ онъ былъ нѣмецъ, то и Онкель, встрѣчая его на лѣстницѣ, часто гладилъ его по головкѣ, несмотря на то, что Кляйдеръ не былъ скрипачемъ.

— Спиридоновъ! обратился къ Митѣ будущій органистъ:—ты завтра играешь?

— Да, я играю! съ какой-то неуловимой грустью отвѣтилъ Митя.

— А сегодня, значитъ, ты свободенъ?

Митя взглянулъ на него вопросительно. Что значитъ свободенъ? Онъ никогда не бывалъ свободенъ.

— Не знаю! неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе. Сегодня моя сестренка именинница, у насъ будутъ товарищи — вотъ Пиколовъ будетъ, Капустинъ, Кирикъ, Рапидовъ... приходи и ты!.. танцовать будемъ! А?..

— Танцовать? опять столь-же неопредѣленно переспросилъ Митя, и ему представилось это немыслимымъ. Нѣтъ, ему ни за что не позволятъ танцовать, его будутъ душить скрипкой цѣлый день, потомъ цѣлую ночь и потомъ опять цѣлый день...

И вотъ именно въ тотъ моментъ, когда онъ это подумалъ и уже отрицательно покачалъ головой, собираясь сказать, что папенька ему не позволитъ этого, онъ дол-

Digitized by Google

женъ былъ обернуться, потому что его кто-то взялъ за руку.

— Митенька, голубчикъ! тамъ уже господинъ Онкель тебя спрашиваетъ! сказалъ Антонъ Егорычъ. Митя вздрогнулъ и покорно пошелъ за нимъ.

Кляйдеръ степенно подошелъ къ Антону Егорычу.

— Господинъ Спиридоновъ! приведите вашего сына къ намъ сегодня вечеркомъ! у насъ будутъ товарищи, у насъ будетъ весело...

Антонъ Егорычъ улыбнулся вѣжливо и снисходительно.

— Нѣтъ, милый мальчикъ, Митенькѣ нельзя. Онъ завтра играетъ! сказалъ онъ.

Клейдеръ отошелъ. Они пошли внизъ. Въ классѣ Онкеля были исключительно взрослые ученики, была даже одна дѣвица. Митя былъ допущенъ въ этотъ классъ, не смотря на свой возрастъ, въ видѣ исключенія, какъ необычайный талантъ.

— А, а! Паганини! встрѣтилъ Митю Онкель,— онъ часто называлъ его этимъ именемъ:—ну, ну, играй свой нумеръ! Но зачѣмъ ты имѣйтъ такой блѣдный лицо?

— Ему ночью не совсѣмъ здоровилось, господинъ профессоръ! поспѣшилъ объяснить Антонъ Егорычъ.

Онъ никогда не объяснялъ Онкелю, сколько часовъ въ сутки занимается Митя. Эта невинная ложь допускалась имъ въ интересахъ Митиной славы. Очень можетъ быть, что если-бъ Онкель зналъ истину, онъ нѣсколько меньше удивлялся-бы успѣхамъ юнаго Спиридонова.

Митя сыгралъ свой нумеръ. Онъ успѣлъ ободриться и взять себя въ руки, поэтому игралъ твердо и увѣренно. Если-бъ это былъ не 12-лѣтній мальчикъ, всякій сказалъ-бы, что игра его была сухая, безжизненная, заученная, вынужденная. Но тутъ все вниманіе обращалось на то, какъ быстро двигались эти маленькіе пальцы, какъ твердо ударялъ по струнамъ смычокъ, управляемый слабой дѣтской рукой. Никому и въ голову не

Digitized by Google

приходило требовать отъ мальчика души, глубокаго чувства.

— Какой техникъ, какой огромный техникъ для такой мальчикъ! восклицалъ Онкель, съ умиленіемъ и гордостью указывая на Митю своимъ взрослымъ ученикамъ, которые съ его словъ разносили Митину славу по консерваторіи. Въ классъ зашелъ самъ директоръ, послушалъ и покачалъ головой: непостижимо, молъ, какъ можетъ такъ играть мальчикъ.

Всѣ эти похвалы шли мимо Митинаго сердца и попадали прямо въ сердце Антона Егорыча. Когда они спускались внизъ по лѣстницѣ, Антонъ Егорычъ тихонько сказалъ:—видишь, Митенька, голубчикъ, какъ хорошо, что ты меня слушался. Вотъ они какъ поражены!..

Они уже одѣвались. Антонъ Егорычъ закутывалъ Митю, какъ цвѣтокъ, который надо перенести черезъ улицу въ морозный день. Къ нимъ подошелъ Кляйдеръ, который тоже одѣвался.

— Господинъ Спиридоновъ! приведите-же къ намъ сегодня вашего сына! сказалъ бѣлокурый мальчикъ.

Антонъ Егорычъ покраснѣлъ. На этотъ разъ онъ разсердился и даже не захотѣлъ отвѣтить. Онъ вывелъ Митю на улицу, неся его футляръ со скрипкой и они усѣлись въ извозчичьи сани. Кляйдеръ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и подумалъ: „какой у Спиридонова строгій отецъ!“

Когда они пріѣхали домой, Митя привелъ въ восторгъ Антона Егорыча. Едва обогрѣвшись и наскоро пообѣдавъ, онъ самъ открылъ футляръ, взялъ скрипку и началъ играть. Такого добровольнаго рвенія Антонъ Егорычъ давно уже не замѣчалъ въ немъ. Митя игралъ безпрерывно. Если онъ и позволялъ себѣ иногда остановиться для отдыха, то едва открывалась дверь въ его комнату и на порогѣ появлялся Антонъ Егорычъ, онъ какъ-то порывисто сжималъ въ рукѣ смычокъ и игралъ ускореннымъ темпомъ. Митя самъ не понималъ, въ чемъ

Digitized by Google

дѣло. Онъ чувствовалъ только одно: что если надъ его ухомъ раздадутся обычныя слова: „Митенька, миленькій, голубчикъ, надо приналечь, завтра всѣхъ поразить надо“... то у него задрожатъ руки и онъ уронитъ скрипку на полъ. Поэтому онъ игралъ безъ конца, игралъ до изнеможенія, до одуренія, чтобъ только не слышать этихъ словъ и никакихъ другихъ словъ Антона Егорыча.

Но зато, когда наступилъ вечеръ и зажгли свѣчи, Митя неожиданно положилъ скрипку въ футляръ и сказалъ вошедшему Антону Егорычу:

— Я спать хочу, папенька!

— Какъ-же такъ, Митенька? Чайку-бы випилъ, согрѣлся-бы, нельзя-же такъ, такъ вредно!...

— Нѣтъ, я спать буду! заявилъ Митя и, сѣвъ на кровати, сталъ снимать съ себя сапоги. Антонъ Егорычъ подошелъ къ нему и хотѣлъ по обыкновенію помочь ему, но Митя сказалъ:—не нужно, папенька! я самъ!

И онъ дѣйствительно поспѣшно снялъ съ себя все самъ, быстро залѣзъ подъ одѣяло и прибавилъ:—Папенька, погасите свѣчку!

Немного смущенный такимъ необычнымъ пріемомъ, Антонъ Егорычъ, привыкшій раздѣвать Митю и собственноручно укладывать его въ постель, не посмѣлъ однако безпокоить завтрашняго героя своими разспросами. Онъ хотѣлъ поцѣловать его на сонъ грядущій, но Митя завернулся въ одѣяло весь съ головой. Поэтому Антонъ Егорычъ ограничился тѣмъ, что перекрестилъ его и сказалъ.

— Ну, спи себѣ, спи, голубчикъ! а самъ подумалъ, что въ Митенькѣ начинаетъ уже проявляться капризная натура будущаго великаго артиста. Онъ поставилъ стулъ со свѣчей около кровати, положилъ на стулъ коробку спичекъ, загасилъ свѣчу и вышелъ на цыпочкахъ, осторожно притворивъ дверь.

Митя долго лежалъ неподвижно, весь закутанный въ одѣяло. Онъ чувствовалъ, что члены его какъ-то онѣ-

Digitized by Google

мѣли, нервы притупились, въ головѣ никакихъ мыслей, въ груди никакихъ желаній. Только неопредѣленный гулъ въ ушахъ, непрерывный и назойливый. Но по мѣрѣ того, какъ тѣло его проникалось теплотой, онъ приходилъ въ себя. Ему сдѣлалось душно, онъ открылъ голову. Въ сосѣдней комнатѣ еще не спятъ. Сестренокъ укладываютъ въ постель. Онѣ визжатъ, а Антонъ Егорычъ останавливаетъ ихъ:—„тсс... тише! Митеньку разбудите!...“ Митя вздрагиваетъ отъ этихъ словъ, отъ этого голоса. Ему представляется въ темнотѣ, что вотъ сейчасъ осторожно откроется дверь, войдетъ на цыпочкахъ отецъ и скажетъ нѣжнымъ голосомъ: „Митенька, отдохнулъ, голубчикъ? Ну, теперь, миленькій, встань да поиграй, попиликай... Потому завтра всѣхъ поразить надо!“ И онъ ужасается этихъ словъ и пугливо прячетъ голову подъ одѣяло. Завтра! О, это проклятое завтра! Никому изъ его сверстниковъ не предстоитъ этого „завтра“. Играютъ и поютъ все взрослые. Онъ одинъ только въ качествѣ необычайнаго чуда выступаетъ на публичномъ вечерѣ. Не будь этого „завтра“, онъ игралъ-бы утромъ съ мальчуганами, прыгалъ-бы, кувыркался, смѣялся. Онъ веселился-бы теперь на вечерѣ у Кляйдера, гдѣ такъ много огней, радушія, сіяющихъ лицъ, веселаго шума. И ему представляется этотъ вечеръ. Бѣлокурая сестренка Кляйдера, именинница, въ бѣломъ платьицѣ. Много другихъ дѣвочекъ и мальчиковъ играютъ, болтаютъ, танцуютъ. Никто изъ нихъ не думаетъ о томъ, что нужно гдѣ-то отличиться, кого-то поразить... Завтра! Онъ выйдетъ на эстраду блѣдный, усталый, съ ноющей болью въ груди, о которой никто не знаетъ и до которой никому нѣтъ дѣла. Но если онъ отличится, тогда будетъ еще хуже. Начнутъ таскать его по вечерамъ, концертамъ, возить по разнымъ городамъ,—вѣдь отецъ говорилъ это, онъ мечтаетъ объ этомъ. Тогда ужь ему нельзя будетъ оторваться отъ скрипки.

При мысли о скрипкѣ имъ овладѣваютъ ненависть

Digitized by Google

и отвращеніе. Она, эта скрипка, отняла у него все, чему радуются другія дѣти. Прежде онъ любилъ ее, но она его замучила и стала противна ему. Невыразимое счастье онъ ощущаетъ при мысли, что ее можно разбить въ дребезги, изрѣзать на кусочки, выбросить въ помойную яму. Онъ широко раскрываетъ глаза и пристально смотритъ, повернувъ лицо въ ту сторону, гдѣ лежитъ скрипка. Въ комнатѣ совершенно темно, какъ и въ сосѣдней, гдѣ всѣ уже легли спать. Но это ничего, онъ видитъ ее, эту ужасную скрипку, которая теперь кажется ему живымъ существомъ, злымъ, задавшимся цѣлью жить, для того чтобъ замучить его еще маленькимъ, не давъ ему вырости и сдѣлаться взрослымъ и сильнымъ человѣкомъ. Да, онъ видитъ ее во всѣхъ подробностяхъ, и если-бы можно было представить себѣ въ милліонъ разъ большую темноту, все равно—онъ не переталъ-бы видѣть ее. Ея очертанія слишкомъ ярко запечатлѣлись въ его душѣ, потому что во всѣ минуты, когда онъ не спалъ и не ѣлъ, онъ былъ съ нею, она торчала въ его рукахъ и раздирала его сердце своимъ назойливымъ однообразнымъ пискомъ. И это будетъ всю жизнь, потому что онъ осужденъ на это.

Митя задремалъ. Въ тяжеломъ снѣ видѣлись ему нелѣпыя картины. То ему казалось, что огромная, невѣроятныхъ размѣровъ скрипка съ головой тигра надвигалась на него и, раскрывъ свою чудовищную пасть, хотѣла проглотить его. То представлялась его собственная скрипка, та, что лежала въ футлярѣ, но теперь она уже не лежитъ въ футлярѣ, а приросла къ его груди, и напрасно онъ изо всей силы старается оторвать ее,—она сдѣлалась частью его тѣла, какъ рука, нога, голова. А Антонъ Егорычъ суетъ ему въ руку смычокъ и шепчетъ ему на ухо: „пиликай, Митенька, пиликай, голубчикъ, теперь уже она приросла къ тебѣ, ничего не подѣлаешь“! И хочется ему принять участіе въ игрѣ и танцахъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые въ свѣтлыхъ праздничныхъ платьяхъ весело суетятся въ ярко освѣщенной комнатѣ,

Digitized by Google

но это невозможно, потому что къ нему приросла скрипка. Но вотъ Антонъ Егорычъ выводитъ его на эстраду. Залъ полонъ публики, шикарныя дамы, важные мужчины, вотъ и старенькій князь сидитъ въ первомъ ряду и разсматриваетъ его въ стеклышко. Все замерло въ ожиданіи его игры. Антонъ Егорычъ стоитъ за его спиной и шепчетъ на ухо: „играй, Митенька, да такъ, чтобы всѣхъ поразить, тогда и слава будетъ, и деньги будутъ“! Нѣтъ, онъ не хочетъ играть, онъ не хочетъ ни славы, ни денегъ, онъ хочетъ свободы—жить, какъ живутъ другія дѣти, играть, прыгать, смѣяться... „Играй“! шепчетъ Антонъ Егорычъ: — „Миленькій, голубчикъ, играй“!—Нѣтъ, не хочу! не хочу! Вотъ вамъ! Митя схватываетъ обѣими руками приросшую къ его груди скрипку, собираетъ всѣ силы и съ крикомъ отрываетъ ее вмѣстѣ съ кускомъ тѣла. Кровь струится изъ его груди цѣлымъ потокомъ, публика и самъ князь неистово апплодируютъ ему и кричатъ: „браво, браво“! А больше всѣхъ апплодируетъ самъ Антонъ Егорычъ, сіяющій, довольный. Тутъ выступаетъ на сцену Онкель и кричитъ: „это я сдѣлай его такой великолѣпный музыкантъ! Его слава—мой слава“! — „Нѣтъ, отвѣчаетъ Антонъ Егорычъ, — его слава — моя слава! Моя, моя, моя“. Они начинаютъ спорить, потомъ драться, и никто не замѣчаетъ, какъ онъ въ это время истекаетъ кровью и умираетъ...

Митя просыпается въ ужасѣ и хватается за грудь, которая въ самомъ дѣлѣ болитъ нестерпимо. Уже свѣтаетъ, въ комнатѣ онъ слабо различаетъ предметы. Первое, что бросается ему въ глаза — его скрипка, которая выглядываетъ изъ раскрытаго футляра; первая мысль, что приходитъ ему въ голову, это сегодняшній публичный вечеръ. Успѣхъ, общее удивленіе, приглашенія, вечера, концерты, а дома вѣчное пиликанье, вѣчное надсаживанье груди, до изступленія, до потери силъ. И чѣмъ больше будетъ рости его успѣхъ, тѣмъ надоѣдливѣе, неотступнѣе будутъ нѣжныя просьбы Антона Егорыча:

Digitized by Google

„Митенька, голубчикъ, поиграй экзерсисъ двадцать третій. Господинъ Онкель сказалъ“...

И вдругъ на него нашло отчаянье. Жизнь показалась ему узкой и темной тюрьмой, изъ которой его выводятъ лишь для того, чтобы показать публикѣ, какіе онъ сдѣлалъ успѣхи, и потомъ опять сажаютъ въ тюрьму. Скрипка это орудіе пытки, Антонъ Егорычъ и Онкель—это—тюремщики, палачи, которые слѣдятъ за каждымъ его дыханіемъ. Онъ поворачиваетъ голову къ двери и съ замираніемъ сердца прислушивается. Бьетъ семь часовъ, сейчасъ *онъ* встанетъ, принесетъ молоко и скажетъ: „Митенька, поиграй, приналягъ, голубчикъ, сегодня публичный вечеръ“... Слышенъ трескъ зажигаемой спички, шорохъ туфлей... Тюремщикъ идетъ... Онъ вышелъ, должно быть, въ кухню за молокомъ. Черезъ полчаса явится сюда, и опять скрипка, опять пиликанье, безъ отдыха, безъ конца, вѣчное, однообразное, скучное пиликанье, ради какой-то славы...

Митя встаетъ, прижавъ зубами до крови нижнюю губу. „Постой-же, папенька, постой, я тебѣ устрою славу“... Онъ блѣденъ, какъ простыня его кровати, глаза его, полные слезъ, блуждаютъ, его худенькое тѣло бьетъ лихорадка. Въ головѣ его одна мысль: „надо спѣшить. Черезъ полчаса войдетъ тюремщикъ“... И онъ спѣшитъ. Дрожащей рукой схватываетъ онъ свой кожанный поясъ и прикрѣпляетъ одинъ конецъ его къ крюку, на которомъ виситъ полотенце. Потомъ онъ дѣлаетъ петлю и на секунду останавливается. Онъ крестится, крестится крѣпко и усердно. Крупныя слезы неудержимо текутъ по его щекамъ. Ему страшно жаль чего-то, что-то манитъ его къ себѣ: не мать-ли это, не сестренки-ли? Но сейчасъ придетъ тюремщикъ, нельзя терять ни одной секунды. Онъ опять крестится, закрываетъ глаза и набрасываетъ петлю на шею.

Въ тотъ-же день, въ десять часовъ утра, въ консерваторію прибѣжала женщина съ растрепанными воло-

Digitized by Google

сами, въ одномъ легкомъ платьѣ, несмотря на то, что былъ морозъ. Она плакала, кричала, ломала руки, но ничего не могла объяснить. Ее повели къ директору, который усадилъ ее въ кресло и сказалъ:

— Успокойтесь, сударыня, и объясните въ чемъ дѣло. Мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы облегчить вашу участь!..

Но директору стало самому стыдно за эти любезно и участливо сказанныя слова, когда ему, наконецъ, удалось узнать, что передъ нимъ стоитъ мать Мити Спиридонова и что надежда и будущая слава консерваторіи повѣсился въ своей комнатѣ на ременномъ поясѣ, а отецъ его, Антонъ Егорычъ Спиридоновъ, этотъ почтенный старикъ, котораго такъ часто видѣли любовно ведущимъ сына за руку, помѣшался, ничего не хочетъ ни слышать, ни видѣть, а все только прижимаетъ къ груди Митину скрипку, цѣлуетъ ее и говоритъ: „это мой сынъ, мой сынъ! Это моя слава“! Когда позвали Онкеля и сказали ему объ этомъ, онъ зашатался и грузно упалъ въ кресло. Съ нимъ едва не сдѣлался ударъ. Онъ тоже потерялъ одинъ большой шансъ къ славѣ.

Черезъ полчаса консерваторія была въ ужасѣ. Страшное извѣстіе передавалось изъ устъ въ уста. Дамы плакали, многія изъ нихъ падали въ обморокъ, въ истерику.

На другой день вся консерваторія была на похоронахъ Мити Спиридонова. Мальчики несли его гробикъ. Тутъ была убитая ужаснымъ горемъ мать его и сестренки. Не было только Антона Егорыча. Его пришлось отправить въ больницу, потому что онъ началъ прыгать и кощунствовать около Митина гроба.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Digitized by Google

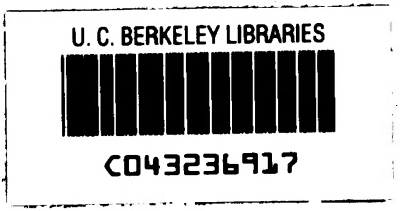
Digitized by Google

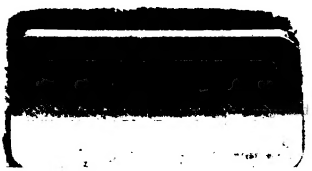
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

YB 569





Digitized by Google

Digitized by Google